

Е.М. П Р И М А К О В

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в 10-ти томах

Торгово-промышленная палата
Российской Федерации

Издание собрания сочинений Е.М. Примакова осуществлено при поддержке следующих лиц и организаций:

- Публичное акционерное общество «Сбербанк России»,
Президент-Председатель Правления — Греф Герман Оскарович;
- Усманов Алишер Бурханович — основатель Благотворительного фонда «Искусство, наука и спорт»;
- «Уральская горно-металлургическая компания», генеральный директор — Козицын Андрей Анатольевич;
- Публичное акционерное общество «Трубная Metallургическая Компания», председатель Совета директоров — Пумпянский Дмитрий Александрович;
- Акционерное общество «ЕВРОЦЕМЕНТ групп», президент — Скороход Михаил Анатольевич;
- Акционерное общество «Негосударственный Пенсионный Фонд “Торгово-промышленный пенсионный фонд”», президент фонда — Рошак Александр Валерьевич;
- Открытое акционерное общество «РТИ», генеральный директор — Боев Сергей Федотович;
- Открытое акционерное общество «Центр международной торговли», генеральный директор — Страшко Владимир Петрович;
- Закрытое акционерное общество «Экспоцентр», генеральный директор — Беднов Сергей Сергеевич.

Редакционный совет:

В.И. Матвиенко, сопредседатель

С.Е. Нарышкин, сопредседатель

С.Н. Катyrин, заместитель сопредседателей

Члены совета:

В.П. Андросов

Р.С. Гринберг

А.А. Дынкин

С.В. Лавров

В.А. Садовничий

В.Е. Форттов

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
в 10-ти томах

Том 5
КОНФИДЕНЦИАЛЬНО:
БЛИЖНИЙ ВОСТОК
НА СЦЕНЕ
И ЗА КУЛИСАМИ

Москва
2016

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

П76

Рабочая группа

(составление, введение, предисловия, комментарии, указатели,
биобиблиографические материалы):

А.М. Рыбаков (руководитель)

Г.А. Бордюгов

В.Л. Малькевич

И.Л. Митрофанов

И.Б. Примакова

А.И. Шкирандо

Научно-вспомогательная работа выполнена
в Научно-исследовательском центре Ассоциации исследователей
российского общества (НИЦ АИРО-XXI).

Отв. за подготовку тома – *Т.А. Филиппова*

Художественное оформление, дизайн – *С.П. Щербина*

Примаков Е.М.

П76 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Том 5: Конфиденциально:
Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – на-
чало XXI века). – М.: Издательство ТПП РФ; Издательство «Россий-
ская газета», 2016. – 608 с. – ISBN 978-5-91022-320-6.

В книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за ку-
лисами (вторая половина XX — начало XXI века)», включенной в
данный том, автор характеризует основные политические процессы,
которые меняли лицо ближневосточного региона во второй поло-
вине XX – начале XXI века, а также описывает и анализирует ряд
исторических эпизодов и значительных событий, в которых ему до-
велось выступить не только свидетелем, но и участником.

УДК 35.08:005.96

ББК 66.033.141.3

© Примакова И.Б., 2016

© ТПП РФ, 2016

© ЗАО Издательство «Российская газета», 2016

© Рабочая группа проекта, 2016

ISBN 978-5-91022-320-6

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	14
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	18
Глава I	
НАСЕР: ФЕНОМЕН АРАБСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО НАЦИОНАЛИЗМА	21
I. Конец старых режимов: единое в различиях	22
II. Главная сила – армия: плюсы и минусы	24
III. Несовместимость с исламистами	27
IV. Лозунг «арабского социализма» – что за этим понятием?	32
V. Насер приглашает в Каир профессора Либермана.....	36
VI. Генетика «ближневосточного террора»	38
VII. Рост антизападных настроений, но расположение к США.....	45
Глава II	
НЕУДАВШИЙСЯ ШАНС СНЯТЬ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ	51
I. Как все начиналось	51
II. Секретные контакты Насера с Моше Шаретом	54
III. Контрудар: спецоперация «Сусанна»	57
Глава III	
НЕИЗБЕЖНОСТЬ КОНФРОНТАЦИИ С ЗАПАДОМ	
I. Раздражитель: военные блоки	62
II. Критерий: кто даст оружие и поможет построить плотину.....	65
III. Начало открытого противоборства.....	70

Глава IV

**ПРИМАТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ
НАД АРАБСКИМ ЕДИНСТВОМ**

- I. Лозунги и реальная действительность.....78
- II. Подоплека создания Объединенной
Арабской Республики 81
- III. Несработавший механизм объединения..... 89
- IV. Разные подходы внешних сил, или как Азиз
и Хаддам оказались в Москве92

Глава V

**СССР И АРАБСКИЙ МИР: НЕПРОСТОЙ ПУТЬ
К СБЛИЖЕНИЮ**

- I. Препятствие – антикоммунизм96
- II. Шепилов и разворот в сторону насеровского Египта ... 101
- III. Миссия Микояна: Касем – альтернатива Насеру?.....106
- IV. Прорыв в отношениях с сирийской «Баас»112

Глава VI

ОТСУТСТВИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

- I. Суданская компартия против Нимейри:
к чему это привело117
- II. Южный Йемен: разрушительный
левацкий уклон..... 124

Глава VII

НА ПЕРЕДНИЙ ПЛАН ВЫХОДЯТ США 132

- I. Доктрина Эйзенхауэра: конец флирта с арабским
национализмом 133
- II. США и радикальный исламизм..... 136
- III. Йемен: неудавшаяся попытка контратаковать 139

Глава VIII

**НАЧАЛО И КОНЕЦ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ:
ЧТО ЗА КАДРОМ 150**

- I. Сокрушительный крах: почему не состоялась
отставка Насера151
- II. Маршал Гречко о египетской армии: Насер блефует... 154

III. СССР и США опасаются столкновения	164
IV. У Косыгина нет полномочий, а арабов захлестывают эмоции	168
V. Поражение египетской военной буржуазии, или как Насер защитил советских журналистов	173
Глава IX	
НИКСОН И КАРТЕР: НОВОЕ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ТАКТИКЕ	
I. Дискуссия в США вокруг ближневосточного курса	178
II. Акцент на экономику	182
III. Многообещающие контакты с Садатом	184
IV. Мое сообщение в Москву – не все довольны.....	189
V. В «игру» вступает Киссинджер	194
Глава X	
ВОЙНА 1973 ГОДА: ТАЙНЫЕ ПРУЖИНЫ	
I. Садат проговаривается	200
II. Асад ставит точки над «i»	207
III. Задачи, решаемые Киссинджером.....	210
IV. СССР и США в тисках арабо-израильского кризиса	213
V. Два подхода к Женевской конференции.....	218
VI. «Частичные», или «промежуточные» меры.....	222
Глава XI	
КАК ДЕЛАЛСЯ ЕГИПЕТСКО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ДОГОВОР	
I. Секретные поездки Даяна.....	229
II. Садат: вариант «края света» – кнессет	233
III. Палестинцы за бортом.....	236
Глава XII	
ЛИВАН В ЭПИЦЕНТРЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ	
I. Многослойная страна	241
II. За вводом сирийских войск стояли США	247
III. Полковник ливанской армии: «Вертолет поведу я сам».....	251

IV. Надежды не сбываются	255	
V. Сирия меняет фронт.....	258	
VI. Война Израиля в Ливане в 1982 году.....	268	
VII. Убийство Харири – пик сирийско-ливанской напряженности.....	275	
VIII. Война Израиля в Ливане – 2006 год.....	278	
Глава XIII		
СНОВА УЖЕСТОЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ		
I. Ливия в качестве демонстрационной мишени	281	
II. «План Рейгана» – мина под решения в Фесе.....	286	
III. США сжимают Израиль в «объятиях»	290	
Глава XIV		
ФЕНОМЕН АРАФАТА		
I. Личность палестинского лидера.....	296	
II. Отстраненность от межарабских дел	301	
III. Сражение у Караме – поворотный пункт в отношениях с Насером	305	
IV. Две встречи с Абу Амаром – до и после «черного сентября».....	308	
V. Не пренебрегать политикой	314	
VI. Напряженность с Сирией: послание Андропова	322	
VII. «Мир палестинцам и израильтянам в равной степени»	330	
VIII. Объективность против «кривых зеркал»	333	
Глава XV		
СССР И ИЗРАИЛЬ		339
I. Сначала идеология, но затем политика	340	
II. «Карта» реабилитации врачей сыграна Берией.....	343	
III. Истинная причина второго разрыва дипломатических отношений.....	347	
IV. «Особая папка» ЦК о конфиденциальных контактах с израильским руководством.....	350	
V. Встречи с Эбаном, Меир и Даяном	355	

VI. Контакт в Вене: попытка заинтересовать Израиль в советском посредничестве	365
VII. Сложности с продолжением контактов.....	369
VIII. Новое израильское руководство: импульс с двух сторон к возобновлению встреч	376
IX. Снова в Израиль – беседы с Рабином, Аллоном, Пересом.....	378
X. Снова в Израиль – встреча с Бегинном.....	387
XI. Официальные встречи: Нетаньяху как переговорщик.....	393
Глава XVI	
ФЕНОМЕН САДДАМА ХУСЕЙНА	399
I. СССР: ставка на «раннего» Саддама.....	400
II. США помогают «позднему» Саддаму	413
III. Психология, навешанная американской политикой.....	416
IV. Фиаско и финал.....	424
Глава XVII	
ИРАКСКАЯ ЗАПАДНЯ	429
I. Провал с мотивировкой	430
II. Результаты операции	433
III. Политические и военные тупики	436
IV. Как выйти из ситуации в Ираке?	437
Глава XVIII	
КУРДСКАЯ ЭПОПЕЯ	
I. Кто он – Мулла Мустафа Барзани?.....	442
II. Соглашение достигнуто, торжество, но что дальше?	448
III. Саддам против Барзани – неудавшееся покушение ...	453
IV. Будущее Курдистана неоднозначно	457
Глава XIX	
Иран – РЕГИОНАЛЬНАЯ ЯДЕРНАЯ ДЕРЖАВА?	463
I. Иранская ядерная проблема: два пути выхода	464
II. Попытка давления на Россию	466

Глава XX

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ЯДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО –

ИЗРАИЛЬ472

I. Кто способствовал созданию израильской бомбы..... 473

II. Президент Джонсон: донесение ЦРУ
не показывать никому 477

III. Борьба за монополию – атака на Ирак479

IV. А теперь в прицеле Иран481

V. Израиль и «Ирангейт» 482

Глава XXI

«АРАБСКАЯ ВЕСНА»

I. Эксперты просчитались487

II. США: от оцепенения к активности..... 490

III. Ливия: опять «демонстрационная мишень» 496

IV. Влияние «арабской весны» на остальной мир 500

V. Последствия «арабской весны» 504

Глава XXII

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ:

УТРАЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ507

I. Монополизация Соединенными Штатами
посредничества в урегулировании..... 508

II. Палестинский фактор 514

III. Израиль: ставка на статус-кво 519

IV. Против раздела мира по религиозному признаку 521

ПРИЛОЖЕНИЯ525

Примечания.....527

Именной комментарий 551

Именной указатель 588

Географический указатель.....596

Список сокращений 604

*Моему внуку Евгению Примакову-младшему
(Евгению Сандро), вступившему
на нелегкий «ближневосточный путь»,
посвящается эта книга*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Оба издания книги «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)», вышедшие пятнадцатитысячным тиражом в издательстве «Российская газета» в 2006 и 2012 годах, быстро разошлись в читательской среде, заслуженно став бестселлером актуальной востоковедческой тематики. Автор посвятил свою работу внуку, Евгению Примакому-младшему (Евгению Сандро), журналисту-востоковеду. И это говорит не только о преемственности профессии и призвания в семье Евгения Максимовича. За этим посланием – актуальность и востребованность ближневосточного опыта автора для сегодняшнего поколения российских государственных деятелей, журналистов, политиков-практиков и экспертов, от компетентности которых напрямую зависит и успех внешней политики России в регионе, и – во многом – стабильность на всем Ближнем Востоке.

Настоящая публикация базируется на тексте второго, прижизненного издания 2012 года, в котором повествование – по сравнению с первым изданием 2006 года – расширено за счет описания событий 2007–2011 годов, и, прежде всего, главного явления тогдашнего пятилетия – «арабской весны», а также анализа перспектив ядерного статуса таких государств региона, как Иран и Израиль (главы XVIII–XXI). По сравнению со вторым изданием нынешняя публикация снабжена значительным научно-информационным аппаратом. Он позволяет во всем объеме оценить широту контактов Евгения Максимовича

в среде государственных деятелей, политиков, представителей военной и культурной элиты стран региона, доверительность его отношений со многими из них, степень его информированности, авторитетности и влияния в кругу ведущих арабских и израильских decision-makers. Пространные именные комментарии к данному тому вводят читателя в этот особый круг, позволяя оценить динамику политических позиций и личных судеб тех или иных политиков Запада и Востока, СССР и России, начиная с конца Второй мировой войны и до сегодняшних дней.

Самый важный аспект новизны и значения данного издания состоит в нынешнем взгляде на Ближний Восток. Эффект от прочтения книги «здесь и сейчас» не может не поразить читателя. Война в Сирии, небывалый в истории поток беженцев с Ближнего Восток в Европу, участие международной коалиции в борьбе с «Исламским государством» (организацией, деятельность которой запрещена в России и признана террористической), военная операция России в Сирии, напряженный диалог между Россией и западными странами по поводу характера, масштаба и форм участия в урегулировании очередного ближневосточного конфликта, наконец, обострение нефтяной проблематики и ее влияния на состояние мировой экономики – все это заставляет нас по-новому взглянуть на многие эпизоды, описанные и проанализированные автором книги.

«Еще недавно мир был разделен по идеологическому принципу. Человечество смогло с этим справиться. Раздел мира по религиозно-цивилизационному принципу – новая, я бы сказал, не менее серьезная угроза. Человечество должно найти в себе силы, чтобы одолеть и ее», – так формулирует Е.М. Примаков свой главный вывод. И всем своим повествованием подтверждает ценность уроков, выстраданных народами региона, уроков, актуальность которых лишь возрастает со временем. Не-

допустимость политизации религии и чувств верующих; вред «простых» силовых решений и ценность переговорного процесса; опасность «экспорта» западных моделей развития, чреватых ответной реакцией и обрушением традиционных обществ в архаику; необходимость для России выстроить последовательную политику в регионе с учетом российских национальных интересов – все эти уроки и принципы, сформулированные автором, с особой остротой воспринимаются именно сейчас. И ждут своего нового прочтения и усвоения. Ибо, как говорят на Востоке, *для каждого сказанного слова есть слышащее ухо.*

Книга «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века)» повторяет оригинальное сочинение Е.М. Примакова в полном объеме. Ссылки и пояснения, которые дает автор, помечены звездочками и даются в конце страницы. В Приложении к тому даются подготовленные Рабочей группой проекта Примечания, Именной комментарий, Именной и Географический указатели, Список сокращений.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание книга увидела свет в 2006 году и сравнительно быстро разошлась. Второе, переработанное и значительно дополненное издание, выходит под тем же заголовком: «Ближний Восток на сцене и за кулисами»*. Думаю, что обновление старой было предпочтительнее подготовки новой книги, когда первого издания уже нет на полках книжных магазинов, а в арабском мире произошли и на наших глазах происходят важные сдвиги, анализ которых будет неполным без рассмотрения исторических событий в этом регионе, начиная со второй половины XX века. В начале 2011 года волна массовых демонстраций захлестнула Тунис, Египет, Йемен, Ливию, Бахрейн, Сирию. В Тунисе и Египте революционный взрыв привел к смене господствующей верхушки. В Ливии режим был свергнут с прямым участием НАТО. Какие последствия этого произойдут в ближневосточных странах, покажет время. Но одно уже ясно сегодня: «арабская весна» повлияет на развитие арабского мира. Характерно, что ряд демонстрантов в арабских странах несли портреты Гамала Абдель Насера. Конечно, было бы наивно предполагать, что эти страны разворачиваются в насеровское прошлое. Однако постколониальный период в Египте, Сирии, Ираке, Алжире, Тунисе, Ливии, где к власти пришли деятели революционно-националистического толка, расположенные к проведению социальных реформ, при всех своих противоречивых

* В этой книге к региону Ближнего Востока отнесены арабский мир, в том числе и арабские страны Северной Африки, а также Израиль.

проявлениях не может кануть в Лету. Россия исторически играла большую роль на Ближнем Востоке. Во второй половине XX века отношения с Советским Союзом стали важным фактором развития многих арабских стран. Конечно, были и недооценки или переоценки с нашей стороны тех или иных процессов и явлений в арабском мире. Ближневосточному курсу, очевидно, был придан излишний идеологический акцент, но в целом советская политика на Ближнем Востоке способствовала прогрессу этого региона. Ближний Восток стал яблоком раздора между СССР и США во время холодной войны. Пожалуй, нигде так не сталкивались интересы двух супердержав.

Масла в огонь подливал арабо-израильский конфликт, периодически перераставший в кризисную стадию. В таких условиях повышалось значение отношений Советского Союза не только с арабскими странами, но и с Израилем. В книге раскрываются ранее неизвестные эпизоды советской политики на израильском направлении. События на Ближнем Востоке и в Северной Африке, начавшиеся в 2011 году¹, порождают необходимость новых измерений ситуации в регионе и новых к нему подходов. Это неизбежно отразится и на перспективах мирного решения ближневосточного конфликта.

События в арабском мире могут затруднить поиски путей урегулирования.

Во всяком случае, необходим импульс для активизации попыток решить этот застарелый конфликт, последствия которого, как метастазы при раковой болезни, отравляют международные отношения, в том числе далеко за пределами Ближнего Востока. Ближним Востоком занимаюсь более полувека как журналист, ученый и политик: корреспондент газеты «Правда», заместитель директора, а через некоторое время директор исследовательских Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР (ИМЭМО), Института востоковедения Академии наук СССР, руководитель

Службы внешней разведки, министр иностранных дел, Председатель Правительства Российской Федерации, депутат Государственной Думы России, руководитель Центра ситуационного анализа Российской академии наук.

На моих глазах на Ближнем Востоке протекали события, о многих из которых распространились кривотолки. А о некоторых либо не знают, либо забыли. Между тем эти события сыграли большую роль в становлении региона таким, какой он есть сегодня – разнокалиберный, разномастный, сложный, угрожающе строптивый, подчас наивный и многократно обманутый. Без выявления особенностей арабского национализма, истинной сути основных фигур на ближневосточном политическом поле, без рассмотрения не только революционных изменений, направленных против колониальных и зависимых режимов во второй половине XX века, но и прокатившейся по арабскому миру весной 2011 года революционной волны уже против «своих» правителей – авторитарных и коррумпированных, без критического анализа политики внешних по отношению к арабскому миру сил и государств, влияния на него конфликта с Израилем можно прийти к ошибочному пониманию того, что представляет собой столь важный для мировой политики и экономики регион сегодня, и, еще хуже, ассоциировать Ближний Восток с исламской угрозой, нависшей над «цивилизованной» частью человечества.

Эта книга не хронологическое изложение событий в арабских странах, не систематическое описание их истории со второй половины XX века. Она посвящена характеристике основных процессов, которые развивались в арабском мире, и описанию отдельных исторических эпизодов, которые мне довелось не только наблюдать, но и в некоторых принимать участие. Эта книга не могла бы увидеть свет без кропотливой технической работы моего помощника Дмитрия Вячеславовича Шиманского.

Глава I

НАСЕР: ФЕНОМЕН АРАБСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО НАЦИОНАЛИЗМА

В середине XX века рухнула колониальная система. На карте появились новые государства. Ненадолго пережили крах колониальной системы и те режимы, которые существовали ранее в псевдосуверенных ближневосточных государствах, например в Египте. Между тем и во многих освободившихся от колониальной зависимости странах неустойчивость пришедших к власти руководителей была более чем очевидной – они продолжали сменять друг друга. Дольше других был у власти Гамаль Абдель Насер.

Пожалуй, в Египте четче, чем в других постколониальных арабских странах, проявились черты арабского революционного национализма со всеми его характерными особенностями: безудержным стремлением к ликвидации остаточных военных и экономических позиций колониальных держав, отсутствием генетических привязанностей к исламу и терроризму, приверженностью идеям социального прогресса мелкобуржуазно-социалистического характера, антикоммунистическим настроением во внутренней политике, прагматизмом во внешней политике, проявившимся в зигзагообразном развитии отношений с США и неоднозначном сотрудничестве с СССР, эмоционально негативным подходом к Израилю, с постоянным ощущением занесенного над головой израильского дамоклова меча. Мировоззренческий феномен

арабского революционного национализма создал целый этап арабской истории. Главным героем этого этапа был Гамаль Абдель Насер.

I. Конец старых режимов: единое в различиях

При многих общих чертах арабские страны – разные, и по-разному происходил в них переход власти к постколониальным руководителям. В Ираке труп зверски убитого премьер-министра Нури Саида часами волокли по багдадским улицам. А офицер восставшей иракской армии отрезал палец трупа и привез его в Египет, думая, что это будет лучшим подарком для Гамалия Абдель Насера. Подполковник Насер, глава «Свободных офицеров», пришедших к власти в Египте в результате свержения короля Фарука, был шокирован таким преподношением. Фарук в 1952 году был выдворен «Свободными офицерами»² из Египта и спокойно на своей яхте уплыл в Италию, где провел в развратных пирушках и казино долгие годы вплоть до своей естественной смерти. Иная участь постигла не только Нури Саида, но и молодого иракского короля Фейсала – он был убит восставшими, на которых не произвело никакого впечатления, что король принадлежал к династии Хашимитов³, прямых потомков пророка Мухаммеда. В результате вооруженной борьбы народов Туниса и Алжира колониальные власти покинули эти страны. Монархические режимы были свергнуты в Ливии и Йемене, прозападные правители – в Сирии и Судане.

Все это произошло не одновременно, а растянулось во времени. Но главное в том, что все это произошло

и арабский мир в целом обрел суверенитет. Влияние Запада на политику отдельных арабских стран сохранилось, но изменились формы такого влияния, да и его результативность стала весьма неравномерной. Несмотря на несомненные различия катаклизмов в арабском мире в середине XX века, в них было и нечто общее. Прежде всего, все смены колониальных и полуколониальных режимов произошли в результате того, что сложилась ситуация, при которой прежние правители не могли больше удерживаться у власти. Безусловно, сыграла свою роль внешняя обстановка – изменение соотношения сил в мире после разгрома во Второй мировой войне гитлеровской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, превращение, наряду с Соединенными Штатами, в сверхдержаву Советского Союза, торжество национально-освободительного движения в Китае и ряде других регионов, повсеместное крушение колониальных методов управления. Но основу для радикальных перемен в ряде арабских стран создали внутренние процессы.

Не выдерживают никакой критики расхожие домыслы, что приход к власти антиколониальных сил был осуществлен при помощи Москвы. В наибольшей степени такие утверждения имели место в связи с крушением монархии и провозглашением республики в Ираке 14 июля 1958 года⁴. Они усиленно распространялись западными средствами массовой информации и рядом неудачливых западных политиков, но дипломаты, находившиеся на месте, как правило, не заблуждались по поводу происхождения и сути событий в Ираке.

Английский посол в Багдаде Майкл Райт через десять дней после свержения монархии докладывал в Форин офис, что, подобно ситуации в Египте, где группа офицеров во главе с Насером свергла короля Фарука, переворот в Ираке был вызван растущим недовольством политикой и действиями короля Фейсала и его подручного премьер-министра Нури Саида. Еще в 1954 году другой английский посол в Багдаде, Джон Траутбек, предупреждал

Лондон в своей шифротелеграмме о растущем в Ираке «негодовании по поводу коррупции и жадности правящих групп, трудных условиях жизни бедноты, отсутствии возможностей у молодежи для успешной карьеры после получения образования и увеличении год от года идеологического вакуума по причине уменьшения влияния ислама». Английский посол прямо указал на то, что политика Нури Саида и правящей династии, вызывающая такое отторжение, отождествляется с действиями Великобритании. Американский посол в Багдаде Уильям Галлман, в свою очередь, пришел к выводу, что «переворот не был делом рук Москвы».

Советский Союз, в конце концов, не оставался в стороне ни от событий в Египте, ни от событий в Ираке или Сирии. Он сам или чаще с ним устанавливали связи новые руководители арабских государств уже после революционных переворотов. Но эти руководители приходили к власти не в результате заговоров, организованных Москвой, а из-за полного провала многолетней политики Великобритании и Франции, осуществляемой непосредственно или через продажных, коррумпированных представителей из арабской среды.

II. Главная сила – армия: плюсы и минусы

Решающую роль в смене колониальных и полуколониальных режимов в большинстве арабских стран сыграли армии. Это произошло потому, что армия оказалась наиболее организованной силой в условиях, когда не было по-настоящему дееспособных или последовательно оппозиционных партий. Одну из политических сил при королевском режиме в Египте представляла собой партия

«Вафд» («Делегация»)⁵. Она была большой, влиятельной, и, пожалуй, в этом отношении с ней не сравнима ни одна другая политическая партия, образованная в арабских странах в колониальный период. «Вафд» иногда становилась в оппозицию ко двору, но ее лидеры погрязли в политиканстве, соглашательстве, замкнувшись на интересах крупных землевладельцев и части обуржуазившихся феодалов. Вначале армия лишь свергала ненавистный режим – она не обладала ни опытом, ни желанием руководить страной. Неслучайно, что за некоторое время до выступления в ночь на 23 июля 1952 года офицеры хотели вернуть к власти партию «Вафд». К генеральному секретарю этой партии Фуаду М. Сираг эд-Дину был направлен полковник Ахмед Анвар, и «Вафд» было сделано предложение силой навязать власть этой партии королю. «Вафд» ответила отказом, не пожелав идти на сотрудничество со «Свободными офицерами». В этом проявилась «осторожность», особенно в условиях, когда начиналась вооруженная борьба в зоне Суэцкого канала. Лидеры «Вафд» не хотели ни смещения Фарука, ни тем более противостояния с Англией. Таким образом, ответственность за судьбы страны переходила в руки армии. Но что она представляла собой в то время? Во главе восставших против старых властей оказались офицеры из семей разночинцев.

Наиболее характерен опять-таки пример Египта. Великобритания еще в 1922 году формально объявила Египет независимым, однако суверенитет был декларирован с оговорками, которые надолго свели его на нет. Англия сохранила за собой право на защиту «имперских путей» на территории Египта – речь шла в первую очередь о Суэцком канале, – а также охрану иностранных интересов. Положение несколько изменилось в 1936 году, когда Лондон пошел на заключение англо-египетского договора⁶, который смягчил ограничения, но еще не привел к подлинной политической независимости Египта.

Прямое английское военное присутствие продолжалось, английский посол, как и прежде, вмешивался во внутреннюю жизнь страны, но в преддверии Второй мировой войны англичане, стремясь высвободить побольше своих солдат для задействования в Европе, предоставили право Египту увеличить армию с 11,5 до 60 тысяч человек. До этого офицерство малочисленной египетской армии традиционно составляли выходцы из богатых египетских семей. Соответствующая статья договора, не только дающая право, но, по сути, обязывающая Египет за короткий срок резко увеличить армию, вынудила короля Фарука рекрутировать в офицерский корпус выходцев из среднего класса. Именно в 1936 году в египетскую военную академию были приняты те выходцы из крестьянских семей со средним достатком, которые впоследствии составили костяк тайной организации «Свободные офицеры».

Не думаю, что такая генетическая однородность сыграла свою роль в том, что режим, установленный в Египте в 1952 году, оказался стабильным, несмотря на столь серьезные потрясения, как англо-франко-израильское нападение в 1956 году⁷, Шестидневная война 1967 года⁸, да и внутренние меры, особенно в экономической области, затрагивавшие интересы крупных иностранных и египетских собственников. Главным фактором, обеспечивавшим несменяемость руководства в Египте в течение долгого срока, была поддержка народными массами лидерства Насера. Это пришло не сразу. переворот в 1952 году совершила небольшая группа лиц. Но по мере вызревания реформ, укрепления внешнеполитической линии, широко воспринимаемой как патриотичная, даже при допущенных ошибках, режим Насера пользовался народной поддержкой. Египет во многом оказался исключением. Военные перевороты происходили один за другим в Сирии, Ираке, странах Северной Африки.

Однако уже после побед антиколониальных или антимонархических сил, просидев многие годы в тюрьме, умер Джадид – лидер победоносного переворота в Сирии 23 февраля 1966 года, свергнувшего правобаасистское руководство. Подобная участь ждала и Зуэйна – премьер-министра созданного после переворота сирийского правительства. Эти люди были, в свою очередь, свергнуты и изолированы другой левобаасистской группой, возглавляемой Хафезом Асадом. В Ираке лидер революции 1958 года Абдель Керим Касем был расстрелян из пулемета в студии багдадского телевидения его бывшими соратниками. Лидер алжирской революции Бен Белла был заключен своими товарищами по антиколониальной борьбе в тюрьму, где провел многие годы. После смерти Насера в 1970 году перемены пришли и в Египет. Один из его близких сподвижников, Анвар Садат, которого, кстати, считали и в Москве лишь промежуточной фигурой, воспользовался дикой беспечностью людей, преданных умершему лидеру, у которых в руках была практически власть в стране, и приказал своей гвардии арестовать всех. Садат на многие годы стал полновластным хозяином Египта. Ему удалось развернуть страну от насеровского внутреннего и внешнего курса – а ведь начинал он вместе с Насером в первом эшелоне «Свободных офицеров». Но и Садата постигла печальная участь – он был убит исламскими экстремистами⁹.

III. Несовместимость с исламистами

Большинство переворотов, которые происходили в арабском мире после того, как входящие в него страны стали суверенными, можно объяснить, скорее всего, борьбой за

власть. Конечно, существовали и политические различия между теми, кто свергался, и теми, кто власть захватывал. Однако в основном и те и другие исповедовали одну идеологию – национализм. Специфика сменявших друг друга сил в арабских странах на этом не кончается. Дело в том, что национализм был разным. Одни его приверженцы – вне зависимости от того, кто кого свергал, – застревали на этапе чисто националистического мировоззрения, а другие приносили в него социальные моменты, проведение реформ в обществе. Такими были Гамаль Абдель Насер в Египте, Хуари Бумедьен в Алжире, Хафез Асад в Сирии. Однако, прежде всего, важно отметить, что национализм руководителей всех оттенков, приходивших к власти в арабских странах в постколониальное время, не был идейно заквашен на исламизме. Ни в одной арабской стране перемены не произошли под религиозными знаменами, несмотря на то, что население всех освободившихся от продажных монархий или колониального господства арабских стран традиционно составляли и составляют верующие, подчас рьяно верующие мусульмане. Более того, новые силы, пришедшие к власти, во многих странах вступили в борьбу – не на жизнь, а на смерть – с исламскими организациями и группами, претендовавшими на то, чтобы заполнить вакуум, образовавшийся, по их мнению, после ухода со сцены колониальных или полуколониальных режимов. Причем противостоять исламистам было нелегко. В Египте, например, массовая исламская организация «Братья-мусульмане», существовавшая с 1928 года¹⁰ и выступавшая против английского ига, объединяла во время наивысшего подъема до двух миллионов человек. На первых порах своей деятельности «Свободные офицеры» были вынуждены считаться с популярностью «братства», особенно после того, как убийство его «верховного наставника» Хасана аль-Банни, совершенное по приказу короля в 1949 году, окружило эту организацию ореолом

мученичества*. После свержения короля Фарука «Свободные офицеры» запретили все политические партии и организации, кроме «братства». Но после того, как было опубликовано заявление «верховного наставника» Худайби с призывом провести всеобщий референдум в стране по вопросу создания исламского государства в Египте, управляемого по шариату, началась решительная борьба «Свободных офицеров» с «братством». В 1954 году два руководителя «братства», организовавшие покушение на Насера, заместитель «верховного наставника» Абдель Кадер Ауда и командир вооруженных террористических групп Ибрагим ат-Таиб, были публично, в присутствии корреспондентов, повешены, а «верховный наставник» Худайби приговорен к пожизненному заключению. Насера и его единомышленников не остановила ни значительная популярность «Братьев-мусульман», которых, к примеру, в начале 1954 года поддержали взбунтовавшиеся студенты Каирского университета, ни близость к ним генерала Нагиба**, формально возглавлявшего тогда Совет революционного командования и занимавшего пост президента Египта.

В дальнейшем это стало одним из поводов для отстранения Нагиба. Можно считать, таким образом, что борьба с исламскими экстремистами не помешала, а, наоборот, способствовала закреплению Гамалея Абдель Насера в качестве не только единоличного главы Египта, но, что особенно важно, и широко признаваемого вождя

* Религиозный фанатизм «Братьев-мусульман» вылился в ту пору в террористические действия против приспешников англичан. Жертвой террора стал премьер-министр Нукраши-паша. Участники покушения на аль-Банну, организовавшего убийство премьера, в то время, конечно, обнаружены не были, но, придя к власти, «Свободные офицеры» посчитали полезным для себя найти убийцу и судить его военным трибуналом.

** Популярный в Египте генерал Мухаммед Нагиб был приглашен «Свободными офицерами» для того, чтобы поднять престиж своей тогда малоизвестной организации.

во всем арабском мире. Я не согласен с выводом некоторых исследователей этого периода истории Египта, что открытое и острое противоборство с «Братьями-мусульманами» имело своей причиной организованное ими покушение на Насера. Скорее, это был повод для полного разрыва, может быть, последней каплей, переполнившей чашу терпения, но к такому финалу неуклонно вела вся логика противоборства после прихода к власти в Египте «Свободных офицеров». Между периодом, когда демонстрировалось согласие «Свободных офицеров» с «Братьями-мусульманами», а это было после свержения монархии, до полного разрыва между ними прошел лишь год. «Братство» уповало на то, что ему удастся повести за собой широкие слои населения в деревне, где первоначально позиции молодых офицеров были очень слабы. Руководители «братства» решили использовать в своих интересах, что они были единственной легальной организацией. Рассчитывая, что «Свободные офицеры» будут вынуждены с ним считаться, чтобы не остаться полностью изолированными на египетском политическом поле, «братство» пошло ва-банк. Сначала оно потребовало участия в правительстве, а после отклонения этого требования заявило о своей претензии на создание комитета с правом утверждения всех законов, принимаемых в Египте для определения их совместимости с исламом. Так что создателям подобного комитета после исламской революции в Иране не принадлежит пальма первенства. Но в Египте события развернулись по-иному. «Свободные офицеры» под руководством Насера ответили на эти домогательства категорическим отказом и приступили к осуществлению аграрной реформы, что открыло им путь в египетскую деревню. Насер оставался не просто враждебным, а безжалостным противником «Братьев-мусульман». Это проявилось, например, в его отношении к идеологическому вождю «братства» Сайеду

Кутубу, который неоднократно приговаривался к тюремному заключению.

Но когда выяснилось, что он продолжает атаковать насеровский «секуляризм», его светское, а не исламское руководство страной, сравнивая положение в насеровском Египте с джахилией («невежество» – так арабы называют доисламский период в своей истории), он был вновь арестован, приговорен к смертной казни и в 1966 году казнен. Насера разделяло с исламистами не простое соперничество. Это не было противостоянием двух одномастных сил, борющихся за власть. Дело в том, что Насер сознательно отвергал использование ислама в качестве инструмента управления. При этом он не был одинок в своей несовместимости с теми, кто пытался силой установить исламскую модель государства и общества. В конце 70-х – начале 80-х годов две сирийские группировки «Братьев-мусульман», орудовавшие в городах Халебе и Хаме, объединились для борьбы с режимом Хафеза Асада. Боевики «братства», кстати, последователи Сайеда Кутуба, напали на Халебское артиллерийское училище и убили 34 курсанта. Возмездие было незамедлительным. Асад задействовал армейские подразделения, которые уничтожили тысячи исламистов-экстремистов. Огнем и мечом подавляли сторонников создания исламских государств в Алжире и Тунисе.

Конечно, неправильно представлять революционных националистов, пришедших к власти в ряде арабских стран в результате борьбы с колониальными или продажными монархическими режимами, как людей, отвергающих ислам как религию, исламский фундаментализм как таковой или игнорирующих религиозность широких народных масс. Этого не было и в помине, но они выступали с открытым забралом против исламских экстремистов, против так называемого политического ислама. Один из биографов Насера, анализирующий его идеи, мотивы, которыми он руководствовался в своем одно-

значном отторжении «Братьев-мусульман» и других однотипных исламских организаций, Ж. Лакотюр, писал, что Насер, сам верующий мусульманин, был уверен, что невозможно управлять современным государством на основе Корана*. Такая уверенность проявилась не только в Египте, но и в Сирии, Ираке, Южном Йемене, Алжире, Тунисе, Ливии.

IV. Лозунг «арабского социализма» – что за этим понятием?

Силы, пришедшие к власти в целом ряде арабских стран, причем ведущих, в послеколониальный период, объявили о социалистическом выборе. Следует упомянуть, что широкое увлечение социалистическими идеями, особенно в первые десятилетия второй половины XX века, не обошло стороной и исламские организации. Многие мусульманские теологи провозглашали родство первоначального ислама с социализмом, даже проповедовали «исламский социализм», который имел немало приверженцев среди интеллигенции в арабских странах. Но социалистический выбор мелкобуржуазных лидеров в арабском мире – «арабский социализм» – не был ни по происхождению своему, ни по сути «исламским социализмом», хотя некоторые внешние черты у этих двух «социализмов» совпадали.

«Арабский социализм» при всех перипетиях борьбы с радикальными исламскими партиями и организациями нес на себе печать ислама и, несомненно, испытывал его влияние. Это имело под собой и объективную основу.

* См.: *Lacouture J. Nasser.* – L., 1973. P. 128.

Ни один арабский лидер не мог игнорировать традиционную глубокую религиозность населения. Но это не приводило к идентичности «арабского социализма», особенно в интерпретации Насера, алжирского руководства, с так называемым «исламским социализмом». Первый, по сути, ограничивал воздействие ислама сферой духовной жизни, а социально-экономическое развитие общества осуществлялось на светской основе, в то время как «исламский социализм» не только выводил социалистическую идею из ислама, но и предусматривал внедрение этой идеи на базе предписаний Корана во все сферы жизни общества. Характерно, что ни в одной арабской стране, провозгласившей социалистический выбор, не внедрялись исламские модели построения общества, они не охватывали ни государственное устройство, ни экономику, ни судебную власть. А это главное. Часто, не видя этого главного и не углубляясь в историю отношений арабского революционно-националистического руководства с исламскими экстремистами, его подвергали критике и на Востоке, и на Западе за «приверженность к исламистским формам». Такого рода критика с Запада была тесно связана со стремлением показать, что сужается разрыв, если вообще он сохраняется, между революционно-националистическим и исламистским направлениями на арабском политическом поле.

Что касается ряда советских идеологических работников, они, находясь в догматических шорах, если не публично, то, во всяком случае, на закрытых совещаниях подчас подчеркивали «несовместимость» провозглашения социалистических принципов с речами, которые начинаются со слов: «Во имя Аллаха, Всемилостивого, Милосердного!». Добавлю, что такие незадачливые идеологи «отлучали» от «истинного социализма» не только мусульман, но и вообще всех, кто не был атеистом. Поэтому в их сознании не совмещалось, например, членство

в Итальянской компартии с верой в Бога. Само провозглашение социалистического выбора рядом арабских стран было тесно связано с несколькими обстоятельствами: во-первых, суть арабского национализма, проявившаяся во второй половине XX века, выразилась в борьбе за национальное освобождение против чужеземного ига, но сам по себе арабский национализм не имел программы национального строительства. Во-вторых, этот изъян стал особенно ощутимым в то время, когда после победы дела национального освобождения от иностранного господства центр тяжести переместился в социально-экономическую область. В-третьих, лозунг строительства социализма был одним из самых распространенных в мире, им руководствовалась в то время большая группа стран, и это не могло не оказывать своего влияния на постколониальный мир, в том числе на арабские государства. Идеи «арабского социализма» выросли на почве разочарования значительной части арабской интеллигенции в западных рецептах «специфического экономического развития», сохраняющих постколониальные страны в качестве придатков бывших метрополий. Стихийное стремление к равенству и социальной справедливости и в международном, и во внутреннем плане сталкивалось с такими рецептами лоб в лоб.

Однако тот факт, что приверженцы «арабского социализма» рассматривали общество как единую семью, без разделения его на социальные группы, уже по-настоящему отличал его от советского понимания научного социализма и сближал с «исламским социализмом». Преобразования в арабских странах, провозгласивших социалистический выбор, намечались и осуществлялись в интересах такой «единой семьи». На деле, правда, это не мешало проводить ряд мер для улучшения положения беднейших слоев населения, но, как правило, не

преподносилось в качестве «перераспределения благ». Г.А. Насер считал «арабский социализм» несовместимым ни с классовым подходом, ни с диктатурой пролетариата, ни с отрицанием религии. Такую характеристику разделяли и другие арабские лидеры, провозгласившие свой «социалистический выбор», кроме, пожалуй, руководства Южного Йемена, которое достаточно близко подошло к пониманию социализма, господствовавшего в Советском Союзе и других странах, относимых к социалистическому лагерю.

Специфическое понимание социализма проистекало именно из того, что «арабский социализм» рассматривался как категория арабского национализма. Наиболее четко об этом заявил основоположник баасизма¹¹ Мишель Афляк. «Социализм, – писал он, – это инструмент, приспособленный для наших (арабских. – *Е.П.*) национальных условий и потребностей. Он не может рассматриваться в качестве основной философии или свода нормативных актов. Это только ветвь древа, именуемого национализмом*». Охватывая социально-экономическую область, «арабский социализм» поставил задачу национализации иностранной собственности. Это вытекало непосредственно из политики. Сам процесс создания государственного сектора начинался как мера, направленная против иностранного влияния, попыток внешних сил сохранить в новой форме свой контроль над освободившимися от колониальной зависимости государствами. В Египте в числе первых шагов «Свободных офицеров» был переход в руки государства иностранной Компании Суэцкого канала. В Ираке – «Ирак петролеум компани» (ИПК). Один из лозунгов «арабского социализма» – проведение аграрной реформы, что было крайне важно для всех арабских стран, где подавляющее большинство населения было связано с землей, и ощущалось ее крайне неравномерное распределение.

* Цит. по: Renaissance du Mond Arabe. – Gembleux, 1972. P. 92, 93.

V. Насер приглашает в Каир профессора Либермана

Некоторые страны, например, тот же Египет, пошли дальше и усиливали государственный сектор в экономике за счет национализации уже не только иностранной, но и египетской крупной собственности: была осуществлена национализация банков, страховых компаний, крупных промышленных предприятий; в 1958 году проведена вторая аграрная реформа, резко ограничившая помещичье землевладение. В руках государства оказалось до 80 процентов средств производства в промышленности, вся кредитно-банковская система, весь транспорт. Государство взяло в свои руки внешнюю торговлю. Полностью запретной зоной для иностранного капитала была объявлена вся добывающая промышленность, за исключением нефти. Присутствие иностранного капитала ограничивалось лишь разведкой нефти. В стране существовало несколько смешанных компаний, да и то с преобладанием египетского государственного участия.

Такие масштабы огосударствления экономики были перегибом, связанным также и с влиянием примера социалистических стран. В начале 60-х годов советские руководители поддерживали Насера в его действиях, направленных на масштабное огосударствление экономики. Это находило одобрение, более того, ставилось в заслугу Насеру советскими партийными идеологами, учеными.

Есть, однако, основания считать, что прагматизм Насера отводил его в сторону от магистральной линии национализации всего и вся. Он не отказывался от рыночных отношений, уделял немалое внимание развитию малого предпринимательства, особенно в сфере услуг. В СССР это нравилось отнюдь не всем. Даже тогда, когда

в СССР уже начался размыв догматических представлений о социализме, и в центральном органе ЦК КПСС газете «Правда» были опубликованы статьи харьковского профессора Либермана о значении прибыли предприятий для развития экономики, многие в Москве были недовольны тем, что Насер пригласил Либермана приехать в Египет. Насер беседовал с ним один на один в течение нескольких часов без переводчика на английском языке.

Будучи корреспондентом «Правды» в Каире, я встретился с Либерманом, который сказал мне, что Насер очень заинтересованно спрашивал его о возможности совместить с социализмом частную предпринимательскую деятельность. К таким размышлениям Насера все больше и больше подводил его прагматизм, но ни в коей мере не отклонение его мировоззрения в сторону «исламского социализма». Насер оказал Либерману исключительно теплый прием, пригласил его посетить Александрию, отдохнуть там несколько дней. Во время поездки машину из гаража канцелярии президента, в которой кроме Либермана был переводчик С. Тарасенко – в будущем помощник Э.А. Шеварднадзе, – занесло, и она перевернулась. Никто, к счастью, не пострадал, но Насер настоял на том, чтобы Либермана положили в больницу на обследование, и направил к нему официальное лицо с огромным от себя букетом цветов. «Социалистический выбор» ряда арабских стран оказался недолговечным, собственно, как и социалистическое строительство в мире, – потерпел крушение тот тип строительства социализма, который господствовал в СССР.

К концу XX века «арабский социализм» сохранился, пожалуй, да и то в препарированном виде, только в одной стране – Ливии. Однако провозглашение и шаги по осуществлению «арабского социализма» – это немаловажный этап в истории арабских стран.

VI. Генетика «ближневосточного террора»

Каково соотношение между арабским национализмом и терроризмом? Это не второстепенный вопрос в определении сущности национализма как мировоззрения тех, кто пришел на смену колониальным или прислуживавшим им властям на Ближнем Востоке. Нет никаких оснований считать, что «ближневосточный терроризм», ставший широко известным в мире, произошел от арабского национализма или стал его составной частью. Небезынтересен в этом плане пример таких носителей арабского национализма, как египетские «Свободные офицеры».

Теоретически терроризм как способ завоевания власти ими не отрицался, особенно против прислужников англичан. На начальной стадии, когда движущей силой борьбы были непримиримость к иностранному гнету, болезненное чувство попрадного национального достоинства, среди комитетов, созданных организацией «Свободные офицеры», существовал даже «комитет терроризма». Но уже на этапе подготовки к взятию власти произошел отказ от террора. На практике он был приведен в действие только один раз – при попытке совершить убийство ненавистного армии, погрязшего в коррупции, тесно связанного с колониальными кругами генерала Сирри Амера.

Насер в книге «Философия революции» так описывает свои переживания после покушения на Сирри Амера: «Во время бессонной ночи в насквозь прокуренной комнате я задал себе вопрос: может ли судьба страны быть по-настоящему изменена, если мы устраним то или иное лицо, или это гораздо более сложная и глубокая проблема?.. Тогда я ответил себе на этот раз со всей убежденно-

стью: мы должны изменить свой путь... корни идут глубже в почву – проблема куда более серьезная». Здесь речь идет об индивидуальном терроре, направленном против отдельных деятелей, главным образом против арабов, сотрудничавших с иностранными оккупантами.

Но даже такой вид террора не был принят Насером. Это проявилось и на церемонии прощания со свергнутым королем Фаруком, уплывавшим в Италию на своей яхте «Аль-Махрусса». На александрийском причале короля провожало все руководство «Свободных офицеров» и генерал Нагиб, за исключением Гамалья Салема. Насер запретил ему участвовать в прощальной церемонии, так как знал, что тот настаивал на том, чтобы покончить с Фаруком физически. Во время первой палестинской войны 1948 года Насер имел возможность встретиться в Фелудже после прекращения огня с двумя израильскими офицерами, один из которых, Игал Аллон, в будущем стал начальником израильского генштаба. Насер заинтересованно расспрашивал израильтян о методах и формах их организации и борьбы против англичан. Израильтяне могли бы поделиться с Насером, помимо всего прочего, и опытом своей террористической деятельности.

Но этот опыт не был использован египетским лидером, готовившим и осуществившим переворот в 1952 году в Египте. Террор не стал методом борьбы Насера и в дальнейшем. Характерно и то, что только после ослабления или ухода с политической сцены арабского революционного национализма подняли голову в Египте террористические исламские организации. В конце 70-х годов в Египте появились «Аль-Джихад»¹², «Аль-Гамаа аль-Исламия»¹³, «Ат-Такфир валь-Хиджра»¹⁴ и другие, которые взяли курс на свержение светского египетского режима и с этой целью развернули террористическую активность в стране. Их жертвой пал Садат, они подготовили несколько покушений на президента Мубарака, осуществили теракты против египетских министров,

иностранных туристов. Эти организации «новой исламской волны», отвергая «слишком умеренные» и «несоответствующие нынешним условиям» идеи даже такой правой организации, как «Братья-мусульмане», установили связи с «Аль-Каидой»¹⁵.

Но вернемся к изначальному этапу «ближневосточного террора». В качестве его родоначальников, очевидно, можно назвать созданную в период Второй мировой войны в Палестине Лехи, возглавляемую Штерном¹⁶ (он был убит в феврале 1942 года британскими полицейскими). Затем к руководству Лехи пришел триумвират, членом которого стал будущий премьер-министр Израиля И. Шамир. В 1943 году Лехи организовала покушение на верховного комиссара Палестины, а через несколько месяцев – убийство в Египте бывшего министра колоний Великобритании лорда Мойна. После окончания войны 1948 года Лехи осуществила убийство представителя ООН шведского дипломата Ф. Бернадота, назначенного следить за прекращением огня. Индивидуальным террором дело не ограничилось. Наряду с Лехи существовала и другая террористическая организация – Эцель¹⁷, которую в 1944 году возглавил другой будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин. 22 июля 1946 года боевики Эцеля пронесли на кухню отеля «Кинг Дэвид», в одном из крыльев которого располагались английские административные учреждения, два молочных бидона с взрывчаткой.

В результате взрыва был убит 91 и ранено 45 человек – англичане, арабы, евреи. Имея за плечами такую практику террористических действий против англичан, трудно было ожидать, что террор не будет применен с целью вытеснения арабов из Палестины. Английский генерал Джон Баготт Глаб, создатель Арабского легиона в Трансиордании, в своих мемуарах вспоминает о разговоре, который состоялся между английским офицером и офи-

цером из военной организации сионистского движения Хагана.

На слова англичанина, что население Израиля (разговор состоялся до его образования) может поделиться поровну между евреями и арабами, и это создаст трудности, офицер Хаганы ответил: «Трудности преодолимы – несколько кровопролитий приведут к тому, что мы от них избавимся». Последовавшие события напоминали иллюстрацию к этим словам. В январе 1948 года прогремел взрыв в сквере города Яффа, тогда населенного арабами. Погибло 22 человека, раненых было много больше. Наиболее тяжкое преступление было совершено в ночь на 10 апреля 1948 года. Экстремисты из Лехи и Эцеля устроили бойню в арабской деревне Дейр-Ясин, находившейся в окрестностях Иерусалима, – было убито 254 мирных жителя. Иногда террористические действия вызывали настолько сильную критику за рубежом, да и в самом Израиле, что открывались уголовные дела против тех, кто совершал убийства арабов.

Так было, например, когда в октябре 1956 года, накануне тройственной агрессии против Египта, израильский патруль расстрелял жителей арабской деревни Кафр-Касим, расположенной на территории Израиля, за то, что они «нарушили» неожиданно введенный комендантский час. Суд признал майора Мелинки и лейтенанта Дахана виновными в убийстве 43 жителей Кафр-Касима и приговорил их соответственно к 17 и 15 годам тюремного заключения. Сержант Оффер получил 15 лет тюрьмы за убийство 41 араба. Различные сроки получили и другие участники преступления. В начале 1960 года, то есть через три с небольшим года после совершения преступлений, все его участники уже были на свободе. А судимый отдельно бригадир израильской армии Шадми, который дал приказ «не проявлять сентиментальности», отделался издевательским для памяти погибших штрафом, равным одному центу.

В отношении Египта впервые террористические акты были осуществлены израильской разведкой – так называемое «дело Лавона»¹⁸. Но об этом ниже. После создания Государства Израиль террор стал широко использоваться палестинскими организациями, базирующимися в соседних арабских странах. Жертвами террора становились не только жители еврейских поселений, образованных на арабских территориях, оккупированных в войну 1967 года, но и мирное население самого Израиля. Многочисленные взрывы, уносящие десятки человеческих жизней, раздавались в людных местах – отелях, магазинах, дискотеках. Обстреливала ракетами израильские населенные пункты в Северной Галилее с территорий Ливана «Хизбалла»¹⁹. Особенно участились террористические акции, осуществляемые, в том числе, террористами-самоубийцами, во время второй интифады (восстания)²⁰, начавшейся после посещения генералом Шароном Храмовой горы, на которой находится одна из мусульманских святынь – мечеть Аль-Акса.

Кровавые террористические действия мешали политическому урегулированию и способствовали столь невыгодной палестинцам их изоляции в мире. К тому же такие действия провоцировали масштабные репрессии со стороны израильской армии, в числе жертв которых оказывались мирные палестинцы. После того как Организация освобождения Палестины (ООП), пройдя трудный путь эволюции (это будет показано в книге), признала резолюции Совета Безопасности ООН и Генеральной Ассамблеи ООН и вступила в переговоры с Израилем, она отказалась от террористических методов борьбы за права палестинского народа. Однако все еще сохраняются организации и группы, которые осуществляют террористические действия в отношении израильского мирного населения. Против таких акций выступало официальное палестинское руководство.

Нечего скрывать: в СССР, а затем и в России многие делили террористов на тех, кто добивается «праведных» целей, и на тех, кто осуществляет террор в целях «неправедных». На многое нам открыла глаза террористическая активность чеченских сепаратистов. Но еще задолго до появления кровавой чеченской раны против террористических методов борьбы палестинцев за свои права, пусть даже справедливой, решительно выступали не только современная Россия, но и Советский Союз. Эта тема всегда – хочу это подчеркнуть, всегда – присутствовала и присутствует во время бесед с руководителями ФАТХа*, Народного фронта освобождения Палестины (НФОП)²¹, Демократического фронта освобождения Палестины (ДФОП)²², ХАМАСа²³, всех других палестинских организаций, с которыми наши представители контактировали постоянно или имели отдельные встречи. Сошлюсь на такие примеры. В конце 1970 года по заданию Центрального комитета КПСС (тогда указания получали по этой линии) мы вместе с будущим послом в Иордании Ю.С. Грядуновым, в то время он был заведующим сектором Международного отдела ЦК (этот сектор занимался арабскими проблемами), выехали в Бейрут убедить руководство НФОП прекратить угоны самолетов. Были трудные многочасовые переговоры, в которых приняло участие все руководство НФОП. Жорж Хабаш и другие говорили нам, что предпринимают угоны самолетов с целью заставить израильтян, в конце концов, потребовать от своего правительства найти компромиссные решения с палестинцами. В ответ им было сказано, что террористические действия не только неприемлемы сами по себе, но они и контрпродуктивны, так как сплачивают население вокруг израильского правительства.

Не всегда подобные демарши с нашей стороны завершались успехом, но в тот раз он был очевиден: руководи-

* Обратное прочтение по-арабски первых букв «Харакат ат-Тахрир аль-Филастин» («Движение за освобождение»).

тели НФОП впоследствии подтвердили, что отказ от угона самолетов произошел под влиянием Советского Союза. Или другой пример. В качестве директора Службы внешней разведки я по указанию российского руководства вылетел в Триполи, где имел плодотворные беседы с ливийскими руководителями, включая и Муамара Каддафи. Знаю о параллельной работе на этом поле и европейских коллег. В середине – второй половине 90-х годов в Ливии были сравнены с землей «тренировочные лагеря», используемые экстремистскими палестинскими группировками «Фронт освобождения Палестины – генеральное командование», «Исламский джихад». Ливийское руководство порвало с ними отношения и выслало из страны террористическую организацию Абу Нидаля.

В мае 2005 года я сопровождал президента В.В. Путина в его поездке по Ближнему Востоку, во время которой он твердо говорил и палестинским, и израильским руководителям о необходимости полностью отказаться от терактов и от не менее опасных репрессалий за них – тоже против мирного населения. Террор, задействованный двумя сторонами, вовлеченными в ближневосточный конфликт, имел ряд специфических черт. Во-первых, «ближневосточный терроризм» был по своему характеру политическим, не принимал религиозные формы. Во-вторых, он, как правило, не выходил и не выходит за региональные рамки, а «заграничные» террористические действия предпринимались против представителей другой стороны ближневосточного конфликта, например, покушение на израильского посла в Лондоне, организованное группировкой Абу Нидаля, или отстрел видных деятелей ООП в Европе. Немалое место занимали террористические акты против «своих», с политикой которых не соглашались отдельные палестинские террористические группы.

Особенно отличалась в этом группа, возглавляемая Сабри аль-Банной, известным под именем Абу Нидаль. Объявив руководителей арафатовского ФАТХа предателями, группа Абу Нидаля приступила к их уничтожению. Зачастую эта группа выполняла прямые указания иракских спецслужб, затем, перебазировавшись в Сирию, была связана с сирийскими спецслужбами, в Ливии – с ливийскими. Абу Нидаль, вернувшись в Ирак незадолго до американского вторжения в эту страну, покончил жизнь самоубийством или был убит. Если говорить о современном международном терроризме, о системе, созданной «Аль-Каидой», то она возникла не из палестинского движения. Религиозно-экстремистский запал «Аль-Каиды» был умело и в конечном счете бездумно использован США в условиях холодной войны. Возникновение этой террористической организации произошло с помощью и при поддержке ЦРУ для борьбы с Советской армией в Афганистане. Бен Ладену было разрешено рекрутировать в свою организацию единомышленников даже на территории Соединенных Штатов. Его бандитов тайно вооружали. Они получали в свои руки и «стингеры», используемые против советских боевых самолетов и вертолетов. История зло посмеялась над теми, кто думал, что «Аль-Каида» останется послушным орудием.

VII. Рост антизападных настроений, но расположение к США

Вернемся к характерным чертам арабских революционно-националистических режимов. Нужно сказать, что антиимпериалистическое мышление пришло к арабским националистам не сразу и, как правило, вначале произ-

растало из уязвленного национального самолюбия. Заостренное чувство национального достоинства, даже гипертрофированное национальное самолюбие, свойственное не только арабским, но и другим восточным лидерам, зачастую не принимается во внимание политиками, которые в результате проходят мимо реальных возможностей решения стоящих перед ними задач, в том числе урегулирования разного рода конфликтных ситуаций.

Неприятие национального унижения от иностранных представителей распространялось даже на короля, который впоследствии был свергнут мелкобуржуазными революционерами. Разделяя чувства народа, который отнюдь не боготворил Фарука, но, какой бы тот ни был, все-таки относился к нему как к главе Египта, Насер и его сотоварищи-офицеры были вне себя, узнав, что посол Англии лорд Лэмпсон 4 февраля 1942 года прибыл во дворец Абдин и потребовал сменить премьер-министра на более проанглийского. По стране поползли слухи, что посол обращался к королю не со словами «ваше величество», а просто «мой мальчик».

Напомню, что все это происходило через двадцать лет после объявления независимости Египта. «Мне стыдно, – писал Насер в те дни в письме своему другу, – что армия не среагировала на эту выходку». Эти слова принадлежали человеку, безусловно понимавшему бесперспективность вооруженного столкновения с английскими силами, базировавшимися в зоне Суэцкого канала, да и вообще с Великобританией, которая по своим военным возможностям была несопоставима с Египтом.

Но оскорбленное чувство патриотизма брало верх над всем остальным. Это проявилось и в последующем. Насер вспоминал об эпизоде, когда в феврале 1955 года в английском посольстве в Каире состоялась его первая и единственная встреча с тогдашним английским министром иностранных дел Антони Иденом. Тот выслушал негативную оценку Багдадского пакта²⁴ молодым египет-

ским президентом. Но, дав понять, что имеет дело с человеком, не разбирающимся в мировой политике, Иден оставил в стороне тему, поднятую Насером, и стал нарочито спрашивать его о Коране, об арабской литературе. Насер увидел в этом высокомерие английских руководителей по отношению к новому Египту.

Не менее примечательна реакция Насера на оскорбительную пренебрежительность к египтянам, высказанную американцами. На одном из обедов в 1955 году посол США Байроуд пожаловался президенту, что египтяне, приняв американца за шпиона, избили его в зоне Суэцкого канала. «Мне жаль, – выпалил в запальчивости Байроуд, – я-то думал, что нахожусь в цивилизованной стране». Насер встал и ушел с обеда. Его не вернули извинения бестактного американского дипломата.

Антиимпериализм мелкобуржуазных революционеров складывался вначале под воздействием эмоций. Но все-таки брала верх политика, и решения ими принимались в основном после сопоставлений, изучения целого ряда возможных альтернатив. В таких условиях в их действиях превалировал скорее не антиимпериализм, а прагматизм. Так, после прихода к власти в Египте, Сирии, Ираке они далеко не сразу заостряли свою политику даже против бывших метрополий или западноевропейских государств, господствовавших в формально независимых арабских странах. За два дня до переворота по указанию Насера была предупреждена Великобритания. Через одного из «Свободных офицеров» – Али Сабри, был также поставлен в известность помощник военного атташе США Дэвид Эванс, который отреагировал однозначно: «Если вы не коммунисты – давайте действуйте». Как сказал Эванс, Соединенные Штаты стремятся к альянсу с Ближним Востоком для того, чтобы не допустить проникновения в этот район Советского Союза и остановить рост местных коммунистических партий.

Думаю, что представителям США, и особенно Великобритании, не сообщалось, до каких пределов дойдут «Свободные офицеры», тем более, когда начнутся их действия. Возможно, у Англии даже возникло предположение, что речь идет лишь о нажиме на королевский режим с целью заставить его потесниться, подвинуться в сторону демократизации общества. Однако Майлс Коплэнд, резидент ЦРУ в Каире, заявил, что американцы не только знали все по поводу подготовки переворота, но якобы Насер консультировался по этому вопросу с ними и получил «зеленую улицу». А другой представитель ЦРУ, Кермет «Ким» Рузвельт – внук президента США Теодора Рузвельта, – контактировал с офицерами сразу после их прихода к власти. Так или иначе, но сам факт таких контактов показывает, что «Свободные офицеры» не хотели обострять отношения с Великобританией и тем более Вашингтоном. А американский ответ, полученный через Али Сабри, вообще вдохновлял и создавал надежду на установление тесных отношений молодых офицеров с Соединенными Штатами.

О нежелании обострять отношения с Лондоном свидетельствует и тот факт, что свержение короля Фарука в 1952 году не означало еще конца монархии. «Свободные офицеры», заставив Фарука отречься, согласились на то, чтобы престол перешел к его сыну принцу Ахмеду Фуаду, которому не было еще и одного года. Согласились они и на то, чтобы во главе не только регентского совета, но и правительства встали родственники свергнутого короля. Лишь в июне 1953 года, то есть почти через год после переворота, Египет был объявлен республикой. Насер и на практике повел дело к серии компромиссов с Великобританией: 12 февраля 1953 года с ней было подписано соглашение, предусматривающее вывод не только английских, но и египетских войск из Судана.

Несмотря на то, что в этой стране было достаточно сильное движение за объединение с Египтом и такие на-

строения были широко распространены в самом Египте, Каир первым признал независимость Судана, фактически отказавшись от антианглийских действий на суданском направлении. Сразу же после переворота Насер и его окружение начали переговоры с правительством Великобритании с целью получить согласие на вывод английских войск из зоны Суэцкого канала. Молодые офицеры сделали ставку на мирные политические договоренности с Лондоном о прекращении 74-летней британской оккупации Египта и добились успеха. Договор о полном выводе английских войск из Египта был подписан в Каире в октябре 1954 года.

В это время в руководстве «Свободных офицеров» взяла верх идея о сотрудничестве с Соединенными Штатами. Эта идея порой ложилась на благодатную почву – США пытались потеснить ослабленную Англию с Ближнего Востока и рассчитывали, что им удастся использовать новый режим в Египте в своих интересах. Вместе с тем Соединенные Штаты не рассматривались в арабском мире как колониальная держава, и с ними, в противовес Великобритании и Франции, связывались большие надежды. В мае 1953 года государственный секретарь США Дж. Ф. Даллес прибыл в Каир. Одновременно американская дипломатия обещала посредническую миссию по эвакуации английской базы из зоны Суэцкого канала. Американский патронат был принят с благодарностью «Свободными офицерами», добивающимися окончательного прекращения английского военного присутствия в Египте. Начала осуществляться программа американской помощи Египту в размере 50 млн долларов. Происходило настоящее паломничество в Каир американских должностных лиц, политических деятелей, бизнесменов.

Многие, в том числе и в Каире, понимали, что Дж. Ф. Даллес, по словам известного египетского публициста Хейкала, с «религиозным пылом» стремился

окружить СССР военными и политическими союзами. Следует сказать, что в интересах конфронтации с СССР американцы после визита Даллеса в Каир выдвинули, как они считали, более привлекательный для Египта и других арабских стран проект создания военного блока из одних только мусульманских государств – арабских, Турции и Пакистана. Сам факт поездки в США в конце 1953 года египетской военной делегации, возглавляемой Али Сабри, не дает оснований считать, что этот план был, как говорится, с «колес» отвергнут египтянами. Но для себя они жестко связали свою позицию с возможностью закупить американское вооружение. Али Сабри встретился с руководителем пентагоновской программы военной помощи за рубежом генералом Олмстедом, который предпочел вести абстрактные разговоры опять-таки о полезности исламского пакта. Внимание египетской делегации, не без причины, насторожило его откровенное определение цели пакта: «...он может оказать серьезное влияние на мусульман СССР и Китая». Генерал договорился до того, что нужно в этих странах из мусульман «создавать пятую колонну». Египтяне от встречи, естественно, ждали другого.

Глава II

НЕУДАВШИЙСЯ ШАНС СНЯТЬ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКУЮ НАПРЯЖЕННОСТЬ

Вопреки широко распространенному мнению, приход к власти революционно-националистических режимов в арабском мире сам по себе не привел к обострению арабо-израильского конфликта. За кулисами первой палестинской войны²⁵, последовавшей за созданием Государства Израиль²⁶, стоял Лондон, который стремился сохранить свое монопольное господство над Ближним Востоком. Вооруженное палестинское сопротивление тогда еще практически не существовало, а арабские страны, которые были, по сути, «клиентами» Англии, войну проиграли.

I. Как все начиналось

Естественно, поражение в войне сыграло немалую роль в формировании мировоззрения патриотично настроенных офицеров, многие из которых впоследствии пришли к власти. Но их гнев был направлен в большей степени даже не в сторону Израиля, выигравшего эту войну, а коррумпированных, связанных с колониальными державами арабских режимов, ее проигравших. У Насера,

как и у других арабских офицеров, вполне понятно, не было ничего общего с большевиками, которые призывали даже ценой поражения в Первой мировой войне «перевести стрелки часов» на гражданскую войну в России. Но, встретившись в Фелудже после прекращения огня с двумя израильскими офицерами – Игалом Аллоном и Мордехаем Коэном, о чем я уже писал, он расспрашивал их об организации и методах успешной борьбы израильтян с английскими властями. О тогдашних настроениях Насера и его окружения свидетельствовало и продолжение этого эпизода. После перемирия Коэн был включен в состав египетско-израильской смешанной комиссии. Узнав от египетских участников, что у Насера родился сын, он поздравил его и послал ему подарок.

В ответ Насер не только послал ему коробку конфет из известного в Каире кафе «Гропи», но и пригласил Коэна посетить Каир и встретиться с ним. Коэн запросил разрешение на поездку у министра иностранных дел Израйля и получил категорический отказ.

После прихода к власти в Египте «Свободных офицеров» ими были предприняты меры к тому, чтобы египетско-израильская граница оставалась спокойной. Новое египетское руководство не было заинтересовано в росте напряженности с Израилем. Циркулировали недалекие от действительности слухи, что египетские спецслужбы, получавшие информацию о готовящихся рейдах палестинцев через границу Египта, арестовывали федаинов (самопожертвователей)²⁷.

В 1954 году в египетскую тюрьму попал Ясир Арафат, тогда еще малоизвестный палестинский боец. Палестинское руководство, представленное в то время Высшим арабским комитетом во главе с муфтием Иерусалима, ориентировалось на стихийные палестинские рейды через границу с Иорданией. В них участвовали в основном палестинские беженцы, собранные в лагеря на террито-

рии Иордании. Израиль отвечал на каждый рейд репрессиями. Созданное специальное «подразделение 101»²⁸ под командованием майора Ариэля Шарона отличалось при этом особой жестокостью. Это подтвердила и операция израильской армии в октябре 1953 года после убийства в пограничном кибуце израильской семьи. На встрече смешанной комиссии иорданцы осудили этот акт и обещали найти виновных, но это не остановило широкой операции «подразделения 101» – в арабской деревне Кибия были убиты десятки мирных жителей, взорваны дома.

Совет Безопасности ООН осудил израильские действия. Пытаясь отвести критику от армии, Бен-Гурион сделал заявление, что вину за акцию несут «разозленные землевладельцы». Но на египетско-израильской границе все было тихо. Это происходило в условиях, когда новые египетские руководители были погружены во внутриполитические и внутриэкономические заботы – укрепление своей власти, ликвидацию сопротивления «Братьев-мусульман», проведение аграрной реформы и, конечно, обеспечение эвакуации английских войск из зоны Суэцкого канала. Арабо-израильский конфликт не входил в этот перечень, он оттеснялся на второй, а возможно, и третий план. Разве не свидетельствует об этом тот факт, что новые египетские руководители – армейские офицеры – пошли на сокращение военных бюджетов страны в 1953, 1954 и 1955 годах? Высвобождаемые средства были использованы для поддержки малых и средних крестьянских хозяйств. Именно в это время были установлены секретные контакты с целью продвинуться к договоренностям с Израилем. «Насер никогда не закрывал двери для мира. Он держал их широко открытыми», – пишет в мемуарах, выпущенных уже после смерти египетского лидера, один из его соратников, «красный майор» Халид Мохиэддин.

И это было именно так. Вначале Насер установил связь с Израильским комитетом мира, созданным в Париже. Получив позитивную реакцию из Тель-Авива, он решил перевести этот контакт на постоянную основу, назначив для его осуществления Абдель Рахмана Сабика – атташе египетского посольства во Франции. Известно, что английский государственный министр по иностранным делам Антони Наттинг, побывав в Каире, а затем приехав в Тель-Авив, сказал премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону, что он привез ему «хорошую новость: Насер углубился в проблему поднятия уровня жизни египетского народа и ставит эту проблему выше подготовки войны с Израилем». Бен-Гурион посмотрел на Наттинга и спросил: «Вы считаете это хорошей новостью?».

За этим вопросом Бен-Гуриона стояла его озабоченность, что новые акценты в египетской политике могут еще в большей степени расположить к «Свободным офицерам» Соединенные Штаты, которые уже и без этого показывали свое стремление поддержать египетское руководство. Контакты, установленные Египтом и Израилем, пробуксовывали. Бен-Гурион требовал встречу на высшем уровне – Насер от этого уходил. Повредили и бесконечные утечки.

II. Секретные контакты Насера с Моше Шаретом

Разговор Наттинга с Бен-Гурионом состоялся незадолго до того, как премьер-министром Израиля стал Моше Шарет (Бен-Гурион сначала ушел в пятимесячный отпуск, сказав коллегам, что это вызвано «необходимостью

перезарядить умственные батареи», а затем – в декабре 1953 года – в отставку). Шарет отличался от своего предшественника. Он не имел такой поддержки в Израиле, как Бен-Гурион, но и не был таким, как тот, ястребом. Шарет делал ставку на «живаемость» Израиля в Ближневосточный регион. Он говорил по-арабски, слыл знатоком арабской культуры. В арабском мире Шарета считали, пожалуй, наиболее реалистически мыслящим израильским деятелем. Судя по ряду высказываний самого Насера и его собеседников, президент Египта был лично расположен к Шарету. Началась переписка Насера с Шаретом. Послания были сухими, но корректными. Характерно, что послания не подписывались, но каждый из адресатов знал, от кого он их получает. Шарет хотел, чтобы Насер снял блокаду с прохождения израильских судов через Суэцкий канал и залив Акаба.

Насер сосредоточился, что весьма показательно, на проблеме палестинских беженцев. При этом он не исключал компромисса по поводу числа беженцев, которые должны быть репатриированы. Серьезность такого обмена подтверждается, как мне кажется, тремя обстоятельствами. Во-первых, с этими контактами были связаны США – в их интересах было, как уже говорилось, поставить под свой контроль новое египетское руководство. В организации контактов приняли участие Государственный департамент и ЦРУ. Прямые встречи египтян с израильцами после прихода к власти Шарета происходили в Вашингтоне.

Израильскую сторону представлял будущий президент Израиля Хаим Герцог и дипломат Гидеон Рафаэль. Египетскую сторону – полковник Абдель Хамид Галеб. Во-вторых, в период переговоров вообще не было серьезных инцидентов на границе – Насер сдерживал фedayинов, а Шарет не осуществлял так называемые акции возмездия. В-третьих, испортились отношения Насера с муфтием Иерусалима Мухаммедом Ахмедом Хусейни –

руководителем Высшего арабского комитета²⁹, который, будучи настроен крайне жестко в отношении Израиля, не скрывал своего негативного отношения к контактам, о которых он прослышал, между Каиром и Тель-Авивом.

Были основания считать, что муфтий в это время начал взаимодействовать с «Братьями-мусульманами», чтобы создать серьезную оппозицию Насеру в Египте. Предпринимались попытки целого ряда посредников организовать личную встречу Насера и Шарета. Это намеревался сделать посол Индии в Каире историк К.М. Паникар, известный связями с Джавахарлалом Неру. Паникар вел переговоры о подготовке такой встречи до весны 1955 года, до рейда израильской армии в Газу³⁰. Ставший впоследствии премьер-министром Мальты Д. Минтофф тоже пытался быть посредником между Насером и Шаретом, но тоже потерпел неудачу. Еще одна посредническая миссия был связана с именем Иры Хиршмана, эмиссара Рузвельта, который во время Второй мировой войны вел переговоры о выкупе тысяч евреев из нацистских лагерей. Встретившись с Насером, этот тесно связанный с сионистскими кругами человек, которого трудно заподозрить в симпатиях к «Свободным офицерам», позже написал, что руководитель нового египетского режима произвел на него очень большое впечатление своей конструктивностью.

После беседы с Насером в тот же день Хиршман вылетел в Тель-Авив, где вместе с Шаретом на встрече присутствовал Бен-Гурион. В ответ на предложение Хиршмана о контактах Насера с израильскими руководителями Бен-Гурион, вмешавшись в беседу, сказал: «Насеру осталось недолго сидеть в седле».

К этому времени никто уже не сомневался в том, кто в Израиле дирижирует оркестром. Перед уходом из правительства Бен-Гурион успел поставить на пост министра обороны Лавона, а начальником генерального штаба назначил Моше Даяна. Действуя через них, он, находясь

в своем кибуце Зде-Бокер в пустыне Негев, продолжал, по сути, руководить страной. В то время в Израиле говорили, что Шарет каждое утро трясушимися руками раскрывает газеты в ожидании каких-либо «ночных художеств» Даяна и Лавона. Может быть, такое представление о Шарете преувеличивает его полную отстраненность от антиарабских акций, но многие исследователи пишут, что эти два израильских военачальника, кстати, тихо ненавидевшие друг друга, совместно и бесконтрольно определяли программы антиарабских действий и даже не снабжали премьер-министра военно-стратегической информацией.

А тревоги были не напрасны. 15 мая о готовящейся израильской атаке против Египта сообщила лондонская «Таймс». 7 июня такую же информацию опубликовал Сульцбергер в газете «Нью-Йорк таймс». 12 июня Соединенные Штаты сделали официальное заявление, в котором содержалась угроза прекратить всякую военную помощь стране, которая откажется от соглашений о перемирии на Ближнем Востоке, заключенных после первой арабо-израильской войны. Возможно, это заявление охладило страсти израильских ястребов.

III. Контрудар: спецоперация «Сусанна»

Именно в этот период 30 июня 1954 года началась операция израильских спецслужб в Египте под кодовым названием «Сусанна»³¹, после срыва которой возник скандал – так называемое «дело Лавона». Это был, пожалуй, самый крупный политический скандал в истории Израиля. Шпионской сети, созданной в Египте израиль-

ским разведчиком Абрахамом Дара, обосновавшимся в Египте под фамилией Джон Дарлинг – представителя английской электронной компании, было дано задание взорвать бомбы в американских и английских учреждениях, расположенных в Каире и Александрии. Цель операции заключалась в том, чтобы вызвать напряженность в отношениях между Египтом, с одной стороны, Соединенными Штатами и Великобританией – с другой. Проводило операцию «подразделение 131»³² (ведущее делами диверсий) военной разведки Израиля АМАН³³.

Эта напряженность, как рассчитывали позже организаторы операции, могла быть использована «суэцким лобби» в английском парламенте для того, чтобы сорвать, с одной стороны, уже намеченное подписание соглашения об эвакуации английской базы в Египте и, с другой – помощи тем израильским кругам в Соединенных Штатах, которые боролись против тенденции на заигрывание Вашингтона с новым египетским режимом. Были произведены взрывы в американских информационных центрах в Каире и Александрии. При попытке внести бомбу в каирский кинотеатр в декабре 1954 года были арестованы два израильских агента. После их признания были схвачены и другие члены шпионской сети. Начался процесс, во время которого обвинение доказало, что провокация направлялась и осуществлялась Тель-Авивом. Двое были приговорены к смерти, один покончил жизнь самоубийством в камере, а остальные были обменены после Шестидневной войны на египетских военнопленных.

В Израиле объявили весь процесс «инсценированным», но, тем не менее, в 1955 году в результате провала и разоблачения операции израильской разведки министр обороны Лавон подал в отставку. Его сделали козлом отпущения, приписав ему единоличное решение об организации антиамериканских акций в Каире. Лавон

отрицал этот факт, но, не имея тогда возможности доказать фальсификацию своей подписи под документом, ушел в отставку, уступив пост министра обороны Бен-Гуриону. Возвращение на этот ключевой пост в правительстве через некоторое время предопределило переход к Бен-Гуриону и кресла премьер-министра, сначала фактически, а затем и официально*.

«Дело Лавона» поставило в центр дискуссии, которая велась на всех уровнях несколько лет в Израиле, многочисленные вопросы: кто отдал приказ? Кто несет ответственность за операцию? Лжет ли директор военной разведки, когда утверждает, что получил соответствующее распоряжение от министра обороны во время разговора с ним в середине июля с глазу на глаз, без свидетелей? Лжет ли министр обороны, когда утверждает, что такого разговора не было? Были ли фальсифицированы задним числом соответствующие документы? Участвовал ли в этой фальсификации лично Моше Даян, который почему-то вызвал к себе одного из главных свидетелей до его официального допроса и имел с ним конфиденциальную беседу? И так далее и тому подобное. Но во время этих публичных дискуссий внимание отводилось от главного – от провокационных целей операции.

Определенность выбора, сделанного израильским руководством, была подтверждена событиями, которые не заставили себя ждать. Вернувшись в правительство, Бен-Гурион с помощью Даяна стал готовить операцию против египетского армейского подразделения в Газе, которая по соглашению о перемирии 1949 года была отдана под административный контроль Египта. Ровно через неделю после возвращения Бен-Гуриона из кибуца в пус-

* Только по прошествии восьми лет, в 1963 году, когда правительство все-таки создало «комиссию семи», оправдавшую Лавона вопреки требованиям Бен-Гуриона, премьер-министр окончательно покинул свой пост. Таким был финал «дела Лавона».

тыне Негев массированная атака на Газу была осуществлена. Штаб египетского подразделения был разрушен, убито 38 и ранено 30 египетских солдат и офицеров. Шарет, убедившись, что не в состоянии оказывать реальное воздействие на ход событий, ушел в отставку. Операцию в Газе некоторые авторы, описывающие этот период развития ближневосточного конфликта, справедливо называют открытым объявлением войны Насеру и его направлению национализма. Это, естественно, было понято и самим Насером.

И все-таки неправильно было бы представлять новое египетское руководство в качестве однозначно ориентирующегося, вплоть до операции в Газе, на замирение с Израилем. Даже взяв курс на снятие напряженности с Тель-Авивом, Насер ужесточил блокаду Тианского пролива, заперев, таким образом, залив Акаба, где находится израильский порт Эйлат. Однако это делалось в условиях, когда он убеждался, что линия Шарета не находила поддержки в самом Израиле. Те, кто выступал за мир с арабами, стремился отойти от воинственной линии расширения территории Израиля за счет соседних арабских стран, оставались в меньшинстве.

В то же время Насер не хотел идти на сепаратное соглашение с Израилем, особенно в условиях своего становления в качестве общерабского лидера. Но вступить на путь, ведущий к урегулированию, он стремился. Нельзя отрицать, что изоляция Шарета и широкая поддержка ястребов в Израиле – Бен-Гуриона, Моше Даяна, Лавона и других – была во многом predetermined угрозами ликвидировать Государство Израиль. Вслух об этом говорил бывший лидер Организации освобождения Палестины Ахмед Шукейри. В 60-х годах бездумно и, как выяснилось, во вред себе использовали этот лозунг Арафат и его окружение. Однако уже в марте 1977 года на сессии Национального совета Палестины в Каире было

принято официальное решение о цели борьбы – создании палестинского государства не вместо Израиля, а фактически наряду с ним, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. А из моих встреч с Арафатом я узнал о такой идее за шесть лет до этого решения. Но об этом далее. Экстремистские призывы нанесли большой ущерб арабам.

Но смею утверждать, что и руководители «прифронтовых» арабских государств цели уничтожения Израиля перед собой не ставили даже во время войны в 1973 году, начатой Египтом и Сирией³⁴. Я мог сделать этот вывод из ряда откровенных бесед с Анваром Садатом, Хафезом Асадом, королем Хусейном.

Глава III

НЕИЗБЕЖНОСТЬ КОНФРОНТАЦИИ С ЗАПАДОМ

Разногласия между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Соединенными Штатами – с другой, по поводу Ближнего Востока существовали. Это были не антагонистические противоречия, а именно разногласия. Традиционные колониальные державы к этому времени уже начинали понимать, что ни старыми методами, ни противодействуя американской экспансии, они не смогут вернуть свои позиции. Париж, возможно, пришел к такому выводу несколько позже, чем Лондон, пытаясь силой сохранить свое господство над Северной Африкой. Но при всех разногласиях общая политическая линия США, Великобритании и Франции в отношении арабского мира образовывалась на базе стремления втянуть суверенные арабские государства в военные блоки, руководимые Западом. Это стремление подогревалось опасением, что ряд независимых арабских стран примкнет к советскому лагерю. Набирала силу холодная война...

I. Раздражитель: военные блоки

Вашингтон упорно хотел втянуть Египет в военный блок, намеренно затягивая вопрос о сделке по продаже оружия. Не вышло с «исламским союзом», тогда США

выступили инициаторами двустороннего турецко-пакистанского блока, рассчитывая превратить его в «ось» широкого военного союза с обязательным участием в нем арабских государств. Но насеровский Египет оставался в стороне.

Его не расположил к военному союзу отказ США от первоначального стремления подключить к нему и Израиль. 24 февраля 1955 года Вашингтону и Лондону удалось оформить турецко-иракский военный союз, получивший название Багдадского пакта (впоследствии СЕНТО)³⁵. К нему официально присоединилась Великобритания, а затем Пакистан и Иран. США формально оставались за пределами СЕНТО. Египет выступил против Багдадского пакта. Главным мотивом резко отрицательного отношения к Багдадскому пакту была уже не неудача с закупкой американского современного оружия. В Каире не могли не видеть, что, вступив в пакт, Ирак обрел военную помощь со стороны США. Но Ирак, находившийся в то время под руководством проанглийских короля Фейсала и премьер-министра Нури Саида, не мог стать и не стал примером для насеровского Египта. А прямая оппозиция к Багдадскому пакту возникла по той причине, что с его помощью Египет попытались изолировать от других арабских стран. После свержения в Сирии проамериканского режима Шишекли и формирования правительства во главе с лидером Национальной партии³⁶ Сабри Асали особой заботой Вашингтона стало не допустить создания египетско-сирийского противовеса Багдадскому пакту. 26 февраля 1955 года посол США в Дамаске вручил сирийскому правительству памятную записку, в которой было предложено Сирии отказаться от подписания оборонительного союза с Египтом. Когда Сирия отвергла эту рекомендацию, началась кампания давления на эту страну, которая проявилась в резком обострении отношений с Сирией Турции и Ирака, атаках

Израиля, наконец, убийстве патриотично настроенного помощника начальника генерального штаба сирийской армии Аднана Малики. Вашингтон предпочел действовать в тот период чужими руками. Так было и тогда, когда Антони Иден, перед назначением премьер-министром в апреле 1955 года, предложил Насеру «пряник»: направил ему секретное послание, в котором в обмен на прекращение насеровской кампании против Багдадского пакта обещал не принимать в него ни одну арабскую страну, кроме уже вступившего в пакт Ирака. Это послание свидетельствовало, насколько действенной становилась египетская пропаганда, особенно когда из Каира начала вещать радиостанция «Голос арабов», которую слушал весь арабский мир. 20 октября 1955 года оборонительный египетско-сирийский союз был подписан. По-видимому, для американцев было неожиданным, что к союзу присоединилась и Саудовская Аравия. Дело в том, что саудовская династия была в традиционной вражде с династией Хашимитов в Ираке. Немалое значение, очевидно, имел и тот факт, что именно в этот момент обострились отношения Саудовской Аравии не только с Ираком, но и с английским ставленником султаном Маската³⁷, который заявил свои претензии на оазис Бурайми. Султана открыто поддержала Англия. Процесс не ограничился созданием тройственного оборонительного союза. В середине 50-х годов стало ясно, что Египет становится по разные стороны баррикады не только с Великобританией, но и с Францией. В своем выступлении в апреле 1955 года на Бандунгской конференции³⁸ 29 афро-азиатских государств, которая сыграла немалую роль в становлении его антиколониального мировоззрения, Насер сказал: «Почему мы должны считать естественным, что страны Северной Африки, которые в течение веков были независимыми и являлись центрами науки и древней цивилизации, низведены до уровня

окраинных районов, лишенных свободы и независимости?». Началась поддержка Египтом алжирских повстанцев. В то время она выражалась в изменении отношения к лидерам алжирского национально-освободительного движения, находившимся в Каире, – раньше они были «под колпаком» египетских спецслужб, и им на территории Египта не разрешалась никакая антифранцузская деятельность. Теперь положение изменилось. Алжирским повстанцам тайно оказывалась финансовая помощь. Очевидной стала пропагандистская поддержка Египтом национально-освободительного движения в Алжире, особенно с использованием радиостанции «Голос арабов». Но Насер и его окружение все еще продолжали строить свою политику в расчете на то, что позиция Вашингтона резко отличается от позиции Великобритании и Франции в отношении арабских стран.

II. Критерий: кто даст оружие и поможет построить плотину

Главным для Насера на том этапе было стремление решить две проблемы: закупить оружие и получить помощь в строительстве Высотной Асуанской плотины³⁹ (по-арабски Ас-Садд аль-Аали). Обе эти проблемы расценивались Каиром как жизненно важные. Первая возникла во многом из начавшейся активной конфронтации с Израилем. Что касается строительства Асуанской плотины, то с ее возведением «Свободные офицеры» связывали решение не только экономических задач, хотя они были чрезвычайно важны, – прекращение губительных разливов Нила, увеличение на одну треть культиви-

руемой сельскохозяйственной территории. С Асуанской плотинной тесно связывалась и проблема укрепления новой власти, которая на тот период еще не была полностью стабильной. И по этим двум жизненно важным для Египта проблемам – закупке оружия и строительству Асуанской плотины – Соединенные Штаты сказали «нет». Причем отказали, сначала обнадежив. В конце концов, Насер и его окружение поняли, что тягучие переговоры пробуксовывают, так как США явно ведут дело к затяжке решения о поставках оружия. Вашингтон стремился приручить Египет и с этой целью сохранять его ослабленным. Только после того, как Запад захлопнул перед Египтом все двери – хочу это подчеркнуть, – он обратился к Советскому Союзу сначала с просьбой о продаже оружия, а затем о сотрудничестве в строительстве Асуанской плотины. Мне могут возразить, что еще в мае 1955 года, возвратившись из Бандунга, Насер дал команду вступить по этому вопросу в контакт с военным атташе советского посольства в Каире, – возможно, он хотел проверить дееспособность тех рекомендаций, которые ему дал в Бандунге министр иностранных дел Китайской Народной Республики Чжоу Эньлай. Но в то время египетское руководство еще ориентировалось на получение вооружения из США. Еще не наступило полное разочарование в американской политике. И неслучайно Насер решил сообщить послу США в Каире Генри Байроуду о своем контакте с советским посольством. Может быть, не без причины американский посол сказал резиденту ЦРУ Коплэнду, что Насер блефует. Насер все еще надеялся, а Вашингтон продолжал выжидать. Военный атташе в советском посольстве в Каире Леонид Дмитриевич Немченко, уйдя в отставку, работал в ИМЭМО. В бытность мою первым заместителем директора этого института (директором я стал позже) мы много раз встречались с ним и, естественно, говорили о том периоде, когда

он был основной фигурой в переговорах по закупке Египтом советского оружия через Чехословакию. Немченко нисколько не сомневался, что первый выход на него с просьбой прозондировать почву о возможности сделки был, скорее, методом давления на американцев. Но дело было очень серьезным, и Москва, особенно после беседы в Каире Насера с главным редактором газеты «Правда» Шепиловым, решила в любом случае дать согласие. Может быть, в то время в Москве уже больше, чем в Каире, сомневались в готовности США, связанных многочисленными обязательствами со своими западно-европейскими союзниками и Израилем, представить «непонятному» для них Насеру современное вооружение. Как предполагали в Москве, так и получилось. В сентябре 1955 года Насер объявил во всеулышание не о контактах, а о состоявшейся договоренности с Советским Союзом и Чехословакией по поставкам вооружений египетской армии. Больше он попросту ждать не мог, так как Израиль заявил о стремлении силой открыть для судоходства залив Акаба. С целью уговорить Насера отказаться от договоренности с СССР в Каир прибыл личный друг президента Эйзенхауэра Роберт Андерсон. Для большей убедительности своей миссии, а возможно, желая и на деле снять напряженность со стороны Израиля, он совершил «челночную миссию». Его возвращение из Израиля в Египет сопровождало «активное мероприятие» ЦРУ, передавшего через «Кима» Рузвельта документально не подкрепленное, устное предложение Насеру о секретной сделке по закупке американского оружия. Насер не поддался на этот прием. После провала переговоров по закупке американского оружия в отношениях Египта с Западом произошел еще один сбой, чрезвычайно болезненный для «Свободных офицеров». Провалились переговоры о предоставлении западных кредитов на строительство жизненно важной для Египта Асуан-

ской плотины. Отказ принять ряд требований, которые, по словам Насера, означали фактическое установление контроля над финансами, бюджетом и экономикой Египта, повлек за собой аннулирование предложений со стороны американского и английского правительств и Международного банка реконструкции⁴¹ и развития предоставить соответственно 55, 15 и 200 млн долларов США в виде займов на сооружение плотины на Ниле. Отказ финансировать строительство Асуанской плотины оказался неожиданным для египетского руководства, которое было в определенной степени ослеплено американскими многообещающими демаршами, призванными сорвать сделку по закупке оружия у СССР. В декабре 1955 года Вашингтон объявил даже о том, что готов вместе с Англией финансировать не только начало, но и все последующие стадии строительства в Асуане. Вдохновляло молодых офицеров и признание президента США Эйзенхауэра в отчете конгрессу США за вторую половину 1955 года, что строительство Асуанской плотины является «...ключом к способности Египта в будущем обеспечить свое растущее население». Все эти заявления делались уже после объявления Каиром о закупке советского оружия. Все это вселяло надежду. И вдруг – скоординированный отказ. Нужно сказать, что Египет сначала даже решил постучать в уже захлопнутую дверь. Как известно, Соединенные Штаты первыми заявили устами Даллеса в июле 1956 года об отказе финансировать строительство Асуанской плотины. За ними через день последовала Англия. Возможно, недопонимая, что в Международном банке заправляют США и именно их отказ предопределяет решение банка, Насер обратился к его президенту с просьбой взять все финансирование на себя – доля банка, как было видно из предыдущего текста, во много раз превосходила предлагавшиеся займы США и Англии. Но просьба Насера была отклонена. Что так

заострило американскую политику против Египта? Решение закупить оружие у СССР? Не в полной мере. Известно, что резидентура ЦРУ в Каире докладывала в свой центр, что не следует воспринимать закупку вооружений у СССР в качестве «меры, враждебной Соединенным Штатам». Признание Египтом в мае 1956 года Китайской Народной Республики? Тоже, очевидно, не в полной мере. Не исключено, что через канал «Кима» Рузвельта египтяне могли объяснить свое решение тем, что это тоже не направлено против Соединенных Штатов. У Каира был аргумент в пользу такого объяснения: Египет хотел иметь в запасе и другие источники получения оружия, опасаясь, что Советский Союз, уже начавший зондировать почву, может договориться с США, Великобританией и Францией об эмбарго на поставки оружия на Ближний Восток*. Не повлияли особо и переговоры с прибывшим в Каир министром иностранных дел СССР Д.Т. Шепиловым. Одновременно происходили встречи и переговоры с высокими представителями многих западных государств. Дело в том, что проводимая

* В 1957 году советское правительство сделало такое предложение. Оно содержалось в виде одного из пунктов проекта декларации, предложенной СССР трем державам о политике на Ближнем и Среднем Востоке. В беседе с послом СССР в Египте Е.Д. Киселевым 10 февраля 1957 года Насер категорически возразил против предложения о запрете СССР, США, Великобритании и Франции ввозить оружие в регион. Объясняя свою позицию, Насер сказал, что эмбарго, с одной стороны, зафиксировало бы нынешнее положение, при котором Израиль превосходит Египет в вооружениях, особенно в авиации, с другой – «...Израиль все равно мог бы получать нужное ему вооружение из той же Канады», и страны Багдадского пакта смогут обойти запрет – Турция будет получать оружие не у США, а у натовской Италии, а затем снабжать им Ирак. Киселев возразил Насеру, сказав, что, если Канада будет снабжать Израиль оружием, несмотря на содержащийся в декларации призыв следовать ее принципам, обращенный ко всем другим государствам, у Египта немало друзей, скажем, Китай, Чехословакия, которые в таком случае смогут с таким же успехом снабжать вооружением Египет. Декларацию, предложенную СССР, не приняли западные государства.

в условиях холодной войны Каиром политика балансирования между «свободным миром» и «социалистическим лагерем» с целью сохранить свою независимость уже не устраивала США. Такая политика расценивалась в Вашингтоне как нежелание Насера идти по предлагаемому ему пути – по большому счету отдать себя под западный контроль. Таким образом, антиимпериализм не был изначальным во время взятия власти «Свободными офицерами». Он постепенно, с некоторыми перерывами, развивался и укреплялся по мере столкновения насеровского Египта с реальной политикой Великобритании. Начала возрастать и напряженность, а затем враждебность в отношении США.

III. Начало открытого противоборства

Через пять дней после отказа США предоставить Египту заем на асуанское строительство Насер, выступая на митинге по случаю строительства газопровода из Суэца в Каир, заявил: «Высотная плотина будет построена».

Вдохновленный неистовой поддержкой присутствовавших на митинге, добавил: «Запад пусть захлебнется в своей ярости». Это был уже вызов всему Западу, но пока на словах. 26 июля 1956 года Насер выступил на митинге, который транслировался по всему арабскому миру, с речью, посвященной четвертой годовщине свержения короля Фарука. Президент Египта выступал – это было весьма символично – на площади Мухаммеда Али в Александрии, на том самом месте, где на него было совершено покушение «Братьями-мусульманами». Во вре-

мя своего выступления он произнес несколько раз подряд кодовое слово, по которому заранее подготовленные группы взяли под свой контроль все офисы Компании Суэцкого канала – в Порт-Саиде, Суэце, Исмаилии. «В этот момент, когда я обращаюсь к вам, – сказал Насер, – Компания Суэцкого канала от имени египетского народа уже национализирована». Национализация компании была немедленно отвергнута Великобританией и Францией.

Через 24 часа после объявления о национализации английский премьер-министр получил согласие кабинета на применение силы против Насера. Президент США Эйзенхауэр, посчитав, что такие действия могут дестабилизировать обстановку на всем Ближнем Востоке, 31 июля просил Идена по телефону «проявить выдержку». Франция, занимая позицию, аналогичную английской, предпочла это не афишировать и вступила в секретные переговоры с израильским руководством. Юридическая сторона национализации компании Египтом была безупречной. Поэтому Иден не последовал рекомендации Эйзенхауэра о передаче дела в Международный суд, а заявил, что речь идет о «неспособности Египта самостоятельно управлять этим важнейшим для всего мира каналом». Вначале шла пропагандистская война. Каждое выступление Насера по «Голосу арабов» с нетерпением ждали, слушали миллионы людей во всех арабских странах. Ни одна арабская радиостанция, даже тех стран, где правительства были тесно связаны с англичанами, не выступала против египетского лидера. Исключение составила только созданная при помощи англичан радиостанция «Братьев-мусульман» на Кипре, которая регулярно обвиняла египетского президента в том, что он «тянет страну в хаос». Как мне рассказывал один из ближайших коллег Насера, он опасался, что англичане, используя эту радиостанцию, готовят заговор против него в Египте.

Однако события начали развиваться по другому сценарию. Канал функционировал нормально даже в условиях, когда бывшие владельцы компании прервали контракты и отозвали лоцманов из европейских стран (их заменили греческие, восточногерманские и русские лоцманы). Казалось, что все можно решить мирным путем. Американское руководство доводило до Насера свою позицию, которая заключалась в том, что США не намерены открыто осуждать военную подготовку своих союзников, но делают это по конфиденциальным каналам.

В Совете Безопасности ООН создалась тупиковая ситуация. СССР заблокировал англо-французскую резолюцию, носившую откровенно антиегипетский характер. Великобритания и Франция заветировали резолюцию, в которой предлагалось мирное решение при сохранении за Египтом управления Суэцким каналом. Однако подготовка к нападению на Египет уже вступила в практическую фазу. 14 и 16 октября состоялся обмен визитами между французскими эмиссарами, прибывшими в Лондон, и Иденом, приехавшим в сопровождении министра иностранных дел С. Ллойда в Париж. Израиль, который до этого держался в тени и имел контакты только с французами, вышел на сцену в качестве основного «забойщика» вооруженного нападения на Египет. Бен-Гурион получил гарантии от англичан, что они уничтожат египетские ВВС на земле, и потребовал, чтобы наблюдатели ООН отодвинулись со своего основного поста в Аль-Аудже. Датой нападения на Египет было обозначено 29 октября. Очевидно, во внимание принимались два обстоятельства: США в эти дни были заняты президентскими выборами⁴¹, а Советский Союз был втянут в венгерские события⁴², где произошло восстание против коммунистического режима. В этот день израильские парашютисты были сброшены вблизи перевала Митла на Синае. 30 октября Великобритания и Франция выдвинули ультиматум с требованием отвести войска двух сторон на отметку в 10 миль от Суэцкого канала. Это

означало, что Египет, который перебросил свою армию на Синай навстречу израильтянам, должен был отодвинуться на 30 миль в глубь своей территории, а израильтяне – продвинуться на 60 миль к Суэцкому каналу. Израильтяне по предварительной договоренности приняли ультиматум, а Египет отверг его. Тогда в войну вступили Великобритания и Франция. Авиация начала бомбардировки египетских целей.

5 ноября английские парашютисты были сброшены в Порт-Саиде, французские – в Порт-Фуаде. Требование прекратить военные действия и отвести войска с Синая последовало от президента Соединенных Штатов Эйзенхауэра. Беспрецедентное заявление было сделано председателем Совета Министров СССР Н.А. Булганиным, пригрозившим обрушить ракеты на государства, напавшие на Египет, в случае, если их войска не уйдут с египетской территории. Не думаю, что эта угроза могла быть осуществлена. Н.С. Хрущев еще до тройственной агрессии передал Насеру, что Советский Союз не развяжет из-за Суэца мировую войну, и, судя по всему, это сообщение было встречено Насером с полным пониманием. В этом плане весьма интересны воспоминания в ту пору министра иностранных дел СССР Д.Т. Шепилова, высказанные им в интервью с Алексеем Васильевым – бывшим моим коллегой по работе в «Правде», а затем директором Института Африки Российской академии наук. По словам Шепилова, у советского руководства «...было твердое решение не доводить дело до военного конфликта. Но кое-какие меры психологического порядка я продумал и осуществил. Послов Франции, Англии и Израиля я вызвал ночью... На пользу дела пошла и экстравагантность Хрущева: “Черт его знает, что он может выкинуть...”»*.

* *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: От мессианства к прагматизму. – М., 1993. С. 50.

В дополнение к этому в Советском Союзе было объявлено, что, «если агрессоры не выведут все свои войска с территории Египта, правительство не будет препятствовать выезду советских граждан-добровольцев в Египет, пожелавших принять участие в борьбе египетского народа за его независимость»*. Это не могло пройти мимо внимания участников нападения на Египет. В конце концов, они вынуждены были уйти с египетской территории. Это произошло под воздействием внешних сил. Что касается египетской армии, то проявившаяся ее слабость выглядела особенно контрастно на фоне взлета патриотических чувств египтян, желания многих идти на фронт, защитить родину. Египет только в начале 1956 года стал получать советское оружие, на его освоение было очень мало времени. К тому же в этот период особенно важны были специалисты, способные в сжатые сроки обучить египетских солдат и офицеров применять полученное ими вооружение, а военные специалисты из СССР были приглашены в Египет значительно позже. Трудно осуждать за это египетское руководство. Насер, возможно, только после тройственного нападения по-настоящему понял, насколько Египту необходима боеспособная армия. Все египетско-израильские вооруженные столкновения до этого, начиная с 1948 года, происходили в виде локальных вспышек, не более. О большой войне в таких условиях Насер реально тогда не задумывался. Во время тройственной агрессии он говорил в своем окружении даже о необходимости превратить армию в небольшие партизанские группы, которые в случае оккупации Египта будут сражаться в глубине его территории.

А еще накануне нападения на Египет Насер, понимавший его неизбежность, позвонил по телефону президенту Сирии Шукри Куатли и королю Иордании Хусейну, попросив их не вступать в войну. Он назвал в разговоре

* Заявление ТАСС от 10 ноября 1956 года.

с Хусейном причину своего призыва: «...нужно уберечь иорданскую армию от разгрома». Это тоже свидетельствует о том, что Насер, с одной стороны, не хотел большой войны с Израилем, тем более напрямую поддерживаемого Великобританией и Францией, а с другой – трезво оценивал степень боеспособности не только египетской, но и армий других арабских стран. Вместе с тем он тогда явно не хотел «перегружать лодку» своих отношений с Соединенными Штатами, на которые по-прежнему делалась ставка, даже уже после получения советского оружия.

Во время тройственной агрессии, по словам очевидцев из его близкого окружения, Насер говорил: «...теперь всем ясно, наша главная надежда – Соединенные Штаты». Однако в одном плане нападение на Египет в октябре 1956 года было особенно поучительным для египетского руководства: израильская военная машина начала представлять собой прямую опасность не только для палестинских федаинов, не только для Сирии и Иордании, с территорий которых осуществлялись антиизраильские действия, но и для Египта. Такая опасность усиливалась потому, что Насер набирал все больший вес в арабском мире. Успехи внутреннего развития Египта, неспособность Запада склонить его к присоединению к военным блокам, запретить получать оружие из СССР, поставить на колени в связи с острой необходимостью в сооружении Высотной Асуанской плотины, наконец, широкая поддержка мировой общественности и преобладающего числа государств, когда страна подвергалась тройственному нападению, – все это само по себе работало на сплочение арабов.

В такой кульминационный момент, как агрессия против Египта, арабские массы стояли рядом. Сирийские рабочие взорвали три насосные станции нефтепровода «Ирак петролеум компани», перекачивающего нефть в Средиземноморье, Саудовская Аравия под давлением

народа объявила эмбарго на поставки нефти Великобритании и Франции, все арабские страны предприняли против этих стран дипломатические демарши. Антиимпериализм не был изначальным не только для египетских «Свободных офицеров», но и для тех, кто осуществил переворот 1958 года в Ираке⁴³. Члены нового иракского руководства заверили британских представителей, что отношения с Англией останутся важным для них приоритетом, а генерал Касем сказал послу США: «...мы, иракцы, хотим добрых отношений с Соединенными Штатами». Эти заверения подкреплялись особенно важными для Запада ссылками на то, что они согласованы с «Ирак петролеум компани». Но реакция и США, и Великобритании на события, происшедшие в Ираке, развивалась вне зависимости от этих заверений.

В значительно большей степени подействовал замок, повешенный на входных дверях помещения, где до переворота располагался штаб Багдадского пакта. Вашингтон и Лондон могли опасаться и «цепной реакции» в арабском мире после свержения монархии в Ираке. Беспокойство на Западе, несомненно, могла вызвать также возможность сближения, а то и слияния Ирака с насеровским Египтом. Второй человек в новом руководстве Абдель Салам Ареф открыто заявлял о такой перспективе. 15 июля началась высадка американских морских пехотинцев в Ливане, вскоре их число достигло 20 тысяч. Одновременно в Иорданию было переброшено 6 тысяч английских солдат. Это уже была солидная военная группировка, которая по своей численности и оснащённости оставляла мало сомнений в том, что ее предназначение – не оборона Ливана и Иордании от гипотетической иракской угрозы, просматривалась опасность вооруженного вторжения американско-английских войск в Ирак.

Беспокойство в этом плане вызывали позиции и Турции, и Ирана, и Пакистана, готовых силой сохранить

разваливающийся Багдадский пакт и с этой целью разгромить новый режим в Ираке.

Вооруженное вторжение в Ирак не состоялось в том числе и в результате позиции, занятой СССР, который предпринял военные меры, чтобы остудить Турцию и Иран. Не склонился к вооруженной атаке на новый режим в Ираке и президент Эйзенхауэр, рассчитывая в дальнейшем использовать Касема, – ЦРУ докладывало президенту США об антинасеровских настроениях лидера Ирака. Но как только Касем вышел из Багдадского пакта, начал закупать оружие у СССР и даже вначале включил в свое правительство нескольких коммунистов, отношение США к его режиму изменилось. Тогдашний директор ЦРУ Аллен Даллес публично объявил Ирак «одним из наиболее опасных уголков мира».

Глава IV

ПРИМАТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ НАД АРАБСКИМ ЕДИНСТВОМ

Менталитет пришедших к власти в арабских странах революционных националистов далеко не был однозначным в отношении общеарабского единства. На практике страновой национализм ставился выше общеарабского национализма. Это было характерно не только для одного Египта, но и для других арабских мелкобуржуазных режимов. Несмотря на заверения в готовности отстаивать единство арабского мира и даже провозглашение этой цели в качестве главной, расширялись противоречия между различными арабскими странами, освободившимися от колониальной зависимости.

I. Лозунги и реальная действительность

Одним из главных лозунгов пришедшего к власти Насера был клич: «Мы все – арабы» (по-арабски «Нахнуль араб»). Однако лозунг общеарабского единства отнюдь не заслонил для «Свободных офицеров» необходимости решать в первую очередь внутригипетские задачи: укрепить свою власть, не дать восстановиться прежней коррумпированной партийно-парламентской структуре, связан-

ной через короля Фарука или без него с Великобританией, провести аграрную реформу, с помощью которой пробиться в деревню, изолировать влияние исламистов, повести дело к прекращению британской оккупации зоны Суэцкого канала. Именно на этих задачах после прихода к власти сосредоточился Насер. И именно эта сосредоточенность предопределила на первых этапах его политику в отношении, как было показано, не только Соединенных Штатов, но и Израиля.

Продолжавший звучать лозунг арабского единства начал расходиться с реальной политикой. Может быть, свою роль сыграл и тот факт, что Насер еще не стал общеарабским лидером, а родоначальником лозунга арабского единства все-таки считалась сирийская Партия арабского социалистического возрождения («Баас»)⁴⁴. Она была образована в 40-х годах группой сирийских интеллигентов. В 1953 году к ней примкнула Арабская социалистическая партия, созданная тоже в Сирии. С тех пор партия существует в Сирии в своем нынешнем названии – Партия арабского социалистического возрождения⁴⁵. Во всех ее программных документах сохраняется упор на единство арабской нации, арабского мира. Существует и общеарабское руководство, базирующееся в Сирии, а до недавнего времени другое общеарабское руководство «Баас» располагалось в Ираке, вплоть до свержения режима Саддама Хусейна*. Ни в коей мере не следует отрицать существования объединительной тенденции в арабском мире. В пользу единства действовали и продолжают действовать общий литературный язык, культура, религия, исторические традиции. Такие тенденции подкреплялись тем, что особое влияние в области культуры, образования на другие арабские страны

* В 60-х годах «Баас» практически переродилась в две национальные партии – сирийскую и иракскую. Сирийские и иракские баасисты, несмотря на совпадения в лозунгах, целях, задачах, превратились во враждующие друг с другом организации.

оказывал Египет. Египетские радио, телевидение, кинематограф завоевывали умы и сердца арабов повсеместно. Обворожительный голос египетской певицы Умм-Кульсум звучал во всех уголках арабского мира. В Каирском университете обучались студенты из многих арабских стран. Характерно, что даже в год наибольшей напряженности египетско-иракских отношений в 1957 году в Ирак прибыло 400 египетских учителей для преподавания в иракских школах.

Одновременно к развитию общеарабского национализма подталкивала и арабская солидарность, развивавшаяся в контексте национально-освободительного движения и арабо-израильского конфликта. Поэтому многие считали, что в постколониальном арабском мире дело идет к формированию единой арабской общности, даже к воссозданию единого арабского пространства, значительная часть которого оказалась искусственно разделенной англо-французскими соглашениями. Тем более что насеровский Египет во все большей степени становился магнитом, притягивавшим к себе население других арабских стран. В них возникали не просто почитатели Насера, но группы и политические партии, объявлявшие себя насеристскими. Египетский президент выдвигался на роль признанного общеарабского лидера. Это усиливало тенденцию к сближению арабов и на государственном уровне. И неслучайно были предприняты реальные меры к созданию общих государств. Так, в 1958 году Египтом и Сирией была создана Объединенная Арабская Республика (ОАР)⁴⁶ – пожалуй, самая яркая историческая попытка образования единого арабского государства, которое могло бы превратиться в ядро, способное притянуть к себе и другие арабские страны.

Действительно, после создания египетско-сирийского государства к нему присоединился Йемен. Затем с Египтом безуспешно многократно стремилась объединиться Ливия.

II. Подоплека создания Объединенной Арабской Республики

Однако как произошло образование ОАР? Случилось ли это только в результате тяги арабов к государственному объединению? Несколько слов об истории Сирии до образования ОАР – это поможет лучше разобраться в обстановке. Первый сирийский лидер из военных полковник Хусни Заим с помощью ЦРУ пришел к власти в Дамаске в марте 1949 года. Через семь с небольшим месяцев он был свергнут и убит другим полковником, Сами Хинауи, которого не без причин подозревали в проанглийской ориентации. Через три месяца, опять при помощи ЦРУ, был произведен переворот, и к власти в Дамаске пришел полковник Адиб Шишекли, режим которого просуществовал четыре года. Когда президентом стал Шукри Куатли, Сирия начала довольно быстро сдвигаться влево. Хорошо организованная Сирийская коммунистическая партия⁴⁷ набирала силу. Считалось, что близок к коммунистам начальник генерального штаба сирийской армии генерал Афиф Бизри.

Насер не беспристрастно наблюдал за развитием событий в Сирии. Он направил президенту Куатли и руководителю сирийской разведки полковнику Сараджу предупреждение об опасности сползания националистического движения в лоно коммунистов. Можно ли все это отнести только за счет реального опасения Насера, что над «сердцевиной арабского мира» – Сирией взвывается коммунистическое знамя? По-видимому, к этому прибавились в то время опасения, что Сирия оттянет от Египта поддержку и помощь СССР, в которых Каир все больше нуждался. Но и дамаскские власти стали испытывать тревогу по поводу роста влияния сирийских коммунистов.

Очевидно, именно это, а не тяга к арабскому единству было главным мотивом, который привел в Каир сирийскую делегацию в составе президента Куатли и премьер-министра Азма. Они заявили Насеру, что только полное политическое объединение с Египтом спасет Сирию от «коммунистической опасности» и хаоса. Более прагматичный Насер вначале отверг предложение сирийцев о немедленном объединении. Он ответил им, что необходимо по меньшей мере пять лет подготовки для его осуществления. Вскоре Каир посетила вторая сирийская делегация с тем же призывом – к слиянию двух государств. Насер занял более гибкую, чем прежде, позицию, но склонялся к федеративному устройству. Сирийцы настаивали на унитарном характере объединенного государства, и, в конце концов, Насер принял их идею. Побудительным моментом к изменению его подхода было, скорее всего, опасение Насера, что в Сирии действительно к власти придут коммунисты.

Знаменательно, что сразу же после образования ОАР 1 февраля 1958 года Насер снял Бизри с высокого воинского поста и начал открытую атаку против Сирийской коммунистической партии. На тот период пришлось и жесткое преследование египетских левых. Неслучайно Соединенные Штаты, которые, вне всякого сомнения, не желали торжества объединительных процессов в арабском мире, особенно под руководством Насера, очень спокойно отнеслись к созданию ОАР. 23 января, то есть накануне создания ОАР, посол США в Каире сообщил Насеру, получив инструкцию из Вашингтона, что объединение Египта с Сирией – это внутреннее дело арабов и правительство США будет занимать пассивную позицию в этом вопросе. А после того как Насер встретился на сирийско-ливанской границе в Шторе с президентом Ливана Шехабом и дал команду прекратить снабжать оружием и деньгами просирийские силы в Ливане, США определились со сроком для эвакуации своих морских

пехотинцев из Ливана, введенных туда сразу после переворота в Ираке, и возобновили поставки в египетско-сирийское государство пшеницы по программе гуманитарной помощи.

Это все относится к реакции США и Великобритании на создание Объединенной Арабской Республики. Совершенно иначе они повели себя после переворота в Ираке, происшедшего 14 июля 1958 года. Что касается народных масс не только двух объединившихся, но и других арабских стран, то они восприняли создание Объединенной Арабской Республики с огромной радостью. Появление общего флага и общего руководства ОАР вызвало небывалое ликование на «арабской улице». Многие ждали, что к ОАР после переворота 1958 года присоединится Ирак. Но так не произошло. Насер не стоял за революционными событиями в Багдаде и не связывал их с перспективой объединения арабов.

Вскоре после создания ОАР руководитель сирийских спецслужб Сарадж встретился в Дераа с двумя иракскими офицерами, которые проинформировали его о создании подпольной организации в иракской армии с целью свержения монархии. Главный вопрос, который был задан Сараджу: могут ли они получить гарантии от ОАР в случае переворота? Естественно, Сарадж доложил Насеру о своей конфиденциальной встрече с иракцами, которыми оказались будущие руководители переворота в Ираке Абдель Керим Касем и Абдель Салям Ареф. Не думаю, что президент ОАР, если бы он нацеливался на создание еще более масштабного, чем ОАР, арабского государства, не воспользовался бы возможностью дать такую гарантию. Хотя бы на словах. Но он приказал Сараджу прервать этот контакт. После переворота в Багдаде Ареф прямо ставил вопрос о присоединении Ирака к ОАР, но Насер не поддержал эту идею.

Характерен в этой связи и разговор между Н.С. Хрущевым и Г.А. Насером, состоявшийся во время секретного

визита президента ОАР в Москву сразу же вслед за переворотом в Багдаде. Хрущев поинтересовался возможностью объединения Ирака с ОАР. Насер ответил более чем определенно: «Перед Ираком встанет множество трудных проблем, и объединение не должно вносить дополнительные осложнения в эти проблемы. Ирак во многом отличается от Сирии, а между Египтом и Сирией уже достаточно проблем. Я думаю, что какая-то связь между ОАР и Ираком будет, но какая точно – определится многими обстоятельствами».

Неправильно считать, будто Насер был противником арабского единства, солидарности арабов, общеарабской защиты своих интересов. Однако заложенный в его мышление прагматизм привел его к отказу от создания общеарабского государства. Не для создания такого государства был поддержан генерал Нимейри, совершивший переворот в Судане. Не с этой целью семидесятитысячная египетская армия была направлена на помощь йеменским племенам, выступившим против монархии. Не с целью создания единого государства арабов Каир поддержал алжирских борцов за независимость или Каддафи, оказавшегося во главе ливийских офицеров, свергнувших короля Идриса. Безусловно, Насеру импонировал ореол вождя, лидера арабского мира, но он, особенно после плачевного конца египетско-сирийской республики, не связывал свою роль в арабском мире с его государственным объединением.

Египетско-сирийское государство перестало существовать в 1961 году. Оно распалось в результате выступления сирийских офицеров в Дамаске. В решающей степени сказались объективные различия между арабскими странами, и верх взял опять-таки национализм, но на этот раз страновой. Кстати, сирийские коммунисты были далеко не ведущей силой, которая привела к крушению ОАР. Победили сирийские националисты, посчитавшие, что насеровский Египет превращает Сирию в свой при-

даток, не более того. Конец египетско-сирийского государства имел серьезные последствия для определения направления, в котором развивался и развивается арабский мир.

Импульсивный приказ о высадке египетских войск в Латакии для сохранения объединенного египетско-сирийского государства был отменен самим же Насером. Есть все основания считать, что в тот момент он окончательно осознал невозможность осуществить единство арабских стран с помощью силы. Через два года Насер вообще отказался от идеи создания единого арабского государства.

Какие факты позволяют сделать такой вывод? В марте 1963 года в Каир прибыли две баасистские делегации – сирийская и иракская, которые в течение двух с половиной недель вели переговоры с египетским руководством во главе с Насером. В это время баасисты, еще не отошедшие друг от друга, находились во власти и в Сирии, и в Ираке. Делегации были более чем представительными. Сирийскую возглавляли основатели партии «Баас» Мишель Афляк и Салах Битар, иракскую – Али Салех Саади – лидер иракского крыла партии. Они по предварительной договоренности одновременно приехали в Каир, рассчитывая, что в новых условиях Насер будет более расположен к идее создания тройственного египетско-сирийско-иракского единого государства. Как отреагировал Насер? По свидетельству очевидцев, он откровенно и нелюбопытно разобрал позицию сирийцев, вышедших из ОАР в 1961 году, причем зная, что и Афляк, и Битар тогда поддержали этот выход. Затем заговорил о теоретической возможности, рассчитанной на многие годы вперед, создания тройственной федерации. При этом, по мнению Насера, начинать нужно с объединения обороны и внешней политики при сохранении на длительный период суверенитета всех трех стран. И еще одно условие:

сначала поэтапное создание египетско-сирийской федерации, и только потом к этой федерации примкнет Ирак.

Вряд ли Насер, предложив такую схему, ставил перед собой задачу реального объединения трех государств. Иначе не объяснить, почему именно на этой встрече он не ограничился ретроспективной критикой по поводу развала ОАР, но перешел к рассмотрению уже нынешнего положения, обвинив иракский режим в связях с ЦРУ, которое снабжает Багдад легким вооружением для борьбы с курдами. Чтобы не быть голословным, Насер назвал по имени Уильяма Лейкленда, американского разведчика, находившегося на связи с иракским руководством, которого он знал с тех пор, когда тот работал под прикрытием атташе посольства США в Каире. Нет, он не был против нормальных и даже хороших отношений любой арабской страны с Соединенными Штатами, но настаивал на необходимости исключить практику, которая может привести арабскую страну, в данном случае Ирак, к сдаче своих позиций Центральному разведывательному управлению США. Насер сказал, что он не против и нового знамени предлагаемой федерации с тремя звездами. Но она должна складываться системно, методично и очень, очень медленно. Казалось, что у этих переговоров будет продолжение, но больше подобных встреч не было.

Очевидно, все стороны пришли к выводу, что в сложившихся условиях отсутствуют реальные шансы преодолеть раскол арабского мира. Справедливая констатация, особенно после краха ОАР в 1961 году, невозможности создания нового арабского единого государства сразу, с «чистого листа», подкреплялась не менее справедливым выводом, что будет очень трудно, если вообще возможно в сложившейся обстановке на Ближнем Востоке, заполучить спокойные годы для поэтапных договоренностей между столь несхожими тремя арабскими режимами. Единственным жизнеспособным объединенным государством на Арабском Востоке оказались Объединенные

Арабские Эмираты (ОАЭ)⁴⁸, но в него вошли территории, еще не вполне сложившиеся до этого в виде государств, и, следовательно, не было солидной основы для развития страновых национализмов. Когда такой национализм образовывался, он брал верх над национализмом общеарабским. Это послужило причиной неудачи целого ряда объединительных попыток в арабском мире, причем, казалось бы, в условиях, благоприятствующих их успеху.

В 1958 году в Ираке и Иордании – двух королевствах, во главе которых в то время стояла одна и та же династия Хашимитов, – было уже создано федеральное правительство, возглавляемое Нури Саидом, но оно оказалось фикцией. Не состоялось объединение Сирии и Ирака после того, как в феврале и марте 1963 года в Багдаде и Дамаске к власти пришла тогда еще не расколота на две части партия «Баас». Провалились попытки объединения Сирии и Ирака даже тогда, когда в Багдаде в июне 1979 года уже состоялось заседание специально созданного Высшего политического комитета, возглавляемого президентами Ахмадом Хасаном аль-Бакром и Хафезом Асадом, – было не только принято решение об объединении двух стран, но и созданы двусторонняя комиссия для разработки единой конституции и комитет по координации слияния двух правящих партий. И эта, казалось бы, уже начинающаяся оформляться попытка объединения не сработала. Правда, на этот раз к страновым прибавились противоречия между двумя группировками в руководстве Ирака – Бакра и Саддама Хусейна, который «раскрыл заговор» в Багдаде и арестовал «сирийских агентов» – людей, близких к Бакру.

22 августа Хафез Асад ночью позвонил Саддаму Хусейну по телефону: «Что случилось?» «Ничего особенного», – ответил Саддам. «Пусть кто-нибудь приедет и проинформирует меня о происшедшем», – предложил Асад. Саддам ответил отказом. 25 августа в Багдад при-

были министр иностранных дел Сирии Хаддам и начальник генерального штаба сирийских вооруженных сил. Им продемонстрировали «раскаявшегося заговорщика». Вернувшись в Дамаск, Хаддам категорически отверг какую-либо связь Сирии с событиями. Саддам в ответ принял решение: больше ни в какие контакты с сирийским руководством не вступать. Во время встречи глав неприсоединившихся стран⁴⁹ в Гаване и президент Алжира, и Арафат, и король Хусейн предлагали свое посредничество между Ираком и Сирией, но Саддам отказывался от любых попыток примирить его с Асадом. Совет Революционного командования Ирака⁵⁰ принял решение прекратить процесс слияния Ирака и Сирии в единое государство. Уже в августе «заговорщики» были расстреляны, и отношения двух баасистских режимов вновь сползли к открытой конфронтации. Ближе к концу XX века арабский мир окончательно принял ориентацию на многогосударственность, а не на создание единого или нескольких государственных объединений. Изменит ли ситуацию возможность развития интеграционных процессов, которые во многом определяют лицо современного мира? Известно, например, что набирает обороты интеграция в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии, не говоря уже о Европе. Однако в арабском мире такая тенденция пока проявляется лишь в странах Аравийского полуострова, но и там еще очень далеко до создания наднациональных (надгосударственных – это в данном случае было бы точнее) структур. Конечно, процессы глобализации подталкивают различные страны мира к взаимопроникновению. Интеграционные процессы охватывают страны, даже далекие друг от друга по языковому признаку, да и исторически совсем неблизкие. Эти процессы в конце концов не обойдут стороной и арабский мир, может быть, отдельные его части. Но в лучшем случае не в близком будущем.

III. Несработавший механизм объединения

Не выполнила миссии не только по государственному объединению арабских стран, но и по их интеграции в единую структуру, даже при сохранении суверенитета каждой из них, и Лига арабских государств⁵¹, созданная в 1945 году. Идея создания общеарабской организации исходила из Лондона, который связывал с ней планы сохранения английской монополии на господство над Ближним Востоком. Арабская общественность навряд ли тогда знала об этих планах, и многие считали, что Лига будет серьезным шагом вперед к арабскому единству, возможно, к появлению на мировой карте единого арабского государства, пусть даже в виде конфедерации. Этого не произошло. На саммитах этой организации удавалось разрядить накаленную обстановку или сгладить некоторые межарабские противоречия. Подчас это происходило в шаржированных формах, но все-таки происходило. Типичный пример – встреча в верхах Лиги арабских государств в Каире после «черного сентября» 1970 года⁵², ознаменовавшегося кровавыми палестино-иорданскими столкновениями. Ливийский лидер Каддафи сначала кричал, что не сядет за один стол с «убийцей» – иорданским королем Хусейном, оба хватались за оружие, король Саудовской Аравии в отчаянии заламывал руки, а потом благодаря успокоительному вмешательству Насера все обнимались. Но эти объятия не сказывались на отношениях между арабскими странами. Лига проявила себя с положительной стороны, приняв общеарабскую позицию в отношении арабо-израильского конфликта в 2000 году, когда руководители арабских стран коллективно отступили от многолетней позиции несогласия с существованием Израиля и даже решили признать его

не в границах, определенных на Генеральной Ассамблее в 1947 году в резолюции о разделе Палестины, а уже в расширенных Израилем границах во время первой арабо-израильской войны 1948 года. На заседании Лиги арабских государств была принята формула, предложенная наследным принцем Саудовской Аравии Абдаллой (фактическим руководителем страны при больном короле Фахде*): «мир за территории». Это расшифровалось как установление мира и дипломатических отношений арабских стран с Израилем в обмен на его согласие вернуть арабские территории, оккупированные в Шестидневной войне 1967 года. Все это так. Но Лига арабских государств, полезность существования и деятельности которой отнюдь не оспаривается, никогда не решала задачи создания единого арабского государства или общих надстроечных государственных структур в арабском мире. Я давно хорошо знаю и высоко ценю как незаурядного профессионала и многосторонне эрудированного человека, бывшего в течение многих лет генеральным секретарем Лиги арабских государств, Амра Мусу.

Он прилагает немало сил для сплочения арабского мира. Это, как он говорил мне, главная его цель. Но решить эту задачу, оказывается, гораздо труднее, чем осознать необходимость такого объединения. «Тяга к объединению арабов, – пишет один из биографов Насера Саид К. Абуриш, – вступила в коллизию с существующей реальностью, и ее романтическое влияние на среднего араба сокращалось день ото дня. Ливанские христиане опасались утонуть в исламском море, что лишило бы их христианской идентичности. Иорданцы, не имеющие длительной истории, не хотели быть низведенными до уровня маленького племени. Иракцы нуждались в чем-то, что способно уладить их этническое и религиозное разделение. Курдам, например, гораздо хуже находиться

* Король Фахд скончался в 2005 году, и на трон вступил Абдалла.

в одном большом арабском государстве, чем в Ираке. Сирийцы отвергали все то, что отрицает их лидирующие позиции, потому что они считают себя больше арабами, чем все остальные. В случае с Саудовской Аравией проявлялся страх за то, что придется делиться своим нефтяным благополучием с бедными арабами из Египта, Сирии и Иордании»*. Постепенное затухание тенденции к объединению арабов сказывается и на арабо-израильском конфликте. Порой ослабляют поддержку палестинцев те арабские страны, которые имеют дипломатические отношения с Израилем. Появляются и другие критерии, отражающиеся на поведении некоторых арабских государств. После шиитско-суннитского столкновения в Ираке, оккупированном американскими войсками, подчас проявляется суннитский характер того или иного арабского государства в отношении к шиитской «Хизбалле». Так произошло, например, когда министры иностранных дел стран-участниц Лиги арабских государств не смогли прийти к единой позиции по событиям в Ливане в 2006 году. Апогеем можно считать 12 ноября 2011 года, когда Лига арабских государств приняла резолюцию, поддержанную 19 из 22 стран-участниц, приостанавливающую членство Сирии в организации. В ультимативной форме с угрозой применения санкций режиму Б. Асада было предложено прекратить огонь против оппозиционных сил.

Как представляется, основной причиной такого согласованного шага преобладающего большинства арабских стран была близость сирийского режима с Ираном. Две тенденции – сложившаяся многогосударственность и превалирование страновых интересов над объединительными процессами – наложились и на арабо-израильские отношения, исключив апокалипсический сценарий развития событий. Проблема безопасности Израиля,

* *Aburish S.K. Nasser: The Last Arab. – N.Y., 2004. P. 195.*

несомненно, сохраняется и требует своего решения, но она видоизменилась в настоящее время, когда, по существу, перечеркнута ее идентичность с проблемой выживаемости государства.

IV. Разные подходы внешних сил, или как Азиз и Хаддам оказались в Москве

В отношении к арабскому единству четко просматривались две несовпадающие линии – Соединенных Штатов и Советского Союза. Думаю, что в Вашингтоне и Москве одинаково понимали бесперспективность создания арабских крупных интегрированных государств. В советской пропаганде часто звучала поддержка лозунга арабского единства, но под этим подразумевалось объединение арабов в русле национально-освободительной борьбы против попыток Запада расправиться с революционными мелкобуржуазными режимами. В Соединенных Штатах подчас тоже хотели сближения арабов, но чисто локального и на антинасеровской или антисирийской основе. Иными словами, сводили дело к созданию условий для борьбы с националистическими режимами при опоре на консервативные арабские режимы, ориентирующиеся на тесные связи с Соединенными Штатами. Советский Союз не пытался подорвать такие консервативные режимы изнутри и не настраивал против них Египет, Сирию, Ирак, и я уверен, что никто не сможет опровергнуть это. Напротив, СССР многократно стремился помочь преодолению противоречий между арабскими странами вне зависимости от их ориентации, да и внутри арабских стран, и не обязательно тех, на которые опирался в своей ближневосточной политике. Отсутст-

вие игры на противоречиях в арабском мире со стороны Советского Союза можно проиллюстрировать целым рядом примеров. Среди них и попытки не дать разгореться ирако-сирийским разногласиям, и курс, взятый СССР во время кувейтского кризиса⁵³, и стремление остановить гражданскую войну в Ливане, и нацеленность на преодоление палестино-сирийских, палестино-иорданских, сирийско-иорданских противоречий. Не должно складываться неверное впечатление, будто все эти действия предпринимались Советским Союзом, абстрагируясь от необходимости защиты своих интересов. Конечно, интересы присутствовали, но они защищались не через использование межарабских противоречий. Здесь я хотел бы остановиться, уверен, на малоизвестном, если вообще известном примере. В начале 80-х годов напряглись отношения СССР с Ираком, особенно в связи с ирако-иранской войной. Одновременно укреплялись отношения СССР с Сирией. Еще одной характеристикой ситуации были быстро разрастающиеся ирако-сирийские противоречия. Москва была далека от мысли сыграть на них. Напротив, состоялось решение Политбюро ЦК КПСС об организации встреч в Москве высоких представителей Ирака и Сирии, чтобы наметить пути сближения между этими странами. Проведение такой встречи укрепляло авторитет Советского Союза на Ближнем Востоке, и об этом, естественно, тоже думали в Москве. Но главным мотивом принятого решения было стремление стабилизировать обстановку. В то время я был директором Института востоковедения Академии наук СССР. В этом качестве мне было поручено организовать такую встречу в Москве и для этого проговорить все вопросы с Саддамом Хусейном и Хафезом Асадом. Сначала вылетел в Багдад, где 6 июля 1983 года был у С. Хусейна. Он сразу же согласился на наше предложение. В тот же день вечером Тарик Азиз, подтвердив это согласие, сказал, что Саддам Хусейн поручил ему эту миссию, которая «должна быть

строго конфиденциальной». С этим «багажом» я вылетел в Дамаск, где 10 июля встретился с Хафезом Асадом. Он тоже одобрил наше предложение. Было видно, что Асад остался весьма доволен и положительной реакцией С. Хусейна, о которой я ему сообщил. Но Асад все-таки попросил для окончательного решения четыре-пять дней отсрочки, во время которой любезно пригласил меня отдохнуть в Латакии, что я и сделал с удовольствием. С еще большим удовольствием предались отдыху многочисленные лица, как мне сказали, из личной охраны сирийского президента, сопровождавшие меня. 15 июля встретился с Асадом вторично, и он сообщил, что назначил в качестве представителя на переговорах вице-премьера и министра иностранных дел Хаддама. Во время продолжительной беседы Асад поделился некоторыми своими мыслями. Он сказал, что Москва особенно устраивает его как место проведения встречи. Несколько раз с предложениями о посредничестве отладить сирийско-иракские отношения к нему обращались представители арабских стран, но он понимал, что главная их забота – приблизить окончание ирако-иранской войны⁵⁴, а затем все-таки столкнуть лбами Сирию и Ирак. Спросил меня, довели ли мы до сведения Саддама Хусейна, что речь идет не о простой нормализации, а об улучшении отношений. И еще задал вопрос: «По каким соображениям, с вашей точки зрения, согласился на переговоры в Москве Ирак?». Я ответил – так и было на самом деле, – что, судя по моей беседе с Тариком Азизом, Ирак интересуется тем же в отношении Сирии. 25 июля 1983 года Тарик Азиз и Хаддам прибыли в Москву. Переговоры проходили в одном из правительственных особняков на Ленинских горах. Мы специально оставили переговорщиков наедине. Но вечером я зашел к ним и увидел, как они мирно играют в бильярд. Казалось, что это неплохое предзнаменование. Проговорили они и весь следующий день, а затем и Хаддам, и Тарик Азиз попросили органи-

зовать встречу с кем-нибудь из высшего советского руководства. Лучшей фигурой для такой миссии мог бы быть А.А. Громыко, но он, к сожалению, отсутствовал в Москве – отдыхал в Крыму. В Крым представители Сирии и Ирака так и не попали. Выяснилось, что их «негде там разместить». Такое банальное препятствие, как мне кажется, оказалось фатальным. Я был уверен, что если бы с ними встретился Громыко, то можно было бы нащупать решение, пусть неокончателное, половинчатое, но все-таки решение. Однако этого не произошло. Оба участника переговоров информировали, что не пришли к согласию по целому ряду основных вопросов. Но одновременно и Хаддам, и Тарик Азиз отметили, что все-таки их разговоры не были бесполезными. Факт их встречи остался полностью засекреченным.

Какой общий вывод мог бы быть сделан?

Наряду с несостоявшимся панарабским национализмом, отступившим под напором интересов отдельных арабских стран, резко пошел на убыль и в конце концов сошел с исторической арены мелкобуржуазный революционный национализм, свойственный целому ряду режимов в арабских странах, вырвавшихся из-под господства западных держав. Конец XX и особенно начало XXI века отмечены резкой активизацией сил, связанных с исламской идеологией. В немалой степени этому способствовала затянувшаяся неурегулированность арабо-израильского конфликта, ввод советских войск в Афганистан, а после их вывода – операция США в Ираке. Вместе с тем, как представляется, в стратегической перспективе в арабском мире будет постепенно усиливаться национализм, избавленный от той направленности, которая была свойственна мелкобуржуазным революционерам.

Глава V

СССР И АРАБСКИЙ МИР: НЕПРОСТОЙ ПУТЬ К СБЛИЖЕНИЮ

Политика бывших колониальных держав, а затем и США подталкивала целый ряд арабских стран к сотрудничеству с СССР. В этом же направлении действовало и развитие арабо-израильского конфликта. Разносторонняя советская помощь арабскому миру и позиция, которую занимала Москва в критические моменты конфронтации арабских стран с Израилем, располагали к Советскому Союзу и арабские монархии, тесно связанные с Западом. Все-таки общеарабские чувства были не эфемерными. Однако партнерами с СССР становились те арабские страны, у руководства которых находились революционные националисты. Это же относилось и к Палестинскому движению сопротивления. Поддержка антиколониальных, национально-освободительных сил была одним из идеологических устоев советской внешней политики. Но идеология, господствовавшая в СССР, предопределила и тот факт, что отношения Советского Союза с арабскими революционными националистами сложились очень не просто и далеко не сразу.

I. Препятствие – антикоммунизм

Определяющим в выработке советского подхода к тому или иному новому арабскому режиму на первых порах было его отношение с местными коммунистами. Такой

критерий сохранялся, но переставал быть определяющим.

Между тем антикоммунизм в разных формах и в разной степени проявлялся в Египте, Сирии, Судане, но особенно кровавым он был в Ираке. Нетерпимость к прокоммунистическим элементам существовала и в Йемене. Несовместимость новых руководителей арабских стран с местными коммунистами отнюдь не исчезала, хотя антикоммунизм мог несколько притупиться в те периоды, когда устанавливались и достигали высокой степени развития отношения с Советским Союзом. Коммунистические группы или партии, образовавшиеся в арабских странах еще в колониальный период, были через Коммунистический Интернационал (Коминтерн)⁵⁵ и непосредственно связаны с Советским Союзом. В ЦК КПСС существовал Международный отдел, который осуществлял контакты со всеми зарубежными компартиями, в нем был сектор работы с арабскими коммунистическими партиями. КПСС высоко ценила свой статус центра мирового коммунистического движения и придавала особое значение числу компартий в мире, даже малочисленных, даже невлиятельных, но все-таки часто лишь по названию коммунистических партий.

Вместе с тем, исходя из догматических представлений, ЦК ВКП(б), а затем на первых порах и ЦК КПСС делали ставку на то, что национально-освободительный процесс в мире может развиваться только под руководством или в крайнем случае при непосредственном участии в этом руководстве коммунистов. Другие силы, игнорирующие местные компартии или тем более подвергающие репрессиям коммунистов, однозначно вне зависимости от отношения самих компартий к мелкобуржуазным властям зачислялись в лагерь реакции. Иногда даже с эпитетом «фашистская» реакция.

Такая точка зрения превалировала в советском руководстве в 50-х годах. От нее начали медленно отходить,

пожалуй, лишь во второй половине 60-х годов – и то не сразу и нерешительно. Конечно, выдвигая отношение того или иного арабского режима к местным коммунистам в качестве одного из главных критериев своей политики, Советский Союз руководствовался не только чисто идеологическими соображениями. В Москве справедливо исходили и из того, что антикоммунизм ослабляет власть мелкобуржуазных сил, которые отталкивали от себя порой значительные слои прогрессивной творческой интеллигенции, даже организованно не связанные с компартиями. Вместе с тем в Египте, Сирии и временами в Ираке такая советская позиция заставляла мелкобуржуазные режимы ослаблять борьбу с коммунистическими партиями, с левыми в целом. Положение менялось и в связи с выдвинутым в Москве теоретическим новшеством. Со ссылкой на В.И. Ленина была развита теория, согласно которой освободившиеся от колониальной зависимости страны могут на первом этапе идти к социализму своим путем, не через «традиционную» диктатуру пролетариата. Так была создана теория «социалистической ориентации». Главными критериями для стран, вставших на путь некапиталистического развития, стали большие масштабы национализации средств производства, иными словами, огосударствление экономики, а также создание партий или союзов под социалистическими вывесками. Такая теория не была идентичной «арабскому социализму». Признавая возможность некапиталистического развития арабских стран, она не снимала вопроса классовой борьбы. Большую роль в создании этой теории сыграл заместитель заведующего Международным отделом ЦК Р.А. Ульяновский*. Приняли участие

* Р.А. Ульяновский был осужден, как и многие другие старые партийцы, в 1936 году и семнадцать лет провел в ссылке. Это был, пожалуй, единственный случай, когда после реабилитации он стал сначала заместителем директора Института востоковедения АН СССР, а затем заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС.

в этом и советские ученые, в числе которых находился и автор этих строк. Главным стимулом для создания теории «социалистической ориентации» стало стремление укрепить радикальные режимы на Ближнем Востоке, убрать их из-под прицела местных компартий. При этом исходили из того, что эти режимы представляли собой реальную силу.

С середины 60-х годов в СССР стала побеждать линия на больший прагматизм в отношении с арабскими странами. События на Ближнем Востоке все меньше рассматривались через призму противоречий националистических режимов с местными компартиями. При беседах с представителями компартий в Центральном комитете КПСС им прямо говорилось о необходимости сближения с мелкобуржуазными руководителями арабских стран, им рекомендовали согласиться с тем, что не они, а революционно-националистическое руководство является на нынешнем этапе ведущей силой в освободительном движении в арабском мире. Компартиям, по сути, предлагалось сотрудничать и влиять на арабских националистов, которые, как не без причины считали в Москве, могли в то время усилить свой серьезный революционный потенциал.

Помимо антикоммунизма арабских националистических режимов существовали еще два раздражителя, которые негативно влияли на отношения Советского Союза в 50-х – начале 60-х годов с рядом арабских государств. СССР, находящийся в конфронтации с США, стремился обеспечить поддержку со стороны национально-освободительных сил. Однако по мере расширения гонки вооружений и опасного приближения к черте, переход через которую грозил перерасти в ядерную войну, Советский Союз был заинтересован в разрядке международной на-

Многие считали его догматически мыслящим человеком – и до ссылки, и после нее.

пряженности. Что касается арабских стран, в том числе и Египта, то они усматривали в такой заинтересованности СССР потерю своих возможностей извлекать выгоду из противостояния двух систем.

Небо над отношениями СССР с Египтом, равно как с Ираком и Сирией, не всегда было безоблачным и по разным причинам. В Египте работали тысячи советских специалистов – гражданских и военных – с семьями. Такая же картина, только в меньших масштабах, сложилась в Сирии и Ираке. Установились в основном хорошие отношения советских людей с местным населением. Многие надолго сохраняли дружеские чувства. Но так зачастую не происходило на относительно высоких уровнях. Подчас складывалось недовольство тем, что арабских специалистов «поучают иностранцы», и неоправданное стремление получить результаты работ как можно быстрее, а иногда и иждивенческие мотивы. Такие настроения старались приглушить Насер и высшие руководители других арабских стран. Появлялись раздражающие моменты и со стороны некоторых советских руководителей среднего уровня, а иногда и далеко не среднего – высокомерие, окрики. Чего стоит, например, «указание» Н.В. Подгорного в январе 1971 года во время его визита в Каир президенту Садату: «Уже настало для вас время избавиться от Хейкала». В такой форме говорилось о человеке, который продолжал играть в ту пору одну из главных ролей в выработке египетской политики, к тому же о друге Садата и отнюдь не антисоветски настроенном деятеле.

Негативную роль играли настроения руководства ряда арабских коммунистических партий. Не имея никаких оснований для этого, они претендовали на главенствующую роль в арабских странах с радикальными режимами. В таких условиях некоторые из руководителей компартий – не впрямую – не соглашались с теорией «социалистической ориентации». Например, генеральный секре-

тарь Сирийской коммунистической партии Халед Багдаш в разговоре со мной назвал эту теорию «отступлением в сторону ревизионизма». Публично он тоже критиковал эту теорию, но косвенно. В ряде случаев местные компартии исходили из того, что Советский Союз должен осуществлять свою линию в арабском мире через них, так как лишь они являются союзниками КПСС. Представляя себя в глазах Москвы «незаменимыми» проводниками советской политики на Ближнем Востоке, некоторые лидеры арабских компартий далеко не всегда ставили советское руководство в известность о своих планах, рассчитывая на то, что по идеологическим соображениям СССР все равно будет их поддерживать. Многое, естественно, стало яснее со временем. Но и тогда проявлялись детали этой картины, которые подчас разочаровывали. Но все это нисколько не перечеркивает самоотверженности, героизма, глубокой преданности интересам своего народа, солидарности с СССР тысяч членов арабских компартий.

II. Шепилов и разворот в сторону насеровского Египта

Когда к власти в Египте пришли «Свободные офицеры», то вначале отношение к ним в Москве было более чем скептическое. Главным критерием оценки новых сил в ту пору была та дистанция, которая отделяла их от местных коммунистов. В Египте эта дистанция оказалась очень значительной. Коммунистическое движение в Египте было слабым, раздробленным. Коммунистические группы объединяли в лучшем случае сотни людей, главным образом из прогрессивно мыслящей интеллигенции. Но

в 1922 году Социалистическая партия Египта была признана в качестве члена Коминтерна и стала называться Коммунистической партией Египта⁵⁶. В печатном органе этой партии «Аль-Хисаб» («Счет»), а также в каирской газете «Аль-Ахрам» была опубликована программа КПЕ. В ней впервые, в отличие от всех буржуазных партий страны, были высказаны многие положения, которые «вторым рождением» оказались выдвинутыми «Свободными офицерами». Среди них «передача в собственность нации Суэцкого канала»*.

КПЕ просуществовала недолго. Все члены партии были репрессированы в 1924 году после крупной забастовки на текстильной фабрике в Александрии. Первый генеральный секретарь КПЕ Антун Марун умер в тюрьме. Все это произошло в то время, когда в Египте было вафдистское правительство⁵⁷, возглавляемое Саадом Заглулом. После этого коммунистическое движение существовало в виде небольших групп, и лишь в 1947 году они объединились в коммунистическую организацию, принявшую название «Движение за национальное освобождение» (ХАДЕТУ). В программе этой организации, насчитывавшей около двух тысяч членов, говорилось о том, что она ведет борьбу в интересах рабочего класса и в качестве «путеводной звезды избирает марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы». Эта программа, которая была опубликована за год до свержения короля Фарука, отнюдь не расположила к египетским коммунистам «Свободных офицеров». Многие египетские коммунисты и им сочувствующие были честными, преданными своей стране патриотами, хорошо подготовленными в интеллектуальном плане, что проявилось на более поздних этапах, когда на индивидуальной основе началось их сотрудничество с режимом Насера.

* Партия «Вафд» ограничивалась призывом к «нейтрализации Суэцкого канала», требованием списания всех государственных долгов и отмены экстерриториальных прав, которыми пользовались иностранцы в Египте.

Однако непосредственно после свержения короля Фа-рука доминировала напряженность в отношениях «Свободных офицеров» с коммунистами, несмотря на то, что после переворота в Египте политзаключенные были выпущены из тюрем. Не все египетские коммунисты поддерживали начавшиеся преобразования. Максимализм мешал многим из них оценить по достоинству первые шаги нового руководства. Так, один из деятелей ХАДЕТУ, Анвар Малек, характеризуя первую аграрную реформу, писал, что она лишь ограничила, а не ликвидировала помещичье землевладение и поэтому ею «был удовлетворен посол США».

Подобные абстрактные, не связанные с египетской реальностью негативные оценки, часто в преувеличенном виде доводились советским посольством в Каире до руководства СССР. Они совпадали с оценками и сирийских, иракских, ливанских коммунистов. По псевдоидеологическим соображениям складывалось явно отрицательное отношение к новому египетскому режиму. Не следует забывать, что все это имело место до XX съезда КПСС, и культ Сталина сохранялся в неприкосновенном виде не только до, но и в первые годы после его смерти. Это касалось особенно его идеологического наследия, которым руководствовались все, имевшие то или иное отношение к выработке и осуществлению внешнеполитического курса Советского Союза. А главной мыслью Сталина в его короткой речи на закрытии XIX съезда партии в октябре 1952 года было: национальная буржуазия «выбросила за борт» знамя национально-освободительной борьбы – его должны подобрать коммунисты.

Изменения в отношении Кремля к насеровскому Египту связаны с именем Дмитрия Трофимовича Шепилова. Этот образованный, порядочный человек с яркой внешностью – стройный, с красивым, мужественным лицом – прожил нелегкую жизнь. В 1926 году он окончил юридический факультет МГУ, затем Институт красной про-

фессуры. Во время Великой Отечественной войны добровольцем пошел на фронт и закончил ее в звании генерал-майора. Десять лет проработал в газете «Правда», в том числе ее главным редактором. Стал секретарем ЦК КПСС и министром иностранных дел Советского Союза. Но на Пленуме ЦК КПСС 22 июля 1957 года был обвинен в присоединении к «антипартийной группе Маленкова – Кагановича – Молотова»⁵⁸, выступившей против Хрущева. Снятый со всех занимаемых постов, Шепилов был исключен в 1961 году из партии и восстановлен в ней только пятнадцать лет спустя. Как тяжело приходилось этому эрудированному человеку, избранному членом-корреспондентом Академии наук СССР, можно понять из шифротелеграммы за подписью Булганина и Хрущева, которую Шепилов, будучи министром иностранных дел, получил во время одной из своих заграничных командировок: «Перед отъездом дайте по морде этим империалистам».

Уверен, что не в таких вульгарных, но и не в комплиментарных тонах были выдержаны инструкции Шепилову перед его отъездом в Каир на празднование 3-й годовщины египетской революции в 1955 году. Это было первое приглашение советского представителя из Москвы на египетское торжество. Сам факт, что на эту поездку был назначен Шепилов, который тогда был главным редактором «Правды», но представлялся египетскому руководству как руководитель Комитета по международным делам Верховного Совета СССР (Шепилов действительно занимал эту в то время во многом незначительную должность), и то, что прибыл он в Каир рейсовым самолетом с пересадкой в Риме, свидетельствовало о нежелании Политбюро ЦК поднимать планку отношений СССР с Египтом. Скорее всего, Шепилова нацеливали на то, чтобы он осмотрелся и затем доложил об увиденном. Но как хорошо, что эту миссию поручили именно ему – Шепилову.

Далее следует рассказ моего товарища Валентина Александрова, который исполнял тогда обязанности корреспондента ТАСС в Египте, о пребывании Шепилова в Каире. Наблюдения В. Александрова настолько интересны, что остановлюсь на них подробно. В годовщину революции 22 июля на митинге перед тысячами собравшихся с речью выступал Насер. Шепилов сидел перед трибуной в одном из первых рядов. Справа от него находился посол Солод, слева – принявший на себя миссию переводчика советник посольства Соболев, прекрасный знаток арабского языка. Советские представители в Каире, подчиняясь линии Москвы, воспринимали стремление к независимости только в увязке с авангардной ролью местной компартии и сотрудничеством с Советским Союзом. А поскольку в Египте этих слагаемых не было, то о признании прогрессивных сторон в деятельности Насера не могло быть и речи.

Более того, поскольку власть здесь взяли военные, разогнав парламент и запретив политические партии, то их режим оценивался как близкий к фашистскому. В оценках посольства доминировало скептически-негативное отношение ко всем заявлениям Насера. Его призывы к борьбе против иностранного засилья воспринимались только как демагогические. Вот примерно с такими оценками и пришел посол вместе с Шепиловым на площадь Ат-Тахрир.

Шепилов впервые столкнулся с чарующим воздействием восточного ораторского искусства. Но еще более внимателен был московский гость к политическому содержанию выступления Насера. А посол Солод, который не знал арабского языка, слушая перевод на русский, вставлял реплики в подтверждение того, что Насеру доверять нельзя: «Типичная демагогия. Какая там независимость? К американцам бегают на поклон». Шепилов сначала прислушивался к словам посла. Но вскоре они перестали интересовать его, и он горячо присоединился

к аплодисментам участников митинга. Через какое-то время Шепилов одобрительно реагировал чуть ли не на каждый пассаж выступления Насера – об углублении земельной реформы, о развитии национальной экономики, о подготовке собственных кадров, улучшении образования, медицинского обслуживания, обеспечении деревень питьевой водой. С первыми же аплодисментами Шепилова посол смолк, прикидывая, видимо, как понять происходящее – как личное желание гостя понравиться насеристам или как проявление нового курса Москвы. На всякий случай он сменил маску пренебрежительного равнодушия на выражение заинтересованного участия и вместе с Шепиловым, но сдержаннее, аплодировал речи Насера. После митинга Шепилов поставил вопрос об организации его личной встречи с президентом Египта.

О содержании этой сердечной встречи Шепилов доложил в Москве. Доклад его не был предан гласности. Но о многом говорит тот факт, что, уезжая из Каира, Шепилов взял с собой многочисленные фотоснимки военного парада египетской армии, вооруженной в основном винтовками времен Первой мировой войны и несколькими единицами устаревшей бронетехники.

III. Миссия Микояна: Касем – альтернатива Насеру?

С Ираком все обстояло по-другому. Иракская революция 1958 года была сразу встречена весьма положительно в Советском Союзе главным образом потому, что она, в Москве это хорошо понимали, выбивает основу из-под Багдадского пакта. Сказался и позитивный опыт, уже

накопленный в отношениях с египетскими революционными националистами. В ответ на высадку американских морских пехотинцев в Ливане и английских солдат в Иордании Министерство обороны СССР объявило о проведении маневров в Туркменском и Закавказском военных округах с участием Черноморского флота. К маневрам присоединилась Болгария. Советский Союз и все члены Варшавского договора сразу признали правительство Касема. На Западе с этим не спешили. Особенно негативную позицию занимал Лондон, но в Госдепартаменте США думали по-другому, опасаясь, что непризнание подтолкнет Ирак в объятия Насера. Через английского посла в Вашингтоне Худа американские опасения были доведены до Форин офис.

В конце июля – начале августа Турция, Иран, Пакистан, а затем Великобритания и США признали новое иракское правительство. 4 августа на заседании Президиума ЦК КПСС (в то время Политбюро было преобразовано в Президиум) Хрущев заявил, что признание западными державами правительства Касема означает, что они «...не помышляют организовывать нападение на Иракскую Республику или на другие страны Арабского Востока». «Это была наша главная цель, – сказал Хрущев, – и так как она достигнута, отдан приказ остановить военные учения». Руководивший учениями маршал Гречко был отозван в Москву. В беседе с египетским маршалом Амером 9 июня 1963 года Хрущев сказал: «Советский Союз решил тогда оказать поддержку и защите иракской революции. Чтобы сдержать Турцию, Пакистан и Иран, которые могли разгромить революцию, мы провели военные маневры на наших границах с Турцией и Ираном, а также на болгаро-турецкой границе». Советское руководство было расположено к Касему, даже когда он начал войну с курдами. Однако не думаю, что в Москве были довольны тем, что спасение Касема в 1959 году сопровождалось кровавой расправой иракских

коммунистов с мятежом баасистов в Мосуле, поднятым Шаввафом. Мятеж этот был поддержан Насером, который резко ужесточил антикоммунистическую линию, — были проведены аресты коммунистов и в египетской, и в сирийской частях ОАР. Это начало сказываться на его отношении и к СССР. Насер демонстративно показывал свои возможности преодолеть тот разрыв, который образовался у Египта с Соединенными Штатами незадолго до создания ОАР.

Вряд ли в Москве могли испытывать удовлетворение, когда он отказался выполнить просьбу об ознакомлении советских представителей со всеми документами, которые после переворота в Ираке были переданы из штаб-квартиры Багдадского пакта в Каир. Египетское руководство ответило о готовности передать СССР лишь отдельные из них выдержки. Не исключаю, что египетское руководство довело до американцев свой отказ передать Москве документы Багдадского пакта. Во всяком случае, Х. Хейкал пишет, что отказ был вызван тем, чтобы США не подумали о превращении Египта в «советскую марионетку», и тогда, добавляет Хейкал, «...будущие отношения Египта с Вашингтоном покрылись бы плесенью». Можно представить реакцию в Москве и тогда, когда по решению Насера, а это стало известно, была опубликована на арабском языке и распространялась изданная в США брошюра «о кровавых делах» Советского Союза в Венгрии в 1956 году. Советско-египетские связи напряглись. Завязалась резкая, нелицеприятная публичная полемика, в том числе на высшем уровне. На таком фоне после победы революции в Ираке в советском руководстве стало распространяться мнение, что следует пальму первенства отдать генералу Касему.

Даже такой умный человек и опытный дипломат, как А.И. Микоян, находясь в Багдаде, сказал Касему 14 апреля 1960 года: «Мы всегда поддерживали и поддерживаем независимую Иракскую Республику и высоко ценим по-

литику позитивного нейтралитета, которую она проводит (это была правильная констатация, но дальше Микоян решил развить свою мысль. – *Е.П.*). Мы надеемся, что эта политика будет своего рода образцом для других стран. Это поднимает еще выше ваш авторитет среди других арабских стран. Насер хотел объединить арабские страны, он завлек Сирию, но поступил с ней очень плохо, так что больше нет охотников присоединяться к нему. Совершенно запутавшись, он решил объявить войну коммунизму, начал проводить антикоммунистическую кампанию, но это еще больше подорвет его авторитет. Насер хотел сделать с Иракской Республикой то же самое, что и с Сирией. Если вы, – сказал Микоян, обращаясь к Касему, – хорошо и правильно, на демократической основе поведете дело, это будет иметь большое значение для всего Ближнего Востока. Народы будут сравнивать вас с Насером, и это сравнение будет не в пользу Насера».

В конце концов, с двух сторон – СССР и Египта – победила линия на восстановление и развитие отношений. Насер к этому пришел через освобождение коммунистов из тюрем, проведение целого ряда мер в экономике в интересах народных масс и убедившись, что Запад, в том числе США, не могут быть союзниками независимого Египта. Москва пришла к этому, все больше рассчитывая на политическую эволюцию Насера как главы Египта и признаваемого в арабском мире лидера. Отказ от догматических представлений об «идеологической чистоте» такого лидера тоже сыграл свою роль в том, что СССР вернулся к политике сближения с Египтом.

Можно считать, что после распада египетско-сирийского государства и вплоть до кончины Насера Советский Союз уже никогда не пытался искать альтернативу насеровскому Египту в виде опоры на другие арабские радикальные режимы. И эта линия оставалась неизменной, несмотря на то, что случались и коллизии, и спады в советско-египетских отношениях. Развивая многосто-

ронные связи с Сирией, Ираком, Советский Союз не противопоставлял свою политику на этих направлениях курсу на партнерские связи с Египтом.

Что касается Ирака, то вскоре после прихода к власти Касем установил в нем диктаторский режим. В стране назревал кризис. Антикасемовские настроения быстро росли в армии, которую он считал опорой своей власти. Обострились его противоречия с бывшим соратником, полковником Арефом, который возглавил оппозицию. Ареф был снят со всех занимаемых постов и приговорен к смертной казни. Касем помиловал его, выслав из страны, но Ареф тайно вернулся и возглавил заговор по его смещению. Внутренний кризис способствовал усилению позиций Коммунистической партии Ирака, которая превращалась в реальную силу, опирающуюся на все более расширяющуюся поддержку масс. Именно это, а не диктаторские замашки Касема, теперь уже всерьез встревожило Вашингтон и Лондон.

Весной 1959 года США и Великобритания сделали вывод, что Касем «скатывается в лагерь крайне-левых». Между тем именно в это время Касем уже стал другим – начались аресты среди коммунистов, кровавая война с курдами на севере Ирака. Но Касем прежний или Касем меняющийся одинаково не устраивал и Вашингтон, и Лондон. В середине 80-х годов ветеран ЦРУ Майлс Коплэнд в беседе с журналистами американского агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл признал, что ЦРУ после прихода к власти генерала Касема поддерживало «очень тесные связи» с враждебной ему иракской партией «Баас». Именно в то время молодой Саддам Хусейн стал участником заговора по свержению и убийству Касема. Саддама поселили в квартире на улице Аль-Рашид в Багдаде по соседству с Министерством обороны Ирака.

Автор книги «Нечестивый Вавилон» Адель Дарвиш убежден, что ЦРУ было прекрасно осведомлено о всех аспектах подготовки покушения и что связником ЦРУ

с Саддамом был иракский стоматолог, одновременно работавший и на египетскую разведку (мухабарат). Само покушение потерпело неудачу: погиб водитель генерала, а Касем, который залег на полу автомашины, был лишь ранен в руку. Саддаму, легко раненному в ногу неудачным выстрелом другого заговорщика, удалось при помощи ЦРУ и египетской разведки бежать сначала в свой родной город Тикрит, а затем в Сирию, откуда агенты египетских спецслужб помогли ему переехать в Бейрут. Там его начала опекать местная резидентура ЦРУ, которая оплачивала ему квартиру и прочие повседневные расходы. Спустя некоторое время ЦРУ помогло Саддаму в переезде в Каир. В 1963 году он вернулся в Ирак и возглавил разведку партии «Баас». В феврале 1963 года переворот, в подготовке которого приняли участие сотрудники ЦРУ, работавшие под крышей американского посольства, привел к захвату и расстрелу Касема. На его место через короткий срок официально пришел Ареф.

Приход к власти баасистов после убийства Касема ознаменовался кровавыми расправами с коммунистами – погибли тысячи членов партии и ей сочувствующие. Они стали жертвами резни, учиненной национальной гвардией, созданной заговорщиками. Их убивали, врываясь в дома или прямо на улицах. Списки и адреса коммунистов были подготовлены ЦРУ. Отношения СССР с Ираком были практически сведены на нет после свержения и убийства Касема, которое сопровождалось кровавой вакханалией баасистов против коммунистов. Неприкрытая враждебность советского руководства к Абдель Саламу Арефу, приход которого к власти в Ираке ознаменовался антикоммунистической бойней, иллюстрирует рассказ моего друга Олега Ковтуновича, к огромному сожалению так рано ушедшего из жизни. Будучи советником посольства СССР в Египте, он переводил в 1964 году беседу Хрущева с Насером. После участия в торжествах в Асуане по случаю перекрытия Нила оба лидера

решили расслабиться – на яхте «Хурия» пошли порыбачить. Настроение было приподнятое. Насер решил представить Хрущеву иракского президента Арефа, который находился на борту.

«Ареф – патриот, – сказал Насер, – он стремится к сближению с Советским Союзом и просит развивать эти отношения с чистого листа, перевернув горестную страницу». Хрущев, не стеснявшийся, как обычно, в выражениях, ответил: «Да я с ним на одном поле с... не стану». Когда Олег замялся с переводом, Хрущев на него прикрикнул: «Переведи слово в слово». Правда, потом Насеру удалось как-то смягчить обстановку.

IV. Прорыв в отношениях с сирийской «Баас»

Потепление, а в дальнейшем развитие отношений СССР с Сирией напрямую зависели от того, как воспринимали в Москве сирийских баасистов – Партию арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Сначала это восприятие складывалось под впечатлением, что сирийские баасисты поддерживают своих иракских сотоварищей по партии, которые проводят откровенную кровавую антикоммунистическую линию. Негативным образом сказывалось, что сирийская ПАСВ рассматривалась до поры до времени в качестве единой, без наличия различных, даже противоположных по своим политическим позициям групп.

Став корреспондентом «Правды» в Каире, я уже через несколько месяцев получил указание из редакции вылететь в Дамаск. Был октябрь 1965 года. В результате этой поездки в «Правде» появилась статья под названием

«Многоэтажный Дамаск». Она начиналась с описания, что в дамасских домах, высота которых ограничивалась высотой минаретов мечетей, несколько этажей уходило в землю, но не просто в виде подвальных. Вокруг таких этажей существовало пространство, отводимое под цветы, деревья – своеобразные садики ниже уровня надземной части здания. С дальнего расстояния трудно было определить, сколько этажей в таком доме. Это можно было сделать, только приблизившись к нему вплотную. С такой весьма своеобразной архитектурой для меня и ассоциировалась сирийская «Баас». Статья «Многоэтажный Дамаск» была первой публикацией в «Правде», которая в то время задавала тон всей советской прессе, о неоднородности сирийской «Баас», о существовании в ней прогрессивных сил.

В основе статьи лежали встречи и беседы в Дамаске с рядом баасистских деятелей. Одним из них был председатель Всеобщей федерации рабочих профсоюзов Халед Джунди. Будучи баасистом, он в беседе со мной открыто противопоставлял свою точку зрения на будущее развитие Сирии платформе основателей его партии – Битара и Афляка. Встретился я позже и с его братом Абдель Каримом Джунди. Он тоже подчеркивал необходимость отхода от застоя – преобразования сельского хозяйства в интересах крестьян – и настаивал на изъятии земель у помещиков и создании крестьянских кооперативов. Оба брата и многие другие категорически возражали против антикоммунизма верхушки ПАСВ. Позже я узнал, что после появления моей статьи Халеда Джунди хотели исключить из партии, но не успели, так как 23 февраля 1966 года произошел переворот, было свергнуто правительство Битара и к власти в Дамаске пришло левое крыло партии, к которому принадлежали оба брата.

Первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов был у Насера, когда тому передали информацию египетской разведки о перевороте, проис-

шедшем в Сирии. Насер поделился с Кузнецовым информацией, которая вызывала неподдельную тревогу у египетского президента. После приема у Насера Кузнецов рассказал руководителям советского посольства в присутствии корреспондента «Правды», что по полученной информации в Дамаске в результате кровавого захвата власти свергнут Битар, который в последнее время стремился улучшить отношения с Каиром, а власть захватили те, кто был недоволен этой тенденцией. Со слов Насера, Кузнецов охарактеризовал пришедших к власти как правых и «противников насеровского Египта».

В этот же день мне позвонил по телефону заместитель главного редактора «Правды» и дал указание вылететь в Дамаск. Сделать это было нелегко. Рейсовые самолеты в Дамаск не летали. Полетел в Бейрут, и вместе с чехословацким и польскими корреспондентами поехали на автомашине к границе с Сирией. Она оказалась закрытой – сирийцы пропускали только своих граждан, возвращавшихся на родину. Вернулись в Бейрут ни с чем. Тогда я решил лететь из Бейрута в Багдад на чешском самолете, который делал техническую посадку в Дамаске. Меня предупреждали, что не удастся остаться в Сирии. Почти так и вышло – в дамасском аэропорту мне было заявлено сирийским офицером, что я буду немедленно отправлен обратно в Бейрут. Но офицер разрешил все-таки позвонить моему знакомому по прежней поездке в Дамаск Абдель Кариму Джунди, который после переворота, как выяснилось, контролировал работу сирийских спецслужб. Удивленный офицер услужливо посадил меня в прибывшую от Джунди машину, и я оказался в Дамаске. Помогла моя статья в «Правде» «Многоэтажный Дамаск», и передо мной были открыты двери лиц, пришедших к власти.

Остановлюсь на встрече 3 марта с премьер-министром Зуэйном – я был первым иностранцем, которого он пригласил для беседы. До этой встречи во время разговоров

с братьями Джунди, руководителями Сирийской компартии, министром иностранных дел Ибрагимом Махусом уже успел удостовериться, что пришли к власти в Сирии отнюдь не правые, а противники правого руководства «Баас», что это отнюдь не антинасеристы, а, напротив, люди, стремящиеся установить хорошие отношения с Египтом. Поэтому, выслушав рассказ Зуэйна о прогрессивных намерениях его правительства, сказал ему: «Завтра, насколько знаю, будет ваша пресс-конференция. У меня – точные данные, что в Каире воспринимают вас как противников насеровского Египта. Думаю, что было бы полезно опровергнуть, причем решительно, эти домыслы».

На следующий день Зуэйн это сделал. Я был рад, что внес хоть какую-то лепту в то, чтобы «на ровном месте» не создавались противоречия между Египтом и Сирией. А в Москве все еще находились, очевидно, под впечатлением первичных оценок Насера. Во всяком случае, два моих первых материала с явно позитивной оценкой происходящих в Сирии событий в «Правде» не опубликовали. Задержали публикацию и интервью с Зуэйном. Послом в Дамаске в то время был Анатолий Александрович Барковский. Он тоже нервничал по поводу реакции руководства МИД СССР на его объективную информацию. После нашей продолжительной беседы о происходящем в Сирии Барковский направил шифротелеграмму в Москву с предложением вызвать меня для доклада. 11 марта по вызову из редакции «Правды» я вылетел в Москву и на следующий день докладывал в ЦК о своих беседах и впечатлениях. Барковский и, естественно, я были довольны предпринятой им инициативой. Послу подтвердили из МИДа правильность его оценки происшедшего в Сирии, а мои материалы пошли на страницы газеты. 24 марта я вновь прилетел из Москвы в Дамаск.

Конечно, небо над Сирией еще далеко не очистилось в то время, но стало ясно, что к власти пришли силы, го-

товые устанавливать тесные отношения с Советским Союзом. Однако по-настоящему сближение между СССР и Сирией произошло уже после того, как к власти в 1970 году пришла более радикальная мелкобуржуазная группа под руководством Хафеза Асада. Кстати, первая моя встреча с Х. Асадом произошла еще в марте 1966 года. После февральского переворота и моей беседы с премьер-министром Зуэйном я был приглашен на демонстрацию в годовщину создания баасистской партии. На трибуне стояли новые руководители. Меня представили подъехавшему уже во время демонстрации и поднявшемуся на трибуну командующему сирийскими ВВС Хафезу Асаду. Его охраняла группа автоматчиков, которые были настороже и зорко вглядывались в ряды проходивших мимо трибуны, – ситуация пока не устоялась, а переворот 23 февраля был самым кровавым из всех происшедших ранее в Сирии.

Интересно, что когда в 70-х годах я встретился с президентом Асадом и напомнил ему о нашем знакомстве, он был искренне удивлен. «Неужели вы тот самый корреспондент “Правды”, с которым я тогда познакомился на демонстрации?» – спросил он.

Глава VI

ОТСУТСТВИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Настрой советского руководства в 50–60-х годах в поддержку коммунистических партий арабских стран не заслонил реальность: отсутствие коммунистической перспективы на Ближнем Востоке. Я уже писал, что в Москве не сразу это поняли и не сразу сориентировались в пользу арабских революционных националистов. Однако такая ориентация произошла. И, возможно, события в Судане и НДРИ окончательно перечеркнули колебания тех, кто верил хотя бы в «точечную» перспективу победы и сохранения у власти в арабском мире коммунистических или прокоммунистических сил.

I. Суданская компартия против Нимейри: к чему это привело

Первый раз в Судане я был в январе 1966 года, уже после свержения военной диктатуры генерала Аббуда. К власти пришли Национально-юнионистская партия (НЮП)⁵⁹ и наиболее реакционная – «Аль-Умма»⁶⁰. После ликвидации военного режима Суданская коммунистическая партия (СКП)⁶¹ находилась в течение нескольких месяцев на

легальном положении, но незадолго до моего приезда был принят закон о запрете деятельности СКП, и она снова ушла в подполье, сохранив при этом серьезное влияние в стране. Правящие партии полностью отвергли возможность присутствия СКП в политической жизни Судана.

Однако враждебное отношение к местным коммунистам тогда не сказывалось на стремлении верхушки НЮП и сторонников реформ в партии «Аль-Умма» – были и такие – развивать отношения с Советским Союзом. И председатель НЮП аль-Азхари, и тридцатилетний лидер «Аль-Уммы» Сиддик аль-Махди, вокруг которого группировались партийные «реформаторы», прямо говорили мне об этом. А когда я посетил министра информации – уммовца, то увидел на его столе фотографию сына, студента исторического факультета Ленинградского университета. «Я послал его на учебу в Лондон, – сказал министр, – а он захотел учиться в СССР». Рассказали мне и о другой интересной детали. В ноябре 1965 года в Хартуме собрались толпы демонстрантов с антикоммунистическими лозунгами. Именно в это время председатель «Аль-Уммы» Сиддик аль-Махди пришел на открытие Советского культурного центра в суданской столице и выступил с теплыми словами в адрес СССР. 25 мая 1969 года группа армейских офицеров под руководством Нимейри осуществила переворот. Сразу же после прихода к власти Нимейри я вылетел из Каира в Хартум, имея задание редакции «Правды» встретиться с лидерами и победившего восстания, и Суданской компартии, которая вышла из подполья.

29 мая состоялась моя встреча с секретарем СКП Абдельхаликом Махджубом. Вот что он сказал мне (цитирую по своей записи): «Новый режим прогрессивный. В подготовке и осуществлении переворота приняла участие группа армейских коммунистов. Но коммунисты не намерены растворяться в Революционном совете, соз-

данном Нимейри. В правительство, правда, включили несколько коммунистов, но в личном качестве, на основе, как сказал премьер-министр, их личных заслуг. Выбрали неплохих товарищей, но при их назначении не советовались с ЦК Суданской коммунистической партии. Мы будем продолжать бороться за то, чтобы новая власть была связана с революционным народом, а для этого она нуждается в равноправном партнерстве с компартией, которая представляет собой на данный момент единственную реальную силу, способную работать в народных массах».

Фраза «в равноправном партнерстве» резанула слух. Сомнения в такой постановке вопроса подкрепились после того, как встретился с генералом Джафаром Нимейри. Эта встреча состоялась на следующий день, 30 мая, в здании генерального штаба. Помог мне стать первым иностранцем, который увиделся с руководителем переворота, мой коллега – превосходный востоковед Шота Курдгелашвили, возглавлявший Советский культурный центр в Хартуме. Он имел отличные отношения со многими суданцами, оказавшимися близкими к новому руководству. Был только пятый день после свержения старого режима. Новая власть еще не стабилизировалась, ей активно противостояли Народно-демократическая партия и партия «Аль-Умма», возглавлявшие две крупнейшие религиозные секты Судана. Навстречу мне на внутренний деревянный балкон здания генерального штаба вышел усталый человек в рубашке цвета хаки, с красными от недосыпа глазами. Это был генерал Нимейри. Познакомились, и он согласился ответить на несколько моих вопросов для публикации в газете. Интервью с ним я смог передать только связью из советского посольства, как мы говорили, «поверху». Иных возможностей не было, так как телефоны в Хартуме не работали.

Это, пожалуй, был единственный случай, когда на шифротелеграмму, содержащую мои вопросы и ответы Нимейри, была наложена резолюция всемогущего глав-

ного идеолога партии – секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова: «опубликовать в “Правде”».

Приведу это интервью дословно, так как оно отражает те идеи, с которыми пришел к власти режим Нимейри. С такой оценкой согласился и прилетевший со мной на одном самолете из Каира в Хартум мой близкий товарищ Ахмед Хамруш, который вручил Нимейри послание Насера и беседовал с ним. «— Не могли бы вы обрисовать основные моменты текущего положения в Судане? – спросил я. – Новая власть стабилизируется. Нам удалось взять управление страной в свои руки. Свергнутый нами режим прогнил. Мы пользуемся поддержкой преобладающей части населения. Мы исполнены решимости сокрушить все те силы, которые выступают против народа. Революция должна защищаться. Мы не должны позволить превратить юг Судана* в базу контрреволюции. Мы провели многочасовое совещание с правительством по этому поводу. Проблема юга сложна, ее не решить в день или два. Но мы поставили целью урегулировать ее, и мы это сделаем. Мы предоставим национальные права племенам юга, которые отличаются по этническим, религиозным и языковым признакам, в рамках единого Суданского государства. Будет предложена определенная форма автономии. Перед нами пример решения национального вопроса во многих странах, в том числе в Советском Союзе. – Какие формы может принять внутренен-

* На юге Судана проживают нилотские племена. Значительная часть населения юга – христиане. В течение многих лет продолжалась борьба за независимость юга. В 2005 году было подписано соглашение об окончании 20-летней войны на юге Судана. Следующим радикальным событием был референдум, проведенный на юге Судана в конце января 2011 года. 98,8 процента участвовавших в голосовании высказались за отделение юга. Президент Судана Омар Хасан аль-Башир официально признал результаты референдума по самоопределению. Провозглашение нового государства произошло 9 июля 2011 года. Южный Судан стал 193-м членом Организации Объединенных Наций.

нее развитие Судана в ближайшем будущем? – После прихода к власти 25 мая мы запретили митинги и демонстрации, чтобы реакция не смогла воспользоваться ими для создания беспорядков и трудностей. Но мы не думаем, что можно править страной лишь административными методами. Мы не мыслим будущее без широкой народной активности, без единства всех прогрессивных сил, включая и Суданскую компартию. Конечно, при этом мы будем учитывать национальные и религиозные особенности Судана. – Что намерено предпринять ваше руководство в области экономического строительства в Судане? – Революционный совет создан для того, чтобы обеспечить условия для развития страны по прогрессивному пути. Практические меры, в том числе экономические, будет осуществлять гражданское правительство. Главная цель – развить крайне отсталую национальную экономику, а для этого Судан располагает огромными природными ресурсами. Экономическое развитие должно служить народу. Уже первое мероприятие правительства по снижению цен на товары первой необходимости – соль, чай, кофе – показало, что мы заботимся о народе. Мы намерены реорганизовать существующую администрацию по производству хлопка. Новый административный аппарат будет создан на здоровой экономической основе, отвечающей интересам крестьян-арендаторов и государства. Правительство приняло решение аннулировать прежнюю задолженность арендаторов-хлопкоробов. С целью подрыва нашей революции реакционные элементы пытаются посеять сомнения среди масс, распространяя слухи, будто бы правительство намерено национализировать частную собственность. Это ложные слухи. Революционное правительство, сознавая роль суданского и иностранного капитала в экономической области, отдает отчет в том, что наша страна будет с многоукладной экономикой, в которой государственный сектор со временем должен занять преимущественное положение...».

На мой вопрос о внешней политике Судана генерал ответил так: «Мы будем со всеми теми силами, которые ведут борьбу против колониализма. Одним из первых дипломатических шагов нового руководства было признание Германской Демократической Республики. С большой признательностью относится суданский народ к СССР за огромную помощь, которую он оказывает освободительной, антиимпериалистической борьбе арабов за свои права. Мы видим свое будущее в многостороннем сотрудничестве со всеми дружественными странами, в том числе с Советским Союзом».

Хорошо помню свое ощущение удовлетворенности от услышанного. Задержался с Нимейри еще на несколько минут, а на Хартум как-то сразу спустилась черная жаркая ночь, и на балконе начали расставлять раскладушки – члены Революционного совета проводили здесь дни и ночи, отдавая сну лишь несколько недолгих часов. У шлагбаума, которым перекрыты ворота, застыли броневики. К сожалению, многим из тех идей, которые прозвучали в интервью Нимейри, не суждено было сбыться. Произошло это не в последнюю очередь из-за сектантской линии руководства СКП. Такая линия совмещалась с поистине героической деятельностью суданских коммунистов, готовых жертвовать и жертвовавших собой в интересах народа. От тех идей, с которыми пришел к власти, Нимейри окончательно отошел после того, как ему удалось, надо сказать, с большим трудом, подавить заговор против него в 1971 году. В числе заговорщиков находилось руководство Суданской коммунистической партии. Я уже писал, что столь опекаемые нами арабские компартии подчас не ставили в известность ЦК КПСС о своих планах и даже о готовящихся акциях по свержению режимов, с которыми Советский Союз поддерживал тесные отношения. Так поступили руководители Суданской коммунистической партии в 1971 году, приняв активное участие в заговоре против Нимейри, с правительством

которого развивалось тесное сотрудничество Советского Союза. Большое число наших специалистов находилось в Судане, в том числе и в армии, которая была оснащена советским современным оружием.

Мне представляется авантюрным участие СКП в заговоре с целью свержения Нимейри. Арестованный заговорщиками, Нимейри был освобожден его сторонниками, а руководители тех, кто хотел его свергнуть, были приговорены к смертной казни. Б.Н. Пономарев, находившийся в это время в Каире, ночью, подчеркнув срочность своей миссии, пришел в сопровождении посла к президенту Садату и просил его связаться с Нимейри, чтобы предотвратить приведение в исполнение приговора в отношении секретаря ЦК Суданской компартии Абдельхалика Махджуба и ряда других руководителей СКП. Нимейри ответил Садату: «Слишком поздно, они уже казнены».

После драматичного возвращения во власть Нимейри резко ушел вправо в своей политике внутри страны и во внешнеполитическом курсе. С возможностью демократического развития Судана было покончено. Нимейри отошел от прогрессивных преобразований, незадолго до этого начавшихся в экономике. Резко активизировались процессы исламизации страны, жизни общества в целом. Нимейри объявил, что законодательство Судана будет отныне связано с шариатом. Ухудшившаяся экономическая ситуация, вновь вспыхнувшая война на юге, растущая социально-политическая нестабильность привели к тому, что в результате бескровного переворота в апреле 1985 года Нимейри был свергнут и эмигрировал в Каир. За этим последовал тур смены правителей Судана. Духовные лидеры распространили свое влияние на все стороны жизни. Был создан Национальный исламский фронт во главе с шейхом Хасаном аль-Тураби. Он стал одновременно и председателем парламента, и генераль-

ным секретарем правящей партии Национальный конгресс (ПНК).

Десятилетие – с 1989 по 1999 год – фактического правления аль-Тураби привело к тому, что страна превратилась в прибежище исламских экстремистов. Судан был занесен Соединенными Штатами в список стран – спонсоров террористических организаций. После лишения саудовского гражданства в Судане в течение нескольких лет находился глава «Аль-Каиды» бен Ладен. Подозревают, что там прятался и террорист Карлос. В декабре 1999 года военное руководство Судана во главе с президентом генералом Амаром аль-Башаром, стремясь вывести изможденную страну из международной изоляции и закончить войну на юге, отправило аль-Тураби в отставку со всех занимаемых им постов. Постепенно страна начала приходить в себя.

II. Южный Йемен: разрушительный левацкий уклон

Теория некапиталистического развития или «социалистической ориентации», изобретенная в СССР, подразумевала два этапа: первый – национально-демократический и второй – народно-демократический, уже более близкий к социализму. Ко «второму поколению стран социалистической ориентации» была отнесена Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ)⁶² на том основании, что независимость Южного Йемена была завоевана под руководством революционной организации, которая с самого начала поставила целью создание социалистического общества, а в ходе борьбы за независи-

мость и в дальнейшем – на этапе государственного строительства – образовалась авангардная партия, провозгласившая своей идеологией научный социализм. Такая констатация не могла не породить надежды на то, что в социалистическом лагере, руководимом Советским Союзом, появится арабская страна, которой будет НДРЙ. Подобным надеждам не суждено было сбыться. Практика, методы социалистического строительства в СССР и других странах, принадлежавших к социалистической системе, не выдержали столкновения с реальными общественными потребностями и интересами. Здесь я не хотел бы разбирать минусы и плюсы этой конкретной практики. Вместе с тем, следует отметить, что пример НДРЙ свидетельствовал о пагубности «прыжка» к социализму без учета реальной социально-экономической и политической обстановки в стране, о неизбежности распространения левацких идей у организаторов такого «прыжка», о том, что коммунистический строй вообще не имел перспективы в арабском мире на данном этапе исторического развития. 14 октября 1963 года в Южном Йемене было поднято антиколониальное восстание во главе с Национальным фронтом (НФ)⁶³, который обозначил в качестве конечной цели построение социализма. В результате многолетней вооруженной борьбы 30 ноября 1967 года была провозглашена независимость Южного Йемена. Новое правительство, состоящее из членов Национального фронта, было поддержано крестьянами, немногочисленным рабочим классом, мелкой буржуазией, интеллигенцией, Народно-демократическим союзом, созданным в начале 60-х годов Абдаллой Баазибом. Левые, занимая в то время преобладающие позиции в руководстве, базировались непосредственно на территории Южного Йемена, а генеральный секретарь Кахтан Мухаммед аш-Шааби и его окружение находились в Каире. Еще до завоевания независимости проявились серьезные разногласия. Они усилились в результате того, что пер-

вое правительство было сформировано представителями умеренного крыла. Премьер-министром стал аш-Шааби, поддерживаемый Египтом.

На IV съезде фронта в начале марта 1968 года левое крыло во главе с Абдель Фаттахом Исмаилом, который был министром культуры, потребовало немедленного проведения аграрной реформы, создания государственного сектора в экономике, роспуска старой армии, полиции и образования на их базе Народно-революционной армии. Многие из этих требований вошли в решения, принятые съездом, однако не были претворены в жизнь под давлением стоявшего на правых позициях высшего офицерства, которое пыталось осуществить государственный переворот. В начале 1968 года в Адене я беседовал с Абдаллой Баазибом, Абдель Фаттахом Исмаилом, генсеком Конгресса профсоюзов Адена Мухаммедом Авляки, президентом аш-Шааби. Из этих бесед можно было вынести твердое впечатление, что левые, исходя из лучших побуждений, пытаются форсировать преобразования во всех сферах жизни Южного Йемена, не учитывая отсутствия реальных предпосылок для такой радикальности.

Хотя племенная структура на юге Йемена во время правления англичан оказалась размытой в гораздо большей степени, чем на севере, большую силу в стране сохранили султаны – крупные феодалы. Закрытие Суэцкого канала после его национализации оставило в Адене без работы десятки тысяч людей. Перед уходом англичан не в три раза повысили зарплату офицеров и солдат. Первые стали получать более 200 английских фунтов стерлингов, а солдаты от 60 до 80 фунтов. Для Адена это была огромная сумма. Создавалась армейская каста, которая, конечно, препятствовала тем действиям, что могли ее ослабить. Население находилось под влиянием радиопропаганды из Саудовской Аравии против соци-

альных преобразований, которые «могут способствовать отторжению ислама».

Фактически игнорируя все эти реалии, Абдель Фаттах Исмаил сказал мне: «Так как мы избрали путь научного социализма, оказание помощи нам – долг Советского Союза. Таким образом, он оказывает помощь и себе, а мы в это время должны заняться социалистическими преобразованиями. Это необходимо и для защиты революции. Имея широкую народную базу фронта, мы должны создать политическую партию. Наш долг – поставить на верный путь республиканский режим и на севере (то есть в Йеменской Арабской Республике (ЙАР)⁶⁴. – *Е.П.*). Они должны предоставить большие возможности народу для претворения в жизнь республиканских революционных лозунгов». Гораздо сдержаннее относился к планам преобразования на юге и к отношениям с севером президент Хахтан аш-Шааби. Он говорил о необходимости поэтапного решения вопросов, проведении экспериментов.

Подчеркивая «огромную отсталость» страны, он сказал: «Мы хотим сделать ставку на предоставление концессий иностранным компаниям, в том числе дружественных стран, но не на неравных условиях, как это было в прошлом... Государство будет, но только в будущем, направлять внешнюю торговлю. Мы должны уделять в первую очередь внимание социальному развитию деревни. В некоторых деревнях даже нет колодцев для питьевой воды. Мы рассчитываем на помощь СССР, но наш главный принцип, чтобы эта помощь ни в коей мере не затрагивала нашу свободу и суверенитет».

Ни о научном социализме, ни о марксизме-ленинизме аш-Шааби не говорил. Перелистывая пожелтевшие листы моих записных книжек, из которых цитирую южно-йеменских руководителей, я снова и снова прихожу к мысли, что однозначное отнесение аш-Шааби к «правым оппортунистам», как это делали левацкие элементы на месте и, кстати, некоторые у нас, в СССР, абсолютно

необоснованно. Аш-Шааби лучше, чем многие другие, чувствовал обстановку, меньше подвергался «начетническому» влиянию. Не изменило позиции левого крыла Национального фронта, руководимого Абдель Фаттахом Исмаилом, то, что в результате острой политической борьбы он отмежевался от крайне экстремистской группировки, пытавшейся взять власть вооруженным путем для незамедлительного перехода широким фронтом к социалистическим преобразованиям. Члены этой группировки после подавления мятежа бежали за границу. Исмаилу и его окружению удалось в течение первых двух лет независимости страны укрепить свои позиции. 22 июня 1969 года они взяли власть в свои руки, обвинив аш-Шааби в нарушении принципа коллективного руководства. Он был арестован, а летом 1970 года убит «при попытке к бегству». Офицерство и государственный аппарат были подвергнуты чистке.

В 1978 году была создана Йеменская социалистическая партия (ЙСП)⁶⁵. Нужно сказать, что провозглашение партии отложилось на несколько лет опять из-за существенных разногласий между теми организациями, которые в нее вошли. А дальше на отношения внутри ЙСП стали все больше влиять племенные связи. Начала выдвигаться группировка, возглавляемая Салемом Рубейа Али (Сальмином), за которым стояли племена из трех провинций. Опираясь на них, Сальмин решил вывести Исмаила из состава президентского совета и взять власть в свои руки. Но заговор был раскрыт, а Сальмин расстрелян. В партийной печати группировку Сальмина обвиняли одновременно и в «левацких загибах», и в сращивании с «правым оппортунизмом». После провала заговора Сальмина началась борьба между Исмаилом и Али Насером Мухаммедом, в результате которой победил Мухаммед, и Исмаил был вынужден написать просьбу об отставке «в связи с плохим состоянием здоровья».

Пленум ЦК партии снял Исмаила со всех занимаемых им высших партийных и государственных постов, и он эмигрировал в Москву. Али Насер Мухаммед стал генеральным секретарем ЦК ЙСП и сохранил при этом пост председателя Совета министров республики. Вскоре он был избран и председателем президиума Верховного народного совета. Как обычно это бывает, в вину отстраненному от власти были поставлены все «семисмертные грехи»: и авантюрные попытки объединить юг и север Йемена военным путем, и экономические просчеты. Между тем некоторые несовпадения в позициях двух лидеров левых сил, очевидно, не были главной причиной раскола: превалирующим мотивом борьбы между ними было стремление к власти. В январе 1983 года Абдель Фаттах Исмаил прибыл в Аден по поступившему приглашению вернуться на родину и войти в руководство партии. Вскоре истинная причина такого решения Али Насера Мухаммеда, принятого, казалось бы, в интересах единства партии, стала более чем очевидной. Абдель Фаттах Исмаил и его сторонники были застрелены прямо на первом же заседании политбюро ЦК ЙСП.

Но этим драма не завершилась. В Адене вспыхнули кровопролитные столкновения, унесшие жизни 10 тысяч человек. Сторонники Али Насера Мухаммеда были разгромлены, а ему самому удалось бежать на север – в Йеменскую Арабскую Республику.

В декабре 2005 года мне довелось после долголетнего перерыва побывать в Йемене – в Сане и Адене. Встретился и с президентом Йеменской Республики Салехом, и с премьер-министром Абдель Кадером Баджамалем. В разговоре с премьером одной из тем стало прошлое страны, о котором он хорошо осведомлен. Баджамаль в 1980 году был избран членом ЦК Йеменской социалистической партии и стал министром промышленности и председателем Комитета по нефти и минеральным ресурсам. А в январе 1986 года был обвинен в связях с бывшим генсе-

ком ЙСП Мухаммедом и осужден на три года. Судя по такому «мягкому» приговору – десятки были расстреляны, – он непосредственно не участвовал во «фракционной деятельности», но три года провел в тюрьме. По рассказу Баджамалая, левацкие замашки тогдашнего руководства страны достигли критической отметки. Дело даже доходило до того, что заключенным – всем без разбора – запрещали читать Коран, книги, где упоминалась религиозная тематика. Их заставляли штудировать марксистскую литературу.

После объединения страны в 1990 году Баджамаль был избран депутатом парламента Йеменской Республики и стал членом постоянного комитета правящей партии «Всеобщий народный конгресс»⁶⁶. Этот широко образованный экономист говорил о тех совершенно неоправданных жертвах, которые стали результатом левацких загибов руководителей Южного Йемена. «Настоящая революция, – сказал он мне, – началась с объединения севера с югом». Конечно, Йемен все еще остается слаборазвитой страной, во многом с племенным устройством. Но даже визуально можно отметить большие перемены, происшедшие за последние пятнадцать лет, – широкое строительство в городах, большое число автомобилей. Многие кадры учились в Советском Союзе, несколько членов правительства были выпускниками вузов стран Восточной Европы. Мне сказали, что пять министров в правительстве говорят по-русски.

Характерно – и это было очень плохо, – что в советской печати мы избегали какой бы то ни было критики арабских компартий. Резкие оценки звучали только в адрес тех коммунистических групп, которые в условиях разгоравшейся идейно-политической борьбы между Коммунистической партией Советского Союза и Коммунистической партией Китая выбирали своей «путеводной звездой» КПК. Но таких было совсем немного в рядах арабских коммунистов. Может быть, именно идеологи-

ческое противостояние между КПСС и КПК и не позволяло выступать даже с косвенной критикой «своих», просоветских арабских компартий, а это загоняло их болезни вглубь. В конце концов, коммунистическое движение в арабском мире сошло с политической сцены, и это случилось даже несколько раньше прекращения деятельности КПСС и распада Советского Союза. Но было бы при этом неправильным считать, что коммунистическое движение в арабском мире не сыграло никакой роли в его истории. Оно, даже совершив ошибки и испытывая трудности, способствовало положительной эволюции мелкобуржуазных сил в арабском мире.

Глава VII

НА ПЕРЕДНИЙ ПЛАН ВЫХОДЯТ США

Стратегической для Соединенных Штатов задачей на Ближнем Востоке после Второй мировой войны было сохранение контроля над огромным нефтяным потенциалом региона. Конфронтация с СССР добавила к этой задаче другую – создание вблизи советских границ американского военного плацдарма. Подчас эти две цели было трудно уложить в одно русло. США сделали ставку на укрепление связи с арабскими монархиями – основные месторождения нефти находились на их территориях. Такая ставка предопределила необходимость маневрирования по вопросу создания военных блоков на Ближнем Востоке. Соединенные Штаты, например, отказались от участия в Багдадском пакте, хотя не просто поддерживали его, а сами создавали этот блок руками Лондона. Их сдерживал резкий негативизм к Багдадскому пакту Саудовской Аравии, которую отталкивало от пакта участие в нем Ирака, – отношения Саудитов⁶⁷ с Хашимитами были далеко не безоблачными. От непосредственного военного присутствия на Ближнем Востоке США удерживали также попытки построить мосты к насеровскому Египту.

Но к концу 1956 года стало ясно, что это не удастся. То, что по многим причинам не сработала тройственная интервенция 1956 года против Египта, несомненно, привело к росту симпатий к Египту, к арабскому национализму не только в арабских странах, но и в так называемом «третьем мире» в целом. Возросло влияние Египта,

революционизирующее арабский мир. В таких условиях в январе 1957 года была провозглашена доктрина Эйзенхауэра⁶⁸.

I. Доктрина Эйзенхауэра: конец флирта с арабским национализмом

В доктрине говорилось о намерении США оградить страны Ближнего Востока от коммунизма и его агентов. Для этого США готовы были использовать все свои возможности, вплоть до прямого вмешательства в дела ближневосточных стран. Не думаю, что в Вашингтоне в то время не понимали, что реальной угрозы коммунизма на Ближнем Востоке не существует. Имея достаточно надежные источники информации, Вашингтон, по идее, не должен был исходить из того, что СССР намерен устанавливать коммунистические режимы в арабских странах. Антикоммунистическая упаковка доктрины Эйзенхауэра, очевидно, призвана была расположить к ней в первую очередь монархических союзников США в арабском мире. Совершенно ясно, что они не отнеслись бы благосклонно к доктрине, если бы была обозначена ее нацеленность против какой-нибудь арабской страны, в том числе и Египта. А на самом деле доктрина Эйзенхауэра, судя по ее содержанию, по той обстановке, в которой она появилась, и по событиям, последовавшим после ее провозглашения, как раз и была направлена на то, чтобы нейтрализовать влияние насеровского Египта – «союзника СССР на Ближнем Востоке». Одновременно целью доктрины было установление американской монополии в ближневосточных делах уже без посредничества Великобритании или Франции. После провозглашения доктрины посол США, очевидно получив соответствующие

инструкции из Вашингтона, изменил даже тон в разговорах с Насером. 31 марта 1957 года в загородной резиденции президента на Барраже Насер рассказал об этом разговоре советскому послу в Египте. В ответ на слова Насера, что он «стремится улучшить отношения с США», американский посол заявил ему «от имени президента США Эйзенхауэра»: «Пока вы, египетское правительство, близки Советскому Союзу, мы не можем пойти ни на помощь вам, ни на улучшение наших отношений». Насер ответил ему: «США хотят нас подтолкнуть к самоубийству – сначала отказаться от дружественных отношений с Советским Союзом, а потом пойти на поклон к Эйзенхауэру, с тем, чтобы США взяли нас за горло и диктовали свои условия».

Этот разговор Насера состоялся с американским послом после возвращения того из США, где он имел встречи со своим руководством. В связи с окончанием флирта США с насеровским националистическим режимом все большее место в американской политике стало принадлежать Израилю. Значение Израиля возросло не только в связи с тем, что он становился одной из опор проведения ближневосточного курса США. Во время холодной войны Израиль стал прямым американским союзником в противоборстве с Советским Союзом. Уникальная в этом плане роль Израиля не ограничивалась пропагандистской деятельностью, но охватывала даже военную область. В войнах с арабами проходили важные для американских конструкторов испытания на поле боя современных американских вооружений, а после таких войн Израиль поставлял в США захваченную советскую военную технику. И не только непосредственно после войны. Так, например, израильская разведка завербовала иракского летчика, который за миллион долларов и убежище для членов его семьи в 1965 году похитил самолет МиГ-21, который был переправлен в США. Руководитель Моссада Амит передал руководителю ЦРУ Ричарду Хелмсу, что американцы смогут составить теперь более

реалистичное представление о боевых возможностях МиГов и усовершенствовать свои истребители.

Аналогичная история произошла с самолетом МиГ-23, который в 1989 году был похищен сирийским летчиком, завербованным Моссадом. Израиль «поделится» также информацией с ЦРУ и разведкой ВВС США о захваченном в результате десантной операции новейшем радаре, установленном на египетских позициях у Суэцкого канала.

Далеко не последнюю роль в выработке американского курса на Ближнем Востоке сыграло общественное мнение в США, которое в немалой степени создавалось израильским лобби, особенно в конгрессе и средствах массовой информации. О характере распространенных в Соединенных Штатах настроений по поводу роли Израиля в американской политике свидетельствуют хотя бы выступления на слушаниях в конгрессе США, состоявшихся в 1970 году (еще до острых событий «черного сентября» в Иордании). Один из американских политологов, И. Кеннан (не путать с Дж. Кеннаном, который мыслил совсем по-иному), озвучив мнение ряда участников слушаний, сказал, что без существования Израиля «Иордания давно уже была бы поглощена либо Египтом, либо Сирией и на очереди стоял бы Ливан». Таковую же судьбу он предрек Северному Йемену, Саудовской Аравии и эмиратам Персидского залива. Кеннан пошел еще дальше: по его словам, не было бы Израиля, «...русские поспешили бы заполнить вакуум, созданный англичанами в Адене»*.

И нужно сказать, что в Соединенных Штатах так думали в ту пору многие. С момента провозглашения доктрины Эйзенхауэра начался этап наступательной американской политики, направленной на создание антинасеровского лагеря в арабском мире. В Иордании, где

* The Near East Conflict: Hearings before Subcommittee on the Near East of Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, 91st Congress, 2nd Session. – Washington, 1970. P. 69, 81.

за три месяца до провозглашения доктрины на выборах победили пронасеровские силы и премьер-министром стал Сулейман Набулси, с помощью ЦРУ было организовано свержение его правительства. Соединенные Штаты поспешили заявить, что устанавливают сумму в 50 млн долларов в качестве ежегодной выплаты Иордании. Свержение Набулси сопровождалось доведением до Насера израильской угрозы оккупировать Западный берег реки Иордан, если он попытается вмешаться в иорданские события, а Саудовская Аравия (это хотел сделать Ирак, но Израиль через США воспрепятствовал этому) перебросила в Иорданию несколько тысяч солдат.

Между тем нет оснований считать, что Насер в период нахождения на посту премьера Набулси пытался «оседлать» иорданский режим, хотя у него в то время было достаточно сторонников в этой стране. Доктрину Эйзенхауэра сразу приняли Израиль, а также президент Ливана Шамун, за ним последовали король Сауд, король Иордании Хусейн и премьер-министр Ирака Нури Сайд.

II. США и радикальный исламизм

Как это ни звучит парадоксально, особенно после 11 сентября 2001 года, когда президент Буш провозгласил войну с международным терроризмом, направив ее острие против агрессивного исламизма, США сами широко использовали в своих интересах исламские экстремистские организации, особенно в то время, когда Советская армия вступила в Афганистан.

Многие считали и продолжают считать, что США поддерживали и вооружали моджахедов, выступавших под знаменами ислама, чтобы заставить Советский Союз уйти из Афганистана. Такая поддержка, дескать, служила бла-

тому делу. Это явное заблуждение. Не кто иной, как Збигнев Бжезинский, бывший советник по национальной безопасности, в своем интервью, опубликованном в 1998 году в «Ле нувель обсерватер», признался, что направил президенту Картеру записку еще до вхождения советского воинского контингента в Афганистан, в которой предложил снабдить оружием моджахедов для того, чтобы подтолкнуть СССР к интервенции для сохранения просоветского режима в Афганистане. «Мы сознательно увеличили возможность того, что Советский Союз направит войска в Афганистан», – заявил Бжезинский. По его словам, такая «секретная операция была отличной идеей», поскольку создавала вероятность, что «СССР получит свою вьетнамскую войну». Вот так. Прибегнули к безрассудной поддержке исламизма, лишь бы добиться своих целей в конфронтации с Советским Союзом.

Такая безрассудная – еще раз повторю это определение – политика способствовала трагедии 11 сентября 2001 года. Ведь уже в те времена среди афганских моджахедов распространились лозунги создания исламского халифата, которые взял на вооружение бен Ладен. И уже тогда все популярнее становился призыв обрушиться на США после того, как русские уйдут из Афганистана. Кстати, никто не может обвинить Советский Союз в том, что в противоборстве с Соединенными Штатами во время холодной войны он тоже опирался или просто использовал исламские экстремистские организации. СССР работал не в белых перчатках, но хорошо понимал, насколько опасно содействовать укреплению исламского экстремизма. Другим заблуждением можно считать утверждение, что США использовали агрессивный исламизм впервые в связи с ситуацией, сложившейся в Афганистане. Еще в начале 60-х годов прошлого столетия США решили использовать в арабском мире те силы, которые не просто защищали исламские ценности, но были готовы при этом действовать методами террора. Когда стало

ясно, что Египет не удалось припереть к стене после поражения пронасеровских сил в Иордании, при участии ЦРУ был создан исламский центр «Братьев-мусульман» в Женеве, на базе которого готовилось убийство Насера.

Несколько попыток физического уничтожения Насера окончились либо неудачей, либо от них по тем или иным причинам были вынуждены отказаться. ЦРУ в 50-х годах, с помощью компании «Арамко»⁶⁹, создало в восточной части Саудовской Аравии сеть небольших исламских групп, чтобы в случае необходимости задействовать их в своих операциях. Неизвестно, каким образом эти группы использовались, но их создание ЦРУ является фактом. Особое внимание использованию исламского фактора в борьбе против арабского национализма Соединенные Штаты уделяли при президентстве Линдона Джонсона (1963–1969). Если кто-либо из американского истеблишмента даже заикался о близорукости такой политики, его немедленно осаживали. Это была первая волна поддержки Соединенными Штатами радикального исламизма. В период нахождения в Белом доме Джонсона США резко ужесточили свой курс не только на Ближнем Востоке. Правительство Джонсона начало войну во Вьетнаме, осуществило вооруженное вмешательство в Доминиканской Республике.

Что касается Ближнего Востока, то при Джонсоне, можно считать, закончился тот некоторый спад в американо-египетской напряженности, который произошел во время президентства Кеннеди. У Насера с Кеннеди сложились неплохие отношения, они никогда не встречались, но переписывались. После убийства Кеннеди американо-египетские отношения вновь напряглись. Сначала пошла пропагандистская кампания против Насера, затем окружение президента Джонсона сделало окончательную ставку на выдвижение короля Саудовской Аравии на лидерство в складывавшейся антинасеровской исламской оппозиции.

III. Йемен: неудавшаяся попытка контратаковать

Чувствуя, что Саудовская Аравия усилиями Соединенных Штатов становится центром притяжения антиегипетских сил, Насер начал контригру. В 1962 году в «подбрюшье» Саудовской Аравии – Йемене умер имам Ахмад, а его наследник Мухаммед аль-Бадр оказался свергнутым через неделю после кончины отца. Бадру удалось скрыться: когда в полдень вся охранявшая его стража пошла поесть, он незамеченным, в женском платье, выбрался на осле через задние ворота. Нет прямых данных, свидетельствующих, что переворот произошел в результате заговора, осуществленного по каирскому сценарию. Но и предшествовавшие и последовавшие вслед за переворотом события позволяют предположить, что египетские спецслужбы не были индифферентными наблюдателями. Так или иначе, но СССР не был осведомлен со стороны Египта о готовившемся перевороте в Йемене.

Конечно, нельзя сказать, что советская разведка не располагала никакими данными о накалявшейся обстановке в этой стране, но полковник Абдалла ас-Саяль, пришедший к власти в Санае после свержения монархии, ни по какой линии не был связан с Советским Союзом. Более того, у СССР существовали хорошие отношения с имамом Ахмадом, которого лечили московские врачи, и с его наследником Бадром, посетившим нашу страну в конце 50-х годов. В СССР обучались студенты и курсанты из Йемена. Многие из них вернулись домой после провозглашения республиканского строя. Москва никогда не пренебрегала отношениями с арабскими монархиями. Не только не воздвигались идеологические барьеры, но ни разу Советский Союз не был каким бы то ни было образом замешан в действиях по смене монархических

режимов в арабском мире. Руководствовались логикой: изменение социально-политического строя может произойти только в случае вызревания внутренней, а не экспортируемой извне революционной ситуации. Она определялась как невозможность народных масс жить по-старому и неспособность руководить ими старыми методами.

Пожалуй, единственный раз СССР отступил от этого принципа, введя войска в Афганистан в то время, когда революционная ситуация там не существовала. Но после того, как произошел переворот в Йемене, СССР не остался в стороне и активно поддержал Египет, в том числе не только политически, но и подкрепив его военно-транспортными средствами. Здесь проявилась уже логика другого рода: стремление помочь насеровскому Египту, который после крушения объединенного государства с Сирией все больше разворачивался в сторону СССР. К тому же Советский Союз не мог пройти мимо того, что прогрессивным переменам в Йемене реально угрожали силы, координируемые и поддерживаемые извне, а Египет им противостоял. Революцию в Йемене начала группа молодых офицеров. По роду своей службы они не раз выезжали в Каир и не скрывали своего восторга по поводу тех мер, которые проводил Насер в своей стране. Такое восприятие египетской действительности было более чем естественным на фоне средневекового застоя в Йемене. Родоплеменная структура с всесилием шейхов, с самодержавной, беспрекословной властью главного из них – имама, который одновременно был духовным вождем самой сильной в стране мусульманской секты зейдитов⁷⁰, сохранилась в Йемене почти в первозданном виде.

Кстати, полковник Саляль возглавил восстание против монархии, будучи начальником охраны Бадра, а до этого пять лет по приказу имама Ахмада просидел на цепи в буквальном смысле этого слова в яме, куда ему сбрасывали еду. Из всего изложенного не следует, что Йемен

оставался полностью оторванным, отгороженным от всего мира. Эхо событий, происходящих в других странах, доходило до Ходейды, Саны, Таиза. Это во многом подготовило и провозглашение республики. Не миновало Йемен и эхо национально-освободительного движения. Действия Англии в соседних султанатах Южной Аравии, в Адене вызвали гневный протест сотен тысяч йеменцев. Сюда протекали слабые ручейки, берущие начало из мощного потока развития мировой техники, культуры.

Но, пробиваясь в Йемен, XX век зачастую вплетался здесь в удивительный клубок противоречий. Нагляднее всего демонстрировал жизнь монархического Йемена дворец имама Ахмада в Таизе, где он провел последние годы своей жизни.

По заданию редакции я прилетел в Йемен вскоре после свержения имама и имел возможность побывать в той комнате, в которой сохранилось в нетронутом виде все, что его окружало. Ахмад, по-видимому, очень любил часы – ими были увешаны все стены. Но бой часов не доносил до него отзвуки времени. Под стенными часами рядом с кроватью имама лежала кожаная плетка, которой он стегал своих слуг и наложниц. На бюро под стеклом фотография, на которой имам у красочной арки городских ворот Саны, испещренных изречениями из Корана, наблюдал за публичной казнью – палач приводил в исполнение приговор суда, определившего, сколькими ударами сабли должна быть отделена от тела голова несчастного. Тут же кандалы. На мой недоуменный вопрос сопровождавший меня йеменец ответил, что они использовались по приказу имама, стража заточала в них любого, кто мог вызвать гнев правителя. А на другой стене – фотография Юрия Гагарина. Имам аккуратно вырезал ее из журнала. На небольшом письменном столе два спортивных стартовых пистолета. Имам стрелял в себя из этих пистолетов в присутствии стражи, чтобы доказать: его не берут никакие пули. Посреди комнаты на

треножнике портативный экран, а перед ним – небольшой проектор. Каждый день для имама крутили кино, но этот зал был единственным «кинотеатром» на весь Йемен. Имам категорически запрещал своим подчиненным смотреть кинофильмы.

Наконец, еще один «экспонат». На тумбочке у кровати – коробочка с сильно действующим ядом, на всякий случай. Ему не пришлось принимать яд. Но деспотическое правление было свергнуто через семь дней после его кончины. Сразу же в йеменские события оказались втянутыми Объединенная Арабская Республика – на стороне республиканцев и Саудовская Аравия – на стороне монархистов. Саудовская Аравия при этом руководствовалась отнюдь не дружбой с Бадром или его покойным отцом Ахмадом – между королевскими дворами Эр-Рияда и Таиза существовала давняя вражда.

Однако Саудовская Аравия опасалась, что йеменские события перехлестнут через ее границу. А ОАР стремилась укрепиться на территории Йемена, создав контрбаланс саудовской антинасеровской политике. В отношении внутрийеменской борьбы определились и США, и Великобритания. Вашингтону ни к чему был проегипетский Йемен, расположенный на пороге американской нефтяной империи на Аравийском полуострове. А в Лондоне беспокоились не только о нефти, но и о будущем английской военной базы в Адене. По просьбе республиканцев, оказавшихся в тяжелом положении после того, как Саудовская Аравия стала широко поддерживать и вооружать те йеменские племена, которые остались верны монархии, Насер направил свои войска в Йемен. Многотысячная регулярная армия была задействована в боях. Но конфликт приобретал затяжной характер. Под давлением событий начались переговоры Саудовской Аравии с ОАР. 24 августа 1965 года в городе Джидде было подписано соглашение между президентом Насером и королем Фейсалом, которое предусматривало проведе-

ние референдума не позднее 23 ноября 1966 года с целью определить будущее страны, введение переходного периода с временным правительством, прекращение вмешательства со стороны Саудовской Аравии и по мере этого постепенный вывод египетских войск из Йемена.

Судя по всему, к этому моменту король Фейсал, который сменил на этом посту своего брата Сауда, подавшегося в эмиграцию в Каир, стал тяготиться антинасеровским грузом, взгроможденным на его плечи. Насер, в свою очередь, приходил к пониманию, что он может увязнуть в Йемене, а это свяжет ему руки в самом Египте и за его пределами и, что самое главное, чрезвычайно ослабит сопротивляемость в случае вооруженного конфликта с Израилем. Подписанное соглашение, казалось бы, создавало условия, благоприятные для решения йеменским народом своей судьбы без вмешательства извне.

Так в Хараде в конце ноября 1965 года была созвана конференция политических сил Йемена. Несколько подробностей, которые, как мне кажется, лучше помогают понять обстановку. В Сану из Каира я летел на советском военно-транспортном самолете Ан-12 с группой египетских солдат. Герметичной была только пилотская кабина, и египтяне сидели в кислородных масках. А мне повезло. Командир, майор Забияка, позвал меня в кабину, где я проспал всю пятичасовую дорогу в ногах у наших летчиков, – был ему очень благодарен за это. Несколько раз к нам приближались саудовские истребители, но прибыли мы на место без приключений. Майор Забияка рассказал, что сделал уже больше двухсот вылетов. Труд у наших военных летчиков в тот период был поистине каторжным: пять часов лету из Каира, через двадцать минут – пять часов из Саны обратно, и так через день; жили в гостинице без семей.

Из Саны в Харад я летел уже на небольшом штабном самолете Ил-14, пилотируемом египетским летчиком.

Летели несколько египетских офицеров, три наших корреспондента и группа телевизионщиков из ГДР. Один из этих офицеров оказался знаком с пилотом, и тот, демонстрируя ему свое мастерство, бросил машину в бреющий полет, метров так 30–50 над пустыней. Ощущение было не из приятных для всех, но первыми возмутились наши немецкие коллеги. Египетский пилот их успокоил. «Чего вы волнуетесь, – сказал он, – я летаю уже два года». Такая бесшабашная самоуверенность сыграла для многих египетских летчиков плохую службу в дальнейшем. Над Харадом – небольшим селением неподалеку от границы Саудовской Аравии – развевалось республиканское знамя, а вблизи – горы, оседланные монархистами.

Военный корреспондент английской газеты «Дейли телеграф» Дэвид Смайли, прибывший на конференцию, уверял, что именно в этих горах – штаб-квартира свергнутого Бадра. Полковник и бывший военный атташе Великобритании в Стокгольме знал, о чем говорил, – он провел в ставке Бадра два с лишним года. Большой цветной шатер для заседаний окружили колючей проволокой, у прохода стоял бронетранспортер с пулеметами. Палаточный городок конференции охраняли и саудовские, и египетские военные. Главными саудовскими представителями были эмир Абдалла ас-Садр и начальник саудовских спецслужб Рашад Фараон. Его сын поведal гэдээровцам, думая, что они из Западной Германии, а те рассказали мне, корреспонденту Московского радио Александру Тимошкину и корреспонденту «Известий» Леониду Корявину, что ночью он боится заснуть, так как в его палатке два чемодана с золотом для «серьезного разговора» с руководителями племен.

Хорошо запомнился мне первый день работы конференции, когда встречались представители племен, поддерживающих республику, с представителями монархических племен. На наших глазах люди дружески обнимались, целовали друг другу руки, а после первых

приветствий еще долго прогуливались по палаточному лагерю, держа, по местному обычаю, друг друга за руки. Но на третий день на военные грузовики спешно грузили палатки и скарб «монархистов», многие из которых протестовали. Их палатки вновь разбили, но уже поодаль от лагеря «республиканцев». С этого момента личные встречи между участниками переговоров прекратились. По словам египетских журналистов, на отселении «монархистов» настояли представители Саудовской Аравии.

Конференция буксовала, лишь на четвертый день приняли повестку дня. Стояла дикая жара, да еще характерная для йеменской Тихамы влажность – ночью лил дождь. Связи с редакциями у советских журналистов не было. На наш вопрос, когда можно будет уехать, следовал ответ: никакая информация не должна утекать, так как это повредит конференции; воевали три года – конференция может продлиться не меньше трех недель. Через неделю все-таки при содействии египтян удалось вырваться из Харада, а конференция закончилась безрезультатно с наступлением мусульманского поста – Рамадана – в декабре.

Не удержусь от рассказа об отношении йеменцев к русским, советским. С нашими геологами, работавшими в нескольких километрах от Саны, столкнулись вооруженные люди из племени, поддерживавшего аль-Бадра. Узнав, что они русские, их не только отпустили с миром, но и пощадили их охранников – республиканцев, сказав им: разделяемся с вами, если с головы русских упадет хоть один волос. Йеменские монархисты, поддерживаемые извне, не складывали оружия. Племенная структура общества, не размытая после свержения имама, обеспечивала власть шейхам, которые считали себя полными хозяевами в своих вотчинах.

Когда республиканский режим показал стремление создать сильную центральную административную систему, это механически перевело многих шейхов племен на

другую сторону баррикады. Немалое значение при этом имели и ежемесячные золотые субсидии, установленные внешними врагами республики некоторым вождям племен. Многих шейхов пытались сбить с пути решительной поддержки нового режима и пропагандистскими мерами. Новый режим в Йемене искусственно противопоставлялся исламу. Сопротивлением шейхов племен можно объяснить, в частности, неспособность республиканского правительства создать свою армию в первые годы после переворота. Многократно объявлялся набор рекрутов, создавались военные училища, ряд йеменских офицеров получили военное образование за границей. Но армии как таковой в стране все-таки не было. Вооруженные силы республики составляли в основном воинские формирования племен. От решения шейха зависело, пустить их в действие или нет. Конечно, немало шейхов племен, в том числе и крупных, сделали выбор в пользу республики. Но это нередко происходило из-за глубоко враждебного отношения многих шейхов к династии Хамид эд-Динов, к которой принадлежал свергнутый с престола Бадр. Даже крупные племенные союзы, не говоря уже об отдельных племенах, по нескольку раз меняли в зависимости от обстоятельств цвета своих флагов.

Более органичной, а, следовательно, и более надежной опорой республики стали жители городов – торговцы, ремесленники. Резкая активизация монархических сил, создавшая реальную угрозу для режима, произошла в конце 1967 – начале 1968 года, когда Каир отозвал свои вооруженные силы из Йемена. Хорошо обученные и вооруженные части крайне нужны были Каиру для восстановления военного потенциала. В политическом плане Каир с удвоенной энергией начал добиваться единства в арабском мире. Это было вполне понятно, и путь к этому лежал через смягчение конфронтации с Саудовской Аравией по вопросу о Йемене, что тоже стимулировало вывод египетских войск из Йемена. Я был в Хартуме,

где в сентябре 1967 года происходила первая после июньской войны арабская встреча в верхах. Йеменский вопрос стал на конференции одним из главных. Была найдена компромиссная формула: Каир обещал осуществить уже в 1967 году вывод войск в ответ на обязательство Саудовской Аравии не предпринимать вмешательства во внутренние дела Йемена. На этом же совещании был создан комитет содействия решению йеменской проблемы, в который вошли представители Судана, Ирака и Марокко.

В Йемене у власти тогда еще был президент ас-Саляль. Он и группа его приверженцев заняли непримиримую позицию в отношении комитета по перемирию («комитета трех»). Я слышал в Хартуме, как министр иностранных дел правительства ас-Саляля зачитывал заявление, в котором говорилось о непризнании решений, вытекающих из переговоров Насера – Фейсала. Заявление было составлено в очень резких тонах. Министр сказал также, что члены «комитета трех» не получают виз для въезда в Йемен. Правда, после двухчасовой беседы с президентом Насером ас-Саляль выступил с более спокойным заявлением. Уже в Хартуме многие считали, что правительство ас-Саляля доживает последние дни – слишком много стало у него противников в самом республиканском лагере. Некоторые выступали против Саляля по личным мотивам, другие обвиняли его в недостаточной политической гибкости.

Смена правительства в Йемене произошла, когда египетские части покидали эту страну. Ас-Саляль был отстранен, у власти встал Республиканский совет во главе с бывшим премьером Арьяни, который около года провел в вынужденной эмиграции в Каире. Вслед за этим монархисты предприняли попытку захватить Сану. Арьяни обратился за поддержкой к СССР, который организовал воздушный мост для спасения города. Перебрасывали и медикаменты, и продовольствие, и боеприпасы. В апреле

70-го года гражданская война в стране закончилась. По подписанному соглашению монархисты получили несколько мест в республиканском правительстве. Но формальное прекращение гражданской войны не означало стабилизации внутренней обстановки в Йемене. У власти одна группа сменяла другую. Часто эти смены происходили после убийств главы государства. Все большее влияние на события в Йемене стало оказывать положение на юге страны, где революционные силы установили контроль над бывшим английским протекторатом Аден⁷¹. 30 ноября 1967 года британские войска покинули территорию провозглашенной Народной Республики Южный Йемен, которая в соответствии с конституцией с 30 ноября 1970 года стала называться Народная Демократическая Республика Йемен. Здесь тоже не обошлось без кровавой междоусобной борьбы.

В конце концов, север и юг объединились в единое государство, пройдя через распри, вооруженные столкновения, вмешательство в дела друг друга, войну. 22 мая 1990 года было объявлено о создании единой Йеменской Республики⁷².

Египет не оставался в стороне от всех этих турбулентных процессов, но активного участия в них уже не принимал. Можно ли считать, что первоначальное вмешательство Египта в йеменские дела при свержении монархии не было оправданным? Я задаю этот вопрос, так как многие исследователи ретроспективно осуждают Насера за его йеменскую акцию, которая стала тяжелым бременем для Египта. Я не принадлежу к их числу. Не было бы йеменского антимонархического переворота при участии египтян, неизвестно, свернула бы Саудовская Аравия процесс создания на своей территории антинасеровского исламского центра, к чему вели события после провозглашения доктрины Эйзенхауэра. Без революционных изменений в Йемене вряд ли Англия, особенно после потери своей базы в зоне Суэцкого канала,

решила бы эвакуировать базу из Адена. Конечно, в Йемене очень трудно происходил и происходит процесс размыва племенной структуры общества. И уж во всяком случае, шейхи республиканского толка не изъявляли готовность приложить усилия для демократизации установленного строя.

Но одновременно развились процессы политизации населения, особенно в городах, активизации нарождающейся буржуазии, на первых порах торговой, а затем мелкой и средней в промышленности. Все это создавало предпосылки революционной волны, направленной весной 2011 года уже против республиканского режима, погрязшего в коррупции и ставшего преградой на пути все более осязаемой необходимости идти в ногу с современностью. Но об этом в дальнейшем изложении.

Глава VIII

НАЧАЛО И КОНЕЦ ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ: ЧТО ЗА КАДРОМ

Можно считать поворотным пунктом в истории не только Египта, но и всего арабского мира войну, вспыхнувшую 5 июня 1967 года между Израилем, с одной стороны, Египтом, Сирией и Иорданией – с другой. Война, получившая название Шестидневной, привела к оккупации Израилем Восточного Иерусалима, Западного берега реки Иордан, сектора Газа, Голанских высот с постоянно нарастающим числом израильских поселений на этих территориях. Центр тяжести арабских требований в процессе урегулирования с Израилем после Шестидневной войны был перенесен на прекращение заселения этих земель и вывод израильских войск. Шестидневная война на передний край борьбы выдвинула палестинцев, которые сложились как палестинский арабский народ, добивающийся создания собственного государства. Поражение в Шестидневной войне привело к началу размыва «арабского социализма» в Египте. Наконец, поражение в войне 1967 года нанесло серьезнейшую психологическую травму всему арабскому миру. Проигрыш в войне 1948 года справедливо связывался с коррупцией, продажностью прогнивших арабских режимов, зависимых от колониальных держав. В 1967 году сокрушительное поражение в течение нескольких дней потерпели уже националистические режимы, существующие в независимых арабских странах. К тому же арабы проиг-

рали войну, несмотря на то, что обладали первоклассным советским оружием, а в египетской и сирийской армиях уже находились советские военные специалисты.

I. Сокрушительный крах: почему не состоялась отставка Насера

Через несколько часов после того, как Израиль начал военные действия, в корпункте «Правды» собрались мои египетские коллеги – журналисты, друзья. Среди них были Мухаммед Ода, Филипп Галяб и другие. Они с восторгом рассказывали о десятках сбитых израильских самолетов – каирское радио через каждые полчаса называло сногсшибательные цифры, суммируя которые можно было представить, что уже в первые часы военных действий уничтожен чуть ли не весь военно-воздушный флот Израиля. А к моменту встречи с моими египетскими друзьями я уже знал от наших специалистов, что на базе Каиро-вест были уничтожены египетские самолеты. Во время первого израильского налета были повреждены взлетные полосы. Наши специалисты настойчиво советовали взлетать на форсаже с рулевых полос и встретить вторую волну израильских самолетов в воздухе. Ни один египетский истребитель не поднялся, и вернувшиеся после заправки израильские самолеты их расстреляли из пушек на земле. Мои коллеги были обескуражены, подавлены этой информацией.

Через пару дней, когда о поражении арабских армий уже широко знали, по Каиру вихрем пронеслось: все из-за того, что на самолетах с израильскими опознавательными знаками летали американские летчики. В 4 часа

20 минут утра 6 июня каирское радио в информационной сводке верховного командования передало сообщение, что «имеются неопровержимые доказательства, подтверждающие участие США и Англии в воздушных операциях против Египта». Многие считали, что инициатором этой версии был командующий египетской авиацией Мухаммед Сидки Махмуд. С самого утра 5 июня, как выяснилось, он убеждал всех, что «массированность и эффективность авиации противника» свидетельствует об участии в налетах на египетские аэродромы американцев и англичан. По его словам, даже один из египетских летчиков, Хосни Мубарак, якобы видел, что в налете на луксорский аэродром участвовали американские самолеты. Маршал Амер немедленно связался с луксорским аэродромом и лично разговаривал с Мубараком, который сказал, что самолеты были не американские, а израильские. Это был тот самый Хосни Мубарак, который стал впоследствии президентом Египта.

Но обо всем этом не знали в народе, а радио слушали буквально все. «Так где же русские? – в первые дни войны раздавалось повсюду в Каире. – Почему записавшиеся в наши друзья русские не дают отпора американским летчикам?» Не буду описывать, как разворачивались военные действия, закончившиеся сокрушительным поражением египетской, сирийской и иорданской армий, – об этом много написано, в том числе военными специалистами. «Мы чувствовали себя как во сне. Какой-то кошмарный бред. Неужели наша авиация уничтожена за один день, а наземные силы разгромлены в течение следующего дня? Неужели это такая сила, против которой нельзя устоять более тридцати шести часов?». Эти слова принадлежали Абдель Латифу аль-Багдади – бывшему вице-президенту Египта. Они отражали обескураженность египетского общества результатами войны.

Насер отдавал себе отчет в масштабах поражения, а так как считал себя виновным в происшедшем, выступил

по телевидению и заявил о своей отставке. Позже целый ряд египетских деятелей и журналистов опубликовали свои версии происшедшего. Многие посчитали выступление Насера 8 июня и многотысячные толпы людей, вышедших на улицы с требованием, чтобы Насер остался у власти, хорошо разыгранным спектаклем. Я не верю в эту версию. Не думаю, что Арабский социалистический союз⁷³, которому приписывают организацию народного выступления в поддержку Насера, обладал такой силой, что мог в считанные часы организовать миллионную демонстрацию людей, подавленных поражением, да еще не прибегая ни к какой публичной деятельности. Массовая демонстрация была стихийной. Характерно и то, что Насер позвонил министру информации Фаику и попросил его прекратить передачу по телевидению телеграмм с мест, призывавших его остаться у власти. Насер был действительно подавлен. Я уверен, что он, искренне решив уйти в отставку, назвал своим преемником Закарию Мохиэддина. Лишь разбушевавшиеся народные массы с призывом, требованием остаться лидером Египта заставили Насера объявить, что он не уходит с поста президента.

Но между заявлением об отставке и отказом от нее прошло некоторое время, вначале заполненное появлением на телеэкранах Закарии Мохиэддина. И в это время произошло еще одно событие, которое, как мне кажется, тоже сыграло свою роль. За день до выступления Насера по телевидению из Москвы пришла шифровка на имя советского посла Д.П. Пожидаева с указанием сообщить Насеру, что Советский Союз безвозмездно восстановит все потерянное египетское вооружение, включая авиацию и танки. Пожидаев не успел передать это Насеру до его заявления об отставке – Насер в течение трех дней никого не принимал, а посол получил указание сообщить о принятом в СССР решении только президенту Египта. Я и мой товарищ Вадим Михайлович Синельни-

ков – советник нашего посольства по связям с Арабским социалистическим союзом – пришли к Пожидаеву с настойчивым предложением заявить Насеру, что если он останется на своем посту, то в таком случае Советский Союз восполнит все потери египтян в вооружении. По словам посла, когда он сказал об этом Насеру, тот прослезился. Трудно утверждать, что именно это главным образом побудило Насера отказаться от отставки. Однако это не могло не оказать на него воздействия. Реакция Насера во время встречи с Пожидаевым убедительно свидетельствовала об этом.

Позже заведующий отделом ЦК Л.М. Замятин, который находился на срочно созванном в Москве заседании стран – участниц Варшавского договора, рассказал, как в момент обсуждения Л.И. Брежневу передали телеграмму советского посла в Каире, который докладывал, что решил объединить призыв советского руководства к Насеру сохранить за собой пост президента Египта с обещанием СССР поставить ему все потерянное в Шестидневной войне вооружение. «Насер просил выразить его огромную благодарность советскому руководству», – говорилось в телеграмме, которую Брежнев зачитал вслух.

II. Маршал Гречко о египетской армии: Насер блефует

Как началась война? Вокруг этого много наносного, сплетен, фальсификаций. Но существуют и отдельные, известные только небольшому кругу лиц эпизоды, которые проливают свет на действительный ход событий.

За несколько месяцев до того, как вспыхнула война, в Каир прибыл командующий войсками Варшавского

договора маршал Гречко. После того как он встретился с советскими военными специалистами, его пригласил к себе президент Насер. Беседу переводил советник нашего посольства, прекрасный знаток арабского языка С.Б. Аракелян. Позже он поделился со мной впечатлениями. Насер спросил у Гречко, что он может сказать о состоянии египетской армии? Маршал Гречко, очевидно стремясь поднять престиж советских военных советников, которые уже в течение определенного времени находились в Египте, сказал: «Ваша армия может выполнить любую задачу на данном театре».

Далеко не уверен, что Насер пропустил это замечание мимо ушей. Конечно, не только констатация, высказанная Гречко, повлияла на его решение провести демонстрацию силы, но так или иначе он верил в возросшую боеспособность вооруженных сил и решил этим воспользоваться. При этом Насер не хотел инициативно начинать военные действия – в этом у меня нет сомнений. Было ли это широко задуманным блефом? Я бы выразился точнее – демонстрацией силы. Египет не помышлял о превентивном ударе, но вместе с тем, ошибочно преувеличивая возможности своих вооруженных сил, предполагал, что сможет противодействовать Израилю даже в том случае, если тот начнет первым. Это, очевидно, понимали и в Израиле. 22 декабря 1967 года, то есть через полгода после войны, «Гаарец»⁷⁴ опубликовала интервью тогдашнего начальника штаба израильской армии И. Рабина, который признал: «Существует разница между концентрацией войск с целью начать войну и таким движением, которое может закончиться войной, но не нацелено на войну и представляет собой нечто другое.

Я думаю, что последнее было в основе насеровского мышления». Когда Насер отдал приказ войскам направиться на Синай, то вереница танков, машин с солдатами ночью прошла мимо окон посольства США в Каире. Было

ясно, что Насер хотел через американцев запугать Израиль. 16 мая посол СССР в Каире Пожидаев вместе с военным атташе Фурсовым встретились с военным министром ОАР Бадраном, который, по сообщению посла в Москву, весьма серьезно подчеркнул возможность нападения израильской армии на Сирию. «Если это произойдет, – сказал Бадран, – то ОАР немедленно выступит в защиту Сирии».

Зная о постоянных столкновениях на границе с Сирией, Пожидаев решил уточнить, что имеет в виду Бадран под словом «нападение». Посла и военного атташе можно было понять – им предстояло доложить в Москву о намерениях, стоявших за передислокацией египетских войск на Синае. Бадран уточнил, что под нападением Египет будет рассматривать вооруженное наземное вторжение с целью захвата части территории. Бадран подчеркнул, что конфликты и вооруженные пограничные столкновения не считаются нападением и сирийцы полностью с этим согласны. Ознакомившись с донесением Пожидаева, Москва еще больше убеждалась в том, что Насер не настраивается на превентивные действия. 16 мая начальник штаба египетской армии генерал Мухаммед Фавзи передал командующему силами ООН индийскому генералу Рикхи: «Я отдал приказ вооруженным силам Объединенной Арабской Республики быть готовыми предпринять действия, если Израиль начнет агрессию против какого-либо арабского государства. С целью осуществления этих указаний была отобилизована часть наших войск на восточном фронте в Синае. Для обеспечения безопасности войск ООН, которые сконцентрированы в контрольных пунктах, прошу вас вывести эти войска из этих контрольных пунктов».

Это был шаг, может быть, своего рода экспромт, имевший целью опять-таки запугать Израиль, а не действительно нанести по нему удар. Возможно, что авторами этой акции были египетские военные. Нет никакого

сомнения, что это, как и последовавшие действия, осуществлялось подчас импульсивно, без обдумывания заранее, под фанфары всего арабского мира, который поднимал Насера, египетских военных на небывалую высоту. Однако даже в таких условиях Насер осторожничал. Бывший представитель США в ООН Чарльз Йост писал, что текст призыва египетского командования к Генеральному секретарю ООН У Тану не был предварительно одобрен Насером, который, по словам Йоста, не хотел, чтобы чрезвычайные силы ООН были выведены из Шарм аш-Шейха.

Как и следовало ожидать, Генеральный секретарь ООН не мог пойти на частичный отвод сил, оголяющий участки непосредственного соприкосновения египетской и израильской армий. Но Египет обладал юридическим правом вообще отказаться от размещения всех чрезвычайных сил ООН на своей территории, и У Тан предложил вывести все войска ООН. Здесь Египет попал в самые же расставленные сети. Он вынужден был с этим согласиться. А если египетские войска вошли в Шарм аш-Шейх, то надо было показать арабскому миру, для чего это делается, и Каир заявил, что закрывает Тиранский пролив для израильского судоходства и тех судов, которые перевозят стратегические израильские грузы.

Нужно сказать, что пролив был открыт за десять лет до этого в результате соглашения 1957 года, по которому Израиль выводил войска с Синая после тройственного нападения на Египет. Значение раскупоривания Тиранского пролива было для Израиля очевидным: до этого Красное море, по сути, было «озером», на котором стоял никому не нужный израильский порт Эйлат. Но и закрывая пролив, иными словами, возвращая положение к тому, каким оно было до нападения на Египет в 1956 году, Насер хотел избежать военного столкновения с Израилем. Два раза – 27 и 29 мая – он произнес речи, в которых повторил: «Мы не собираемся стрелять первыми,

мы не собираемся совершать нападение». И действительно, если бы все ограничилось закрытием Тиранского пролива, это было бы расценено в арабском мире как блестящая победа Насера, который еще больше укреплялся в качестве общепризнанного всеарабского лидера. Насер явно хотел на этом остановиться. И неслучайно он сразу же согласился с У Таном, который при поддержке Соединенных Штатов привез в Каир просьбу к Египту воздержаться от инспекции судов, проходящих через Тиранский пролив.

Одновременно просьба была адресована Израилю: не посылать никаких судов через залив Акаба, чтобы «испытать решение Египта о закрытии пролива». Многочисленная информация, добываемая советской разведкой, подтвердила занятую Насером позицию. 26 мая во время встречи с ним премьер-министр Сирии Зуэйн заговорил о необходимости превентивного удара. Насер отверг эту идею. На состоявшемся 3 июня 1967 года закрытом совещании военного руководства Египта и египетских послов Насер заявил: «Я не начну войну первым, потому что этим я поставлю себя под удар перед своими союзниками и другими странами мира».

Эта информация была сопровождена сообщением резидентуры КГБ в Каире со ссылкой на правительственные круги ОАР, что в настоящее время стремление Насера заключается в том, чтобы как можно скорее закрепить выигрыш, достигнутый выводом войск ООН. Теперь он будет призывать к выполнению Израилем резолюции по Палестине, однако наряду с этим согласится на создание демилитаризованной зоны в районе, где она была до 1956 года. Исходя из такой перспективы, СССР поддержал действия Египта. В телеграмме советскому послу в Каире, направленной 25 мая, А.А. Громыко назвал требование о выводе войск ООН из района Газы и Синайского полуострова «оправданным» и «сильным шагом, который произвел соответствующее положительное действие».

Советское руководство стремилось к тому, чтобы на этом «оправданном шаге» прекратилась эскалация кризисного развития. Не хотели опасной эскалации событий и Соединенные Штаты. 1 июня в Египет секретно прибыл личный представитель президента США Джонсона, который передал Насеру просьбу направить в США Амера для конфиденциальной с ним встречи. Насер, думая, что без войны может завершиться предпринятый им маневр, сразу же дал согласие, но на поездку в США другого вице-президента – Закарии Мохиэддина. Уезжая, представитель Джонсона еще раз подтвердил Насеру, что Израиль не предпримет военных действий, пока ведутся дипломатические контакты. А поездка З. Мохиэддина не состоялась, так как началась война. Однако еще до ее начала позиция США претерпела изменение. Определенную роль в этом сыграла секретная поездка в США главы Моссада М. Амита, который встретился с директором ЦРУ Р. Хелмсом и министром обороны Р. Макнамарой.

Разведка и американские военные погасили сомнения президента Джонсона, убедив его, что для США выгодно использовать сложившуюся ситуацию и согласиться на израильскую атаку против арабских армий, так как быстрый результат операции предreshен – Израиль легко справится с арабскими армиями.

4 июля Амит доложил Л. Эшколу и некоторым ведущим израильским министрам, собравшимся в доме премьер-министра, что США, по сути, включили «зеленый свет», и на следующий день израильское правительство в полном составе проголосовало за превентивные военные действия. Израиль ударил по арабским армиям и добился быстрой победы. Наряду с версией, что Насер готовил превентивный удар по Израилю – этот не соответствующий действительности вывод был широко распространен в мире, – появился и другой миф, согласно которому советское руководство якобы подталкивало Египет сначала

к демонстрации силы, а потом даже к превентивным военным действиям.

Особое значение придается тому, что советское руководство передало информацию Насеру об израильских войсках, готовых ударить по Сирии. По словам Хейкала, Н.В. Подгорный и заместитель министра иностранных дел В.С. Семенов, с которыми встретился в Москве в середине мая 1967 года Садат, возвращаясь из Северной Кореи, предупредили его в конфиденциальном порядке о концентрации израильских войск на границе Сирии и о том, что нападение планируется на период 18–22 мая. Садат немедленно направил через египетское посольство в Москве шифротелеграмму в Каир. Известно, что Израиль отрицал планы совершить нападение на Сирию. Предлагалось даже послу СССР в Тель-Авиве выехать к границе Сирии и убедиться, что там не концентрируются войска для броска. Посол совершенно справедливо отказался от этого предложения, так как понимал, что его, несомненно, проведут по тем местам, где нет скопления израильской военной техники и солдат, и, таким образом, его вояж может быть использован для маскировки подготовки наступления на сирийские позиции.

Между тем резидентура советской внешней разведки обладала фактическим материалом о подготовке израильских сил к атаке. К середине мая в израильском руководстве пришли к выводу о необходимости покончить с активностью палестинцев, которых поддерживала Сирия, и предотвратить возможность создания палестинских лагерей на территории, граничащей с Израилем. Рассматривались различные варианты, в том числе широкомасштабная акция сухопутных сил для атаки против сирийских военных баз. Эшкол настаивал на применении авиации, тогда как начальник генштаба Рабин считал, что операция не должна ограничиться авиационными ударами. Египет обладал и собственными данными, позволившими делать выводы об обстановке.

22 мая Насер сказал послу Пожидаеву, что 12 мая в Тель-Авиве ряд израильских политиков и военных деятелей выступили с прямыми угрозами войны против Сирии и оккупации Дамаска. В этой беседе с советским послом ясно прозвучал один из мотивов, по которым Насер решился на демонстрацию силы. «Израиль и его покровители, – сказал он, – очевидно, считают, что ОАР завязла в Йемене и не может оказать Сирии эффективную помощь. ОАР должна была доказать беспочвенность такого расчета». Объективному пониманию позиции СССР мешали не только несоответствующие ей оценки ряда зарубежных политологов, не говоря уже о пропагандистских небылицах, но и некоторые непродуманные, брошенные как бы вскользь слова отдельных советских военных. Х. Хейкал писал, что маршал Гречко, провожая министра обороны Египта Бадрана после его визита в Москву, сказал ему у трапа самолета: «Держитесь твердо, не давайте американцам и кому бы то ни было шантажировать себя. Что бы ни случилось, мы будем с вами». А когда самолет улетел, Гречко, улыбаясь, объяснил присутствовавшим при проводах Бадрана: «Я просто хотел ему дать посошок на дорожку». Египетский посол в Москве Мурад Галеб тут же передал шифротелеграммой в Каир, что не следует принимать слова Гречко за чистую монету.

Но тоже военный, как и Гречко, Бадран, возможно, был другого мнения. Мурад Галеб подтвердил мне, что этот эпизод действительно имел место. Однако все это ни в коей мере не свидетельствовало о настроениях советского руководства, которое категорически не хотело войны. Более того, когда Бадран, прибыв в Москву, сказал 26 мая Косыгину, что израильяне, по египетским данным, несомненно, ударят и нужно их опередить, Косыгин, отражая мнение всего советского руководства, предостерег от такого развития событий и заявил: «Тогда Египет будет выглядеть агрессором – этого делать нельзя».

Чтобы разрядить обстановку, перед самой войной советское руководство решило организовать в Москве встречу премьер-министра Израиля Эшкола с президентом Насером. Решение Политбюро об организации этой встречи было принято 28 мая. Посол СССР в Каире через маршала Амера запросил мнение президента ОАР по этому вопросу. Насер ответил, что он считает соображения советского правительства «мудрыми и полностью их разделяет». По его словам, «...поскольку ОАР не собирается нападать на Израиль, переговоры Эшкола в Москве не могут нанести ей ущерб». Более того, после визита Эшкола в Москву, как он думает, «...Израиль будет вести себя более спокойно».

В ночь на 2 июня посол СССР в Тель-Авиве М.С. Чувахин получил зашифрованную телеграмму из МИДа с пометкой «вне очереди» с указанием немедленно встретиться с премьер-министром Израиля и передать ему приглашение советского руководства прибыть в тот же день в Москву для конфиденциальной встречи с президентом Насером для урегулирования возникшего кризиса. В три часа ночи советский посол был принят в Иерусалиме Эшколом и Эбаном. После короткого совещания со своим министром иностранных дел Эшкол дал согласие на встречу с Насером в Москве 2 июня.

В условиях, когда руководство Израиля заявляло, что Израиль не намерен первым открывать огонь, отказ от предложения Москвы полностью противоречил бы проводимой Тель-Авивом пропагандистской линии. Сказалась, очевидно, и позиция самого Эшкола, который все еще колебался в отношении превентивного удара. О согласии Эшкола советский посол немедленно доложил в Москву, однако через два часа из МИДа поступила новая зашифрованная телеграмма «вне очереди», в которой Чувахину сообщали, что встреча не состоится. Насер отказался от первоначального согласия на встречу с Эшколом, так как против этого категорически возразил премьер-министр

Сирии Зуэйн и находившийся в Москве президент Сирии Агаси.

Узнав о негативном отношении сирийцев к его встрече с Эшколом, Насер сказал советскому послу в Каире, что, хотя он не разделяет чрезмерно жесткую линию сирийского руководства, должен, однако, прийти к выводу, что без согласия Сирии встреча, очевидно, не может иметь место. Разъяснения сирийцев сводились к тому, что их позиция была продиктована опасениями антисоветского восприятия факта встречи в арабском мире. Не исключая, что сирийское руководство верило в возможность с помощью демонстрации силы все-таки заставить Израиль отступить. Если это так, то согласие Эшкола на встречу с Насером могло укрепить сирийцев во мнении, что затяжка сложившегося положения работает в пользу арабов. Посол Чувахин передал сообщение, полученное из Москвы, Эшколу, который принял известие об отмене встречи с Насером не только без сожаления, но и с явным облегчением, так как переговоры, начатые в Москве, могли бы явно осложнить ситуацию в израильском руководстве.

Вместе с тем, отсрочка развязки кризиса была невыгодна Тель-Авиву, в том числе потому, что израильская экономика не выдержала бы продления состояния полной мобилизации. Будучи уверенным, что Египет инициативно не начнет военные действия, советское руководство сосредоточилось на том, чтобы предотвратить их начало со стороны Израиля. 26 мая Косыгин направил через нашего посла в Тел-Авиве телеграмму Эшколу, предупреждая об опасных последствиях, к которым может привести начало войны. В телеграмме правительство Израиля призывалось принять все меры, чтобы не было военного конфликта. Соответствующие письма были направлены президенту США Джонсону, премьер-министру Великобритании Вильсону. В конфиденциальном письме на имя президента Франции де Голля говорилось

о готовности СССР поддерживать контакты и проводить двусторонние консультации в связи с обстановкой.

В Израиле в это время сложилась непростая ситуация. Меры, предпринятые Насером, посеяли среди широких слоев населения тревогу – считалось, что до скоординированного арабского нападения на Израиль остались считанные дни. Настроения в обществе не могли не оказать влияния на израильское руководство, но оно все еще колебалось. Этим колебаниям положило конец выступление израильского генералитета и оппозиции в конце мая – начале июня с требованием превентивного удара по арабским армиям. С их точки зрения, было бы серьезной ошибкой не воспользоваться сложившейся ситуацией. Нажиму поддался Эшкол и некоторые другие израильские политические деятели, даже те, кто понимал, что речь со стороны арабов идет о демонстрации, а не о планируемом применении силы. Есть основания считать, что часть израильского руководства не испытывала серьезных опасений (особенно после поездки У Тана в Каир), что Насер реально закроет Тиранский пролив.

III. СССР и США опасаются столкновения

Несмотря на очевидный факт поддержки Советским Союзом и Соединенными Штатами различных сторон в войне 1967 года, обе сверхдержавы стремились не допустить перерастания этой войны в глобальное столкновение. Еще перед началом войны имели место обращения СССР к США и США к СССР с призывом повлиять на своих «клиентов», чтобы не доводить дело до вооруженного столкновения между ними. 27 мая президенту

Джонсону был передан сигнал из Москвы, что Израиль планирует атаку на арабские страны. Была высказана просьба – повлиять на Израиль с целью остановить его. Президент Джонсон и госсекретарь Раск направили послание Косыгину и Громыко с призывом посоветовать Египту «остудить ситуацию».

В самом начале войны, 5 июня 1967 года, были приняты шаги с двух сторон, чтобы убедить друг друга, что нет намерений в военном вовлечении в кризис и что будут предприняты усилия каждой стороны в Организации Объединенных Наций для выработки резолюции по прекращению огня. Председатель Правительства СССР Косыгин впервые использовал «горячую линию» связи 5 июня. За шесть дней войны и Соединенные Штаты, и Советский Союз прибегали многократно к «горячей линии» для прояснения ситуации. Главным образом во время этого обмена обсуждался вопрос о достижении прекращения огня через Совет Безопасности ООН.

Однако когда американский военный корабль «Либерти» 8 июня был атакован израильтянами, президент Джонсон использовал «горячую линию», чтобы заверить Косыгина, что перемещение американских военных судов на Средиземном море происходит лишь для того, чтобы помочь экипажу атакованного корабля и провести расследование. В Москве с удовлетворением восприняли это как серьезный показатель нежелания США вмешиваться в события. Как пишет в своих воспоминаниях наш посол в США А.Ф. Добрынин, «...в ходе решающих событий президент Джонсон вместе с Раском, Макнамарой и основными советниками постоянно находились в “ситуационной комнате” Белого дома».

В Кремле непрерывно заседало Политбюро. Наличие “горячей линии” сыграло неоценимую роль в поддержании постоянного контакта между Москвой и Вашингтоном, оно позволило Белому дому и Кремлю держать руку на пульсе развития событий и предотвратить опасную

неопределенность намерений и действий обоих правительств»*. Собственно, у США и не было необходимости во вмешательстве – военная победа Израиля была более чем очевидной. Советский Союз оказался в принципиально ином положении. В конечные часы войны 10 июня израильские войска, игнорируя резолюцию Совета Безопасности о прекращении огня, продвинулись к Дамаску. Первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов незамедлительно вызвал посла Израиля в СССР К. Каца и вручил ему ноту, в которой говорилось: «Если Израиль не прекратит немедленно военные действия, Советский Союз совместно с другими миролюбивыми государствами (имелись в виду государства – члены Варшавского договора. – *Е.П.*) примет в отношении Израиля санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями».

В ноте было заявлено: «Правительство Союза ССР приняло решение о разрыве дипломатических отношений Советского Союза с Израилем». Одновременно президенту Джонсону было передано по «горячей линии» уведомление о вынужденной готовности СССР «принять самостоятельное решение» и «предпринять необходимые акции» в случае, если Израиль не прекратит военные действия в ближайшие часы. Предупреждение было очень серьезным, и к нему серьезно отнеслись. Через три часа после вручения советской ноты израильское правительство приняло решение о прекращении военных действий на всех фронтах. Готовность Советского Союза в тот момент пойти на вооруженное вмешательство, чтобы предотвратить захват Дамаска и ликвидацию близкого к СССР, можно сказать, союзного сирийского режима, была очевидной.

В Вашингтоне понимали, что Израилю нельзя переходить эту «красную линию», и он ее не перешел. В то же

* *Добрынин А.* Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). – М.: Автор, 1997. С. 146.

время СССР был далек от того, чтобы воспользоваться такой ситуацией в интересах военно-политического сближения с теми арабскими режимами, ради спасения которых он готов был пойти на риск применения силы. Много спекуляций по поводу возможности вступления Египта и Сирии в Варшавский договор после их поражения в Шестидневной войне. В данном случае можно сказать, что нет дыма без огня. Действительно, проблема была поднята Насером 21 июня во время пребывания в Каире Подгорного. Первоначально Насер просил придать его визиту конфиденциальный характер, но затем изменил свое решение и прямо поставил перед Подгорным вопрос о новых формах взаимоотношений между ОАР и Советским Союзом, в том числе в военной области. Уточняя, он сказал, что речь идет о формальном отходе Египта от линии неприсоединения.

Подгорный ответил, как бы размышляя: «Если, например, официально объявить, что ОАР отходит от политики неприсоединения, то некоторые арабские страны, видимо, отойдут от тесного сотрудничества с ОАР». Было также подчеркнуто, что необходимо глубоко проанализировать все аспекты этого вопроса с точки зрения военной целесообразности, посоветоваться с «братскими социалистическими странами». Из беседы с Насером стало ясно, что он предварительно обсуждал с президентом Сирии Атаси и министром иностранных дел Алжира Бутефликой свое намерение присоединиться к Варшавскому договору. Атаси его полностью поддержал, сказав, что и Сирия должна идти одним путем с Египтом, а Бутефлика «выразил удивление» намерением ОАР.

В конце концов, Насер согласился, что отказ ОАР от политики неприсоединения может отрицательно сказаться на положении Объединенной Арабской Республики среди арабских государств в «третьем мире» в целом и вызовет внутренние проблемы.

IV. У Косыгина нет полномочий, а арабов захлестывают эмоции

23 и 25 июня председатель Совета Министров Косыгин и министр иностранных дел Громыко встретились с президентом Джонсоном в небольшом городке Гласборо, штате Нью-Джерси. Большая часть разговора велась Косыгиным и Джонсоном наедине: о ситуации во Вьетнаме – Джонсон вскользь упомянул о возможности прекратить американские бомбардировки, если сразу начнутся переговоры. Косыгин, естественно, затронул вопрос о положении на Ближнем Востоке, где военные действия закончились при оккупации значительных арабских территорий. Джонсон согласился с необходимостью отвода израильских войск с оккупированных территорий, сопровождаемого признанием права Израиля на существование.

У Косыгина не было полномочий, как говорится, «положить это согласие на бумагу». Вообще Брежнев очень ревниво относился к его миссии – это была первая советско-американская встреча в верхах без Генерального секретаря и даже именовалась как «промежуточная» перед заседанием Генеральной Ассамблеи ООН, на которую и был направлен Косыгин в качестве главы советской делегации. Двусмысленное положение председателя советского правительства, не имевшего полномочий, обернулось, как мне представляется, упущенной возможностью связать с выводом израильских войск на позиции, которые они занимали до начала Шестидневной войны, переговоры США с Вьетнамом. А в этом Джонсон был очень заинтересован, в том числе и потому, что надвигались президентские выборы. Конечно, такая увязка не могла быть осуществлена без участия вьетнамцев, однако были основания считать их заинтересованными

в советском посредничестве, что практически предложил Джонсон.

Другой и, может быть, даже более значимой упущенной возможностью заставить Израиль уйти с оккупированных территорий было категорическое несогласие арабских стран принять латиноамериканскую резолюцию на Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая открылась в июле. Началось с недовольства представителей арабских стран выступлением Косыгина, который, наряду с осуждением Израиля и требованием безотлагательного вывода его войск с захваченных во время 1967 года территорий, заявил о праве Израиля на независимое существование. В телеграмме, адресованной в ЦК КПСС, Громыко докладывал об обстановке на Генеральной Ассамблее: «Между главами отдельных арабских делегаций отношения с самого начала почти неприязненные...

Давление экстремистской, нереалистической линии руководства Алжира и Сирии, безусловно, сказывается на позиции ОАР, Ирака, а также других арабских государств, которые тоже оглядываются на экстремистов, боясь быть обвиненными в излишней уступчивости в пользу признания Израиля как государства». 13 июля на сессии был распространен латиноамериканский проект резолюции. Ее главным пунктом была недопустимость «захвата территории в результате войны» и, следовательно, провозглашение «отвода израильских войск на их первоначальные позиции». Таким образом, в международном документе могла быть зафиксирована необходимость отвода израильских войск со всех территорий, захваченных в войне 1967 года.

Однако арабские страны отказались принимать эту резолюцию. Объясняя причину отказа, президент Сирии Атаси заявил: «Мы обсудили этот вопрос на совещании глав арабских государств (саммит проходил в Каире 18 июля. – *Е.П.*) и отклонили как этот проект, так и все другие

проекты резолюций, в которых содержится в какой-либо форме положение о прекращении состояния войны». После того как арабские страны объявили о своем категорическом неприятии латиноамериканского проекта, Генеральная Ассамблея прекратила свою работу, и ближневосточная проблема была передана в Совет Безопасности ООН. Не сумев преодолеть эмоциональное отношение к событиям, арабская сторона упустила возможность найти благоприятное для себя решение на международном уровне. Латиноамериканская резолюция была более определенной в плане вывода израильских войск со всех оккупированных территорий, чем принятая через четыре месяца резолюция 242 Совета Безопасности ООН.

Немаловажное значение имела и обстановка в Израиле, которая в тот момент позволяла надеяться на то, что латиноамериканская резолюция не вызовет активного отторжения политической элитой. Во всяком случае, существовала серьезная разница во мнениях относительно судьбы оккупированных территорий, и не все ключевые фигуры в израильском руководстве высказывались за сохранение их оккупации. После отторжения арабами латиноамериканского проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН произошли события, которые несомненно оказали влияние на обстановку вокруг урегулирования. В августе на арабской встрече в верхах в Хартуме было единогласно одобрено три «нет»: признанию Израиля, переговорам и миру с ним. Явно ужесточили свою позицию и Соединенные Штаты, отойдя от предложений, поддержанных ими в период Чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи. Советский Союз продолжал искать выход из создавшегося положения. По указанию из Москвы Добрынин после закрытия Генассамблеи встретился с постоянным представителем США в ООН Голдбергом. Тот своей рукой написал на бумаге компромиссную формулировку, созвучную латиноамериканской резолюции. После месяца тяжелой работы с арабскими

странами, непосредственно вовлеченными в Шестидневную войну, советское руководство склонило их к принятию компромисса.

Однако 19 октября госсекретарь Раск в беседе с Добрыниним отказался внести в Совет Безопасности ранее согласованный с СССР текст. Не помогло и послание Косыгина, направленное по этому поводу Джонсону. В конце концов, 22 ноября 1967 года при поддержке Советского Союза и Соединенных Штатов была принята резолюция 242 Совета Безопасности, смысл которой сводился к двум моментам: выводу израильских вооруженных сил с оккупированных во время последнего конфликта (то есть войны 1967 года. – *Е.П.*) территорий и признанию суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в этом районе (то есть Израиля. – *Е.П.*).

Но эта резолюция, которая, конечно же, была большим шагом вперед, что доказало время, все-таки имела изъян. В результате сложных компромиссов в резолюции (в ее английском тексте) отсутствовал артикль *the* перед словом «территории», что позволяло трактовать ее по-разному: Советский Союз настаивал на том, что речь идет о выводе израильских войск со всех оккупированных территорий, Соединенные Штаты отрицали такую интерпретацию. Но не во всем. Характерно, что 2 ноября госсекретарь США Раск сказал египтянам, что Соединенные Штаты будут поддерживать полный вывод израильских войск с Синая (но не с других оккупированных территорий. – *Е.П.*) в контексте мира с Израилем. После визита А.А. Громыко в Каир в начале декабря 1968 года советское правительство представило свою позицию по урегулированию.

В это время в Вашингтоне уже начался переход власти к новой администрации – президентом стал Ричард Никсон, которому и были переданы советские предложения по всеобщему урегулированию. Однако Никсон и Кис-

синджер не придали должного значения советским предложениям, одновременно поручив государственному секретарю Роджерсу и заместителю госсекретаря Сиско провести переговоры с послом СССР Добрыниным. Эти переговоры продолжались на фоне «войны на истощение», которую вел Египет против Израиля. Но после того, когда 20 июля 1969 года израильские ВВС начали атаковать египетские позиции и к октябрю уничтожили египетскую противовоздушную оборону, переговоры застопорились. В октябре 1969 года министр иностранных дел Громыко, находясь на сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке, был ознакомлен теперь уже с американским документом – «планом Роджерса».

Но этому предшествовала передача Соединенными Штатами Израилю в сентябре самых современных самолетов «Фантом». Естественно, это тоже был не самый лучший фон для конструктивных советско-американских переговоров, тем более что в январе 1970 года Израиль начал использовать эти самолеты для совершения налетов в глубь Египта. Под угрозой стояла Высотная Асуанская плотина, разрушение которой могло поставить вопрос о самом существовании Египта. Председатель Управления по строительству плотины крупный инженер-гидролог министр Х. Заки заявил, что в случае, если бомбардировки разрушат плотину, катастрофа постигнет не отдельный район – воды Нила буквально смоят весь Египет. В таких условиях Насер прибыл в Москву, и советское руководство ему обещало быстрое размещение в Египте современной системы ПВО. 19 июня 1970 года Соединенные Штаты в одностороннем порядке без предварительной консультации с Москвой призвали обе стороны прекратить огонь. Советский Союз, несмотря на такую односторонность действий США, будучи заинтересованным в прекращении огня, рекомендовал Египту согласиться с американским предложением.

V. Поражение египетской военной буржуазии, или как Насер защитил советских журналистов

После окончания войны резко обострились отношения между президентом Насером и маршалом Амером. Положение Москвы в отношении этого конфликта было нелегким. Амер, который в течение всех лет после революции руководил вооруженными силами Египта, был партнером наших военных. Не только Насеру, но и ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Но советская разведка донесла, что Амер готовится выехать в зону Суэцкого канала в распоряжение преданных ему частей и продиктовать Насеру ультимативные требования, а в случае отказа их принять устранить его. В таких условиях в Москве не было никаких сомнений в том, что СССР не может оставаться нейтральным – все возможности были сориентированы на поддержку президента Египта.

Для Насера столкновение с Амером возникло не «на ровном месте». Амер, безраздельно контролирующий армию, представлял собой параллельный центр силы в Египте, несмотря на то, что Насер пользовался огромной поддержкой среди населения. Еще в 1962 году он бросил вызов Насеру, пригрозив отставкой, если его лишат, по сути, бесконтрольного командования египетскими вооруженными силами. Насер тогда отступил. После войны 1967 года, показавшей никчемность амеровского руководства армией, Насер уже не отступал. После военного поражения в египетском руководстве было признано необходимым провести перестановки в командовании вооруженных сил. В числе других был отстранен маршал Амер. За ним, однако, был оставлен пост первого вице-президента. Но Амер не смирился с этим решением. Особая ответственность за поражение лежала на преж-

нем руководстве военно-воздушных сил ОАР, которое, зная о готовящемся израильском ударе, не приняло должных подготовительных мер. Но ряд генералов и высших офицеров ВВС, которые должны были нести ответственность, продолжительное время скрывались от ареста, найдя убежище в доме Амера.

Вскоре резиденция Амера в центре Каира стала как бы центром оппозиции правительству Насера. Сюда втайне доставлялось оружие. Дом охранялся специальным отрядом, набернованным из крестьян поместья, принадлежащего одному из братьев Амера. Насер не раз пытался объяснить Амеру всю серьезность положения. Он неоднократно встречался с ним. Между тем поступали достоверные сообщения, что Амер и его группа начали активную подготовку к выступлению. Оно было приурочено к 27 августа. В этот день Амер должен был прибыть в штаб Восточной зоны, расположенной в районе Суэцкого канала. Предполагалось, что его будут сопровождать 150 курсантов училища «Коммандос» во главе с их командиром, вовлеченным в заговор. Одновременно бывший военный министр Шамс эд-Дин Бадран должен был прибыть в штаб 4-й дивизии, захватить командование над ней и направить ее в Каир. Бывшему министру внутренних дел Радвану поручалось взять на себя обеспечение безопасности в Каире. Предполагалось провести серию молниеносных арестов людей из окружения президента. После этого Амер «на белом коне» должен был возвратиться в Каир. «Пусть Насер увидит, что произойдет», – сказал он.

Все эти факты вскрылись накануне отъезда президента Насера на арабскую конференцию в верхах в Хартуме. Далее события развивались следующим образом. Амер был вызван к Насеру. В присутствии вице-президентов Закарии Мохиэддина, Хусейна аш-Шафии и председателя Национального собрания Анвара Садата ему было объявлено решение о наложении на него домашнего аре-

ста и об аресте скрывавшихся в его доме высших офицеров и конфискации имевшегося там оружия. Был создан военный трибунал. Амер застрелился. Сразу после окончания войны 1967 года в Каир приехал редактор «Правды» по странам Азии и Африки Игорь Петрович Беляев. С ним вместе мы написали ряд статей, которые были помещены в «Правде» и в еженедельнике «За рубежом».

В этих статьях без всяких прикрас показывалась сложная социально-экономическая обстановка в Египте. Мы не просто описывали события, но пытались их анализировать. А анализ неизбежно приводил к выводу о целом ряде органичных слабостей режима, установленного в Египте после краха колониальной системы. Перед июльской революцией правящая элита Египта устойчиво формировалась из представителей королевского двора, крупных земельных собственников, промышленников и финансистов. После революции 1952 года не только правящая элита, но и бюрократия сверху донизу стала формироваться из офицеров. Выходя в отставку, они занимали самые различные посты в государственном аппарате, сохраняя при этом свои кастовые профессиональные связи. Многие офицеры, и находящиеся на службе, и ушедшие в отставку, использовали свое влиятельное положение в обществе для того, чтобы извлечь выгоду для себя или для группы людей, связанных с ними.

В Египте сложилась опасная диспропорция: с одной стороны, осуществлялись реформы в интересах народных масс, с другой – результатами этих реформ все больше пользовалась адаптирующаяся к новым условиям «военная буржуазия». В войне 1967 года проявилось то, что уже было заложено раньше: офицеры, ставшие «военным классом», «военной буржуазией», настроенные против линии на проведение глубоких социальных преобразований, практически оказались не готовы к выполнению своего служебного и патриотического долга. «Трудно представить себе, что генералы или высшие

офицеры, интересы чьих семей ущемлялись проводимыми реформами, могли с энтузиазмом поддержать эти реформы, всю внутреннюю политику президента Насера», – писали мы. Офицеры и генералы пользовались привилегиями для повышения собственного благосостояния. Уходя из армии по истечении срока службы, они, как правило, занимали высокие посты на «гражданке», получая широкие возможности для обогащения. Появился тип офицера-дельца, который больше был озабочен бизнесом, чем боевой подготовкой солдат и сержантов. По нашему мнению, индивидуальные замены, проведенные в армии сразу после военного поражения, не представляли собой решение проблемы. «Военная буржуазия» как социальный слой сохранялась. Руководство ОАР предпочитало решениям снизу решения сверху.

И в этом была его слабость. «В самом деле, – писали мы с И.П. Беляевым, – можно сместить генералитет, но не решить других важных задач, связанных с будущим страны... Почти все, с кем нам пришлось встречаться, считают, что фронт, на котором произойдет главная схватка, – внутренняя политика... Демократия? Конечно да. Народ, особенно его прогрессивные силы, ждет, что его услугами воспользуются во всем, начиная с управления хозяйством в маленькой деревне до планирования в общенациональном масштабе».

К сожалению, события, особенно после смерти Насера, эти ожидания не оправдали. Статьи шли вразрез с состоявшимися в Международном отделе ЦК, точнее, у заместителя заведующего отделом Р.А. Ульяновского взглядами о том, что социалистическая ориентация не может стать жертвой именно внутреннего развития, породив новую, причем проникающую во все поры жизни общества военную буржуазию. По этому поводу Ульяновский решил написать против нас записку в Секретариат ЦК. Неизвестно, как повлияла бы на нашу деятельность в то время эта записка, если бы не Гамаль Абдель

Насер. Ему перевели наши статьи, и на очередной встрече с советским послом он сказал ему, что прочел их и солидарен с выводами авторов. Посол сообщил об этом в Москву, и записка в Секретариат ЦК осталась на столе у Ульяновского. А сегодня к нашему анализу можно было бы добавить с большей, чем в то время, определенностью, что именно внутренние противоречия, обострившиеся в Египте и некоторых других арабских странах, обозначили предел поступательного развития арабского национализма в его первоизданном виде. Не существовала и социалистическая альтернатива, к которой мы тогда подталкивали арабские страны. Ослабевали лозунги арабского социализма, начинала трещать по всем швам модель некапиталистического развития.

Глава IX

НИКСОН И КАРТЕР: НОВОЕ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ТАКТИКЕ

Результаты Шестидневной войны рассматривались в Вашингтоне далеко не однолинейно. Война в 1967 году создала на Ближнем Востоке принципиально новую ситуацию. Израиль оккупировал не только египетские и сирийские территории, но также и значительную часть Иордании – государства, близкого к США. Симпатии к Египту, Сирии, Иордании проявили все арабские страны. В их числе находились государства с консервативными режимами, на которые США делали ставку в своей анти-насеровской политике. На Ближнем Востоке произошел беспрецедентный рост антиамериканизма. Несомненный выигрыш Израиля в войне против Египта и Сирии не компенсировал для Соединенных Штатов их политические потери в арабском мире в целом. Многие американские политологи не без причины исходили из того, что без изменения американской линии в отношении арабского мира могут возникнуть угрозы для Запада в нефтяной области.

I. Дискуссия в США вокруг ближневосточного курса

На рубеже 60–70-х годов в США в конгрессе, прессе, на конференциях и симпозиумах велась дискуссия по поводу того, в каких направлениях следует искать новые подходы

к ближневосточной ситуации. «Раздающиеся подчас утверждения, что, поддерживая вооруженный до зубов Израиль, Соединенные Штаты в состоянии каким-то образом воспрепятствовать укреплению и даже способствовать размытию советских позиций в близких к его границам странах, не имеют под собой никаких оснований», – заявил в ходе слушаний в конгрессе бывший американский посол в Египте, директор Института Ближнего и Среднего Востока Колумбийского университета Дж. Бадо*. А профессор Принстонского университета М. Бернштейн подчеркнул на тех же слушаниях, что Соединенным Штатам нужно избегать таких мер на Ближнем Востоке, которые могут «поставить под угрозу нефть и другие материальные интересы США»**.

Суть дискуссии заключалась не в спорах по поводу того, продолжать или не продолжать поддержку Израиля и консервативных арабских режимов. По этим вопросам в основном существовало единое мнение: продолжать. Но многие авторитетные представители американских политических и научных кругов, бизнеса при этом подчеркивали, что такая поддержка не должна мешать расширению американской опорной базы на Ближнем Востоке за счет изменения однозначной враждебности США к националистическим режимам. При этом некоторые имели в виду вероятную перспективу эволюции этих режимов, их уже проявившуюся на грани 70-х годов неудовлетворенность «ограниченной помощью» со стороны Советского Союза. Дискуссии получили новый импульс после того, как в ноябре 1968 года президентские выборы в США выиграл Ричард Никсон.

Так называемая доктрина Никсона характеризовалась необходимостью сблизить американские возможности

* The Near East Conflict: Hearings before Subcommittee on the Near East of Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, 91st Congress, 2nd Session. P. 61.

** Ibid. P. 175.

с некоторыми реальностями международной жизни. Сопоставление американской позиции в отношении Ближнего Востока с ситуацией в этом регионе породило две противоположные точки зрения, о которых писал в то время Х. Сондерс. Одни, отмечал он, считают, что сила позиций США в районе зависит от их способности поддерживать дружественные режимы, «не дать им упасть» и с этой целью их подпирать. Другие – что нужно поддерживать «силы обновления», искать с ними контакты, иными словами, делать ставку и на националистические режимы. Одни считают, что первоочередной задачей является установление «стратегического консенсуса» с дружественными США государствами на Ближнем Востоке и приоритетное значение имеет подготовка района для «противоборства» с СССР – через это, дескать, можно приблизить решение ближневосточного конфликта. Другие – что нужно попытаться урегулировать этот конфликт и через это сохранить и усилить американские позиции. Одни считают, что США должны безоговорочно поддерживать Израиль, а любые попытки давления на него с целью компромисса с палестинцами могут ослабить Израиль как форпост американского влияния, да и собственно американские позиции. Другие – что лишь через решение палестинской проблемы можно ослабить антиамериканские силы и обезопасить поставки нефти из района. Одни считают, что нельзя поддаваться «шантажу со стороны нефтедобывающих стран», «как это сделала Западная Европа», а следует продолжать жесткий в отношении этих стран курс. Другие – что «свободный мир» полностью зависим от поставок ближневосточной нефти и нужно исходить из этого, принимая «компромиссные решения»*.

* Conversations with Harold H. Saunders. U.S. Policy for the Middle East in the 1980s. – Washington, 1982. P. 10, 11.

Хал Сондерс, безусловно, принадлежал к «другим». С ним я сблизился в то время, когда мы оба участвовали в Дартмутских встречах⁷⁵ * – он с американской стороны, а я – с советской возглавляли группу по ближневосточным проблемам. Эта группа очень активно действовала, когда у СССР и США еще были ограничены контакты по официальной линии. Хал тогда был бывшим заместителем государственного секретаря США, а я еще не был лицом официальным, работал в Институте мировой экономики и международных отношений. Но наши «личные» позиции отнюдь не мешали пониманию, что о результатах обсуждений, о возможности сближения подходов двух сверхдержав в интересах стабилизации и установления мира на Ближнем Востоке информировались руководящие органы и СССР, и США. Х. Сондерс дал высокую оценку нашей активности в своей печатной работе о Дартмутских встречах. Я могу присоединиться к его оценке, особенно относящейся к нашей ближневосточной группе. Хотел бы также добавить: у меня не только с Халом Сондерсом, но и с Биллом Полком, Биллом (Уильям) Квандтом, Эдуардом Джареджаном было много общего в подходе к ближневосточной действительности. Я назвал лишь тех, кто был в прошлом или в то время, когда общался с ними, сотрудником Госдепартамента или Национального совета обороны США. Но встречи происходили и с другими американцами – учеными, экспертами, журналистами, которые отлично понимали смысл происходившего в этом бурлящем регионе, разбирались в деталях, не всегда соглашались с теми, кто подменял отсутствие знаний и опыта односторонней анти-советской ориентацией. Так что не следует всех, кто

* Регулярные симпозиумы, которые в течение многих лет проводили советские и американские общественные деятели и представители деловых кругов двух стран. Результаты обсуждений докладывались советскими участниками руководству СССР, а с американской стороны – руководству США.

влиять или пытался влиять на выработку ближневосточной политики США, окрашивать в один цвет.

«Мы уделяем чрезмерное внимание советской военной угрозе, реальность которой не доказана, а величайшие угрозы нашей безопасности остаются теми же, что и раньше: созданная нами самими зависимость от арабской нефти и наше вовлечение в полностью нестабильные арабо-израильские отношения. Не забываем ли мы, что ни то, ни другое не поддается исправлению военной силой и ни в том, ни в другом случае Советский Союз не является главным фактором?» Этот вопрос на страницах «Нью-Йорк таймс» задал Дж. Кеннан. И он не был одинок в постановке таких вопросов. Бывший представитель США в ООН Ч. Йост посчитал объяснения Кеннана «убедительными». Ч. Йост был эрудированным, широко мыслящим дипломатом-политиком. Мне пришлось не раз встречаться и беседовать с ним. Его отличало глубокое знание ближневосточных проблем, независимое, незапрограммированное мышление, деликатность, стремление разобраться в аргументах собеседника. Он понимал и высказывался совершенно определенно на тему о том, что без решения палестинской проблемы не может быть урегулирования на Ближнем Востоке, а достичь этого можно только через создание палестинского государства.

II. Акцент на экономику

При Никсоне началась корректировка американского ближневосточного курса. Не предполагалась стратегическая переориентация, отказ от ранее намеченных целей, но в ближневосточную политику США были внесены

некоторые новые моменты. Они касались отношений с радикальными арабскими режимами. Хотя по этому поводу в американском руководстве существовали разногласия, а Израиль и самостоятельно, и через своих лоббистов в США оказывал сильное сопротивление, линия на обновление подходов США получила развитие. Не в последнюю очередь на том этапе так произошло и потому, что Никсон, уделив главное внимание положению во Вьетнаме, где создалась тяжелейшая для американцев ситуация, был готов снизить накал страстей на Ближнем Востоке и, более того, по словам Г. Киссинджера, использовать Ближний Восток как рычаг для решения проблем во Вьетнаме в плане «какой-то сделки с Советским Союзом»*. Сделка не состоялась, но президент Никсон и особенно его помощник по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер со временем преуспели, даже с использованием октябрьской войны 1973 года⁷⁶, в вовлечении Египта в процесс подготовки сепаратного мирного договора с Израилем. Но об этом далее.

Все более выпячивалась экономическая сторона американского ближневосточного курса, все больший акцент делался на ее использование. У. Квандт во время одной из состоявшихся у нас в начале 70-х годов бесед привел такой пример: несмотря на то, что Алжир в 1967 году разорвал дипломатические отношения с США, еще раньше провозгласил социалистический выбор, несмотря, наконец, на громогласные антиимпериалистические заявления его лидеров, Соединенные Штаты установили с Алжиром хорошие отношения, базирующиеся на экономическом сотрудничестве. Характерна и спокойная реакция Вашингтона на переворот в Ливии, свергнувший монархию и установивший республиканский режим во главе с М. Каддафи. На протяжении 70-х годов большее

* *Kissinger H. White House Years.* – Boston; Toronto, 1979. P. 352–355, 559.

развитие, чем при монархии, получили экономические связи США с Ливией, особенно в нефтяной области. И этому не помешал внешнеполитический курс Ливии, добившейся ликвидации американских и английских военных баз на своей территории, в том числе самой крупной на Ближнем Востоке военно-воздушной базы США Уиллус-Филд.

В 70-х годах Соединенные Штаты преуспели в сочетании, казалось бы, диаметрально противоположных проявлений политики в отношении Ливии. Крайне натянутые политические отношения, постоянные вторжения самолетов ВВС США в ливийское воздушное пространство, регулярные маневры ВМС США вблизи берегов Ливии, в том числе в водах залива Садра, который Ливия считает своим, и в то же время эта страна к концу 70-х годов превратилась в третьего импортера нефти в США. В Ливии действовало более 50 различных американских компаний, главным образом в нефтедобыче, разведке нефти, постоянно находилось от двух до двух с половиной тысяч американских граждан. В начале 70-х годов США осуществили подходы и к Ираку, и к Сирии. Эти подходы не приводили к улучшению отношений с Соединенными Штатами, но попытки со стороны США добиться этой цели имели место.

III. Многообещающие контакты с Садатом

Но главным объектом политики США на Ближнем Востоке оставался Египет. Через недолгое время после смерти Насера американские руководители начали искать подходы к Анвару Садату, надеясь, что им удастся поста-

вить его под свой контроль. Принципиально облегчал проведение американской линии в Египте фактический государственный переворот, осуществленный Садатом 13 мая 1971 года, когда было отстранено от власти все окружение умершего президента. На первых порах США действовали конфиденциально через Саудовскую Аравию, видимо, опасаясь, что непосредственный контакт может быть контрпродуктивным в то время, когда Садат хотел создать иллюзию продолжения курса своего предшественника и особенно стремился к тому, чтобы в этом не разуверился Советский Союз. В тот период Садат еще нуждался в поставках советского вооружения, он еще не включился в «игру», которая впоследствии привела его к сепаратному договору с Израилем при прямом участии в этом Соединенных Штатов.

В первой половине ноября 1970 года Каир для встречи с Садатом посетил руководитель разведки Саудовской Аравии Камель Адхам – доверенное лицо саудовского короля Фейсала. Адхам сказал президенту, что американцев весьма тревожит присутствие русских в Египте. Садат понял, что США практически выдвигают условия для улучшения отношений с Египтом, и без колебаний ответил Адхаму о своей готовности прекратить «советское присутствие» в Египте, но как только осуществится первая фаза отвода израильских войск с Синая. Садат запросил цену, но очень недорогую, за то, чтобы сделать такой болезненный для Египта шаг навстречу американцам, – только первую фазу отвода войск Израиля. Он не мог не понимать, что такой отвод, без чего невозможно было бы открыть Суэцкий канал, отнюдь не противоречит интересам и самих США. Камель Адхам спросил Садата, может ли он передать все это американцам, Садат ответил утвердительно. Таков был первый сигнал, который получили США от нового президента Египта*.

* *Heikal M. The Road to Ramadan.* – L., 1975. P. 120.

Кое-что Государственный департамент и Совет национальной безопасности США могли почерпнуть и из анализа публичных выступлений Садата. Его речи и интервью пестрели фразами «о продолжении линии Насера», «о благодарности в адрес Советского Союза», «о долге защищать интересы всей арабской нации» и так далее и тому подобное. Однако уже в этих первых заявлениях присутствовали нотки, свидетельствующие о готовности Садата к «игре» с США. Так, в интервью У. Кронкайту, которое было передано по американскому телевидению 7–8 января 1971 года, Садат, подчеркнув, что он «полностью предрасположен к мирному урегулированию», добавил: «Я не завишу ни от каких советских гарантий» и «наша политика делается в Каире нами и никогда – другими странами».

И, наконец, настоящим «сигналом» для американцев было выдвинутое Садатом 4 февраля 1971 года предложение об открытии Суэцкого канала в условиях «прекращения враждебности» и некоторого отвода израильских войск к востоку от канала. Самое главное, что, предложив такую развязку, Садат вообще обошел вопрос о судьбе всех остальных арабских территорий, захваченных в 1967 году. Все, вместе взятое, – оценка личности Садата, анализ его первых выступлений, информация из саудовских источников – определило решение США запустить пробный шар: государственному секретарю Роджерсу было поручено встретиться с египетским министром иностранных дел Махмудом Риядом. Удовлетворенный этим разговором, Роджерс в начале мая 1971 года прибыл в Каир для встречи теперь уже с самим Садатом. Есть основания считать, что ни Никсон, ни Киссинджер, ни Госдепартамент во главе с Роджерсом не ожидали, что уже эта первая встреча с новым египетским президентом станет такой продуктивной для Соединенных Штатов.

Во время беседы Садат, вдруг переключившись на другую тему, без всяких обиняков спросил Роджерса, почему тот не поднимает вопроса «о советском присутствии в Египте». Зная через К. Адхама о настроениях нового президента Египта, госсекретарь США обретал уникальную возможность получить подтверждение информации руководителя саудовской разведки от самого Садата, причем не прилагая к этому никаких усилий. Садат повторил Роджерсу, что после первого этапа отвода израильских войск от Суэцкого канала советские специалисты покинут Египет. Между тем США в тот момент еще не верили Садату. Особенно после того, как он предоставил право советским военным кораблям заходить в некоторые египетские порты. Садат, правда, в конфиденциальном послании Никсону просил не возражать против этого, но американская разведка доносила, что египетский президент, даже разворачиваясь в сторону США, все еще проводит просоветскую политику.

4 февраля 1971 года, то есть именно в тот день, когда Садат объявил о своем намерении в одностороннем порядке открыть Суэцкий канал, он направил послание советскому руководству, в котором говорилось о необходимости дать отпор «бесчестному союзу врагов прогресса, свободы и мира». Послание было передано через хорошо известного в СССР соратника Насера Шарави Гомаа. Для пущей убедительности в том, что он, Садат, не отступает от насеровской линии, Гомаа был представлен в послании в качестве его личного друга и коллеги, к которому он испытывает полное доверие. Через три месяца этот друг и коллега был посажен Садатом в тюрьму.

Но даже после того, как все близкое насеровское окружение оказалось в заключении, Вашингтон все еще держал паузу, не идя на радикальное сближение с Садатом. Колебания Вашингтона усугубляла позиция Израиля, да и сам президент Никсон, ломающий голову над тем, как выйти из вьетнамского тупика, не был заинтере-

сован в тот момент вводить в американо-советские отношения такой раздражитель, как откровенный флирт США с «преемником» Насера. Садат начал испытывать опасения, что его сигналы, направленные американцам, не срабатывают, – ведь он очень многое поставил на карту. Еще до ареста соратников Насера А. Сабри, Ш. Гомаа, С. Шарафа и других Садат в своем послании советскому руководству в дни работы XXIV съезда КПСС предложил подписать договор о сотрудничестве между двумя странами с целью укрепить советско-египетские отношения.

После ареста этих просоветски настроенных деятелей Садат, опасаясь полного провала своей политики, подписал этот договор, как он считал, обезопасив себя со стороны СССР. Одновременно он довел до американцев, что этот договор не только не означает отказа от стремления сблизиться с Соединенными Штатами, но даже поможет этому, создав своеобразную ширму для его маневра. Но США продолжали держать паузу. В таких условиях Садат в 1971 году нанес еще один визит в Москву. Все было как в «добрые времена». «Я всегда говорю своему народу, – заявил Садат во время переговоров в Москве, – что вы стояли рядом с нами как искренние друзья в часы невзгод. Я считаю, что цель империалистических держав – вбить клин между нами и Советским Союзом. Это на пользу лишь Америке и сионизму». К большому сожалению, в Кремле верили таким словам. Мне говорил резидент нашей внешней разведки в Каире Вадим Кирпиченко – мой друг еще по Московскому институту востоковедения, в котором мы оба учились (дружба наша укрепилась в то время, когда я возглавлял СВР, а генерал Кирпиченко помогал мне освоить новые обязанности), – что он докладывал в Центр о стремлении Садата переориентировать свою политику.

Но трудно, если вообще возможно, было в то время пробить любыми аргументами и даже фактами стену, которую возвели лица, подписавшие договор с Садатом, –

очень сильный в то время председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный, которого сопровождали в Каир и участвовали в подписании договора министр иностранных дел А.А. Громыко и секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев. Этих двух людей, отвечающих за внешнюю политику страны, Подгорный специально «приобщи́л» к документу, который был представлен в Политбюро как достижение, обеспечивающее преемственность курса Насера в Египте. Такой линии подыгрывал и советский посол в Каире В.М. Виноградов.

IV. Мое сообщение в Москву – не все довольны

Однако в руководстве СССР были и те, кто начинал сомневаться в этом. В первых числах июня 1971 года меня попросил срочно зайти к себе Л.М. Замятин – генеральный директор ТАСС, который сказал: «Я был на заседании Секретариата ЦК, на котором секретарь ЦК Демичев спросил, почему нет информации от Примакова по Египту (в то время я уже перешел на работу из газеты “Правда” в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук. – *Е.П.*). Мне поручено направить тебя на месяц на Ближний Восток в качестве специального корреспондента ТАСС. Согласен?» – задал мне риторический вопрос Замятин. Незамедлительно вылетел в Каир, где состоялось много встреч с моими хорошими знакомыми по пятилетнему пребыванию в Египте в качестве собственного корреспондента «Правды».

Из бесед с исполняющим в то время обязанности руководителя еще не распущенного Арабского социалистического союза бывшим премьер-министром Азизом

Сидки (в его кабинете висели два портрета – Насера и Садата, а в приемной уже один портрет – Садата), государственным министром Зайятом, политическими деятелями Халедом Мохиэддином, Ахмедом Хамрушем, Фуадом Мурси, журналистами, политическими обозревателями ведущих каирских газет Мухаммедом Ода, Филиппом Галябом, Мухаммедом Саидом Ахмедом, Адилем Хусейном, официальным представителем правительства ОАР Тахсином Баширом и другими сложилось определенное представление о тех процессах, которые получили развитие в Египте после смерти Насера. Об этих представлениях я доложил в Москву шифротелеграммами не из Каира, а из Бейрута. Почему, расскажу позже. А сейчас хотел бы подробнее осветить мою встречу в Каире 12 июня с американским журналистом, корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Р. Андерсоном. Я знал его историю пребывания в Москве, где он тоже представлял «Нью-Йорк таймс». Андерсон влюбился в студентку МГИМО и после дикого скандала – в те годы такие браки с иностранцами, мягко говоря, не поощряли – все-таки женился на ней, но был вынужден в результате этого покинуть Советский Союз. Не знаю, сразу или нет, но его жене разрешили выезд, однако въезд в СССР, как она поняла, ей был закрыт. А престарелые ее родственники находились в Куйбышеве (ныне – Самара), и ее муж хотел хоть каким-то образом пробить этот запрет и устроить жене поездку к родным.

Пишу об этом подробно, так как думаю, что откровенная беседа со мной по инициативе Андерсона могла быть связана с его стремлением организовать поездку жене. Через моего друга, к сожалению, ныне покойного, Виктора Кудрявцева, который в Каире заведовал корпунктом Советского радио и телевидения, Андерсон передал мне приглашение пообедать с ним. Поехали вместе с Виктором в тихий каирский ресторанчик на окраине города. Там за обедом Андерсон рассказал о разговоре, который

состоялся буквально за несколько дней до нашей встречи у Садата с уезжающим в Вашингтон американским представителем Бергусом (он представлял интересы США в Каире после того, как Египет разорвал дипломатические отношения с Соединенными Штатами во время Шестидневной войны). Садат, рассказал Андерсон, просил Бергуса передать президенту Никсону, что все его договоренности с Роджерсом о том, чтобы прекратить пребывание русских в Египте, остаются в силе. «Не обращайтесь на мои некоторые заявления – они носят вынужденный характер. А основное решение я уже принял».

Это была очень важная информация, и я с ней сразу же направился к послу В.М. Виноградову. Я рассказал ему в присутствии В.А. Кирпиченко о разговоре с Андерсоном и о других впечатлениях от множества бесед. Посол не мог даже сдержаться. – Вы приехали на несколько дней и делаете сногшибательные выводы, – нервно сказал он, – а я, можно считать, на неделе пять раз встречаюсь с Садатом и, поверьте, лучше вас знаю обстановку. – У вас есть указание из Москвы допустить меня к шифропереписке, я сообщу обо всем в Центр, а вы можете добавить, что написанное мной – сплошная фальсификация, – я тоже начинал выходить из себя. – Я не пошлю ваших телеграмм, так как не хочу дезинформировать руководство.

На этом разговор закончился, и я решил полететь в Бейрут, где предполагал побывать еще раньше, и направить телеграммы оттуда. В шифротелеграммы помимо разговора с Андерсоном было включено мое видение обстановки в ОАР (тогда еще Египет официально сохранял это название). Тезисно оно выглядело так:

– В Египте наблюдается сдвиг вправо. Есть основания считать, что готовящийся процесс против арестованных лиц из ближайшего окружения Насера будет использован против насеровского наследия в целом. Отстраненная группа представляла собой разновидность соедине-

ния мелкобуржуазной идеологии с социализмом. Оставшаяся у власти группа представляет интересы египетской буржуазии. Это не «старая» буржуазия, собственность которой была экспроприирована или ограничена при Насере, а «новая», усилившаяся уже при Насере в связи с курсом на развитие госсектора, но тогда не имевшая прямого выхода во власть. Происшедшие после 15 мая перемены много сложнее, чем просто смена лиц в руководстве.

– Резко усилилась деятельность реакционных исламских кругов. На обсуждениях проекта новой конституции ОАР стали все громче раздаваться требования «привести все, что делалось, и будет делаться, в соответствие с исламом». Вице-президент Хусейн Шафеи объяснил все происходящее тем, что это было predetermined еще Кораном. – Арест или смещение группы руководящих деятелей в Арабском социалистическом союзе (АСС)⁷⁷, сопровождаемые роспуском секретной организации «Авангард социалистов»⁷⁸, составлявшей ядро АСС, радикальным образом меняет политическую обстановку. После 1967 года АСС практически бездействовал, но руководящее ядро все-таки скрепляло шестимиллионный Арабский социалистический союз и сохраняло его в качестве одного из «центров силы» в ОАР. Новое временное руководство АСС сверху донизу комплектуется, за редким исключением, из консервативных элементов. Ликвидированы по личному требованию Садата организации АСС численностью до 200 человек – они были, главным образом, в рабочих коллективах.

– Выступление армии в качестве единого целого маловероятно, особенно после ликвидации группы Амера, через которую руководящий состав египетской армии влиял на политику. Но не исключены возможности выступлений отдельных правых армейских групп с целью если не захвата власти, то завоевания позиции для дальнейшего изменения соотношений сил в стране.

– Выступление Садата 11 июня, в котором прослеживалась линия на сопротивление реакции и продолжение социальных преобразований в ОАР, подготовленное Хейкалом, показывает, что те, кто пытается его «направить», стремятся сохранить нового президента на центристских позициях. Но Садат – это не Насер, из него сделать Насера невозможно. Обстановка в ОАР становится другой.

Три мои шифротелеграммы, направленные из Бейрута, пошли по «большой разметке» – всем членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК, а в МИДе – А.А. Громько и его первому заместителю В.В. Кузнецову. По приезде в Москву Замятин предложил мне написать большую, обобщающую все мои впечатления статью в так называемую «нулевку», содержащую закрытые материалы, которую ТАСС рассылал по очень небольшому списку руководящих работников СССР.

Я подготовил этот материал, главной идеей которого стало: при всем положительном значении договора, подписанного нами с Садатом, он не может быть панацеей от невыгодных, противоречащих интересам СССР сдвигов во внутреннем положении Египта и перемен в его внешнеполитической ориентации. После того как «нулевка» вышла в свет, мне позвонил Евгений Самотейкин – референт Л.И. Брежнева, и сказал, что Генеральный секретарь заинтересовался этим материалом и даже взял его домой – подробнее с ним ознакомиться. Я, естественно, был этим вдохновлен.

Однако через два дня опять последовал звонок Самотейкина, который лаконично произнес: «Я тебя спас». Оказывается, Подгорный устроил скандал, потребовав отозвать «нулевку», что ТАСС и сделал. «Нулевка» была разослана по большому числу адресов, чем мои шифротелеграммы, да и получилось так, что в ней я ставил вопрос острее. Подгорный не успокоился на этом. Про-

сматривая подготовленные заранее списки членов ЦК КПСС, которые подлежали избранию на очередном съезде, он вычеркнул фамилию Замятина – тот стал лишь членом Ревизионной комиссии ЦК.

А через полгода после моих сообщений из Каира, вызвавших бурю гнева Подгорного, сам Садат открыто, в интервью А. де Борчгрейву, опубликованному в журнале «Ньюсуик», изложил без всяких обиняков свою позицию. Касаясь беседы с главой египетского отделения Госдепартамента США М. Стернером, находившимся в Каире в июле, Садат сказал в этом интервью: «Никсон хотел знать, изменил ли Договор о дружбе и сотрудничестве между Египтом и СССР каким-то образом нашу позицию, как она была сформулирована в моей последней беседе с Роджерсом. Нет – ответил я». По словам Садата, второй вопрос Никсона «заключался в том, по-прежнему ли я обещаю восстановить дипломатические отношения с Соединенными Штатами после первого этапа отвода израильских войск. Да – ответил я. Третий вопрос: по-прежнему ли я намерен отправить советский военный персонал домой после первого этапа отвода израильских войск. Я сказал – да»*.

V. В «игру» вступает Киссинджер

Между тем в США происходил фактический переход ответственности за разработку и осуществление ближневосточной политики от Роджерса к Киссинджеру. Такой переход сопровождался отказом Вашингтона от самой идеи всеобъемлющего урегулирования на Ближнем

* Newsweek. 1971. 13 December. P. 16.

Востоке. «В декабре 1971 года, – пишет Киссинджер, – Никсон совершил шаг, с которого начался мой оперативный контроль над ближневосточной дипломатией». Что это был за шаг? В декабре премьер-министр Израиля Голда Меир нанесла визит президенту Никсону. «Оба лидера пришли к взаимопониманию по решающим вопросам стратегии и тактики: поиск путей к широкому урегулированию предполагалось на время приостановить... Вместо этого нужно было вновь приложить усилия, направленные на заключение временного соглашения с Египтом*». В это время и США, и Саудовская Аравия, по видимому, перестал удовлетворять канал связи через саудовцев. Была открыта прямая связь между разведками двух стран, которая использовалась Белым домом в обход Госдепартамента, а Саудовской Аравией – в обход египетского Министерства иностранных дел. Это было вызвано далеко не техническими соображениями. Министр иностранных дел Махмуд Рияд настаивал на том, чтобы связать открытие Суэцкого канала с конкретным продвижением ко всеобщему урегулированию. Госсекретарь США тоже слыл сторонником общего урегулирования. Оба в результате оказались вне процесса урегулирования.

Уже в начале 1972 года Саудовская Аравия информировала американцев о согласии на их интерпретацию так называемого частичного соглашения. Сведения об этом тоже можно почерпнуть из мемуаров Киссинджера. Касаясь пропагандистской версии Саудовской Аравии, будто тот отвергает принцип частичного урегулирования – на эту тему Саудовская Аравия распространялся и во время своих визитов в Москву, и при беседах с советскими руководителями в Каире, – Киссинджер пишет в мемуарах: «Нам-то было виднее**».

Возможно, даже вероятно, что на первых парах Саудовская Аравия все еще считал частичное соглашение шагом к дальней-

* *Kissinger H. White House Years. P. 1289.*

** *Kissinger H. White House Years. P. 1300.*

шим договоренностям Израиля с другими арабскими странами и с палестинцами. Но факт остается фактом: уже на грани 1971–1972 годов Садат внутренне отказался от жесткой привязки идеи египетско-израильского частичного соглашения к всеобъемлющему урегулированию ближневосточного конфликта. Вскоре за открытием секретного канала связи между Садатом и Киссинджером последовало решение египетского президента прекратить миссию советских военных советников в Египте. Он настолько был охвачен этой идеей, что даже не вступил в политический торг с США, чтобы получить за свое решение сполна от американцев. А Киссинджер ждал, судя по его воспоминаниям, что Садат выдвинет определенные условия и в чем-то придется пойти ему навстречу.

Включение Садата в «игру» с Соединенными Штатами имело свою логику. Он наверняка считал, что США при его отходе от СССР могут поставить на один уровень свои отношения с Каиром и Тель-Авивом, понимая, какую важную роль играет Египет в арабском мире. Он искренне возмущался, сталкиваясь с позицией США, которые однозначно сохраняли свои приоритетные отношения с Израилем, но при этом продолжал надеяться... После того как американцы не приняли предложения Садата о его встрече с Никсоном, состоялась договоренность о поездке в США советника по национальной безопасности президента Египта Хафеза Исмаила.

В феврале 1973 года он вылетел в Вашингтон. Его визит включал в себя посещение Белого дома и беседу с президентом Никсоном. Киссинджер в Белом доме появился в это время лишь на несколько минут, чтобы не создавать впечатления, что он, а не Госдепартамент ведет ближневосточную проблему. Но сугубо секретно Киссинджер трижды встречался с Исмаилом, проводил с ним многочасовые переговоры в доме президента компании «Пепси-кола» Дональда Кендалла в Коннектику-

те. Кендалл был личным другом Никсона, и это свидетельствовало о том, что президент одобрил деятельность Киссинджера в обход Госдепартамента, шефом которого в то время тот еще не был.

Через несколько лет мне довелось участвовать в Дармутской встрече, которая на этот раз состоялась в Прибалтике, в Юрмале. В ней принимал участие и президент компании «Пепси-кола» Д. Кендалл. Во время поездки на экскурсию мы сидели рядом в автобусе, и я спросил Кендалла, правда ли, что в его доме состоялись тайные переговоры между советниками по вопросам национальной безопасности египетского и американского президентов. «Откуда вам это известно?» – тревожно спросил Кендалл. Я решил разыграть его и тянул с ответом. Но когда взгляды Кендалла в мою сторону стали выражать уже нескрываемое подозрение, я сказал, что вычитал все это из только что вышедшей книги Хейкала, подаренной мне автором. Мне показалось, что все самые сильные в английском языке выражения были употреблены президентом компании «Пепси-кола» в адрес египетского публициста, который первым вынес на публику некоторые моменты секретных египетско-американских отношений накануне войны 1973 года.

Пришедший на смену Никсону в 1974 году президент Форд не имел опыта в международных делах. Внешняя политика продолжала полностью контролироваться Г. Киссинджером. Конгресс не был доволен тем, что такая важная сфера деятельности государства сосредоточилась в руках одного человека. Критика возрастала и со стороны общественности, и в конце 1975 года на пост советника по национальной безопасности Форд назначил генерала Брента Скоукрофта. Но, как пишет Киссинджер в мемуарах, это назначение несколько не сократило его власть во внешней политике. У него со Скоукрофтом были давние хорошие отношения, которые не изменились, –

Скоукрофт, помимо всего прочего, был заместителем Киссинджера, когда тот занимал должность советника по национальной безопасности.

Так что Киссинджер продолжал доминировать в ближневосточной политике США, и его деятельность в этом направлении была посвящена подготовке Садата к заключению сепаратного договора с Израилем. Но сначала об октябрьской войне 1973 года, которая сыграла особую роль в такой подготовке.

Глава X

ВОЙНА 1973 ГОДА: ТАЙНЫЕ ПРУЖИНЫ

В Соединенных Штатах мало кто верил, что арабские страны смогут начать войну с Израилем, особенно после сокрушительного поражения в 1967 году. Вооруженные стычки – да. Артиллерийский и танковый обстрелы через Суэцкий канал израильских позиций – это тоже имело место. Но атака на «неприступную» «линию Барлева»⁷⁹, сооруженную Израилем вдоль оккупированного восточного берега канала, или тем более синхронные военные действия Египта и Сирии – форсирование Суэцкого канала и наступления на Голанских высотах? Никому в США это не приходило в голову.

Помню, как в мае 1973 года мы с академиком В.В. Журкиным, находясь в Нью-Йорке, были приглашены выступить в Совете по внешним отношениям – очень престижном внешнеполитическом клубе. На наших выступлениях, которые практически свелись к диалогу с аудиторией, присутствовали в основном американские эксперты, занимающиеся ближневосточными проблемами. В качестве одной из версий развития обстановки нами была названа инициативная с арабской стороны война против Израиля, включая применение нефтяного эмбарго. Самой резкой критике подверглась эта версия. Дама, объявив себя сотрудником Госдепартамента, сказала, что арабские страны хорошо понимают военное преимущество Израиля и к тому же не будут заинтересованы противопоставлять себе весь западный мир. При-

мерно с такой же оценкой выступили и другие участники обсуждения.

Должен сказать, что мы с Журкиным, естественно, не знали о готовящейся Египтом и Сирией военной операции, но, по нашей логике, ее не следовало исключать в условиях усиливающегося недовольства на «арабской улице» тем, что не предпринимаются решительные шаги по освобождению территорий, оккупированных в 1967 году. В дальнейшем, когда война разразилась чуть ли не по описанному нами сценарию, у нас с Журкиным возникли визовые трудности. Первым сигналом стала ситуация в 1976 году, когда нам отказали в продлении визы для участия в заседании Ассоциации содействия ООН, и только вмешательство нашего коллеги – уважаемого Маршалла Шульмана, который оставался ученым, работая в Госдепартаменте, помогло преодолеть этот запрет.

I. Садат проговаривается

В США, очевидно, не были осведомлены о намерениях Египта и Сирии начать широкомасштабные военные действия. В своих воспоминаниях Г. Киссинджер тоже подчеркивает, что масштабы начатой арабами военной операции и синхронность египетской и сирийской ее частей были неожиданными для американского руководства. А был ли заблаговременно осведомлен египтянами и сирийцами о готовящейся военной акции Советский Союз? Еще при Насере с прямым участием советских военных специалистов был отработан план операции по форсированию Суэцкого канала с целью освобождения захваченной египетской территории на Синае «Гранит» и его модификации «Гранит-2» и «Гра-

нит-3», которые были использованы Садатом. Во время встречи с ним, о которой рассказывается ниже, он утверждал, что в феврале 1973 года дал команду «показать карту операции» маршалу Гречко. Из этих слов ясно, что на оперативном уровне военные действия не отработывались с советскими представителями. Карту лишь показали министру обороны СССР, да и сделали это еще в феврале, а война началась через восемь месяцев – в октябре.

Опираясь на сведения весьма осведомленных источников, можно утверждать, что Садат не информировал Москву о часе «X» начала широкомасштабных военных действий против Израиля. Это подтверждается и тем, что в первых сообщениях о начале военных действий, поступивших из Каира и Дамаска (как выяснилось позже, сообщения были согласованы руководителями двух стран), утверждалось, будто военные действия начаты Израилем. Видимо, Садат опасался, что СССР, незаинтересованный быть втянутым в острую кризисную ситуацию на Ближнем Востоке, может попытаться заблокировать запланированную военную операцию. А Асад подчинялся договоренности, ранее согласованной с Садатом, в отношении «строжайшей тайны» о подготовке операции. Советская разведка доносила о передвижении египетских и сирийских военных частей. Это вызвало беспокойство в Москве, где не исключали в том числе превентивного израильского удара, как это произошло в 1967 году.

В таких условиях было решено начать эвакуацию семей советских дипломатов и специалистов из Египта и Сирии. Конечно, главной заботой при этом была безопасность женщин и детей, но одновременно «зажигался» своеобразный «сигнал» о грозящей опасности военного столкновения. Судя по всему, СССР не хотел, чтобы в США думали, будто он выступает за военное решение, и такой сигнал рассматривался как серьезное предупреждение об опасности. Октябрьскую войну можно разделить на две

части: ошеломившая многих, в первую очередь израильтян, демонстрация возросшей боеспособности египетской и сирийской армий, а затем перехват инициативы израильтянами, что поставило на грань разгрома египетскую и сирийскую армии, начавшие войну.

Во время войны я был в Дамаске и видел своими глазами, какие большие потери несли на первых порах израильские ВВС в небе над сирийской столицей, когда они подвергались обстрелу системой «Квадрат» с самонаводящимися ракетами. Оружие было советского производства, но приводили его в действие сирийцы – в этом не было никакого сомнения. И здесь же в Дамаске я наблюдал поистине депрессивный спад настроений, когда выяснилось, что сирийские войска оставили Кунейтру, освобождение которой за несколько дней до этого вызывало неопишуемый восторг на «сирийской улице».

Я не ставлю своей целью в этой книге разбирать причины перелома в ходе войны, пусть этим объективно займутся военные эксперты. В мои намерения вообще не входит описание боевых действий – об этом уже много сказано в различных статьях и книгах. Но в пределах моих интересов – подоплека войны, ее теневые, слабо освещенные до сих пор стороны. Начну с того, что американцам, очевидно, легче, чем нам, было разобраться в планах Садата, связанных с октябрьской войной 1973 года. Тут я перенесу повествование на ноябрь 1975 года – это поможет лучше понять садатовские мотивы, лежащие в основе инициативного начала военных действий. Видному журналисту и ученому И.П. Беляеву и мне в Каире вручили медали лауреатов Международной премии имени Г.А. Насера – мы были отмечены этой наградой за книгу «Египет: время президента Насера».

Наш друг Лютфи аль-Холи, который в течение долгого времени был главным редактором, пожалуй, самого солидного в Египте ежемесячника «Ат-Талиа», передал нам приглашение Садата встретиться с ним. Очевидно,

для того, чтобы подчеркнуть неофициальный характер встречи, Садат назначил ее в своей загородной резиденции на Барраже. Такое предложение было особенно знаменательным, так как в то время Садат прекратил принимать советских представителей, в том числе и наших дипломатов. Встреча состоялась 25 ноября и длилась три часа. Это был по большей мере сумбурный монолог Садата, рассказывающего, как действовала его армия, с упреками в адрес СССР.

Мы, конечно, не проглатывали такие обвинения и в результате услышали, что он «по-прежнему, как и во время Насера, душой и сердцем привязан к Советскому Союзу». Беляев и я не раз встречались с Садатом, и это, по-видимому, предрасположило его к показной откровенности. Тем более он явно старался быть в наших глазах «отцом нации» (это его слова), человеком, который вершит историю. Чувствовалось, что ему все еще не давали покоя лавры Насера. Он очень хотел показать нам, что руководствовался во время войны «высшими соображениями», а не просто логикой военных действий.

Один из моментов рассказа Садата приведу по своим записям практически со стенографической точностью: «Фронт представлял собой слоеный пирог, – говорил Садат. – Моя третья армия оказалась окруженной израильтянами на Синае. В свою очередь, египетскими войсками были окружены танки генерала Шарона, прорвавшиеся на западный берег Суэцкого канала. Так что даже на заключительном этапе войны положение было сбалансированным. Мои генералы оказывали на меня давление с тем, чтобы перерезать узкий коридор, связывающий танки Шарона с основными силами, и ударить по захваченному плацдарму. Все было для этого – двойной перевес у нас в танках и артиллерии. Но Генри Киссинджер передал мне: “Господин президент, если советское оружие одержит победу над американским во второй раз, то у меня не будет возможности сопротивляться Пентагону

и наши договоренности с вами будут под ударом”». – Какие договоренности? – спросили мы в один голос с Беляевым. Садат перешел на другую тему.

О реальных мотивах Садата можно было вынести впечатление и из разговора с бывшим министром обороны Египта Садеком. В бытность корреспондентом «Правды» я жил с ним в одном доме, и у нас установилось шапочное знакомство. Ранним утром, когда он прогуливал собаку, встречались с ним на улице возле нашего дома, и Садек каждый раз говорил по-русски «добрый вечер». Попросился на встречу с ним, и он тут же пригласил меня к себе. Встреча была очень дружественной. «Я сейчас в отставке, много думаю о пережитом, – сказал Садек. – Садат недавно выступил и заявил, что, начиная военные действия в октябре 1973 года, имел боеприпасы на два дня, а Сирия – на двадцать дней. Эти цифры ему нужно было огласить для полемики с Хафезом Асадом. А если разобраться по существу, то Садат сам начинал военные действия. Значит, он или полный дурак (Садек употребил слово посильнее), или у него уже была к тому времени договоренность, причем твердая, что его остановят».

Садек знал, о чем говорил. У него были серьезные разногласия с президентом по поводу планируемых военных действий. 24 октября 1972 года, то есть за год до начала войны, Садат собрал египетских высших военачальников и однозначно выступил в пользу «ограниченной войны», приведя аргумент: если освободить только десять миллиметров территории на восточном берегу Суэцкого канала, то это невероятно усилит его позиции на дипломатических переговорах. Большинство генералов во главе с Садеком скептически отнеслись к возможности удержать войну в ограниченных рамках. Через два дня секретарь президента посетил министра в его доме и передал послание Садата, в котором говорилось, что он принимает отставку Садека, хотя тот об этом не просил. 1 декабря 1975 года мы с Беляевым вылетели в Амман,

где на следующий день были приглашены королем Иордании Хусейном на ланч. За столом нас было только пятеро: король, премьер-министр Зейд Рифаи, мы с Беляевым и Р.В. Ющук*.

Это была тоже не первая встреча с королем. Еще в конце 60-х годов я впервые был приглашен к нему, опоздал, и он встречал меня уже в цветной рубашке с закатанными рукавами, а я сказал: «Ваше величество, извините за опоздание, но не виноват – Иордания единственная страна на Ближнем Востоке, где машина не может проехать на красный свет». Король ценит юмор, и, может быть, с этого момента у меня возник с ним тесный контакт, продолжавшийся многие годы, вплоть до кончины этого умного, образованного, обаятельного человека. О степени поистине дружеской близости говорит такой факт: как-то узнав, что я в Аммане и нахожусь на окраине города в доме премьер-министра, король приехал один на мотоцикле, чтобы встретиться со мной. Трудно представить, какие гневные, испепеляющие взоры молча бросали на меня черкесы из личной охраны, примчавшиеся вслед за своим обожаемым монархом...

Конечно, не во всем можно было согласиться с политикой короля Хусейна, но я лично восхищался его мужеством и часто проявляемой прозорливостью. Именно эти два качества помогали ему в тяжелейших условиях проводить свой государственный корабль между многочисленными опасными рифами. Король мастерски умел поддерживать непринужденную беседу. Нередко с немного застенчивой улыбкой говорил об очень серьезных вещах.

Так было и на этот раз. Скованности не чувствовалось еще и потому, что З. Рифаи, несмотря на подчеркнута выдерживаемую на публике дистанцию от Хусейна, был

* Советский разведчик, впоследствии генерал, представитель Службы внешней разведки в Великобритании.

его товарищем по колледжу и их связывали дружеские отношения. Было совершенно очевидно, что иорданские руководители раздражены поведением Садата. Король Хусейн сказал: «Мы, проявляя солидарность с другими арабскими странами, особенно с Египтом, участвовали в войнах 1948, 1956, 1967 годов. А начиная военные действия в 1973 году, Садат нас не поставил даже в известность, а теперь сам подписал, тоже не советуясь ни с кем, соглашение (об освобождении Израилем части оккупированной территории на Синае. – *Е.П.*). Садат растратил все те преимущества, которыми обладала арабская сторона. Вместо пакетной сделки, опираясь на новые моменты, появившиеся после октября 1973 года, он все отдал американцам сепаратно». «Думаю, – включился в беседу Рифаи, – что до начала военных действий Садат уже договорился с Киссинджером. – За полтора года до октябрьской войны я был у Садата в Каире с целью восстановить дипломатические отношения между нашими странами.

В приступе откровенности он сказал мне, что Киссинджер ему предлагает “что-нибудь предпринять, чтобы позволить госсекретарю выпустить на простор политическую активность с целью урегулирования конфликта”. Садат связал с этими словами Киссинджера намерения Египта форсировать канал и захватить небольшой плацдарм на восточном берегу, хотя это будет стоить 10–15 тысяч египетских солдат и офицеров». «Не слишком ли большая цена?» – спросил Рифаи у Садата. Тот, по словам Рифаи, ответил, что «масштабы потерь можно будет уменьшить политическими средствами». Задачи «ограниченной войны», направленной не на освобождение оккупированных территорий, а для захвата небольшого плацдарма с целью разморозить конфликт с Израилем, непосредственно подтверждает характер заседания 2 октября Совета национальной безопасности Египта, на котором Садат решил сообщить о предполагавшемся «на

днях» начале военных действий. На вопрос, каков формат предстоящей военной операции, Садат однозначно ответил – «ограниченный»*.

II. Асад ставит точки над «i»

Между тем Садат не посвятил Асада, который вместе с Египтом вступил в войну в октябре 1973 года, в свои планы сугубо ограниченных военных действий. Интересное свидетельство на этот счет принадлежит бывшему начальнику генерального штаба египетской армии С. Шазли, который написал об одном из своих разговоров с министром обороны Египта генералом Исмаилом Али, пришедшим на смену Садеку.

Разговор состоялся в апреле 1973 года. Военный министр передал Шазли «политическую инструкцию президента Садата, находившегося в контакте с сирийским правительством». «Было совершенно ясно, – пишет Шазли, – если сирийцы поймут, что наши планы ограничены выходом на линию в пределах десятимильной зоны к востоку от канала, они не начнут войну вместе с нами... В итоге Исмаил предложил решение. Он приказал мне подготовить отдельно от плана форсирования канала другой план развития нашего наступления до перевалов. “Детали этого другого плана послужат тому, чтобы удовлетворить сирийцев”, – сказал он. Но тут же добавил, что этот план никогда не будет претворен в жизнь, разве что при наиболее благоприятных обстоятельствах... Я был потрясен этим двуличием. Но я был обязан подчиниться и сохранять этот секрет»*. И конечно, особый интерес на сей счет представляет мнение президента Сирии Хафе-

* *Heikal M.* The Road to Ramadan. P. 25.

* *General Shazly S.* The Crossing of Suez: The October War (1973). – L., 1980. P. 30, 31.

за Асада. Во время встречи с ним 2 июня 1983 года в Дамаске я задал Асаду вопрос, что он думает об идеях Садата, связанных с октябрьской войной 1973 года. Хамфиз Асад сказал (опять пересказываю по своим записям почти со стенографической точностью): «У нас была предварительная договоренность с Садатом честно действовать вместе. Разумеется, он не информировал нас о своих подлинных целях, то есть о том, что он задумал войну лишь как средство сдвинуть ситуацию с мертвой точки и вступить в переговоры. Мы в Сирии понимали, что конечным результатом войны должно быть политическое урегулирование на основе решений Совета Безопасности ООН. Однако планы свои мы строили на том, что к моменту вмешательства ООН нам удастся на обоих фронтах освободить территории, оккупированные Израилем в 1967 году. Поэтому планы военных действий на Голанских высотах разрабатывались на этой основе, то есть речь шла о том, что сирийская армия должна дойти до конца Голанских высот». – Информировал ли вас Садат о планах ведения войны на своем фронте? – спросил я Асада. – Происходило согласование планов? – С Садатом, – ответил президент Сирии, – у нас была договоренность, что сирийские и египетские войска выступят одновременно. Предусматривалось, что египетские войска, дойдя до перевалов на Синае, сделают там «оперативную паузу», а сирийские войска будут продолжать наступление на Голанских высотах.

Такая «пауза» в районе перевалов была объективно необходимой, так как можно было предвидеть, что египетская армия понесет значительные потери и будет нуждаться в пополнении людьми, оружием и боеприпасами. Однако договоренность с Садатом предусматривала, что после этой «паузы» египетская армия продолжит наступление до границы с Израилем. – А как получилось на самом деле? – спросил я. – В действительности, – ответил президент Асад, – все было по-другому. Военные действия начались 6 октября на основе совместного

плана, и Сирия неизменно его придерживалась. Садат же, судя по всему, действовал на основе собственного сценария.

После форсирования Суэцкого канала египетские войска начали сразу окапываться. Даян уже 8 октября заявил, что положение на западном фронте стабилизировалось. Это позволило Израилю перебросить основную массу своих войск на сирийский фронт. Мы могли бы выдержать этот натиск даже ценой потери каких-то территорий, если бы египетское наступление впоследствии было продолжено, так как в этом случае израильтяне были бы вынуждены перебросить свои войска на западный фронт. На самом деле, однако, этого не случилось. Поэтому основной израильский удар пришелся по сирийским войскам. У египтян были резервные силы, которые по плану должны были быть задействованы в определенные сроки. Прошло два дня, сроки были нарушены, мы слали Садату телеграмму за телеграммой с просьбами выполнить договоренность в этом вопросе, но он не отвечал. Мы не знали и о политических контактах Садата, которые он вел на протяжении войны, – продолжал Асад. – Для Сирии была неожиданной поступившая от него телеграмма, что он обратился в Совет Безопасности ООН с просьбой о прекращении огня. Садат мотивировал это тем, что он решил кончить войну, поскольку, дескать, в военные действия на стороне Израиля вступили США, а против них он воевать не может. В ответной телеграмме я просил не прекращать военных действий, подчеркнув, что у Сирии есть возможность закрыть прорыв в районе Голанских высот и нанести серьезные контрудары. Садат не ответил на эту телеграмму и дал в одностороннем порядке согласие на прекращение огня, в то время как на сирийском фронте военные действия продолжались. Обнаружив, что Сирия не согласилась с прекращением огня, Садат позвонил мне по телефону и пытался убедить в необходимости такого

шага. При этом он утверждал, что прекращение огня предусматривает американские гарантии освобождения территорий, оккупированных Израилем в 1967 году. Этот разговор состоялся 22 октября.

III. Задачи, решаемые Киссинджером

В своих мемуарах госсекретарь отрицает, что «кто-либо заблаговременно понимал мысли Садата». Трудно поверить, что таким «кто-либо» мог быть Генри Киссинджер – блестящий аналитик, к тому же в течение нескольких месяцев до начала войны конфиденциально контактировавший с Садатом. Собственно, он сам пишет в своих мемуарах, что «Садат знал из двух секретных встреч в начале 1973 года между его советником по национальной безопасности Хафезом Исмаилом и мною, что мы имели намерения приступить к дипломатическому урегулированию ближневосточного конфликта. Но при этом он должен был вынести два заключения: первое – что полная арабская программа о всеобщем выводе израильских войск недостижима, и второе – что немедленное решение не может быть принято Египтом, пока создается впечатление, что он делает это с позиции слабости.

Таким образом, Садат вступил в войну не для того, чтобы овладеть территориями, а для того, чтобы восстановить в Египте чувство самоуважения и через это увеличить свою дипломатическую гибкость»*. О многом свидетельствует и реакция госсекретаря на тревожные сообщения о предвоенных перемещениях египетских войск. Он сразу же выступил против израильских превентивных действий. Причем это стало лейтмотивом его

* *Kissinger H. Years of Upheaval.* – Boston; Toronto, 1982. P. 460.

многократных разговоров по телефону с министром иностранных дел Израиля Эбаном, израильским поверенным в делах в Вашингтоне Шалевом. Я думаю, что помимо стремления не дать разгореться большой арабо-израильской войне у Киссинджера были и другие мотивы против превентивного удара Израиля: он опасался, что это нарушит схему действий, уже сложившуюся у него с Садатом. Представляется, что американские действия или, скорее, бездействие в первые дни войны, пока события не приобрели угрожающего характера для израильской армии, были связаны с расчетами на осуществление замыслов Киссинджера, который в то время играл руководящую роль во внешней политике США.

Несмотря на истерически настойчивые призывы израильских руководителей, США запаздывали с открытием воздушного моста для переброски вооружений и запасных частей. Мост заработал лишь 12 октября. С этого момента Соединенные Штаты стали на путь безоговорочной поддержки Израиля, но не забывая при этом делать отдельные жесты в сторону Египта, призванные продемонстрировать заинтересованность Вашингтона в том, чтобы война не нанесла ущерба престижу Садата. Приводимые аргументы в пользу того, что Киссинджер помышлял решить свою политико-дипломатическую задачу с помощью «садатовской небольшой военной победы», подкрепляются и его телефонным разговором с послом СССР в Вашингтоне А.Ф. Добрыниным в полдень 6 октября. В связи с предлагаемым созывом Совета Безопасности госсекретарь просил дать срочные указания представителю СССР занять пока сдержанную позицию, не становясь целиком, как обычно, на сторону «своего клиента». «США, – заверил Киссинджер, – поступят таким же образом. Со ссылкой на президента Никсона он просил это срочно довести до советского руководства»*.

* Добрынин А. Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). С. 268.

7 октября Л.И. Брежнев, уходя от вопроса о созыве Совета Безопасности ООН, передал по конфиденциальному каналу следующее послание Никсону: «Было бы весьма важно, если бы со стороны Израиля последовало ясное, без всяких оговорок, заявление о его готовности уйти с оккупированных арабских территорий, имея в виду, что одновременно гарантировалась бы безопасность Израиля, как и других стран региона. Что здесь может быть неприемлемым для Израиля?» Из этого ответа видно: СССР считал, что успехи арабов в первые дни войны должны создать условия для всестороннего урегулирования на Ближнем Востоке.

Не изменилась позиция СССР и после того, когда произошёл перелом в военных действиях в пользу Израиля. Брежнев выступил за прекращение огня, но опять подчеркнул в своем послании Никсону необходимость добиться общего урегулирования. А Садат верил в продолжение «игры» с Киссинджером и тогда, когда уже захлебнулся наступательный порыв арабских войск. Иначе трудно объяснить, почему во время нахождения госсекретаря в Москве Садат передал ему по секретному каналу через Х. Исмаила, что он готов «отделить прекращение огня от всеобщего урегулирования». Киссинджер, ничего не сказав об этом советским руководителям, так объясняет в своих мемуарах «инициативу Садата»: «...Предложение о прекращении огня Москва сопроводила для Садата аргументом, что советская роль в конференции (созываемой для поисков общего урегулирования. – *Е.П.*) будет соответствующей гарантией давления на Соединенные Штаты и Израиль. Но Египет уже сместил акцент в своей политике, переориентируясь на Соединенные Штаты, и соответственно переключился от всеобъемлющего подхода к подходу “шаг за шагом”».

В таких условиях большая советская роль явно выглядела как менее желательная, может быть, даже опасная,

так как Москва могла стать защитником радикальных решений и таким образом сыграть против того, что задумал достичь для себя Садат»*.

IV. СССР и США в тисках арабо-израильского кризиса

Обычно говорят, что две сверхдержавы зажали в свои тиски две стороны ближневосточного конфликта. Однако в жизни произошло обратное. И Соединенные Штаты, и Советский Союз, не обладая решающей возможностью направлять ход развития событий, оказались в зависимости от обострившегося кризиса на Ближнем Востоке. Необходимо напомнить, что это обострение в виде октябрьской войны совпало с усилиями двух сверхдержав найти путь к разрядке отношений между ними. Объективно мир оказался на пороге срыва процесса разрядки. 14 октября, после окончания церемонии провозглашения Форда вице-президентом США, Никсон отвел в сторону посла Добрынина и попросил его передать Брежневу, что его, Никсона, «провоцируют в США, чтобы сорвать разрядку».

В тот момент, несомненно, присутствовало стремление американского руководства предпринять шаги в поддержку разрядки. Информирова о переброске американского оружия Израилю (было поставлено вооружений на 2,2 млрд долларов), Белый дом предложил Москве обоюдно прекратить поставки вооружений после прекращения огня. Но Москва в это время оказалась в плену своих отношений главным образом с Египтом. Это

* *Kissinger H. Years of Upheaval. P. 638, 645.*

был тот случай, когда «хвост вилял собакой». 20 октября Киссинджер вылетел в Москву. Была достигнута договоренность совместно выступить с проектом резолюции Совета Безопасности, которая призвала бы не только к немедленному прекращению огня, но и (по настоянию советской стороны) к выполнению резолюции 242 от 1967 года. Однако время было потеряно, и Израиль, переломивший ход военных действий в свою пользу, отнюдь не торопился прекращать огонь.

На базе договоренности, достигнутой с США, Совет Безопасности 22 октября все-таки принял резолюцию 338, но израильские войска уже после ее принятия вышли к Суэцкому каналу и, окружив третий египетский корпус, готовились к его уничтожению. Судя по всему, Киссинджер и в этих условиях продолжал свою «игру». Правда, события внесли в нее определенную модификацию. Теперь он сделал акцент на «спасение Садата». При этом следовало убедить президента Египта, что только США способны остановить израильтян и оказывали на них нажим с целью не допустить ликвидации третьего корпуса. Между тем все в большей степени на позициях двух сверхдержав начала сказываться внутренняя ситуация и в СССР, и в США.

В советском руководстве росло возмущение, что Израиль игнорирует решение Совета Безопасности, согласованное Москвой и Вашингтоном. Обычно спокойный и не предрасположенный к крутым действиям, Брежнев был вынужден 23 октября по «горячей линии» передать Никсону отнюдь не дипломатическое послание. В нем говорилось: «Почему Израилем допущено вероломство – Вам виднее. Мы видим единственную возможность исправить положение и выполнить договоренность – заставить Израиль немедленно подчиниться решению Совета Безопасности». В послании содержался намек на то, что бездействие США приведет к краху разрядки: «Слишком многое поставлено на карту – не только на

Ближнем Востоке, но и в наших отношениях». В США поняли серьезность ситуации. В тот же день Никсон ответил, что Соединенные Штаты «берут на себя ответственность за то, чтобы полностью прекратить военные действия со стороны Израиля». «Мы с Вами достигли исторического урегулирования, – говорилось в послании Никсона Брежневу, – и мы не позволим, чтобы оно было взорвано».

Однако Израиль продолжал игнорировать требования Совета Безопасности ООН прекратить огонь и отвести войска на занимаемые ими позиции в момент принятия резолюции 338. В Москве шло бурное заседание Политбюро. Эмоции прибавились в результате того, что по специальному телефону Садат умолял сделать все, чтобы «спасти его и египетскую столицу, которую окружают израильские танки». Немедленно запрошенный советский главный военный советник в Каире доложил Брежневу, что Садат потерял голову, когда узнал, что несколько израильских танков перешли через Суэцкий канал, но непосредственной угрозы Каиру нет. Несмотря на это сообщение, ряд членов Политбюро высказались за принятие острых военно-политических мер. Многие члены советского руководства исходили из того, что Израиль сам, без согласия США, не мог бросить вызов всем и вся, игнорируя резолюции Совета Безопасности о прекращении огня. Помощник Громыко В. Грубьяков, сопровождавший его на заседание Политбюро, рассказал вызванному в Москву Добрынину, что министр обороны Гречко потребовал «демонстрации присутствия советских войск в Египте». Косыгин резко возражал против подобных мер, его поддержал Громыко. Занимавший осторожную позицию Брежнев выступил против любой вовлеченности советских войск в конфликт*, но был вынуж-

* Добрынин А. Сугобо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). С. 274.

жден все-таки согласиться, во-первых, с направлением жесткого послания в адрес Никсона с намеком на возможность военного вовлечения СССР и, во-вторых, на проведение маневров с участием авиации в Закавказье.

Решили все-таки, что в послании Никсону следует этот намек упаковать в предложение совместного направления советских и американских войск в Египет с целью заставить Израиль прекратить военные действия. 24 октября Брежнев направил послание Никсону, в котором предлагались совместные действия, а затем говорилось: «Скажу прямо, если бы Вы не сочли возможным действовать совместно с нами, то мы были бы поставлены перед необходимостью срочно рассмотреть вопрос о принятии нами соответствующих шагов в одностороннем порядке... У нас есть с Вами договоренность, которую мы высоко ценим, – действовать сообща. Давайте реализуем эту договоренность на конкретном примере в сложной ситуации. Это будет хороший образец наших согласованных действий в интересах мира».

Уверен, что за этим посланием не стояло действительное намерение Советского Союза пойти на непосредственное военное вмешательство в события. Но это был шаг, призванный «остудить» Израиль. И одновременно такой шаг был продиктован внутренней обстановкой: в СССР росло возмущение израильскими действиями, и Брежнев мог опасаться, что этим воспользуются его оппоненты в руководстве. Наиболее сильный из них – Александр Николаевич Шелепин, «железный Шурик», который проявил свои возможности, в том числе личностные, когда в 1957 году практически спас Хрущева во время близкой к осуществлению попытки Маленкова, Молотова и Кагановича снять его со всех руководящих постов, а потом, в 1964 году, стал главной фигурой, обеспечившей замену Хрущева на Брежнева.

Через некоторое время Брежнев при поддержке многих из своего окружения решил отодвинуть Шелепина,

который, занимая ряд высших постов в партии и правительстве, мог, по его мнению, претендовать на его место. На момент направления жесткого послания Никсону Шелепин уже был переведен на второстепенный пост председателя ВЦСПС, но все еще, вплоть до 1975 года, оставался членом Президиума (Политбюро) ЦК КПСС. Брежнев продолжал его побаиваться, будучи осведомлен о том, что Шелепин пользуется поддержкой, особенно бывших комсомольских работников, которые могли обвинить генсекретаря в отсутствии решительности в момент откровенно вызывающей позиции Израйля, подерживаемого США.

Реакция в США на послание Брежнева тоже была продиктована скорее не желанием запугать СССР, а внутренними обстоятельствами. Отказавшись от совместных военных действий, что и следовало ожидать, Никсон заявил о серьезной озабоченности в связи с возможностью односторонних акций СССР, которые «могут вызвать непредсказуемые последствия».

Для большего эффекта в войсках США была введена повышенная боеготовность. Когда Киссинджеру позволил возмущенный этой демонстрацией Добрынин, тот ответил, что это не должно восприниматься Москвой как враждебный акт и в основном определяется внутренними соображениями. Это подчеркнул и сам президент Никсон, который сказал Добрынину: «Возможно, что в ходе кризиса я немного погорячился. Замечу – но не в порядке оправдания, – что я подвергаюсь сейчас постоянной и ожесточенной осаде со стороны оппозиции и всех моих противников, объединившихся вокруг “Уотергейта”»*.

Некоторые американские авторы представляют, будто реакция США спасла от реального намерения СССР послать свои войска на Ближний Восток. Такая версия

* Добрынин А. Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). С. 278.

не имеет ничего общего с действительностью. После того как обе сверхдержавы попугали друг друга, были объединены их усилия по подготовке и проведению Женевской конференции.

V. Два подхода к Женевской конференции

Принятию резолюции 338, как уже говорилось, предшествовали беседы госсекретаря США Киссинджера с советским руководством в Москве. Соединенные Штаты тогда согласились с увязкой прекращения военных действий на Ближнем Востоке с началом общего политического урегулирования. Очевидно, согласие на такую увязку было не в последнюю очередь вызвано стремлением США быстро выйти из ситуации нефтяного эмбарго. Нефтяное эмбарго было применено арабскими странами 19 октября 1973 года – через тринадцать дней после начала октябрьской войны. 16 октября Саудовская Аравия, Ирак, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Катар и Иран в одностороннем порядке подняли цену своей нефти на 17 процентов, доведя ее до 3,65 доллара за баррель (какой смехотворно низкой выглядит эта цена сегодня, когда пишутся эти строки). Затем Саудовская Аравия, Ливия и другие арабские государства вообще объявили о запрете на поставку нефти в США, назвав причину: американцы оказывают Израилю военную помощь.

23 октября эмбарго было распространено на Голландию за то, что она предоставила свои аэродромы Соединенным Штатам. 5 ноября арабские страны объявили о 25-процентном сокращении производства. Через восем-

надцать дней эмбарго распространилось на Португалию, Родезию и ЮАР. Снятие нефтяного эмбарго (за исключением Ливии) 17 марта 1974 года произошло после того, когда США попытались демонстративно «выравнять» свою политику на Ближнем Востоке за счет дипломатических мер по разъединению войск. Но уже возникла новая ситуация – нефтяной кризис. Цены на нефть до этого были малоподвижны. Можно вспомнить, что в 1945 году, после окончания Второй мировой войны и в период восстановления мировой экономики, цена составляла лишь около 1 доллара за баррель, а перед нефтяным эмбарго 1973 года она увеличилась только до 3 долларов за баррель. Однако к моменту снятия эмбарго среднегодовая цена нефти уже поднялась до 12 долларов за баррель.

Нефтяное эмбарго 1973 года открыло новую эпоху: динамика цен на нефть оказалась тесно увязанной с событиями на Ближнем Востоке, который являлся и является основным регионом, поставляющим нефть в Европу, Японию и США. В 1979 году, когда произошла так называемая исламская революция в Иране⁸⁰, среднегодовая цена составила 30 долларов за баррель, в 1980 году, когда началась ирано-иракская война, – 35,7 доллара. Затем цены сократились – в 1986 году среднегодовая цена составляла 14,3 доллара за баррель североморской нефти Brent, которая стала новым ценовым ориентиром, но в 1990 году, когда Ирак вторгся в Кувейт, цена опять выросла. Можно предположить, что многие политические деятели в США, да и в СССР, надеялись на то, что после смягчения обстановки на Ближнем Востоке произойдет понижение нефтяных цен. Действительно, это происходило, и в 1998 году, после азиатского валютного кризиса, цена даже вернулась к тому уровню, который существовал после снятия нефтяного эмбарго 1973 года. Но в 2002 году цены опять резко поднялись и продолжали безостановочно расти. Во время издания этой книги они уже перешли за планку в 100 долларов за баррель.

Конечно, постиндустриальные государства адаптируются к столь высоким ценам на нефть за счет энергосбережения и активизации других источников энергии. Но факт остается фактом: нефтяное эмбарго, вызванное октябрьской войной 1973 года, положило конец дешевой нефти. Однако вернемся от этого «нефтяного отступления» к Женевской конференции.

Казалось бы, согласие США на связь Женевской конференции со всеобщим урегулированием открывало путь к ее успешной работе. Но на деле все оказалось намного сложнее, и основная причина заключалась в том, что Соединенные Штаты практически подошли к миссии Женевской конференции с мерками, не соответствующими тому мандату, который первоначально был ими выработан совместно с Советским Союзом. Позже Г. Киссинджер откровенно напишет в мемуарах, что Женевская конференция «...была средством собрать в одну упряжку все заинтересованные стороны для одного символического акта и посредством этого сделать так, чтобы каждый мог проводить сепаратный курс, хотя бы на некоторое время. Было сложно и собрать такую большую встречу, и после этого держать ее в бездейственном состоянии, в то время как дипломатия возвращается к двусторонним каналам»*.

Яснее, как говорится, не скажешь. А договаривались в Москве во время пребывания там государственного секретаря совсем о другом. Одержимый идеей сепаратного египетско-израильского соглашения, Киссинджер осуществлял ее с присущей ему целеустремленностью, не останавливаясь перед давлением на Израиль, когда тот мог ему помешать своим стремлением усложнить разъединение войск на фронтах.

16 декабря 1973 года Киссинджер, находясь в Иерусалиме, следующим образом описал свою «генеральную

* *Kissinger H. Years of Upheaval. P. 747.*

стратегию» израильскому руководству (цитируется по книге израильского журналиста М. Голана, который получил стенографические отчеты о беседах Киссинджера в Израиле и, вопреки желанию израильского руководства, предал их гласности, преодолев, естественно, серьезнейшее сопротивление на своем пути): «Киссинджер объяснил, что цель переговоров о разъединении войск заключается в том, чтобы обойти необходимость вести переговоры о границах и окончательном урегулировании. Успех переговоров (о разъединении. – *Е.П.*) привел бы также и к другому достижению – отмене нефтяного эмбарго. В то же время это положило бы конец изоляции Израиля, уменьшив давление на него главным образом со стороны западноевропейских государств и Японии. Никто в Израиле не должен иметь даже мимолетных сомнений, предупредил Киссинджер, в том, что провал переговоров о разъединении разрушит плотину, сдерживающую давление на Израиль, оказываемое на этот раз в пользу не частичного отхода, а полного отхода к границам 4 июля 1967 г.»*.

В этом разъяснении позиции Киссинджера просматривались даже угрозы в адрес Израиля, если он не будет следовать продиктованному ему курсу. Несмотря на то, что СССР и США разошлись в оценке того, чем должна заниматься Женевская конференция, их интересы совпали, правда по сугубо различным причинам, в том, чтобы добиться разъединения войск. США, как уже говорилось, руководствовались в основном стремлением сорвать арабское нефтяное эмбарго. СССР сделал акцент на безотлагательную подготовку к соглашению о разъединении войск между Сирией и Израилем. В Москве опасались, что после разъединения войск на Синае Сирия могла стать объектом израильской атаки. Опасения уси-

* *Golan M. The Secret Conversations of Henry Kissinger. – N.Y., 1976. P. 152.*

ливались явно антисирийскими настроениями в США. После нескольких поездок на Ближний Восток министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и его встреч с государственным секретарем США были подписаны 5 июня 1974 года в Женеве итоговые документы, определявшие порядок и время разъединения сирийских и израильских войск, а также вывода израильских войск с части оккупированной ими сирийской территории. Эти документы предусматривали освобождение территории общей площадью 663 кв. км, захваченной Израилем в 1967 году. В послании на имя Брежнева Хафез Асад подчеркнул, что Сирия высоко ценит поддержку Советского Союза. 4 сентября 1975 года Египет и Израиль заключили второе соглашение об отводе израильских войск, переходе к египтянам части двух перевалов – Митла и Гиди, и расширении буферной зоны ООН. Но значительная часть Синая оставалась вплоть до подписания Садатом сепаратного договора с Бегинем под израильской оккупацией.

VI. «Частичные», или «промежуточные» меры

Разные подходы СССР и США к мирному урегулированию на Ближнем Востоке проявились на Женевской конференции не спонтанно. Различия в советской и американской тактике обозначились задолго до созыва конференции. Безусловно, что ближневосточный конфликт по целому ряду причин – один из самых сложных для урегулирования. Палестинцам, представляющим собой часть арабского мира, трудно далось, собственно, как стало бы с любым другим народом, восстановление территориальной ситуации многовековой давности, повлек-

шее за собой вынужденный уход с земли, на которой прожили десятки поколений.

Можно понять и другую сторону – небеспочвенные опасения евреев, образовавших свое государство, признанное мировым сообществом, но в течение десятилетий отвергаемое арабским окружением, которое угрожало его уничтожить. Сложность урегулирования этого конфликта между двумя национализмами – хочет кто-либо это признать или не хочет – заключалась и в том, что в результате войн Израиль де-факто наращивал свою территорию за счет соседних арабских стран. Ситуацию осложняло и то, что обе сверхдержавы рассматривали ее через призму конфронтации, характерной для холодной войны. Это не означало подталкивания своих «клиентов» на Ближнем Востоке к агрессивным действиям друг против друга. Напротив, можно утверждать, что сверхдержавы – я не касаюсь в данном случае настроений определенных частей их руководства, не они, в конце концов, «делали погоду» – стремились к стабилизации ближневосточной обстановки – ее было бы невозможно достичь без урегулирования конфликта.

И СССР, и США хотели не допускать такого развития событий, при котором они могли бы быть втянутыми непосредственно в военное противоборство. Линия против обострения ситуации на Ближнем Востоке для США диктовалась и тем, что в Белом доме понимали: существует корреляция между перерастанием конфликта в кризисную стадию, как было, например, во время октябрьской войны 1973 года, и отдалением от США даже тех арабских государств, которые находились в сфере американского влияния. Среди них – страны Аравийского полуострова, то есть основные источники снабжения нефтью США и их союзников по холодной войне. Объективная заинтересованность в стабильности на Ближнем Востоке никогда не перерастала у США в отказ от поддержки Израиля, не говоря уже о противостоянии с ним, даже тогда,

когда агрессивная направленность его политики была более чем очевидной. США могли, и это случалось, пытаться отговорить израильское руководство, несколько раз даже в резком тоне, от шагов, способных нанести ущерб американским интересам. Но не более того.

Таким образом, возникли две, часто противоречащие друг другу, задачи американской политики: действия в пользу стабилизации на Ближнем Востоке и поддержка Израиля, которого было трудно заподозрить в желании урегулировать конфликт с арабами на основе резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН. Вашингтон сделал ставку на разрешение этого несомненного противоречия через частичные, иными словами, сепаратные шаги по урегулированию арабо-израильского конфликта. Естественно, такой застарелый и сложный конфликт, как ближневосточный, нельзя ликвидировать сразу, одним махом. Это понимали и в Москве. Однако суть разногласий заключалась в том, что США предлагали действовать – и самостоятельно добивались этого – через сепаратные частичные соглашения, а Советский Союз исходил, с учетом сложности урегулирования, из необходимости шагов промежуточных, ведущих к четко обозначенной и заранее обговоренной цели – общему урегулированию.

Советская логика была продиктована тем, что при чередовании сепаратных соглашений, по мере выбывания из процесса урегулирования одного арабского государства за другим, Израиль получает возможность продавливать необходимые ему решения, а отсутствие компромиссных, сбалансированных решений, охватывающих всех участников конфликта, не может служить установлению прочного мира на Ближнем Востоке. Был период, когда и в Вашингтоне склонялись к отходу от сепаратных договоренностей и переориентации на поэтапное общее урегулирование.

В то время, когда летом 1976 года команда Картера еще только добивалась его избрания на пост президента, мне довелось встретиться с одним из главных представителей этой команды – будущим помощником президента по вопросам национальной безопасности З. Бжезинским. А через пару недель мы вместе с С. Вэнсом, который тоже в то время работал на избрание Картера, а затем стал государственным секретарем в его администрации, принимали участие в советско-американском симпозиуме по линии двух национальных Ассоциаций содействия ООН. Сначала Бжезинский, а затем Вэнс, касаясь ближневосточной ситуации, говорили примерно одно и то же: Киссинджер со своей политикой частных решений, по-видимому, уже исчерпал себя; необходимо теперь вести дело к всеобщему политическому урегулированию; в процессе урегулирования на Ближнем Востоке должны участвовать и США, и СССР, координируя свои усилия. Широкий резонанс в Соединенных Штатах имела публикация Брукингского института в Вашингтоне⁸¹ по проблемам политического урегулирования на Ближнем Востоке. Среди авторов этого материала были и З. Бжезинский, и У. Квандт, занявший пост заведующего ближневосточным департаментом в Совете национальной безопасности, и другие – как раз те, кто непосредственно участвовал в выработке ближневосточной политики администрации Картера.

В публикации Брукингского института в виде главного вывода была подчеркнута необходимость всеобщего урегулирования, которое не может быть достигнуто без соглашения о создании «палестинского очага» на Западном берегу реки Иордан. Через два месяца после вступления в должность Картер заявил, что «у палестинцев должна существовать родина».

Одновременно был сделан ряд официальных заявлений о желательности возобновления работы Женевской конференции по ближневосточному урегулированию.

Создавалась почва для совместного советско-американского заявления по Ближнему Востоку, и оно было опубликовано 2 октября 1977 года. В заявлении прямо говорилось о необходимости всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы путем решения таких ключевых вопросов, как «вывод израильских войск с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 года, палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа, прекращение состояния войны и установление нормальных мирных отношений на основе взаимного признания принципов суверенитета, территориальной целостности и политической независимости».

То есть все то, что через 35 лет (!) нашло отражение в «дорожной карте». Казалось, что все налаживается: у СССР и США есть взаимное понимание, есть и люди, одинаково настроенные, которые призваны воплощать это взаимопонимание в жизнь.

Но неучтенными оказались возможности Израиля оказывать в решающие моменты влияние на американскую ближневосточную политику. Ознакомившись с совместным заявлением, израильское руководство активизировало свое лобби в США, особенно в конгрессе. Началась беспрецедентная атака на заявление, которое, по первоначальному признанию С. Вэнса, было выработано в интересах мира на Ближнем Востоке. Белый дом дрогнул.

4 октября, то есть на третий день после опубликования совместного заявления, министр иностранных дел Израиля Даян, находившийся в Нью-Йорке, где в то время проходила очередная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, был приглашен на встречу с президентом Картером. Встреча, которая по предварительному уведомлению израильской стороны должна была быть короткой, длилась целый день и закончилась капитуляцией США. Выработанный так называемый рабочий документ с Израилем фактически дезавуировал американскую подпись

под совместным советско-американским заявлением. С этого момента начался переход США уже не только по существу, что было много раньше, но и формально на позиции отказа от сотрудничества с СССР в деле урегулирования ближневосточного конфликта, вообще отказа от его всеобъемлющего урегулирования. Еще несколько месяцев после подписания рабочего документа с Израилем Соединенные Штаты время от времени упоминали о Женевской конференции, затем перестали. Сближение позиций США с преемником СССР Россией произошло вновь по вопросам урегулирования ближневосточного конфликта, но через много лет и выразилось в расширении посреднической миссии за счет включения в нее наряду с этими двумя государствами Европейского союза и Организации Объединенных Наций.

Создание «квартета» посредников было, очевидно, связано с пониманием в Вашингтоне того, что монополизация урегулирования Соединенными Штатами не имеет перспектив. В 2003 году была создана «дорожная карта»⁸², которая была принята администрацией Буша-младшего. Он назвал ее единственным путем к миру. Однако этот путь пройден не был...

Глава XI

КАК ДЕЛАЛСЯ ЕГИПЕТСКО-ИЗРАИЛЬСКИЙ ДОГОВОР

В середине 1977 года к власти в Израиле пришло правительство Менахема Бегина. Министром иностранных дел стал Моше Даян. Сайрус Вэнс уже после того, как ушел в отставку, при одной из наших встреч говорил, что это было неожиданным для «арабистов» (так на зывали в США тех представителей Государственного департамента и Совета национальной безопасности, которые ратовали за более сбалансированную американскую политику на Ближнем Востоке). Атертон, Сондерс, Квандт и некоторые другие делали ставку на то, что в мае 1977 года в Израиле победит Партия труда во главе с Пересом. Приход Бегина к власти вначале очень настороженно был воспринят и Садатом. Поэтому Вэнс в сопровождении группы, составленной из умеренных американских деятелей, через два месяца после выборов в Израиле совершил челночные поездки между Каиром и Тель-Авивом. Понимая трудности Садата, Вэнс был настроен на то, чтобы убедить его: египетско-израильская договоренность будет обязательно сопровождаться продвижением по другим направлениям урегулирования, не останется изолированной. Но Бегин уже занял прямо противоположную позицию. Позже в своих мемуарах Сайрус Вэнс напишет: «При премьер-министре Менахеме Бегине стало яснее ясного, что его коалиционное правительство блока Ликуд⁸³ намеревается предъявить пре-

тензию на свой суверенитет над Западным берегом и, возможно, Газой и не согласится на вывод войск с этих территорий»*.

I. Секретные поездки Даяна

С этих позиций и начал действовать Израиль, взяв в свои руки инициативу в «игре» с Садатом. Судя по всему, США решили этой инициативе не сопротивляться. Может быть, США предрасположила к такой линии имевшаяся у них информация о некоторых расхождениях во взглядах между Бегинном и Даяном, и они считали, что смогут смягчить позицию Бегина, который добивался массового продвижения израильских поселенцев на Западный берег и в Газу. Что касается Даяна, то он не был столь категоричным в этом вопросе, понимая, что политика безудержного заселения оккупированных земель – создание все новых и расширение уже созданных еврейских поселений может стать причиной осложнения отношений с Соединенными Штатами. Даян в основном разделял точку зрения своих коллег по Партии труда, которые делали ставку на достижение «территориального компромисса» за счет раздела Западного берега между Израилем и Иорданией. Однако он расходился с ними по поводу последовательности действий и, собственно говоря, принял предложение Бегина занять пост министра иностранных дел в его правительстве, так как они были единомышленниками в том, что нужно начинать с изоляции Египта, а это возможно лишь при заключении с ним сепаратного договора. Приоритет над всем остальным, отдаваемый заключению сепаратного договора

* Vance C. Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy. – N.Y., 1983. P. 160.

с Египтом, очевидно, был не в последнюю очередь связан с личными переживаниями Даяна по поводу октябрьской войны 1973 года: после доклада «комиссии Аграната»⁸⁴ он вместе с Меир был вынужден уйти в отставку. Бегин, приглашая Даяна в свое правительство, тоже исходил из того, что они придерживались одной линии в отношении необходимости подтянуть Садата к договору с Израилем. Бегин использовал политический вес Даяна в Израиле и для поднятия собственного престижа. Вместе с тем Даян слыл «покладистой фигурой» в США, а его участие в правительстве в роли министра иностранных дел можно было подать как стремление Бегина не загонять Садата в угол по вопросу о Западном берегу. Садат еще больше поверил в возможность заключения договора с Израилем при «мягкой» увязке с регулированием проблемы Западного берега, когда в Каир прибыл Вэнс с новой разработкой США. Соединенные Штаты предложили при сохранении израильских войск на Западном берегу осуществить переходные меры, во время которых эти территории будут под контролем ООН, а затем через ряд лет провести плебисцит с целью определить их будущее. Вэнс «удовлетворил» Садата. Прилетев после Каира в Израиль, Вэнс пересказал разговор с Садатом, что в целом удовлетворило и израильское руководство, во всяком случае, США открыли путь к израильско-египетским контактам. И для Бегина, и для Даяна на том этапе это было самым главным.

Сразу же после разговора с Вэнсом Даян совершил серию тайных поездок – в Дели, Тегеран, Лондон, а затем в Фес. Если в Дели Даян в основном говорил об установлении дипломатических отношений Израиля с Индией, то в Тегеране, наряду с обсуждением совместных экономических проектов, Даян получил заверения шаха, что тот поддержит израильскую позицию против создания палестинского государства. В Лондоне на Даяна вылился «холодный душ». Он питал надежду, что во время тайной встречи в английской столице с королем Хусейном

ему удастся склонить иорданского монарха хотя бы к пассивному участию в израильской «игре» с Садатом. Но король ответил, что мир невозможен без возвращения Израиля к границам, имевшим место до 5 июня 1967 года. При этом не удалось запугать Хусейна тем, что палестинское государство в случае его создания представит собой угрозу хашемитскому трону. Даян хотел через Хусейна передать послание Садату. Но король был осторожен и не взял на себя миссию «почтальона». Даян вернулся в Израиль явно разочарованный, что можно понять из его мемуаров. «Мне предстоял, – пишет он, – намного более плодотворный эксперимент через две недели – секретная встреча с другим арабским правителем, эксперимент, который усилил перспективы договоренности с соседней страной, более важной, чем Иордания»*. Даян имел в виду свой следующий вояж в Марокко. 4 сентября 1977 года М. Даян тайно вылетел в Париж, где пересел на самолет, направлявшийся в Фес, с целью заручиться марокканской помощью в организации прямой встречи и проведения мирных переговоров с египетскими представителями. 9 сентября, то есть через четыре дня после своего возвращения в Израиль, Даян получил извещение из Марокко, что египтяне согласны на контакт на высоком уровне. Встреча Даяна с заместителем премьер-министра Египта Хасаном Тухами была назначена на 16 сентября. За день до этого Даян вылетел в Брюссель, где провел беседу не только с собравшимися там израильскими послами в европейских столицах, но и с командующим войсками НАТО генералом А. Хейгом. Даяна связывали с Хейгом многие годы дружеских отношений: в 1966 году, во время месячного пребывания во Вьетнаме, он познакомился с командиром батальона А. Хейгом и даже участвовал с ним в «прочесывании джунглей», то

* *Dayan M. Breakthrough: A Personal Account of the Egypt-Israel Peace Negotiations.* – L., 1981. P. 37.

есть в карательной операции. Поездка Даяна в Брюссель была открытой. А дальше начался самый настоящий детективный сюжет. Команда, сопровождавшая министра иностранных дел Израиля, отправилась в аэропорт, чтобы сесть в самолет, вылетающий в Нью-Йорк, где начинала работать сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Машина же с Даяном проскочила в боковую улицу и остановилась у частного дома, который принадлежал израильской разведке. Здесь Даяну наложили грим на лицо, сняли его традиционную черную повязку с глаза (он потерял глаз во Второй мировой войне и постоянно носил эту повязку), при крепили фатоватые усы и надели большие очки с затемненными стеклами. После этого Даян, сменив машины, а затем в Париже и самолет, очутился в Рабате. Тухами уже ждал Даяна там. Докладывая Бегину о переговорах с Тухами*, Даян подчеркнул: египтянин аргументировал необходимость подключить к египетско-израильскому урегулированию решение палестинской проблемы тем, что в противном случае палестинцы «откроют путь для возобновления советского проникновения в наш район». На Даяна этот аргумент не подействовал. Самые главные впечатления, которые Даян вынес из разговора с Тухами, заключались в том, что Садат хочет секретной встречи с Бегиним, стремится дистанцироваться от Женевской конференции и хотел бы, чтобы русские не принимали никакого участия в урегулировании. В докладе Бегину Даян расценил ссылку на желательность присовокупить к египетско-израильской договоренности решение палестинской проблемы как не очень серьезную – он уловил из разговора с Тухами, что египетское руководство под таким решением имеет в виду не создание палестинского государства, а кое-какое согласование по палестинской проблеме для увязывания Западного берега с Иорданией. Но основное – это воз-

* См.: The New York Times Magazine. 1979. 21 January. P. 20, 21.

вращение под египетский суверенитет Синая. Накануне встречи Даяна с Тухами был установлен уже не через ЦРУ, а непосредственный контакт между Моссадом и египетской разведкой. Действуя через Моссад, Бегин стремился показать Садату, что он его оберегает от противников внутри Египта и арабского мира в целом. Руководитель Моссада Х. Хофи передал своему египетскому коллеге, что Ливия готовит покушение на Садата. Через несколько дней Садат провел массированный рейд в глубь ливийской территории, а Бегин заявил удивленным депутатам кнессета, которые не были посвящены в планы встречи с египетским президентом, что Израилю следует воздержаться от антиегипетских действий на Синае.

II. Садат: вариант «края света» – кнессет

Садат все ближе подходил к идее встречи с Бегинот. Он отклонил предложение своих советников о секретной встрече и, по-видимому, в этом был прав: в Египте, да и в Израиле, тайны, как правило, не держатся. А разоблачение закулисной дипломатии ему могло обойтись дорого в Египте, да и во всем арабском мире. Первым лицом вне Египта, узнавшим о намерении Садата посетить Иерусалим, был иранский шах, которого он проинформировал в Тегеране по пути из Европы домой. Шах горячо одобрил намерение Садата. Следующая остановка была в Саудовской Аравии, но Садат не посвятил короля Фахда в свои планы. Садат решил прозондировать возможную реакцию внутри страны, в Израиле, в мире в целом и с этой целью 9 ноября на открытии сессии Народного собрания Египта заявил, что для урегулирования ближневосточного кризиса «готов ехать хоть на край света, даже в

кнессет». Принимая эту фразу Садата за дань риторике, канцелярия премьер-министра Египта дала инструкцию каирской печати не акцентировать на ней внимания. Открыв утром следующего дня свежие газеты, Садат был взбешен тем, что его вариант «края света» – израильский кнессет – не попал в заголовки. К этому времени Садат уже играл ва-банк, и ему было нужно, чтобы до американцев и израильтян дошла весть о его намерениях в «чистом виде». Через десять дней после такого зондажа, 19 ноября, в 8.30 вечера самолет Садата приземлился в аэропорту Бен-Гурион. Красный ковер, Бегин у трапа, артиллерийский салют, национальные гимны, почетный караул – все с израильской стороны служило тому, чтобы подчеркнуть официальный характер визита Садата, прибывшего в Иерусалим по египетской версии, чтобы принять участие в молебне в мечете Аль-Акса. Есть основания считать, что Садат, обуреваемый тщеславием, сам хотел такой помпезной встречи, во всяком случае, он предварительно не оговорил нечто другое.

Но после столь торжественного приема на голову Садата вылили «ушат холодной воды». Разговор, подтверждающий отсутствие у Израиля намерений отступить от прежних позиций или просто смягчить их в связи с приездом Садата в Иерусалим, состоялся сразу же между ехавшими с аэродрома в одной машине М. Даяном и египетским государственным министром по иностранным делам Бутрусом Гали. Об этом разговоре Даян написал в своей книге «Прорыв», а Гали в принципе подтвердил его содержание в нашей беседе, когда он был уже Генеральным секретарем ООН. Обращаясь к Даяну, Бутрус Гали сделал упор на то, что Египет не может подписать сепаратный договор, – в Израиле ведь не питают иллюзий по поводу отношения других арабских государств к поездке Садата в Иерусалим, египетского президента, несомненно, обвинят, что он взрывает единый арабский фронт, который должен был сложиться на Женевской конференции. По словам Даяна, он ответил так:

«Я в курсе оппозиции Садату со стороны арабского мира. Но мне доподлинно известно, что нет возможности привести к столу наших переговоров палестинцев и Иорданию. Поэтому Египет должен быть готов подписать договор с нами, даже если к нему не присоединятся другие»*. Бутрус Гали передал свой разговор с Даяном Садату, так что тот с самого начала был в курсе пределов, которые поставила израильская сторона для договоренностей с ним. До сих пор нет достоверной информации о разговорах Садата в Иерусалиме. Возможно, тогда он еще не сдал окончательно своих позиций. Возвратившись в Каир, Садат заявил: «Я никогда не подпишу сепаратного договора». Одновременно он предложил созвать в Каире мирную конференцию с участием арабских государств, Израиля, США, СССР и представителей ООН. По-видимому, идея мирной конференции в таком формате должна была закрасить в общеарабский цвет его поездку в Иерусалим. Израиль и США согласились участвовать в конференции. ООН решила взять на себя роль наблюдателя, а Израиль – показать себя хозяином положения. В день открытия в Каире так называемой мирной конференции (несмотря на то что она не собрала многих своих главных участников) руководитель израильской делегации генеральный директор канцелярии премьер-министра Бен Элиссар, увидев на столе табличку «Палестина», – были выставлены обозначения всех делегаций, приглашенных на конференцию, – заявил, что не войдет в зал. Бен Элиссар не утомился и после того, как на столе конференции оставили лишь таблички с обозначением «Израиль», «Египет», «США» и «ООН». На этот раз ему не понравилось, что на флагштоках перед зданием отеля «Мена-Хауз», где созывалась конференция, развевался флаг Газы. Ему объяснили, что так принято отмечать пребывание в отеле жителей различных стран и

* *Dayan M. Breakthrough: A Personal Account of the Egypt-Israel Peace Negotiations. P. 77, 78.*

районов. Бен Элиссар все-таки настоял на своем, и флажки перед зданием «Мена-Хауза» остались оголенными. В таком составе конференция не могла привести к успеху, так и произошло. Затем последовала новая встреча Даяна с Тухами в Марокко, во время которой Садату был передан написанный от руки израильский проект мирного договора. После этого Бегин вылетел в Вашингтон, где Картер согласился с его планом. Затем в Египет прибыл сам Бегин, а Картер посетил Саудовскую Аравию и Иран, куда прилетел для встречи с ним король Иордании Хусейн. Президент США не преуспел в своем стремлении подкрепить Садата поддержкой со стороны умеренных арабских режимов. Тогда с этой же целью Картер сделал остановку в Асуане, где встретился с Садатом. Ничего не помогло. В глазах арабского мира Садат оставался политиком-одиночкой, взявшим курс на подписание мирного договора с Израилем в рамках чисто египетско-израильских отношений. Особенно ощутимый удар по его престижу нанесли предпринятые Израилем действия по расширению еврейских поселений на Синае – 23 новых поселения в районе выступа Рафах. «Это важно сделать, – заявил тогда А. Шарон, – до того, как начнут работать израильско-египетские комитеты». Одновременно три новых поселения создавались на Западном берегу.

III. Палестинцы за бортом

Вэнс и его команда критически отнеслись к этим действиям Израиля, которые наносили «ущерб инициативе Садата»*. Но в этот момент инициативу у Вэнса, окру-

* Vance C. Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy. – N.Y., 1983. P. 203.

женного так называемыми американскими «арабистами», перехватил выдвинувшийся на передний план Бжезинский. После своего возвращения из поездки по Ближнему Востоку Картер встретился с ним 20 января 1978 года, и советник по национальной безопасности настоял на непосредственном участии президента США в израильско-египетских переговорах. Бжезинский предложил организовать встречу Картера, Бегина и Садата в Кэмп-Дэвиде, для чего, по его мнению, следовало не уговаривать, а «додавить» стороны, а Садату дать «фиговый листок» – приложить к сепаратному договору документ «Рамки мира на Ближнем Востоке». «Фиговый листок» – это формулировка самого Бжезинского, который с самого начала понимал, что такой документ призван создать иллюзию выхода договоренности Египта с Израилем за сепаратные рамки – не более*.

Вся весна и все лето 1978 года прошли в двусторонних и трехсторонних переговорах, главным образом с целью создать формулу урегулирования по Западному берегу и Газе, которая, удовлетворив Израиль, не очень бы коробила Садата.

Внимательный анализ мемуаров Картера, Вэнса, Бжезинского, Даяна, Вейцмана показывает, что США практически лишь по одному пункту хотели ограничить Израиль – по созданию новых еврейских поселений на оккупированных территориях. Но в условиях, когда США, не связывая с попыткой такого ограничения, решили поставить Израилю 75 самолетов F-16 и F-15 (правда, при одновременной поставке Египту 50 самолетов F-5, несопоставимых с теми, которые предназначались Израилю), Израиль посчитал, что руки у него развязаны даже в вопросе поселений. В результате, пишет в своих воспоминаниях Вэнс, «...несмотря на состоявшуюся договорен-

* *Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981. – L., 1983. P. 235, 236.*

ность, так и не имел место обмен письмами между Картером и Бегинем о моратории на создание израильских поселений на Западном берегу и в Газе». Израильский посол в США Диниц информировал заместителя государственного секретаря Сондерса, что произошла задержка, так как Бегин редактирует письмо. Эта редакция свелась к согласию на мораторий по поселениям лишь на время египетско-израильских переговоров о договоре, то есть на срок в три месяца. Вэнс не скрывает своего возмущения «полным переименованием» Бегинем предварительной договоренности. «Однако, – заключает Вэнс, – такова была позиция Бегина, и он отказался отступить от нее»*. Итак, израильская «уступчивость» – согласие на вывод своих войск с Синая – была тесно связана с «гибкостью», проявленной Садатом по вопросу о Западном берегу и Газе, из которых, теперь уже при молчаливом согласии египетского президента, поставившего свою подпись под «Рамками мира на Ближнем Востоке», Израиль не выводил свои войска. 17 сентября Садат, Бегин и Картер подписали оба документа на пышной церемонии в Восточной комнате Белого дома. За два дня до этого ушли в отставку министр иностранных дел Египта Мухаммед Ибрагим Камель и главный юридический советник Набиль аль-Араби, входившие в состав египетской делегации в Кэмп-Дэвиде. Камель заявил, что он не хочет участвовать в сделке за счет палестинцев. Садат принял их отставку. По словам бывшего израильского министра обороны Вейцмана, «...как только договор (с Египтом. – *Е.П.*) был подписан, Бегин отказался от продвижения мирного процесса». Вейцман подчеркивает при этом, что Бегин и его сторонники представляли себе кэмп-дэвидское соглашение как «способ увековечивания в какой-то форме израильского правления на За-

* Vance C. Hard Choices: Critical Years in America's Foreign Policy. P. 228.

падном берегу реки Иордан»*. Из описания всех этих событий видно, кто выиграл «игру», начатую Садатом. Урегулирование палестинского вопроса оказалось отложенным на десятилетия. Более того, после подписания кэмп-дэвидского договора над ООП нависла реальная опасность потерять свое влияние в секторе Газы. Во время встречи в Дамаске 9 сентября 1979 года Абу Мазен** сказал, что «наиболее опасной для ООП является угроза египетско-израильского сепаратного решения об управлении Газой». «Уже сейчас, – подчеркнул он, – в Египте около 60 тысяч рабочих и служащих из Газы, 10–12 тысяч учатся в египетских учебных заведениях, еще порядка 10 тысяч получают, находясь в Газе, зарплату из египетских источников. Позиции ООП в секторе держатся лишь на мзре, который настроен против присоединения Газы к Египту или египетского управления сектором». Еще яснее на этот счет высказался бывший премьер-министр Иордании Зейд Рифаи. Во время нашей встречи в его доме в Аммане 30 марта 1981 года он спросил: «Хочешь, я спрогнозирую развитие событий?». И дальше я услышал: «Решив свои территориальные проблемы, Садат повернется в сторону арабов, воскликнув: “Я теперь могу сконцентрироваться на других проблемах. Теперь давайте раздельно решим проблему Газы или, например, Голанских высот”. И арабы, которые часто все забывают, откажутся от политики изоляции Египта». Этого не произошло. 6 октября 1981 года Садат был убит. Хотел бы, чтобы у читателей сложилось правильное представление о моей позиции. Само подписание египетско-израиль-

* Weizman T. The Battle for Peace. – Toronto, 1981. P. 190.

** С Махмудом Аббасом (Абу Мазеном), ставшим после смерти Я. Арафата президентом Палестинской национальной администрации, меня связывают десятилетия дружеских отношений. Он был аспирантом и защитил кандидатскую диссертацию в Институте востоковедения Академии наук СССР в то время, когда я был директором этого института.

ского мирного договора могло бы стать по большому счету шагом вперед. Но то, что Садат спасовал, сдал позиции, которые могли привести к непрерывности процесса урегулирования, – этот факт трудно опровергнуть. Чисто египетский национализм Садата, его податливость на уговоры Вашингтона фактически привели к тому, что были резко ослаблены переговорные позиции и палестинцев, и сирийцев. Иордания смогла не попасть в этот список, так как между ней и Израилем не было проблемы спорных территорий. Ее договор с Израилем не изменил уже существовавших к тому времени границ арабского королевства.

Глава XII

ЛИВАН В ЭПИЦЕНТРЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

В середине 70-х годов привлекли к себе особое внимание события в Ливане. Именно здесь сконцентрировались в наиболее острой и открытой форме палестино-ливанские, сирийско-ливанские, палестино-израильские, ливано-израильские и зависимые от всего этого внутренние ливано-ливанские отношения. Я находился в Ливане и Сирии в апреле 1976 года, в июле – августе 1978 года, в августе – сентябре 1979 года, в марте 1981 года, в мае 1983 года. Все это время я работал в системе Академии наук СССР – в ИМЭМО и Институте востоковедения. Командировки, осуществляемые по научной линии, использовались для выполнения ряда поручений ЦК партии, о которых расскажу, так как они органично вплетались в развитие обстановки в регионе. Но начну с тех причин, которые создали возникший затяжной кризис в этой арабской стране. Без описания перипетий этого кризиса была бы, как мне представляется, неполной картина ближневосточной истории XX, да и начала XXI века.

I. Многослойная страна

Причина первая. После «черного сентября» 1970 года, закончившегося тем, что палестинские организации, Палестинское движение сопротивления (ПДС)⁸⁵ в целом

вынуждены были покинуть Иорданию, основные силы палестинцев перебазировались в Ливан. Если учесть, что здесь еще со времен первой арабо-израильской войны существовали лагеря палестинских беженцев, которые значительно пополнились беженцами второй волны после войны 1967 года, то в Ливане образовалась «критическая масса» палестинцев – 600 тысяч на небольшую по численности населения страну. При этом многие палестинские организации – не только ФАТХ, но и «Сайка»⁸⁶, НФОП, ДФОП⁸⁷ и другие – имели свои вооруженные формирования. Причина вторая. Ливан представляет собой многоконфессиональное государство. Его население составляют христиане-марониты*, католики, православные и мусульмане – шииты, сунниты, друзы**. Государ-

* Принадлежат к Униатской восточно-католической церкви. Марониты, считающие себя финикийцами, переселившимися в результате гонений на них в горные районы Ливана, вначале выделились как последователи монофелитской доктрины одной воли во Христе. Община стала называться маронитской по названию монастыря Дейр Маруна (в долине реки Оронт, недалеко от города Хама), который стал их религиозным центром (монастырь носил имя сирийского святого Маруна, жившего в конце IV – начале V века). В VII веке Маронитская церковь откололась от Антиохийского патриархата после того, как монофелитское учение было осуждено как ересь Шестым Вселенским Собором, и марониты начали выбирать своего собственного патриарха. С приходом в XII веке на Ближний Восток крестоносцев часть маронитских предводителей со своими людьми поступила на службу к франкским вассалам крестоносцев. Несмотря на изначальное неприятие приходскими священниками и населением, верхушка маронитской общины согласилась войти в унию с Римом, отказавшись от монофелитской доктрины. Объединение с Римом и «латинизация» маронитов происходила в условиях сохранения Маронитской церковью собственной традиционной структуры и порядков.

** Друзы – арабы, приверженцы мусульманской религиозной секты. Они совмещают принцип единобожия с утверждением, что Бог раскрывает себя в последовательных инкарнациях. Название «друзы» происходит от имени мусульманского проповедника Мухаммеда Ибн Исмаила ад-Дарази, жившего в начале XI века. Верования друзов впитали элементы христианских и азиатских религий. Так, по мнению друзов, некоторые души переходят в момент смерти из одного тела в другое. Почитая Коран и Новый Завет, друзы имеют и собст-

ственное устройство Ливана закрепило на постоянной основе за маронитами высшие должности – президента, главнокомандующего вооруженными силами, председателя центрального банка, – что вызвало недовольство мусульманской части населения, которая по своей численности в настоящее время превалирует. Причина третья. Противоречия, главным образом между маронитами и шиитами, усилились в результате того, что ливанская «мусульманская улица» поддерживала Организацию освобождения Палестины, а христианская часть населения, особенно марониты, опасались, что постоянное нахождение палестинцев в Ливане полностью развалит профессиональный характер государства, во главе которого окажутся мусульмане. Не все обстояло благополучно и в двух лагерях – христианском и мусульманском, где соотношения сил постоянно менялись, а противоречия между отдельными группировками подчас приводили к убийствам и вооруженным столкновениям. Характерная особенность ливанской ситуации заключалась и в том, что большинство ливанских партий, за исключением очень немногих, среди которых была Ливанская коммунистическая партия (ЛКП)⁸⁸, строились на клановой основе. Ведущие партии Ливана имели свои вооруженные формирования. Причина четвертая. К середине 70-х годов стокилометровая граница Ливана с Израилем стала самой беспокойной: палестинцы проникали через нее и вместе с тем обстреливали через границу израильские населенные пункты в Северной Галилее. Проникновение

венные священные книги. Исторически проявлялись независимость и бесстрашие друзов, что, например, сделало их серьезными противниками крестоносцев. В целом это доброжелательные, приветливые люди, легко идущие на контакт с теми, кто придерживается других религиозных взглядов. Проживают друзы (их полмиллиона человек) в большинстве своем в горном Ливане (район Джебель-Друз), Сирии и в небольшом числе в Израиле, где их допускают к службе в армии и полиции.

происходило из Ливана и морем. Израиль проводил жесткие репрессии и с этой целью совершал вылазки на ливанскую территорию. Становилось все яснее, что в Израиле усиливаются настроения в пользу «большой войны» с целью ликвидации Палестинского движения сопротивления на территории Ливана. Причина пятая. Особое значение имели и сирийско-ливанские отношения. Здесь я позволю себе несколько углубиться в историю, без чего, как представляется, нельзя эти отношения понять. Во время Османской империи Ливан в качестве автономного образования (горный Ливан населен преимущественно христианами-маронитами) входил в состав Сирии.

После победы стран Антанты в Первой мировой войне нынешние территории Сирии и Ливана перешли через ряд этапов под управление Франции: завоевание французами уже после окончания мировой войны Дамаска (внутренние районы Сирии находились тогда под властью эмира Фейсала, сына шерифа Мекки Хусейна аль-Хашими, объявившего себя королем Хиджаза); создание верховным комиссаром Франции в Бейруте Великого Ливана в составе помимо Бейрута прибрежных городов Триполи, Тира и долины Бекаа; выдача Лигой Наций мандата Франции на управление и Сирией, и Ливаном. Лишь с 1941 года Сирия, а затем с 1943 года Ливан становятся суверенными государствами – сначала формально, а затем, после вывода французских войск, все более реально. Несомненная близость двух стран вперемешку с острыми противоречиями – так развивалась история сирийско-ливанских отношений. Что касается других арабских стран – в первую очередь Ирака, Саудовской Аравии и Египта, – то они просматривали события в Ливане в то время с позиций, связанных с их стремлением ослабить Сирию. Представляется, что Советский Союз и Соединенные Штаты были заинтересованы в стабильной обстановке в Ливане. Однако при этом симпатии и цели

у той и у другой сверхдержавы и здесь были различные. СССР не хотел ослабления палестинского движения – США добивались именно этого. СССР не хотел ослабления позиций к середине 70-х годов основного своего партнера на Ближнем Востоке – Сирии, а США стремились приручить Сирию. Таков был общий фон начавшихся столкновений в Ливане.

В апреле 1975 года были убиты телохранители Пьера Жмайеля – лидера партии «Катаиб»⁸⁹. В ответ фалангисты расстреляли автобус с палестинцами. Это положило начало гражданской войне. Правохристианские силы состояли из партии «Катаиб» с ее военизированным формированием «Ливанские фаланги», милицейских формирований клана Франжье и отрядов «тигры», созданных Национально-либеральной партией Шамуна⁹⁰. Подкрепленные небольшими по численности правохристианскими вооруженными группами других партий, они объединились в Ливанский фронт. Мусульманские и левые силы были представлены друзскими отрядами Прогрессивно-социалистической партии Джумבלата⁹¹, отрядами шиитской Партии обездоленных (в 1978 году переименовавшейся в партию «Амаль»⁹²), боевиками Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), военным образованием Коммунистической партии Ливана. Их поддерживали насеристы из Триполи и Сидона и суннитская организация «Мурабитун»⁹³. Все они вошли в блок Национально-патриотических сил (НПС)⁹⁴, фактически возглавляемый лидером друзов Камалем Джумблатом.

На стороне мусульманских и левых сил, как правило, выступали отряды Палестинского движения сопротивления – вопреки каирскому соглашению 1969 года между ливанским правительством и ООП, которое содержало положение о невмешательстве палестинцев во внутренние дела Ливана. Бои шли с переменным успехом. Не намерен излагать все перипетии гражданской войны.

Остановлюсь лишь на тех эпизодах, которые показывают подходы Советского Союза к этой войне с ее постоянными изменениями в соотношении сил внутри ливанских участников и неоднозначной политикой Сирии. Шамун, расположившись за Бейрутом, в начале войны играл основную роль в христианском лагере. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, он решил разгромить ООП и убрать с политической сцены Арафата и его окружение. Для предотвращения этого со стороны СССР были предприняты посреднические усилия, включавшие выход на Арафата и на Дамаск. Но необходима была встреча и с Шамуном, что было затруднено из-за вспыхнувших ожесточенных боев на улицах, ведущих за город. Нашим дипломатам высокого ранга не было разрешено «показывать свой флаг». В таких условиях в декабре 1975 года встреча с Шамуном была поручена мне, в ту пору заместителю директора ИМЭМО. Выполняя поручение, передал Шамуну, что СССР не намерен разжигать страсти в Ливане, поддерживая одну из сторон в конфликте; мы выступаем за прекращение кровопролития. Это был, пожалуй, первый сигнал, доведенный с нашей стороны непосредственно до лидера христиан. На тот период времени им был Шамун.

Не обошлось без приключений. Ехали с машиной сопровождения, за рулем которой сидел сотрудник разведки В.П. Зайцев, впоследствии генерал, работавший на самых высоких постах службы и в Афганистане, и в Югославии. Нам повезло. Было затишье, не стреляли, и мы легко проехали «линию фронта». Но во время беседы Шамуну позвонили. Он изменился в лице, услышав, что вооруженные столкновения вспыхнули с особой силой: фалангисты, мстя за гибель в горах нескольких своих сторонников, расстреляли в бейрутском порту десятки мусульман. Этот день был назван «кровавой субботой». На обратном пути в посольство машина сопровождения

попала под обстрел. В машине находились двое, один из которых, Роберт Мартиросян, был тяжело ранен. Зайцеву повезло – пуля, попав в заднее колесо, процарапала по касательной его спину.

II. За вводом сирийских войск стояли США

Сирийцы выступили вначале с миссией примирения, но она не сработала, так как НПС, предполагая, что могут добиться большего силой, выдвинули требования, выходящие за границы компромисса, предложенного Сирией. В таких условиях в апреле 1976 года в Ливан вступили подразделения сирийских войск, а 1 июня началось широкомасштабное вторжение и продвижение сирийских войск по территории Ливана. Сирийские войска на том этапе оказали поддержку правым христианам. Момент действительно был критический. Как мне сказал Камаль Джумблат 17 апреля 1976 года, «...если б Сирия была хотя бы нейтральной, мы в течение трех месяцев были бы у власти». В 2005 году, после убийства бывшего ливанского премьер-министра Рафика Харири, Дамаск был вынужден, под давлением в первую очередь США, вывести свои войска из Ливана. Именно в настоящее время особенно важно точно представлять себе, как сирийские войска вошли в Ливан. Просьба о вводе войск поступила от президента Ливана. Зывали к вводу сирийских войск и христианские партии, оказавшиеся в весьма тяжелом положении. Не против ввода сирийских войск, во всяком случае не говорили об этом, был также ряд руководителей НПС.

А как к этому отнеслись СССР и США? Советский Союз не был проинформирован заранее о намерении си-

рийцев. Находящемуся в Сирии А.Н. Косыгину не сказали об этом ни Асад, ни его приближенные. Косыгин был в поездке по Сирии, когда заместитель заведующего отделом Ближнего Востока МИД СССР О.А. Гриневский примчался из Дамаска и передал ему эту новость. Интересна реакция Косыгина. «Вся эта история с вводом войск ставит и Советский Союз, и меня лично в дурацкое положение, – сказал Косыгин. – Что бы я ни сделал – будет плохо или очень плохо. Если сказать публично всю правду – что наши союзники сирийцы с нами не советовались, – то, во-первых, никто не поверит, а во-вторых, спросят: кто же ведущая сила в этом союзе – Советский Союз или Сирия? Получается так, что хвост крутит собакой. Это очень плохо.

Еще хуже будет, если я выступлю с осуждением. Это подольет масла в огонь гражданской войны в Ливане и, может быть, даже подтолкнет Израиль и американцев ввести туда собственные войска. Но никак нельзя выступать и в поддержку сирийского вторжения. Это побудит горячие головы к расширению конфликта и вовлечению в него Израиля. Что нам тогда – вмешиваться в их конфликт? Остается одно – поступить просто плохо и промолчать. Хотя все решат, что эта акция совершена с нашего молчаливого одобрения – недаром же в эти дни я находился в Сирии»*.

Посол СССР в Дамаске Н.А. Мухитдинов пытался приглушить его возмущение тем, что, дескать, «сирийцы понимали: Москва не поддержит этот шаг и это может испортить атмосферу важнейших переговоров товарищей Асада и Косыгина, к которому сирийское руководство относится с великим уважением». А тот факт, что ввод сирийских войск в Ливан произошел практически во время пребывания в Дамаске председателя Совета Министров СССР, «как раз демонстрирует стремление Сирии

* Гриневский О. Тайны советской дипломатии. – М.: Вагриус, 2000. С. 139, 140.

показать всем, что ее отношения с СССР безупречны». Такое объяснение явно не удовлетворило Косыгина, которому претило, когда СССР играл роль «ведомого» своих ближневосточных партнеров, часто уверенных в том, что в силу обстоятельств Москва в конце концов согласится с не обговоренными с нею действиями. Так было и на этот раз. Советский Союз постфактум поддержал ввод сирийских войск в Ливан, надеясь, что это будет способствовать стабилизации положения в этой стране. А Соединенные Штаты, как выяснилось, были у истоков сирийского решения о посылке в Ливан вооруженных сил. Хафез Асад во время одной из своих встреч с палестинскими руководителями сказал, по словам Наифа Хаватмы, что он еще 16 октября 1975 года обговаривал эту идею с американским послом в Дамаске и США тогда впервые уведомили его о поддержке ввода сирийских войск в Ливан. Американский посол, как рассказал палестинцам Асад, просил лишь не вводить регулярные части. О роли США говорил мне и член Исполкома ООП Ясир Абдрабо: «...сирийцы просили короля Хусейна убедить американцев, чтобы они поддержали или, во всяком случае, не мешали Сирии ввести свои войска». По мнению Абдрабо, на момент ввода войск в Ливан Дамаск хотел «...получить в свои руки серьезный козырь для резкого увеличения своей роли и для этого установить контроль над Ливаном и Палестинским движением сопротивления».

Позже, уже после ввода сирийской армии, по словам К. Джумבלата, американский представитель Браун, предлагая ему выступить посредником между ливанскими левыми и сирийцами, подчеркнул, что «общая линия у Дамаска с Вашингтоном согласована». Однако уже в это время начали проявляться разногласия между США и Сирией. Американцы, посчитав, что чисто сирийское военное вмешательство будет не таким эффективным по многим причинам, уходящим корнями в ливано-сирий-

ские отношения, предложили осуществить военную акцию как общеарабскую, имея в виду, что 80 процентов общеарабских сил все-таки составят сирийцы. Американское предложение поддержали Египет, Саудовская Аравия и Ирак, видя в нем путь к ослаблению сирийских позиций в Ливане. Что касается К. Джумבלата, то он не согласился с идеей общеарабских сил, настаивая на использовании смешанных отрядов – ливанских и палестинских, – чтобы не допустить хаоса в стране. Беседы с Н. Хаватмой, Я. Абдрабо и К. Джумблатом состоялись в Бейруте в апреле 1976 года. Каждый из них настойчиво призывал усилить роль Советского Союза в разрешении внутриванского кризиса, в который во все большей степени втягивались внешние силы. Но как на активизацию роли СССР посмотрят христиане-марониты? Насколько далеко зашла их вражда с палестинскими организациями? Насколько они сблизилась, с одной стороны, с Сирией, а с другой – с Израилем? Эти и другие вопросы оставались открытыми.

И именно в таких условиях родилась идея встречи с Пьером Жмайелем – руководителем маронитской партии «Катаиб». С действующим президентом Франжье в тех условиях встреча была бы менее значимой. Мусульманский лагерь и НПС требовали его отставки. Он хотя и отказывался выполнить эти требования, но в мае уже должны были состояться выборы, и все, кто внимательно следил за развитием обстановки в Ливане, понимали: Франжье не останется в президентском кресле. К тому же конституционный срок его президентских полномочий истекал в сентябре. Естественно, большой интерес для выяснения позиций христианской стороны по всем названным выше вопросам, что было бесполезно для определения линии СССР в столь сложной ливанской обстановке, вызывала встреча с реальным предводителем маронитов Пьером Жмайелем.

III. Полковник ливанской армии: «Вертолет поведу я сам»

Перед встречей я внимательно по всем доступным мне документам, публикациям ознакомился с жизненным путем Пьера Жмайеля. В молодости он был спортсменом и даже принимал участие в Олимпиаде 1936 года, проходившей в Берлине. Там он интересовался не только спортом. Большой интерес у него вызвали организационные формы и методы фашизма. В том же 1936 году впервые были созданы «Ливанские фаланги»⁹⁵. Они стали частью ливанской партии «Катаиб», представлявшей собой не только политическое движение, но и полувоенное молодежное образование маронитов. «Фаланги» тесно сотрудничали с французами, но это не помешало им призывать к независимости Ливана, что привело к их запрету. Но после обретения независимости Ливана «фаланги» вновь были легализованы и уже в новых условиях проложили тесные связи с Францией. «Катаиб» добивалась немалых успехов на парламентских выборах, в результате чего П. Жмайель неоднократно занимал министерские посты в правительстве. К моменту начала гражданской войны «фаланги» стали основой Ливанского фронта, объединившего вооруженные ополчения ливанских христианских партий.

Пьер Жмайель настаивал на сохранении конфессиональной системы в Ливане в том виде, в котором она возникла, когда христиане были в большинстве, на отказе от арабского характера Ливана – «мы не арабы, а финикийцы», – на тесном сотрудничестве с западными странами. Он категорически не принимал палестинское присутствие в Ливане. Все это было свойственно Пьеру Жмайелю, как говорится, в стратегическом плане. А есть

ли какие-то тактические подвижки, которые могут быть использованы для стабилизации обстановки в стране? Пьер Жмайель находился в штаб-квартире ливанских фалангистов в Ашрафии (Восточный Бейрут), за линией разграничения сил, простреливаемой с двух сторон, и добраться туда по бейрутским улицам было попросту невозможно.

Руководители ДФОП, с которыми я посоветовался, предложили доставить нас вместе с молодым сотрудником посольства Владимиром Гукаевым – тогда переводчиком, потом он вырос в отличного дипломата (Жмайель говорил по-французски, а я, к сожалению, французского не знал) – на базу ливанской армии в Западном Бейруте, откуда вертолетом мы могли бы перелететь за восточную черту города. В назначенный час 17 апреля за нами в посольство никто не приехал, и мы решили отправиться на базу сами. Нас очень дружелюбно препроводили к командиру базы – полковнику ливанской армии. Он не был предварительно информирован о цели нашего визита, но как только узнал, что состоялась договоренность о встрече со Жмайелем, сказал: «Я сам поведу вертолет, – и добавил: – Я – маронит и очень хочу, чтобы Советский Союз имел контакты не только с мусульманами».

Небольшая деталь: к нам присоединился прибывший из Рима кардинал, который тоже летел к Жмайелю, и его служба, перебирая четки, громко вздыхал, когда из иллюминатора вертолета были видны вспышки от выстрелов с земли. На месте посадки мы с кардиналом и его служкой расстались, нас ждали машины, со мной рядом сел член политбюро партии «Катаиб» Карим Пакрадуни. Мы промчались по пустынным улицам. Навстречу попадались только патрули фалангистской милиции. Стены домов были обклеены листками с фотографиями убитых или пропавших людей. А теперь из моих записей много-часового разговора: «Мы не хотим быть врагами СССР, –

сказал Жмайель, – но Ливан должен быть в дружеских отношениях в первую очередь с Соединенными Штатами, хотя бы потому, что там проживает два миллиона ливанцев».

Из этой части беседы я сделал (и записал) следующий вывод: фалангисты не хотели бы вступать в конфронтацию с нами, но совершенно определенно ориентируют свою политику на близость с Соединенными Штатами. Здесь у нас, пожалуй, отсутствуют маневренные возможности. Не менее разочаровывающе вначале выглядела позиция Жмайеля и в отношении палестинцев. «Мы не можем ради партизанской борьбы палестинцев за их права жертвовать своим суверенитетом», – казалось бы, это заявление Жмайеля было естественным, но он добавил: «Да и после урегулирования в Ливане “Катаиб” останется силой, выступающей против палестинского присутствия в стране. Фалангисты не хотят возвращения того положения, когда в Ливане было одно ливанское и пять палестинских правительств, одна ливанская и пять палестинских армий».

Все-таки в подходе лидера фалангистов к палестинской проблеме в Ливане можно было нащупать некоторые резервы. «Мы с Арафатом неоднократно подписывали соглашения, и хотя ни одно из них пока не соблюдалось, – сказал Жмайель, – он нам ближе, чем другие палестинские деятели, и думаю, что мы нашли бы с ним общий язык». Отвечая на мои вопросы, Жмайель расширил тему «возможности договориться с Арафатом». По его словам, позиция «Катаиб» в отношении палестинского движения за последнее время изменилась: «Если раньше фалангисты не поддерживали каирское соглашение 1969 года, регламентирующее пребывание палестинских вооруженных отрядов в Ливане, то теперь они готовы его поддержать, но только, если договоренности будут выполнять и палестинцы». При этом Пакра-

дуни заметил, что Арафат инициативно предложил свое посредничество по организации встречи Пьера Жмайеля с Камалем Джумблатом и с этой целью установил контакт с ним, Пакрадуни. Руководитель «Катаиб» подчеркнуто выразил свое полное одобрение «миссии Сирии» в Ливане. Он сказал, что поначалу фалангисты боялись сирийского вмешательства. Однако «Сирия протянула нам руку».

В ходе состоявшейся в начале декабря 1975 года в Дамаске четырехчасовой беседы с президентом Хафезом Асадом Жмайель понял, что «сирийский лидер честный человек. До этого все нам советовали, что нужно делать, а единственная сила, которая нам помогла, – это Сирия». В этой связи я особо обратил внимание на слова Жмайеля и отметил их в своих записях о его готовности «распустить свою милицию, если будет сила, способная нас защитить». Пакрадуни, который вел себя достаточно свободно и уверенно, включился в беседу, сказав, что «у фалангистов существует постоянный контакт с Дамаском, позволяющий согласовывать свои позиции с сирийцами». Во время нашего возвращения по дороге к ожидавшему нас вертолету Пакрадуни в автомашине доверительно рассказал о достигнутом соглашении между Сирией и «Катаиб», согласно которому новый ливанский президент, который будет избран в ближайшее время, обратится к сирийцам с предложением подписать совместный договор о безопасности. Это создаст требуемую легальную основу для сирийского военного присутствия в Ливане. По словам Пакрадуни, руководство фалангистов не хотело бы, чтобы это сделал Франжье, так как он – уже уходящая с политической сцены фигура и договор может оказаться скомпрометированным его именем.

Главный вывод из посещения штаб-квартиры Жмайеля заключался в том, что существует перспектива, хотя и не бесспорная, урегулирования в Ливане. Стало ясно, что

лидер фалангистов тесно контактирует с Сирией и, возможно, с помощью Дамаска ищет сближения с Арафатом. Это было то, что, несомненно, могло помочь покончить с гражданской войной в Ливане. Тем более что беседа со Жмайелем завершилась его словами: «Самую большую службу, которую СССР может оказать этой несчастной стране, – помочь погасить пожар. А затем мы будем открыты для любых дискуссий».

IV. Надежды не сбываются

На следующий день, 18 апреля, я встретился с Камалем Джумблатом. Это была не первая моя с ним встреча. Джумблат – руководитель друзской общины в Ливане, основатель и лидер Прогрессивно-социалистической партии Ливана – был хорошо известен в Советском Союзе. В 1972 году ему была присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Джумблат был далек по своим взглядам от коммунистической идеологии, но хорошо относился к Советскому Союзу. Хотя пришел к этому далеко не сразу. Перу Камалю Джумблату принадлежали работы, в которых он не только критиковал марксизм, но и советскую тоталитарную систему, «разделившую народ на классы». Как вождь друзов, он отвергал материализм, верил – именно верил, а не притворялся – в примат духовный. Он говорил мне о величии индуистской философии, с которой во многом совпадает учение друзов. Он был широкообразованным человеком, учился в высших учебных заведениях Ливана, Англии, Франции. Джумблат даже обликом своим резко отличался от других лидеров различных

сил, вовлеченных в гражданскую войну в Ливане, – высокий, сухопарый, с одухотворенным лицом мыслителя, в сугубо гражданской одежде, без всякого оружия. А к негромкому, глуховатому голосу этого человека прислушались сотни тысяч ливанских друзов, готовых выполнить любой его приказ. В середине 70-х годов Камаль Джумблат стал признанным руководителем блока мусульманских и левых партий – «Национально-патриотические силы Ливана». От позиции Джумבלата во многом зависела судьба страны.

Из разговора с Джумблатом я понял, насколько он был недоволен политикой Сирии. Джумблат как бы размышлял вслух: «Мы не испытываем к Сирии никакого доверия. Наш народ настроен против сирийцев. Рассержены действиями сирийцев в Ливане также Ирак и Саудовская Аравия. Американцы сменили свою позицию и начали оказывать давление на Дамаск и ливанского президента Франжье. Франция тоже против сирийских действий. Сирийцы оказались не готовы договариваться с нами (он имел в виду блок “Национально-патриотические силы”. – *Е.П.*) о том, кто будет ливанским президентом».

Этот разговор с Камалем Джумблатом состоялся в то время, когда сирийские войска, находясь в Ливане, занимали все еще ограниченную территорию. Из сказанного им было ясно, что Джумблат категорически настроен против того сценария, о котором я услышал от Пакрадуни: новый президент Ливана обратится к Сирии с просьбой задействования ее войск для наведения порядка в стране, а после того, как Сирия откликнется положительно, она примет участие, опираясь на свое военное присутствие, в создании структур власти Ливана. Джумблат знал о такой договоренности – в Ливане очень трудно сохранить секреты. Вместе с тем, упомянув о своей недавней встрече с советским послом в Ливане Солда-

товым, «которая во многом изменила мои взгляды», Джумблат со свойственной ему непосредственностью сказал: «Вы знаете, до недавнего времени я считал, что действия сирийцев, согласованные с американцами, однозначно поддерживаются Советским Союзом. Сейчас я начинаю сомневаться в этом. И наряду с этими сомнениями растет мой интерес к тому, как СССР мог бы помочь нормализовать мои отношения с Сирией».

Из разговоров с палестинцами можно было понять, что в сирийском руководстве не все однозначно настроены в отношении Ливана. По мнению Хаватмы, который с другими членами политбюро ДФОП встречался с президентом Сирии, Х. Асад «не очень настаивает на расширении сирийского военного присутствия в Ливане. В то же время министр обороны Шехаби придерживается другой точки зрения». Когда отработывалось коммюнике об этой встрече, Хаватма, с его слов, настаивал на включении в текст резкой критики роли США. Асад спросил: «Вы что, хотите втянуть Сирию в столкновение с американцами?». Хаватма, по его словам, ответил: «Мы хотим, чтобы перед каждым из нас была закрыта дорога в американскую ловушку».

В это время, как говорил мне Хаватма, наметились противоречия между сирийцами и Арафатом, который настаивал на «арабизации» конфликта. «Это связано с его контактами с Египтом, Ираком, Саудовской Аравией по ливанским делам, – пояснил Хаватма. – Во всяком случае, Арафат был настроен против расширения сирийского военно-политического присутствия в Ливане». Советский Союз предпринимал усилия сблизить Хафеза Асада с Камалем Джумблатом, разрядить обстановку между частью ПДС и Дамаском, ослабить мусульманско-христианскую напряженность, погасить гражданскую войну в Ливане. Между тем события развивались своим чередом. 1 июня 1976 года Сирия начала широкомас-

штабное вторжение в Ливан. В сентябре на пост президента Ливана вступил сирийский ставленник Ильяс Саркис.

В октябре в Эр-Рияде была созвана конференция на уровне глав Саудовской Аравии, Египта, Сирии, Кувейта, Ливана и ООП, которая приняла решения: восстановить в Ливане положение, существовавшее до апреля 1975 года, восстановить соглашение между ливанским правительством и ООП, создать «Межарабские силы сдерживания» (МСС)⁹⁶, 85 процентов которых должны были составить уже находившиеся в Ливане сирийские войска, и разрешить МСС действовать на всей территории Ливана до реки Литани. Такое ограничение не было включено в официальные документы конференции, но ее участники фактически пришли к выводу, что южная часть Ливана за рекой Литани будет зоной влияния Израиля. Вскоре это было осуществлено на практике. Была создана организованная при прямой поддержке Израиля так называемая Армия юга Ливана (АЮЛ)⁹⁷, которая осуществляла контроль над этой территорией. Однако этими договоренностями не удалось стабилизировать положение в стране. В марте 1977 года был убит Камаль Джумблат.

V. Сирия меняет фронт

В феврале 1978 года начались столкновения сирийских частей с вооруженными отрядами Жмайеля и Шамуна. Можно считать, что это уже не были случайные эпизоды, а пришел конец прохристианской политики Дамаска в Ливане. Тому, очевидно, было несколько причин. После убийства Камала Джумבלата мусульманская сторона внутриливанского конфликта оказалась ослабленной. Баланс

сил склонился в пользу правохристианских формирований. От них начала исходить угроза территориального раздела Ливана. Одновременно быстро развивались связи маронитов с Израилем. Ильяс Саркис, хоть и обязанный Сирии за получение президентского поста, не был таким однозначно просирийским, как Франжье. Поездка Садата в Иерусалим сблизила Арафата с Асадом. В правохристианском лагере резко возросли противоречия между кланом Франжье, поддерживающим сирийскую миссию в Ливане, и фалангистами после того, как был зверски убит сын Франжье Тонни. Наметились определенные расхождения в оценке обстановки в Ливане между США и Израилем – это четко фиксировали в Дамаске.

Все это, вместе взятое, предопределило разворот Сирии в сторону НПС. Характерно, что и на этом этапе не произошло обострения отношений США с Сирией. А по логике вещей это должно было произойти – США симпатизировали правым христианам, которые на этот раз оказались в сирийском прицеле, причем в условиях, когда ненавистные Соединенным Штатам палестинские силы сблизились с Дамаском. США руководствовались стремлением как минимум не навредить готовившемуся сепаратному египетско-израильскому договору, а по максимуму использовать свои контакты с Дамаском, чтобы ослабить сопротивление Сирии и палестинцев сближению Египта с Израилем. Причины изменения позиции Сирии и мотивы американской политики рассматривались в многочисленных беседах в то время, когда я находился в Ливане и Сирии.

На встречах с Асемом Кансо – руководителем ливанской «Баас», членом общеарабского (сирийского) руководства ПАСВ, который был одним из видных ставленников Дамаска в Ливане, – и руководителем просирийской палестинской организации «Сайка» Зухейром Мохсином (1 и 2 августа 1978 года) мои собеседники в один голос говорили о намерении Дамаска покончить с правохри-

стианским сопротивлением. Дамаск настаивал на выдвижении частей ливанской армии, сформированных и подготовленных сирийскими инструкторами в районе Бекаа, на юг, за реку Литани, к границе Израиля.

Такая операция, как сказал Кансо, «...очистит юг страны от Армии юга Ливана и тем самым резко ослабит правых христиан, изолирует их от Израиля». Кансо считал, что Дамаск надеется на успех этой операции, так как «сирийская и американская позиции по Ливану во многом совпадают: США против взрыва обстановки и прямо заявили об этом Шамуну, а также против столкновения Сирии с Израилем, что может сорвать миссию Садата». Поэтому они рассматривают как меньшее зло, если на юг Ливана «придут не сами сирийские войска, а пусть даже сформированные сирийцами части ливанской армии».

Кансо утверждал, что сирийское руководство рассчитывает на успех задуманной операции, «которая положит конец междоусобице в Ливане». Когда Кансо говорил мне об этом, как бы в подтверждение его слов зазвонил телефон, и ему сообщили – он тут же поставил меня в известность, – что посольство США обещало президенту Саркису поддержать его, если он даст приказ о передислокации частей ливанской армии на юг страны. «Асад надеется, – добавил Кансо, – что США сдержат Израиль».

Мохсин не был столь категоричен. Он тоже рассказал о спланированной Дамаском операции, но отметил, что «американцы все-таки предупредили сирийцев, что не могут гарантировать невмешательство Израиля, а Асад, готовый даже заплатить такую цену, как израильские удары с воздуха, опасается ввода израильских войск через сухопутную границу». Мохсин также подчеркнул, что сирийцы нуждаются в «прикрытии» – нужна команда ливанской армии со стороны Саркиса, а он вплоть до настоящего времени отказывается санкционировать проведение операции. «Могут начать действовать и правые

христиане, – добавил Мохсин. – Израиль перебросил им большое количество вооружений. От превентивного удара их удерживает несовпадение позиций США и Израиля». Теперь о встрече с президентом Саркисом, которая состоялась 3 августа 1978 года. За мной в наше посольство приехал офицер из Дезьем бюро (ливанская спецслужба). Мы промчались по вымершим улицам мусульманской части города с огромной скоростью, вторая машина с охраной шла впритык за нами. Остановились только у заграждений, но нас беспрекословно пропустили после того, как лейтенант представился вооруженным людям одного из правохристианских отрядов. Выехали за город. Встреча состоялась в президентском дворце.

Вот моя запись слов президента Ливана Саркиса. «Я принимал президентство, руководствуясь решениями арабских совещаний в верхах в Эр-Рияде и Каире. Согласно этим решениям, нужно было разоружить обе воюющие стороны, включая палестинцев, и установить регламентацию их пребывания в Ливане. С этой целью в Ливан вступили “Межарабские силы сдерживания”, но на юг не вошли, следовательно, не смогли выполнить свою миссию. Положение ухудшилось после поездки Саadata в Иерусалим. Палестинцы и сирийцы оказались в одном окопе. Христиане страшно перепугались. С их стороны началась антисирийская кампания. Дело перешло в вооруженные стычки, которые продолжаются с февраля. Я положение не контролирую».

В это время раздался артиллерийский выстрел. «Видите, как я здесь, в президентском дворце, работаю?» – отреагировал Саркис. После этого выстрела он ожесточился, перешел от спокойного, рассудительного тона к более жесткому: «Кое-кто хочет навести порядок с помощью удара по христианам. Но я не буду потакать тому, чтобы били по одной стороне. Не для этого получили свой мандат Межарабские силы». На следующий день после встречи с Саркисом я увиделся с сыном Шамуна

Дани в Восточном Бейруте (Ашрафии). Вместе с сотрудником нашего посольства Ю.Н. Перфильевым в машине, приехавшей за нами, проскочили мимо музея, где пролежала «нейтральная зона», и проехали по тоже безлюдным улицам, теперь уже христианской части ливанской столицы. Сопровождавший нас Нидаль Наджам – доверенное лицо Дани – все время показывал на разрушенные дома.

Артиллерия была и по мирным кварталам – христианская часть города пострадала так же, как и мусульманская. Встретились с Дани Шамуном – молодой, стройный, в джинсах и высоких ботинках, настоящий ковбой, к тому же блестяще владеющий английским языком. И в этой, и во второй нашей беседе, которая произошла через год, Дани рассказал о попытках посредничества Шамуна между Израилем и Арафатом. Остановлюсь на двух вопросах, чтобы лучше разобраться в обстановке: положении в правохристианском лагере и его реальных связях с Израилем. Вот что сказал мне Дани: «Убийство два месяца назад в Эхдене Тонни Франжье – тягчайшее преступление. Он был моим другом – последний уик-энд мы провели семьями вместе.

Однако после убийства артобстрелу подверглись районы с мирным христианским населением, а организатор убийства Башир Жмайель (сын Пьера Жмайеля. – *Е.П.*) и участники убийства – фалангистские офицеры – спокойно ходят по улицам Ашрафии». Отвечая на мой вопрос о связях клана Шамуна с Израилем, Дани сказал: «Когда мы были на грани уничтожения, к нам на помощь не пришли ни США, ни СССР, ни Франция – лишь Израиль. Правда, мы уже двадцать месяцев не обучаем там свои военные кадры, но связи сохранились. Когда у нас были дружеские отношения с сирийцами, я откровенно говорил об этом Асаду – он тогда не отреагировал отрицательно.

Что касается характера связей с Израилем Жмайеля, то я не несу за них ответственности». Дани Шамун подчеркнул, что «связи с Израилем обусловлены и положением на юге Ливана. Командующего Армией юга Ливана Хаддада не контролируем ни мы, ни фалангисты. С ним неотступно находятся два израильских офицера. Он у них полностью в руках». – Очень импонирует нам линия СССР в отношении первоначального ввода сирийских войск, – сказал Дани на прощание. – Но вы ведь пригласили сами и аплодировали, когда они били ваших противников. – Мы ошиблись, – ответил Дани, не скрывавший своих антисирийских настроений.

Дамаск в это время главным образом сосредоточился на создании союза Франжье и Рашида Караме – видного суннитского деятеля, бывшего главы правительства Ливана. Было подготовлено заявление об основной цели союза – сохранении целостности Ливана и демократии в стране. В заявлении подчеркивалась позитивная роль Сирии, провозглашалась безопасность для всех религиозных общин, осуждались те ливанские силы, которые связываются с Израилем, содержалось требование вывести правохристианскую милицию из Западного Бейрута. Стало известно, что с заявлением такого содержания министр иностранных дел Сирии Хаддам 8 августа выезжает к Франжье, а после возвращения встретится с палестинцами.

В таких условиях 9–10 августа 1978 года я поехал через Дамаск на север Ливана, в Эхден, Згарту, Бкаа Сафрин. В Эхдене состоялась встреча с Франжье. Он выглядел подавленным, но не пришибленным обрушившимся на него горем. Рядом с ним был внук – сын Тонни, чудом оставшийся живым, так как в момент нападения на отца находился у деда. После того как я выразил искреннее соболезнование, Франжье, отдельными фразами, отрывисто и, чувствовалось, преодолевая боль, рассказал о происшедшем. «Фалангисты приехали на автомашинах.

Многие на такси. Изрешетили пулями из автоматов Тонни, его жену и их трехлетнюю дочку. Вспороли живот у Тонни уже после того, как он был мертв». Я и сам испытывал боль, когда слушал этого убитого горем человека. Ведь это гнусное, подлое, кровавое убийство совершили христиане. Как они могут верить в Бога?

Кстати, часто обвиняли и обвиняют сирийцев в организации и осуществлении индивидуального террора в Ливане. Не уверен, что все обвинения беспочвенны, и не хочу никого оправдывать. Но зверское убийство семьи Тонни, потом Рашида Караме, двух ливанских президентов, фактически обязанных своим избранием Дамаску, – все эти убийства не дело рук сирийцев. С очевидностью эти преступления можно отнести к различным отрядам правохристианских сил. Франжье считал, что в основе трагических событий в Ливане лежит стремление Израиля абсорбировать палестинцев в Ливане. Для этого им нужен раздел страны на две части. Мусульмане хорошо относятся к палестинцам и пригреют их в своем государстве. «К сожалению, – добавил Франжье, – в Ливане нашлись люди, которые стали выполнять этот план».

Не исключаю, что в числе израильских руководителей во второй половине 70-х годов были и те, кто вынашивал планы решить палестинскую проблему за счет закрепления палестинцев на ливанской территории. Но трудно, да и несправедливо обвинять один только Израиль в ливанской трагедии. По дороге к штабу военных сил Франжье встречались мальчишки в униформе и хорошо вооруженные. Из Згарты путь лежал к другой горе – местопребыванию Рашида Караме. За два часа ночной дороги не видел ничего настораживающего, кругом царило спокойствие. Район Бкаа Сафрин, где находился Караме, – мусульманский. Район Эхден – христианский. Между ними не было никакой напряженности, вражды, кровавых столкновений. В голову приходила мысль: вот так могли бы жить все ливанцы. Сказывалось и то, что в свои

права вступил Рамадан – после захода солнца поели, и у всех сидящих вместе с Караме под открытым звездным небом в креслах вокруг стола – их было человек 30–40 – наступило состояние умиротворенности. Только один человек с автоматом у ворот напоминал о том, что в стране идет гражданская война. Караме отличался от остальных своим одеянием – он был в бурнусе коричневого цвета. Пошел навстречу, расцеловались, заметно обрадовался встрече.

Из беседы с Караме стало ясно, что он принял предложение возглавить вместе с Франжье орган, который был призван принести спокойствие в Ливан. «Снова премьером становиться не собираюсь, думаю, что, находясь на своем нынешнем месте, больше пользы принесу своему народу», – сказал Караме, не оставляя сомнения в том, что его «связка» с Франжье призвана даже заменить на нынешнем этапе конституционные органы в Ливане или, скажем, дополнить их, но «сверху». Побывал и в палестинском лагере Бадаун вблизи ливанского Триполи и написал в своем блокноте: «зрелище плачевное, пункты различных организаций – ФАТХа, “Сайки”, НФОП, ДФОП, все сидят с оружием в руках и ждут нападения не извне, а друг на друга».

К моему следующему приезду в Ливан в сентябре 1979 года положение мало изменилось. Опять был у президента Саркиса, и он опять сказал мне, что некоторая разрядка – лишь на поверхности, взрыв может произойти каждую минуту. По-прежнему юг Ливана представлял собой взрывной заряд. Хаддад, контролирующий пограничную с Израилем полосу, выполняет приказы только израильтян. Далее зона, контролируемая войсками ООН, которым подчинен ливанский батальон. Сославшись на переданные ему данные ООН, Саркис сказал, что в эту зону проникло 300 палестинских бойцов и 2 тысячи палестинцев, «пока без оружия». Отсюда осуществляются рейды морем и обстрелы израильской территории. Даль-

ше – «палестинский треугольник», блокирующий весь этот район.

После того как Саудовская Аравия и другие арабские страны вывели свои подразделения из МСС, пришлось вводить ливанскую армию на восток страны. По словам Саркиса, это была единственная альтернатива передаче всего Ливана под контроль фалангистской милиции. Но ливанскую армию не ввели на запад, контролируемый мусульманскими и левыми силами. Против этого возражали не только НПС, но и Сирия. Армии не разрешат продвижение. В таких условиях Саркис уповал на «общееарабские (заметим: не сирийские, а общееарабские. – *Е.П.*) действия». «Пусть выработают общую стратегию, а если не могут противостоять сейчас Израилю, то пусть блокируют палестинскую деятельность с территории Ливана». На мой вопрос, считает ли он, что в таком случае Израиль откажется от идеи оккупации юга и прекратит обстрелы ливанской территории, Саркис ответил положительно.

Не исключаю, что такой однозначный ответ мог иметь место после заверений в этом со стороны США, с представителями которых Саркис постоянно контактировал. Картину дополнил Карим Пакрадуни: «Наибольшую опасность представляет собой Башир Жмайель. Он, пожалуй, ближе всех из ливанских христиан стоит к израильтянам. Спит и видит, чтобы ушли сирийцы. Средство – провоцирование столкновений сирийцев с израильтянами. Если сирийцы уйдут, Башир сразу попробует ударить по району Франжье. Его мечта – соединение всех христианских земель в Ливане с севера на юг, включая “зону Хаддада”. На передний план выдвигаются представители молодого поколения ливанских лидеров – Амин Жмайель (брат Башира), Дани Шамун и Валид Джумблат. Если они найдут общий язык – это будет конец для Башира. Но диалог все-таки нужно начинать с переговоров

ливанцев с сирийцами». В марте 1981 года я вновь встретился в Бейруте с президентом Саркисом. Он был настроен еще более пессимистично, чем в прошлый раз. Вспомнил, что говорил мне о расчетах на возрождение ливанской армии, теперь больше таких надежд не питает. Однозначно оправдал консолидацию христианских сил. Сказал, что сирийское присутствие теперь не так важно, как раньше, – сирийские войска не находятся в районах, контролируемых фалангистами.

На мой вопрос, где же выход из тупика в Ливане (я использовал его определение ситуации), ответил: только во всеобщем урегулировании при создании палестинского государства, в которое уйдут из Ливана палестинские вооруженные отряды. Саркис заключил беседу словами: «С меня хватит. Кончается мой срок президентства, буду писать мемуары».

Почему я так подробно освещаю этот этап развития обстановки в Ливане? Мне представляется, он характерен в отношении переплетения интересов различных сил, постоянно меняющегося их соотношения и как предтеча израильского вторжения в Ливан в 1982 году, которое не могло бы произойти без развития связей Израиля с правыми христианами в этой стране и создания особой зоны, вплоть до реки Литани, фактически контролируемой Израилем. Немалое значение имеет такое, может быть, слишком подробное описание и для лучшего понимания перипетий израильской войны в Ливане 2006 года. Советский Союз в период гражданской войны в Ливане прилагал усилия с целью остановить кровопролитие, предотвратить развал этой страны на части, уничтожение палестинских отрядов. Одновременно СССР испытывал беспокойство, как бы ливанские события, с одной стороны, не спровоцировали широкомасштабного столкновения Израиля с Сирией, а с другой – не нанесли ущерба отношениям Советского Союза с Сирией или с ООП.

Вместе с тем, в своей политике Москва не могла рассчитывать ни на одну внутриливанскую силу. Этот вывод относится и к Коммунистической партии Ливана, которая, несмотря на свое желание показать «советским товарищам» свою значимость, не играла решающей роли в расстановке внутриливанских сил и тем более не возглавляла НПС. Вместе с тем в это время КПЛ тесно сотрудничала с Ираком, оказывавшим ей финансовую поддержку, что далеко не вдохновляло Москву. Как подчеркнул в беседе со мной в 1981 году Тарик Азиз, «...руководство ливанских коммунистов сказало нам, что она – единственная независимая от СССР арабская компартия». Не мог СССР опереться в своей политике в отношении Ливана и на Сирию, не все аспекты деятельности которой отвечали советским интересам и оправдывались Москвой, несмотря на то что сирийское руководство было наиболее близким ближневосточным партнером Советского Союза.

VI. Война Израиля в Ливане в 1982 году

К середине 1982 года в Государственном департаменте, Совете национальной безопасности и ЦРУ победила линия на то, чтобы в данный момент сосредоточиться на Ливане. Президент Рейган, придя к власти в 1981 году, назвал Ливан полем «жизненных интересов США», несмотря на то что события, развернувшиеся в Ливане, не угрожали ни политическим, ни экономическим, ни военным интересам Соединенных Штатов.

Можно прийти к выводу, что Вашингтон рассматривал ливанские события в тесной увязке со стремлением,

во-первых, не только сохранить с таким трудом достигнутый египетско-израильский договор, но, возможно, продолжить цепь сепаратных соглашений за счет Ливана и Иордании. И во-вторых, не дать ливанским событиям перерасти в израильско-сирийскую войну, что могло бы привести к общей дестабилизации на Ближнем Востоке. Опасались США и того, что израильская операция в Ливане против ООП может в случае ее однозначного успеха усилить позиции в израильском руководстве тех, кто хотел бы свергнуть режим короля Хусейна и «решить» палестинскую проблему на Восточном берегу Иордана. США были против такого варианта, который приносил в жертву Иорданию. Что касается внутрививанских событий, то в Вашингтоне не могли не понимать, что победа любой стороны – христианской или мусульманской – создаст почву для усиления антиамериканских настроений в арабских странах с консервативными режимами, особенно в нефтедобывающих странах Персидского залива.

Немалое значение придавали Рейган и его окружение глобальному аспекту демонстрации американской силы и решимости в Ливане. Когда Рейган заявил, что Ливан «занимает центральное положение как показатель реальных способностей США, проявляемых в глобальных масштабах», он со всей очевидностью имел в виду конфронтацию с СССР. Взгляды Израиля на ливанские события не во всем совпадали с той иерархией целей, которую выстроили США. Израильское руководство делало акцент на разгром военных сил ООП, вытеснение палестинцев из Ливана. При этом Израиль исходил из того, что его операция в Ливане должна ослабить Сирию, – не исключались прямые удары по сирийским силам в Ливане, а если понадобится, и за его пределами. Весь этот расклад американских и израильских целей подтверждается рядом заявлений, мемуарных записей, фактов, ставших известными позже.

18 января 1982 года состоялось совещание сотрудников Государственного департамента США, во время которого госсекретарь Хейг высказал опасение за судьбу египетско-израильского соглашения после убийства Садата. Через неделю после израильского вторжения в Ливан в телевизионном интервью 13 июня Хейг заявил: «Кэмп-Дэвид не умер. Я смею надеяться, что нынешние трагические обстоятельства в Ливане предложат новые возможности для возрождения этого мирного процесса».

21 июня 1982 года генерал Шарон сказал в интервью, опубликованном в журнале «Тайм»: «Чем сильнее мы нанесем удар и чем больше причиним ущерба инфраструктуре ООП, тем больше арабов на Западном берегу и в секторе Газа проявят готовность вести с нами переговоры и установить с нами сосуществование». А 27 августа 1982 года, после встречи в США с государственным секретарем Шульцем, Шарон перед лесом корреспондентских микрофонов заявил: «Израиль никогда не соглашался и не согласится на второе палестинское государство... Уже существует палестинское государство. Иордания является палестинским государством».

В августе 1982 года, выступая перед комиссией по иностранным делам американского сената, бывший заместитель государственного секретаря США и бывший представитель этой страны в ООН Джорж Болл сказал: «Нашествие на Ливан служило тому, чтобы Израиль без сопротивления мог продвинуться в освоении оккупированных территорий. Во время разговора с генералом Шароном в Израиле он дал мне совершенно ясно понять, что его долговременная стратегия заключается в том, чтобы вытеснить палестинцев с Западного берега, сохранив на месте, как сказал Шарон одному из моих друзей, только достаточное число лиц для работы». Было ли согласовано с Соединенными Штатами израильское вторжение в Ливан 6 июня 1982 года? Не думаю, что США подталкивали Израиль к этой акции, но есть основания

считать, что они категорически не возражали против нее. В первых числах июня Шарон посетил Вашингтон, где провел секретную встречу с руководителями американского военного ведомства. Трудно поверить, что израильский министр обороны не обмолвился о той военной операции, которая была осуществлена через несколько дней после этой встречи.

Возможно, у американской стороны и были какие-то сомнения, но не однозначные возражения в связи с готовившимся вторжением в Ливан. Как пишет Уильям Квандт, госсекретарь Хейг в ответ на сообщенную ему руководителем военной разведки Израиля информацию о планируемой операции сказал: «Не ранее, чем вывод войск с Синая»*.

Решение о вторжении в Ливан было принято Тель-Авивом, а США отмежевались от израильской операции только тогда, когда она уже была осуществлена. И это не создавало реального препятствия для Израиля, который действовал в Ливане без всяких ограничений, считая, что Вашингтон вынужден будет его поддержать. Когда госсекретарь США Хейг был отправлен в отставку, американская печать писала о целом комплексе причин. Одной из них назывался тот факт, что он «переиграл» с израильянами. Точнее было бы сказать, что израильское руководство «переиграло» Белый дом. США попали в очень нелегкое положение. 9 июня израильские войска окружили Сайду, подступили к Дамуру, находясь в 15 км от Бейрута, и, пытаясь отрезать сирийские войска, расположенные в долине Бекаа, начали столкновения с ними. В этот день США наложили вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, потребовавшую от Израиля прекратить в течение шести часов огонь и вывести войска за пределы международно признанных границ Ливана.

* The Middle East Journal. Spring 1984.

За резолюцию проголосовало 14 других членов СБ. 26 июня США наложили вето и на французский проект резолюции, требующей разъединения сил в Бейруте. За нее тоже проголосовали все другие члены СБ. К этому моменту Израиль уже окружил Западный Бейрут, перерезал на ливанской территории дорогу Бейрут – Дамаск, начал бомбардировки ливанской столицы, готовясь к штурму Бейрута. На следующий день США остались вместе с Израилем в полном одиночестве на Генеральной Ассамблее ООН, где была принята резолюция, поддержанная 127 государствами (против – два), которая требовала вывода израильских войск из Ливана. Штурм Бейрута продолжался, несмотря на предложение Арафата вступить в переговоры об эвакуации своих бойцов из Бейрута, чтобы спасти от истребления его население. Франция и Египет поддержали разъединение сил, включая эвакуацию палестинских бойцов и отход израильской армии на 5 км от Бейрута, связав все это с движением к общему урегулированию конфликта. Израильское правительство приняло решение не принимать предложенной формулы.

Соединенные Штаты искали выход из сложного для себя положения. 29 июля их представитель не принял участия в голосовании резолюции, призывающей Израиль снять блокаду Бейрута, а 4 августа воздержался при голосовании за резолюцию СБ о немедленном прекращении огня и возвращении Израиля на свои позиции до 1 августа с угрозой применения санкций. Но резолюции не действовали. Израиль заявил в письме Генеральному секретарю ООН о своем отказе вывода войск из Западного Бейрута. Тогда СССР внес проект резолюции с требованием принятия всех необходимых мер для выполнения ранее принятых решений, прежде всего прекращения огня и размещения наблюдателей ООН в Бейруте и вокруг него. Одиннадцать членов Совета Безопасности

проголосовали «за», трое (Англия, Заир и Того) – воздержались, а США снова, уже в очередной раз, наложили вето.

10 августа все-таки был согласован план ухода из Бейрута палестинских вооруженных сил. Они вынуждены были уйти из Ливана. Деятельность США в ООН привела к их серьезным потерям в арабском мире, что – в Вашингтоне это понимали – поставило под удар лидирующие позиции Соединенных Штатов в урегулировании ближневосточного конфликта, так «славно» обозначенные американской дипломатией в Кэмп-Дэвиде. Весь мир был потрясен дирижированной израильским командованием кровавой расправой фалангистов над палестинскими беженцами, в том числе женщинами и детьми в лагерях Сабра и Шатила⁹⁸.

США в таких условиях проявили активность в нахождении ливано-израильского соглашения. Государственный секретарь США Шульц в течение двух недель попеременно посещал Израиль и Ливан, утрясая детали соглашения, которое предусматривало создание зоны безопасности на юге Ливана, – такова была цена за вывод израильских войск. 17 мая 1983 года соглашение удалось навязать Ливану. В конце декабря 1982 года в Ливан были введены «многонациональные силы», состоящие из 1200 морских пехотинцев США, воинских подразделений Франции и Италии.

Характеризуя ливано-израильское соглашение, президент Сирии Асад в беседе с автором этих строк 2 июня 1983 года в Дамаске сказал: «Для нас это соглашение неприемлемо главным образом по двум причинам. Во-первых, с учетом интересов безопасности Сирии и, во-вторых, потому, что оно ограничивает суверенитет Ливана и лишает его свободы в принятии решений – свободы, которой пользуется любая независимая страна. Посудите сами, в соответствии с соглашением у Ливана

нет права иметь на всей своей территории зенитное оружие, дальность действия которого превышала бы 5 км. Это значит, что Израиль будет безраздельно господствовать в ливанском небе. Наряду с этим по соглашению ливанские самолеты вообще не смогут пролетать над южной частью страны, которая является несомненно ливанской территорией, если израильские власти не будут заранее уведомлены об этом. Или такой унижительный пункт, который прямо противоречит суверенным правам Ливана: по соглашению любая страна – и арабская, и неарабская, – не находящаяся в дипломатических отношениях с Израилем, не имеет права транзитного провоза любых видов вооружения через территорию, территориальные воды или воздушное пространство Ливана.

Или чего стоит, например, вытекающее из соглашения положение о том, что все решения, касающиеся юга Ливана, должны приниматься совместно Ливаном и Израилем». По словам президента Асада, по этому соглашению израильские солдаты будут на расстоянии 24 км от Дамаска, а сирийские солдаты – в 250 км от Тель-Авива. «Не ясно ли, что это диктует негативное к этому соглашению отношение Сирии, которая находится в состоянии войны с Израилем», – подытожил президент. После подписания соглашения ситуация в Ливане еще долгое время не стабилизировалась.

В августе 1982 года командующий Ливанским фронтом Башир Жмайель был избран президентом страны, но убит до вступления в свою должность. Президентом стал его брат Амин Жмайель. Против американского посольства в Бейруте была проведена террористическая акция. Позднее был осуществлен взрыв казармы морских пехотинцев США. Вооруженные отряды друзов и шиитского движения «Амаль» установили контроль над Западным Бейрутом. К середине февраля 1984 года многонациональные силы оставили Ливан, и через

несколько недель под давлением Дамаска президент Амин Жмайель аннулировал израильско-ливанское соглашение.

VII. Убийство Харири – пик сирийско-ливанской напряженности

Пребывание сирийских вооруженных сил в Ливане приобретало постоянный характер, сирийские спецслужбы устанавливали контроль над ливанскими государственными институтами, экономическое положение в Сирии во многом стало зависеть от контрабанды, теневых операций, связанных с нахождением сирийской армии на территории Ливана. После того как Израиль в одностороннем порядке ушел с большей части территории Ливана, Армия юга Ливана, теперь уже под руководством генерала Антуана Лахуда, продолжала контролировать «зону безопасности». Менялся и расклад сил. Палестинский фактор во внутренней политике ослаб.

Внутренняя борьба происходила и в правохристианском, а теперь уже и в мусульманском лагере, где все больший вес приобретала партия «Хизбалла», имеющая сильное военное ответвление. В конце концов, дело пришло к тому, что создалась серьезная и на этот раз межконфессиональная оппозиция против пребывания сирийских войск в Ливане. В нее вошли и правохристианские силы, и друзья, и сунниты, и ливанские левые. Под напором этих оппозиционных сил, лидером которых стал бывший премьер-министр Ливана Рафик Харири, еще недавно считавшийся просирийски настроенным

деятелем, Совет Безопасности ООН в 2004 году принял резолюцию 1559 о выводе сирийских войск из Ливана.

В феврале 2005 года в Бейруте я встретился с моим давнишним хорошим знакомым Рафиком Харири, который пригласил меня к себе домой на ранний завтрак. Естественно, разговор зашел о ливано-сирийских отношениях, тем более что Харири знал – после встречи с ним я выезжаю в Дамаск. С возмущением он рассказывал мне, как сирийские спецслужбы командуют всем и вся в Бейруте. По его словам, «даже главного врача клиники нельзя назначить без санкции сирийских представителей». Он был убежден в необходимости положить конец такой практике, добиться ухода сирийцев из Бейрута, в первую очередь прекращения «бурной деятельности» сирийских спецслужб в столице Ливана. Вместе с тем Харири был полностью согласен с тем, что сирийские армейские подразделения сыграли большую роль в прекращении гражданской войны в его стране. Но теперь – он настаивал на этом – «пусть они останутся только в долине Бекаа».

Узнав от меня, что в Дамаске предстоит моя встреча с Башаром Асадом, Харири просил передать сирийскому президенту, что он и его окружение готовы во время переговоров «снять озабоченности сирийцев». Среди таких «озабоченностей» он назвал опасение Дамаска, что Ливан пойдет в одностороннем порядке на заключение сепаратного договора с Израилем. «Мы готовы, – сказал Харири, – даже в конституцию нашей страны внести положение о том, что мирный договор с Израилем Ливан подпишет только вместе с Сирией». Харири стремился к тому, чтобы его пригласили в Дамаск на встречу с Б. Асадом. «Мы хотим, – сказал он, – договориться о том, как сирийцы будут действовать в связи с резолюцией Совета Безопасности ООН. Я понимаю их трудности, и мы готовы обсудить возможность поэтапного выполнения

этой резолюции». Как будто чувствуя угрозу жизни этого располагающего к себе, деятельного и сильного человека, я сказал Харири: «Что-то не вижу серьезной охраны у тебя дома». «Не беспокойся. Я хорошо защищен», – ответил он. Приехав в Дамаск, передал мой разговор с Харири Асаду. У меня не сложилось впечатления, что он питает какие-то злобные чувства в отношении Харири. Напротив, согласился, что полезно было бы встретиться с ним.

А 14 февраля 2005 года под днищем бронированной машины Харири сработало огромной силы взрывное устройство – он скончался на месте. Сразу же начался широкий протест против сирийцев, которые по распространному в Ливане мнению убили своего противника. Политическая обстановка в Ливане накалилась. Выборы выиграли антисирийские силы. Не желаю, не имея никаких фактов, поддерживать ту или иную версию убийства Харири, но скажу только о моих впечатлениях и раздумьях. За его убийством, как мне представляется, не стояли сирийские политики, которые, несомненно, не могли не понимать, что это в любом случае приведет к антисирийскому взрыву в Ливане и заставит мировую общественность еще решительнее требовать от Дамаска выполнения резолюции Совета Безопасности ООН. Собственно, так и получилось. К тому же не считаю, что в Дамаске безраздельно контролирует все только один человек – президент. Его власть, конечно, велика. Но не думаю, что только по его указаниям действуют те или иные структуры или отдельные группы, заинтересованные в то же время в ослаблении самого Башара Асада. В то же время у Рафика Харири было достаточно много противников в самом Ливане, которые захотели бы убрать его с политической арены.

VIII. Война Израиля в Ливане – 2006 год

События начались на ливано-израильской границе. «Хизбалла» на израильской территории совершила нападение на военный пост, убив трех и захватив в плен двух израильских солдат. Трудно сказать, кто конкретно стоял за этой вылазкой «Хизбаллы». Многие наблюдатели считали, что это Иран или Сирия, которые действительно имеют тесные связи с «Хизбаллой».

Не верится в такие предположения. Иран переживал достаточно тяжелый период, потому что именно в этот момент все без исключения переговорщики с Ираном, включая Россию и Китай, согласились передать его «ядерное досье» в Совет Безопасности ООН. Вряд ли в таких условиях Ирану было выгодно открывать еще один фронт. Абсолютно нелогичны также разговоры о попытках Ирана отвлечь внимание от своей ядерной программы событиями в Ливане – в Израиле и США эта версия была весьма популярной. Напротив, обострение в Ливане, связанное с деятельностью «Хизбаллы», категорически невыгодно Ирану в том плане, что появляется куда больше опасений по поводу иранской ядерной программы. Что касается Сирии, то и она, как представляется, была мало заинтересована в том, чтобы обострять ситуацию на ливано-израильской границе, понимая неизбежность израильской реакции, которая могла быть направлена и против Сирии. А Дамаск, я в этом полностью уверен, не хотел вооруженного столкновения с Израилем, тем более один на один.

Представляется, что действия «Хизбаллы» были порождены внутренними причинами. Ни в коей мере не оправдывая эти действия, я нахожу объяснение им в стремлении использовать обмен заложников для осво-

бождения из израильских тюрем заключенных палестинцев (ХАМАС) и ливанцев («Хизбалла»). Тема освобождения определенного числа палестинских заключенных фигурировала неоднократно во время переговоров Махмуда Аббаса с израильскими руководителями. По мнению, распространенному в палестинской национальной администрации, это было одним из условий «промежуточного» компромисса. Захваченные в плен израильские солдаты погибли, но «Хизбалла» только в июле 2008 года, признавшись в их смерти, отдала тела в рамках сделки по обмену пленными.

Израиль в ответ на действия «Хизбаллы» начал операцию, которая далеко вышла за антитеррористические пределы. На юг Ливана вторглись израильские танки, израильская авиация разбомбила бейрутский международный аэродром, мосты. Бомбардировкам и обстрелам с моря подверглись жилые кварталы Бейрута, некоторых других городов. Было объявлено, что уничтожаются объекты «Хизбаллы», а разрушалась жизненно важная для Ливана инфраструктура, гибли женщины, дети. Уничтожению подверглось мирное население на юге Ливана под предлогом того, что оттуда (из жилых домов?) идет ракетный обстрел израильских городов. Несостоятельны и такие объяснения, как, дескать, «промахнулись», – при точечных атаках с воздуха по автомашинам, в которых находятся руководители боевиков, израильские летчики не промахивались.

События начали напоминать войну 1982 года. Она была самой кровопролитной, в том числе для Израиля, что заставило его прекратить военные действия и в конце концов вывести войска из Ливана. Но война 2006 года все-таки не похожа на войну 1982 года. Тогда Израиль опирался на внутрививанскую силу – фалангистов, и цель Израиля заключалась в том, чтобы выбить вооруженные силы палестинцев из Ливана. В 2006 году израильской целью стала ликвидация внутрививанской вооруженной

силы – «Хизбаллы». Своими постоянными бомбардировками ливанских мирных объектов Израиль, очевидно, стремился раздробить политическое поле в Ливане, создать силу, готовую начать вооруженную борьбу против «Хизбаллы». Иными словами, вновь окунуть Ливан в пучину гражданской войны.

Война 2006 года отличалась от войны 1982 года и тем, что «Хизбалла» ответила ракетными обстрелами уже не только пограничных израильских населенных пунктов, но и отстающей на 30 км от границы Хайфы. И здесь тоже пострадали мирные жители. Война Израилем, по сути, была проиграна. «Хизбалла» не только сохранила, но и усилила свои позиции в Ливане. В Израиле последовали отставки сначала командира дивизии, отвечавшего за безопасность границы с Ливаном, затем командующего Северным военным округом, а потом и начальника генерального штаба израильской армии. Одновременно сильно пошатнулись позиции премьер-министра Ольмерта, которому напомнили прежние коррупционные грехи и открыли против него уголовное дело.

Глава XIII

СНОВА УЖЕСТОЧЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ

На рубеже 80-х годов, особенно после избрания президентом США Рейгана, произошло опять общее ужесточение линии США на Ближнем Востоке. Этому в немалой степени способствовали два обстоятельства: отход от разрядки международной напряженности и ликвидация монархии в Иране.

I. Ливия в качестве демонстрационной мишени

В первые годы президентства Рейган отказывался от конструктивного диалога с советским руководством и, идеологизировав американскую политику, объявил «крестовый поход» против «империи зла». Такой «поход» включал в себя доктрину «прямого противоборства», наращивание вооружений, программу звездных войн. Советский Союз, в котором за первый президентский срок Рейгана (1981–1985) сменилось три руководителя – Брежнев, Андропов и Черненко, – напрягая все свои возможности, пошел курсом на сохранение глобального равновесия. Подстегнуло обострение обстановки на Ближ-

нем Востоке и свержение в 1979 году шаха в Иране, которого в США в течение многих лет считали своим сильным и прочным союзником. Опасаясь повторения «иранского варианта» в других странах, США решили продемонстрировать свою готовность в случае необходимости применить силу в регионе Ближнего Востока и Северной Африке.

Есть основания считать, что в качестве «демонстрационной мишени» была выбрана Ливия. Очевидно, многие из тех причин, по которым состоялся этот выбор, стали «долгоиграющими». Во всяком случае, много схожего между тем, почему именно Ливия, а не какая-то другая арабская страна стала и в 80-е годы, и во время «арабской весны» 2011 года «демонстрационной мишенью» с целью обуздать арабский мир. По свидетельству бывшего заместителя государственного секретаря США Дж. Сиско, администрации Рейгана было удобно продемонстрировать на Ливии свой «железный курс»*. США остановили выбор на Ливии, так как она пользовалась, пожалуй, наименьшей поддержкой у других арабских стран – и консервативных, и радикальных. Администрация Рейгана могла исходить и из того, что в то время на нефтяном рынке наблюдался избыток и нефтяной фактор не мог иметь решающего значения при осуществлении широкомасштабного давления на Ливию. Последовала эскалация антиливийских действий, причем и в экономическом, и в военном направлениях. Еще в 1979 году президент Картер, поддавшись шумной кампании против контактов с Ливией, отозвал всех американских дипломатов из этой страны – они, дескать, могут стать заложниками, как случилось в Тегеране.

В 1981 году было объявлено вообще о закрытии ливийского посольства (представительства Народного бюро по внешним связям) в Вашингтоне. Госдепартамент

* The New York Times. 1981. 23 August.

«посоветовал» американским нефтяным компаниям отозвать из Ливии свой персонал. Когда такому совету не вняли, сам президент Рейган обратился к американским гражданам с призывом уехать из Ливии и объявил недействительными для поездки в эту страну выданные гражданам США заграничные паспорта. Кульминацией экономического давления на Ливию было введение в 1982 году эмбарго на импорт ливийской нефти в США и на поставки в эту страну высокотехнологического оборудования. Но политика жесткого давления на Ливию этим не ограничилась. Великобритания, а вслед за ней и Соединенные штаты разорвали с Ливией дипломатические отношения. Обычно ставят во главу угла списка преступлений полковника Каддафи теракт, в результате которого был взорван над шотландским городом Локерби пассажирский самолет компании «Пан Американ». Погибло 270 человек. Террористический акт, за который Ливия официально признала свою ответственность много позже, был осуществлен 21 декабря 1988 года. Конечно, это гнусное преступление, которому нет и не может быть оправдания.

Отнюдь не пытаясь преуменьшить вину тех, кто за это несет ответственность, все-таки перечислю некоторые события 80-х годов. В августе 1981 года над заливом Садра американские истребители-перехватчики сбили два ливийских военных самолета. После разрыва отношений с Ливией над сухопутной частью ее территории демонстративно стали летать самолеты США. В 1986 году американская авиация нанесла ракетно-бомбовый удар по Триполи и Бенгази. Бомбардировке подверглись не только военные цели, аэродромы, средства ПВО, но главный удар был нанесен по дворцу Каддафи, находящемуся в жилом районе. Каддафи уцелел, но 101 ливиец погиб, в том числе годовалая приемная дочь полковника. Однако в 2003 году положение начало меняться. Конечно, в основе перемен лежало публичное заявление Каддафи

о его готовности отказаться от создания оружия массового уничтожения и принять международных инспекторов. А во время переговоров с США, после чего в 2004 году были восстановлены дипломатические отношения между двумя государствами, Ливия обещала отказаться от любой поддержки терроризма. Вслед за согласием Ливии выплатить компенсацию семьям погибших на борту самолета, взорванного над Локерби, эмбарго было снято.

Но, очевидно, не только это широко открыло двери в Ливию для западных руководителей. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр, посетивший Ливию с официальным визитом, был не одинок. Нормализация отношений набирала темп. Личные связи, очевидно подкрепленные финансовыми интересами, завязались у Каддафи со многими руководителями государств – С. Берлускони, Т. Блэром, Н. Саркози и другими. На территории страны развернуло свою деятельность множество крупнейших транснациональных компаний. Главным магнитом, притягивающим их к Ливии, были огромные запасы высококачественной нефти и газа. Почему же все-таки началось охлаждение ливийско-западных отношений, которое весной 2011 года переросло в войну против Ливии руководимого США Североатлантического союза?

Обратимся к американским секретным документам, опубликованным на сайте утечек WikiLeaks. В шифротелеграмме посольства США в ноябре 2007 года было обращено внимание Вашингтона на необходимость реагировать на «ливийский национализм в отношении ресурсов». Посольство предлагало продемонстрировать ливийскому режиму «явные недостатки» такого подхода. В качестве «угрозы» для Запада рассматривалась «политика, направленная на увеличение контроля ливийского правительства и его доли в доходах от запасов углеводородов». В результате нефтяные и газовые корпорации Exxon Mobil (США), Total (Франция), Occidental (США), Eni (Италия) и другие были вынуждены в 2007–2008

годах пойти на подписание новых соглашений с Ливийской национальной нефтяной компанией (НОС) на измененных условиях, менее выгодных иностранным компаниям, чем раньше. Причем в депеше от июня 2008 года выражается тревога американского посольства в Триполи, что и эти новые условия недолговечны, так как Ливия будет «стремиться к увеличению своей доли». В шифротелеграмме указывалось в этой связи, что следующим на очереди может стать Oasis Group, включающая американские компании ConocoPhillips, Marathon и Hess.

Дело было не в том, что новые условия неприемлемы для американских и других западных компаний, оперирующих в Ливии, – они могут по-прежнему «делать большие прибыли на каждом барреле добытой нефти», но «новая парадигма Ливии», говорится в депеше, «может получить повтор по всему миру в растущем количестве стран, производящих нефть». И, наконец, во время видеоконференции со студентами Джорджтаунского университета в январе 2009 года Каддафи сказал о возможности национализации нефтяной и газовой отраслей Ливии.

Но нефтегазовый фактор был не единственным, раскручивающим недовольство Запада политикой Ливии. Ливия стала одним из основных рынков для современных систем вооружения из России. С РФ пыталась соперничать Франция, но практически безуспешно. В апреле 2008 года состоялся визит в Ливию президента В.В. Путина. Россия списала долг Ливии в 4,5 млрд долларов США в обмен на многомиллиардные контракты для российских компаний. Все это имело место, но отнюдь не означало переориентации Каддафи. Он продолжал многовекторную политику, ни в коей мере не отказываясь от развития отношений с Западом. «Историческим» назвали в мировой прессе визит в Триполи в сентябре 2008 года государственного секретаря США Кондолизы Райс,

которая заявила: «Настало время развивать конструктивное сотрудничество между Ливией и США».

Это заявление было сделано через несколько месяцев после визита в Ливию Путина. Еще более внушительное заявление сделал американский сенатор Джон Маккейн, посетивший Триполи в августе 2009 года во главе двухпартийной делегации конгресса США и встретившийся с Каддафи. Он назвал «великолепным» «общий тип развития двусторонних отношений». С момента произнесения этих слов до бомбовых ударов по Ливии оставалось менее двух лет... Все это время Ливия была тесно связана с Западом. Как следует из секретной дипломатической переписки, опубликованной WikiLeaks, 20 января 2011 года посол США в Триполи встретился с одним из ливийских руководителей, который проинформировал его, что ликвидными средствами ливийского суверенного фонда в размере 32 млрд долларов США управляет ряд американских банков. Вместе с тем основные активы этого фонда инвестированы в английские банки, жилую и коммерческую недвижимость.

Но недовольство политикой – не внутренней, а именно в вопросах ливийских природных ресурсов и диверсифицированной внешнеполитической линии – накапливалось и вылилось в вооруженные действия НАТО. Подробнее об этом позже.

II. «План Рейгана» – мина под решения в Фесе

Вернемся к ближневосточному курсу США, проводимому при президенте Рейгане. Уже говорилось, что ужесточение этого курса произошло в условиях отхода от разрядки

напряженных отношений с Советским Союзом и победы исламской революции в Иране. Но характерно и другое – ужесточение американской ближневосточной политики при Рейгане совпало по времени с позитивными шагами арабской стороны, включая и палестинцев, которые медленно, но достаточно определенно отходили от своей линии безальтернативности вооруженной борьбы с Израилем. Неправильно было бы считать, что Вашингтон действовал, не замечая этого процесса. Но способствовал ли он его развитию – вот в чем вопрос.

По имеющимся данным, Вашингтон был уведомлен заранее близкими к нему арабскими государствами о том, что после окончания блокады Бейрута в 1982 году на второй встрече глав арабских государств в Фесе будет выработана конструктивная позиция. Представитель ООП при Организации Объединенных Наций Терези сказал мне, что в кругах ООН было известно о фесском плане за пару недель до его принятия, поэтому есть все основания считать, что о нем знали и в администрации США. Следовательно, опубликованный за неделю до принятия резолюции на арабском саммите в Фесе «план Рейгана» был не «параллельным» с фесским планом, а документом, призванным перехватить политические усилия арабской стороны, в том числе и для того, чтобы показать Израилю, что тот слишком далеко заходит в Ливане, не считаясь в данном случае с американскими интересами в регионе в целом.

Фесская платформа предусматривала вывод израильских войск со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 году (за Израилем, таким образом, оставались те территории, которые он присоединил в результате первой арабо-израильской войны 1948 года). Провозглашалась ликвидация поселений, созданных Израилем на оккупированных территориях после 1967 года, выплата компенсации тем палестинским беженцам, которые откажутся от возвращения к родным местам (то есть

заложена возможность, что такая компенсация резко ограничит число палестинцев, изъявляющих желание вернуться на земли, ныне принадлежащие израильским хозяевам). Фесский план предусматривал также передачу Западного берега и сектора Газа под контроль ООН на переходный период длительностью в несколько месяцев, создание независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме (читай – в Восточном Иерусалиме, так как не было сказано ни слова о выделении Иерусалима из состава Израиля или о придаче ему особого международного статуса), предоставление Советом Безопасности ООН гарантий сохранения мира для всех государств региона (читай – и для Израиля – о признании его пока говорится в косвенной форме, но вполне определенной), обеспечение Советом Безопасности ООН гарантий выполнения этой программы.

Правда, предусматривалась также ликвидация израильских поселений на оккупированных территориях, но измененная платформа – это понимали эксперты-ближневосточники – могла бы уточняться и модифицироваться во время переговоров. А параллельный «план Рейгана» содержал следующие предложения: «самоуправление» палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа при определенных формах их ассоциации с Иорданией (по сути, отказ от создания независимого палестинского государства), прекращение создания новых израильских поселений на этих территориях (но при этом оставался открытым вопрос о судьбе уже имеющихся поселений, число которых в то время перевалило за сотню, – при президенте Джонсоне «законными» объявлялись только те поселения, которые были созданы до 1967 года).

Очень четко сформулировал стратегию Рейгана, проявившуюся в плане его имени, один из видных американских обозревателей Л. Гэлб. Со ссылкой на представителей администрации США, он писал, что цель Рейгана – «...убедить умеренных арабов и палестинцев

в том, что “либо сейчас, либо почти никогда” – либо признать Израиль и открыть королю Хусейну зеленый свет для переговоров о Западном берегу и секторе Газа (с Израилем. – *Е.П.*), либо столкнуться с перспективой фактического включения этих территорий в состав Израиля*». Израиль выступил против арабского плана, принятого в Фесе. Руководство Бегина – Шарона выступило также против «инициативы Рейгана», так как она прямо и открыто не поддерживала позицию Израиля в отношении Западного берега реки Иордан и сектора Газа. Вместе с тем «положительные элементы» в «плане Рейгана» поддержала оппозиционная Партия труда. В этой связи в израильской печати появились комментарии, подчеркивающие сходство инициативы Рейгана с «планом Аллона»⁹⁹, который, став платформой Партии труда по вопросу о будущем оккупированных территорий, предусматривал сохранение израильского военного контроля над ними путем размещения израильских войск в 15-километровой зоне по реке Иордан (военная граница Израиля) и ряде других «пунктов» при передаче остальной территории Западного берега под «административный контроль» Иордании.

В январе 1983 года мне довелось быть в Соединенных Штатах, где представилась возможность встретиться и побеседовать с помощником государственного секретаря США Н. Велиотисом, отвечавшим за проблемы Ближнего Востока. На вопрос, обращенный к помощнику государственного секретаря, как он представляет себе конкретный механизм «плана Рейгана», Н. Велиотис ответил: – Нужно начать переговоры Иордании с заинтересованными сторонами, а там будет действовать сама логика этих переговоров. – Позвольте, но в каких рамках вы предполагаете вести эти переговоры? Приглашаете ли вы Иорданию стать зачинщиком переговоров с целью

* New York Times. 1982. 31 October.

создания «правительства самоуправления» палестинцев на Западном берегу и в Газе при сохранении контроля Израиля над этими территориями, или вы имеете в виду нечто другое?

Представитель академических кругов Велиотис не оставил впечатления человека «традиционного» в госдепартаментском смысле этого слова. Он вел разговор свободно, затрагивал проблемы не иносказательно, а прямо, стремясь облекать сказанное в концептуальные рамки. Но этот же самый Велиотис предпочел уйти от ответа на заданный мной вопрос. Остался, по существу, без ответа и второй вопрос, который был поднят во время беседы с Велиотисом: означает ли «план Рейгана» призыв США рассматривать уже в нынешних условиях «конечную судьбу» оккупированных территорий, или речь идет лишь о переговорах по переходному периоду для Западного берега и сектора Газа? У меня во время пребывания в США сложилось твердое впечатление, что администрация Рейгана полностью отказывается от определения конечной цели урегулирования уже и в той интерпретации, которая была дана в резолюции 242.

III. США сжимают Израиль в «объятиях»

Однако не все было однозначно в отношениях США с Израилем. Широко распространен стереотип: Израиль, действуя через свое лобби в США, умело направляет американскую политику на Ближнем Востоке. Так бывало не раз, но не тогда, когда такое влияние приходило в противоречие с интересами руководства США или американского большого бизнеса. Характерен в этом отношении и период президентства Рейгана.

18 октября 1983 года госсекретарь Дж. Шульц представил на рассмотрение Совета национальной безопасности США предложение официально объявить Израиль «главным партнером США на Ближнем Востоке». Было решено сделать это в виде утвержденной президентом Рейганом иерархии ближневосточных приоритетов США.

29 октября Рейган подписал директиву № 111, важнейшим пунктом которой было установление военного союза с Израилем. Так одним махом было восстановлено «стратегическое соглашение» с Израилем от 30 ноября 1981 года, которое США решили несколько позже заморозить в результате того, что действия Израиля против Ливана выходили за согласованные с Вашингтоном рамки. Теперь все было возвращено на круги своя. Но это не означало, что Вашингтон был готов принести в жертву «военному союзнику» собственные интересы. В 1983 году, то есть именно в тот год, когда была подписана директива № 111, министр обороны США Каспар Уайнбергер поручил разработать план противодействия созданию Израилем истребителя «Лави». Соединенным Штатам была невыгодна израильская программа в двух аспектах: с одной стороны, пришлось бы ее финансировать и затратить на это миллиарды долларов, гораздо больше, чем стоили поставляемые Израилю самолеты американского производства. А самостоятельность Израиля в этой области могла бы нанести урон американским производителям военной техники.

С другой стороны, Пентагон опасался, что истребители израильского производства в дальнейшем могли быть проданы Китаю или ЮАР. Проект создания «Лави» был сорван, несмотря на энергичные шаги израильтян, пытавшихся активизировать еврейское лобби в США, чтобы нейтрализовать решимость, проявленную американцами. Любопытно, что осуществление плана по срыву израильского проекта было поручено сотруднику Министерства обороны США, отвечающему за бюджет Пентагона, Дову

Закхейму, известному также своими тесными связями с еврейской общиной в США и в американском военно-промышленном комплексе. После того как Дов Закхейм выполнил возложенную на него Уайнбергером задачу, Аренс назвал его «изменником в семье» – Закхейм, помимо всего прочего, был ранее посвящен в раввины.

Рвение Закхейма было отмечено его повышением по службе: с 1985 по 1987 год он работал на посту заместителя министра обороны, курируя отдел планирования и ресурсов. В начале 90-х годов он становится консультантом компании «Дуглас» (McDonnell Douglas), занимающейся, в частности, производством истребителей F-15, и был задействован этой компанией и Пентагоном, чтобы нейтрализовать израильское сопротивление продаже партии таких самолетов Саудовской Аравии. Небезынтересно отметить, что Закхейм стал впоследствии одним из активных неоконсерваторов, помогавших приходу к власти Буша-младшего. Команда вице-президента Чейни выдвинула его на пост инспектора и финансового директора Пентагона. В середине 2004 года он принял участие в возрождении «Комитета современных угроз», провозглашенной задачей которого была борьба администрации США против ислама. Пример деятельности Дова Закхейма показателен вдвойне: во-первых, он демонстрирует, что даже во время Рейгана, которого не без причины считали одним из самых произраильски настроенных американских президентов, США ставили выше всего свои интересы и, во-вторых, что еврейское лобби в США в целом исходит из того, что главное для Израиля – не выходить за пределы поля совпадающих с Соединенными Штатами интересов. Этим объясняется проявляющееся подчас различие точек зрения еврейского лобби в США с израильскими ястребами.

Или другой пример. В ноябре 1985 года арестован Джонатан Поллард – сотрудник антитеррористического центра американских ВМС – по обвинению в шпионаже

в пользу Израиля. «Почему они делают это? – сказал президент Рейган, когда ему доложили о случившемся. – Мы к ним всей душой, а они нам платят черной неблагодарностью». Несмотря на серьезное давление на администрацию и со стороны Израиля, и части еврейских кругов в США, Поллард был приговорен американским судом к пожизненному заключению. Информация, похищенная Поллардом и переданная Израилю, по словам министра обороны США Уайнбергера, «...предназначалась для внутреннего пользования, и ее разглашение за пределами Соединенных Штатов способно нанести тяжелейший удар по безопасности нашей страны». Конечно, США делились развединформацией с израильскими спецслужбами, но, судя по всему, дозировано, ровно настолько, чтобы Израиль не обретал возможности для самостоятельных, бесконтрольных со стороны США действий. А нарушение такой схемы Израилем каралось достаточно жестко, что и показало «дело Полларда».

В самом Израиле существовали и существуют деятели, которые, понимая всю важность тесных отношений с США, все-таки хотели бы, чтобы «объятия» Вашингтона оставляли больше места для их маневрирования. Особым раздражителем в американо-израильских отношениях стала проблема еврейских поселений на оккупированных территориях Западного берега и сектора Газа. США ни разу не стукнули кулаком по столу, но постоянно давали понять Израилю, что не поддерживают его поселенческую активность. Так было и при президенте Джордже Буше-старшем, и государственном секретаре Джеймсе Бейкере, которые, оставаясь союзниками Израиля, были озабочены первой интифадой – выступлением палестинского населения Западного берега, Газы и Восточного Иерусалима против израильской оккупации – и потребовали у премьер-министра Шамира умерить «поселенческий пыл».

В наиболее концентрированном виде призывы, обращенные к Израилю, прекратить поселенческую активность прозвучали из уст президента Обамы на раннем этапе его нахождения в Белом доме. Замораживание строительства новых поселений на Западном берегу и в секторе Газа стало постоянным требованием Вашингтона. Но это было не единственной причиной появляющихся время от времени проблем в американо-израильских отношениях. Во время кувейтского кризиса, а затем войны в зоне Персидского залива Израиль настойчиво предлагал свои услуги американскому руководству. Но Буш-старший сделал ставку на создание американской коалиции с обязательным участием арабских стран, в первую очередь Египта, Сирии, Саудовской Аравии, а задействование Израиля могло разрушить эту конструкцию. Более того, Вашингтон настойчиво попросил Шамира, чтобы он не предпринимал никаких ответных действий против Ирака, если Израиль подвергнется ракетному обстрелу. По Израилю было выпущено более 40 иракских ракет, но Шамир не послушался Буша, несмотря на то, что ракетный обстрел вызвал психологический шок в стране.

Таким образом, взяли верх интересы Соединенных Штатов даже по такому болезненному для Израиля вопросу, как его безопасность. Правда, США поставили Израилю, чтобы смягчить обстановку, несколько противоракетных систем «Пэтриот», которые оказались не очень эффективными, но и иракские ракеты не принесли практически никакого вреда – человеческих жертв или разрушений. А риск был большой. Я входил во время этих событий в «кризисную группу», образованную в Кремле. На мой вопрос, может ли Ирак начинить боеголовки ядерным топливом (космическая разведка доложила, что ядерные реакторы в Ираке были в заглушке), превратив свои ракеты в радиологическое оружие, министр обороны Д.Т. Язов ответил положительно. Одновременно

опасались, что Саддам Хусейн может использовать ракеты как химическое оружие. К счастью, он не рискнул пойти на это.

В конце концов, Шамир и Шарон мобилизовали против Буша израильское лобби в США. Буш принял вызов и получил поддержку конгресса, когда он 12 сентября 1991 года в своем обращении к американскому народу выступил с критикой в адрес произраильских организаций в Соединенных Штатах. Такое противостояние, возможно, не было единственной причиной, но Буша не переизбрали на новый срок, а в Израиле в 1992 году Шамир проиграл Рабину. Ряд экспертов считают, что это произошло потому, что он бросил вызов президенту США. А против Буша проголосовала значительная часть американской еврейской общины. Активность в деле урегулирования ближневосточного конфликта, которая после созыва Мадридской конференции была погашена при Буше-старшем, возобновилась при президенте Клинтоне, особенно во второй срок его нахождения у власти, но безрезультатно.

Глава XIV

ФЕНОМЕН АРАФАТА

На положении на Ближнем Востоке во все большей степени сказывалась борьба палестинцев за свои права. Начиналась она как борьба отдельных личностей, вынужденно покинувших населенную ими территорию и опиравшихся на арабские государства в своем стремлении вернуться. Как народ, общность палестинские арабы сложились в результате создания собственных военных и политических организаций, в борьбе за свою государственность получивших широкую поддержку на оккупированных Израилем территориях и среди палестинской диаспоры в арабских странах. В историческом процессе образования палестинской общности велика заслуга Ясира Арафата, известного также под псевдонимом Абу Амар.

I. Личность палестинского лидера

Так же как и о Насере, об Арафате написаны тома книг, тысячи статей. Их авторы – и те, кто лично знал, встречался с Абу Амаром, и те, кто не был знаком с ним, но серьезно занимается историей арабо-израильского конфликта. Однако среди авторов немало и таких, кто исходит в своих писаниях из мешанины фактов, слухов и домыслов, целенаправленно показывая образ палестинского лидера в неприглядном виде. Одни называют его

миротворцем, подчеркивая, что он был удостоен Нобелевской премии за подписание в 1999 году палестино-израильского соглашения, по которому в секторе Газа и районе Иерихона вводилось палестинское самоуправление. При подписании соглашения на лужайке Белого дома Арафат обменялся рукопожатием с израильским премьером Рабином. Другие утверждают, что Арафат – террорист.

Так кто же он на самом деле – Ясир Арафат, бесменно в течение ряда десятилетий руководивший Палестинским движением сопротивления? Я встречался с ним многократно, в различных местах и при различных обстоятельствах – в Дамаске, Бейруте, Сайде, ливанском Триполи, Аммане, Багдаде, Москве, Праге, Каире, Газе, – подолгу беседовал с ним, и мне кажется, что в состоянии описать эту отнюдь не простую историческую личность.

Нет сомнений в том, что Арафат вел аскетический образ жизни. Это проявилось во всем: и в походном убранстве небольшой комнаты в Бейруте, такой же и в Дамаске, в которой он спал, ел и работал, и в простой еде, которой он питался, да и во внешнем виде – полувоенный френч цвета хаки, кобура с пистолетом на поясе, неизменная клетчатая куфия на голове. Уверен, что он тратил на себя минимум средств, а ведь через него проходили огромные деньги, перечисляемые из различных арабских стран на палестинское движение. Только в 63 года он позволил себе завести семью, женившись на красавице христианке Сухе Тауиль, которая приняла мусульманство и родила ему дочь. Но семейного очага у него так и не появилось даже в то время, когда он уже стал избранным главой палестинской администрации, – жена и дочь были вдали от его походной, полной всевозможными опасностями жизни. Говорили, что до его женитьбы с ним была близка личная секретарша Наджла Ясин. В это можно поверить, но вместе с тем знаю от одного из его людей, что Арафат прекратил связь с ней в 1985 году,

сразу после того, как соратники сказали ему, что роман с секретаршей не способствует общему делу. А общее дело, по словам Арафата, было у него одно – «палестинская революция».

Где родился Арафат, до конца неизвестно. В своих интервью он называл различные места рождения, но все в Палестине: Иерусалим, Газа, Цфат. Некоторые утверждают, что он родился в Каире. Так или иначе, но бесспорно, что его отец – землевладелец из Газы, а мать принадлежала к знатной иерусалимской семье. Родители Арафата переселились из Палестины в Египет, где, очевидно, и был зарегистрирован этот шестой по счету в семье ребенок, что открыло ему в последующем дорогу для поступления в 1948 году в Каирский университет. Но после смерти матери Арафат прожил несколько лет у своего дяди в Иерусалиме. Арафат никогда не рассказывал мне о своем детстве и юношеских годах. Но я узнал, что перед тем, как подать заявление в Каирский университет, он послал документы в университет в Техасе, но не получил американскую визу. Случились бы какие-нибудь перемены в его жизни, если бы он прожил детство не в Иерусалиме, а в Каире и проучился на инженерном факультете не Каирского, а американского университета? Конечно, все это оказало бы влияние на Арафата, возможно, повлияло бы на его отношение к быту, сказало бы на характере, но не думаю, что изменило бы его образ мыслей...

Он всю жизнь оставался палестинцем, палестинским националистом, патриотом. Уверен, что эти два понятия могут совпадать. Различие лишь в том, что националист, несомненно, тоже любящий свою родину, свой народ, противопоставляет их другим, по его мнению, менее достойным народам и странам. Когда это принимает особенно непримиримые черты, националист выходит за рамки патриотизма. У Арафата этого не происходило. Ненависть к Израилю, которая переполняла его в 50–60-х годах, не перерастала в ненависть к евреям.

Когда я впервые встретился с Арафатом в 1968 году на позициях, которые занимали палестинцы недалеко от реки Иордан, на ее Восточном берегу, бросилась в глаза его явно семитская внешность. Через некоторое время в дружеской беседе я сказал, что он на одно лицо со многими из жителей Израиля. Арафат ответил: «В этом ничего особенного» – и повторил фразу Насера, который говорил о генетических связях арабов и евреев: «Палестинцы и евреи двоюродные братья». Известно, что один из видных деятелей Палестинского движения сопротивления, Набиль Шаат, в 60-х годах выдвинул идею создания демократического палестинского государства, в котором на равноправной основе проживали бы иудеи, мусульмане и христиане. Эта идея не отвергалась Арафатом, а ее автор в дальнейшем стал членом ЦК ФАТХа. Но идея единого государства евреев и арабов, которую первоначально, еще до создания Израиля, выдвигал Советский Союз, оказалась нежизненной.

Психологический образ Арафата, а это главное, нельзя представить себе, не заостряя внимания на различающихся между собой этапах его жизни, борьбы, понимания целей и задач палестинского движения. Нужно сказать, что он прошел долгий нелегкий путь, преодолевая различные преграды, самосовершенствуясь, отбрасывая не выдержавшие соприкосновения с жизнью представления и при всем этом сохраняя преданность делу, которому посвятил себя целиком. В 1948 году, прервав занятия, Арафат отправился на фронт первой арабо-израильской войны. После поражения арабов Арафат до 1950 года находился в Газе, перешедшей под административный контроль Египта, а затем вернулся на учебу в Каирский университет. Там он создал и возглавил Союз палестинских студентов. Пройдя военную подготовку, он получил диплом офицера и во время тройственной агрессии против Египта командовал подразделением палестинского батальона в чине лейтенанта.

В 50-х годах студенческое движение играло большую роль в становлении палестинской общности. Были организованы отдельные группы палестинских студентов не только в Египте, но и в других арабских странах. Движение палестинских студентов не было политически однородным. Например, в Исполком Союза палестинских студентов, созданного Арафатом в Каире, вошли четверо независимых, один баасист, один член «Братьев-мусульман» и один коммунист. Что касается Арафата, который возглавил этот многопартийный Исполком, то есть основания считать, что в ту пору близкой ему организацией стали «Братья-мусульмане». В немалой степени его подталкивала к этому не только просачивающаяся информация о конфиденциальных контактах Насера с израильтянами, но и реальная политика египетского лидера, направленная на то, чтобы не допускать антиизраильской вооруженной активности палестинцев, проживающих в Египте либо в находящейся под египетским административным контролем Газе.

Палестинцы в Египте могли лишь дискутировать на тему о возвращении на родину, но любые их действия, в том числе создание тренировочных лагерей в Газе для военной подготовки, можно было осуществлять только с санкций египетских властей. Выше уже говорилось, что за попытку действовать без таких санкций Арафат в 1954 году попал, правда, ненадолго, в египетскую тюрьму. Испытывая в тот период антинасеровские настроения, Арафат переехал в 1958 году в Кувейт, где к тому времени образовалась большая палестинская община, успешно занимавшаяся бизнесом. Он решил опереться на палестинцев, проживающих в Кувейте, и одновременно установить связи с другими аравийскими режимами, разбогатевшими на экспорте нефти, сделать их донорами палестинского сопротивления. В отношении Саудовской Аравии и Кувейта это во многом удалось.

После переезда в Кувейт начинается новый этап жизнедеятельности Арафата. В 1958 году зародилось Палестинское движение сопротивления – ФАТХ¹⁰⁰, которое ставило своей целью вооруженную борьбу против Израиля. Лидером ФАТХа стал Ясир Арафат. Федаины осуществляли отдельные вылазки на территорию Израиля. Такие проникновения усилились после того, как штаб-квартира ФАТХа была перенесена в 1961 году в Дамаск.

II. Отстраненность от межарабских дел

В 1961 году произошел разрыв между Сирией и Египтом, который ликвидировал просуществовавшее в течение трех с половиной лет объединенное египетско-сирийское государство. Усилилось влияние партии «Баас» в Сирии, что привело к росту противоречий между двумя частями бывшего единого государства. Но основная линия разграничения обозначилась между насеровским Египтом и Саудовской Аравией, король которой, Фейсал, призвал к проведению международной исламской конференции с участием не только арабских стран, но и Турции, Ирана, Пакистана. Этот новый альянс был призван стать противовесом на базе религии насеровскому арабскому национализму.

В какой-то степени это было возвращением к тому, к чему призывал раньше Нури Саид. Через год Египет напрямую столкнулся с Саудовской Аравией после переворота в Йемене. Египет наращивал свои вооруженные силы, направляемые в Йемен в поддержку республиканцев. Саудовская Аравия, с которой сотрудничала Великобритания, увеличивала свою помощь эмиру Бадру.

Как относился ко всем этим процессам Арафат? Перенос штаб-квартиры ФАТХа из Кувейта в Дамаск отнюдь не означал, что палестинское движение занимает какую-либо сторону в разыгравшейся по многим направлениям внутриарабской борьбе. Дамаск был выбран для базирования потому, что он намного ближе, чем Кувейт, к израильской границе – и с Сирией, и с Иорданией, и с Ливаном. Вместе с тем из всех граничащих с Израилем стран Сирия больше, чем другие, была настроена на вооруженную борьбу. Однако показная отстраненность от межарабской борьбы отнюдь не означала отсутствия симпатий и антипатий в отношении того или иного арабского государства и его лидера. Внутренне в ту пору Арафат продолжал симпатизировать «Братьям-мусульманам» не только по идеологическим соображениям. К этому подталкивали его антинасеровские чувства и близость к Саудовской Аравии и Кувейту – главным донорам ФАТХа. Антинасеровские настроения у Арафата разрослись в результате согласия президента Египта на размещение сил ООН на египетской территории по границе с Израилем. Одновременно Арафат начинал вообще разочаровываться в том, что «палестинское дело» может быть обеспечено в результате действий арабских государств против Израиля, и все больше склонялся к тому, что палестинцы сами должны добиваться восстановления своих национальных прав.

Это проявилось в истории создания в 1964 году Организации освобождения Палестины (ООП)¹⁰¹. Трудно согласиться с Махмудом Аббасом (Абу Мазеном), который в книге «Путь в Осло» писал: «Сформировались два органа (ООП и ФАТХ. – *Е.П.*), чтобы дополнять друг друга в процессе борьбы палестинского народа за свои права». В дальнейшем такой вывод оправдался, но на момент создания ООП он был неточен. Правда, М. Аббас признает, что ООП была «детищем арабских режимов» и это «не отвечало настроениям масс», но утверждает: «...не-

смотря на это, палестинцы видели в ООП свой дом». Однако все это пришло далеко не сразу. Организация освобождения Палестины была «спланирована» по предложению Насера на саммите Лиги арабских государств в Каире в январе 1964 года.

Эта арабская встреча в верхах состоялась в связи с намерением израильтян переключить большую часть стока реки Иордан для орошения пустыни Негев. Насер, явно не готовый к широкой вооруженной конфронтации с Израилем, пытался ее избежать. Сирия и палестинцы занимали другую позицию. Израильские сооружения, возводимые для отвода вод Иордана, подвергались атакам. В ответ Израиль пустил в ход авиацию, разрушив одну из водных систем Сирии, и пригрозил «всеобщей войной». Выдвинув план по созданию ООП, Египет в таких условиях в определенной степени ориентировался на стремление разделить ответственность за свою сдержанную позицию с политической организацией палестинцев, но Высший арабский комитет¹⁰², возглавляемый муфтием Иерусалима, фактически перестал существовать в 1956 году, а единственная на тот момент влиятельная палестинская организация ФАТХ была независимой и созданной для вооруженной борьбы.

Организация освобождения Палестины была образована в мае 1964 года на Палестинском конгрессе в отеле «Амбасадор» в Восточном Иерусалиме. Ясир Арафат не принимал участия ни в саммите в Каире, ни в конгрессе в Иерусалиме. В качестве наблюдателя присутствовал Абу Джихад, но он не участвовал даже в дискуссии. Председателем ООП стал находившийся на египетской дипломатической службе палестинец Ахмед Шукейри – личность никчемная, далекая от самостоятельности, и, возможно, поэтому его кандидатура была одобрена всеми арабскими государствами. Пожалуй, ни одно из них не хотело иметь независимую ООП. ФАТХ отказался вступать в Организацию освобождения Палестины. С ООП

ФАТХ существовал и действовал параллельно. Арафат и руководимый им ФАТХ исходили в то время из того, что только вооруженная борьба может обеспечить права палестинскому народу. О политических методах завоевания этих прав Арафат и никто из его коллег по ФАТХу и не думали. А Ахмед Шукейри практически бездействовал и, чтобы как-то сохранить свое реноме, неистово призывал по радио уничтожить Израиль.

Небольшую активность проявляла и созданная ООП «Армия освобождения Палестины», а в арабских странах широко распространялись киноролики о подготовке ее солдат и командиров к тому, чтобы «творить чудеса» на поле боя. Сравнение двух организаций в палестинских массах складывалось явно в пользу ФАТХа, который к тому же демонстрировал свою независимость и от Насера, и от Лиги арабских государств, критикуя ее за бездеятельность в поддержке палестинской борьбы. Такой параллелизм в палестинском движении устраивал те арабские режимы, которые, опасаясь насеровского влияния на свое население, финансировали ФАТХ. ФАТХ завоевывал все более сильные позиции в палестинских общинах в различных странах арабского мира и за его пределами. Это сближало с ФАТХом и другие палестинские организации – пронасеровского толка Движение арабских националистов (ДАН), на базе которого возник Народный фронт освобождения Палестины, просирийскую «Сайку» и другие.

Характерно, что в этот период ФАТХ отнюдь не был антизападной организацией. Следовательно, такой линии придерживался Арафат. Настрой против западных государств, снабжающих современным оружием и финансирующих Израиль, появился у Арафата позже. В то время антизападную позицию из всех палестинских организаций практически занимал только ДАН, лидер которого Жорж Хабаш призывал начать борьбу за палестинские права со свержения прозападных правительств

в арабских странах. Шестидневная война 1967 года, проигранная арабскими государствами, еще больше укрепила Арафата в мысли, что завоевание палестинских прав – дело рук самих палестинцев. После Шестидневной войны ФАТХ перебазировался в Иорданию и, несмотря на большие потери, осуществлял проникновение на оккупированные территории через реку Иордан, завязывая стычки и с израильской армией. Уже в декабре 1967 года состоялся вынужденный уход Шукейри со своего поста – он давно не удовлетворял палестинцев как руководитель ООП, а после войны потерял поддержку и Египта. В феврале 1969 года на 5-й сессии Национального совета Палестины (высший орган ООП) председателем Исполкома Организации освобождения Палестины был избран лидер ФАТХа Ясир Арафат.

Параллелизм между ООП и ФАТХом завершился. ФАТХ стал главной силой, направляющей деятельность ООП. Важность происшедшей перемены заключалась также в том, что помимо фатховцев в Исполком вошли представители других палестинских военно-политических организаций.

III. Сражение у Караме – поворотный пункт в отношениях с Насером

Авторитет ФАТХа как руководящей силы ООП небывало вырос после сражения с израильской армией у Караме, на Восточном берегу реки Иордан. Можно считать, что с этого момента ООП обрела все черты именно палестинского органа. Моше Даян – министр обороны Израиля – решил нанести массированный удар по боевикам ФАТХа. Целью был выбран район вблизи городка Караме, рядом

с которым находился лагерь с 40 тысячами палестинских беженцев. Другой палестинский лагерь, Шуна, был расположен также недалеко – у моста Аленби (так назывался до переименования мост Хусейна) через реку Иордан.

21 марта 1968 года началось сражение, в котором с израильской стороны были задействованы три бригады общей численностью до 10 тысяч человек, выдвинутых на восточный берег, тяжелая артиллерия, обстреливавшая палестинские позиции с Западного берега, танки, самолеты, боевые вертолеты. В течение нескольких часов бойцы ФАТХа сражались одни, потом к ним присоединилось подразделение иорданской армии, командир которого, «не сумев связаться с королем Хусейном», сам принял решение поддержать палестинцев. Израильские танки попали в засаду. Понеся тяжелые потери – 28 убитых и 70 раненых, несколько сожженных танков, – израильтяне отступили. Палестинские потери в живой силе были втрое больше, но все равно это была большая победа, которая выглядела тем более контрастно на фоне сокрушительного поражения Египта, Сирии и Иордании в Шестидневной войне. Добровольцы из многих стран, включая Египет, пополнили ряды ФАТХа.

Через неделю после сражения при Караме Насер пригласил Арафата приехать к нему на встречу в Каир. С этого момента начинается еще один этап в жизни Ясира Арафата, которого события выдвинули на лидирующие роли в конфронтации с Израилем. В Каир Арафата сопровождали Абу Айяд и Фарук Каддуми. Но на самом деле переговоры велись между Насером и Арафатом. Это была их первая встреча «лицом к лицу». Президент Египта спросил Арафата, считает ли он, что сможет победить Израиль? «Да», – ответил Абу Амар. Он промолчал на реплику Насера, что нужно подумать и о политических средствах создания палестинского государства, но без колебаний согласился с предложением президента Египта полететь вместе с ним в Москву. Поездка состоя-

лась в июле 1968 года. Арафат официально считался членом египетской делегации с дипломатическим паспортом на имя Мохсина Амина. Советским руководителям он был представлен Насером в его настоящем качестве.

Арафат встретился с Б.Н. Пономаревым. Во время этих встреч проговаривались не только проблемы «войны на истощение» – активного минометного и артиллерийского обстрела через Суэцкий канал израильских позиций на его берегу и «второго эшелона» на Синае, оккупированного Израилем, – но и вопросы мирного всеобщего урегулирования. Может быть, тогда впервые Арафат задумался о подкреплении вооруженной борьбы против Израиля политическими средствами. Тогда Арафат мыслил о вооруженных действиях и политических мерах именно в такой последовательности и пропорции. Его не смущали марксистские лозунги, выдвигаемые Народным фронтом освобождения Палестины и выделившимся из НФОП Демократическим фронтом освобождения Палестины, особенно громко заявлявшим о марксистской направленности своей программы. Такая «толерантность» помогала ФАТХу – конечно, самому мощному из всех палестинских организаций того времени – быть во главе Палестинского движения сопротивления.

Однако в вопросе «ликвидации Израиля» Арафат и Палестинское движение сопротивления в целом все еще занимали в конце 60-х – начале 70-х годов незыблемую позицию. Публично. Ну а что происходило на самом деле, какие новые нотки пока очень глухо, а потом все громче зазвучали по поводу идеи создания палестинского государства и его места на карте Ближнего Востока?

Открываю свои записные книжки, в которых отражены мои беседы с Арафатом тех лет. Из записей следует, что Абу Амар, рожденный в пламени безальтернативности вооруженного сражения за «освобождение всей Палестины», постепенно, очень постепенно эволюционировал,

я бы сказал, в борца-политика. Конечно, политик, особенно на первых порах, проглядывал в Арафате через густую антиизраильскую фразеологию, разогреваемую, кстате, неадекватными действиями израильской армии против палестинского населения. Но в начале 70-х годов Арафат уже начинает задумываться над возможностью создания палестинского государства не вместо Израиля, а на первых порах наряду с ним. Это «на первых порах» постепенно размывается, но еще не в самом начале 70-х годов.

IV. Две встречи с Абу Амаром – до и после «черного сентября»

В этой эволюции особую роль сыграли иорданские события. Летом 1970 года в Иордании резко возросло напряжение между королем Хусейном и ПДС. Палестинское движение сопротивления – в этом вопросе оно было единым, – и в первую очередь ФАТХ, во главе с Абу Амаром взяло курс на превращение Иордании в полностью контролируемый ПДС плацдарм для вооруженных действий против Израиля. Королевское руководство категорически не принимало возможность такого развития событий и начало «осаживать» палестинцев, вплоть до запрета на ношение оружия в Аммане, создание складов боеприпасов в населенных пунктах. Тот факт, что палестинцы хотели контролировать ситуацию в Иордании, а Иордания как государство, в свою очередь, стремилась контролировать ПДС, еще не полностью объясняет суть глубоких противоречий и расстановки сил в кульминационный момент кризиса, когда на стороне Иордании практически стоял Израиль, а на стороне палестинцев – Сирия.

Дело в том, что иорданское руководство в это время уже имело контакты с израильскими по поводу судьбы Западного берега. В тех условиях Амману виделась развязка в создании палестинской автономии на Западном берегу в составе Иорданского государства. Палестинцы же на сессии Национального совета Палестины в августе 1970 года, собравшиеся в Аммане (!), вынесли решение: «...любыми способами превратить всю иордано-палестинскую арену в оплот тотальной палестинской революции». В это время Жорж Хабаш, например, заявил, что «нет абсолютно никакой разницы между Даяном и Хусейном». Ситуация накалялась. Король ввел чрезвычайное положение, назначил военный кабинет во главе с генералом Даудом. Военным губернатором Иордании с широкими полномочиями стал генерал Х. Маджали, который никогда не скрывал своих антипалестинских настроений.

6 сентября Народный фронт освобождения Палестины совершил беспрецедентную для того времени акцию, захватив в воздухе четыре авиалайнера, принудив их приземлиться на аэродроме вблизи Аммана и выдвинув ультиматум с угрозой взорвать пассажиров и команды, если не будут выпущены из израильских тюрем все заключенные-палестинцы. Даян ответил, что, даже если его дочь будет среди пассажиров захваченных самолетов, он не согласится на требования НФОП, так как это открывает вереницу непрекращающихся захватов заложников. После отказа Израиля выполнить требование тех, кто захватил самолеты, пассажиры и команды были отпущены, а авиалайнеры взорваны.

Моя встреча с Абу Амаром произошла накануне «черного сентября» 1970 года, но уже тогда, когда небо над Иорданией заволкли тучи усиливающейся палестино-иорданской конфронтации. Мы просидели несколько часов в его маленькой комнатке в Дамаске, убранство которой состояло из небольшого письменного столика

и походной узкой кровати. Арафат напористо говорил, что палестинцы несомненно возьмут верх в Иордании, так как очень многие офицеры королевской армии – палестинцы и они не поднимут руку на своих братьев. Он не принимал никаких аргументов в пользу того, что не так все просто, что Израиль не останется безучастным, если Организация освобождения Палестины подберется к власти в Аммане. «В этом случае весь арабский мир станет вторым Вьетнамом», – парировал Абу Амар.

Следующая встреча с Ясиром Арафатом состоялась опять в Дамаске 27 июня 1971 года. Позади осталось поражение палестинцев в Иордании. На помощь им не пришли иракские части, расквартированные в Иордании, на что рассчитывал Арафат. На сторону палестинцев перешло небольшое число солдат и офицеров иорданской армии, но ни одного иорданского подразделения, на что тоже рассчитывал Арафат. Палестинская освободительная армия, подкреплённая сирийской бронетехникой, вошла на территорию Иордании и двинулась к Амману. В ответ Израиль объявил мобилизацию, а США направили корабли 6-го флота в пространство между Кипром и Сирией. Несмотря на подписанное соглашение о прекращении огня, вооружённые отряды палестинцев вынуждены были уйти из Иордании. Подчеркнув доверительный характер разговора, Арафат сказал мне во время встречи с ним 27 июня:

– Конечно, положение серьёзное, но в политическом плане с сентября 1970 года мы имеем ряд положительных моментов. Теперь нам лучше видно, кто наши противники. К достижениям следует отнести и ноябрьскую 1970 года резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, в которой признаются права палестинцев».

– Имеется в виду создание палестинского государства, хотя, насколько я знаю, в резолюции Генассамблеи права палестинцев не уточнялись? – спросил я.

– О каком государстве ты говоришь? – в свою очередь задал вопрос Арафат. – О том, которое может существовать в условиях существования Израиля, – поставил я точки над «i».

– Ответу тебе тоже прямо, – сказал Арафат. – Ликвидировать Израиль в настоящее время нам не под силу. Борьба с его руководством – длительный процесс. Мы за то, чтобы в создавшейся ситуации попытаться решить положение в пользу палестинцев, чтобы наш голос звучал, чтобы наши интересы защищались. Нам нужно менять тактику. Мы против резолюции от 22 ноября*. Но что бы мы ни делали, от нас не зависит политическое урегулирование, если мы в нем не будем участвовать. Тогда мы не сможем защитить свои интересы – урегулирование пройдет мимо нас. В таких условиях защита наших прав заключается в том, чтобы оккупированный Западный берег не вернулся к Иордании, а Газа – к Египту, как это было до 1967 года. Мы за создание палестинского государства на этих территориях. Но оно не будет устойчивым, если не охватит и восточный берег Иордана, – добавил Арафат. – Даже Черчилль в своих мемуарах пишет, что после Первой мировой войны восточный берег управлялся палестинскими властями.

– Благодарю за откровенность, но немаловажный вопрос: как отнесутся к этой инициативе внутри палестинского движения?

– Это нас не волнует, – ответил Арафат. – Где они были, когда мы воевали в Иордании? Конечно, у нас будут трудности, но мы их не опасаемся.

Отвечая на мой вопрос, как отреагируют арабские страны, Арафат сказал:

* Резолюция 242 Совета Безопасности ООН, принятая после войны 1967 года, потребовала от Израиля вывода войск с оккупированных во время этой войны территорий и гарантировала мирное сосуществование всех государств в безопасных границах. В ней упоминались палестинцы только в виде беженцев, что вызвало их особо негативное отношение к резолюции.

– Против будет один Ирак. Возможно, в душе против будет Саудовская Аравия – она имеет своих людей среди нас, которых может привести в действие. Но и у нас есть сто тысяч палестинцев, работающих в Саудовской Аравии, в том числе на нефтепромыслах. Саудовская Аравия понимает, что и мы сможем действовать, и навряд ли будет активничать. В США король Фейсал заявил, что они примут все, с чем согласятся палестинцы. До этого Фейсал уже не отвергал формулу «демократического двунационального государства в Палестине», которую раньше называл отступничеством от ислама. Примет и сейчас нашу новую формулу. Резко против будет король Хусейн. Возможно, даже захочет в таких условиях заключить сепаратный мир с Израилем. Мы знаем о его контактах – с Абба Эбаном в Лондоне, с Моше Даяном в Нью-Йорке, с Игалом Аллоном на Мертвом море. Но Израиль хочет договариваться не с ним, а с палестинцами. Палестинцы видят путь к политическому урегулированию через создание палестинского государства, а не претворение в жизнь резолюции 242 Совета Безопасности, – резюмировал Абу Амар.

Арафат в подтверждение своих слов нарисовал карту Палестины, которая была разделена на две части. «Здесь будем мы, – указал Арафат, – а здесь будет Израиль». По моей просьбе он, ни минуты не колеблясь, подписал эту карту.

Это было летом 1971 года, то есть почти за двадцать лет до того, как Арафат во всеуслышание заявил, что целью палестинского движения не является уничтожение Израиля. Сообщая в Москву об этой встрече, я подчеркнул в шифротелеграмме несколько обстоятельств. Наступает новый момент в процессе урегулирования – в нем начинают участвовать палестинцы. Арафат взял курс на создание палестинского государства наряду с Израилем – его разговоры о невозможности добиться ликвидации этого государства в настоящее время – дань

риторике и камуфлирование отхода от прежде декларируемой позиции. Несмотря на утверждение Арафата, что его не волнует внутripалестинское положение, не было оснований считать, что не произойдет реального раскола в ПДС по поводу идеи палестинского государства на оккупированных в 1967 году Израилем территорий – Западном берегу и Газе (я провел в Дамаске беседы с руководством «Сайки» Зухейром Мохсином и главой НФОП Жоржем Хабашем – оба крайне отрицательно относились к идее палестинского государства, а Хабаш даже назвал это «предательством»).

Мой разговор с Арафатом происходил непосредственно после его встречи в Каире с Садатом и саудовским королем Фейсалом, и есть основание считать, что они одобрительно обсудили новую политику палестинцев, включая их будущие отношения с иорданским королем Хусейном. Резюме было следующим: открыто взятый курс на создание палестинского государства внесет серьезную модификацию в процесс политического урегулирования. Следовало бы, очевидно, выяснить, в какой степени США участвуют в такой переориентации. Во всяком случае, Советскому Союзу оставаться в стороне от этого процесса было бы нежелательно, тем более что он перспективен в историческом плане, а наши связи с ФАТХом в таких условиях могли бы не только способствовать политурегулированию на Ближнем Востоке, но и росту влияния СССР в регионе, в том числе в планируемом государстве, которое в той или иной форме будет создано.

Во время октябрьской войны 1973 года я был в Сирии и Ливане. Сама война, на этот раз инициативно начатая Египтом и Сирией, вновь вернула на какой-то период Арафата и большинство его коллег к мысли о том, что все-таки путь к палестинскому урегулированию лежит через военные действия регулярных вооруженных сил арабских государств против Израиля. Военные успехи

Египта и Сирии на начальной стадии войны предрасполагали к такому выводу. В это время, как мыльный пузырь, лопались мифы о сговоре сверхдержав против палестинцев, о недоброкачественности советского оружия, которым были оснащены египетская и сирийская армии. На слуху у всех были названия САМ-6, САМ-7 – ракет, которыми сбивали израильские самолеты. Образно выразился на этот счет Мухаммед Ода, с которым я встретился в Бейруте 13 октября, – он незадолго до этого приехал из Каира: «Сравнивая ситуацию с 1967 годом, могу сказать, что израильтяне стали больше арабами, а мы стали больше евреями».

V. Не пренебрегать политикой

Поражение арабов в войне и последовавшие за этим события укрепили Арафата в мысли о необходимости решать палестинскую проблему теперь уже и политическим путем. К этому выводу его, несомненно, подтолкнула позиция, занятая иорданским королем Хусейном. Член руководства Народно-демократического фронта освобождения Палестины Салех Раафат 9 октября был послан в Амман, где имел встречу с королем. Ему было поручено поднять перед Хусейном два вопроса: о вступлении Иордании в войну и разрешении ПДС вернуться в Иорданию. Король ответил следующим образом: «Меня предупредили американцы, что через несколько дней египетская и сирийская группировки будут уничтожены. В таких условиях я начну военные действия лишь в случае освобождения Голанских высот и закрепления египтян на восточном берегу Суэцкого канала. А без начала мною военных действий не может быть и речи о разрешении для ПДС вернуться в Иорданию».

Я полагаю, что зондаж позиции Хусейна был осуществлен по прямому указанию Арафата. Во всяком случае, до него, несомненно, была доведена позиция короля, и он не мог не понимать, что путь к превращению Иордании в плацдарм для вооруженных действий против Израиля отрезан.

13 октября Хаватма, подчеркнув, что так считает и Абу Амар, сказал мне: «Война приводит к относительному снижению роли ПДС, поэтому еще важнее иметь конструктивную программу – создание палестинского государства». Но какого и каким путем?

Гипотетически на тот момент было три варианта: либо вести дело к освобождению вооруженным путем оккупированных Западного берега и сектора Газа, что было невозможно без новой большой войны с Израилем; либо политическими методами добиваться решения о создании палестинского государственного образования на Западном берегу в составе Иордании, возможно образуя с ней конфедерацию; либо добиваться создания самостоятельного палестинского государства. За второй вариант выступали Соединенные Штаты. Можно считать, что этот вариант не только был приемлем, но и импонировал Амману.

О сирийской позиции сказал мне близкий к сирийскому руководству председатель Национального собрания Палестины Халед Фахум во время нашей встречи 15 октября в Дамаске, куда я приехал из Бейрута. По его словам, Хафез Асад считает единственным выходом из ситуации для палестинцев, прежде всего, освобождение Западного берега, а уже потом думать с Иорданией о совместном государстве. Для Арафата тогда такая формула была неприемлема в обеих своих частях. Это он подтвердил мне еще раз во время нашей встречи в Сайде 23 октября (со мной был наш дипломат В.И. Колотуша). «Мы только за самостоятельное государство, которое следует попытаться создать комбинацией из военных и полити-

ческих средств, – сказал Арафат. – Однако никто и ничто не заставит нас опять пойти под власть бедуинов, связанных с американцами и англичанами».

Начал он говорить на эту тему инициативно, говорил жестко, очевидно, в тот момент был очень озабочен реакцией Иордании и Сирии на идею палестинского государства. Можно предположить, что внутренне он надеялся на поддержку Каира. Во всяком случае, он сказал, что видит просчеты палестинцев «в недостаточной гибкости» в отношении «плана Роджерса»¹⁰³ (как известно, принятого Насером. – *Е.П.*), а потом задумался и добавил: «В результате в сентябре 1970 года мы не имели египетского тыла. Теперь мы не повторим такой ошибки».

Арафат все больше становился реалистом, все меньше его качало влево, вправо, все серьезнее относился к политическим проблемам. Это особенно контрастно выглядело на фоне некоторых других палестинских руководителей. Хотел бы в этой связи привести свою беседу с симпатичным мне, умным, но «леваком» до мозга костей доктором Жоржем Хабашем. Мы встретились с ним в Бейруте, куда я приехал из Сайды, где беседовал с Арафатом. Хабаш начал разговор со мной с утверждения, что «все решают трудящиеся массы в палестинском движении, их революционный порыв». Я совсем необидно – мы с ним были в дружеских отношениях многие годы – прервал его словами: – Существует все-таки разница между революционным романтизмом и революционным реализмом, – и добавил, что очень чту Че Гевару, даже порой восхищаюсь им, но революцию в Боливии он не сделал. – Хорошо, – сказал Хабаш. – Тогда я определю политику Народного фронта в таких пунктах: против резолюции 242, против антисоветизма, а по политурегулированию у нас еще нет решения... После октябрьской войны маневренное поле Арафата стало расчищаться. В ноябре 1973 года арабское совещание в верхах в Алжире признало ООП, в котором по-прежнему доминирующие

позиции принадлежали ФАТХу, «единственным законным представителем палестинского народа».

26 сентября 1974 года из состава Исполкома ООП вышел Народный фронт освобождения Палестины, который полностью исключил политический путь решения палестинской проблемы. Что касается Иордании, то король Хусейн сначала попробовал «перетянуть канат»: ему удалось в 1974 году добиться, чтобы в александрийское коммюнике о его переговорах с Садатом было включено такое положение: «ООП является законным представителем палестинцев, за исключением тех, которые проживают на территории Иорданского Хашимитского Королевства». Однако он вынужден был подчиниться решениям Рабатского совещания глав арабских государств (октябрь 1974 года), после чего Иордания «исключила из своей ответственности» Западный берег. (Впоследствии это дало ей возможность, не имея никаких спорных с Израилем территорий, подписать мирный договор с Израилем.)

С момента официального отказа от своего контроля над Западным берегом король Хусейн пошел своим, иорданским путем. Как-то он сказал во время одной из наших бесед: «Я инициативно вошел в войну с Израилем в 1967 году и потерял Западный берег. Это меня многому научило». Он ничего не добавил к этим словам, а я мысленно докончил его фразу: «А теперь я не хочу из-за Западного берега терять свое государство, свой трон». Его тоже можно было понять. После всего происшедшего главной проблемой для Арафата, ФАТХа, ООП становилось признание резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН. По этому вопросу одинаковую позицию занимали СССР и США. Но разница заключалась в том, что США и Израиль использовали непринятие этих резолюций ООП как показатель невозможности договориться с палестинцами.

«Время шло, – пишет Махмуд Аббас. – Каждый раз, когда в Москву приезжали официальные палестинские

делегации, Андрей Громыко говорил на встречах с ними: “Перед вами нет другого выбора, кроме как признать резолюции 242 и 338. Эти резолюции – сильный козырь в ваших руках, который нужно использовать в подходящий момент. Смотрите не упустите момент. Прошу вас, дайте нам возможность разыграть этот козырь на переговорах с американцами, европейцами, израильянами. Возможно, тогда нам удастся найти нужное вам решение”. В ответ палестинцы постоянно твердили: «Нет, мы не можем принять эти резолюции»*. Такие диалоги каждый раз происходили в Москве, и они, очевидно, сыграли, в конце концов, определенную роль в изменении позиции ООП по этим резолюциям. К такому выводу можно прийти, не впадая в преувеличение воздействия «советского фактора». Дело в том, что ООП могла бы по-прежнему отвергать резолюции (за такой позицией стояло опасение, что согласие с ними будет означать признание Израиля в то время, как палестинский вопрос в резолюциях ООН сводился не к образованию государства, а к проблеме беженцев), если бы одна из сверхдержав была бы по меньшей мере нейтральной.

Но этого не случилось. Одновременно просматривалась перспектива изоляции палестинцев и в арабском мире, где преобладающее большинство государств приняло эти резолюции, не говоря уже о мировом общественном мнении. Более того, непризнание резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН стало фактически непреодолимой преградой на пути развития начавшихся контактов палестинцев сначала с представителями американских еврейских кругов, а затем и различных политических сил Израиля.

Не думаю, что палестинское руководство тогда недооценивало роль Соединенных Штатов. В середине 70-х годов был активизирован секретный канал – линия связи

* *Абу Мазен (Махмуд Аббас)*. Путь в Осло. – М., 1966. С. 34.

между ЦРУ и разведывательной организацией ООП «Джихаз ар-Расд», контакты осуществлялись и через американское посольство в Бейруте, а также с Арафатом через Саудовскую Аравию. Эти каналы связи использовались американской стороной для обеспечения безопасности своего посольства в Ливане во время гражданской войны в этой стране. В 1976 году США обращались к ООП с просьбой обеспечить безопасную эвакуацию американских граждан из Бейрута, а после того, как палестинцы откликнулись на эту просьбу, Г. Киссинджер направил благодарственное письмо Я. Арафату. Американско-палестинские контакты активизировались по секретному каналу во время захвата американских заложников в Иране. Двум представителям ООП, специально направленным по просьбе ЦРУ в Тегеран, удалось добиться освобождения из числа заложников женщин и афроамериканцев. Это все происходило на фоне заявления президента Картера, что палестинцам принадлежит право на создание «национального очага».

Но контакты с ООП осуществлялись американской стороной по чисто прагматическим, а не политическим вопросам и без всякой огласки. Сказывалось опасение реакции Израиля и израильского лобби в США. Под их давлением США вынуждены были даже предложить уйти в отставку своему постоянному представителю в ООН Эндрю Янгу, который «самовольно» встретился с представителем ООП в Организации Объединенных Наций. Эволюция Арафата была нелегкой. Ему на разных этапах в этом помогали Абу Айяд, Абу Мазен, Ясир Абдрабо, Набиль Шаат, Махмуд Дарвиш (известный палестинский поэт, проживавший в Израиле), Халед Хасан, Абу Аля и другие. Некоторые не вносят в этот список одного из основателей палестинского движения Абу Джихада.

Я не согласен с этим. Во время моих бесед со всеми перечисленными лидерами палестинцев можно было отметить некоторые различия в их подходах к процессу

урегулирования. Но тот же Абу Джихад 5 сентября 1979 года в Бейруте открыл мне, что санкционировал встречу с Даяном своего представителя Натша и получил от него письменный доклад. Даян задал несколько вопросов, в том числе «признают ли палестинцы план автономии в Иордании и можно ли рассматривать урегулирование в Газе отдельно от Западного берега». Натша сказал, что он – частное лицо и ответы на эти вопросы можно получить на переговорах с руководством ООП. По словам Абу Джихада, который и не думал дезавуировать своего представителя, по сути заявившего Даяну о возможности переговоров с Израилем на уровне руководства ООП, это «уже второй случай контактов израильтян с нами». Он добавил, что и американцы зондируют возможность контактов с ООП. Например, Сондерс попросил профессора Гарвардского университета Валида аль-Халиди посоветоваться о наших делах. Тот ответил: «Я американский гражданин. Если хотите, переговоры можно вести с ООП».

Не думаю, что рассказывающий обо всем этом человек мог занимать крайне негативную позицию по переговорам палестинского руководства с целью добиться политического урегулирования палестинской проблемы*. Все это имело место в то время, когда прорабатывались,

* Абу Джихад (Халиль аль-Вазир) был убит в 1988 году в Тунисе в результате операции, осуществленной израильтянами. Несмотря на то что с готовящейся операцией не были согласны входившие в правительство Шимон Перес, бывший командующий ВВС Израиля Эзер Вейцман и бывший президент Израиля, министр образования Ицхак Навон, которые не без основания считали, что убийство Абу Джихада лишь осложнит ситуацию на Западном берегу и в районе Газы, где развернулась первая интифада, победили те, кто сделал ставку на силовое решение. Три агента Моссада прибыли в Тунис разными рейсами под видом ливанских туристов и арендовали два микроавтобуса. Ракетный катер в ночь на 16 апреля высадил десант из 30 спецназовцев ВМС на тунисский пляж. Микроавтобусы с диверсантами подъехали к дому в пригороде Сиди Бусаид, где проживала семья Абу Джихада. Он и два его охранника были изрешечены пулями. Убийство снимала на пленку оперативник-женщина. Связь с диверсантами осуществлялась с борта пассажирского самолета «Боинг-707», пролетавшего в 30 милях от Туниса над Средиземным морем.

естественно, с ведома Арафата, еще по одной линии ша- ги по организации конфиденциальной встречи с изра- ильтянами. Посредником выступил ливанский христи- анский лидер Шамун. Вначале член политбюро шамуновской Либерально-демократической партии На- биль Наджам, а затем сын Шамуна Дани рассказали мне, что «посредническая миссия» была подготовлена в дета- лях. Вейцман дал «добро».

Палестинцев должен был представлять Абу Хасан. Но перед самой встречей его убили. По словам Набиля Наджама, это осложнило обстановку, но не прекратило попыток шамуновцев организовать конфиденциальную палестино-израильскую встречу. Эта тема обговарива- лась секретно 3 сентября 1979 года Шамуном с помощ- ником Абу Айяда Митхатом. Шамун увязывал организа- цию тайной палестино-израильской встречи с выводом палестинских вооруженных отрядов с юга Ливана и кон- центрации невооруженных палестинцев в лагерях на юге. Дани Шамун, в свою очередь, говорил, что убийство Абу Хасана не перечеркнуло необходимости тайных кон- тактов представителей палестинского и израильского руководства, и связывал это с перспективой, что прези- дентом Израиля станет Вейцман. Конечно, в то время не все в руководстве ООП были сторонниками тайных пере- говоров с Израилем, о чем, как мне представляется, сви- детельствовало убийство потенциального переговорщи- ка Абу Хасана.

Но факты говорят о том, что уже в 1979 году идея тай- ных контактов не была отвергнута теми, кто реально на- ходился у руля палестинского движения. А еще в августе 1978 года состоялось решение Исполкома ООП о созда- нии на оккупированной территории организации, кото- рая будет ограничиваться лишь легальными формами борьбы. «Лишь пустив корни на оккупированной терри- тории, мы сможем сохранить шансы на участие в процес- се политурегулирования», – сказал мне Ясир Абдрабо.

VI. Напряженность с Сирией: послание Андропова

Не хочу оставлять за скобками отношения Арафата с Сирией, которые начали обостряться в конце 70-х годов, а после израильского вторжения в Ливан и вынужденного ухода оттуда палестинских бойцов накалились до основания. Многие считали Арафата виновным в происходящем. По их логике он, дескать, отступал от интересов палестинского народа раньше времени, пока еще Израиль не был загнан в угол вооруженной борьбой палестинцев, не исключал договоренностей с ним.

К этому прибавлялись и другие аргументы: Арафат, мол, после того, как палестинцы проиграли в Бейруте, пошел на встречи с королем Хусейном и обсуждал с ним вопросы конфедерации с Иорданией, забыв «черный сентябрь». В вину Арафату ставили и его визит в Каир, который после гибели Садата не отошел от кэмп-дэвидских соглашений. Стало распространяться мнение – его особенно рьяно поддерживали сирийское руководство и палестинские организации, тяготеющие к Дамаску, – что Арафат занял правую, капитулянтскую позицию. Такое мнение усиленно доводилось до Москвы.

Но нужно признать, что, несмотря на распространенность таких оценок, в том числе среди ряда советских экспертов-ближневосточников, антиарафатовская линия не была принята советским руководством. СССР не пошел в фарватере политики Дамаска, понимая, что одним из главных мотивов Сирии в то время было поставить под контроль палестинское движение и использовать его для усиления своих позиций при контактах с США с целью поиска приемлемых для себя принципов урегулирования с Израилем. Однако советское руководство оказа-

лось в нелегком положении. С одной стороны, Сирия стала главной опорой советской политики на Ближнем Востоке. После того как от СССР дистанцировался саудовский Египет и проявились осложнения в отношениях с саддамовским Ираком, происходило сближение по всем линиям с Хафезом Асадом. С другой стороны, Москва, которая стремилась играть активную роль в ближневосточном урегулировании, выступала за решение ключевого вопроса – создание палестинского государства, была заинтересована в укреплении связей с основной палестинской силой – ФАТХом и его лидером Арафатом.

Многочисленные встречи с представителями других, идеологически более близких палестинских организаций – НФОП, ДФОП, не могли заслонить значение доверительных связей с руководством ФАТХа. А события тем временем далеко не соответствовали интересам СССР. Сирийцы и ливийцы подтолкнули двух видных военных деятелей ФАТХа, Абу Мусу и Абу Салеха, на выступление против Арафата. Абу Муса был широко известен как герой боев в Бейруте, и это обеспечивало ему поддержку ряда членов ФАТХа, особенно военной группировки. В документе, опубликованном Абу Мусой и его сторонниками против Исполкома ООП, отрицался любой компромисс с Израилем, а целью провозглашалось освобождение всей Палестины.

Абу Муса со своей группой выступил и против «плана Рейгана», и против фесской инициативы, и против сотрудничества ООП с консервативными арабскими режимами. Произошли столкновения между отдельными отрядами палестинцев в ливанской долине Бекаа, а затем в ливанском Триполи. В результате Арафат с 4 тысячами палестинских бойцов ушел из Ливана в Тунис. Незадолго до этого я находился в Бейруте, где намечался ряд моих встреч с сирийскими руководителями, включая президента Хафеза Асада. Естественно, что одной из главных тем этих встреч должен был стать призыв к сирийцам

отойти от враждебной позиции в отношении ФАТХа и его лидера.

2 июня 1983 года в сопровождении нашего посла в Дамаске В.И. Юхина прибыл в резиденцию президента Сирии. Из беседы с Хафезом Асадом стали ясны некоторые моменты, характеризующие позицию Сирии. Обратила на себя внимание такая постановка вопроса. «Всеобщее ближневосточное урегулирование, – сказал Асад, – возможно только при наличии равенства между силами участников переговоров. Сейчас, – пояснил он, – после выхода Египта из конфронтации, такое урегулирование возможно лишь при равенстве сил Сирии и Израиля». Говоря о позитивном отношении к идее созыва мирной конференции по Ближнему Востоку под председательством СССР и США, Асад, однако, сказал, что считает ее созыв реальным делом лишь тогда, когда на Ближнем Востоке сложится четко выраженное равенство сил. Конечно, и я, и Юхин понимали (мы позже обменялись мнениями о беседе), что, подчеркивая значение «выравнивания сил» для урегулирования конфликта, Асад, с учетом нашей несомненной заинтересованности в таком урегулировании, подталкивает СССР к увеличению поставок различных видов вооружений Сирии.

Вместе с тем такое недвусмысленное заявление против урегулирования в тогдашних условиях помогало понять подоплеку усиливающейся враждебности сирийцев к тем палестинским силам, которые нащупывают возможности договориться с Израилем на компромиссной основе. Хотя беседа была длительной, но Асад не углубился в поднятые мною вопросы о необходимости разрядить его отношения с Арафатом. Согласен он с ним или нет, Арафат – признанный палестинский лидер, ставка на его оппонентов несостоятельна, а раскол палестинского движения резко ослабляет арабскую сторону и не способствует урегулированию конфликта с Израилем, даже исходя из его собственной логики.

Я говорил все это, уже проведя ряд встреч в Дамаске. В телеграмме, направленной в Москву 1 июня, написал, что доводимая до сведения палестинцев информация о сирийской позиции невмешательства в их дела и даже согласия на сохранение Арафата в качестве лидера ПДС не отражает действительности. Министр иностранных дел САР А. Хаддам сказал в беседе со мной, что «Арафат чрезвычайно ослаб и группа Абу Салеха уже сильнее его сторонников». Заведующий восточноевропейским отделом МИДа Кафри (бывший посол Сирии в Москве) в доверительной беседе пошел еще дальше, заявив, что «сирийцы будут только рады, если представится возможность устранить Арафата». Между тем, подчеркнул я в телеграмме, тенденция на устранение Арафата не поддерживается большинством палестинцев, и позиции Арафата будут усиливаться, так как преобладающее большинство палестинских организаций выступает против вмешательства арабских государств в их дела.

В этой связи я предложил в качестве срочной меры в передаче Московского радио и в советской печати дать обращающий на себя внимание материал против раскола в палестинском движении и с выражением поддержки Арафата как признанного лидера ООП.

В это время, в начале июня 1983 года, посол СССР в Сирии Юхин получил из Москвы указание в срочном порядке передать Арафату устное послание Ю.В. Андропова, уже ставшего Генеральным секретарем ЦК КПСС. Послание было очень важным: главная мысль в нем заключалась в необходимости отступить от жесткой линии в отношении сирийского руководства и найти компромисс, а также преодолеть разногласие и в палестинских рядах. Одновременно говорилось о наших усилиях повлиять на сирийскую сторону в этом же направлении. Имел большое значение сам факт направления послания советского высшего руководителя Арафату. Этим как бы подчеркивалось, что СССР, будучи в тесных партнерских

отношениях с Сирией, не следует курсом, который в то время можно было назвать антиарафатовским.

Но как передать это послание – ведь Арафат был вне Дамаска. Однако 3 июня стало известно, что на очень короткое время по пути в Румынию он находится в Дамаске в представительстве ФАТХа. Посол Юхин без риска испортить свои отношения с официальным Дамаском не мог посетить Арафата, явочным порядком прибывшего на несколько часов в столицу Сирии. Выполнить указание из Центра Юхин мог только в советском посольстве, но Арафат по своим соображениям – и по политическим, и связанным с безопасностью – предпочел в наше посольство не ехать. Принимая во внимание мои дружеские связи с Арафатом, меня попросили поехать к нему в бюро ФАТХа и уговорить прибыть в советское посольство.

Вместе с Р.В. Ющуком, который в то время находился в Дамаске, мы убедили Арафата в целесообразности проведения встречи с Юхиным для получения послания Андропова на территории советской дипломатической миссии. Ехали мы в посольство с Арафатом в бронированном автомобиле в сопровождении джипа с автоматчиками – до такой степени в то время накалились отношения Сирии с палестинским лидером. Арафат утверждал, что имеет доказательства причастности Дамаска к организации недавнего на него покушения. На встрече в советском посольстве Арафат просил передать благодарность Андропову за столь необходимую ему поддержку. Он заявил, что не сомневался в позиции СССР, и заверил, что не допустит эскалации ухудшения отношений палестинцев с сирийским руководством. Вместе с тем он подчеркнул, что находится «меж двух огней»: либо конфронтация с сирийскими войсками в районе Бекаа, защищающими бунтовщиков, либо мятеж будет продолжаться.

Спросили у Арафата, намерен ли он в сложившейся обстановке предпринять практические шаги по налаживанию отношений с сирийским руководством. Арафат ответил, что нынешний кризис спровоцирован сирийцами, и они должны сделать шаг навстречу палестинцам, а именно – прекратить вмешательство в их дела. Одновременно лидер ООП подчеркнул, что сохраняет поддержку. Об этом свидетельствует то, что он не пошел на вооруженное подавление мятежа, грозившее столкновением с сирийцами, и продолжает надеяться лично на президента Сирии Асада, который может сделать первый шаг навстречу ФАТХу и ему.

Времени было мало, Арафат спешил на аэродром и настоятельно попросил меня и Ющука приехать к нему в ливанский Триполи после его возвращения из зарубежной поездки. «Ситуация требует обстоятельной беседы», – сказал Арафат. Арафат возвратился из поездки в Румынию, Алжир, Ирак, НДРГ и Кувейт, надеясь заручиться поддержкой лидеров этих стран для оказания сдерживающего влияния на Сирию, и тут же через своего представителя в Дамаске передал о своем желании «встретиться в скорейшем порядке с Примаковым и Ющук» на одной из своих баз на севере Ливана.

Мы выехали 14 июня через город Хомс под охраной вооруженных палестинцев. Беспрепятственно пересекли контрольно-пропускные пункты на сирийско-ливанской границе, а затем с базы ФАТХа, недалеко от Триполи, в сопровождении присланных Арафатом людей, проследовав через ряд палестинских кордонов, прибыли на его временный командный пункт в горах. Здесь же, в оливковой роще состоялась встреча с Арафатом, которая длилась более трех часов. Через нас Арафат передал свое ответное устное послание Андропову. Он «сердечно благодарит советское руководство за своевременную реакцию на попытки внести раскол в палестинские ряды». По словам Арафата, «...послание Андропова, переданное

3 июня, и другие шаги Советского Союза позволили почувствовать руководству ООП, что произошел спад сирийской активности, направленной против него».

Палестинский лидер просил передать Андропову, что «сделает все от него зависящее для нормализации обстановки в рядах палестинцев и налаживания отношений с Дамаском, который теперь не может не учитывать мнение Советского Союза». Тот факт, что «сирийцы постепенно начинают отходить от своей линии на раскол в палестинском движении», Арафат прокомментировал таким примером: брат президента Асада Рифаат сказал ему, что сирийское руководство с самого начала получило неверную информацию, будто мятежники располагают всеобщей поддержкой и смогут увлечь за собой большинство ФАТХа. Убедившись в несоответствии этих сведений с действительностью, Асад образовал комиссию для посредничества между враждующими палестинскими группами, не включив в нее ни Хаддама, ни руководителя военной контрразведки Али Дубу, известных своими выступлениями против сближения Сирии с Арафатом.

Обрисовывая свою позицию в отношении урегулирования, Арафат конкретизировал ряд моментов: вынужденный уход вооруженных сил палестинцев из Бейрута нисколько не означает, что ООП опирается в своем политическом маневрировании на «план Рейгана»; «иорданский вариант» означает для ООП главное – создание палестинского государства, и только потом возникнет возможность создания конфедерации Западного и Восточного берегов Иордана.

В разговоре с королем Хусейном, по словам Арафата, он не выходил за рамки этого варианта. Арафат сказал также, что он был и остается противником кэмп-дэвидских соглашений, но намерен активизировать политические действия, чтобы «не дать времени работать против интересов палестинского народа». При этом Арафат

говорил о продолжающемся заселении израильянами Западного берега и сектора Газа, что может сделать «антипалестинскую ситуацию» необратимой.

Мы тепло попрощались с Арафатом и в сопровождении до самого советского посольства в Дамаске двух автомашин с вооруженными палестинцами благополучно вернулись из Северного Ливана незадолго до полуночи 14 июня. Но эта поездка имела продолжение. Я попросился к Асаду, чтобы изложить ему свои впечатления от встречи с Арафатом, и 16 июня был принят сирийским президентом. Естественно, я рассказывал о беседе с Арафатом так, чтобы максимально сблизить его позиции с сирийцами. К этому времени Асад получил послание советского руководства в связи с положением в Ливане. Думаю, что это послание и мой рассказ растопили лед, и Асад говорил уже совсем не так, как во время встречи с ним двенадцать дней назад. Он сказал, что «в принципе согласен с советским руководством – Сирии следует выступить с конструктивными идеями как по Ливану, так и по ближневосточному урегулированию в целом, при согласовании позиции с СССР».

Касаясь отношений с ООП, Асад сказал: «Сирия заинтересована в сохранении его единства и одновременно в том, чтобы прогрессивные элементы, и в первую очередь в ФАТХе, могли играть существенную роль в выработке политического курса палестинского руководства. Сирия продолжает контакты со всеми заинтересованными сторонами в палестинском движении, включая сторонников Арафата». Асад обещал взвесить все «за» и «против», что касается его возможной встречи с Арафатом. Конечно, описанные встречи не могли нормализовать отношения между ФАТХом и Дамаском, но они, по-видимому, сбили накал страстей, а ведь момент был такой, когда могло начаться широкое сирийско-палестинское вооруженное столкновение. К счастью, это не произошло.

VII. «Мир палестинцам и израильтянам в равной степени»

Заслуга Арафата и его коллег заключается, прежде всего, в том, что он преодолел сопротивление тех сил в ООП и вне ее, которые занимали крайне негативные позиции в отношении резолюций 242 и 338 Совета Безопасности ООН. В 1988 году на 19-й сессии Национального совета Палестины эти резолюции были признаны. Его заслуга и в том, что он сумел связать признание резолюций 242 и 338 с согласием США и Израиля на создание палестинского государства на Западном берегу и в секторе Газа. Такая увязка была достигнута, пройдя и через интифаду – восстание на оккупированных территориях, вспыхнувшее 7 декабря 1987 года, – и через решение короля Хусейна об отказе от своего контроля над Западным берегом, – это фактически вело и в конце концов привело к признанию Организации освобождения Палестины в качестве представителя палестинского народа, с которым израильское руководство так или иначе стало вести дело.

Одновременно возрастала международная поддержка ООП как стороны в переговорах по решению палестинской проблемы. После некоторых колебаний и не без внутренней борьбы Арафат определил свою позицию на пресс-конференции в Женеве на следующий день после своего выступления 14 декабря 1988 года на Генеральной Ассамблее ООН*. Сделанное им заявление, пожалуй, даже важнее его выступления на Генеральной Ассамблее,

* Ее сессия временно для заслушивания Арафата была перенесена по требованию практически всех стран – членов ООН (против голосовали только США и Израиль) в Женеву, после того как США отказались выдать Арафату визу для участия в Генассамблее в Нью-Йорке.

так как во время этой пресс-конференции Арафат, по сути, отвечал тем, кто пытался представить, будто он, находясь на трибуне Генассамблеи, ушел от многих вопросов.

Приведу важнейшие части заявления Арафата. «Создание нашего государства, – сказал он, – дает палестинцам свободу – оно обеспечит мир и палестинцам, и израильтянам в равной степени... Вчера в своем выступлении я говорил о резолюции 181 Генеральной Ассамблеи как основе для палестинской независимости. Я также подчеркнул, что мы признаем резолюции 242 и 338 как основу для переговоров с Израилем в рамках международной конференции. Именно о признании этих трех резолюций заявил Национальный совет Палестины на сессии в Алжире. В моем выступлении было ясно сказано, что под правами нашего народа мы понимаем его право на свободу и национальную независимость в соответствии с резолюцией 181 и право всех вовлеченных в ближневосточный конфликт сторон жить в мире и безопасности, включая государства Палестина, Израиль и другие соседние государства в соответствии с резолюциями 242 и 338.

Что касается терроризма, то вчера я объявил со всей очевидностью, и я повторяю, чтобы зафиксировать нашу позицию, что мы полностью и решительно отвергаем все виды терроризма, включая одиночный, групповой и государственный... Пусть все поймут, что ни Арафат, ни кто-либо другой не сможет остановить интифаду. Она прекратится только тогда, когда будут предприняты конкретные практические шаги для достижения наших национальных целей и создания палестинского государства...

В заключение, – сказал Арафат, – заявляю перед вами и прошу вас передать мои слова: мы хотим мира, мы обязуемся сохранить мир, мы хотим жить в собственном палестинском государстве, и пусть другие также живут».

Ряд западных, да и не только западных авторов, пишущих о последовавшем периоде, особенно о секретных палестино-израильских переговорах в Осло, в которых ведущую роль играл Махмуд Аббас, о трудной подготовке Декларации о принципах, подписанной в Вашингтоне 3 сентября 1993 года, а затем о не менее трудном переговорном процессе в рамках двустороннего «трека» Мадридской мирной конференции, сознательно принижают роль Арафата. Некоторые даже договорились до того, что прогресс в политических контактах происходил помимо его воли, что он стал «заложником событий».

На основе своих бесед с Абу Амаром я полностью отвергаю такие заключения. Более того, без Арафата практически не принималось ни одно принципиальное решение палестинских представителей как в Осло, так и на официальных палестино-израильских переговорах в Вашингтоне. Вместе с тем Арафат лучше, чем другие, понимал необходимость доведения договоренностей с Израилем до такого уровня, который позволит принять их большинством палестинцев. Когда ему доложили о результатах одной из встреч в Осло, во время которой израильские представители, имея предварительные контакты со своим высшим руководством, согласились начать «переходный этап» с вывода войск из сектора Газа, он сказал: «Этого недостаточно. Нужно прибавить сюда Иерихон – Израилю легче будет пойти на это, так как в этом районе нет еврейских поселений».

Арафат дал указание настаивать на принятии проекта «Газа – Иерихон». Описывая, как трудно было пробить израильское сопротивление в этом вопросе, Абу Мазен признает, что эта тема, ставшая особым пунктом Декларации о принципах, «явилась лакмусовой бумагой, с помощью которой проверялись и испытывались искренность израильтян и их планы на будущее»*.

* *Абу Мазен (Махмуд Аббас). Путь в Осло. С. 262.*

Эти слова актуально звучат и сегодня, когда в Израиле многие политики требуют воздержаться от вывода войск с Западного берега, ограничившись одной Газой. Именно Арафат настоял, даже пригрозив в последний момент перед подписанием декларации, что палестинцы не придут в Белый дом, если в ее тексте будет просто ссылка на палестинскую делегацию, а не на ООП. Под угрозой срыва подписания израильская сторона и Соединенные Штаты согласились перепечатать последнюю страницу подготовленных экземпляров Декларации о принципах. В этом был весь Арафат: научившись проявлять политическую гибкость, он твердо знал, каковы ее пределы, переход за которые может разрушить с таким трудом строящееся здание урегулирования с Израилем. Арафат прекрасно понимал расстановку сил в Палестинском движении сопротивления, тонко чувствовал настроения палестинских масс и умел мастерски использовать аргументы в пользу палестинского соглашения.

VIII. Объективность против «кривых зеркал»

У Арафата, как у любого другого политического лидера, естественно, были ошибки, промахи. Их попросту не могло не быть, особенно в такой турбулентной обстановке, как на Ближнем Востоке. Его серьезно критиковали, например, за позицию в поддержку Саддама Хусейна, когда тот оккупировал Кувейт. Вспоминаю встречу с Арафатом в 1991 году, во время кризиса, вызванного иракским захватом Кувейта. По поручению президента М.С. Горбачева, будучи членом Совета безопасности РФ, я вылетел в Багдад с целью прозондировать возможность

вывода войск Саддама Хусейна из соседней страны без войны. По пути в Багдад решил, совершив промежуточную посадку в Аммане, посоветоваться с Арафатом, который незамедлительно откликнулся на мою просьбу и прибыл в иорданскую столицу со всем своим окружением.

«Если начнется война против Ирака, то возмутится весь арабский мир, превратившись во второй Вьетнам», – начал он, обводя взглядом своих коллег, присутствовавших при встрече. Я напомнил наш разговор в Дамаске в 1970 году и то, как разворот событий не подтвердил его прогнозы. Арафат просидел молча с минуту, а затем дал команду готовить его самолет к вылету в Багдад. «Я постараюсь создать благоприятную почву для успеха твоей миссии», – сказал он.

Нужно сказать, что с самого начала этой встречи я почувствовал поддержку со стороны Абу Айяда и Абу Мазена: они, мягко говоря, скептически относились к шагам, предпринятым Саддамом Хусейном. Уверен, что, несмотря на публичные заявления, Арафат на деле стремился подтолкнуть С. Хусейна к решению о выводе его войск из Кувейта. Может быть, не все это знают, но это было именно так. Кстати, уже во время моей второй поездки в Багдад, последовавшей через пару недель после первой, окружение Саддама сетовало на то, что палестинцы «как следует» не поддержали Ирак.

В чем ценность Арафата как исторической фигуры? Прежде всего, в том, что он ею стал. А он бы не мог стать ею, если бы одномоментно, в открытую пошел против течения, игнорируя настроения широких палестинских слоев, да и своих сотоварищей по ФАТХу – движению, которое стало сердцевинной Организации освобождения Палестины. Но он эволюционировал в своих взглядах, подходах, и это имело большое значение для эволюции и самого палестинского сопротивления. Вопрос для тех, кто упорствует в оценке Арафата как экстремиста: кто-нибудь слышал от него призыв к джихаду или вообще

видел в его действиях попытки окрасить борьбу палестинцев за их права в религиозные цвета? Можно считать, что ФАТХ в целом сохранился в виде военно-политического движения нерелигиозного характера во многом в результате влияния его основателя и бессменного руководителя в течение десятилетий – Ясира Арафата.

Это же можно сказать и об Организации освобождения Палестины. Будучи министром иностранных дел России, я посетил Газу в 1996 году, где в то время уже существовала палестинская администрация во главе с Арафатом. Никогда не забуду встречи с ним в тот период. Он выглядел человеком, уже вписавшимся в новую эру, открытую мирным соглашением с Израилем. У меня не было ни тени сомнения в том, что Арафат относится к документу, рожденному им и Ицхаком Рабином, не как к тактическому шагу. Он с гордостью говорил, что позади остался период политического изгнания в Тунисе, что открываются реальные перспективы палестинского государства. Вместе с тем он никогда не заблуждался по поводу трудностей открывающегося перед ним пути. Арафат эмоционально говорил о том, что с огромным трудом удастся осуществлять даже уже достигнутые с Израилем договоренности – об аэродроме в Газе, о дороге, соединяющей сектор Газа с Западным берегом.

Из разговора с Арафатом я вынес также впечатление о его готовности к компромиссам. Не просто готовности, но и уверенности в их необходимости. Да, он подчас ошибался, считая, что вот-вот сложится более благоприятная обстановка и следует дотянуть до нее, чтобы подписать более выгодные для палестинцев соглашения. Но кто застрахован от ошибок на сей счет? Много спекуляций по поводу действительно ошибочной, как мне представляется, негативной позиции Арафата по поводу «плана Клинтона», в котором впервые предлагалось разделить на две части Иерусалим, отдать под палестинское государство около 95 процентов оккупированных территорий.

Но что стояло за этим негативизмом? Арафат убеждал меня, что арабский мир не примет широкого соглашения, в котором не будут определены права всех палестинцев на возвращение на свою родину. Но так и не убедил. По мнению многих политиков, бесспорное право на возвращение палестинских беженцев – любой желающий должен иметь возможность осуществить это право – может быть отделено от практики, когда одни беженцы предпочтут возвратиться, а другие получить компенсацию, позволяющую им обустроиться в арабских странах. Уверен, что Арафат понимал это, но над ним довлела позиция, высказанная участниками сессии Лиги арабских государств. А может быть, он надеялся, что на предстоящей после объявления «плана Клинтона» встрече в Табе удастся договориться по всему комплексу проблем урегулирования с самими израильтянами.

В Табе действительно договорились по максимуму. Но оформить договоренность соглашением не удалось. В Израиле предстояли выборы, и к власти в их результате пришел премьер-министр Ариэль Шарон. Несговорчивость Арафата в период нахождения у власти в Израиле правительства Барака может стать предметом критики. Но не следует забывать, что и с израильской стороны не было проявлено достаточно конструктивизма, готовности к справедливым компромиссам с палестинцами. И не Арафат сорвал переговоры. Не он спровоцировал палестино-израильские столкновения, которые стали результатом демонстративного посещения Шароном Храмовой горы, где расположена одна из главных мусульманских святынь – мечеть Аль-Акса.

Не Арафат несет ответственность за то, что началась эскалация насилия. Известно, что с палестинской стороны осуществляются, в том числе и террористические, акты против израильского мирного населения. По схеме, предложенной израильским руководством, за этим стоял Арафат. Категорически не согласен с этим. И дело не

только в публичных заявлениях палестинского лидера, однозначно осуждавшего действия против гражданского населения. Дело также в том, что, будучи прагматиком, реалистом, он понимал – методами террора нельзя не только добиться победы, но это компрометирует палестинское сопротивление, ослабляет солидарность с палестинцами тех, кто стремится к справедливому урегулированию ближневосточного конфликта.

Некоторые утверждают, что Арафат умышленно не пресекал террористические меры, считая, что они, дескать, подтолкнут израильское руководство к компромиссу. И это исключаю. В условиях, когда «ответные меры» Израиля приводят к гибели сотен мирных жителей на палестинской стороне, трудно, очень трудно разорвать этот порочный круг. Не мог не видеть Арафат и того, что в результате взрывов смертников происходит поправение в израильском обществе, активизируются радикальные элементы. В конце концов, будучи в вынужденном заключении в Рамалле, он не имел возможности единоначально, как прежде, задавать тон в Палестинском движении сопротивления.

Арафат несомненно яркий лидер. Он олицетворял борьбу палестинского народа за его права. Он стал знаменем борцов за палестинское государство. Распространилась версия, что Арафата отравили. Если это так и если сделали это те, кто считал, что он – помеха урегулированию палестинцев с Израилем, то это не только злостное преступление, но и грубый просчет. Арафат хотел урегулирования и делал все, чтобы оно привело к дееспособному палестинскому государству. Арафат понимал, что это единственный путь к полной блокировке террористических атак. Наконец, Арафат своим бесспорным авторитетом мог лучше, чем кто-либо другой, противодействовать тем палестинским группам, которые пытаются сорвать мирный процесс на Ближнем Востоке.

Посетив Рамаллу, я склонил голову над надгробием Ясира Арафата. Смерть Арафата уже изменила и будет менять политическую ситуацию в палестинской администрации, безусловно, скажется на перспективах и характере урегулирования с Израилем. Избрание Махмуда Аббаса главой палестинской администрации, с моей точки зрения, было оптимальным решением. Однако, не обладая авторитетом Арафата, он уже в момент написания этой книги начал переживать нелегкое время своего лидерства. Резко укрепились позиции не признающей Израиль организации ХАМАС, которая победила на выборах в палестинский парламент в январе 2006 года. Усиливаются центробежные тенденции и в самом ФАТХе. Я думаю, что еще не раз вспомнят с горечью, что уже нет Арафата, и не только палестинцы.

Глава XV

СССР И ИЗРАИЛЬ

Не легко и непрямойно складывались эти отношения. Влияние на их развитие оказали и международная обстановка, прежде всего глобальное противостояние двух мировых систем, и арабо-израильский конфликт, и положение внутри каждой из двух стран, и господствовавшая в них государственная идеология. Во второй половине XX века отношение СССР к Израилю все больше становилось производным от сложной динамики ближневосточного конфликта. Этот конфликт все плотнее вписывался в конфронтацию двух сверхдержав. США поддерживали израильскую сторону, СССР – арабскую.

Однако отсутствовал зеркальный подход к противникам своих «клиентов». Подчеркнуть это надо, так как разница в подходах Советского Союза и Соединенных Штатов создает одну из характерных черт советской позиции, которую неточно называть антиизраильской даже в моменты напряженности между двумя странами.

Если США, поддерживая Израиль, порой действовали одновременно с целью убрать с политического поля те арабские режимы, которые, борясь за свои права, не соглашались с установлением американского контроля за их действиями – это относится и к палестинскому движению, – то Советский Союз, поддерживая арабскую сторону в конфликте с Израилем, никогда и ни при каких обстоятельствах не ассоциировал себя с экстремист-

скими силами, призывавшими ликвидировать это государство. Более того, в своих контактах с арабскими, в том числе палестинскими, руководителями советские представители прямо выступали против экстремистских тенденций.

При таком различии в подходах позиции СССР и США имели общую черту: обе сверхдержавы опасались перехода арабо-израильского конфликта на глобальный уровень и не раз сдерживали своих «клиентов». Казалось, это должно было способствовать продвижению мирного процесса. Однако, к сожалению, мимо возможностей урегулирования проходили главным образом участники конфликта – сначала в большей степени арабы, потом Израиль.

I. Сначала идеология, но затем политика

На политику СССР больше, чем на американскую, влиял, особенно в 50–60-х годах, идеологический подход. Это проявлялось не только в отношении арабских постколониальных режимов, о чем уже говорилось, но и Израиля. Как известно, СССР первым признал Государство Израиль. Советский Союз помогал Израилю вооружениями в войне 1948–1949 годов. За всем этим стояли расчеты И.В. Сталина на то, что на Ближнем Востоке возникнет связанное с СССР государство, которое может превратиться в «социалистический остров», разлагающий арабское феодально-помещичье окружение, и ограничит влияние Великобритании на Ближнем Востоке.

Сталин был информирован о том, что еврейская община в Палестине в течение десятилетий формировалась

из малоимущих, трудящихся слоев евреев, эмигрировавших в основном из стран Европы. Значительный приток иммигрантов в Палестину происходил в период и после Второй мировой войны; многие из них прошли через ужасы фашистских концлагерей, часть воевала в рядах Советской армии, в партизанских отрядах Белоруссии, Украины, Югославии, Франции. В те годы в среде евреев в Палестине были широко распространены симпатии к СССР. Создаваемые еврейские поселения в Палестине, прежде всего сельскохозяйственные общины (мошавы) и коммуны (кибуцы), заимствовали социалистические элементы владения собственностью и организации труда. В Палестине с начала 20-х годов прошлого столетия действовала относительно сильная и многочисленная Коммунистическая партия Палестины¹⁰⁴.

Все это импонировало Сталину. К тому же к моменту образования Израиля еще было далеко до кульминации столкновения интересов двух сверхдержав. Однако вскоре идеи сионизма, которые лежали в основе создания и развития Государства Израиль, пришли в непримиримое противоречие с господствовавшей в СССР марксистско-ленинской идеологией. И дело было не только в идеологическом столкновении националистических и интернациональных по своей природе идей. Существовали противоречия, о чем уже говорилось, и между арабским национализмом, и социалистической идеологией, принятой в СССР.

Но с сионизмом все обстоит гораздо круче. Главная цель сионизма заключалась в организации иммиграции евреев в Израиль из «стран расселения», и при этом особое внимание уделялось иммиграции евреев из Советского Союза, то есть из социалистического общества, которое считалось «самым прогрессивным и справедливым». В таких условиях массовая эмиграция евреев расценивалась как подрыв идейных устоев и мощи СССР.

Сталин мог бы согласиться на небольшой ручеек такой эмиграции, способный, по его мнению, усилить социалистические начала в Израиле. Но израильское руководство начало добиваться массового выезда евреев из Советского Союза. С этой целью осуществлялись пропагандистско-политические акции, в том числе на территории СССР.

Наверх, Сталину, докладывалось, например, об активной работе с советскими гражданами еврейской национальности Голды Меир – посла Израиля в Москве. В сферу ее влияния попали некоторые высокопоставленные лица и члены их семей. Раздражение вызывали неоднократные израильские обращения в МИД СССР с требованием разрешить проводить на советской территории «культурно-просветительскую деятельность» с советскими гражданами еврейской национальности. Все это умело использовалось в СССР рядом преступных карьеристов в их стремлении выслужиться, а подчас и убрать со своего пути соперников, которые, дескать, потакают сионистским заговорам. Так родилось «дело врачей», которые якобы стремились отравить Сталина, началась кампания борьбы с «космополитами», был ограничен прием евреев на работу в советский госаппарат, вузы, готовившие кадры для государственных учреждений.

В феврале 1953 года на территории советского посольства в Тель-Авиве была взорвана бомба. Трое сотрудников посольства были ранены. Израильское правительство поспешило извиниться и обещало найти преступников, но Москва заявила о разрыве дипломатических отношений. Через четыре месяца после смерти Сталина дипломатические отношения были восстановлены. Этому предшествовали действия нового советского руководства против организаторов и исполнителей акций с явно антисемитским акцентом.

II. «Карта» реабилитации врачей сыграна Берией

После смерти Сталина во главе разоблачительного процесса не только по «делу врачей», но и по целому ряду других противозаконных действий встал вновь назначенный министром внутренних дел Л.П. Берия. В то время вместе с Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущевым он уже входил в тройку основных руководителей страны, но стремился обеспечить себе единоличное лидерство. Будучи ответственным за многие преступления (собственно, как и другие), особенно во время своего пребывания в Грузии, Берия отличался от остальных тем, что выбрал в своих целях путь развенчивания Сталина. На этот путь вступил Хрущев, но позже, а тогда он и другие советские руководители и не помышляли о десталинизации. Для своего возвышения Берия решительно провел пересмотр тех дел, в которых он лично не принимал участия и «махровая тень» которых могла лечь на его соперников. Представляется, что выдержки из совершенно секретных для того времени архивных материалов во многом показательны с точки зрения внутренних причин, влияющих на отношение СССР к Израилю в последние годы жизни Сталина.

**Записка Л.П. Берии в Президиум ЦК КПСС
о реабилитации лиц, привлеченных по так называемому
делу о врачах-вредителях № 17/В 1 апреля 1953 г.
Совершенно секретно т. Маленкову Г.М.**

В 1952 году в Министерстве государственной безопасности СССР возникло дело о так называемой шпионско-террористической группе врачей, якобы ставившей

своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского государства. Делу этому, как известно, было придано сенсационное значение, и еще до окончания следствия было опубликовано специальное сообщение ТАСС, сопровождаемое редакционными статьями «Правды», «Известий» и других центральных газет. Ввиду особой важности этого дела Министерство внутренних дел СССР решило провести тщательную проверку всех следственных материалов. В результате проверки выяснилось, что все это дело от начала и до конца является провокационным вымыслом бывшего заместителя Министра государственной безопасности СССР Рюмина. В своих преступных карьеристских целях Рюмин, будучи еще старшим следователем МГБ, в июне 1951 года под видом незаписанных показаний уже умершего к тому времени в тюрьме арестованного профессора Этингера сфабриковал версию о существовании шпионско-террористической группы врачей... Не брезгуя никакими средствами, грубо попирая советские законы и элементарные права советских граждан, руководство МГБ стремилось во что бы то ни стало представить шпионами и убийцами ни в чем не повинных людей – крупнейших деятелей советской медицины. Только в результате применения подобных недопустимых мер удалось следствию принудить арестованных подписать продиктованные следователями измышления о якобы применяемых ими преступных методах лечения видных советских государственных деятелей и о несуществующих шпионских связях с границей... Так было сфабриковано позорное «дело о врачах-вредителях», столь нашумевшее в нашей стране и за ее пределами и принесшее большой политический вред престижу Советского Союза. Зачинщик этого дела Рюмин и ряд других работников МГБ, принимавших

активное участие в применении незаконных методов следствия и фальсификации следственных материалов, арестованы.

**Записка Л.П. Верии в Президиум ЦК КПСС
о привлечении к уголовной ответственности лиц,
виновных в убийстве С.М. Михоэлса и В.И. Голубова
№ 20/Б 2 апреля 1953 г. Совершенно секретно
т. Маленкову Г.М.**

В ходе проверки материалов следствия по так называемому «делу о врачах-вредителях», арестованных быв. Министерством государственной безопасности СССР, было установлено, что ряду видных деятелей советской медицины, по национальности евреям, в качестве одного из главных обвинений инкриминировалась связь с известным общественным деятелем – народным артистом СССР Михоэлсом. В этих материалах Михоэлс изображался как руководитель антисоветского еврейского националистического центра, якобы проводившего подрывную работу против Советского Союза по указаниям из США. Версия о террористической и шпионской работе арестованных врачей Вовси М.С., Когана Б.Б. и Гринштейна А.М. «основывалась» на том, что они были знакомы, а Вовси состоял в родственной связи с Михоэлсом. Следует отметить, что факт знакомства с Михоэлсом был также использован фальсификаторами из быв. МГБ СССР для провокационного измышления обвинения в антисоветской националистической деятельности П.С. Жемчужиной*, которая на основании этих ложных данных была арестована и осуждена Особым Совещанием МГБ

* Жена В.М. Молотова.

СССР к ссылке. В результате проверки установлено, что Михоэлс на протяжении ряда лет находился под постоянным агентурным наблюдением органов государственной безопасности и, наряду с положительной и правильной критикой отдельных недостатков в различных отраслях государственного строительства СССР, иногда высказывал некоторое недовольство по отдельным вопросам, связанным главным образом с положением евреев в Советском Союзе. Следует подчеркнуть, что органы государственной безопасности не располагали какими-либо данными о практической антисоветской и тем более шпионской, террористической или какой-либо иной подрывной работе Михоэлса против Советского Союза. Необходимо также отметить, что в 1943 году Михоэлс, будучи председателем еврейского антифашистского комитета СССР, выезжал, как известно, в США, Канаду, Мексику и Англию и его выступления там носили патриотический характер. В процессе проверки материалов на Михоэлса выяснилось, что в феврале 1948 года в гор. Минске бывшим заместителем Министра госбезопасности СССР Огольцовым, совместно с бывшим Министром госбезопасности Белорусской ССР Цанава, по поручению бывшего Министра государственной безопасности Абакумова, была проведена незаконная операция по физической ликвидации Михоэлса... Об обстоятельствах проведения этой преступной операции Абакумов показал: «Насколько я помню, в 1948 году глава Советского правительства И.В. Сталин дал мне срочное задание – быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам...».

Все участники убийств были арестованы, привлечены к уголовной ответственности и расстреляны.

III. Истинная причина второго разрыва дипломатических отношений

Во время Шестидневной войны Израиль, о чем уже писалось, проигнорировал предупреждение СССР, требовавшего немедленного прекращения огня. Дипломатические отношения были разорваны сразу же вслед за захватом Израилем Голанских высот. Некоторые считают вторичный разрыв Советским Союзом дипотношений с Израилем мерой чрезмерной, тем более что их восстановление затянулось на долгие годы, во время которых Советский Союз, не в пример Соединенным Штатам, как бы «одной ногой» стоял на Ближнем Востоке, что ослабляло его возможности влиять на ход политического урегулирования арабо-израильского конфликта. Даже признавая логичность такой постановки вопроса, очевидно, нельзя отрывать разрыв дипломатических отношений с Израилем от той реальности, в которой принималось это решение.

Победа Израиля над арабскими странами, вооруженными советским оружием, да еще в условиях нахождения в Египте и Сирии советских военных советников, требовала решительной реакции со стороны СССР. Необходимость такой реакции подогревалась, с одной стороны, американской позицией недвусмысленной поддержки Израиля, и с другой – ростом недовольства в арабском мире «пассивностью» СССР. Применение вооруженных сил Советским Союзом было исключено, так как это могло привести к войне с Соединенными Штатами, – и СССР, и США опасались такого развития событий, стремились его не допустить.

Дипломатическая активность СССР с целью заставить Израиль прекратить огонь, а затем уйти с оккупирован-

ных территорий при противодействии в Совете Безопасности ООН США и их союзников давала далеко не полный эффект и адекватно не укрепляла советских позиций на Ближнем Востоке. Советская пропагандистская машина была запущена, чтобы убедить, что в арабских странах СССР рассматривали как своего «спасителя», но это соответствовало действительности лишь в небольшой мере. Я слышал в Каире, как многие, узнав о сокрушительном уничтожении всех ВВС Египта, утверждали, будто это сделали американские летчики, и кричали: «Где же русские пилоты?».

Именно в такой обстановке и было принято решение разорвать дипломатические отношения с Израилем – считалось, что в сложившихся условиях этот ход оптимальный. А тот факт, что отношения не восстанавливались в течение столь длительного периода, как мне представляется, уже шел во вред роли СССР в арабо-израильском урегулировании. После разрыва дипотношений, вначале, еще не проявились причины, стимулирующие к поискам контактов между двумя странами. Советская позиция в целом исходила из того, что Израиль недвусмысленно поддерживал «главного противника» СССР – так назывались во время холодной войны США. Вместе с тем имело немалое значение для Москвы то, что Израиль оставался активно враждебной стороной в отношении тех государств, на которые СССР опирался в своей политике на Ближнем Востоке.

Израиль продолжал оккупировать арабские территории и, по существу, не признавал резолюции Совета Безопасности ООН, требовавшие прекратить эту оккупацию. Это ставило СССР в тяжелое положение. Оно усугублялось в результате того, что США, взяв линию на самостоятельные инициативы в области политического урегулирования арабо-израильского конфликта, сокращали таким образом возможности СССР воздействовать на ход этого процесса. Характерен пример с «планом

Роджерса». Известный американский журналист Джозеф Олсон, обычно получавший информацию из Госдепартамента, написал в газете «Вашингтон пост», что предложения США по ближневосточному конфликту якобы были предварительно согласованы с Советским Союзом. Этого не было.

«План Роджерса» практически отверг и Израиль. Но как утверждает один из лучших специалистов по Израилю, И.Д. Звягельская, в ответ на крайне отрицательные отзывы Голды Меир о предложениях госсекретаря Никсон нашел способ передать израильским лидерам, что США не собираются им ничего навязывать. За этим 19 августа 1970 года последовало выдвижение второго «плана Роджерса», который уже предлагал не всеобщее, а «промежуточное» урегулирование. Этот план был принят Египтом, Иорданией и Израилем. Через два месяца Израиль признал и резолюцию 242 Совета Безопасности. Это могло открыть определенные возможности для того, чтобы придать динамику процессу урегулирования. Однако параллельно с таким положительным сдвигом возникла серьезная угроза вовлечения СССР в военную конфронтацию в зоне Суэцкого канала.

Об этом уже писалось, но повторю: в 1969 году израильская авиация стала совершать глубинные рейды на египетскую территорию; в январе 1970 года Насер прибыл в Москву. Советское руководство приняло решение поставить в Египет системы ПВО, оснащенные ракетными комплексами «земля – воздух»; для быстрого задействования этих комплексов был направлен в Египет советский персонал, а для их прикрытия – истребители с советскими летчиками. Именно в таких сложных и противоречивых условиях со многих сторон стали поступать сигналы о желательности конфиденциальных советско-израильских контактов. Такие сигналы поступили от израильского руководства. Их заинтересованно передавали и те, кто тяготился монополией США на процесс урегу-

лирования, – Вашингтон нередко мотивировал это тем, что СССР, не имея контактов с Израилем, не может быть полноценным посредником в деле ликвидации конфликта. Сигнал поступил и от Садата.

IV. «Особая папка» ЦК о конфиденциальных контактах с израильским руководством

Референт Л.И. Брежнева Е. Самотейкин не скрывал передо мной своего недовольства, что, как я уже писал, Н.В. Подгорный настоял на отзыве моего материала, помещенного в тассовскую «нулевку», где я утверждал о неблагоприятных для СССР переменах в Египте и на Ближнем Востоке в целом. Самотейкин попросил меня все-таки написать лично для Брежнева о моем видении обстановки. Так родилась моя записка, датированная 28 июля 1971 года, «Некоторые вопросы, связанные с ближневосточным кризисом»*. «Как представляется, предложения т. Примакова, хотя они и сформулированы довольно общо, заслуживают внимания», – написал Е. Самотейкин, препровождая мою записку Л.И. Брежневу.

Вот выдержки из нее:

«Прошло четыре года с начала нынешнего ближневосточного кризиса. Ощутимы некоторые негативные моменты, которые представляются следующими: 1. Соотношение израильско-арабских сил не претерпело коренных изменений в пользу арабских стран. Нередко говорят,

* Далее будут приводиться документы и материалы, полученные из архива Президента Российской Федерации.

что время работает против Израиля. Это утверждение, очевидно, обоснованно, если рассматривать проблему в длительной перспективе, учитывая, прежде всего, крайнее несоответствие людских ресурсов, а также развитие процессов, ведущих в далеком будущем к технико-экономической нивелировке арабских стран с Израилем. Но если анализировать возможную краткосрочную или среднесрочную перспективу, скажем, на 15–20 лет, то навряд ли удастся за это время выравнять военные возможности сторон.

2. Вопреки многим прежним представлениям, центробежные силы, разделяющие арабский мир на нынешнем этапе, оказались значительно сильнее центростремительных сил, ведущих к арабскому единству. Даже такой фактор, как необходимость совместной борьбы за ликвидацию общей для всех опасности, постоянно исходящей от Израиля, не объединил арабов.

3. События показали, что в течение четырехлетнего периода борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии в целом не произошло быстрого развития революционного процесса в арабском мире, а в ряде случаев имели место сдвиги обратного порядка – это грозит перерождением национально-освободительных революций.

4. Несмотря на заметные потери в авторитете и влиянии США на Ближнем Востоке в первое время после “шестидневной войны”, этот процесс в последующем приостановился, и можно считать, что США в ряде случаев удастся восстановить свои позиции. В арабских странах наблюдается тенденция, причем расширяющаяся, рассматривать США в виде решающего фактора, который может сыграть свою роль в деле урегулирования ближневосточного конфликта. Советский Союз, очевидно, настолько заангажирован на Ближнем Востоке, что он вправе рассчитывать, чтобы по всем важным вопро-

сам «союзнические» правительства вели себя недвусмысленно, искренне и последовательно и тем более не в ущерб нашим интересам. Наряду с большей твердостью нашего курса в арабских странах, как представляется, следовало бы предпринять некоторые инициативные шаги в отношении Израиля и США. Вашингтон имеет определенные возможности для маневрирования еще и потому, что проводит активную политику в отношении двух сторон, вовлеченных в ближневосточный конфликт».

Написав все это, я не знал, что ровно за месяц была получена шифротелеграмма из Хельсинки, в которой говорилось: министр иностранных дел Финляндии Лескинен 28 мая в доверительном порядке проинформировал временного поверенного в делах СССР о беседе с Голдой Меир в перерыве между заседаниями сессии Совета Социнтерна. Меир обратилась к нему с просьбой организовать ее встречу с советскими представителями «в любое время, в любом месте и на любом уровне – для обмена мнениями о положении на Ближнем Востоке». 3 июня Политбюро ЦК КПСС приняло решение: «Поручить т. Андропову Ю.В. в соответствии с обменом мнениями на заседании Политбюро ЦК продумать этот вопрос».

А 23 июля секретарь ЦК КПСС К.У. Черненко направил следующую записку Л.И. Брежневу:

Уважаемый Леонид Ильич!

Эту краткую запись беседы с представителем Австралии Р. Хоуком прислал тов. Шелепин А.Н. и специально позвонил мне и просил направить только Вам. С приветом – К. Черненко

(Содержание беседы приводится в неизменном виде с сохранением орфографии.)

Сов. Секретно.

Только в два адреса:

Товарищу КИРИЛЕНКО А.П. (строго лично)

Товарищу ГРОМЫКО А.А. (строго лично, вручить
немедленно)

Председатель профцентра Австралии т. Р. Фок после его поездки в Женеву, Рим и Тель-Авив настойчиво просил принять его в Советском Союзе и провести с ним переговоры. Учитывая настоятельную просьбу Фока, я встретился с ним... Совершенно неожиданно для меня он заговорил о конфликте на Ближнем Востоке. Фок сказал, что, будучи в Израиле, он встречался там с премьер-министром, зам. премьера-министра и министром иностранных дел Израиля, которые, зная о том, что он едет в Советский Союз, просили его по возможности довести до сведения Советского правительства следующее: «Правительство Израиля не придерживается тех границ, которые они приобрели в результате 6-дневной войны в 1967 году. Готовы пойти на уступки, отойти от тех границ, где они сегодня находятся и просили его это мнение правительства Израиля по возможности довести до правительственных кругов Советского Союза... Правительство Израиля готово в положительном плане рассмотреть вопрос о Голландских высотах и решить его разумно так, чтобы это было приемлемо и для Израиля, и для арабских государств. Они готовы по этому вопросу вести конструктивные переговоры и пойти на уступки. Израиль готов покинуть территорию Сеная, за исключением района Шармэль-Шейха, который имеет для них важное значение для безопасности границ Израиля, и это должно понять Советское правительство. Правительство Израиля готово решить вопрос о Суэцком канале и Западном берегу реки Иордан и считает, что есть все ус-

ловия для успешных переговоров по этим вопросам и что по ним можно положительно договориться. Однако правительство Израиля не хочет, чтобы иорданская армия заняла западный берег Иордана. Самый сложный вопрос для Израиля – это Иерусалим. Мы хотим, продолжали они, уйти с подавляющего большинства оккупированных территорий. Это искренняя позиция израильского правительства, и оно просит, чтобы Советское правительство верило в это. Правительство Израиля просит Советское правительство оказать в этом отношении свое влияние и свой авторитет на правительства арабских стран. Премьер-министр и министр иностранных дел Израиля просили также Фока довести до правительственных кругов СССР их мнение о том, что “правительство Израиля очень хочет восстановить дипломатические отношения с Советским Союзом”. Фок со своей стороны заявил следующее: «Сегодня весь мир говорит о предстоящей поездке Никсона в Пекин. По мнению Фока, СССР должен и может перехватить инициативу Никсона и незамедлительно предпринять шаги по восстановлению контактов с Израилем. Это, по его мнению, затмит вопрос в мировом общественном мнении о поездке Никсона в Пекин, позволит СССР перехватить инициативу взять дело урегулирования на Ближнем Востоке в свои руки. СССР от этого только выиграет, а США проиграют...».

22.XII.1971 года А. Шелепин

Одновременно поступил сигнал от Садата. 23 июля в шифротелеграмме из Каира секретарь ЦК Б.Н. Пономарев сообщал, что Садат сказал ему: «Это даже плохо, что с Израилем говорят только США, а не СССР. Он подчеркнул, что способ установления нами возможных контактов с Израилем оставляется на усмотрение советской

стороны». Так родилась совершенно секретная «Особая папка». Она определила проведение конфиденциальных контактов с израильским руководством, которые осуществлялись с перерывами с августа 1971 года по сентябрь 1977 года. В этих контактах был задействован сначала я один, а потом вместе с Юрием Васильевичем Котовым – ответственным сотрудником КГБ. Со временем образовались и другие неофициальные каналы связи, но, судя по всему, наш был основной. Рассказ о нем представляет интерес и потому, что он показывает: даже в период отсутствия дипломатических отношений с Израилем Советский Союз пытался, действуя по всем направлениям, привести дело к компромиссному, в интересах всех сторон, урегулированию на Ближнем Востоке.

V. Встречи с Эбаном, Меир и Даяном

Совершенно секретно

Особая папка

т.т. Андропову, Громыко Выписка из протокола № 12 заседания Политбюро ЦК от 5 августа 1971 года Вопрос МИД СССР (по Израилю) 1. Направить в Израиль для проведения негласных контактов с официальными представителями Израиля тов. Примакова. 2. Утвердить проект указаний тов. Примакову для бесед с израильскими руководителями. 3. Утвердить указания послу СССР в Каире.

Секретарь ЦК

Нужно сказать, что все материалы, которые цитирую, я увидел только три десятка лет спустя, когда по моей просьбе, связанной с написанием этой книги, они были рассекречены. Да и о том, что назначен осуществлять

столь ответственную миссию, узнал лишь после состоявшегося решения об этом. Будучи заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений, проводил свой отпуск с женой в Венгрии на озере Балатон, когда туда приехал из Будапешта сотрудник нашего посольства и сказал: «Вам необходимо срочно вылететь в Москву». Что случилось? В голову лезла страшная мысль: что-то стряслось с сыном, который не был с нами. Чуть-чуть меня успокоило разъяснение представителя посольства, столь рьяно выполнявшего данное ему поручение: «А супруга может оставаться отдыхать – срочно вызывают вас одного».

И вот я в Москве. У трапа самолета меня встретил мой товарищ, принимавший участие в начальной стадии «курдской эпопеи», о которой тоже пишу в этой книге, Владилен Николаевич Федоров. На момент встречи в аэропорту генерал Федоров был начальником отдела Ближнего Востока Советской внешней разведки. От него я сразу узнал о причине вызова. Затем последовали встречи с Ю.В. Андроповым, А.А. Громыко, тщательное знакомство с директивными указаниями по поездке.

Решили осуществить ее с помощью председателя Комиссии по атомной энергии Израиля Ш. Фрейера, с которым познакомился во время одного из заседаний Пагуошской конференции. Профессор Фрейер – очень симпатичный, либерально настроенный, расположенный к откровенным беседам человек – принадлежал к тем израильским кругам, которые хотели сближения с СССР. Его положение позволяло ему выходить на «израильский верх». Он мне говорил тогда, что было бы полезно организовать контакты СССР с Израилем «хотя бы на неофициальном уровне». Передали Фрейеру, что я хотел бы встретиться с ним в Риме. Там он с готовностью взял на себя организацию моей секретной поездки в Тель-Авив. О полной конфиденциальности миссии не забывали каждый раз говорить мне все, с кем встречался в Москве до поездки.

В Рим Фрейер прибыл с директором кабинета министра иностранных дел Израиля Бароном. С билетом в Кельн через транзитный зал римского аэропорта 28 августа 1971 года я попал на борт самолета израильской авиакомпании «Эль Ал», взявшего курс на Тель-Авив. Разместили меня в квартире жилого дома. Не скрою, чувствовал себя неуютно – один, в незнакомой стране, думал: произойдет что-то и никто даже не узнает. Но при этом понимал, что израильтянам невыгодно, чтобы «что-то произошло». Устал, все эти мысли отступили, и я заснул крепким сном.

А на следующий день после прилета состоялась встреча с министром иностранных дел Израиля Аба Эбаном. Он вначале решил прочесть мне лекцию, как был создан Израиль, об отношениях с арабскими странами, с жаром стал высказывать претензии к советской политике.

Тут я решил прервать его: «У нас есть куда больше, что сказать о недостатках вашей политики. Но я не думаю, что в таком обмене “любезностями” смысл нашей встречи». Небезынтересно отметить, что Эбан читал по заранее заготовленному тексту и предложил даже протоколировать беседу, от чего я отказался, сославшись на неофициальный характер своей миссии. Тогда он попытался истолковать инициативу Меир в Финляндии как «предложение именно официальных контактов». Но, видимо почувствовав по моей реакции, что Эбан перегибает палку, в разговор вмешался участвовавший во встрече советник премьер-министра Динрих и сказал, что Меир в его присутствии предлагала контакты между нами в любой форме. Динрих не ограничился этим и передал записку Эбану, однако тот продолжал выяснять, «кого я представляю – Громыко, Андропова или кого-то еще».

Сказал ему, что в ответ на предложение премьер-министра Израиля о встрече я направлен в Израиль с неофициальной и конфиденциальной миссией советским

руководством. После такого начала можно было прийти к выводу о бесполезности моей миссии. Но поубавили пессимизма последовавшие беседы с премьер-министром Голдой Меир и министром обороны Моше Даяном, во всяком случае, беседы с ними позволили лучше определить израильскую позицию. Голда Меир была опытным политиком, умевшим скрывать свои истинные взгляды за невинной милой улыбкой. А взгляды эти были далеко не сентиментальные. Как-то Бен-Гурион сказал, что в его пра вительстве только один настоящий мужчина – это Голда Меир. Я бы добавил: порой слишком эмоциональный «мужчина». Родившись в 1898 году в Киеве, она с малолетства находилась в США, куда эмигрировала ее семья. С 23-летнего возраста жила в Палестине, где принимала активное участие в сионистском движении.

Что касается Моше Даяна, то он отличался от Меир сдержанностью и солдатской прямолинейностью. Родился он в 1915 году в Палестине. Еще подростком присоединился к военной организации Хагана, арестовывался английскими мандатными властями, но в разгар Второй мировой войны был выпущен на свободу и принял участие в разведывательной операции, осуществленной англичанами перед высадкой в Сирии. Там был ранен – осколки бинокля попали в глаз, – остался жив, но до конца жизни носил черную повязку, закрывающую рану. Быстро выдвинувшись по военной линии, занимал посты начальника генштаба и министра обороны, а по приглашению победившего на выборах в 1977 году Бегина стал, несмотря на то, что не был членом его партии Ликуд, министром иностранных дел. Вопреки распространенному мнению, ни Меир, ни Даян не говорили по-русски.

В отличие от Эбана, Меир сразу же постаралась задать доброжелательный тон беседе. Ее, несомненно, проинформировали, что после того, как я расстался с Эбаном, сказал израильскому переводчику (разговоры с израиль-

скими руководителями шли через переводчика на русском и иврите): «Очевидно, зря откликнулись на предложение о начале контактов». По-видимому, неслучайно и то, что встреча с Меир произошла не в резиденции премьер-министра, а в ее доме в Западном Иерусалиме. Поприветствовав меня, она начала разговор с того, что восхищена Москвой (какая красавица!), русским языком (какой звучный!), вспомнила нашего посла Бодрова (какой остроумный!), свою дочь и зятя – йеменского еврея (как он свободно говорит по-русски!).

«Ну а теперь, – сказала она, – поближе к делу. Израиль заинтересован в улучшении отношений с Советским Союзом. Мы никогда не присоединимся к каким бы то ни было акциям, направленным против СССР. Соединенные Штаты знают хорошо, что они не могут диктовать нам нашу политику». Но мы тоже знали, что Меир в свое время по прямому указанию Бен-Гуриона вела в Вашингтоне разговоры о возможном присоединении Израиля к НАТО. Решил не говорить об этом впрямую, но спросил ее, как можно тогда расценивать недавнее заявление Даяна, что США, «игнорируя военное значение Израиля, до сих пор не включили его в военную систему НАТО».

Очевидно, мое замечание попало в цель, так как на следующий день Даян, сославшись на мой разговор с Меир, сказал: «Я хочу сразу же подчеркнуть, что мое заявление было извращено при публикации в израильской печати. Нам не нужна защита со стороны США, и в то же время мы не хотим сражаться за их цели и интересы. Нам необходимо лишь вооружение, которое мы получаем и без вступления в НАТО». Меир тоже сделала упор на собственные усилия Израиля по обеспечению его безопасности. На ее лице появилась гримаса, когда я сказал: «Безопасность можно и следует отделить от территориального вопроса, который для арабов имеет жизненно важное значение. Я долго находился в арабском мире и

знаю, что улица захлестнет любое арабское правительство, отказывающееся от освобождения оккупированных в 1967 году земель».

«Даже под угрозой нового тура войны, – вспыхнула Меир, – Израиль не примет диктата ни со стороны арабов, ни со стороны США или других великих держав в отношении возвращения к положению до июня 1967 года». На нее не оказали никакого воздействия мои замечания, что претворение в жизнь резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года отнюдь не означает возвращения к прежнему положению, так как приносит Израилю признание со стороны соседей, создает международно-правовой статус для его границ, кстати резко расширяющихся по сравнению с теми, в которых было по решению ООН создано это государство, и, наконец, гарантирует безопасность Израиля.

«Безопасность можно достичь не с помощью пресловутых гарантий, – продолжала Меир, все больше распалаясь. – Где были войска ООН с гарантиями секретаря Хаммаршельда, что они будут защищать судоходство? На Голанские высоты наши танки взбирались почти вертикально, и мы потеряли много людей. Что вы думаете, мы отдадим их назад? Когда Насер начал “войну на истощение” в зоне Суэцкого канала, он узнал, что мы каждое утро публикуем в газетах сообщения о погибших и их портреты. Насер сказал, что такая нация не может победить. Он просто ничего не понял».

Нарочитые попытки показать себя независимыми от США могли не приниматься всерьез – мы обладали другой информацией. Но с такой же меркой нельзя было подходить к категоричному отрицанию необходимости гарантий безопасности Израиля со стороны ООН, США или других великих держав. Не скрою, в Москве считали – это было заложено и в директивные указания для бесед с израильскими руководителями, – что предложение по международным гарантиям безопасности позволит сде-

лять Израиль более стоворчивым по вопросам ухода с оккупированных территорий. Стала очевидной проблематичность такой увязки.

Яснее ясного сказал об этом на следующий день после моей встречи с Меир Даян: «Если вы ставите вопрос таким образом: отойдите на линию 4 июня, и мы готовы обсудить любые ваши предложения, гарантирующие безопасность Израиля, – то я категорически против такого решения. Компромисс с арабами может состояться с обязательным включением в него территориальных вопросов». К концу беседы со мной Меир мало чем напоминала хладнокровного политика. «Если война будет, мы будем ее вести, – сказала она. – Если нам будут мешать какие-либо самолеты, мы будем их сбивать». Это было сказано в условиях, когда возникла угроза прямого столкновения между советскими и израильскими пилотами в египетском небе. По моей реакции Меир почувствовала, что зашла слишком далеко. На мой вопрос: «Уточните, какие самолеты вы намерены сбивать?» – она сразу же, не задумываясь, выпалила: «В 1948 году (во время первой арабо-израильской войны. – *Е.П.*) мы сбили пять английских самолетов». Тут же Меир сказала, как Израилю важны контакты с СССР.

После этой встречи Барон пригласил меня наедине отобедать с ним в китайском ресторане. Откровенно сказал ему, что при принятии решения направить прямо в Израиль советского представителя для контактов с израильским руководством исходили из доведенной до нас израильской информации о готовности обсудить конкретные вопросы урегулирования. Причем, со ссылкой на руководителей Израиля, подчеркивалось, что в их позиции есть новые элементы, способные продвинуть процесс урегулирования. Я пока этого не обнаруживаю. Как бы в ответ Барон предложил, как он сказал, «чисто абстрактно, теоретически рассмотреть ряд идей». Может ли, например, Египет согласиться передать Шарм аш-Шейх

Израилю при заявлении последнего, что он признает его как часть египетской территории. Я ответил, что, с моей точки зрения, это невозможно.

Аналогичный ответ был дан Барону, когда он спросил о моем мнении, может ли Сирия согласиться на постоянное размещение военных постов Израиля на Голанских высотах при сохранении сирийского суверенитета над их остальной частью. Барон явно занервничал, когда я коснулся намеков Меир о готовности сбивать наши самолеты. «Неужели она не понимает, как мы ответим на это. Или думает, что американцы помогут, пойдя на риск ядерной войны?» «Нет, конечно, нет, – быстро сказал Барон. – Ваш приезд очень важен. Нужно идти к доверию, а оно сразу не создается». Барон заговорил о восстановлении дипломатических отношений СССР с Израилем. Я не имел полномочий обсуждать этот вопрос и откровенно сказал об этом Барону.

Встреча с М. Даяном происходила в Западном Иерусалиме в отеле «Хилтон». Мы заехали в подземный гараж и поднялись на лифте. В гостиничном номере нас ждал Даян, который сказал: «Мне приказано явиться сюда и встретиться с вами». Улыбнулся, услышав мой ответ: «А я думал, что вы сами отдаете приказы». Очевидно не без знакомства с содержанием моих бесед с Меир и Бароном, Даян сказал о стремлении Израиля «избежать любого столкновения с советским военным персоналом в Египте, израильские ВВС имеют прямые инструкции в отношении этого». Между тем, по его словам, накануне прекращения огня в зоне канала израильские самолеты были атакованы нашими. «В случае продолжения таких атак, – сказал он, – нам нужно либо отходить от канала, либо защищаться в воздухе. У нас нет выбора, кроме как принять последнюю альтернативу».

Спросил у Даяна, считает ли он, что выбора альтернативы лишены другие, например СССР. Подчеркнув стремление Советского Союза ослабить напряженность и

привести дело к урегулированию на Ближнем Востоке, вместе с тем обратил его внимание, что наша страна имеет ряд обязательств, вытекающих из политики достижения мира в интересах и Израиля, и арабских народов. Отметил также близость ближневосточного района к нашим границам и поэтому особую чувствительность СССР к событиям на Ближнем Востоке, заинтересованность в стабильном урегулировании конфликта. А такая стабильность может быть достигнута лишь при компромиссном решении. Даян не спорил по этому вопросу. Не оспаривал он и моего вывода о том, что нет военного решения. На слова: «Израиль не в состоянии оккупировать Египет или Сирию, удержать оккупацию, да никто и не позволит ему сделать это» Даян отреагировал следующим образом: «Мы понимаем, что военные действия с арабами закончатся тем же положением, которое существует сегодня – линией разграничения сил. Но и арабы ничего не добьются возобновлением военных действий».

Естественно, не был обойден вопрос о палестинском государстве. Даян был максимально прямолинеен и здесь: «На территории Палестины есть мы и есть Иордания. Такое положение нас устраивает». Посчитал нужным сказать Даяну, что решение вопроса о государстве – за палестинцами и навряд ли они кому-то позволят решать эту проблему за себя. Из разговоров можно было прочувствовать заинтересованность израильского руководства в крайнем случае согласиться с частичным отводом войск на Синае. Но Меир и особенно Эбан проявляли негативизм, может быть показной, к этой «американской идее». Судя по моим беседам, израильское руководство сделало ставку на сохранение положения, сложившегося после войны 1967 года, – оно хотело бы заморозить ситуацию на Ближнем Востоке на длительный период.

Должен сказать: несмотря на то что придерживались по большинству обсуждавшихся вопросов противоположных взглядов, иногда выражавшихся в достаточно рез-

кой форме, чувствовал стремление, особенно Барона и Фрейера, снизить накал страстей за счет гостеприимства. Запомнился ужин в венгерской таверне в Тель-Авиве, где присутствовали Барон с супругой и личная секретарша премьер-министра Лю Каддар. Она неуклюже вмешивалась в светский разговор, что коробило жену Барона, которая явно не воспринимала вульгарностей, но все-таки относилась к госпоже Каддар с внешним респектом, видимо понимая ее значение.

С Фрейером был в кино. Не помню, какой фильм смотрели, но был удивлен тем, что зрители, заполнившие кинозал, были так похожи на арабов – и внешне, и по поведению – свистели, когда порвалась лента, – как будто сидел в кинотеатре в Дамаске или Багдаде. Побывал на севере Израиля, но отказался поехать на оккупированные территории – Голанские высоты или Западный берег. Сопровождавшему меня гиду был представлен как «ученый из Финляндии». Краткие впечатления от поездки запечатлел в записной книжке: «Северные районы. Действительно, повсюду убежища от обстрелов. В кибуцах религиозное влияние слабо. Нет синагог. Дети живут отдельно. Спортплощадки, небольшие бассейны. С 4 до 7 часов каждый день плюс суббота детей забирают родители. Общие для всех столовые. Если приезжают гости, можно забрать еду домой. Коммуна владеет средствами производства. Многие кибуцы имеют фабрики. Все решает собрание, даже поступление ребенка в университет. Выйти из кибуца можно, но при этом все остается общине. Эмигрантские городки. Дома очень разные. В каждом – спецкомната от обстрелов. Очень много солдат на дорогах. Голосуют, просят подвезти. Обязательный срок службы: три года для юношей, два года для девушек».

Перед моим возвращением в Рим Барон, сославшись на мнение Меир, сказал, что она считает наши контакты успешными с точки зрения выяснения позиций и хотя бы

потому, что контакты все-таки состоялись после четырехлетнего перерыва. Барон предложил осуществлять их на постоянной основе. Подробный мой доклад в Москве был воспринят положительно. Были даны указания послу СССР в Каире проинформировать о поездке советского представителя в Израиль президента Садата.

VI. Контакт в Вене: попытка заинтересовать Израиль в советском посредничестве

24 сентября состоялось решение Политбюро о проведении либо в Вене, либо в Гааге очередной встречи с представителями правительства Израиля «с целью закрепления контактов с израильскими руководителями и детального обсуждения позиций сторон по ближневосточному конфликту». Обеспечение встречи и связи, как и в первом случае, было поручено Комитету госбезопасности. Договорились встретиться в Вене. Нам сообщили, что в Вену вылетают для встречи со мной генеральный директор МИД Израиля Газит и Барон.

7 октября 1971 года прилетел в Вену, где уже находились израильские представители. Встречи происходили в различных загородных ресторанчиках. Этим встречам Москвой придавалось большое значение, так как они должны были состояться после того, как СССР выступил со своим планом политического урегулирования ближневосточного кризиса. Советский план предлагал, во-первых, в виде меры, которая сразу же снимет остроту конфликта, увязку вывода израильских войск со всех оккупированных в 1967 году территорий с одновременным прекращением войны и установлением мира между всеми

арабскими государствами и Израилем. Во-вторых, предусматривалось, что этот вывод может осуществляться в два этапа и уже после первого будет объявлено о прекращении войны и установлении мира. В-третьих, предлагалась целая система мер по обеспечению безопасности границ всех стран этого региона.

Особенно важно, что советский план был принят в основных своих частях арабскими странами, которые еще четыре года назад торпедировали латиноамериканский проект резолюции на Чрезвычайной сессии Генассамблеи ООН, так как ни при каких условиях не соглашались на запись о прекращении войны и установлении мира с Израилем. Эволюция арабской позиции произошла в том числе в результате плотной работы Советского Союза. Нацеленность намечаемых в Вене встреч на конкретное продвижение процессов урегулирования была очевидной.

В указаниях для бесед с представителем руководства Израиля, утвержденных Политбюро, акцент делался на то, чтобы разъяснить: наша позиция – не пропагандистская, она выработана в интересах всех сторон, вовлеченных в конфликт. В частности, предлагалось «при подробном анализе советских предложений акцентировать внимание на содержащихся в них мерах по обеспечению гарантий безопасности границ Израиля и свободы судоходства по всем морским путям этого района».

Советский Союз явно хотел сыграть конструктивную посредническую роль в урегулировании. Мне предписывалось не просто изложить наш план, но вести дело к тому, чтобы «израильский представитель детально остановился на позиции своей страны по ряду вопросов, связанных с территориями, будущими границами, а также размещением войск или наблюдателей ООН». При этом я должен был подчеркнуть готовность серьезного изучения нами конкретных израильских предложений, особенно если они будут носить конструктивный

характер. Мы не отвергали «промежуточное урегулирование» – открытие Суэцкого канала. Более того, в директивах указывалось на необходимость предметно рассмотреть предложения президента Египта по открытию канала, чтобы получить информацию о готовности Израиля принять те или иные положения плана Садата. Вместе с тем предлагалось откровенно сказать, что при отсутствии гибкости в израильском подходе Египет, естественно, будет еще более настойчиво стремиться получить новые виды оружия, особенно в авиации, где он пока отстает в наступательных средствах от Израиля, и Советскому Союзу будет трудно оставлять без положительного решения соответствующие просьбы Каира.

Однако собеседники явно не хотели обсуждать конкретные вопросы, и реальная возможность продвинуться в урегулировании была упущена. Как сказал Газит, советские предложения не подходят потому, что они базируются на использовании механизма ООН, а это не устраивает Израиль. Да и гарантии великих держав тоже неприемлемы. Опять прозвучал тот же мотив – лишь удержание территорий, оккупированных в 1967 году, может обеспечить безопасность Израиля. Чувствовалось, что по согласованию с США либо без них Израиль без всякого реального учета складывающейся обстановки, возможно, под воздействием эйфории от победы в 1967 году взял курс на навязывание своей позиции арабским странам.

Забегая вперед, скажу, что советский план мог бы быть развит до положений «дорожной карты», которая в начале XXI века стала признаваемым мировым сообществом путем к урегулированию ближне-восточного конфликта. У израильского руководства был шанс еще в 1971 году решительно продвинуться к миру с арабами. Хочу подчеркнуть – не с одним лишь Садатом, а с арабами в целом, чему мог и был готов способствовать Советский Союз. Вместе с тем и Газит, и Барон в личном плане

пытались обговорить вопросы, не увязанные с общим урегулированием, – они это подчеркивали. Например, возможность после достижения договоренностей о промежуточном урегулировании («суэцкий вариант») провести второй этап отвода израильских войск в более длительные сроки, скажем, в течение ряда лет (15, 10, 5). Но при этом речь шла об одном лишь Синае.

Или опять уже поднимаемый ранее вопрос о возможности передачи Израилю Шарм аш-Шейха и Газы «при сохранении на них суверенных прав арабских стран». Или о включении израильских воинских контингентов в войска ООН, если будет решено разместить их в отдельных районах. Я обращал внимание собеседников на то, что все эти вопросы могут обсуждаться, но в рамках общего урегулирования, они должны быть жестко сочленены с формулой «территории за мир». Газит отвергал такую постановку с порога. Барон ее тоже отрицал, но в более мягких тонах. Израильцы затронули вопрос о своих девяти военнопленных, находящихся в Египте. Они попросили освободить четырех тяжелораненых или хотя бы одного – летчика Ияла Ахикара, парализованного в результате нескольких пулевых ранений. При этом выразалась готовность рассмотреть любое встречное предложение египтян в отношении более 60 египетских военнопленных, находящихся в Израиле.

В информации для Садата о проведенных в Вене контактах была подробно изложена эта просьба Израиля. В ходе венских встреч выявился еще один момент – стремление израильцев свести на нет миссию представителя Генерального секретаря ООН Ярринга и подменить ее «добрыми услугами» США. Как и в Тель-Авиве, поднимались вопросы об эмиграции евреев из СССР в Израиль. В то время уже не было прямых препятствий для такой эмиграции, но, чтобы ее не поощрять, предпринималась целая система мер: и увольнение с работы тех, кто проявил желание эмигрировать, и требование

выплаты за полученное в СССР образование. А в самом Израиле нарастала антисоветская кампания, в которой особенно усердствовали молодчики Меира Кахане. Сказал Газиту: «Если бы вы открыто осудили провокационные действия Кахане, то это было бы хорошо воспринято в Москве».

Во время последней встречи, которая состоялась 15 октября, Барон подчеркнул, что их поездке в Вену придавалось большое значение. Два раза их принимала Мерир. По его словам, такое внимание было проявлено особенно в связи с тем, что во время нашей венской встречи в Москве находился Садат.

VII. Сложности с продолжением контактов

После моего возвращения в Москву Ю.В. Андропов и А.А. Громыко направили в ЦК КПСС записку:

ЦК КПСС 13 ноября с. г. по обусловленному с представителями Израиля конфиденциальному каналу получено письмо на имя Примакова Е.М., в котором израильская сторона дает следующую оценку происшедшему в Вене обмену мнениями: «По возвращении мы представили полный доклад нашим руководителям, с которыми вы встречались во время вашего пребывания здесь. Считается, что наши беседы были полезными. Хотя расхождения во мнениях остаются, все же было важно ознакомиться с образом мышления друг друга. Мы уверены, что периодический обмен мнениями мог бы принести большую пользу». Письмо подписано директором

кабинета министра иностранных дел Израиля Х. Бароном. В связи с изложенным было бы желательно направить израильской стороне по существующему конфиденциальному каналу связи следующий ответ за подписью Примакова Е.М.: «Ваше письмо от 4 ноября с. г. получил. По возвращении из Вены я также доложил о содержании состоявшихся бесед. У нас здесь существует аналогичная оценка их результатов». Просим рассмотреть.

Андропов, Громыко «3» декабря 1971 года

На записке резолюция – «Согласиться». Под резолюцией три подписи: Суслов, Косыгин, Подгорный – и приписка Черненко: «Л.И. Брежнев ознакомлен».

В конце марта из Израиля пришло предложение о новой встрече. Вместе с тем в письме отмечалось, что встречи считаются полезными, хотя «ничего нового в израильской позиции нет». Предложение о новой встрече, напрямую связанное (дабы не было никаких иллюзий!) с тем, что в позиции Израиля ничего не изменилось, было оставлено нами без ответа.

В сентябре 1972 года я принимал участие в XXII Пагуошской конференции¹⁰⁵ в Оксфорде (Англия). Туда прибыл Ш. Фрейер, сказав мне, что целью его поездки было намерение встретиться со мной «для обсуждения интересующих обе стороны вопросов». По его словам, инструкции для бесед он получил от М. Газита и «других израильских руководителей».

Фрейер всегда говорил со мной откровенно. И на этот раз он без всяких обиняков подчеркнул, что, по израильской оценке, отъезд советского военного персонала из Египта должен позитивно сказаться на отношениях СССР с Израилем. Сославшись на полученные инструкции, он сказал, что израильская сторона планирует поставить перед нами вопрос о возобновлении дипломатических отношений. Однако, добавил он, «в новых

условиях» это должно быть отделено от вопроса об отношениях между Израилем и арабскими странами, иными словами, от ближневосточного урегулирования. Я задал вопрос Фрейеру: а не используются ли контакты с нами Израилем для давления на американцев, которые заигрывают с Египтом, и для попыток осложнить советско-арабские связи? Обратил внимание Фрейера, что СССР по-прежнему имеет сильные позиции не только в Египте, но и в ряде других арабских стран, в палестинском движении, поэтому политика СССР была и остается одним из главных факторов развития ближневосточной ситуации. Характерно, что Фрейер согласился с высказанной мною мыслью о тех целях, которые, как он сказал, «некоторые в Израиле» связывают с нашими встречами. Но, по его словам, Меир не входит в число этих «некоторых». Фрейер сказал, что он через израильское посольство в Лондоне в деталях сообщит в Иерусалим о содержании наших бесед.

Ю.В. Андропов доложил о состоявшейся встрече с Фрейером в ЦК КПСС. На записке Андропова имеется три подписи об ознакомлении с ней – М.А. Сулова, Н.В. Подгорного, А.Н. Косыгина.

Новая конфиденциальная встреча с представителями Израиля на неофициальной основе была проведена с 22 по 26 марта 1973 года снова в Вене. Израильскую сторону опять представлял Газит, недавно занявший пост директора канцелярии премьер-министра, и Барон, бывший директор кабинета министра иностранных дел Израиля, назначенный послом в Нидерланды. С нашей стороны было тоже два участника. Вместе со мной в Вену прибыл Ю.В. Котов – один из лучших аналитиков внешней разведки, прекрасно разбирающийся в ближневосточных делах. Встречи проходили на окраине австрийской столицы в частном двухэтажном особняке, предложенном израильской стороной.

Из новых впечатлений об израильской позиции можно было бы отметить следующие. Израильское руководство приблизилось к заключению с Египтом соглашения о частичном урегулировании с открытием Суэцкого канала. В этом вопросе оно даже готово было провозгласить свое согласие не ограничиваться выводом войск на Синае на «промежуточные позиции». В то же время Израиль полностью исключал предварительную разработку какого-либо плана расписания отвода своих войск с оккупированных в 1967 году арабских территорий, даже с Синае. При этом израильтяне считали, что Соединенные Штаты должны помочь Израилю вступить в прямой контакт с Садатом, – израильтяне рассчитывали на прямые переговоры с ним. Газит явно стремился показать незаинтересованность в участии СССР на стадии подготовки частичного урегулирования с Египтом. Нам было доподлинно известно, что о вытеснении Советского Союза из процесса подготовки «промежуточного» урегулирования с Египтом израильтяне договорились с Соединенными Штатами.

Но на последнем этапе, видимо, им необходимо было по многим причинам получить наше одобрение соглашения между Израилем и Египтом об открытии Суэцкого канала. Что касается решения палестинской проблемы, то, по мнению израильтян, это могло происходить только в рамках Иордании. Израильские собеседники практически ушли от обсуждения наших аргументов о том, что известные резолюции ООН предоставили права палестинцам возвратиться на родину, а тем из них, кто не воспользуется этим правом, получить компенсацию.

Мы обратили внимание наших собеседников на нежелание обсуждать проблему самоопределения палестинцев, подчеркнув, что жизнь заставит Израиль признать права палестинцев на собственное государство. Было заметно, что Газит, не говоря уже о Бароне, не шел на обострение полемики, смягчал тон своих высказываний.

Создалось также впечатление, что израильтяне, будучи полностью уверенными в своем военном превосходстве над арабами, не ожидают инициативных военных действий с их стороны и считают, что отведен большой срок для использования межарабских противоречий и сохранения негативизма в отношении общего политического урегулирования. А ведь наши встречи происходили за считанные месяцы до начала октябрьской войны 1973 года. Между этой и предыдущей встречей прошел значительный период. Отметив это, Барон наедине сказал нам: у израильского руководства поначалу сложилось мнение, что форма более или менее регулярных конфиденциальных контактов будет на данный период в какой-то степени компенсировать отсутствие дипотношений между двумя странами. Мы с Котовым заметили, что причиной задержки ответа на предложение израильтян о возобновлении контакта было настойчивое подчеркивание с израильской стороны отсутствия у нее «новых моментов для обсуждения».

На самом деле это была одна из причин. Другая, по-видимому, – конечно, мы об этом не говорили – заключалась в том, что тормозящее влияние на развитие контактов с Израилем оказывала созданная нами же формула: восстановление советско-израильских дипломатических отношений возможно только при условии ликвидации причин решения о разрыве дипотношений в 1967 году, а именно – освобождение Израилем оккупированных арабских земель и предоставление палестинцам законных прав, в том числе на создание своего государства. Никто из советских руководителей на том этапе персонально не решался выступить за изменение этой формулы, чтобы не подвергнуться обвинению в «соглашательстве», в «содействии агрессору». В реальности в пользу восстановления дипотношений были настроены Андропов, внешняя разведка, колебался Громыко, «не возражал» Брежнев. Однако многие были против.

Характерно, что в записке Ю.В. Андропова и А.А. Громыко в ЦК КПСС по результатам наших переговоров 1973 года в Вене было предложение «сообщить израильтянам, что мы могли бы изучить их просьбу о расширении помещения консульской секции посольства Нидерландов в Москве, если оно поставит такой вопрос перед МИД СССР»*.

В решении Политбюро от 18 апреля 1973 года по записке Андропова и Громыко говорилось: «Предложения одобрены без сообщения об изучении вопроса о расширении помещения консульской секции посольства Нидерландов в Москве». Тем не менее, в решении Политбюро о мартовских контактах предлагалось организовать новую встречу с израильскими представителями в Вене 10–15 июня. Неофициальный и секретный характер контактов устраивал тогда советское руководство, а закладываемая частота этих встреч объективно могла бы привести к их перерастанию на официальный уровень. Я думаю, что большинство в Политбюро подталкивало именно к этому, хотя вслух об этом, очевидно, не высказывались. Однако началась непонятная волокита с израильской стороны: мы не получали писем, которые, как утверждалось, нам были направлены, затем выразилась готовность увидеться с нами во время поездки Газита в Европу. Так прозрачно давали понять, что встреча с нами – чисто производная от этой поездки. При этом опять подчеркивалось отсутствие нового в израильской позиции. Все это не располагало к быстрому возобновлению контакта.

Между тем начала работать Женевская конференция по Ближнему Востоку¹⁰⁶. Перед началом одного из ее заседаний Киссинджер спросил Громыко, не согласился бы

* Речь шла, таким образом, об открытии израильского представительства в Москве под крышей посольства Нидерландов.

он, чтобы участники конференции отдельно нанесли визиты сопредседателям – госсекретарю США и министру иностранных дел СССР. Было ясно, что речь идет о визите Эбана к Громыко, который согласился его принять. Эбан начал беседу со слов, что выступление Громыко на конференции вызвало очень хороший отклик в Израиле, поскольку в нем отчетливо прозвучала неизменность советского признания права Израиля на существование как независимого и суверенного государства. Потом Эбан внимательно выслушал подробные разъяснения Громыко, что политика вражды с арабскими государствами и территориальных аннексий несовместима с заявлениями о желании обрести безопасность Израиля. Эбан сказал, что «идет речь о самых минимальных, а не о максимальных условиях, обеспечивающих его безопасность». Но так как в Израиле приближаются выборы, он, дескать, не может излагать конкретно свои соображения, хотя несколько не сомневается в успехе на выборах Голды Меир.

Беседа, по сути, была пустой. Эбан ее вел по известному кругу: отказ Израиля от прекращения оккупации арабских территорий, захваченных в 1967 году, с одновременным созданием иллюзий о возможности кое-каких подвижек в своей позиции при упорном нежелании обсуждать конкретные вопросы. Оставшись с Эбаном наедине, Громыко коснулся зондажа, который проводит Израиль по вопросу восстановления дипотношений с Советским Союзом. Он сказал о невозможности рассмотрения этого вопроса сейчас. «По мере того как конференция будет делать прогресс и будет обеспечено соглашение об окончательном урегулировании, тогда, конечно, вопрос созреет», – повторил Громыко советскую позицию. После этой беседы, по-видимому, не было нужды активизировать в ближайшее время негласный контакт с израильянами по нашему каналу.

VIII. Новое израильское руководство: импульс с двух сторон к возобновлению встреч

Идея неофициальной секретной встречи снова всплыла после того, как в июне 1974 года Меир ушла в отставку и на посту премьер-министра ее заменил Ицхак Рабин, а Эбана – Аллон. В это время в ближневосточной ситуации обозначился ряд новых моментов. Уход Меир с поста главы правительства произошел после публикации отчета «комиссии Аграната» о причинах серьезных неудач Израиля на начальной стадии войны 1973 года. Даже успехи на ее заключительном этапе не могли притупить определенный психологический сдвиг в израильском обществе, которое впервые стало серьезно сомневаться в том, что военное преимущество над арабами, получающими современное советское вооружение, будет вечным и безопасность Израиля, опирающегося на военную силу, незыблема.

Одновременно происходил процесс – об этом уже говорилось – смягчения позиции ООП в отношении Израиля. Была принята формула, по которой еще не предусматривалось признание Израиля, но были сделаны шаги в этом направлении: создание палестинского государства провозглашалось «на территориях, освобожденных от оккупации». Рушилась международная изоляция Организации освобождения Палестины. Впервые в повестку дня Генассамблеи ООН был внесен палестинский вопрос не как чисто гуманитарный (беженцы), а как проблема национального самоопределения палестинцев. По выступлению Арафата Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, провозглашающую право палестинского народа на самоопределение, национальную независимость и суверенитет. В таких условиях зависали

договоренности Израиля об «иорданском варианте» решения палестинской проблемы.

В Москве считали, что в создавшейся обстановке следует попытаться оказать влияние на Израиль по созданию палестинского национального государства. Вместе с тем упор делался на то, чтобы «уложить» частичные решения Израиля с Египтом в общее русло Женевской конференции. Мы не хотели мешать этим договоренностям, но необходимо было связать их с общим урегулированием в интересах всех непосредственных участников ближневосточного конфликта, тем более что и в позиции Садата, и в варианте, выработанном Киссинджером, все больше просматривалась ставка на сепаратное египетско-израильское соглашение.

Соединенные Штаты, увлеченные «игрой» с Садатом, чуть понизили планку своих отношений с Израилем. Форд, занявший пост президента США в августе 1974 года, еще в большей степени, чем Никсон, сделал упор на укрепление американских позиций в Египте. В результате с марта по июнь 1975 года было приостановлено заключение новых американских военных контрактов с Израилем. Израиль действовал импульсивно, пытаясь изменить складывающуюся не в его пользу ситуацию. Обозначилась линия на отказ от активизации Женевской конференции. Идея непрерывности ее работы была похоронена, хотя во время встречи с Громыко в декабре 1973 года Эбан согласился, чтобы конференция продолжала свою работу без перерыва.

Был взят курс на подписание разработанного Киссинджером варианта соглашения с Египтом. Рабин в то же время принял решение о строительстве новых поселений на Западном берегу и Голанских высотах и сквозь пальцы смотрел на деятельность организации «Гуш эмумим», которая строила поселения на оккупированных территориях и без разрешения правительства. Из явного небытия пытались вытянуть «иорданский вариант»

решения палестинской проблемы. На фоне таких противоречивых шагов и неоднозначных результатов войны 1973 года росло расслоение израильского общества. Не было единства ни в правящем блоке Маарах, ни в партии Авода, в которой обострилась борьба за лидерство между премьер-министром Рабином и министром обороны Пересом. С учетом всей совокупности процессов и противоречий, определявших в то время ближневосточную ситуацию, Политбюро ЦК КПСС 9 марта 1975 года приняло решение об организации новых конфиденциальных встреч с руководящими деятелями Израиля («Особая папка»). С этой целью предписывалось направить в Израиль двух советских представителей: Примакова и Котова.

IX. Снова в Израиль – беседы с Рабином, Аллоном, Пересом

В Израиле с 4 по 6 апреля у нас состоялись встречи с премьер-министром Рабином, министром иностранных дел Аллоном, министром обороны Пересом. Со всеми встречались в их домах: с Рабином – в новом районе Тель-Авива, с Аллоном – в еврейском квартале старого города Иерусалима, с Пересом – на его квартире в престижном тель-авивском квартале Рамат Авив и, конечно, вначале с нашим постоянным партнером Газитом – в отеле «Дан». С Газитом были затронуты два вопроса, имевшие, скорее, технический характер. Первый: к израильтянам, как сказал нам Газит, «подходят» и другие лица от имени советского руководства. «Какое место занимает в этой связи ваш канал?» – спросил он. Очевидно, речь шла о Викторе Луи – московском корреспонденте

те английской газеты «Ивнинг стар», которого на Западе считали агентом КГБ. Он побывал в Израиле и написал о возможностях восстановления советско-израильских отношений.

Приблизительно в это же время к послу СССР А.Ф. Добрынину в Вашингтоне обратился израильский посол Диниц и предложил через него установить связь с руководством Израиля. Советское руководство не отвергло и этой возможности, хотя не исключалось, что таким путем израильтяне просто проверяют надежность и истинный характер нашего канала: судя по всему, у них могла зародиться мысль о его «ведомственном» характере. В указаниях Политбюро ЦК КПСС Добрынину говорилось: соглашаясь на установление контакта с руководством Израиля через Диница, мы исходим из того, что он будет способствовать на Ближнем Востоке достижению справедливого и прочного мира, который обеспечивал бы интересы всех государств, включая Израиль.

Но канал Добрынин – Диниц не состоялся, и поэтому в Москве сделали упор на возобновление встреч по нашей линии. Мы сказали об этом Газиту, еще раз подчеркнув, что выходим непосредственно на высшее советское руководство, которому мы докладываем о встречах и от которого получаем указания. По-видимому, мы прошли с успехом через очередную «проверку наших полномочий» – иначе не состоялись бы те встречи, для проведения которых мы прибыли в Израиль. Второй вопрос был поднят нами. Дело в том, что в западных СМИ появилось сообщение о наличии советско-израильского конфиденциального контакта. Мы затронули эту тему, заранее предполагая, что Газит будет уверять, что его страна строго придерживается договоренности о конфиденциальности встреч. Однако было любопытно узнать, как он объяснит появление на Западе этой информации. По его словам, утечку сделал «не Израиль, а ваш противник» – намек был на США. Действительно, правая

американская печать усматривала в поездке советских представителей в Израиль пример «происков СССР» в условиях разрядки, да к тому же в «зоне жизненно важных интересов США».

Такая трактовка была выгодна противникам разрядки напряженности с СССР. Израильяне наверняка информировали о наших встречах американское руководство, и утечка могла произойти от тех, кто владел этой информацией, например из ЦРУ. Однако подозрения могли распространяться и непосредственно на израильскую сторону. Посол СССР в США Добрынин сообщил в Москву, что большинство экспертов сходится во мнении: израильское руководство пошло на такой шаг, чтобы в ответ на американское давление уколоть Вашингтон, показать, что у Израиля есть и другие альтернативные пути поисков решений ближневосточных дел, и таким образом оказать определенное контрдавление на США. Но о таком альтернативном пути не было сказано ни слова нашими израильскими собеседниками.

А ведь мы приехали не с пустыми руками. Впервые нам было поручено заявить – и мы подчеркивали в беседах с каждым из трех израильских руководителей, – что встречи призваны способствовать процессу нормализации отношений между нашими двумя странами. Не был услышан наш призыв восстановить работу Женевской конференции, которая может стать наиболее подходящим местом для рассмотрения всех проблем урегулирования – и больших, и малых. Причем нами подчеркивалось, что Советский Союз не налагает табу ни на какие предложения, которые может внести на конференцию та или другая сторона, и готов совместно рассматривать любые из них.

Незамеченной осталась и наша увязка участия представителей ООП в конференции с самого начала возобновления ее работы со стремлением СССР помочь ее руководству противостоять экстремистским тенденциям

отдельных групп палестинского движения. Мы сказали прямо, что при проявлении позитивного отношения Израиля к возможности создания палестинского государства на Западном берегу и в районе Газы Советский Союз готов сыграть положительную роль, учитывая имеющиеся у него связи с ООП.

Думаю, что при реалистичном подходе лидеров Израиля к вопросам безопасности своей страны все это могло послужить предметом для углубленного обсуждения. Тем более нам поручалось (и мы это сделали) сказать: можно в закрытом порядке договориться, что СССР будет предпринимать все, чтобы не допустить со стороны кого бы то ни было нарушения соглашений о мирном урегулировании на Ближнем Востоке. Мы подчеркнули, что СССР стремится к нормализации обстановки на Ближнем Востоке на разумной основе, делает все, чтобы удержать арабов от опрометчивых шагов. Но важно, чтобы и Израиль воздерживался от действий, способных еще больше осложнить и без того взрывоопасную обстановку в этом районе. Мы сделали акцент и на том, что хорошо понимаем: без США невозможно урегулировать конфликт – и не стремимся, да и не сможем, если бы даже хотели, нарушить израильско-американские отношения.

Что же услышали в ответ? Все наши собеседники опять говорили о том, что они не могут отойти на линию от 4 июня 1967 года потому, что это, дескать, будет пагубным для безопасности Израиля. Но каждый из них внес свою лепту в доказательство правоты такой постановки вопроса и каждый из них сосредоточился на критике в адрес советской политики. И что самое главное – во всех беседах израильские руководители опять уходили от обсуждения конкретных вопросов, а такое обсуждение могло бы быть полезным для всеобщего урегулирования, в том числе для безопасности Израиля.

Из моей записной книжки: «Встреча с Рабином 5 апреля 1975 года. Рабин оправдывал ориентацию Израиля на США в урегулировании ближневосточного конфликта “односторонностью” советской политики. Он мне сказал: “Вы представляете арабскую позицию. На этой основе мы могли бы вести переговоры с ними без посредников”. Видно уловив ироничное выражение наших лиц, добавил: “Поверьте, что это мы можем”. При этом он явно имел в виду Садата и короля Хусейна. Это было видно из следующих его слов: “Мы надеемся, что Садат не изберет войну. Может быть, он решится на небольшие военные действия лишь в качестве катализатора политического решения”. Что касается палестинского вопроса, то он сказал напрямик: “Режим королей не вечен. На территории Иордании и на части Западного берега как раз и может существовать палестинский очаг”. Будучи генералом, он не отказался и от такой формулировки: “Мы добиваемся мира, но через войну тоже получаем движение к миру”. Видимо, для того, чтобы приглушить информацию о трениях Израиля с США, Рабин утверждал: “Энергетический кризис ослабнет, и Соединенные Штаты снова займут позицию безоговорочной поддержки Израиля”».

Много позже, в 2004 году, в Нью-Йорке были изданы мемуары Билла Клинтона «Моя жизнь». Он, в частности, описывает свою беседу с Рабином во время неофициального ланча после подписания палестино-израильского соглашения 13 сентября 1993 года.

Прочитую президента США: «Как объяснил мне Рабин, он стал понимать, что территория, которую Израиль оккупировал в 1967 году, больше не нужна для обеспечения безопасности страны и, по существу, стала источником нестабильности. Рабин подчеркнул, что, как показала начавшаяся несколько лет назад интифада, оккупация территории, где живет множество недовольных людей, не укрепляет безопасность Израиля, а, напротив, делает его более уязвимым для нападения изнутри.

Затем, когда во время войны в Персидском заливе Ирак обстрелял Израиль ракетами “Скад”, Рабин понял, что эту землю нельзя считать буфером безопасности, страхующим от нанесения ударов извне с применением современного оружия. И наконец, по его словам, если бы Израиль навсегда оставил за собой Западный берег реки Иордан, ему пришлось бы решать вопрос, следует ли разрешить живущим там арабам голосовать на выборах в Израиле, как это делали те из них, кто жил в границах территории, существующей до войны 1967 года. Если бы эти палестинцы получили право голосовать, то, учитывая их высокий уровень рождаемости, Израиль через несколько десятилетий перестал бы быть еврейским государством. Отказ же в праве на голосование означал бы, что Израиль уже не демократическая страна, а государство с режимом апартеида»*.

Прочитав это, я не поверил своим глазам: ведь все это мы с Котовым говорили Рабину еще в 1975 году, а он тогда жестко парировал все наши аргументы. Неужели нужны были эти восемнадцать кровавых лет с того момента, чтобы стать реалистом? Или, быть может, Рабин и другие израильские руководители автоматически отвергали все то, что шло от Советского Союза? А жаль.

6 апреля нам представилось побеседовать с Игалом Аллоном, который произвел положительное впечатление. «Я верю, – сказал он, – что СССР искренне стремится к миру. И считаю, что без переговоров с участием СССР не продвинуться к урегулированию. Мы не думаем, что перед нами стоит выбор: либо США, либо СССР в качестве посредников. Нужны и они, и вы. Но, конечно, пока нет дипломатических отношений с Советским Союзом, США обладают преимуществом. Может быть, мы ошиблись, – улыбаясь, сказал Аллон, – когда согласи-

* *Клинтон Б.* Моя жизнь: Пер. с англ. – М.: Альпина бизнес букс, 2005. С. 609, 610.

лись, чтобы сопредседателем Женевской конференции был СССР, имеющий отношения лишь с одной стороной в конфликте». Он, по сути, как и Рабин, но в других выражениях, касаясь палестинского вопроса, сказал: «Арабы Западного и Восточного берегов – один народ. Нужно закрепить их отношения. Все проблемы нужно урегулировать, но рано устанавливать процессуальные формы решения палестинской проблемы. Пусть Женевская конференция соберется без ООП, хотя Израиль и признает резолюцию 242 и существование палестинской проблемы».

Из слов Аллона можно было понять, что он не делает ставку на изменение режима в Иордании, – у него, по-видимому, существовало противоречие по этому вопросу с Рабином. «Король Хусейн, – сказал Аллон, – не отказался от Западного берега, это лишь тактика». Аллон коснулся вопроса эмиграции евреев из СССР очень специфически: «Почему бы не сделать жест и не выпустить осужденных в Ленинграде?» – спросил он. Как известно, там была арестована группа лиц, пытавшихся угнать самолет. Мы ему ответили, что это уголовные преступники. Добавили, что нужно различать два вопроса: разрешение эмиграции и поощрение эмиграции. Мы второго делать не будем.

С Пересом беседа была вообще бесцветной. Предложил нам вначале выбрать водку или виски. Присоединился к нам и выпил рюмку водки, и не одну. А потом начал философствовать на тему о «марксистском анализе обстановки». «Марксизм» Переса абсолютно не сблизил наши взгляды. Практически на каждой встрече – так было и у Переса – израильские собеседники выдвигали обвинение в том, что СССР вооружает арабов, которые не оставили намерения «сбросить Израиль в море», снабжает их разведывательной информацией о планах и военном потенциале израильских вооруженных сил. На встрече с Пересом, которая затянулась за полночь,

эта тема в его исполнении зазвучала особенно агрессивно. Может быть, сказалось, что он пытался откупорить вторую бутылку водки, чего не дал сделать присутствовавший на встрече помощник министра обороны. Так или иначе, но Перес напористо утверждал, что «советская разведка круглосуточно ведет работу против Израиля, окружила его сетью шпионских радиолокаторов, передавая информацию арабам». Вдоль морской границы, продолжал Перес, постоянно курсирует советский военный корабль, ведущий электронную разведку, а ему, Пересу, дескать, доподлинно известно, что на корабле находятся сотрудники, владеющие ивритом, которые прослушивают и дешифруют перехваты израильской военной радиосвязи.

Когда мы усомнились в сказанном Пересом, он, перебив нас, сказал, что немедленно даст указание, и нас доставят на израильском военном вертолете в район нахождения советского корабля в Средиземном море и даже могут высадить на его палубу. Мы спокойно ответили, что никуда не полетим и ему не советуем посылать вертолет к советскому военному кораблю. Очевидно поняв, что разговор может стать весьма напряженным, Перес свел к шутке свое предложение и сменил тему. Снизил накал беседы и мы, сказав Пересу, что СССР неизменно поддерживает незыблемость права Израиля на существование как суверенного и независимого государства. Мы никогда не только не поддерживали призывы к его уничтожению, но и не позволим этого, равно как и не позволим навязывать решение ближневосточных проблем с помощью вооруженной силы. Да, мы поставляем арабским странам оборонительное вооружение, средства ПВО, истребители, артиллерийские комплексы. И это делается для того, чтобы сбалансировать военные силы сторон в условиях, когда Израиль получает все необходимое ему вооружение из Соединенных Штатов. Такой баланс, по-видимому, необходим для того, чтобы прийти к компромиссным условиям урегулирования.

Несмотря на демонстрируемое стремление продолжать наш контакт, в израильском руководстве, очевидно, были и те, кто хотел его срыва. В день после нашего возвращения из Тель-Авива в Вену, 8 апреля, в утреннем выпуске венской газеты «Курьер» было напечатано сообщение о пребывании в Израиле двух советских представителей, ведущих конфиденциальные переговоры с израильскими лидерами. Сообщение сопровождалось карикатурой: человек в советской военной форме с погонами полковника держит в одной руке оливковую ветвь, а в другой руке прячет за спиной ракету. Котов тут же позвонил в Израиль Газиту с вопросом, как понимать публикацию в «Курьере». Газит уже знал об этой публикации и извиняющимся тоном ответил, что израильская сторона очень сожалеет о случившемся. В Тель-Авиве, по его словам, полагают, что утечку сделал кто-то из противников израильско-советского сближения с намерением торпедировать наш контакт. «Вполне возможно, – добавил Газит, – что это дело одного из израильских чиновников, имевшего доступ к информации о вашем пребывании в Израиле». От имени своего руководства Газит высказал пожелание, «чтобы этот инцидент не нарушил установившийся полезный диалог между нашими странами».

Отметив неспособность израильской стороны обеспечить конфиденциальность встреч, Котов сказал, что дальнейшая судьба контакта будет решаться в Москве. Советское руководство решило продолжить контакт с руководством Израиля.

Вернувшись в Москву, были приняты Андроповым. Подробно рассказали ему о впечатлениях от поездки. Андропов тут же позвонил Громыко и сказал, что было бы небезынтересно выслушать нас. От Андропова направились прямо к Громыко, который так же, как и Юрий Владимирович, расспрашивал в деталях о наших впечатлениях от бесед с израильскими лидерами. После докла-

да Андропову о результатах встреч в Израиле я показал ему карикатуру со словами: «Юрий Владимирович, это же настоящая фальсификация». Андропов согласился, что карикатура абсолютно не отражает характера нашей миссии. «И не только в этом она не соответствует действительности, – продолжал я, – на карикатуре изображен полковник, а Котов все еще подполковник». Все рассмеялись, а уже за дверью андроповского кабинета присутствовавшие на беседе заместители начальника внешней разведки Б.С. Иванов и А.С. Воскобой обговорили вопрос о досрочном повышении Котова в звании в качестве поощрения за успешную работу. Так Юрий Васильевич заслуженно стал полковником.

Х. Снова в Израиль – встреча с Бегином

Правительство Рабина, а затем, когда он ушел в отставку, и правительство Переса были чрезвычайно ослаблены, в том числе и потому, что они не желали считаться с реальностью. Авторитет Маараха в глазах избирателей пал. В мае 1977 года впервые в истории Израиля победу на выборах одержал Ликуд. Новое правительство было сформировано во главе с Менахемом Бегином. Министром иностранных дел стал «неоднопартиец» Бегина Моше Даян. Советское руководство решило активизировать наш контакт в расчете на то, что, быть может, удастся обсудить конкретику урегулирования ближневосточного конфликта с новыми израильскими лидерами.

На этот раз мы с Котовым летели в Тель-Авив через Вену и Цюрих. В Вене нас встретил и организовал нашу дальнейшую поездку Ефраим Палти. Через десять лет

Ефраим Галеви (это его настоящая фамилия) стал директором Моссада. В Тель-Авиве нас встречал начальник канцелярии премьер-министра Элияху Бен Элиссар. Он руководил предвыборной кампанией Ликуда, имел хорошие перспективы на выдвижение, что и произошло позже: он стал председателем кнессета, а когда партия Бегина проиграла на очередных выборах, остался руководителем фракции Ликуда в кнессете. Он был назначен первым послом Израиля в Египте, затем послом Израиля в США и Франции. Очевидно, появление Бен Элиссара в качестве нашего нового непосредственного партнера в немалой степени было связано с тем, что нам хотели показать: правительство Бегина придает контакту большое значение.

Встреча с Бегом состоялась поздно вечером 17 сентября в Иерусалиме в резиденции премьера. Это тоже, очевидно, было призвано продемонстрировать серьезное отношение нового руководства Израиля к беседе с советскими представителями. Менахем Бегин был фигурой сложной. Он родился в польском городе Брест-Литовск в 1913 году, окончил юридический факультет Варшавского университета. С юношеских лет был активным членом военизированного молодежного сионистского формирования Битар¹⁰⁷. Когда фашистские войска вторглись в Польшу, Бегин бежал в Литву. После присоединения Литвы к Советскому Союзу в 1940 году Бегин, как известный уже в то время активный член сионистского движения, был арестован и заключен в лагерь в Коми. После нападения Германии на Советский Союз он и другие граждане Польши были освобождены и включены в польскую армию Андерса. В ее рядах Бегин оказался в Трансиордании, которая тогда была подмандатной территорией Великобритании. В мае 1942 года он очутился в Палестине, где, покинув польскую армию, вступил в организацию «Иргун цвай леуми» (Эцель).

Эта организация, как и отколовшаяся от нее Лехи, была типичным диверсионно-террористическим образованием. Символ Эцеля – рука, сжимающая винтовку, на фоне карты Палестины и Трансиордании (!), с надписью «Только так». Главой Эцеля в 1944 году стал Менахем Бегин. Через два года боевики Эцеля взорвали отель «Кинг Дэвид» в Иерусалиме. Организация занималась и захватом заложников. В 1947 году боевики Эцеля захватили и казнили двух английских сержантов. За голову Бегина – живого или мертвого – британские власти назначили огромную для того времени награду – 30 тысяч долларов.

После создания Израиля террорист Бегин стал политическим деятелем, возглавив партию Херут¹⁰⁸, превратившуюся в главного оппонента правящей партии Мапай и лично Бен-Гуриона, которые обвинялись херутовцами в сотрудничестве с англичанами, а позже – с американцами. В 1973 году Бегин возглавил правый блок Ликуд, ядро которого составила партия Херут. Наша встреча с ним произошла за три месяца до «исторического визита» Садата в Иерусалим, за которым последовало кэмп-дэвидское соглашение и подписание египетско-израильского мирного договора 1979 года. В 1978 году Бегин вместе с Садатом получили Нобелевскую премию мира. Договор, как уже говорилось, был подготовлен при активнейшей поддержке Соединенных Штатов. Однако Бегин был далек от роли деятеля, выполняющего указание из Вашингтона. Более того, у нового израильского правительства были трудности в развитии отношений с США.

Американская администрация, в свою очередь, прохладно относилась и до конца не доверяла Бегину. Бегин был человеком, способным к непредвиденным разворотам. Он отличался от многих других израильских руководителей тем, что не боялся принимать решения, потому что, как это ни звучит парадоксально, не опасался

ударов справа – уже правее его, пожалуй, никого и не было на израильском политическом поле. Кстати, Бегин, единственный из всех наших собеседников – израильских руководителей, свободно говорил по-русски. Он начал беседу с нами с ностальгических воспоминаний об СССР. И нужно сказать, что в этих воспоминаниях не было горечи от лично им пережитого. Напротив, он без всякой наигранности говорил, что «русский народ – самый благородный, великий и доброжелательный, о чем я повторяю моим молодым помощникам». Подчеркнул, что это мнение у него укрепилося и тогда, когда был в «стесненных обстоятельствах в Коми». Кстати, Бегин написал книгу «Северное сияние», в которой он тоже не злобствовал по поводу Советского Союза.

В ходе последовавшей беседы с Бегом четко проявилось несоответствие взглядов по проблеме ближневосточного урегулирования. Он высказался против возобновления работы Женевской конференции по Ближнему Востоку. Затем затронул проблему эмиграции. Вместе с тем Бегин неоднократно подчеркивал роль СССР как одного из главных действующих лиц на Ближнем Востоке и на мировой арене в целом. Развивая эту мысль, он сказал, что в процессе урегулирования, «которое не произойдет в один день», только СССР может влиять на арабов, и это должно высоко цениться в Израиле. Характерно, что, когда зашел разговор об участии Соединенных Штатов в урегулировании, Бегин сказал: «Мы настроены решительно в отношении того, что сами сможем добиться урегулирования путем минимальных уступок». Чувствовалось, что за этими словами стоит не просто надежда, а уверенность в том, что Израилу удастся подтянуть Саадата к сепаратному решению.

Мы зашли в кабинет Бегина сразу же после того, как оттуда вышел Даян, прибывший прямо из Марокко, где имел секретную встречу с заместителем премьер-министра Египта. Бегин ни словом не обмолвился об этом, но, ес-

тественно, был под влиянием доклада Даяна, из которого следовало о «прорыве» на египетском направлении, а это было действительно огромным достижением для Израиля. В ходе разговора с Бегиним мы не почувствовали особо воинственного настроения, как это часто ощущалось со стороны наших партнеров по предыдущим контактам. Различие между Бегиним и его предшественниками проявилось и тогда, когда он затронул вопросы эмиграции евреев из СССР. Даже подняв конкретную проблему Щаранского*, Бегин демонстрировал нежелание обострять ситуацию.

На конец беседы мы припасли главное: нам было поручено сообщить Бегину, что с началом возобновления работы Женевской конференции руководство СССР будет готово объявить о восстановлении дипломатических отношений с Израилем. Такая формула прозвучала с нашей стороны впервые. Думаю, что Москва нашла для себя способ решить этот трудный вопрос – восстановление отношений без «потери лица», продолжая увязывать его с ближневосточным урегулированием, но теперь уже без требования ликвидации последствий войны 1967 года.

Бегин внимательно выслушал наше предложение, но, думаю, не оценив той перспективы, которую оно открывало, сказал: «Пусть Брежнев пригласит меня в Москву. Я обещаю, что мы договоримся с ним по всем проблемам». При этом, подчеркнул Бегин, это должна быть не конфиденциальная поездка, а официальный визит премьер-министра Израиля. Мы пытались убедить его в невозможности такого визита в условиях отсутствия дипотношений между нашими странами. Но он безапелляционно повторял: «Доложите Брежневу о моем предложении. Я уверен, он меня примет, и мы обо всем договоримся».

* Натан Щаранский был арестован по политическим мотивам. После освобождения эмигрировал в Израиль, где стал видной политической фигурой.

Мы сочли, что Бегин попросту не понял, что советские руководители сделали качественно новый шаг по пути восстановления отношений с Израилем, а увязка с конференцией в действительности ничего плохого для Израиля не содержала. Таким образом, была утрачена возможность восстановить еще в 1977 году дипломатические отношения между СССР и Израилем, что могло бы изменить в лучшую сторону развитие событий на Ближнем Востоке.

Что касается СССР, то ему тоже был небезразличен этот вариант – он мог способствовать тому, чтобы снять международное давление на нашу страну с использованием «еврейского вопроса». Можно добавить, что в Москве на среднем уровне даже не решились доложить хотя бы руководству ЦК и МИДа о предложении Бегина. В целом мы почувствовали желание нового израильского руководства продемонстрировать свое доброе расположение и сохранить диалог с Советским Союзом. В подтверждение этого можно привести хотя бы такой факт. Еще в Москве нам были известно, что, несмотря на занимаемую на словах антиизраильскую позицию, эфиопское руководство во главе с Менгисту регулярно получает оружие из Израиля, поставляемое морем в порт Момбасу. Эфиопия в то время вела войну против Сомали, а Менгисту клялся в верности Москве, но тщательно скрывал факт секретных договоренностей с Израилем.

В ожидании приема у премьер-министра мы задали этот вопрос Бен Элиссару, который подтвердил факт поставок израильского оружия. «Естественно, – сказал он, – сделка строго конфиденциальная. Израилю было бы в высшей мере нежелательно придавать гласности эту деликатную сделку, в качестве компенсации за поставленное оружие эфиопское руководство обязалось отпустить в Израиль 20 тысяч фалашей – граждан Эфиопии, исповедующих иудаизм. Что касается Эфиопии, то ей было невыгодно входить в противоречие с решениями Лиги

арабских государств о бойкоте Израиля. Более того, для Израиля, – добавил он, – важно налаживание связей с Эфиопией в целях раскола антиизраильского фронта в Африке».

Наша поездка в сентябре стала последней. Созданный нами конфиденциальный контакт продолжал существовать вплоть до декабря 1991 года и периодически использовался для решения отдельных технических и оперативных вопросов в основном по линии спецслужб двух стран. Но в этом я уже не принимал участия. В этот же период случались спонтанные встречи представителей Израиля и СССР в разных странах и в ООН, преимущественно инициированные израильской стороной. Однако эти встречи не носили серьезной политической нагрузки.

XI. Официальные встречи: Нетаньяху как переговорщик

Дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены лишь в последние месяцы существования Советского Союза. Уже в официальном качестве министра иностранных дел я посетил Израиль три раза – в 1996–1997 годах. 22 апреля 1996 года произошла встреча с премьер-министром Пересом. Она мало отличалась от той, что состоялась в начале 70-х на неофициальном уровне. «Нам нужен только один посредник, и им должны быть Соединенные Штаты», – с металлом в голосе произнес Перес. Так он ответил на мое предложение, с помощью которого я пытался придать хоть какую-то динамику застопорившемуся процессу ближневосточного урегулирования. Для закрепления уже достигнутых результатов предложил, чтобы все участники арабо-израильского конфликта приняли на себя обязательство не

отвергать договоренности, достигнутые при их предшественниках. Это представлялось очень важным, так как надвигались перемены – по обе стороны конфликта к власти могли прийти более молодые и не связанные никакими обязательствами лидеры. Одновременно предлагалось осуществлять движение к урегулированию по всем «трекам», не оставляя в стороне ни один из них.

Такую инициативу полностью одобрил президент Египта Мубарак, с которым я встретился до этого в Каире, позитивно отнесся к ней и президент Сирии Хафез Асад во время беседы со мной в Дамаске. Речь шла о документе, который можно было бы подписать, как говорится, в рабочем порядке, без созыва специальной конференции. Перес начисто отверг эту идею. 31 октября, во время следующей поездки на Ближний Восток, я встретился в Тель-Авиве с новым премьер-министром Израиля Беньямином Нетаньяху. В отличие от Переса, он сказал, что заинтересован в активной роли России, подчеркнув, что наряду с США Россия является сопредседателем Мадридской мирной конференции. Однако жизнь сложна: расположив к себе конструктивным подходом к роли России в политурегулировании, Нетаньяху на деле отходил от договоренностей с палестинцами, состоявшихся при Рабине, убитом еврейским террористом в 1995 году, и Пересе. Сбывалось то, что я попытался предотвратить подписанием документа о преемственности курса на урегулирование.

Сказал Нетаньяху, что Россия не сойдет ни при каких обстоятельствах со своей позиции в отношении необходимости создания палестинского государства. Подтвердил это и тем, что после этой и следующей встречи с Нетаньяху, состоявшейся через год, ездил в Газу, где меня принимало палестинское руководство во главе с Арафатом, и заявлял во время пресс-конференций и там, и в Иерусалиме, что Россия категорически настаивает на выполнении Израилем мадридской формулы «территории в обмен на мир».

Однако мне казалось, что с Нетаньяху все-таки можно вести дела. Моя первая встреча с ним совпала с периодом возросшей напряженности на линии прекращения огня между Израилем и Сирией. Сирийцы считали, что израильтяне проводят военные маневры на Голанских высотах, готовясь ударить по Сирии, а израильтяне думали, что переброска элитарных сирийских частей к высотам означает стремление Дамаска начать наступление на израильские позиции. Нетаньяху с недоверием спросил: «Можете ли вы на пресс-конференции заявить, что Россия против нарушения прекращения огня на Голанских высотах?» «Конечно, могу это сделать», – ответил я и подчеркнул это в заявлении израильским журналистам. Тогда Нетаньяху попросил меня сообщить сирийцам, что Израиль не намерен предпринимать каких-либо военных действий на Голанских высотах, и был бы заинтересован получить аналогичный ответ из Дамаска.

Я по его просьбе осуществил «челночную дипломатию», снова полетел в Дамаск, где передал Асаду слова Нетаньяху, а затем сообщил Нетаньяху, что и сирийцы не намерены нарушать соглашение о прекращении огня. Позже я понял причину беспокойства израильского премьера: военная разведка Израиля, которую не раз уличали в самом Израиле в блефе с целью продемонстрировать свои «блестящие возможности», доложила информацию своего источника в Дамаске, что сирийцы якобы готовят прорыв на Голанские высоты. Через некоторое время выяснилось, что доклад разведки не отражал действительности. Но первой о том, что сирийцы не заинтересованы в военном столкновении, сообщила российская сторона. Уверен, что этот эпизод мог способствовать укреплению Нетаньяху во мнении о полезности контактов с Россией. Еще раз подтвердилось это, когда я принимал Нетаньяху в Москве в качестве председателя российского правительства. Ельцин был болен и поручил роль «хозяина» мне.

Не в пример многим своим предшественникам, Нетаньяху был расположен к открытому, откровенному обмену мнениями. Мне это, нужно признаться, импонировало. С ним можно было обсуждать самые острые вопросы – он не отвергал их с порога, как это делали многие другие израильские руководители. Вот несколько примеров. Нетаньяху понимал, может быть даже лучше своих предшественников, необходимость урегулирования с Сирией. Я подчеркиваю здесь его понимание этой проблемы, но не согласен с содержанием, которое он стремился придать этим договоренностям, и говорил ему прямо, что Дамаск не согласится на отказ от суверенитета над Голанскими высотами и поддерживается в этом Россией. Тем не менее, Нетаньяху прислушался к моим словам, что нельзя игнорировать Сирию, ее позиции в Ливане и, предварительно не обговорив с ней – конфиденциально, прямо или косвенно, – выводить израильские войска с ливанского юга. Многие в Израиле подталкивали именно к тому, чтобы отвод израильских войск максимально расшатал ситуацию в Ливане, укрепил в ней антисирийские элементы. Нетаньяху согласился со мной. «Главное для меня – безопасность Израиля, – утверждал он. – С учетом этого мы готовы рассматривать вопрос о Голанских высотах». Но когда я спросил, согласен ли его правительство объявить, что готово эвакуировать свои войска с Голанских высот и признать суверенитет Сирии над ними при многих «если», он, по сути, не дал ответа на этот вопрос.

Конечно, я далек от идеализации фигуры Нетаньяху. Естественно, у нас сохранялись разные подходы к урегулированию, но важно, что с ним можно было говорить напрямую. Мы договорились поддерживать контакты и продолжать обмениваться мнениями через специально выделенных для этого лиц. Произошло несколько встреч между ними в Европе, во время которых был продолжен обмен мнениями.

12 мая 1999 года я перестал быть премьер-министром. Через пять дней, 17 мая 1999 года, в Израиле состоялись внеочередные выборы парламента, и премьер-министром вместо «Биби» Нетаньяху стал Эхуд Барак. При нем переговорный палестино-израильский процесс активизировался. Переговоры и контакты продолжались, в том числе при посредничестве американцев, но они не приводили к прорывным результатам. В начале сентября 2000 года были организованы встречи президента США Клинтона с Баракком и Арафатом в Нью-Йорке. Но и это не помогло. Затем последовало второе издание интифады, спровоцированное визитом Шарона на Храмовую гору.

А дальше началось правление Шарона. 2 мая 2002 года США и Россия собрали «квартет» (США, Россия, ЕС, ООН). Так родилась «дорожная карта», которая представляла собой три этапа в реализации палестино-израильского урегулирования. Главное в «дорожной карте» не только поэтапность, но и провозглашение окончательной цели – создание палестинского государства. Россия противилась любым попыткам перечеркнуть эту цель, выступала за прекращение вооруженного насилия, тем более террористических актов против мирного населения. Но это уже все было не при моем прямом участии.

В 2006 году с моей супругой Ириной Борисовной поехали в Израиль, чтобы поздравить с 30-летием внука Евгения Сандро, которому посвящена эта книга. В то время он был корреспондентом Первого канала российского телевидения по Ближнему Востоку с местом пребывания в Тель-Авиве. Узнав о моем приезде, Нетаньяху предложил встретиться с ним в израильском парламенте, депутатом которого он был в то время. Поехали вместе с нашим послом Петром Владимировичем Стегнием – высокопрофессиональным дипломатом, обладающим поистине энциклопедическими знаниями. Нас сопровождала представительница МИД Израиля Оля. Ее абсо-

лютно славянская внешность полностью соответствовала этому отнюдь не израильскому имени. В Израиле, очевидно, не принято встречать гостей у входа – во всяком случае, рядом с нервничающей Олей мы минут десять дожидались, пока дежурный получил информацию, подтверждающую, что мы действительно приглашены Нетаньяху. Затем неожиданно последовало требование охранника снять обувь и дать ему для осмотра брючные ремни. Оля, жестикулируя (она по-настоящему была возмущена), что-то пыталась втолковать ему на иврите, очевидно перечисляя мои прошлые должности. Охранник ответил ей (Оля перевела), что у него единственный начальник – стоявший в двух шагах от нас темнокожий сержант, по-видимому эфиопского происхождения. Естественно, мы не подчинились и ушли. Только мы отъехали от здания парламента, в машину позвонил по телефону Нетаньяху. Он извинился, сказал, что предлагает мне встретиться с ним в любое устраивающее меня время, но я ответил, что вскоре улетаю, – собственно, так и было на самом деле.

Глава XVI

ФЕНОМЕН САДДАМА ХУСЕЙНА

Как возник и сложился феномен Саддама Хусейна? Ответ на этот вопрос составляет значительную часть анализа положения на Ближнем Востоке за последние 30 лет XX и начала XXI века. Возвышение Саддама Хусейна в Ираке в первую очередь связано с его личными качествами. После прихода к власти в Багдаде в 1968 году новых лидеров во главе с президентом Бакром мало кто мог предположить, что обозначенный под номером пять в опубликованном списке из семи человек руководства Ирака – Высшего революционного совета – буквально через пару лет будет признанным лидером, а затем уберет от власти своего родственника, президента Бакра, и займет его место. Сначала гораздо выше котировались Аммаш, некоторые другие. Саддам Хусейн смог их отстранить. Одни ушли из жизни, другие из руководства, а сам он стал ближе всех к Бакру. Сказались такие качества его характера, как напористость, целеустремленность, смелость и, конечно, отсутствие, мягко говоря, сентиментальных чувств, особенно когда расправлялся со своими коллегами.

В формировании того Саддама Хусейна, каким он стал и для иракского народа, и для Ближнего Востока, и для всего мирового сообщества, большую роль сыграли Советский Союз и Соединенные Штаты. Первый объективно способствовал его выдвижению в качестве лидера

Ирака, вторые – тоже объективно – в формировании его мировоззрения, которое во многом легло в основу внешней политики Саддама.

I. СССР: ставка на «раннего» Саддама

Начну с того, что в Москве сначала сдержанно отнеслись к перевороту, осуществленному иракскими баасистами 17 июля 1968 года. У всех на памяти был первый кровавый переворот, тоже осуществленный баасистами, в результате которого был свергнут Касем. Присматривались к происходящему в Ираке после вторичного прихода к власти иракских баасистов и в нашем посольстве в Багдаде. В то время исполнял обязанности советского посла тогда еще советник-посланник Феликс Николаевич Федотов – светлый человек и профессионал, обладавший аналитическим складом ума. Мы с ним в Багдаде, куда я приехал, немало часов проговорили о ситуации, складывающейся в стране при новом президенте Ахмаде Хасане аль-Бакре.

Когда группа из военного крыла иракской партии «Баас», опираясь на сотрудничество нескольких «независимых» офицеров, в ночь на 17 июля взяла власть в свои руки, население Багдада оставалось индифферентным к событиям. Свержение президента Арефа* произошло как-то келейно. Главной действующей силой переворота стала президентская охрана, возглавляемая подполковником Даудом. Важной фигурой в конспиративной подготовке выступления был заместитель начальника военной разведки Найеф. В тот момент, когда

* Брат президента Абдель Саляма Арефа, погибшего в 1966 году в авиационной катастрофе.

танки из батальона охраны направили свои башенные орудия на президентский дворец, руководитель операции генерал Бакр связался по телефону с Арефом и предложил ему сдаться. Президент сразу же согласился, был тут же препровожден на багдадский аэродром и немедленно выслан из Ирака.

Багдадцы не проявляли бурной реакции в отношении нового переворота. Страна и народ вообще устали от переворотов. Выжидательной среди широких слоев населения оставалась и реакция в отношении людей, совершивших переворот. В немалой степени этому способствовал тот факт, что многие из них были членами первого баасистского правительства Ирака, которое, захватив власть в феврале 1963 года, обрушило на левых деятелей град жестоких репрессий. Поэтому бросилось в глаза, что руководители переворота 17 июля хотели во что бы то ни стало избежать всяких аналогий с первым баасистским режимом в Ираке. Президент Бакр заявил, что 17 июля – прямое продолжение революции 14 июля 1958 года, не повторяющее по своей сути ни одну из последовавших затем замен власти. Значительная часть разговоров с Феликсом Николаевичем касалась расстановки сил в новом иракском руководстве.

Дауд и Найеф к этому времени из руководства уже были убраны. Собранные сведения, да и интуиция, подсказывали – этой же идеи придерживался принимавший участие в нашем товарищеском обмене мнениями резидент советской внешней разведки, работавший под крышей посольства, – тоже умный, опытный и образованный человек, – что основное соперничество идет между двумя членами Высшего революционного совета Ирака – Саддамом Хусейном и министром внутренних дел Салихом Махди Аммашем. В пользу Хусейна, которого мы между собой называли ЧП (сокращенное «чрезвычайное происшествие»), может быть, потому, что это определение в большей степени отвечало его характеру,

назывался ряд аргументов. Саддам, как и Аммаш, обладал серьезными позициями в баасистской партии. Но в пользу Саддама, несомненно, было расположение к нему основателя и генерального секретаря партии «Баас» Мишеля Афляка.

Может быть, такое отношение к Саддаму, которое сохранилось вплоть до смерти Афляка, было вызвано его смелым обличительным выступлением на VI общеарабском съезде партии, проходившем в Дамаске в октябре 1963 года, против генерального секретаря иракского отделения партии Ас-Саади. По рекомендации этого общеарабского съезда региональный съезд иракских баасистов освободил Ас-Саади от занимаемой должности. Еще больше привлекло к себе внимание, что при освобождении Ас-Саади ему в вину был поставлен кровавый разгул в Ираке во время первого девятимесячного нахождения у власти баасистов в этой стране. Мы с Федотовым связывали имя Саддама с неприятием кровавого террора против коммунистов, и для этого в то время были основания.

После свержения первого баасистского правительства в Ираке генералом Арефом Саддам в подполье продолжал упорно работать над совершенствованием партийного аппарата для подготовки нового прихода к власти. И неслучайно, что через три месяца после его ухода в подполье он был по рекомендации Афляка включен в новое иракское руководство ПАСВ, состоявшее из пяти человек. Но что самое главное – он создал и возглавил секретную партийную спецслужбу, состоящую из особо доверенных лиц. Штрихи к портрету Саддама добавили и мое знакомство, и беседы с ним и его близким человеком Тариком Азизом, в то время главным редактором партийной газеты «Ас-Саура». Постоянный контакт с Саддамом Хусейном и Тариком Азизом возник во время моей миссии, направленной на сближение позиций и установление мира между Багдадом и курдским севером

Ирака, о чем я дальше пишу в этой книге. Саддам был назначен багдадским руководством представлять его в трудном деле сближения с курдами.

Несомненно, что успех в этом, достигнутый в немалой степени при посреднических усилиях Советского Союза, оказал немаловажное воздействие на выдвижение Саддама Хусейна сначала как лидера, находящегося в тени, а затем президента Ирака, верховного главнокомандующего и генерального секретаря иракской региональной баасистской партии. Нужно сказать, что деятельность Саддама практически до 1975 года оправдывала ту ставку на него, которую сделали сначала советское посольство в Багдаде, а затем и Москва.

10 марта 1970 года было подписано соглашение с курдами, включающее в себя положение о правах курдов на автономию в рамках Ирака. Саддам Хусейн, несомненно, сыграл положительную роль и в создании Народного патриотического фронта (НПФ). По инициативе Саддама Хусейна Коммунистической партии Ирака было предложено вступить в создаваемый фронт при выполнении следующих условий: «признания прогрессивного характера революции 17 июля 1968 года», а также «признания руководящей роли ПАСВ в правительстве, массовых организациях и во фронте». К этому времени КПИ фактически раскололась на две части: центральное командование во главе с Азизом аль-Хаджем начало борьбу против ПАСВ, а Центральный комитет во главе с Азизом Мухаммедом занял позицию примирения с новыми властями. Не без помощи Центрального комитета КПСС КПИ преодолевала «левацкий уклон», и в июле 1973 года генеральным секретарем ПАСВ Бакром и первым секретарем ЦК КПИ А.А. Мухаммедом была подписана Хартия национального действия, предусматривающая присоединение коммунистов к фронту.

Во время пребывания в Иракском Курдистане я чувствовал, что многие в руководстве Демократической пар-

тии Курдистана (ДПК)¹⁰⁹ хотели бы тоже присоединиться к фронту, но победил курс на отказ от этого, а в условиях, когда уже было подписано соглашение о праве курдов на создание автономии, произошел раскол в курдском национальном движении, ряд членов ДПК вышли из партии.

В 1975 году в Алжире при посредничестве президента Алжира Хуари Бумедьена Саддамом Хусейном было подписано соглашение с шахом Ирана Мухаммедом Реза Пехлеви о границах в районе реки Шатт эль-Араб. По этому соглашению была восстановлена граница по тальвегу (линия, соединяющая более пониженные точки русла реки), чего добивался Иран многие десятилетия. За этим последовало подписание Договора о границах и добрососедских отношениях между Ираком и Ираном. В Москве с удовлетворением отнеслись к нормализации отношений двух стран, с каждой из которых СССР развивал многосторонние связи. Я думаю, мало кто мог сомневаться, что линия, избранная Ираком, не приходит в противоречие с теми политико-идеологическими принципами, которые в то время исповедовал и защищал Советский Союз. И эта линия непосредственно связывалась с Саддамом Хусейном.

Из моей записной книжки: 22 января 1973 года в 8 часов вечера я встретился с Саддамом в республиканском дворце в Багдаде. Нас было четверо – он, я, В.В. Посувалюк и Тарик Азиз. Саддам в самом начале сказал, что специально назначил встречу на вечерний час и я могу располагать любым временем. Он изменился с нашей последней встречи – за три года стал солиднее, сдержаннее. Касаясь внутривосточного положения в стране, подчеркнул, что «сбросить режим изнутри сейчас уже очень трудно» (не невозможно, а трудно. – *Е.П.*). Вместе с тем, по его словам, в арабском мире наблюдается поправление, особенно в Египте. Небезынтересна его характеристика Садата: «Насер ему никогда не давал особых

прерогатив. После смерти Насера он мог стать лидером, если бы продолжил внутренние социально-экономические преобразования, но поставил на демократизацию, пользуясь тем, что не только буржуазия, но и широкие народные массы испытывали недовольство многими теневыми, полицейскими проявлениями при Насере. После ареста студентов и зажима их инициативы Садат потерял и этот последний козырь. Он начал с эксплуатации исламских лозунгов и в результате породил к жизни такие тайные силы, с которыми ему самому же будет трудно бороться».

Согласитесь, что это зрелое рассуждение, которое абсолютно не соответствует утверждениям о примитивизме «раннего» Саддама. Тогда он был ни капельки не похож на человека, стоящего на трибуне и приветствовавшего парад бесконечными выстрелами в небо из винтовки, упертой в колено, – этот снимок действительно примитивного Саддама обошел все телевизионные экраны в 2003 году. Но «ранний» Саддам был другим, и Москва не без основания считала его перспективным лидером. В том же разговоре со мной он далеко не примитивно объяснял, почему Ирак тянется к особым отношениям с СССР.

«Дело не в дополнительной помощи нам, – сказал Саддам, – Ирак богатое государство. Но нужно, чтобы вы помогли нам по-научному строить страну. Доверительные политические консультации необходимы». Ирак принял решение о национализации не какой-нибудь второстепенной, а главной иностранной нефтяной монополии – «Ирак петролеум компани» (ИПК). Национализация ИПК имела для Ирака такое же значение, как национализация Компании Суэцкого канала для Египта, ставшая вехой в жизни египетского народа. Некоторые западные обозреватели пророчили, что революционное иракское руководство ждет судьба правительства Мосаддыка, национализировавшего в 1951 году нефтедобы-

вающую промышленность в Иране, но оказавшегося бес-
сильным вырваться из объятий нефтяного спрута.

После национализации в Ираке в 1972 году «Ирак петролеум компани», так же как в свое время и «Англо-иранская нефтяная компания» (АИНК), пригрозила судом тем, кто осмелится закупать якобы незаконно отчужденную у нее иракскую нефть. Однако никакой аналогии с тем, что произошло в Иране в начале 70-х годов, быть не могло. С помощью СССР Ираку уже удалось создать национальную нефтедобывающую промышленность в Северной Румейле и заключить контракты, предусматривающие поставки иракской нефти в Советский Союз, ГДР, Болгарию, Венгрию, Польшу, Чехословакию, а также Францию и Италию. Позиции Ирака усилила поддержка Сирии, которая синхронно национализировала имущество ИПК на своей территории и подписала соглашение с Ираком о транспортировке иракской нефти к Средиземному морю. С ИПК было подписано соглашение, не ограничивавшееся компенсацией за национализацию. Две дочерние компании ИПК – «Мосул петролеум компани» и «Басра петролеум компани» – обязались выплатить крупную сумму задолженности Ираку. По соглашению первая из этих компаний перешла с 31 марта 1973 года в собственность Ирака без всякой компенсации, а вторая увеличила свои выплаты иракскому правительству.

Все это, естественно, тоже располагало Советский Союз к иракскому руководству, в котором все большую роль играл Саддам Хусейн. Разносторонние советско-иракские связи в экономической и военно-технической областях укрепились после заключения Договора о дружбе и сотрудничестве между Ираком и СССР. В июле 1975 года Ирак подписал соглашение о сотрудничестве с Советом экономической взаимопомощи (СЭВ)¹¹⁰, в который входили только социалистические государства. Однако внутренняя политика Ирака в середине 70-х годов стала

быстро меняться к худшему. Произошла сплошная баасизация армии, исполнительных органов власти. Вспыхнули бои с курдами. Из Иракского Курдистана было насильственно переселено около 350 тысяч человек, сожжено 250 курдских сел, вдоль границы с Ираном создавался «арабский пояс» шириной в 25 км – туда переселялось иракское арабское население. С помощью армии подавлялись шииты на юге страны.

В мае 1978 года в полную силу развернулась антикоммунистическая кампания. Были арестованы почти все представители Иракской компартии в Народном патриотическом фронте, запрещены все печатные издания КПИ, 31 коммунист, обвиненный в создании партийных ячеек в армии, был казнен. Саддам Хусейн назвал их «иностранными агентами». А во время встреч с советскими представителями он продолжал оправдывать внутреннюю политику Ирака тем, что, дескать, ведется нелегкая борьба ПАСВ за создание народно-демократического государства и острие этой борьбы направлено против действующих по указке шаха Ирана курдских и шиитских повстанцев и тех коммунистов, которые ставят своей целью свержение баасистского режима. Саддам всячески подчеркивал, что руководство Ирака установило и поддерживает тесные отношения с теми курдами, шиитами и коммунистами, которые взяли курс на сотрудничество с режимом.

Помню, как, находясь в Москве в апреле 1975 года, Саддам пригласил меня к себе рано утром в особняк на Ленинских горах, куда в девять утра приехал А.Н. Косыгин, чтобы проводить его на аэродром. Видно, имея в виду те замечания, которые высказывались во время его встреч в Москве, Саддам, обращаясь к Косыгину, сказал: «Если у советских друзей появились сомнения в нашей политике, направьте в Ирак группу наблюдателей, я допущу их повсюду, даже в армейские парторганизации ПАСВ. Пусть они на месте, а не по информации, исходя-

щей от наших противников, убедятся в том, что мы не сворачиваем со своего пути. Хорошо бы, чтобы эту группу возглавил Примаков», – добавил Саддам, очевидно отдавая должное тем отношениям, которые у меня установились с ним лично в течение переговоров с курдами.

Косыгин в ответ промолчал. Тот факт, что высшим советским руководителем, который принимал С. Хусейна, был председатель Совета Министров, отвечавший за экономические дела, был показателен. К этому времени в СССР уже сложилось отношение к саддамовскому Ираку главным образом как к партнеру в области экономических и военно-технических отношений. В Ираке были тысячи советских гражданских и военных специалистов. СССР не мог пренебрегать отношениями с Ираком в экономической и военно-технической области, особенно в результате того, что вслед за небольшим по времени сближением с Египтом во время войны 1973 года при Садате снова стали ослабевать советские позиции в этой стране. Это приходилось принимать во внимание – все еще продолжалась холодная война. К тому же Саддам Хусейн умел нравиться советским собеседникам – своей вдумчивой манерой говорить, нередко соглашаясь с приводимыми ему доводами. Конечно, такие разговоры на советском верху не отягощались прямой критикой в адрес действий Саддама, о негативных процессах говорилось безадресно.

Но все же нужно признать, что даже критика в такой косвенной форме воспринималась им спокойно, а попробовал бы ему сказать нечто подобное кто-нибудь из его иракских коллег! В годовщину «баасистской революции» в Ираке 17 июля 1979 года Бакр был лишен всех постов и взят под домашний арест. По официальной версии он заболел и подал в отставку. Фактический руководитель Ирака Саддам Хусейн стал и юридическим руководителем государства и партии. К этому времени у него уже не было конкурентов.

Как только в 1976 году Бакр назначил Салиха Аммаша и генерала Хардана Тикрити вице-президентами страны, их участь была решена. Через несколько месяцев генерал Тикрити, а потом и Аммаш были освобождены от всех занимаемых должностей. Генералу Тикрити сообщили об этом, когда он находился за рубежом, и предложили пост посла. Он с негодованием отказался и вскоре в Кувейте был убит неизвестными лицами. Аммаш принял назначение послом в Финляндию.

К этому времени Саддам уже полностью контролировал армию, партию и, что очень важно, на него непосредственно выходила партийная разведка, другие секретные службы. Оседлав положение в Ираке, Саддам начал дистанцироваться от Советского Союза. Особую роль в этом сыграла ирако-иранская война. В сентябре 1980 года, даже не поставив в известность Советский Союз, С. Хусейн начал широкомасштабные военные действия против Ирана. Это произошло буквально через несколько дней после того, как Саддам заверил советского посла А. Барковского, что в «ближайшее время никаких крупных военных операций против Ирана не будет». Барковский, как он и должен был сделать, незамедлительно сообщил об этом в Москву.

Такая дезинформация усилила серьезное недовольство Кремля. Было решено приостановить поставки вооружений в Ирак. Чтобы как-то разрядить обстановку, в Москву был направлен Тарик Азиз. Во время встречи с ним секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев предложил немедленно прекратить боевые действия. Встретился с Тариком Азизом и я. На мой вопрос, почему Багдад не информировал своего союзника по договору СССР о начале им войны, вторгнувшись на иранскую территорию, Т. Азиз пытался представить, будто войну начали иранцы, и у Багдада, мол, не оставалось иного выхода, как ударить по иранской армии. Об уровне недовольства советского руководства действиями Саддама Хусейна сви-

детельствует и тот факт, что послу СССР в Тегеране было поручено предложить иранскому премьер-министру военную помощь. Иран отверг это предложение. Тогда Москва решила занять позицию нейтралитета. Через некоторое время, но после того, как иранская сторона перехватила инициативу и иранские войска, несмотря на огромные потери в живой силе, стали приближаться к Багдаду, Советский Союз возобновил поставки вооружений Ираку.

Первоначальная остро негативная, но не публично декларируемая реакция СССР была вызвана не неожиданностью иракского удара по Ирану – в Москве предполагали возможность такого варианта. Скорее, нежелание Ирака проконсультироваться с советским руководством было расценено, как стремление Саддама Хусейна втянуть нашу страну в свою авантюру в расчете на автоматизм в поддержке любых его действий со стороны СССР. Это отнюдь не входило в планы Советского Союза. Как только в Иране к власти пришел Хомейни, в Москве был проведен «ситуационный анализ» – одна из «мозговых атак» (за разработку методики и проверку на практике ее результативности возглавляемая мною группа научных сотрудников к тому времени уже получила Государственную премию СССР). В ситуационном анализе, посвященном прогнозу изменений в регионе Ближнего Востока в результате победы «исламской революции» в Иране, приняли участие помимо ученых практические работники из ряда ведомств. Один из выводов обсуждения заключался в том, что и по объективным, и по субъективным причинам Иран и Ирак вскоре начнут войну друг против друга.

Что касается Ирана, то к его заявленному стремлению экспортировать «исламскую революцию», особенно в соседние страны, явно приобщилося субъективное обстоятельство. Хомейни ненавидел Саддама, которого считал основным виновником того, что в 1978 году так унизи-

тельно закончилось его многолетнее эмигрантское пребывание в Ираке. По требованию правительства иранского шаха вначале Хомейни был посажен под домашний арест, иракский мухабарат (госбезопасность) окружил своими агентами его дом в Наджефе. Затем его выдворили из страны, буквально вытолкнув через границу в Кувейт, который тоже отказался его принять, и он, в конце концов, вынужден был искать приют во Франции.

Что касается Саддама Хусейна, то мы спрогнозировали его попытку воспользоваться ослаблением иранской армии после свержения шахского режима – она сократилась с 240 до 180 тысяч, 250 генералов были заменены неопытными «стражами исламской революции» – и изменить в свою пользу границу с Ираном. Бельмом в глазу Саддама Хусейна было заключенное им соглашение с шахом Ирана об изменении границы по Шатт эль-Арабу – он вынужденно тогда отказался от границы по иранскому берегу реки. А ведь до этого соглашения с 1973 года вся река считалась территориальными водами Ирака.

С. Хусейн нацеливался также на то, чтобы заставить Иран отвести войска с захваченных в 1971 году трех островов в Ормудском проливе – Абу-Муса, Большой и Малый Томб – и отобрать у Ирана богатую нефтью провинцию Хузистан, населенную арабами. Победа в войне против Ирана могла привести к закрытию иранской границы с Иракским Курдистаном, без чего Саддам не мог, как показала жизнь, подавить курдских повстанцев. Беспокойство Багдада вызвала и активизация иракских шиитов после установления шиитского исламского режима в Иране. Прогнозы в отношении войны сбылись.

В это время проявилась в полной мере еще и такая черта характера С. Хусейна, как мимикрия, способность приспособливаться к обстановке. Понимая, что его потенциальным сторонником в антииранских действиях окажется суннитский режим Саудовской Аравии, он сделал упор на свою религиозность. Когда Саддам Хусейн

появлялся на заседании суда в Багдаде в качестве обвиняемого постоянно с Кораном в руках, это выглядело естественно. Не исключаю, что, потерпев крутое поражение в карьере, он ударился в религию. Но у «раннего» Саддама этого не было. Конечно, он не отступал от внедрившихся в обиход, в жизнь религиозных правил, но он никогда не афишировал свою религиозность. Однако накануне начала войны с исламским режимом Хомейни Саддам, посетив священный для шиитов город Наджеф, продемонстрировал – и это было широко освещено в иракских СМИ – свое генеалогическое древо. «Оказалось», что родословная Саддама Хусейна возводится чуть ли не прямо от пророка Мухаммеда. А в августе 1980 года, то есть прямо накануне войны с Ираном, Саддам совершил хадж в Мекку.

Саддама Хусейна показывали по телевидению на весь арабский мир, когда он, облаченный в белое одеяние, в сопровождении наследного принца Саудовской Аравии, будущего короля Фахда, совершал обход Каабы*. За десять дней до начала войны С. Хусейн объявил на экстренном заседании иракского парламента об аннулировании алжирского соглашения и провозгласил суверенитет арабов и иракцев над рекой Шатт эль-Араб.

Жизнь показала, что не оправдались первоначальные расчеты двух сторон. Ирак сделал ставку на то, что в иранской провинции Хузистан, населенной арабами, поднимется восстание. Иран уповал на помощь со стороны иракских шиитов. Обе стороны рассчитывали на серьезную поддержку курдов: Иран – на тех, кто населял Северный Ирак и постоянно конфликтовал с Багдадом, Ирак – на курдов, проживающих в Иранском государстве и находившихся во враждебных отношениях с Тегераном. Ничего подобного не произошло. Война, стоившая огромных жертв, затянулась. Я даже не представлял

* Ритуальный обход для всех мусульман, совершающих хадж.

масштабы тех разрушений, которые увидел воочию, когда проезжал в 1991 году во время кувейтского кризиса в Багдад по иранской территории, примыкавшей к иракской границе. По обе стороны дороги на много километров было безжизненное поле, сравненные с землей населенные пункты, остовы сожженных танков. Война шла с переменным успехом и закончилась мирным соглашением.

II. США помогают «позднему» Саддаму

Готовясь к войне с Ираном, Саддам Хусейн не мог не делать ставку на поддержку Соединенных Штатов, особенно в связи с антиамериканскими действиями нового иранского режима. Вашингтон, в свою очередь, рассматривал эту войну как подаренный судьбой шанс свести счеты или, во всяком случае, резко ослабить послешахский Иран. Американская администрация решила поддержать Ирак. Это означало прямую поддержку и помощь Саддаму Хусейну.

Ни С. Хусейн, ни Тарик Азиз никогда не информировали советскую сторону о контактах иракского руководства с администрацией США, тем более по вопросу о поставках вооружений. Вот тот максимум информации, которую я получил в чисто абстрактном виде во время моей продолжительной встречи с Тариком Азизом в Багдаде 28 марта 1981 года: «Мы решили вопрос источников вооружений для Ирака. Но сейчас наступил такой момент, когда надо ответить на вопрос: будут ли ограниченные поставки из СССР служить дополнением к другому источнику, или наоборот? Следует отметить, – до-

бавил Тарик Азиз, – что критической ситуации даже при прекращении ваших поставок не было». В этой же беседе Тарик упрекнул советское руководство за то, что оно не считает теперь Саддама Хусейна лучшей фигурой в качестве лидера Ирака.

После начала иракско-иранской войны явно наблюдалась переориентация Саддама Хусейна на преимущественные отношения с США. Этому целенаправленно способствовала политика Соединенных Штатов. Мы знали, что поставки в Ирак американского оружия были начаты по распоряжению президента Рейгана после совместного обсуждения, проведенного им с госсекретарем Шульцем, министром обороны Уайнбергером и директором ЦРУ Кейси. ЦРУ регулярно передавало иракскому руководству данные по дислокации иранских войск, полученные американскими самолетами дальнего радиолокационного обнаружения (АВАКС), которые были размещены в Саудовской Аравии. Знаменательно, что поставки американского вооружения Ираку и передача ему важных данных о дислокации иранских войск не прекратились в связи с налетом израильской авиации и разрушением иракского ядерного реактора «Озирак».

Более того, США присоединились к хору тех, кто протестовал против этого пиратского набега. Непосвященному человеку можно было подумать, что у американской разведки не было доступа к информации о готовившейся операции, осуществленной с использованием поставленных Израилю американских самолетов F-16 и F-15, и поэтому США не удалось ее предотвратить. «Игра» США с Саддамом Хусейном развивалась. 20 декабря 1983 года в будущем министр обороны США Дональд Рамсфельд, в ту пору американский спецпредставитель на Ближнем Востоке, встретился в Багдаде с Саддамом Хусейном и передал ему личное послание президента Рейгана. Длительная беседа, как, очевидно, и послание, была посвящена проблеме восстановления

дипломатических отношений между двумя странами, разорванных Ираком в 1967 году. Рамсфельд подчеркнул, что у США и Ирака общие враги – Иран и Сирия, подерживаемые Советским Союзом. Министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз, провожая Рамсфельда, по поручению Саддама Хусейна сказал ему, что президент Ирака чрезвычайно доволен беседой.

В этом же году администрация Рейгана демонстративно исключила Ирак из списков «террористических режимов». 5 июня 1984 года саудовские истребители при помощи американских самолетов с системой АВАКС сбили два иранских военных самолета. В этом же году США восстановили дипломатические отношения с Ираком.

США, естественно, не могли во всем поддерживать Багдад в его войне с Ираном. Когда Совет Безопасности ООН обсуждал применение Ираком химического оружия, американский представитель публично выступил с резким осуждением этого. Однако вслед за таким осуждением, вызвавшим нескрываемое недовольство иракского руководства, в марте 1984 года последовал еще один визит Рамсфельда в иракскую столицу. Саддам Хусейн его не принял, но свою «сглаживающую обстановку» миссию Рамсфельд выполнил: он обещал помочь Ираку получить кредиты Экспортно-импортного банка США и закупить в Соединенных Штатах технику двойного назначения. Вскоре Министерству земледелия (!) Ирака были проданы тяжелые грузовики и вертолеты «Белл» фирмы «Текстрон». В 80-е годы тесно сотрудничали с Ираком и американские фирмы.

Позже, в 1991 году, руководитель подкомитета палаты представителей Самюэль Гедженсон подписал отчет, в котором говорилось, что Саддам при помощи этих фирм приступил к созданию оружия массового поражения. Саддам Хусейн получал сигналы из Соединенных Штатов о благоприятном к нему отношении американского

истеблишмента и после окончания войны с Ираном. Так, в апреле 1990 года, то есть за считанные месяцы до начала оккупации иракской армией Кувейта, в Багдад прибыла весьма представительная делегация американских сенаторов. При встрече с Саддамом они заверили его, что иракский режим «благосклонно воспринимается официальным Вашингтоном». Поведение США во время и после ирако-иранской войны, вплоть до кувейтского кризиса, несомненно, оказало влияние на убеждения, взгляды Саддама Хусейна. Но этим не ограничилось американское воздействие на его психологию и поведение.

III. Психология, навеянная американской политикой

Известно, что Саддам Хусейн – я об этом уже писал – во время покушения на Касема, по сути, работал непосредственно с операторами из Центрального разведывательного управления США. Нет никаких данных, что он был завербован в качестве агента ЦРУ. Мало в это верится, так как в момент, когда он превратился в ненавистную и абсолютно неприемлемую фигуру для официального Вашингтона, такой «компромат» на него выплеснули бы с большим удовольствием. Этого не произошло. Но Соединенные Штаты тем не менее оказали серьезное влияние на формирование психологического облика Саддама. Думаю, что не только потому, что он понимал значение США как сверхмощной державы, с которой следует считаться. Саддам Хусейн, очевидно, исходил одновременно из того, что эта сверхмощная держава может даже дожимать его до определенного предела, если он поплывет

против ее курса, но не будет топить окончательно, так как она заинтересована в балансировании различных сил в богатейшей нефтью зоне Персидского залива. Основное звено в этой конструкции – не дать возможность подняться послешахскому Ирану до уровня господствующего в регионе государства, а основной механизм для решения этой задачи – «сбалансировать» Иран Ираком.

События подкрепили Саддама Хусейна в этом выводе, когда Соединенные Штаты решительно поддержали его в войне с Ираном. Он исходил из того, что, пока существует враждебный США исламский режим в Иране, Вашингтон не допустит резкого ослабления Ирака. А поскольку он ассоциировал Ирак только с установленной им системой власти, то уверовал в то, что США будут терпеть его выходки, если, конечно, он не нацелится непосредственно на американские интересы. Так или иначе, но США, хотели они этого или нет, помогли ему поверить в свою «звезду». Формирование мировоззрения Саддама Хусейна произошло не без влияния стран Персидского залива. Хорошо понимая, что Ирак противодействует экспансионистским устремлениям Ирана в этом регионе, они поддерживали Саддама Хусейна не только морально, но и материально. Особенно такая поддержка стала чувствительной во время ирано-иракской войны. Нужно сказать, что Саддам воспринимал ее как должное. Во время оккупации иракскими войсками Кувейта у меня произошла встреча в Саудовской Аравии с покинувшим свою страну эмиром Кувейта шейхом Джабером ас-Сабахом. Он жаловался на «фантастическую неблагодарность» Саддама – Кувейт не только материально помогал во время войны, но и предоставил свой порт для переброски вооружений в Ирак. Упрекал Саддама «за неблагодарность» и король Саудовской Аравии Фахд, тоже в беседе со мной и тоже во время кувейтского кризиса.

Само начало этого кризиса часто освещается скользя по поверхности – Саддам, мол, решил присоединить к Ираку Кувейт и оккупировал эту страну. Все это действительно произошло. Но при этом нельзя абстрагироваться от «нефтяной подоплеки», ни в коем случае не оправдывая действия Саддама, проходить мимо нефтяной составляющей мотивов, которые привели к его действиям. Саддам связывал свою судьбу с нефтяным богатством Ирака. Он считал, что, основываясь на этом, сможет не только укрепить свой режим в стране, но и стать общерабским лидером. Между тем, пытаясь оправдать свою интервенцию в Кувейт, Саддам прямо сказал мне: «Я не мог молчать, когда Кувейт по договоренности с Саудовской Аравией под нажимом Соединенных Штатов решил резко понизить мировую цену на нефть».

После окончания войны с Ираном Саддам обратился к Саудовской Аравии, Кувейту и Абу-Даби с просьбой предоставить ему займы и удерживать квоты на добычу нефти по линии ОПЕК, чтобы мировые цены на нефть держались на высоком уровне. Кувейт ответил, что, поскольку больше не существует иранской угрозы, нет необходимости продолжать финансовую помощь Ираку. Одновременно Кувейт и Абу-Даби увеличили свою квоту добычи нефти, и цена на нее резко упала – с 19 до 11 долларов за баррель.

По словам Саддама, Ирак в такой ситуации превратился бы в государство-банкрот. А вместе с Кувейтом, самостоятельность которого никогда, даже при монархии, не признавал Багдад, Ирак будет самым главным нефтяным центром, от которого в первую очередь будут зависеть мировые цены на нефть. Но считал ли он, что США будут добиваться этого ценой полной ликвидации иракского противовеса Ирану, даже если иракские войска оккупируют Кувейт? Перед началом операции по захвату Кувейта на встрече с американским послом в Ираке Эйприл Глэспи Саддам спросил ее, как США отреаги-

руют на стремление Ирака решить с Кувейтом территориальный спор. Глэспи ответила, что это «внутриарабское дело». С. Хусейн хотел узнать реакцию именно США, а не какой-либо другой страны. Советскому Союзу, с которым Ирак был в договорных отношениях, Саддам даже не намекнул о плане аннексировать Кувейт. Высканная ему «нейтральная» позиция Соединенных Штатов не могла не подкрепить его мнения, что США пошумят, но в конце концов проглотят его операцию против Кувейта.

Я виделся с Саддамом Хусейном трижды во время кувейтского кризиса, и каждый раз возникала мысль, что он верит: все уладится. Сначала он прямо говорил, что жесткая американская реакция – это не больше, чем блеф, так как США не захотят в сложившейся ситуации применять в полном объеме свои вооруженные силы против Ирака. Потом, когда уже начались бомбардировки, Саддам верил, что этим дело ограничится, так как США «не пойдут на наземную операцию». Но затем, когда все-таки Соединенные Штаты разгромили иракскую армию в Кувейте, Саддама еще больше укрепило в его предположениях решение президента Дж. Буша-старшего не идти на Багдад с целью свержения его режима.

Безусловно, Саддам верил в судьбу, которая столько лет подряд покровительствовала ему, выводя из тяжелейших ситуаций. Однако наряду с этим, я думаю, он просчитывал – конечно, на основе своей логики, – как поведут себя в той или иной ситуации США. Может быть, в этой «логике» его укрепляло воспоминание о безоговорочном заявлении того же президента Дж. Буша-старшего во время наибольшего успеха иранской армии, продвинувшейся к Басре, что «победа Ирана полностью дестабилизирует обстановку в Персидском заливе». Так или иначе, но США, локализовав свою военную операцию ирако-кувейтскими границами, проявили сдержанность, и это оказалось правильным решением, в чем еще

раз убедили результаты действий президента Дж. Буша-младшего в 2003 году. Но в данном случае нас интересует психологический настрой не того или иного американского руководителя, а Саддама Хусейна.

Когда я перебираю в памяти все три встречи с ним во время кувейтского кризиса, то выглядит все более отчетливо, что каждый раз он лишь приближался к решению, которое могло бы не допустить войны, во всяком случае, сухопутной операции коалиционных сил против Ирака. Он все время на что-то надеялся... Такая надежда, что все обойдется, руководила им и после войны в зоне Персидского залива – в то время, когда он многократно «прижимал» Спецкомиссию, созданную ООН для обнаружения признаков обладания Ираком средствами массового поражения. Справедливости ради следует сказать, что эта комиссия при руководстве ею Батлером – а тогда и звучали иракские заявления с требованием не дать ей осматривать дворцы Саддама Хусейна, заменить состав и так далее – не была объективной, выполняла функции, чуждые полученному ей мандату.

В книге Скота Риттера «Иракский секрет: пересказанная история заговора американской разведки», изданной в 2005 году, говорится, что в 1996–1997 годах ЦРУ использовало международную инспекцию ООН в целях подготовки свержения Саддама Хусейна. По словам Риттера, с помощью ряда инспекторов ЦРУ стремилось выяснить силы, средства и местонахождение личной гвардии Саддама, внутреннее расположение комнат в президентских дворцах. Скот Риттер – это не просто один из авторов, описывающий события. Он был заместителем руководителя этой самой Спецкомиссии, о деятельности которой пишет. Следует сказать, что Саддам Хусейн открыто, даже напоказ действовал против Спецкомиссии ООН еще и потому, что он хотел уверить Иран в существовании ядерного оружия у Ирака. Он сказал об

этом следователям – содержание допросов С. Хусейна стало известно после его смерти.

Россия использовала все свои возможности, чтобы отвести Саддама от опасной черты, побудить его отказаться от ультимативной формы поведения в отношении Спецкомиссии ООН и одновременно внести серьезные поправки к деятельности и составу комиссии. Отнюдь не преуменьшая влияния России, все-таки нужно сказать: Саддам продолжал верить в свою «звезду», в провидение, наконец, в Аллаха, которые выведут его из-под удара.

Все это проявилось и в 1997 году, когда из-за отказа иракцев допускать американских участников Спецкомиссии на объекты ее работа была заморожена. Саддам Хусейн, во всяком случае на людях, не терял самообладания ни в связи с единогласно принятой резолюцией Совета Безопасности ООН с осуждением Ирака, ни с демонстративно начавшимися военными приготовлениями США. Более того, он ужесточил позицию, потребовав немедленно выслать из Ирака инспекторов-американцев. Саддам Хусейн уже не раз занимался своеобразной политикой «качелей» – сначала дерзкое заявление или даже действие, а затем откат назад. Но когда становилось ясно, что он уже слишком наступают на мозоль американцам, с Хусейна слетала спесь.

Я был участником событий, о которых расскажу подробнее. Во время выкрутасов Саддама со Спецкомиссией нам доподлинно стало известно, что американцы готовы не ограничиться демонстрацией силы. По рекомендации министра иностранных дел РФ, которым я был в то время, президент Ельцин 17 ноября 1997 года направил Саддаму Хусейну послание. Привожу выдержки из этого послания. «Я решил обратиться к Вам лично в этот критический момент. Практически от Вас зависит – я это хорошо понимаю, – как пойдет дальше развитие событий вокруг Вашей страны. Мы делаем все от нас завися-

щее, чтобы не было нанесено удара по Ираку. Сегодня в 10.00 я еще раз по телефону говорил об этом с президентом Б. Клинтон... Просил бы Вас не только публично подтвердить, что Ирак не отказывается от сотрудничества со Спецкомиссией, но и предложить инспекторам Спецкомиссии вернуться в Ирак для нормального продолжения их работы. Естественно, при этом имелось бы в виду возвращение их в прежнем составе... Просил бы Вас очень серьезно отнестись к этому моему посланию».

Саддам Хусейн отнесся к нему серьезно. Тут же в Москву вылетел Тарик Азиз, с которым 18–19 ноября состоялись переговоры о конкретных политических и дипломатических шагах по выходу из возникшей острокризисной ситуации. В документе, подписанном мною и Т. Азизом, было зафиксировано, что Спецкомиссия возвращается в Ирак в полном составе для нормального продолжения работы. Иракское руководство приняло решение об этом 20 ноября, то есть на следующий день после наших переговоров в Москве. Конечно, учитывая специфические моменты в работе комиссии, о которых упоминалось выше, а также для сохранения лица Ирака, в документе было отмечено, что Россия будет настаивать на придании составу Спецкомиссии более сбалансированного характера. Россия обязалась на предстоящей сессии Спецкомиссии добиваться, чтобы президентские резиденции в Ираке не подлежали инспекциям и до пересмотра состава Спецкомиссии самолет У-2 (разведывательный американский самолет) не осуществлял полеты над Ираком севернее 32-й параллели. Одновременно мы рекомендовали не предпринимать никаких действий против этих самолетов.

Узнав о решении Ирака вернуть Спецкомиссию в тот момент, когда уже был взведен курок американской военной машины, госсекретарь США Мадлен Олбрайт связалась со мной по телефону из Индии, где она находилась с визитом, и настойчиво предложила встречу

министров иностранных дел пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН. «Учитывая исключительную серьезность обстановки, – сказала Олбрайт, – я готова прервать свой визит».

В ночь на 20 ноября в Женеве состоялась встреча министров иностранных дел Великобритании, Российской Федерации, США, Франции и представителя министра иностранных дел КНР. Едва увидев меня, Олбрайт сразу же спросила: «Евгений, что ты обещал Саддаму?». Успокоил ее, ответив, что все обещания были в рамках обращения России в ООН. Очевидно, в Вашингтоне опасались, как бы неожиданное решение С. Хусейна не было достигнуто за счет несогласованных с Советом Безопасности ООН уступок Ираку.

В совместном заявлении, принятом на женевской встрече, говорилось, что ее участники «приветствовали дипломатическую инициативу, предпринятую Россией в контакте со всеми остальными постоянными членами Совета Безопасности», и поддержали намерение Специальной комиссии Совета Безопасности ООН провести встречу 21 ноября в Нью-Йорке в целях обсуждения и выработки рекомендаций о путях повышения эффективности ее работы. Подчеркивалось, что рекомендации этой сессии будут представлены на одобрение СБ ООН. Вот в таком плотном графике усилиями России был в тот момент предотвращен удар по Ираку.

Однако вскоре С. Хусейн опять вернулся к политике «качелей». 31 октября 1998 года иракское руководство объявило о полном прекращении деятельности Спецкомиссии ООН. Огромными усилиями России, Франции, Генерального секретаря Кофи Аннана тогда снова были сдержаны военные меры против Ирака. 18 ноября Ирак принял решение «возобновить сотрудничество со Спецкомиссией и разрешить ей нормальную деятельность», но при этом был выставлен ряд условий. После того как президент Клинтон заявил, что он не удовлетворен

таким иракским решением, последовали официальные разъяснения Багдада, что это были не условия, а пожелания, которые не связаны с «ясным и безусловным решением» Ирака возобновить сотрудничество с ЮНСКОМ (Спецкомиссией ООН) и МАГАТЭ¹¹¹. Это уже не помогло, и по Ираку был нанесен удар.

Ретроспективно оценивая эту опасную «игру» Саддама Хусейна, который (как стало ясно после военной операции США в 2003 году) отлично понимал, что Спецкомиссия ничего и не могла обнаружить, так как Ирак не обладал и не производил к тому времени оружие массового поражения, можно прийти к выводу: С. Хусейн нарочито каждый раз накалял обстановку в расчете на то, что обменяет ее смягчение на отмену санкции ООН против Ирака. Но он мог это делать только потому, что исключал американскую сухопутную операцию, – как явствовало из слов Тарика Азиза, удары с воздуха им не были особенно страшны. Опять та же вера Саддама в свою судьбу, а также импонировавшие ему постоянные признания со стороны окружения в его «стратегической и тактической гениальности» и уверенность, что такая «игра» со Спецкомиссией не закончится операцией США по его свержению.

IV. Фиаско и финал

Я встретился с Саддамом Хусейном за три недели до начала американской операции против Ирака в 2003 году, когда США пошли до конца и свергли его режим. Я вылетел в Багдад после ночного разговора с президентом В.В. Путиным, который поручил мне незамедлительно и лично передать его устное послание С. Хусейну. Смысл

послания заключался в призыве уйти с поста президента и обратиться к иракскому парламенту с предложением провести демократические выборы. Опасаясь вероятности того, что уход Саддама может вызвать внутреннюю дестабилизацию в Ираке, Путин поручил сказать Саддаму Хусейну, что тот может, например, сохранить свой пост в партии. Прибыв в Багдад, я отказался вначале встретиться с Тариком Азизом, понимая, что он попытается разузнать о содержании моей миссии, а, как было обговорено с В.В. Путиным, его предложение должно быть адресованным лично Саддаму Хусейну и к тому же предоставить ему возможность как бы принять решение по собственной инициативе.

Путин сказал, поручая мне эту миссию, что, возможно, это – последний шанс предотвратить начало вооруженных действий США против Ирака. Встреча с Саддамом, как я и просил, состоялась один на один. Был только наш мидовский переводчик, который прилетел со мной. С. Хусейн записывал в блокнот сказанное мною, у меня даже появилась надежда, что он примет предложение Путина. Потом Саддам спросил: могу ли я все это повторить в присутствии Тарика Азиза и председателя иракского парламента, находившихся в соседней комнате? При них я еще раз изложил устное послание президента России. Ответ Саддама сводился к обвинениям в адрес нашей страны в том, что мы опять, как и во время войны в зоне Персидского залива, его обманываем: дескать, говорили тогда, что, если он согласится вывести войска из Кувейта, не будет наземной операции против иракской армии. Я не менее горячо сказал, что он сам медлил с решением вывести войска, вплоть до американского ультиматума, а тогда уже было поздно. Выслушав это, Саддам молча похлопал меня по плечу и ушел. А вслед уходящему Саддаму Тарик Азиз громко, чтобы тот слышал, произнес: «Через десять лет посмотрим, кто оказался прав, наш любимый президент или Примаков».

Это была моя последняя встреча с Саддамом Хусейном. Он выглядел спокойным, какую-то уверенность вперед «на десять лет», возможно, создавал не только его сложившийся менталитет, но и влияние окружения. Это влияние могло быть очень большим – ведь еще одной чертой характера Саддама было то, что он не стремился к получению объективной информации. В беседах с ним я многократно в этом убеждался. При первой встрече в разгар кувейтского кризиса он меня уверял – и я думаю, он искренне в это верил, – что повсеместно арабские массы приветствуют ввод иракских войск в Кувейт, а палестинцы чуть ли не познали теперь близость своей победы.

Дело в том, что, страшись возможной опалы, окружение информировало его преимущественно о тех событиях, процессах, тенденциях, которые подчеркивали «прозорливость, дальновидность, гениальность» вождя, и явно избегало давать негативную, но правдивую информацию. Во время кувейтского кризиса, наверное, он имел возможность ознакомиться с реальной картиной только при личных встречах с иностранными, в первую очередь, с советскими представителями, а таких встреч было очень мало. Я не исключаю, что перед американской операцией 2003 года через кого-то из близких к Саддаму людей ему передавались «обнадеживающие сигналы» от тех же американских секретных служб. Если это так, то было осуществлено классическое активное мероприятие.

Во всяком случае, остается много вопросов, отсутствие ответов на которые может свидетельствовать в пользу этой версии: почему не были взорваны мосты, по которым американские танки устремились в Багдад? почему в одночасье было прекращено сопротивление не только иракской армии, но и весьма боеспособной, по оценке американских специалистов, национальной гвардии? кто отдал приказ о прекращении огня? Наконец, задержание Саддама абсолютно не соответствовало публичной вер-

сии об извлечении из ямы скрывающегося иракского лидера, обросшего большой, чуть ли не до груди, бородой. Что-то во всем этом было не так... Характерно, что, даже будучи свергнутым и находясь в тюрьме, Саддам Хусейн считал, что он «необходим Соединенным Штатам». Об этом он заявил в беседе со своим адвокатом Халилем ад-Дулаими. Адвокат пересказал слова Хусейна, что тот – «единственный лидер, способный справиться с растущим влиянием Ирана и радикальных шиитов, и США должны осознать “тяжелую реальность” в регионе: Иран – враг арабов и США, и единственный, кто может победить Иран, – Саддам Хусейн». По словам адвоката, просьбу прокуратуры о смертном приговоре его подзащитный рассматривает как попытку давления со стороны американцев, которые таким образом пытаются добиться помощи Саддама Хусейна. Неужто жизнь так его ничему не научила?

30 декабря 2006 года в 6.05 Саддам Хусейн был повешен. Приведение приговора в исполнение лишь по первой части обвинений для преобладающего большинства было неожиданным. Только что началась вторая часть процесса, во время которой Саддаму были предъявлены обвинения в применении газа, в результате чего погибли тысячи курдов. Однако, не дождавшись вердикта по этой части заседания суда, Саддама Хусейна лишили жизни. Что привело к такой поспешности? Может быть, когда-нибудь это станет ясно. Но пока остается лишь предполагать, искать объяснение путем логического осмысления событий. Казалось бы, осуждение Саддама не только за смерть шиитов, но и за применение газа с целью массового истребления курдов, было выгодно администрации Буша. Это в какой-то степени могло смягчить критику со стороны тех, кто особенно остроотреагировал на обнаружившееся отсутствие связи американской операции в Ираке с утверждениями, что Саддам Хусейн владел ядерным оружием.

Казалось, что администрацию США, стремящуюся создать условия для того, чтобы выйти из «иракского тупика», мало устраивало легко прогнозируемое вслед за казнью Саддама усиление борьбы между суннитами и шиитами в Ираке. А такое можно было надежно предположить, что и произошло в действительности. Судя по всему, обстоятельства и вне Ирака не благоприятствовали спешной казни Саддама – против приведения приговора в исполнение выступали практически все европейские партнеры США, включая даже такого близкого союзника, как премьер-министр Великобритании Блэр. Хуже не придумаешь и время, выбранное для спешного приведения в исполнение приговора над Саддамом, – в день начала главного мусульманского праздника Ид аль-Адха и накануне Нового года. Неожиданное для самого Саддама приведение приговора в исполнение до завершения над ним судебного процесса, возможно, было вызвано стремлением не дать ему произнести последнее слово, к которому он, несомненно, готовился. Все его высказывания на заседаниях суда были «промежуточными», связанными с теми или иными конкретными замечаниями обвинения или судьи. А в заключительном, последнем слове он мог бы сказать о многом. Возможно, именно этого хотели избежать те, кто оказался менее наивным, чем диктатор, веровавший в то, что он контролирует политическую игру...

Глава XVII

ИРАКСКАЯ ЗАПАДНЯ

Иллюзии направляли действия не только Саддама Хусейна. В 2003 году Ирак стал объектом подпитываемой иллюзиями политики США. Стержнем внешней политики при Дж. Буше-младшем стала доктрина унитарализма¹¹². Иными словами, Соединенные Штаты взяли на себя миссию самостоятельно определять, какое государство представляет собой угрозу международной безопасности, и без решения Совета Безопасности ООН и даже в одиночку и превентивно применять против такого государства свои вооруженные силы. Эта доктрина была выработана американскими неоконсерваторами, которые после трагических событий 11 сентября 2001 года стали оказывать преимущественное и непосредственное влияние – идеологическое и практическое – на определение и осуществление внешнеполитического курса США.

О «ближневосточном кредо» неоконсерваторов свидетельствует хотя бы такой пример: один из их видных представителей, Р. Перл, излагая коллегам в Пентагоне свои взгляды на ближневосточную стратегию США, оперировал картой, на которой вся Палестина была названа Израилем, а Иордания – Палестиной. Это было во время президентства Буша-младшего, при котором Перл был главой Совета по оборонной политике США. А другой видный неоконсерватор – заместитель министра обороны США с 2001 по 2005 год – П. Вулфовиц заявлял о не-

обходимости свержения существовавшего в Ираке режима, так как следует превратить Ирак в «Первую арабскую демократию». Он потребовал ударить по Ираку в качестве ответа на теракт 11 сентября 2001 года, однако в американском руководстве победило мнение тех, кто объектом удара выбрал не Ирак, а Афганистан.

I. Провал с мотивировкой

Вопреки здравому смыслу, в 2003 году началась американская атака на Ирак. Вскоре рассеялись те мотивы, которые были названы США для оправдания своих действий. Умолкли громогласные заявления американских официальных лиц о том, что именно теперь, после оккупации Ирака, военные специалисты США, безусловно, найдут доказательства того, что Ирак либо уже обладал, либо был близок к обладанию ядерным оружием, а также производил другие виды оружия массового уничтожения – химическое, биологическое.

На смену таким голосам пришли официальные заявления, что ничего из оружия массового поражения в Ираке не обнаружено, а созданная для их обнаружения комиссия из американских военных экспертов ликвидирована. Можно считать, что все возможности американской разведки были задействованы для того, чтобы подтвердить другое обвинение против Ирака, которое тоже служило оправданием военной операции США, – «связи Багдада с международным терроризмом». Официальные лица США заявляли во всеуслышание о тесных связях, которые, мол, установил Багдад с «Аль-Каидой». Эти, понятно, уже не абстрактные, а конкретные обвинения тоже не выдержали соприкосновения с действительностью.

стью. Не кто иной, как директор ЦРУ США, выступая на слушаниях в американском конгрессе, заявил, что у Ирака не было никаких связей с бен Ладеном и его организацией. Иными словами, оказался мыльным пузырем и другой мотив американского вторжения в Ирак.

Между тем американская операция сама объективно способствовала расширению террористической активности. Ситуация, сложившаяся в Ираке после его оккупации, создала благоприятную почву для превращения этой страны в опорный пункт «Аль-Каиды», которая одновременно активизировалась против некоторых арабских и неарабских режимов – Саудовской Аравии, Турции, Кувейта. Международный терроризм всегда действует на основе «сообщающихся сосудов» – Афганистан, Балканы, Чечня, а на этот раз его плацдармом стал Ирак, куда просочились тысячи боевиков из зоны племен между Афганистаном и Пакистаном.

Потерпев провал с версиями тайного выхода Ирака на обладание оружием массового поражения и его связей с «Аль-Каидой», США стали все больше мотивировать свои действия стремлением распространить демократию не только на эту страну, но и вообще на весь Большой Ближний Восток. При этом подразумевается американская модель демократии, не имеющая по большому счету ничего общего ни с историческими, ни с религиозными традициями, ни с нынешним социально-экономическим положением, ни со сложившимся менталитетом арабских народов.

Конечно, Ближний Восток не отделен стеной от остального мира. Естественно, он стал объектом и технико-технологического прогресса, он подвергается влиянию общедемократических мировых веяний. Все это так. Но это не имеет ничего общего со стремлением «причесать» Ближний Восток, да и другие части мира, под американскую «демократическую гребенку». Кстати, со стороны видны промахи самой американской демократии, ее аб-

солютная непригодность для универсального внедрения, как, очевидно, и демократических моделей других стран. Мир столкнулся с феноменом, когда одно государство обвиняет другое в том, что в нем установлен антидемократический режим, и не просто обвиняет, а единолично вмешивается силой оружия во внутреннюю ситуацию и свергает этот режим, не пришедшийся «ко двору».

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан создал в 2004 году так называемую «группу мудрецов», призванную выработать рекомендации по противодействию угрозам, в том числе исходящим и от внутристрановых ситуаций. Я был включен в эту группу, состоящую из 16 человек, подобранных Генеральным секретарем. Члены «группы мудрецов» пришли к единодушному мнению о необходимости противодействовать таким негативным процессам, как массовые убийства гражданского населения, форсированное приближение к обладанию ядерным оружием, возможная перспектива его передачи террористическим организациям, предоставление правящим режимом своей территории для базирования международной террористической организации. Однако существование именно такой внутристрановой угрозы должно выявляться не одним каким-либо государством, а коллективно через Совет Безопасности ООН. И именно Совет Безопасности ООН должен определять систему мер по нейтрализации этой угрозы.

Следует отделить зерна от плевел. Рассмотрение внутристрановой ситуации с точки зрения ее угрозы миру и безопасности – это одно. А попытки навязать другим странам те или иные модели государственного или общественного устройства – это совсем другое. Широко известно, что троцкисты в свое время считали не только возможным, но и необходимым экспортировать революцию в любую страну вне зависимости от того, есть ли там благоприятные условия для развития революционного процесса или эти условия отсутствуют. А в настоящее

время наподобие троцкистов действуют те, кто полагает, что можно экспортировать демократию в любую страну, вне зависимости от тех условий, которые существуют в этой стране, – ее истории, традиций, образа мыслей, мировоззрения, образа жизни.

II. Результаты операции

Что на самом деле было привнесено в Ирак, показали почти девять лет американской оккупации. Шиитско-суннитские отношения вылились в непрекращающиеся кровавые столкновения. В результате военных действий США и междоусобной, межконфессиональной борьбы погибло более одного миллиона иракских граждан, около пяти миллионов покинули страну. По сей день раздаются взрывы на улицах иракских городов, уносящие десятки человеческих жизней. Происходит исламизация государственных структур – все шиитские партии, занимающие ведущее положение в багдадском правительстве и парламенте, – религиозного толка. Ирак был светским государством. Я ни в коей мере не хочу защищать режим Саддама Хусейна, который совершил много ошибок и преступлений, но его никто не мог обвинить в установлении религиозного порядка в стране. Ирак после американской оккупации пошел к тому, чтобы стать государством, управляемым по исламской модели. Ислам – это одна из мировых религий, ее исповедует значительная часть населения земного шара, и она внесла значительный вклад в мировую цивилизацию. Но когда в современных условиях государство строится на религиозной основе, вне зависимости от того, ислам это, или христианство, или иудаизм, и все ветви власти руковод-

ствуются религиозными соображениями – это, конечно, шаг не по пути к демократии.

Вместе с тем, Ирак до американской оккупации был достаточно целостным государством. Долгое время там существовала курдская проблема, и курды на севере требовали автономии, получили ее, но продолжали вести войну, потому что не были удовлетворены конкретными условиями претворения этой автономии в жизнь. Но в то время иракские курды не выдвигали в качестве цели своей борьбы выход из состава Ирака. После американской оккупации Ирак практически очутился на грани раздела на части. Шииты и сунниты взрывают друг у друга мечети – их столкновения происходят на религиозной основе. Правда, и раньше случались восстания шиитов, но против режима, а сейчас происходят столкновения между шиитами и суннитами на религиозной почве; это создает принципиально иную ситуацию. Шииты хотят получить свою автономию на юге страны. Это крайне отрицательно скажется не только на Ираке, но и ослабит те силы в соседнем Иране, которые стремятся к демократизации иранского общества.

Новые акценты в своем развитии получила и курдская проблема. Курды поддержали Соединенные Штаты, когда они ввели в Ирак свои войска. Но курды политически неоднородны. И, может быть, самое главное – на севере Ирака усиливаются сепаратистские настроения. Если будет создано курдское национальное государство, как бы это справедливо ни звучало, произойдет перекройка карты. Турки уже заявили, что тогда они введут свои войска на север Ирака. Но даже если курды удовлетворятся автономией, то они требуют передачу в эту автономию района Киркука с его богатейшими нефтяными месторождениями. А это их сталкивает с арабской частью населения Ирака. Замышляя иракскую операцию, США исходили, очевидно, из того, что иракский народ

будет приветствовать оккупационные силы как освободителей. На самом деле эти «приветствия» вылились в вооруженное сопротивление, которое приобрело устойчивый характер. Видимо, иракский народ посчитал для себя большим злом, даже по сравнению с господствовавшим в Багдаде режимом, иностранную оккупацию страны. Думали, что с арестом Саддама Хусейна сократится сопротивление. Этого не случилось.

Таково еще одно свидетельство, что против оккупационных сил выступают главным образом не сторонники свергнутого режима, а широкие слои населения, для которых абсолютно неприемлема иностранная оккупация. Все это произошло в результате американской авантюрной операции в Ираке. Практически за три месяца до того, как началась эта операция, у меня была возможность переговорить с Кондолизой Райс, которая была в то время помощником президента США по национальной безопасности. Я ей сказал: «Вторгаясь в Ирак, вы совершите историческую ошибку». Она ответила: «Не беспокойся, во-первых, политического решения еще не принято, а во-вторых, если мы ударим, то у нас все продумано».

Ничего продумано не было. Когда в Ирак вошли американцы, они, по сути, перенесли на эту страну западногерманскую модель, внедренную после краха гитлеровского режима во время Второй мировой войны. В Западной Германии, как известно, запретили нацистскую партию, что было абсолютно правильно. В Ираке была объявлена вне закона двухмиллионная баасистская партия – единственная партия, в которой были и шииты, и сунниты, и арабы, и курды, и 80–90 процентов ее членов состояли в ней не по идеологическим соображениям, а чисто по карьерным. Выделенная из этой партии компактная группа из тех, кто готов был порвать со своим политическим прошлым, могла бы стать внутренней силой, осуществляющей стабилизационные меры. Этого не

было сделано. Армию и полицию тут же распустили, а потом начали собирать, но уже в условиях упущенных возможностей.

III. Политические и военные тупики

В Белом доме, судя по всему, исходили из того, что послевоенное обустройство Ирака не будет представлять особых трудностей. Сначала ставка была сделана на политических эмигрантов, покинувших страну при режиме Саддама Хусейна. Рассчитывали, что они возглавят государственную машину, которая стабилизирует обстановку. Политические эмигранты возвратились, однако они, скорее, сосредоточились на борьбе друг с другом, а их роль в руководстве страной оказалась мизерной, так как у них отсутствовала опора в массах.

Когда стало ясно, что возвратившиеся эмигранты «не делают погоды», а борьба против оккупационных сил в тот период опиралась на «суннитский треугольник», ставка была сделана на то, чтобы нейтрализовать суннитов с помощью иракских шиитов. При Саддаме Хусейне шииты, составляющие большинство населения Ирака, действительно подвергались дискриминации, поэтому на шиитскую поддержку рассчитывали те силы, которые свергли режим Саддама Хусейна. Однако оказалось, что не все так просто. Среди шиитского населения тоже росла непримиримость к иностранной оккупации, которая выразилась в вооруженном восстании шиитов во главе с Муктадом ас-Садром в Фелудже и Насерии.

Через тяжелый процесс принятия временной конституции и выборов в парламент, а затем формирование правительств – временного и постоянного – созданся

видимый каркас становления структуры власти. Однако эта структура базируется на зыбкой основе – суннитский элемент, составляющий 20 процентов населения (без курдов, которые в своей массе тоже сунниты), практически оказался отодвинутым от власти. В случае федерального устройства государства сунниты, проживающие в основном в центральных районах Ирака, будут лишены нефтяных богатств страны – основные месторождения нефти расположены на юге и севере. Между тем весьма авторитетные лица в США выступают даже не за федерацию, а конфедерацию в Ираке – за фактический раздел страны. Нынешний вице-президент США еще в свою бытность сенатором (возглавляя в Сенате Комиссию по иностранным делам) настойчиво продвигал идею создания конфедеративного государства в Ираке с шиитским, суннитским и курдским государственными образованиями при номинальном центральном правительстве в Багдаде.

IV. Как выйти из ситуации в Ираке?

Президент Дж. Буш-младший сначала решил разрубить иракский гордиев узел с помощью наращивания оккупационных сил. Была опубликована «новая стратегия», согласно которой в Ирак направлялось дополнительно 22 тысячи американских солдат и офицеров, чтобы взять под более плотный контроль Багдад и те районы страны, которые стали оплотом сопротивления оккупационным войскам. Вскоре стало очевидно, что «новая стратегия» оказалась неспособной радикально изменить ситуацию в Ираке. В то же время активизация оккупационных сил привела к серьезному росту американских потерь в живой силе.

Специальная комиссия Бейкера – Гамильтона¹¹³ заявила о необходимости незамедлительно объявить о сроках сокращения и вывода американских войск и начать переговоры США с Ираном и Сирией, которые в состоянии помочь нормализации положения в Ираке. Рекомендации этой комиссии поддерживались очень многими политиками, экспертами. Широко известно, что Дж. Бейкер – один из наиболее динамичных государственных секретарей США – был правой рукой президента Буша-старшего. Связка Бейкер – Гамильтон символизировала двухпартийный республиканско-демократический подход. Наконец, по-видимому, не последнюю роль в подготовке рекомендаций принимал, как я думаю, один из лучших знатоков Ближнего Востока в США посол Э. Джареджан, возглавлявший ближневосточное отделение в фонде Бейкера. Но Буш-младший проигнорировал рекомендации комиссии Бейкера – Гамильтона.

Тупиковая ситуация, в которую, несомненно, попала американская политика в Ираке, привела к резкому изменению общественного мнения против Буша, что фиксировалось проводимыми опросами, вынужденной отставкой одного из наиболее оголтелых сторонников унилатерализма – Рамсфельда, уходу со своих постов ряда неоконсервативных авторов этой концепции – Вулфовица, Перла.

23 августа 2008 года директор Национальной разведки США обнаружил «Национальную разведывательную оценку» положения дел в Ираке. «Развитие событий в сфере политики и безопасности в Ираке, – констатируется в докладе, – по-прежнему определяется, прежде всего, боязнью шиитов потерять политическое господство, стойким нежеланием суннитов признать свой второстепенный политический статус, соперничеством с фракционными группировками фанатиков, которое выливается в вооруженные конфликты и демарши экстре-

мистских формирований, таких, как “Аль-Каида в Ираке”, и боевиков, близких к “Армии аль-Махди”, которые стараются поддержать агрессию со стороны фанатиков». Такая оценка, можно считать, была признанием полного провала политики США в период оккупации Ирака.

За время оккупации Соединенным Штатам, пожалуй, удалось лишь одно в области безопасности – они предотвратили или, скорее, приостановили на данный момент союз суннитов с «Аль-Каидой». В результате конфиденциальных переговоров с руководством коалиции суннитских племен губернаторств Анбар и Нинева были созданы вооруженные формирования для очистки территории этих племен от боевиков «Аль-Каиды». Американское командование не пожалело на организацию этой операции ни легкого вооружения, переданного племенам, ни денег, ни обещаний, что представители суннитской общины займут достойные места во властных структурах Ирака.

Дело дошло до того, что прибывший в Багдад директор Национальной разведки США Д. Негропonte заявил о возможности возвращения на службу в иракские органы безопасности «кадров саддамовской эпохи» (то есть преимущественно суннитов). Еще больший просуннитский жест был сделан Негропonte, настоявшим на снятии с поста шефа иракской разведки шиита М. Шахвани. В этой связи не мешало бы отметить, что структура, возглавлявшаяся Шахвани, была создана ЦРУ после оккупации Ирака специально для работы против суннитского сопротивления.

Боевики «Аль-Каиды» были вытеснены из суннитского треугольника, но это не привело к изменениям во властных структурах Ирака в интересах суннитов. Последние выборы в парламент состоялись в 2010 году. Хотя на них больше всех голосов набрал составленный не по религиозному принципу блок «Аль-Иракия», возглавляе-

мый бывшим временным премьер-министром Айядом Аллауи, власть сохранилась у коалиции шиитских партий. Премьер-министром остался Нури аль-Малики. Однако положение в Ираке нельзя рассматривать лишь через призму шиитско-суннитских и арабо-курдских противоречий. Обозначается отсутствие единства среди шиитов, в том числе в большой шиитской коалиции, определяющей политику правительства. Премьер-министр Нури аль-Малики не может сказать, что опирается на полную и безоговорочную поддержку духовного руководителя шиитов Аятоллы Али аль-Систани и тем более на сторонников молодого шиитского лидера Садра, за спиной которого стоит «Армия аль-Махди»¹¹⁴.

Дело дошло до кровопролитных внутришиитских схваток. Отсутствие единства характеризует положение и среди суннитов. Значительная часть склонна поддерживать наращивающих свое влияние баасистов. Возможно, кто-то зачисляет всех членов действующей в подполье партии «Баас» в лагерь последователей Саддама Хусейна, но такое видение представляется упрощенным. Среди баасистов постепенно вызревает новое руководство, которое озабочено тем, как будет управляться страна после ухода оккупационных сил, понимая, что восстановление режима Саддама невозможно, да и не отвечает потребностям Ирака.

При всей неоднозначности политических выводов по поводу тактической и стратегической ориентации ведущих иракских партий чаша весов по-прежнему склоняется в пользу большого, если не сказать определяющего, влияния Ирана на внутреннюю обстановку в Ираке. 15 декабря 2011 года в Багдаде министр обороны США Леон Панетта спустил флаг американского контингента и объявил об окончании американской операции в этой стране. Президент Обама, выступая накануне на военной базе в Северной Каролине, сказал, что США оставляют Ирак

«суверенным, стабильным и самодостаточным» государством.

Трудно предположить, что с прекращением оккупации Ирак сможет в течение целого ряда лет обрести стабильность и спокойствие, – таких масштабов достиг хаос, в который Ирак оказался погруженным с 2003 года. Коренной вопрос заключается в следующем: помогут ли Соединенные Штаты, провалившиеся с политикой оккупации Ирака, вывести страну из террористической бездны. Ответ на этот вопрос повисает в воздухе.

Глава XVIII

КУРДСКАЯ ЭПОПЕЯ

Одной из главных для Ирака остается курдская проблема. Думаю, что уместно несколько углубиться в ее суть, тем более что мне довелось многое наблюдать с достаточно близкого расстояния. Я был первым советским журналистом, который встретился с руководителем курдского национально-освободительного движения Муллой Мустафой Барзани в 1966 году после того, когда он в очередной раз порвал с Багдадом и взял под свой контроль север Ирака – Курдистан. Военные действия между правительственными войсками и курдами вновь вспыхнули в тот период, то снижая свой накал, то повышая. Моя поездка на север Ирака вписывалась в линию, которую начала проводить Москва, когда вместо погибшего в июле 1966 года в авиационной катастрофе Абдель Саяля Арефа президентом стал его брат, не замешанный в кровавых акциях против левых сил. С учетом важности Ирака в регионе СССР предпринял ряд шагов по сближению с новым иракским руководством. Немалое значение при этом придавалось попытке сблизить Багдад с курдскими повстанцами, которые практически контролировали север страны. Москва была заинтересована в решении курдской проблемы мирными средствами.

I. Кто он – Мулла Мустафа Барзани?

Особенность обстановки, да и ряд преимуществ для Советского Союза создавал факт давних дружеских отношений, сложившихся с руководителем курдского нацио-

нально-освободительного движения Муллою Мустафой Барзани. Интересна история этого человека. Совсем ребенком в 1905 году Мулла Мустафа впервые оказался в тюрьме вместе со своей матерью, когда его старший брат руководил восстанием против турецких властей. Мальчиком он принимает участие в борьбе 1914–1916 годов. В 1931 году сражается на стороне своего брата шейха Ахмеда, изгнавшего солдат багдадского правительства с территории племени барзан. Лишь с помощью английской авиации удалось подавить курдов. Захваченный в плен, Мулла Мустафа проводит одиннадцать лет в ссылке. В 1943 году он тайно возвращается в свой район и вновь начинает борьбу. Она увенчалась успехом, и Нури Саид – тогдашний иракский премьер-министр – принимает условия курдов. Но через два года он с помощью англичан наносит удар по отрядам Барзани.

Во время Второй мировой войны на территории Ирана была создана курдская Мехабадская республика¹¹⁵ – Мулла Мустафа Барзани стал ее военным министром. После окончания войны и вывода советских войск из Ирана республика была разгромлена. Барзани с 500 бойцами, главным образом из племени барзан, перешел границу Ирана с СССР. Курдские бойцы были разоружены, некоторые из них обосновались в Азербайджане, другие в Средней Азии. Барзани жил в СССР под фамилией Мамедов. Его пребывание и бойцов из его племени не афишировалось. Ни он и никто из тех, кто вместе с ним пересек границу и очутился в нашей стране, не служили в советских вооруженных силах. Так что распространяемые слухи, что Барзани был генералом Советской армии, ложны от начала и до конца. Слухи эти, однако, связаны с одним эпизодом, о котором мне впоследствии рассказал сам Барзани. Как-то, находясь в Москве, он купил в Военторге (тогда это было можно) форму генерала и в ней сфотографировался. Фотография эта попала в английскую разведку...

Переломы в жизни Барзани и его близких произошли после смерти Сталина. Вот моя запись его рассказа (Барзани говорил по-русски, но, мягко говоря, не лучшим образом. Я в записи переложил его рассказ на литературный язык): «Я подошел к Спасским воротам Кремля и стал в них стучать. Выбежал офицер. Красивый, стройный, с серыми глазами. Спрашивает: что ты стучишь? Я ответил: это стучит в Кремль не Барзани, а курдская революция».

Барзани, по его словам, был принят Г.М. Маленковым, и после состоявшейся беседы его направили на учебу в Высшую партийную школу, а его соплеменников приняли в различные средние учебные заведения. Все они прожили в Советском Союзе 12 лет. После победы иракской революции в 1958 году Барзани вернулся в Ирак и стал там – с учетом важности для Касема сохранения единства новой власти с курдами – вице-президентом Иракской Республики. Однако отношения вновь ухудшились, Барзани ушел на север Ирака, в Курдистан. И снова вспыхнула кровавая война между Багдадом и курдами.

Война ужесточилась при Арефе и продолжалась на первых порах, когда президентом стал его брат. В июле 1966 года новый президент Ареф и Барзани договорились о мире. Большая война стихла, но вооруженные стычки продолжались. В этих условиях мне в Каир, где находился корпункт «Правды», пришло указание из редакции побывать на севере Ирака. Барзани не был изолирован. С ним общались, в том числе и журналисты, но все они проходили на север Ирака через Иран. Я не мог позволить себе обойти стороной официальные иракские власти. Это было бы контрпродуктивным с учетом нашего стремления сблизить Барзани с Багдадом.

16 декабря 1966 года меня принял президент Ареф. До этого я получил его письменные ответы на вопросы – интервью предполагалось для опубликования в «Правде».

Ареф назвал в числе самых актуальных проблем нормализацию на севере Ирака. Оперевшись на это заявление, я сказал Арефу, что советскому журналисту не пристало пробираться в Иракский Курдистан из Ирана, так как мы считаем курдский регион неотъемлемой частью Ирака. По-видимому, аргументация подействовала, и Ареф дал принципиальное согласие, адресовав меня к иракскому министру обороны для организации моей «передачи» курдам.

В конце концов, детали были утрясены, и я выехал на север в сопровождении двух иракских офицеров и бронетранспортера с солдатами. Один из сопровождавших меня офицеров, как меня сориентировали в посольстве, был братом министра обороны Ирака. О другом я узнал сам. Когда на привале мы обменивались шутками с сопровождавшим меня переводчиком – молодым сотрудником нашего посольства в Багдаде Сашей Зотовым, который впоследствии вырос в посла в Сирии, – этот офицер не смог сдержать смеха, и мы поняли, что он отлично знает русский язык. Только на обратном пути в ответ на обращенную к нему тираду, что, дескать, нечего играть в молчанку – ведь он отлично понимает по-русски, – лейтенант, оставшись один на один с нами в машине, сказал на русском: «Ну ладно, хватит валять дурака».

Связались с курдами по радию – те потребовали отсечь бронетранспортер, но офицеров пропустили, а ведь ехали мы в зимнюю штаб-квартиру Барзани, где еще не побывал ни один представитель Багдада. И вот мы в Курдистане. Не удержусь от лирического отступления. В этих сказочных по красоте местах две с половиной тысячи лет проживает гордый, свободолюбивый народ – курды, как их иногда называли, «рыцари Востока». Им есть чем славиться, хотя бы тем, что курдом был непобежденный крестоносцами Салах ад-Дин (Саладин). Меньше радости им принес тот факт, что курдом был и Нури

Саид. Но какая природа! Уходящие в небо горы, бурные потоки, звенящие от чистоты воды. Какое смелое сочетание цветов – белоснежные вершины, ярко-бронзовые скалы и темно-зеленый ковер из мха, расстеленный у подножия. Кажется, что огромные валуны специально сброшены на мох, чтобы этот ковер не унесли порывы ветра. Со склонов почти параллельно земле – невесть как они там держатся – тянутся ровные стволы деревьев.

Автомашина идет по узкому шоссе. Выезжаем из тесного коридора двенадцатикилометрового ущелья Гали Али Бек. Развилка: направо – путь на Равандуз, налево – на Диану, прямо – дорога на Хадж Умран, до самой иранской границы. Мы едем прямо. Последний иракский армейский патрульный пост пропускает автомашину. Дальше нет ни одного иракского солдата, ни одного правительственного чиновника. Это район, контролируемый курдскими отрядами Муллы Мустафы Барзани. Навстречу движется виллис с тремя вооруженными людьми: членом ЦК Демократической партии Курдистана Сами, порученцем Барзани и шофером. На его коленях лежит автомат. Приветствия. Виллис уходит вперед, показывая путь. А дальше – уже на мулах по узкой тропинке между отвесной скалой и пропастью. По словам Сами, несколько пешмерга (так называют себя курдские повстанцы – «смотрящие в лицо смерти») могли бы противостоять здесь целым подразделениям.

Барзани встретил меня с двумя сыновьями – Идрисом и Масудом. Семнадцатилетний Масуд был тогда начальником радиостанции. Я вез с собой подарки сыновьям Барзани – наши наручные часы «Полет», но был несколько смущен, когда увидел у них на руках «Ролекс». Мулла Мустафа Барзани встретил меня с нескрываемой радостью. Тут же пригласил в небольшую землянку, где жарко горели дрова в печке на колесиках, а натянутое под потолком полотно местами провисало под тяжестью воды – за стенами шел дождь с мокрым снегом. Перио-

дически по водным «мешкам» стучали палкой, и вода проливалась струйкой в подставленный бидон. На земле, покрытой ковриком, были расставлены блюда. С нами вместе сидели, скрестив ноги, и иракские офицеры, один из них вслушивался в беседу, которая шла на русском языке. Но Барзани был через Сами предупрежден мной, что иракец знает русский, и поэтому беседа оказалась «направленной». Барзани сказал мне: «В Багдаде одни воровщики и жуликаны (он так и сказал), но один честный и хороший человек – это министр обороны».

Конечно, все это предназначалось для брата министра, сидящего рядом. Настоящая беседа состоялась ночью, когда меня разбудили два курда с автоматами и повели в другую землянку. Барзани заключил меня в объятия и произнес: «Советский Союз – мой папа». Барзани сказал, что приветствует мирную договоренность, но не верит Багдаду, где экстремисты оказывают сильное сопротивление курсу по выполнению правительством соглашения о перемирии с курдами. Постоянное ожидание возобновления широких военных действий, добавил он, не позволяет серьезно заняться улучшением жизни курдского населения (как трудно живут курды, я видел сам: домики, прилепившиеся к склонам гор, стены жилищ выложены из камня; глиняные крыши постоянно трамбуются катками, чтобы не протекали; нет электричества; убранство комнат состоит из керосиновой лампы и циновок, на день сложенных на глиняном полу), а Багдад помочь не спешит, хотя и были даны такие обещания. На мой вопрос, есть ли у него связи с Ираном – у нас были данные о конфиденциальных поездках Барзани к шаху, – не задумываясь, ответил утвердительно: «Не хочу ничего скрывать. А что делать, когда у меня единственная связь с миром через иранскую границу?».

Но, пожалуй, главным для меня был ответ Барзани на мой вопрос: «Как вы мыслите себе будущее, ведь вы, безусловно, знаете о слухах, будто курды хотят отторгнуть от

Ирака населенные ими земли». – «Это враги мира на иракской земле так говорят о нас. Если бы иракское правительство даже попросило нас отделиться, мы бы не пошли на это. Мы не хотим выходить из Ирака. Это наша родина. Но курды должны в ней пользоваться всеми правами наравне с арабами. Вот за что идет борьба».

Из беседы с Сами я узнал, что за несколько дней до нашего приезда одного пешмерга посадили в партизанскую тюрьму – обычную землянку, закрытые двери которой охраняются автоматчиком. «Он произносил анти-арабские речи, – объяснил Сами. – В них слышались нотки расизма. Мы никому не позволим извращать характер нашей борьбы». «Отряды повстанческой армии состоят в основном из курдов, – говорил мне сын Барзани Идрис, – но среди нас много ассирийцев, есть и армяне. Один из высшего органа – Революционного национального командования – араб, командир коммунистического батальона. Этот батальон был сформирован из членов Коммунистической партии Ирака – арабов и курдов, которые ушли на север, спасаясь от кровавых погромов в 1963 году».

II. Соглашение достигнуто, торжество, но что дальше?

Следующая моя поездка на север Ирака состоялась сразу после того, как сменилась власть в Багдаде. Беседа с Барзани показала, что у него появилась слабая надежда, что новое иракское руководство может больше, чем прежнее, настроиться на решение курдской проблемы, – ведь после подписания соглашения с теперь уже бывшим президентом Арефом столкновения продолжались. Что будет

дальше? Этот вопрос незримо присутствовал при моей беседе с курдским лидером. Волновала Барзани и его окружение ситуация и внутри курдского движения. В это время отряды пешмерга сталкивались не только с частями иракской армии. Стычки, подчас масштабные и кровавые, происходили с вооруженными формированиями, подчиненными Джалалю Талабани. Барзани их презрительно называл джаш, что в переводе с курдского означает «осел».

Расколами в курдском стане умело пользовался Багдад, часто действуя чужими руками. В Москве решили, что поездки корреспондента «Правды» в Иракский Курдистан должны быть продолжены. Что принесет Ираку – арабам и курдам – ближайшее будущее? – с этим нелегким вопросом я въезжал второй раз в курдский район на севере Ирака. На этот раз меня не сопровождал «иракский эскорт» – машина с шофером-курдом прямо подъехала к багдадскому отелю, откуда мы и направились на север. И по дороге все кругом выглядело иначе, чем в конце 1966 года. Приглушив яркие зимние цвета, солнце окрасило в пастельные тона склоны гор – бледно-зеленый и бледно-желтый. Память о зиме сохранили лишь ледяные воды быстрой речушки на дне ущелья.

Наш вездеход «лендровер» поминутно перебегал с одного ее берега на другой, снижая скорость лишь на высоких мостиках. Шофер был спокоен: у начала ущелья нас пропустили – значит, навстречу на этом участке не пойдет ни одна машина. Шофер – высокий, стройный курд с иссиня-черными волосами и совершенно зелеными глазами – вел машину отчаянно. Он сидел за рулем, туго опоясанный патронташем с двумя запасными автоматными магазинами. Нас вез на север пешмерга – боец отрядов Муллы Мустафы Барзани. Я провел заполненную до отказа впечатлениями неделю, встречаясь с Барзани, его сыновьями, членами политбюро и ЦК ДПК, многими, многими простыми пешмерга. Они говорили о глав-

ном – о путях решения проблемы, которая уже стоила стольких жертв и лишений народу Ирака. И если первые две поездки в Иракский Курдистан носили, в общем, ознакомительный или чисто журналистский характер, то последующие все больше стали походить на посредническую миссию.

Перед третьей поездкой я встретился в Багдаде с Саддамом Хусейном, которого назначили представителем иракского руководства для «ведения дел» с курдами. Не занимая еще главных позиций в руководстве, Саддам Хусейн рассматривал решение курдского вопроса как трамплин для своего выдвижения. Это создавало неплохую предпосылку для попытки полноценной автономии курдов в рамках Ирака. Такую мысль разделял и исполняющий обязанности советского посла в Багдаде Ф.Н. Федотов. И неслучайно в беседах со мной Саддам Хусейн подчеркивал конструктивность своей позиции и даже просил передать Барзани, что готов сделать очень многое, чтобы привести отношения между арабами и курдами к урегулированию. Так, в беседе, состоявшейся 23 января 1970 года, он говорил о необходимости диалога с «братьями из руководства Барзани», «чтобы договориться о настоящей гарантированной автономии курдов». И единственная проблема, по его словам, которая может помешать этому, – это кризис доверия.

«За прошедшие годы столкновений, вражды не несет полной ответственности ни партия “Баас”, ни Барзани, – сказал Саддам Хусейн. – Но пролилась кровь, и для того, чтобы восстановить доверие, необходимо при наличии добрых намерений изолировать те лица или группировки, которые стоят на экстремистских позициях с двух сторон». Такие заверения располагали к оптимизму и положительному отношению к самому Саддаму, тем более что он подчеркнул заинтересованность в том, чтобы я регулярно посещал Курдистан. Можно считать, что с

1966 по 1970 год я был единственным советским представителем, который регулярно встречался с Барзани. Летом жил в капере – шалаше, зимой – в землянке. Со мной в поездках были и Виктор Викторович Посувалюк, и Олег Герасимович Пересыпкин, но миссия возлагалась на корреспондента «Правды». Делал все, чтобы сблизить стороны. Помогали влиять на Барзани уже упомянутый мной Сами (настоящее имя – Мухаммед Махмуд Абдаррахман) и Махмуд Осман, известный под именем доктора Махмуда, – тогда два члена политбюро ДПК. Доктор Махмуд действительно был врачом, получил высшее медицинское образование, оказывал помощь больным, шутил, что его «знак зодиака» – шприц и винтовка.

Очень большую положительную роль в достижении согласия между двумя сторонами сыграл видный иракский общественный деятель, лауреат Ленинской премии мира, скромный, умный и обаятельный Азиз Шериф. В это время он уже вернулся в Багдад из эмиграции и был включен в правительство. Думаю, что по инициативе Саддама Хусейна он посетил Курдистан в конце 1969 года. Вскоре туда в очередной раз прибыл и я. Это был именно тот момент, когда решалась судьба соглашения. Накануне нашего приезда в Курдистане состоялись переговоры с делегацией из Багдада. Был согласован ряд проблем. Главная из них – принцип автономии курдов.

Но не пришли к общему знаменателю по вопросу об участии курдов в высшем иракском органе власти – Революционном командовании. Оставили открытыми вопросы о будущем Киркука, пешмерга, сроках заявления о создании курдской автономии. Обедали втроем – Барзани, Азиз Шериф и я. Распили бутылку иранского (!) коньяка. Барзани был как никогда открыт, разговорчив. Провозглашал тосты за русский народ, Советский Союз. Откровенно сказал, что его подтолкнули на переговоры с Багдадом рекомендации СССР: одну из таких рекомен-

даций процитировал: «даже само согласие на переговоры укрепляет позиции курдов, ДПК».

Но после обеда из бесед и с доктором Махмудом, который был назначен руководителем курдской переговорной делегации, и с Азизом Шерифом, с которым жил в одной землянке, и с рядом своих уже хорошо знакомых курдов понял: не так все просто. Мы с Азизом Шерифом были единого мнения, что главное сейчас для курдов – не делать упор на пока нерешенные вопросы, а обязательно продолжить переговоры, направив для этого свою делегацию в Багдад. С нами согласились. А в Багдаде я уже встречал курдскую делегацию в нашем посольстве. Было непривычно видеть Идриса, Масуда, доктора Махмуда, Сами в костюмах, при галстуках. Это было 6 февраля 1970 года.

14-го снова встретились в советском посольстве. За этот промежуток времени на переговорах удалось продвинуться по ряду вопросов. Стороны пошли навстречу друг другу не без нашего влияния. Насчет Киркука курды согласились на такой компромисс – город будет включен в курдскую автономию, но нефтяные дела останутся в руках центрального правительства. 11 марта 1970 года президент Бакр по багдадскому радио и телевидению зачитал декларацию о провозглашении мира на основе признания права курдов на национальную автономию в рамках Иракского государства. Наряду с арабами курды были провозглашены основной национальностью Ирака. Курд становился вице-президентом, в правительство в Багдаде вошли пять министров-курдов.

Документ, получивший название «Программа 11 марта 1970 года», был с восторгом встречен повсеместно в Ираке. Тысячами радостных курдских костров зажглись горы вокруг Киркука. Островком в людском море стала праздничная трибуна на площади Ат-Тахрир в Багдаде во время всенародной демонстрации после объявления о прекращении войны с курдами на иракском севере. Рядом

с президентом Ирака А. Бакром, Саддамом Хусейном стояли в национальной одежде сыновья Муллы Мустафы Барзани – Идрис и Масуд – и доктор Махмуд.

III. Саддам против Барзани – неудавшееся покушение

Однако, к сожалению, через некоторое время отношения с Багдадом вновь напряглись и на горизонте уже начала маячить новая война. В таких условиях состоялась еще одна моя поездка на север Ирака. Перед ней 22 января 1973 года в Багдаде я встретился с Саддамом Хусейном, который настойчиво советовал, чтобы я обязательно познакомился с Барзани. Как сказал Саддам, тот не поймет, если, будучи в Багдаде, я не приеду к нему после трехлетнего перерыва. «Мы заинтересованы в том, чтобы он не подумал о снижении интереса Советского Союза к нему, мы очень высоко ценим то влияние, которое вы на него оказываете», – сказал Саддам, добавив, что дает распоряжение о предоставлении мне самолета для полета до Киркука и вертолета до Равандуза. Был ли он искренен или, может быть, хотел использовать наши наработанные связи с Барзани, чтобы оттянуть его от нарастающего сближения с Ираном? А может быть, хотел выровнять отношения с Барзани после разрыва между ними?

В Равандузе снег по колено. За нами в самый центр иракского военного лагеря приехала машина с курдом за рулем. Но это отнюдь не показатель отсутствия напряженности. У первого курдского поста – как в то время, когда не было соглашения, – шлагбаум, вооруженная охрана. Прибыли в небольшое местечко. У дома – Идрис и Масуд. Чувствуется, что Идрис нервничает. Это стало еще яснее, когда приехал Барзани, и мы с ним несколько

часов говорили по-русски, а Идрис ничего не понимал. Мне доверительно рассказывали, что через Идриса проходят связи с иранцами, поэтому не были неожиданными его слова, что «нет никаких доказательств намерения Багдада выполнять соглашение».

Действительно, в то время особенно проявились два, а бы сказал, личных раздражителя в отношениях между Барзани и Саддамом Хусейном. О первом мне рассказал Мулла Мустафа сам. К нему приехала группа шейхов. Он принимал их в палатке. Один из шейхов попросил разрешения записать беседу на портативный магнитофон (тогда этот «портативный» весил несколько килограммов). Шофер небольшого автобуса, на котором прибыли шейхи, оставался за рулем. В магнитофон была заложена взрывчатка. Водитель – из иракских спецслужб – привел ее в действие дистанционным управлением. Раздался взрыв. Барзани спасло только то, что в момент взрыва один из пешмерга наклонился к нему, подавая кофе. Он погиб, закрыв собой Барзани. «Дураки из моей охраны, – добавил Мулла Мустафа, – застрелили всех шейхов и водителя, так что допрашивать было некого. Но я уверен, что это дело Саддама Хусейна».

Второй раздражитель был связан с его старшим сыном, Абейдуллой. Еще при первом моем посещении Барзани сказал мне, что арестовал Абейдуллу и намерен его расстрелять, так как он открыл «врагам путь, по которому мы получаем материальные средства». Не знаю, подействовали ли мои слова, что, может быть, Абейдулла это сделал не из враждебных чувств, а по ошибке, но он остался жив. Более того, в связи с приступом аппендицита ему разрешили выехать в Багдад. Оттуда Абейдулла не вернулся, и все обращения к иракским властям о его возвращении оставались без ответа*.

* Когда я затронул эту тему в разговоре с Тариком Азизом, он сказал: «Мы предложили Барзани дать слово, что он не убьет Абейдуллу,

В это время особое беспокойство Багдада, да, не скрою, и наше, вызывали усилившиеся связи Барзани с шахским Ираном, за которым в то время стояли США. Поступали достоверные сведения и о поездках эмиссаров Барзани в Тель-Авив. Израиль, стремясь использовать курдскую проблему в Ираке для ослабления своего потенциального противника, передавал курдскому движению денежные средства, но относительно небольшие. На мой прямой вопрос, обращенный к Барзани по поводу характера его отношений с иранским шахом, он ответил: «Я постучал за хлебом в один дом – мне отказали (Барзани имел в виду Багдад. – *Е.П.*). Что мне, умереть с голоду? Я постучал в другой. Кто виноват – я или тот, кто мне отказал?» Барзани не отрицал и получение оружия из Ирана, объясняя это тем, что сам не начнет войну, но нужно быть готовым к обороне.

Сидели в тот день с Барзани до ночи. Он уехал с несколькими машинами охраны, а я уединился с доктором Махмудом. Он прямо просил меня повлиять на Барзани, чтобы тот развернулся в сторону Багдада. Прогуливались в сопровождении двух автоматчиков. Ноги утопают в снегу. Вернулись спать. Холодно, охранник топит печку-буржуйку. И каждый раз, когда подкладывает поленья, чтобы мы не угорели, открывает окно. Просыпаюсь каждый раз от холода, хотя и сплю в спортивном шерстяном костюме.

В 1975 году опять вспыхнула война между курдами и иракским правительством. За год до этого, в 1974 году, Багдадом был принят Закон № 33 об образовании Курдского автономного района. Этот закон был негативно воспринят Барзани, так как в то время уже происходило принудительное выселение курдских семей и замена их

и тогда мы выпустим его на все четыре стороны. Но Барзани отказался». Тогда я заметил: «Не нужно делать возвращение Абейдуллы предметом сделки. Он ведь сын, а Барзани племенной вождь».

иракскими арабами в районе Киркука. Но вспыхнувшее курдское восстание отнюдь не было идентичным выдвиганию лозунга выхода из Ирака. Возможность достижения согласия с курдскими повстанцами тем не менее сохранялась, так как курды не провозглашали своего стремления отделиться от Ирака даже во время ирако-иранской войны, на заключительной фазе которой они подверглись жесточайшим атакам иракской армии, применявшей химическое оружие. Иракские курды не ставили вопрос об отделении и тогда, когда Багдад был ослаблен и не мог оказать решительного сопротивления. Так произошло при поражении Ирака в войне в зоне Персидского залива или при отвлечении его наиболее боеспособных сил на подавление восстания шиитов на юге страны.

Курды в то время установили контроль над всей территорией своего проживания, включая Мосул, Эрбиль, Сулейманию, а на некоторый период и Киркук. Нужно сказать, что вопрос об отделении не возникал и после установления в 1991 году решением Совета Безопасности ООН «зоны безопасности» севернее 36-й параллели, – из этой зоны были полностью выведены иракские войска. В результате этого прошли первые выборы в Национальный совет, сформировалось правительство. Но все это происходило под лозунгом не выхода из Ирака, а «Курдистану – полную автономию». Такая линия курдского движения поддерживалась Советским Союзом, а затем и Российской Федерацией, хорошо понимавшими, к каким негативным последствиям для Ближнего Востока может привести территориальный развал Ирака.

IV. Будущее Курдистана неоднозначно

Что касается времени, наступившего после американской военной операции против Ирака в 2003 году, то оно привнесло в курдское движение достаточно сильные сепаратистские настроения. Мне представляется, что Вашингтон встал перед дилеммой: либо поддерживать такие настроения и тем самым окончательно сломать Ирак, разделив его на части, либо, на что и нацелились США, сохранить Иракский Курдистан в составе общего государства в расчете, что удастся опереться на курдов в отстаивании своих интересов. К тому же поддержка настроений по созданию самостоятельного курдского государства могла бы привести США к серьезным противоречиям с их союзником по НАТО Турцией.

Между тем в курдском национальном движении еще во второй половине 60-х годов произошел полный разлад, а затем и раскол. Еще при первом моем посещении Иракского Курдистана в 1966 году генеральный секретарь ЦК Демократической партии Курдистана Хабиб сказал мне, что из партии были исключены Джалаль Талабани (нынешний президент Ирака) и группа примыкавших к нему лиц, которые «ведут подрывную деятельность».

После подписания «Программы 11 марта 1970 года» Талабани распустил свою организацию и вернулся в ДПК. Вооруженное восстание курдов против Закона № 33 было подавлено Багдадом. Барзани перебрался в Иран, затем в США, где умер в 1979 году. А Талабани вновь вышел из ДПК. Со второй половины 70-х годов в Курдистане существовали две силы – ДПК во главе с сыном Барзани Масудом и Патриотический союз Курдистана, созданный Джалалем Талабани. До середины 90-х годов не произошло сближения этих сил, хотя, казалось бы,

этому должна была способствовать ирако-иранская война. Более того, в начале 80-х годов начались ожесточенные столкновения между вооруженными отрядами барзаниевской ДПК и талабаниевской ПСК. Только после серьезных поражений курдов от иракской армии они вступили в переговоры, поделили в 1992 году поровну места в курдском парламенте и создали «коалиционное правительство». Но это не привело к прекращению борьбы между двумя курдскими объединениями.

В конечном счете, не помог организованный Соединенными Штатами в 1998 году приезд Масуда Барзани и Джаляля Талабани в Вашингтон и заключенное между ними соглашение. Сама эта инициатива американской администрации имела ярко выраженный «антисаддамовский» характер – США были заинтересованы в сильном Курдистане в качестве контрбаланса Багдаду. Но до 2002 года фактически существовали два правительства в Иракском Курдистане, и только в конце 2002 года, то есть незадолго до начала американской военной операции, в Иракском Курдистане удалось сформировать единое правительство. Несмотря на то, что оно поддержало США в военной операции, закончившейся в 2003 году свержением режима Саддама Хусейна, и Барзани, и Талабани весьма настороженно высказались в своих заявлениях о последствиях американской акции. Пешмерга участвовали в локальных операциях совместно с американцами против иракской армии.

В марте 2004 года в городе Салах эд-Дин состоялась организованная двумя основными курдскими силами конференция по вопросам общекурдского примирения. Курды стали основной опорой американской политики по созданию правительства в Багдаде, выработки конституции. Наконец, Джаляль Талабани стал президентом Ирака. Наряду с этим состоялась договоренность, что главой Иракского Курдистана является Масуд Барзани.

В мае 2008 года я побывал в Иракском Курдистане. Характерно, что получил приглашение посетить Курдистанский район Ирака (КР), а не Багдад от президента Ирака курда Джалаля Талабани. Он прилетел на встречу со мной из Багдада в Сулейманию. После длительных бесед с Талабани я перелетел из Сулеймании в Эрбиль – нынешнюю столицу Иракского Курдистана. Поразил невиданный размах строительства в этом городе, в котором сейчас проживает миллион двести тысяч человек. Двери официальных резиденций и простых жилых домов были широко открыты – сказались мои дружеские отношения с отцом нынешнего президента Масуда Барзани, который тепло встретил меня на пороге своего дворца.

Некоторые характеризуют КР как государство в государстве. Действительно, в Иракском Курдистане свой президент, правительство, парламент. Курды получили «свободу рук» в экономическом плане.

Как сказал мне председатель правительства КР Нечирван Барзани, с Багдадом нужно согласовывать лишь контракты с компаниями в области добычи нефти и газа в районе, а все остальное решается на месте. Подтверждением этих слов служит наплыв иностранных компаний в КР – их привлекают стабильность, безопасность в районе и, естественно, финансовые возможности местных властей, получающих определенный процент с добычи нефти на всей территории Ирака, в сочетании с прогнозами вполне вероятных больших природных богатств Иракского Курдистана.

Всеобщее благополучие? Я бы не экстраполировал нынешнее положение на будущее. Многое может измениться, особенно при окончательном определении границ Курдистанского района Ирака. Особое значение приобретает проблема Киркука. Курды фактически контролируют сейчас этот город и прилегающие к нему богатейшие нефтяные территории. Подтвержденные запасы нефти Киркукского района составляют 10 млрд баррелей.

лей. По идее, согласно конституции Ирака, должен состояться референдум, призванный решить статус Киркука и его района, на который не без исторических причин претендуют курды. В Эрбиле мне передали ксерокопию карты времен Османской империи, на которой Киркук и его район однозначно отнесены к «вилайету, населенному курдами». Но арабское большинство населения Ирака против присоединения Киркука к курдской автономии. При Саддаме Хусейне из района Киркука были насильственно переселены на юг Ирака десятки тысяч курдских семей, в настоящее время многие из них вернулись.

На Киркук претендуют и проживающие на севере Ирака туркмены¹¹⁶. В 1995 году был основан Иракский туркманский фронт¹¹⁷. После падения режима Саддама Хусейна фронт начал требовать создания автономии в тех районах, где проживают туркмены. Претензии были предъявлены и на Киркук. Выступая на конференции в Нью-Йорке 29 июля 2007 года, председатель фронта Садэддин Эргеч прямо заявил, что борьба фронта имеет своей целью превратить Киркук в столицу иракских туркман или добиться особого статуса для этой провинции. Категорически против присоединения Киркука к КР Турция, получающая из этого района более 400 тысяч баррелей нефти ежедневно.

Турецко-курдские отношения желают много лучшего не только из-за территориальных споров, особенно вокруг Киркука. В горах Северного Ирака базируются боевики созданной турецкими курдами Рабочей партии Курдистана (РПК), требующей образования курдской автономии в Турции. Вооруженные столкновения турецкой армии с боевиками РПК были перенесены с территории Турции на приграничную часть Северного Ирака, куда перебазировались курдские боевики. Периодические бомбардировки, сухопутные вылазки турецкой армии создают напряженность между Эрбилем и Анкарой. Из

бесед с курдскими руководителями в Эрбиле я вынес убеждение в их желании мирного разрешения возникшей напряженности с Турцией, в хороших отношениях с которой явно заинтересованы иракские курды, в том числе по экономическим соображениям.

Что касается внутривосточной ситуации в Курдистанском районе Ирака, то во время написания этой книги там существовал сплав традиционных и молодых лидеров. Некоторые западные политики предрекают усиление разногласий между ними. Вряд ли это выльется в откровенное соперничество. Лидером молодых считают, не без оснований, премьер-министра регионально-го правительства Курдистана Нечирвана Барзани – внука Муллы Мустафы Барзани и сына умершего в 1987 году Идриса. Нечирван женат на дочери своего дяди – Масуда. В этом отношении намек со стороны западных экспертов на разные «кланы» Барзани, как представляется, далек от действительности. Конечно, это люди разных поколений даже по внешнему виду. Не расстающийся с традиционным одеянием племени барзан президент Масуд и с иголки одетый в европейский костюм, с отлично подобранным галстуком премьер-министр Нечирван. Знакомство и беседы с этим незашоренным политиком, признающим ошибки, которые привели к ряду поражений курдского освободительного движения, верящим в возможность построения безусловно светского (курды вообще не очень религиозны), демократического общества в КР, оставили большое впечатление. Встреча с другим представителем власти новой формации, руководителем Национального агентства безопасности и разведки сыном Масуда Барзани Масруром, подтвердила позитивный настрой молодых лидеров. Очень важно, что они прошли не только через участие в вооруженных отрядах пешмерга, но и учебу в университетах. Очевидно, эти люди – будущее Иракского Курдистана.

Но в какое будущее поведут курдов молодые лидеры, не станет ли их целью создание независимого Курдистана? Во всяком случае, ряд успешных примеров создания в мире новых самостоятельных независимых государств не проходит мимо их внимания.

Еще раз почувствовал, находясь на севере Ирака, насколько, несмотря на приверженность курсу стратегического партнерства с США, сохраняется в неизблемости добрая, дружеская предрасположенность курдов к России. Власти КР говорят о своей готовности широко открыть двери для российского предпринимательства, к сожалению, практически не представленного в курдской автономии. На севере Ирака проживают еще десятки советских женщин – многие из них вдовы, в свое время выехавшие из Советского Союза со своими мужьями-курдами. Они перенесли страшные тяготы жизни, вместе с мужьями и детьми сражались за права курдов. Участники встречи с ними не могли сдержать слез. Сотрудничая с генеральным консульством России, открытым в Эрбиле, они и оставшиеся в живых члены их семей (все говорят по-русски), несомненно, служат укреплению российско-курдских отношений.

Глава XIX

ИРАН – РЕГИОНАЛЬНАЯ ЯДЕРНАЯ ДЕРЖАВА?

Одной из наиболее ощутимых перемен в обстановке на Ближнем Востоке в результате военной операции США в Ираке стало превращение Ирана в региональную державу. В книге Буша-старшего и Б. Скоукрофта (помощника президента США по национальной безопасности) говорится, что стремление избежать такого радикального сдвига легло в основу решения США не идти на Багдад для свержения режима Саддама Хусейна после того, как его армия была разбита в Кувейте*. Буш-младший, не в пример своему отцу, мало заботился о сохранении «ирако-иранского баланса». Изменившаяся обстановка получила две главные особенности. Во-первых, усилился и активизировался «шиитский фактор». Во многих арабских странах, особенно в Ираке, Ливане, странах Персидского залива, шииты составляют значительную часть населения, и Иран приобрел намного большие, чем прежде, возможности влиять на шиитские общины, использовать их в своей политике. Во-вторых, Иран развил бурную активность в ядерной области, породив подозрения в том, что он тайно создает ядерное оружие.

* *Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. – N.Y., 2005. P. 489.*

I. Иранская ядерная проблема: два пути выхода

Можно прийти к выводу, что ни одно государство в мире не заинтересовано в том, чтобы Иран обладал ядерным оружием. Прорыв Ирана к ядерному оружию способен подрвать договор о его нераспространении, что открыло бы путь к ядерному вооружению многих стран, в том числе тех, кто участвует в региональных конфликтах. Это создало бы принципиально иную, значительно более опасную ситуацию в мире. Не в последнюю очередь потому, что доступ к ядерному оружию при таком положении был бы облегчен для международных террористических организаций. Особенно взрывоопасным является сочетание перспективы ядерного вооружения Ирана с неоднократно выдвигаемым его высшим руководителем лозунгом: стереть с карты мира Израиль.

Все так. Но сложность нынешней ситуации с Ираном заключается в том, что он отрицает стремление выйти за пределы мирной ядерной программы, утверждает, что ни в чем не нарушает Договор о нераспространении ядерного оружия, подписантом которого является, заявляет, что не намерен отказываться от ядерных работ по всему разрешенному для мирного использования ядерной энергии циклу, включая обогащение урана, чем занимаются более 60 стран мира.

На сегодняшний день Иран уже продемонстрировал способность осуществлять самостоятельно все этапы этого цикла, включая и обогащение урана. По авторитетному мнению экспертов, если иранское правительство все-таки решит двигаться в направлении производства ядерного оружия, ему на это потребуется от двух до пяти лет. Срок явно небольшой. Я пишу «если», так как не было данных, что Тегеран принял политическое решение о

создании ядерного оружия, хотя технические возможности для этого появляются. Обозначились конкретно два пути к решению этой сложной проблемы.

Один путь – эскалация требований к Ирану вплоть до применения силы. Бомбардировки Ирана приведут – можно это безошибочно предсказать – к росту террористической активности, к подъему волны антиамериканизма, особенно в странах с мусульманским населением. А если идти еще дальше и осуществлять наземную операцию, то выдержат ли США второй, еще более сильный после Ирака, «нокдаун»?

Второй путь предлагается Россией и Китаем. Такому пути симпатизируют многие другие страны. Это поиски политических решений. Чтобы снять подозрения, что Иран осуществляет военную ядерную программу, Россия предложила создать на своей территории центр обогащения урана, предназначенного для его мирного использования в Иране. Россия также выразила готовность поставлять ядерное топливо для построенной с российской помощью атомной электростанции в Бушере, с условием, что Иран будет возвращать отработанное топливо. Иран на это согласился. Что касается обогащения урана на российской территории, то Иран занял позицию и не согласия, и не отказа. Остается путь и для универсального решения. В.В. Путин говорил о возможности создать центры обогащения урана на территории признанных ядерных держав для тех стран, которые осуществляют мирные атомные программы и не ставят своей целью создание ядерного оружия. Если такая сеть будет создана, то Иран может воспользоваться ею без «потери лица», на общих основаниях. Могут быть продолжены переговоры с целью введения более жесткого контроля со стороны МАГАТЭ – разумную степень жесткости способны определить признанные в мире эксперты этой международной организации.

II. Попытка давления на Россию

Как только на первый план вышла иранская ядерная проблема, Вашингтон начал организовывать пропагандистскую кампанию, обвиняя Россию в том, что она способствует Ирану в производстве ядерного оружия и средств его доставки. Во время контактов на всех уровнях – официальных и неофициальных – американские собеседники предъявляли российской стороне список адресов наших компаний, институтов, которые якобы участвуют в создании Ираном ядерного оружия. Этот список имел вполне определенное происхождение. Он слово в слово повторял «документ», с которым меня попросили ознакомиться во время визита в Израиль в 1997 году. Список был буквально состряпан – в него попали учреждения, не имеющие никаких связей с Ираном по военной ядерной проблематике, в том числе физические факультеты высших учебных заведений. Был и такой курьез: по адресу одной из организаций, указанных в списке, располагалось студенческое общежитие.

Чтобы еще раз удостовериться в необоснованности таких обвинений, нами был задан вопрос руководству ФСБ: может быть, кто-нибудь из российских граждан, принимавших участие в производстве нашего ядерного оружия, в индивидуальном качестве выезжал в Иран? Ответ был убедительным: ни один из такой категории российских граждан не выезжал за рубеж. При этом, конечно, не исключены были выезды из России во многие страны ученых, инженеров, но у нас не было никаких данных об их вовлеченности в создание ядерного оружия в Иране.

В связи с обвинениями в наш адрес, инициируемыми Вашингтоном, за спиной которого, несомненно, стоял Израиль, процитирую выдержки из записи беседы министра иностранных дел России с заместителем госсек-

ретаря США С. Тэлботтом 8 октября 1997 года. Он прибыл в Москву, когда конгресс США и американскую печать буквально захлестнули обвинения России в пособничестве Ирану в создании ОМУ и ракетной техники. Раздавались угрозы, что это приведет к резкому ухудшению российско-американских отношений, чуть ли не к возобновлению холодной войны.

Из записи беседы:

«Тэлботт: Абсолютно откровенно скажу, что нам нужно успешно преодолеть нынешний кризис в двусторонних отношениях, уже смотрящих, как говорят в Америке, “в глаза смерти”. Мы за то, чтобы США и Россия действовали совместно при решении стратегических проблем. В этом состоит позиция президента Клинтона, которая, правда, не всеми разделяется в конгрессе.

Примаков: Я вам твердо заявляю, что Россия не помогает Ирану работать над созданием ядерного оружия и средств его доставки. Российской стороне надоело постоянное будирование этого вопроса. Если американская сторона надеется на то, что на наших предприятиях или в научно-исследовательских институтах будут представители США для контроля, то можете быть уверены, этого не получится.

Тэлботт: Хочу обратить внимание на закон о санкциях против Ирана, который направлен также против заключения сделок, подобных соглашениям, подписанным, в частности, Газпромом и французской «Тоталь» о разработке нефти и газа в Персидском заливе. Предложил бы вам взглянуть на ситуацию нашими глазами. До тех пор пока останется неурегулированной проблема Ирана, соглашения, подобные подписанному Газпромом, будут продолжать будоражить конгресс, поскольку там считают, что контракт подписан от имени страны, содействующей Ирану в приобретении ракетных технологий. Вы не можете этого не понимать.

Примаков: Продолжая утверждать, что Россия помогает Ирану создавать ракетный и ядерный потенциал, американская сторона пытается, по сути, ударить по нашим экономическим связям с Ираном. Не забудьте, что у нас тоже есть парламент и общественное мнение. Наша позиция предельно ясна: для нас неприемлемо то, что США пытаются нам навязать. Скажу прямо, мы не намерены отказываться от экономического сотрудничества с Ираном. Возьмем, к примеру, наше содействие в строительстве АЭС в Бушере. Мы предложили американской стороне направить на объект инспекторов под эгидой МАГАТЭ для проверки характера создаваемого объекта. Американская сторона ответила отказом, а ведь речь идет о поставке нами в Иран таких же легководных реакторов, как те, которые США намерены поставлять Северной Корее. Что касается соглашений с участием Газпрома и компании «Тоталь», о которых вы говорили, то, если США распространят действия санкций на Газпром, мы будем рассматривать это как антироссийскую акцию. Контракт по разработке месторождений на шельфе Персидского залива не имеет никакого отношения к ракетным технологиям. Вместе с тем мы видим, что США боятся трогать «Тоталь» и другие европейские компании, чтобы не вступать в конфликт с Евросоюзом. Посоветовал бы американской стороне по меньшей мере воздержаться от селективного подхода в выборе объектов применения законов США».

В беседе были затронуты и другие вопросы. Подводя ее итоги, Тэлботт просил передать президенту Б.Н. Ельцину мнение президента Б. Клинтона о том, что, оставаясь в принципе здоровыми, американо-российские отношения должны преодолеть в своем развитии нынешний трудный момент. Я в ответ сказал, что и мы считаем необходимым двигаться дальше в направлении развития двусторонних отношений. Вкладом в это счи-

таю открытое изложение мной позиции России по иранской проблематике.

Постепенно обвинения России в помощи создания иранского ядерного оружия сошли на нет. Очевидно, администрация Клинтона пришла к выводу, что Россию не нужно «загонять в угол». Отношения с Соединенными Штатами начали выправляться. Одновременно, не скрою этого, мы не могли пройти мимо полного отсутствия конструктивизма в позиции Тегерана, что восстанавливало против него многие страны. Хотел бы подчеркнуть, что Россия принимала непосредственные усилия, чтобы найти выход из этой сложной ситуации, которая особенно нагнеталась угрозами израильского удара по иранским ядерным объектам.

О предложениях В.В. Путина в отношении обогащения иранского урана в России либо в другой «признанной ядерной державе» уже говорилось выше, а о другой важной инициативе мало что вообще известно. В апреле 2008 года в Сочи состоялась российско-американская встреча на высшем уровне. Президентами России и США была поддержана идея К. Райс, которую она высказала С.В. Лаврову в Сиднее, о предложении иранцам ввести мораторий на обогащение урана. В.В. Путин сказал на встрече с Бушем-младшим: «Нужно предложить им заявить, что они достигли, чего хотели, у них есть достаточное количество центрифуг, технологии освоения и т. д. Принимая предложение о мониторинге, они могут спасти лицо. Кондолиза сказала, что это предложение можно озвучить как мнение США, а я сказал Сергею Лаврову, что это мнение и России». При этом президентом Путиным было упомянуто, что в Иран поедет Примаков.

Действительно, я собирался полететь в Тегеран по приглашению бывшего министра иностранных дел А. Велаяти, с которым в мою бытность министром установились хорошие деловые отношения. Он не ушел из поли-

тики, оставаясь советником духовного лидера Ирана Хаменеи. Узнав о полученном мною приглашении, В.В. Путин поручил мне передать этот «сигнал» иранскому руководству. Во время моей поездки состоялись сначала встречи с А. Велаяти и М. Сафари, бывшим послом в РФ, гендиректором МИДа Ирана. У меня сложилось впечатление, что они оба настроены в пользу принятия предложения о моратории. Как им было сказано, после этого начнутся переговоры, в том числе с участием США, которые могут привести к выходу из кризиса. Оптимизм несколько поубавился во время встречи с президентом ИРИ Ахмадинежадом, который внимательно выслушал мои подробные разъяснения и сказал, что ему нужно посоветоваться перед принятием того или иного решения. Холодный душ вылился на голову на следующий день во время встречи с министром иностранных дел Ирана. Он категорически отверг идею моратория.

Все это было накануне встречи президентов прикаспийских государств. Как принято говорить, «на полях этой встречи» состоялась беседа В.В. Путина с М. Ахмадинежадом. Президент России сказал ему о полезности «вести дела более гибко», сославшись на предложение о моратории. «По-моему, – сказал Путин, – это хорошее предложение. Подумайте». К сожалению, на этом дело завершилось. Но не совсем. Через несколько месяцев мне позвонил по телефону из Тегерана Сафари, пригласив вновь посетить Иран. Я попросил продублировать это приглашение по e-mail, но оно не поступило. Тем не менее, весь этот эпизод показателен.

В Иране присутствуют различные взгляды по вопросам внешнеполитической линии. И это, можно сказать, обнадеживает. В июле 2011 года Россия вновь выступила с инициативой по урегулированию иранской ядерной проблемы, предложив вариант ее решения, который получил широкую известность под названием «план Лав-

рова». Россия предложила за каждый конкретный шаг Тегерана по выполнению требований МАГАТЭ проводить ослабление наложенных на него санкций. По словам замминистра иностранных дел России С.А. Рябкова, страны Запада готовы на уступки лишь после того, как Тегеран свернет свои ядерные программы, а иранцы требуют, чтобы сначала Запад отменил санкции и признал их право на развитие мирного атома. Смысл предлагаемого плана в том, что процесс должен идти параллельно и состоять из шагов навстречу друг другу. Будут ли сделаны такие шаги, покажет время.

Глава XX

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ЯДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО – ИЗРАИЛЬ

Здесь я хотел бы остановиться на вопросе, который обычно замалчивается, – о существовании на Ближнем Востоке государства, которое уже имеет ядерное оружие, созданное не без содействия одних западных стран при молчаливом согласии других. Речь идет об Израиле. Опасность ядерного вооружения Израиля в том, что он был и остается одной из сторон затянувшегося ближневосточного конфликта. Причем есть основания считать, что это оружие создано не только для демонстрации силы для сдерживания тех, кто угрожал или угрожает существованию Израиля. Во время войны 1973 года, когда Израиль был обескуражен своими военными неудачами, по сведениям журнала «Тайм», 13 израильских атомных бомб были привезены из пустыни и поспешно, за 78 часов, собраны в тайном подземном туннеле.

В этот момент израильтяне даже готовы были сбить американский разведывательный самолет. «Тайм» описывает, как израильские перехватчики были посланы наперерез американскому разведчику SR-71, получив приказ открыть по нему огонь. Однако разведчик шел на высоте, недоступной для израильских истребителей, и благополучно вернулся на базу с «важными данными». Нет никаких оснований считать, что США могли бы одобрить применение Израилем ядерного оружия. В этом вопросе существовал и существует общемировой консенсус. Характерно, что серьезная оппозиция ядерному вооружению Израиля появилась и в самой этой стране еще в начальный период создания ее атомной бомбы.

Показательно, что при правительстве Бен-Гуриона, узнав о военном назначении работ, ведущихся под видом мирного использования атомной энергии, шесть из семи членов израильской Комиссии по атомной энергии (КАЭ)¹¹⁸ подали в отставку и публично выступили против производства ядерного оружия в Израиле. Именно с учетом не только мирового, но и израильского общественного мнения Бен-Гурион, как и его последователи, был вынужден скрывать существование ядерной программы. К началу XXI столетия положение изменилось: есть основания считать, что большинство израильтян поддерживают линию на обладание Израилем ядерным оружием. К этому привела долголетняя неурегулированность арабо-израильского конфликта и возможная перспектива выхода на обладание ядерным оружием Ирана. Несомненно, способствовал таким переменам в общественном мнении и психологический фактор – террористические акции на территории Израиля.

Однако, по сути, отсутствуют аргументы в пользу того, что Израиль должен основывать свою безопасность на ядерном потенциале. Войны с арабскими странами Израиль выигрывал с использованием обычных вооружений. Борьба с терроризмом не требует обладания ядерным оружием. Более того, Израиль, обладающий ядерным оружием, объективно подстегивает другие государства на Ближнем Востоке к участию в ядерной гонке.

I. Кто способствовал созданию израильской бомбы

Понимая все это, Соединенные Штаты, Великобритания не поддерживали на государственном уровне Израиль в его действиях по созданию ядерного оружия. Исключением составляла Франция, да и то только временное. Но

другая картина наблюдалась на неофициальном уровне. Сразу же после образования Израиля в 1948 году были предприняты попытки поиска урана на территории страны, а также разработки технологии производства тяжелой воды. Группа израильских ученых была направлена за границу – в США, Голландию, Швейцарию и Великобританию – для специализации в области ядерных исследований. За 1955–1960 годы 56 израильских специалистов прошли подготовку в американских национальных лабораториях в Ок-Ридже и Аргоне. С 1953 года началось сотрудничество в ядерной области Израиля с Францией. В обмен на данные о технологии производства тяжелой воды и извлечения урана из фосфатов Израиль получил разрешение изучать французскую ядерную программу и участвовать в атомных испытаниях в Сахаре.

Основываясь на первых результатах такого сотрудничества, премьер-министр Бен-Гурион, поддержанный однозначным мнением двух своих главных советников и наиболее приближенных к нему лиц – М. Даяна и Ш. Переса, сразу после вывода израильских войск с Синая, оккупированного во время тройственного нападения на Египет в 1956 году, одобрил сугубо секретное решение о «развитии независимого израильского ядерного варианта»*. Это решение Бен-Гурион не довел до сведения даже членов своего кабинета, кроме Даяна и Переса. Осенью 1957 года Перес по личному поручению Бен-Гуриона провел серию конфиденциальных переговоров с представителями французского правительства, в результате которых в начале октября было заключено соглашение о поставке Францией Израилю тяжеловодного реактора, работающего на природном уране, и помощи в создании на его базе научно-исследовательского центра, сверхсек-

* *Perlmutter A., Handel M., BarJoseph U. Two Minutes over Baghdad. – L., 1982. P. 24.*

ретное строительство которого вскоре после этого началось в Димоне (пустыня Негев).

Не обошлось и без участия американцев. Консервативный контрразведывательный аппарат ЦРУ, возглавлявшийся Джеймсом Энглтоном, организовал в 1957 и 1958 годах секретную работу в Израиле нескольких ученых-ядерщиков. Можно прийти к выводу, что ЦРУ осуществляло и операцию прикрытия, – в 60-х годах американские специалисты, неоднократно посещавшие Димону, отчитывались перед общественностью: реактор в Димоне используется лишь в мирных целях. Наряду с сооружением реактора в Димоне, который с самого начала был сориентирован на производство плутония, в Нахал-Сореке с помощью США в рамках американской программы «Атомы для мира» стал строиться небольшой реактор, достигший критичности в июне 1960 года. Для обеспечения работы реактора США за 1960–1966 годы поставили 50 кг высокообогащенного урана. При этом утверждалось, что Нахал-Сорек не имеет прямого военного назначения. Но, по мнению специалистов, этот реактор создал хорошие возможности для работы экспериментаторов-ученых и инженеров, вовлеченных в «израильский ядерный вариант».

На осуществлении «израильского ядерного варианта» сказался приход к власти во Франции де Голля, который взял курс на сбалансированную политику на Ближнем Востоке и с этой целью повел дело к улучшению отношений Франции с арабскими странами. Это внесло изменения во франко-израильское сотрудничество в ядерной области. По требованию Франции Бен-Гурион был вынужден публично признать факт строительства реактора в Димоне и дать заверения, что он не будет использоваться для производства ядерного оружия. Однако это вынужденное заявление в кнессете 21 декабря 1960 года отнюдь не отражало действительного положения.

В январе 1961 года Бен-Гурион заявил послу США, что не согласится на иностранную инспекцию ядерного центра в Димоне. Он, правда, заметил послу, что готов предоставить американцам возможность время от времени посещать этот объект, но только после того, как пройдет ажиотаж, связанный с сообщениями иностранной печати об «израильском ядерном варианте».

А в то время такими сообщениями пестрели газеты почти всех западных стран. Несколько затормозились, но не прекратились работы по созданию ядерного оружия после замены Бен-Гуриона на посту премьер-министра и министра обороны Л. Эшколом. В кабинете Эшкола большую силу обрели И. Аллон и начальник генерального штаба израильской армии И. Рабин. Оба они считали, что работы в ядерной области отнимают колоссальные финансовые средства, которые с успехом могли бы быть затрачены на закупку обычных вооружений. Может быть, под давлением такого мнения Эшкол, который до вступления на пост премьера был министром финансов и хорошо знал, сколько стоит израильский ядерный проект, решил «обменять» инспекционный визит американских специалистов в Димону на согласие президента США Л. Джонсона поставить Израилю большую партию американских обычных вооружений, включая истребители-бомбардировщики «Скайхок», танки «Паттон», другие современные системы оружия.

Однако уже при премьерстве Эшкола на израильской «ядерной сцене» появляется Западная Германия. В 1968 году была осуществлена тайная сделка: Израиль передал ФРГ лазерную технологию обогащения урана и заплатил дополнительно 3,7 млн долларов США, получив в обмен 200 тонн урана. Груз был доставлен в Израиль своеобразным образом. Уран был погружен на судно «Шеерсберг» в контейнерах с обозначением «Европейское атомное энергетическое сообщество», а в Средиземном море судно было перехвачено группой сотрудников Моссада и направлено в Израиль.

II. Президент Джонсон: донесение ЦРУ не показывать никому

Эта операция была осуществлена после того, как под вопрос была поставлена ядерная программа Израиля в связи с прекращением поставок обогащенного урана из Соединенных Штатов. Началось с того, что Комиссия по атомной энергии США обнаружила несоответствие между количеством высокообогащенного урана, поставляемого американским правительством за период с апреля 1964 года по ноябрь 1965 года компании НУМЕК, и той продукцией, которую эта компания направила потребителю*.

Ответы на вопросы, связанные с периодической пропажей расщепляющихся материалов, оказались не такими уж сложными: НУМЕК официально значилась Агентством по технической консультации и подготовке специалистов для Израиля в Соединенных Штатах. В декабре 1977 года перед Комиссией по ядерному регулированию предстал заместитель директора ЦРУ по науке и технологии (с 1967 по 1976 год) Карл Дакитт. В своем заявлении на закрытом заседании комиссии Дакитт признал, что именно на то время, когда произошла утечка обогащенного урана из НУМЕК, приходится создание израильского ядерного оружия. По словам Дакитта, ЦРУ подготовило свою оценку ядерных возможностей Израиля и пришло к выводу еще в 1968 году, что Израиль уже имеет ядерное оружие. Директор ЦРУ Ричард Хелмс передал эту информацию президенту США Л. Джонсону, который просил никому ее не показывать.

Между тем ядерная программа Израиля активно развивалась при Г. Меир, которая стала премьер-министром

* См.: Atlantic Monthly. 1979. April. P. 79.

в 1969 году, после смерти Эшкола. Два наиболее рьяных сторонника этой программы – Даян и Перес – вошли в ее кабинет. Не помешало ядерной программе Израиля и назначение Рабина премьер-министром после отставки Меир и Даяна. Будучи до своего премьерства в течение пяти лет послом в Вашингтоне, Рабин в то время явно принадлежал к тем, кто считал, что независимая израильская ядерная доктрина не будет способствовать развитию отношений с США. Однако, став премьером, он не сделал ничего, чтобы помешать работам по созданию «независимого ядерного варианта» в Израиле.

В апреле 1976 года премьер-министр ЮАР Форстер посетил Израиль и подписал с ним соглашение о военном, научном и техническом сотрудничестве. На этой основе началась подготовка совместных южноафрикано-израильских ядерных испытаний в пустыне Калахари. Намеченное на лето 1977 года испытание было сорвано в результате широких протестов мировой общественности. Но через два года, уже в то время, когда премьер-министром Израиля был Бегин, американским спутником был зафиксирован ядерный взрыв близ побережья ЮАР.

Администрация США держала эту информацию в тайне, но через месяц секрет был разглашен бывшим сотрудником Госдепартамента, перешедшим на работу в телевизионную компанию Эй-Би-Си. А 22 февраля 1980 года корреспондент другой американской телекомпании, Си-Би-Эс, подтвердил, что Израиль в кооперации с южноафриканским правительством провел ядерные испытания. Ядерная программа Израиля продолжала и продолжает совершенствоваться. Израильский атомщик Мордехай Вануну, рассказавший миру о ядерных секретах Израиля и просидевший за это пятнадцать лет в израильской тюрьме, сказал, что его «тревога начала расти, когда он понял, в каких количествах Израиль производит ядерное оружие». Как известно, на основе поправки

Саймингтона – Гленна¹¹⁹ конгресс США запретил поставку вооружений из Соединенных Штатов тем странам, которые осуществляют программу создания ядерного оружия. Однако США никогда не применяли этого ограничения в отношении Израиля, хотя отлично знали об израильских военных достижениях в ядерной области.

В 1974 году ЦРУ подтвердило факт производства ядерного оружия Израилем, а Министерство обороны США объявило в июле 1975 года о поставках этой стране 200 ракет «Лэнс» класса «поверхность – поверхность», которые способны нести как обычные, так и ядерные боеголовки. Израиль получил в большом количестве самолеты F-15 и F-16, тоже пригодные для несения ядерных бомб.

III. Борьба за монополию – атака на Ирак

Приход к власти правительства Менахема Бегина в 1977 году в результате победы на выборах блока Ликуд добавил к «израильскому ядерному варианту» еще одно измерение – обеспечение израильской ядерной монополии на Ближнем Востоке. Мишенью стал Ирак, несмотря на заявление Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), что создаваемый с помощью французов ядерный реактор не приспособлен для производства сырья, необходимого для создания ядерного оружия. События развивались следующим образом. 4 апреля 1979 года три «туриста» с европейскими паспортами появились во французском городе Тулоне на берегу Средиземного моря. Через два дня еще четыре «туриста» присоединились к ним, и на двух небольших грузовиках вся группа на-

правилась к местечку Ля-Сейн-Стор-Мер, где на складах французского консорциума КНИМ находились важнейшие части реактора, предназначенные для отправки в Ирак. Последовал взрыв. 13 июня 1980 года в отеле «Меридиан» в Париже был убит египетский ученый-ядерщик Я. Мешад. Он считался лучшим арабским ученым, который когда-либо работал на ядерном реакторе в Ираке.

7 августа 1980 года около штаб-квартиры итальянской компании «СНИА Техинт» и у дома ее генерального управляющего Марио Фиорелли в Риме взорвались бомбы. Эта фирма ранее согласилась участвовать в сооружении ядерного реактора в Ираке. 7 июня 1981 года восемь израильских истребителей-бомбардировщиков F-16 под прикрытием шести истребителей F-15, нарушив воздушное пространство Иордании и Саудовской Аравии, появились в небе Ирака и атаковали ядерный реактор, который еще не был запущен. Осуществляя эту акцию, Бегин не посчитался не только с международным правом и Уставом ООН, но он поставил в тяжелейшее положение даже своего партнера по кэмп-дэвидскому процессу Садата, который буквально за несколько дней до так называемой операции «Вавилон» (кодовое название атаки на иракский реактор) встречался с Бегоном.

Уверен, что Садат не был посвящен в план операции – слишком большой риск ее провала не дал Бегину разоткровенничаться. Но в арабском мире широко распространилась версия о том, что Садат все знал заранее. Что касается Соединенных Штатов, то они по логике вещей не могли не знать о готовящейся израильской акции. Помимо всего прочего, к этому времени США уже поставили Саудовской Аравии первую партию самолетов системы АВАКС с американским персоналом, которые почему-то не обнаружили израильские самолеты, летевшие к иракской столице. Правда, когда проявилась резко отрицательная международная реакция, в том числе со стороны дружеских Соединенным Штатам стран, Вашинг-

тон осудил израильские действия и даже демонстративно приостановил поставку партии истребителей в Израиль по подписанному ранее контракту. Однако «пыль улеглась», и самолеты были поставлены.

IV. А теперь в прицеле Иран

В XXI веке, особенно после того, как премьер-министром Израиля стал Б. Нетаньяху, в мире все больше стали говорить о готовящемся израильском ударе по ядерным объектам Ирана. В самом Израиле в пользу такого удара разворачивалась пропаганда о неприемлемости создания ядерного оружия Ираном, руководитель которого публично высказался против существования Еврейского государства. Есть основания считать, что такой удар до выхода в свет этой книги не состоится, так как этому пока препятствует администрация США. Израиль может пойти на ракетно-бомбовый удар по иранским ядерным объектам и без участия Соединенных Штатов. Но навряд ли такая операция может иметь место, если США на нее не согласятся, не зажгут «зеленый свет».

Между тем подобный сценарий крайне невыгоден президенту Обаме и его окружению – наступил предвыборный период, и неизбежное обострение международной обстановки в случае израильского удара будет на руку их противникам из республиканского лагеря. Далеко не исключено также, что Иран, подвергшийся нападению, сделает все, чтобы осложнить положение в соседнем Ираке, причем в то время, когда американцы выводят из него оккупационные силы. А смогут ли США, уже будучи заангажированными в Афганистане, Ираке, взять на свои плечи груз широких военных действий, которые

весьма возможны после израильского удара? О неизбежном в таком случае росте террористической активности, направленной против США и их союзников, говорилось выше.

Накручивая антииранские настроения в Израиле, его руководители подчас вспоминают о том, какие тесные отношения были у двух стран во времена иранского шаха. Одновременно высказываются обвинения в адрес тех, кто после исламской революции развивает экономические отношения с Тегераном и даже продавал ему некоторые оборонительные виды вооружений. В этой связи хотел бы напомнить об одном историческом эпизоде, главными действующими лицами которого «за кулисами» были Израиль и Соединенные Штаты.

V. Израиль и «Ирангейт»

После свержения в январе 1979 года шахского режима чрезвычайно напряглись американо-иранские отношения. В ноябре 1979 года в качестве заложников были взяты сотрудники посольства США в Тегеране. В ответ Соединенные Штаты разорвали с Ираном дипломатические отношения и ввели эмбарго на торговлю с ним, заморозили иранские вклады в своих банках. После достижения соглашения об освобождении заложников США в январе 1981 года сняли экономическую блокаду, но сохранили запрет на продажу Ирану оружия. Однако оставался нерешенным вопрос об освобождении нескольких американцев, захваченных в Ливане группировкой «Хизбалла», тесно связанной с Ираном. В то время помощником по национальной безопасности президента США был Роберт Макфарлайн, который настаивал на проведении

тайных операций против Ирана. Но проведение таких операций было затруднено: те контакты, которые существовали у ЦРУ с шахской спецслужбой САВАК, были прерваны, и американская разведка практически не имела надежных связей, на кого можно было опереться в Тегеране.

В тех условиях верх взяла группа, предложившая сыграть такой картой, как поставки Ирану необходимого ему американского оружия, и таким путем обрести влияние на его руководство. Естественно, что одной из главных целей при этом было освобождение заложников – граждан Соединенных Штатов. Два сотрудника СНБ, Дональд Фортиер и Говард Тичер, подготовили проект директивы для обоснования необходимости сблизиться с Ираном. Как впоследствии выяснилось комиссией конгресса, которая была создана для расследования «ирангейтских» событий, такая директива не была передана президенту Рейгану на подпись потому, что в последний момент посчитали невозможным идти официальным путем. И тогда предложил свои услуги Израиль, ставший главным каналом для тайных сделок с Ираном.

Естественно, Израиль преследовал свои собственные цели, и далеко не только коммерческие, хотя и они, бесспорно, существовали. Бывший тогда премьер-министром Перес хотел еще больше сблизиться с США, показав им незаменимость израильского механизма для осуществления американских тайных операций на Ближнем Востоке. Другой задачей было сближение, как это ни звучит парадоксально, с исламским Ираном. Израильское руководство понимало невозможность восстановления тех глубоких и обширных связей, которые были у Израиля с шахским режимом, но стремилось установить контакты с Ираном после того, как этот режим ушел в небытие. Иначе трудно понять, почему Перес с января 1985 года неоднократно собирал на закрытое обсуждение этих вопросов не только торговцев оружием А. Швим-

мера и Я. Немроди, но и генерального директора МИД Израиля Д. Кимхе. Во время этих совещаний было выработано предложение поставить Ирану находящиеся на вооружении Израиля противотанковые ракеты «ТОУ» и зенитные ракеты «Хок» американского производства. Но, конечно, предполагались гарантии, что переданные Ирану ракеты будут восполнены дополнительными поставками Израилю из США.

Хочу подчеркнуть: эта схема была инициативно разработана израильскими должностными лицами. Незамедлительно начались действия. В мае 1985 года Перес встретился с консультантом СНБ Майклом Лидином – заместителем директора аппарата СНБ США подполковника Оливера Норта. По словам Лидина, Перес попросил его сообщить Макфарлайну о готовности Израиля продать оружие Ирану, в случае если не последует возражений от правительства США. Возражений не последовало. По предложению Макфарлайна президент Рейган созвал узкую Группу планирования по национальной безопасности – обычно на заседаниях этой группы обсуждали самые закрытые вопросы. Были приглашены госсекретарь Дж. Шульц, министр обороны К. Уайнбергер, директор ЦРУ У. Кейси, вице-президент Дж. Буш, Р. Макфарлайн и его заместитель адмирал Пойндекстер. Спустя несколько дней после заседания Рейган позвонил Макфарлайну и заявил о своем согласии на продажу Израилем запрошенного Ираном оружия с соответствующей компенсацией Тель-Авиву.

Конгресс США ни о чем в этой связи информирован не был. 20 августа Лидин в Лондоне передал Кимхе секретный код для непосредственного информирования о всех деталях сделки помощника президента США по национальной безопасности. Через десять дней первая партия из 100 ракет «ТОУ» оказалась в Иране. Однако это пока еще не привело к освобождению заложников. Тегеран потребовал дополнительной продажи 400 ракет.

Израиль согласился. 14 сентября в иранском городе Тебризе были разгружены доставленные из Израиля 408 американских ракет. На следующий день был освобожден захваченный в Иране священник Бенжамин Уэйр. Министр обороны США Уайнбергер дал указание возместить Израилю ракеты, отправленные в Иран. Не кто иной, как Кимхе, привез Макфарлайну предложение об отправке третьей партии оружия из Израиля в Иран – на этот раз зенитных ракет «Хок». В это время к сделке подключился и министр обороны Израиля И. Рабин, который, надо отдать должное, главным образом заботился о компенсации Израилю поставками американских ракет.

Американцы не были довольны в полной мере, так как оставались неосвобожденными некоторые заложники, а самое главное – пока не удавалось установить доверительные отношения с какой-либо группой руководителей в Иране. Аппарат СНБ решил взять все дело в свои руки. После отставки Макфарлайна 30 ноября помощником по национальной безопасности Рейгана был назначен адмирал Пойндекстер.

Израильтяне, не желавшие оставаться на обочине операции, довели до него 2 января 1986 года новую идею, разработанную помощником израильского премьер-министра по вопросам борьбы с терроризмом (!) А. Ниром. Она заключалась в следующем: 20 членов вооруженной группировки «Хизбалла», захваченные ливанскими произраильскими силами на юге Ливана, передаются Израилем Ирану с одновременной поставкой 400 ракет «ТОУ». Взамен уже сама «Хизбалла» должна освободить всех американских заложников. Сделка не предусматривала прекращения обстрела «Хизбаллой» Северной Галилеи – руководители Израиля, очевидно, не хотели утяжелять торг. Израильский план был принят в Вашингтоне. Первая партия ракет «ТОУ» из Эйлата была доставлена на израильском самолете в иранский город Бендер-Аббас 18 февраля, а вторая – 27 февраля.

Но никто из заложников освобожден не был. Израильский канал не срабатывал.

Тогда в Тегеран направилась американская делегация во главе с Макфарлайном, который уже действовал как «частное лицо». В составе его делегации был назначенный израильским премьер-министром его представитель А. Нир, которого в Тегеране выдали за американца. Потом поездка в Лондон, потом тягучие переговоры в других городах. В конце концов, один из ливанских журналов опубликовал материал о визите Макфарлайна в Иран, и поднялась буря негодования в США. Стала вырисовываться и другая сторона сделки – вырученные от продажи ракет Ирана деньги поступали никарагуанским «контрас». Разоблачения накапливались как снежный ком. В декабре 1986 года Рейган в радиообращении к нации признал, что были «допущены» ошибки в отношении Ирана. Были объявлены отставки помощника по национальной безопасности Пойндекстера и подполковника Норта, учреждена специальная комиссия во главе с сенатором Дж. Тауэром для рассмотрения роли и методов деятельности аппарата СНБ «в проведении внешней политики и политики в области национальной безопасности».

Слушания в конгрессе США по делу «Иран – “контрас”» продолжались почти три месяца. В Израиле же никаких расследований не проводилось. А президент Дж. Буш в 1992 году, за две недели до своего ухода с поста президента, амнистировал участников «Ирангейта».

Глава XXI

«АРАБСКАЯ ВЕСНА»

То, что произошло на Ближнем Востоке и в Северной Африке весной 2011 года, было беспрецедентным. Одна за другой вспыхнули широчайшие антирежимные демонстрации – сначала в Тунисе, потом в Египте, затем в Йемене, Ливии, Бахрейне, Сирии. Всплески этой волны достигли также ряда других арабских стран. Взрыв недовольства широких народных масс на этот раз был направлен не против иностранных, а уже «своих» режимов. Требования, провозглашенные на каирской площади Ат-Тахрир, а также в других арабских странах и городах, имели общечеловеческий характер – честные выборы, свобода слова и демонстраций, отказ от авторитаризма, внедряющего коррупцию во все поры социально-экономической жизни. Даже в Бахрейне, где столкновения произошли между представителями двух исламских направлений – шиитского большинства населения и суннитского меньшинства, находящегося у власти, события не приняли религиозной окраски: все свелось к требованиям равноправия, отказа от дискриминации, борьбы с коррупцией.

I. Эксперты просчитались

«Арабская весна», которая привела к свержению президента Туниса Бен Али, президента Египта Хосни Мубарака, находившихся десятилетиями у власти, и серьезно

расшатала авторитарные режимы в ряде других арабских стран, стала неожиданностью для многих экспертов, в том числе, надо признать, и автора этой книги. Приведу ряд «нестыковок» с действительностью, широко распространенных до «арабской весны». Практически все эксперты исключали возможность одновременных антирежимных выступлений в большинстве арабских стран – сказывалось, нужно сказать, справедливое понимание того, что на смену общеарабской идее еще в прошлом веке пришли в арабском мире страновые национализмы. Но при этом недооценивалось влияние таких достижений современной цивилизации, как телевидение, Интернет, мобильные телефоны – все то, что способствовало процессу «домино», то есть распространению событий, начавшихся в Тунисе, на другие арабские страны.

Заблуждением оказалось и то, что революционный процесс в арабских странах, мол, ушел в прошлое после победы над колониализмом. Еще один вывод, не подтвержденный событиями 2011 года, заключался в том, что возможные перемены в характере власти в арабских странах связывались лишь с одной перспективой – победой исламских экстремистов. Антирежимные силы в различных арабских странах, конечно, разнятся друг от друга. Но исламские экстремисты – я подчеркиваю: экстремисты – ни в одной из стран «арабской весны» не возглавили демонстрантов. Показательна в этом плане прямо противоположная реакция на каирские события двух религиозных лидеров, которая, как мне представляется, диктовалась, скорее, политическим восприятием происходящего. Духовный руководитель Ирана аятолла Хаменеи назвал эти события «исламской революцией» против Мубарака, сотрудничавшего с США и Израилем, а главный муфтий Саудовской Аравии назвал антирежимные выступления в Египте «заговором врагов ислама и тех, кто их поддерживает».

Недопонимание выразилось также в недооценке возрастающей роли молодежи в арабском мире. После того,

как поднялась революционная волна в Тунисе, египетское молодежное «Движение 6 апреля», насчитывающее, по некоторым источникам, 70 тысяч членов, объединенных главным образом социальными сетями Facebook и Twitter, прибегло к он-лайн активности, призывая включиться в антимубаракские демонстрации. Неожиданным для многих наблюдателей, преимущественно из России, Китая, целого ряда азиатских, африканских, латиноамериканских стран, привыкших видеть за всеми разворотами на Востоке «руку Вашингтона» или другой западной державы, стало то, что «арабская весна» не была организована извне. США и их союзников устраивали режимы, во всяком случае, в Тунисе, Египте, Йемене, Бахрейне. С ними были установлены тесные отношения. Они проводили политику, направленную против исламистов-экстремистов, боролись с террористическими организациями, тесно сотрудничали с Соединенными Штатами.

Но, может быть, США и их союзники, понимая недостаточную устойчивость этих авторитарных и коррупционных режимов, все-таки сыграли роль в организации «арабской весны», которая в дальнейшем вышла из-под их контроля? В отношении Туниса, Египта, Йемена, Бахрейна я не разделяю такого мнения. Однако, как показывают события, это не означает пассивности США и других стран НАТО, делающих все возможное, чтобы уменьшить для себя потери от «арабской весны», закрепились на образующихся новых позициях в арабском мире. Более того, в Ливии и Сирии страны НАТО «включились» в «арабскую весну», стали использовать ее в стратегических интересах Запада. В Ливии были предприняты прямые действия НАТО для свержения режима М. Каддафи. Трудно избавиться и от ощущения действий извне с целью организовать и направить оппозицию для свержения режима Б. Асада в Сирии.

II. США: от оцепенения к активности

Во время начала массовых демонстраций в Египте с требованием отставки президента Мубарака я находился в Вашингтоне, где академиями двух стран был организован круглый стол для обсуждения темы урегулирования арабо-израильского конфликта. С американской стороны участвовал ряд именитых дипломатов – бывших послов США на Ближнем Востоке и действующих представителей госдепа. Встречался также с бывшими своими коллегами, в том числе с Мадлен Олбрайт.

Сложилось впечатление, что широкие выступления против тех арабских режимов, которые считались надежными партнерами США, вызвали в Вашингтоне настоящий шок. В печати, правда, появились сообщения с сайта WikiLeaks, что американский посол в Каире Маргарет Скуби сообщала шифротелеграммой в Вашингтон в 2008 году о контакте с представителем египетской молодежной оппозиционной организации. Но Скуби тут же оговаривалась, что эти связи незначительны, а планы, вынашиваемые оппозицией, представляются неосуществимыми. После первоначального оцепенения, вызванного «арабской весной», Вашингтон развил небывалую активность.

Президент Обама, как мне говорили достаточно осведомленные люди, буквально не отходил от телефона, разговаривая с Мубараком. Постоянная связь поддерживалась с генералом Сулейманом, назначенным в начале событий в Египте вице-президентом. Активно контактировали с египетскими военными чины Пентагона. Были основания считать, что США, убедившись в широком охвате Египта революционным порывом, вначале сделали ставку на генерала Сулеймана, предполагая, что он сможет заменить Мубарака. Такая линия не афишировалась, тем более после того, когда генерал Сулейман, тесно свя-

занный с Мубараком бывший руководитель Общей разведки, вынужден был сойти со сцены.

Именно в тот период особенно громко из Вашингтона начали призывать к демократическим изменениям в Египте. Не в последнюю очередь это произошло из-за опасения, что демонстрации примут в том числе и антиамериканский характер. В создавшихся условиях США пошли по пути поиска решения, которое позволило бы совместить имидж поборника демократических перемен с сохранением у власти в Египте сил, пусть не излучающих демократию, но приемлемых для США. В Вашингтоне не забывают, что Египет, самая большая по населению – 80 млн – и самая влиятельная в арабском мире страна, по территории которой проложен Суэцкий канал – основной путь супертанкеров, груженых нефтью для США. Показательно заявление госсекретаря Х. Клинтон на первой глобальной конференции американских послов: «Последние события на всем Ближнем Востоке показали, как быстро земля может уйти из-под ног и насколько важно для нас сохранить лидирующие позиции в мире». Она обвинила дипломатов США, которые, по ее словам, проглядели последние события в Египте, Тунисе и других арабских странах, так как слишком увлеклись отчетами, «не выходя за стены посольств».

Проглядывает стремление США сохранить свои позиции в Египте после «арабской весны», сочетая декларирование поддержки демократических перемен с опорой на армию. В Вашингтоне понимают, что революционный сдвиг не сломал государственной структуры, стержнем которой служит египетская армия. Она деполитизирована – не то что было при Насере. Но армия в Египте продолжает играть очень большую роль. После свержения короля Фарука четыре президента страны – Нагиб, Насер, Садат и Мубарак – были военными. Больше половины губернаторов в Египте – тоже бывшие военные. Военными контролируется значительная часть экономики. Можно считать, что армейскую верхушку устраивал

режим Мубарака. Однако армия не была задействована против антимубаракских демонстраций.

Трудно предположить, что Вашингтон не будет укреплять свои связи с египетской военной верхушкой и после выборов в Египте. Рассчитывать на то, что армия в Египте уйдет в казармы с политической сцены и из экономической жизни, не приходится. Картины не изменит и отказ армии выставить своего кандидата на президентских выборах. Продолжающаяся ставка США на армию порождается и неопределенностью, царящей на политическом поле после «арабской весны». Сказывается и то, что США опасаются, как бы не переиграть с требованием демократизации, что может обернуться антиизраильским креном в политике «послевесеннего» арабского мира.

Такой крен уже наблюдается в Египте, где антиизраильские настроения 10 сентября 2011 года привели к нападению на посольство Израиля. В результате весь состав посольства во главе с израильским послом был вынужден срочно покинуть Египет*. Нападавших на посольство подогрела гибель египетских пограничников на Синае, которые стали жертвой израильского обстрела пограничного района Газы, – власти Израиля заявили о случайном попадании в здание египетского погранпоста. Так или иначе, но удары с воздуха по Газе – нет оснований считать, что Израиль откажется от такой практики в ответ на ракетные обстрелы своей территории из Газы, – могут все больше втягивать в прямые антиизраильские действия получившую гораздо большую свободу, чем при Мубараке, египетскую «улицу». Об этом свидетельствует и серия взрывов трубопровода, по которому из Египта в Израиль поступает газ.

Пока антиизраильские акции не стали политикой новых египетских властей. Но «послевесенняя» обстановка явно сужает поле их маневрирования. Все страны «араб-

* Позже посол Израиля возвратился в Каир.

ской весны» объединяет недовольство авторитарными режимами, но в отношении каждой из этих стран просматриваются различные нюансы политики США. Примером может служить Бахрейн, где массовое движение против господствующей суннитской верхушки было подавлено солдатами, переброшенными из Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов.

Американские борцы против авторитарных режимов и ревнители демократии в этом случае промолчали. Не исключая, что Вашингтон опасался, что за спиной антирежимных шиитских масс в Бахрейне ведет свою игру Иран. Но, может быть, это главное – в Бахрейне базируется 5-й флот Соединенных Штатов. Газета «Уолл-стрит джорнал» со ссылкой на высших американских официальных лиц писала: «Все, что делают США в ответ на события на Ближнем Востоке, просматривается через призму – навредит ли это или будет способствовать Ирану»^{*}.

Очевидно, это в полной мере отражается на американской линии в отношении Сирии. У Сирии действительно тесные отношения с Ираном. Логику этого можно понять хотя бы из тех бесед, которые мне довелось иметь с отцом президента Башара Асада Хафезом Асадом. Он говорил не раз, что Сирия не может в одиночку противостоять Израилю, особенно когда Египет и Иордания вышли из активной фазы борьбы. Дамаск все время опасался – я думаю, это сохранилось до сегодняшнего дня – военного столкновения с Израилем. Свержение существующего режима в Сирии стало целью США, которые воспользовались недовольством сирийского населения отсутствием демократических реформ в стране. Газета «Вашингтон пост» 18 апреля 2011 года со ссылкой на сайт WikiLeaks сообщала, что Госдепартамент США тайно финансировал сирийскую политическую оппозицию. Создалась своеобразная обстановка: под давлением

^{*} The Wall Street Journal. 2011. 23 March.

недовольства значительной части населения Башар Асад провозгласил серьезные меры в области демократизации. Он отменил чрезвычайное положение, отправил в отставку правительство, объявил о прекращении монополии партии «Баас» на власть, о переходе к многопартийной системе.

Это лишь главные шаги, которые были сделаны президентом Б. Асадом, но совершенно ясно, что приступить ко всем этим мерам он не мог в условиях дестабилизации обстановки в целом ряде городов Сирии. А эта дестабилизация, можно считать, поддерживается извне, и не только пропагандистскими усилиями или санкциями, вводимыми США и Европейским союзом против Сирии. Все очевиднее становится, что оппозиционеры – это не только мирные демонстранты, а вооруженные люди, оказывающие сопротивление полиции и армии. Однако армия, пытаясь нейтрализовать повстанцев, тоже пролила кровь, и немалую. Все, вместе взятое, скажется на судьбе существующего в Сирии режима.

Эффект «домино» проявился в широчайших демонстрациях и в Йемене с требованием демократии, свободы, работы для молодежи, отказа от долголетней диктатуры президента Али Абдаллы Салеха. Но, несмотря на сотни убитых и раненых среди демонстрантов, не в пример своей политике в Сирии, США не выступили против Салеха, заняв сдержанную позицию. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что он сотрудничал с США против местного филиала «Аль-Каиды» и противился расширению влияния Ирана на шиитскую часть населения страны. Но главное, что определяет политику США и их союзника Саудовской Аравии в Йемене, – это опасение, как бы события в этой стране не распространились за ее пределы. Демократизация правящего йеменского режима при таком подходе нечто второстепенное, а может быть, и несущественное.

Разброс политики США в отношении арабских стран, охваченных антирежимными выступлениями весной – летом 2011 года, вызван в первую очередь тактическими соображениями. Вместе с тем следует предположить, что Вашингтон озабочен необходимостью определенной модификации своего ближневосточного курса в целом. По сведениям Джеральда Сейба и Билла Спиндла – руководителей вашингтонского и ближневосточного бюро газеты «Уолл-стрит джорнал», – «арабская весна» вызвала изменения в американском госаппарате: «В разведке число сотрудников со знанием арабского языка утроилось. В Госдепартаменте теперь на 500 больше сотрудников со знанием арабского. Новое разведподразделение собирает информацию из большого числа ранее игнорировавшихся изданий, телеканалов и из Интернета»*.

Делать вывод, какие в целом параметры приобретет курс США в арабском мире, преждевременно, но уже сегодня можно предположить, что Вашингтон сделает ставку на те институты, инфраструктуры, которые при прежних авторитарных правителях обеспечивали стабильность в американских интересах. Другим элементом этого курса станет развитие контактов с умеренными исламскими кругами. 30 июня 2011 года, выступая на пресс-конференции в Будапеште, госсекретарь США Хилари Клинтон объявила об установлении контактов с египетскими «Братьями-мусульманами». «В условиях изменяющегося политического ландшафта в Египте в интересах Соединенных Штатов иметь дело со всеми партиями, которые придерживаются мирных установок и не связывают свою деятельность с насилием», – так объяснила Клинтон новый элемент в американской политике на Ближнем Востоке.

Очевидно, и Россия должна быстрее приспосабливать свою ближневосточную политику к новым реалиям.

* The Wall Street Journal. 2011. 8 September.

III. Ливия: опять «демонстрационная мишень»

В августе 2011 года я получил приглашение от редакции «Лента.Ру» провести интернет-конференцию. За неполные сутки после объявления об этом поступила масса вопросов – настолько много, что редакции пришлось закрыть прием раньше, чем она предполагала. Это свидетельствует о том, насколько близко к сердцу наши люди восприняли происходящее в Ливии. Ответить каждому отдельно, естественно, не мог. Поэтому сгруппировал вопросы по темам. Ниже следуют мои ответы. О внутренних и внешних причинах произошедшего в Ливии. Согласен с теми, кто считает, что при Каддафи в Ливии довольно высоко поднялся уровень жизни, население пользовалось рядом привилегий. В результате продолжительность жизни достигла 74 лет, а уровень грамотности составил 88 процентов. Но это одна сторона.

Другая заключается в том, что в Ливии было установлено типично диктаторское правление, где все решал один человек – Муаммар Каддафи, который периодически жестко расправлялся с теми, кто ему перечил или просто вызывал у него подозрение. Ливия – племенное государство, и многое зависит от племенной расстановки сил. В 1969 году Каддафи сверг короля Идриса, который еще до того, как стал королем, возглавлял исламскую общину сенуситов* и опирался на Бенгази, на восточные ливийские племена. Опорой режима Каддафи в основном были племена на западе страны – в Триполитанской части.

Когда антирежимные демонстрации вспыхнули в граничащих с Ливией Тунисе и Египте, где в результате масштабного народного протеста ушли с постов прези-

* Сенуситы, в отличие от суннитов из Триполитании, более радикальные исламисты.

денты Бен Али и Мубарак, трудно было ожидать, что эти события обойдут стороной Ливию. Я не думаю, что Франция, Великобритания или США изначально организовали выступления в Бенгази против Каддафи. Но то, что они активно подключились и стали играть определяющую роль в свержении режима Каддафи, – это непреложный факт.

Западные средства массовой информации и ряд российских СМИ, которые пошли за ними, провозглашали, что Каддафи и его сторонники уничтожают мирное население. Режим чуть ли не обвинили в геноциде собственного народа. Конечно, при гражданской войне жертвы среди мирного населения неминуемы, но не более того. Большие жертвы среди сражающихся двух сторон и мирного населения проявились на этапе взятия Триполи, обеспечиваемого интенсивными атаками ВВС НАТО. И не только. Слишком быстрое взятие ливийской столицы повстанцами после полугодового периода «топтания на месте» плохо вооруженных и не обученных военному делу людей ряд наблюдателей объясняет участием в атаке на Триполи британского и французского спецназов. О том, что эти спецназы находятся в Ливии, стало «секретом полишинеля».

В целом я не верю в конспирологическую теорию: ни в то, что война в Ливии была изначально организована западными спецслужбами, ни в то, что головорезы Каддафи расстреливали мирных жителей.

Что лежит в основе действий НАТО в Ливии? Конечно, не опасение, что непредсказуемый Каддафи может подорвать международную финансовую систему, опирающуюся на доллар и евро. Призывы Каддафи к арабским и африканским странам перейти к расчетам в золотых динарах и создать с этой целью единое государство – явно бесперспективны. И те, кто направляет политику НАТО, этого не опасаются. Но чего реально они боятся – это последствий заявления в 2009 году малопредсказуе-

мого Каддафи о возможности национализации нефтяной и газовой отраслей в Ливии. Раскручивалось недовольство (особенно Франции и США) также тем, что Ливия стала одним из основных рынков для современных систем вооружения из России*. Недовольство позицией Каддафи – не по вопросам государственного строительства или его антидемократических методов, а в отношении ливийских природных ресурсов и внешнеполитической линии – накапливалось.

Думаю, что неслучайно это недовольство переросло в атаки НАТО против Ливии именно во время революционного подъема во многих арабских странах. Ливия, очевидно, стала «демонстрационной мишенью», чтобы приструнить тех, кто осмеливается думать, будто «арабская весна» может привести к ослаблению позиций США и их союзников в арабском мире. В Египте и Тунисе сложилась ситуация, при которой вооруженное вмешательство США и их союзников в защиту вполне устраивавших их ранее президентов полностью исключалось. В Ливии ситуация была принципиально иной преимущественно по двум причинам. Во-первых, у власти в этой стране находился человек, который периодически вызывал своим поведением, мягко говоря, осуждение мирового общественного мнения. Да и не только на Западе, но и среди большинства арабских государств. Во-вторых, открытое вмешательство извне во время «арабской весны» ни в Египте, ни в Тунисе не могло быть осуществлено под демократическими лозунгами, а в Ливии как раз такая возможность возникла, чем и воспользовались.

Какова роль США? Вашингтон в первые дни авианалетов на Ливию отозвал свою авиацию. С этого момента в бомбардировках в Ливии не участвовали американские самолеты и вертолеты. Представляется, что такой маневр был осуществлен США по чисто внутренним причинам.

* Подробнее об этом в главе XIII этой книги.

В 2012 году выборы президента, и Обама и его окружение стремятся хоть как-нибудь облегчить свою предвыборную «лодку», которая уже зачерпнула много воды из-за нелегкого экономического положения в США, да и двух дорогостоящих операций – в Ираке и Афганистане. Но формальное неучастие в бомбардировках отнюдь не идентично отходу США не только от моральной поддержки, но и от фактического руководства операцией НАТО в Ливии.

Ведущая роль, которую взяла на себя Франция, очевидно, объясняется опять-таки внутренними причинами – Саркози заинтересован в том, чтобы поднять свой невысокий рейтинг за счет «авангардной борьбы» за свободу и демократию в мире.

Каково будущее Ливии? Приход к власти в Ливии сразу после Каддафи нового диктатора представляется невозможным. Но вывод о невозможности относится и к перспективе создания после свержения режима Каддафи правительства, опирающегося на западную модель демократии. Скорее всего, после Каддафи будет установлен «коллективный» авторитарный режим, несколько одобренный отдельными элементами демократии. Но главное в том, справятся ли новые власти с хаосом, в который погружена Ливия. Изменения в соотношении племенных сил угрожают территориальной целостности страны. Неопределенность в будущее Ливии вносит и разношерстность повстанцев, захвативших Триполи. В их составе есть небольшой слой либерально настроенных людей, но не они, судя по всему, преобладают. Сильны позиции у исламских экстремистов. Об этом косвенно свидетельствует обращение сына Каддафи¹²⁰ к исламистам с призывом «отойти от либералов» и вступить в альянс с режимом. Он даже назвал корреспонденту «Нью-Йорк таймс» цену, которую готов заплатить за такое ослабление повстанцев: «Если Ливия будет выглядеть как Саудовская

Аравия или Иран – что из этого?»*. Нельзя исключить, что среди новых властей начнется драчка, а это конечно же не будет способствовать стабилизации обстановки в Ливии.

К тому же в стране отсутствуют признаки существования государственной инфраструктуры, которую придется создавать заново, а задача это нелегкая, и решить ее в короткий срок невозможно. Газета «Нью-Йорк таймс», которую трудно обвинить в нагнетании страстей в отношении будущего Ливии, писала, что после Каддафи не осталось почти никаких институтов, способных руководить этой страной. Как тут не вспомнить Ирак, который не выходит из хаоса после военной операции США. В сложившихся условиях Россия – и я считаю это верным шагом – заявила, что будущим Ливии должна заниматься ООН, а не США, Евросоюз или НАТО. Такой демарш важен также и потому, что не исключены попытки НАТО поставить у власти в Ливии послушное правительство.

Наконец, не думаю, что удастся окончательно нейтрализовать или сделать послушными племена, на которые опирался полковник. А это еще один показатель того, что вооруженная атака НАТО не могла стать и не стала средством перевода этой страны в спокойное состояние, создания условий для мирной и благополучной жизни ливийцев.

IV. Влияние «арабской весны» на остальной мир

Отвечу сразу тем, кто спрашивает, не отразятся ли события, развернувшиеся в арабском мире, на Северо-Кавказском регионе России. Боевики на Северном Кавказе и

* Старший сын Каддафи, который цитируется, был захвачен в плен, и его участь на момент выхода книги неизвестна.

участники «арабской весны» – не одно и то же. Однако нельзя полностью абстрагироваться от того, что одним из главных мотивов отсутствия спокойствия на Северном Кавказе является широкое, еще большее, чем в остальной России, распространение коррупции. Необходимо принять все возможные меры, чтобы обуздать ее. Этот вывод имеет еще большее значение для центральноазиатских стран – бывших республик СССР. Болтовня известного своими антироссийскими настроениями американского сенатора Маккейна породила один из заданных мне вопросов: используют ли США и их союзники по НАТО «ливийскую модель» в будущем против России или Китая? Не сомневаюсь, что эти две страны далеко не Ливия по своим возможностям ответить. И это, думаю, учитывается.

В этой связи процитирую обнародованную WikiLeaks шифротелеграмму заместителя посла США в Москве Д. Рассела. «Несмотря на наше недовольство тем курсом, который избрал Путин, в частности, сверхцентрализацией политической власти и политикой по отношению к соседям, значение России для интересов США в течение многих лет будет огромным, – пишет дипломат. – России девяностых годов – с экономикой в состоянии коллапса и кучей внутренних проблем – больше нет. Вооруженная углеводородами, валютными резервами, поддержкой властей со стороны народа, ядерным оружием и правом вето в Совете Безопасности ООН, Россия вновь заявляет о себе на мировой арене. Как бы трудно ни было порой вести дело с Москвой, мы не можем просто игнорировать или обходить ее, так как ее позиция по слишком многим критическим для нас вопросам значит слишком много»*.

А теперь о влиянии событий «арабской весны» на различные части арабского мира. Уверен, что в какой-либо стране, охваченной «арабской весной», произойдет

* Коммерсантъ. 2011. 29 августа.

непосредственный переход к демократическим системам правления. Нужно учитывать и историю, и менталитет, и расстановку сил, и религиозный фактор в этих странах. Но в результате «арабской весны» они примут некоторые элементы демократии. Сегодня, когда уже пройдена кульминация «арабской весны», маловероятно, что ее волны захлестнут Алжир, Марокко, аравийские монархии. Вместе с тем, события в Египте и Тунисе уже оказали влияние и на те арабские государства, где не состоялась «арабская весна». Опасаясь системы «домино», их правители предприняли меры, чтобы сбить существующее недовольство народных масс. Король Саудовской Аравии, например, внес в «копилку народного благополучия» дополнительно 32 млрд долларов.

Действия НАТО в Ливии представляют опасный прецедент: применяется аморфная резолюция Совета Безопасности ООН 1973 для легализации вооруженного вмешательства с целью поддержки одной из сторон в гражданской войне, вспыхнувшей в суверенной стране. Вместе с тем в момент принятия резолюции, разрешающей закрыть ливийское небо во избежание ударов авиации Каддафи по мирному населению, ее поддержали очень многие государства – члены ООН, даже Лига арабских государств. А Россия и Китай не применили право вето. В тот момент считанные часы отделяли войска Каддафи от взятия Бенгази. И если бы они туда прорвались, там произошло бы страшное кровопролитие, особенно во время боев в городских условиях.

Полагаю, что мы не применили право вето и многие государства поддержали резолюцию Совета Безопасности ООН потому, что все опасались кровопролития. Резолюция привлекла многие государства и потому, что она исключала возможность наземной операции с целью оккупации любой части Ливии. Однако мне кажется, над этой резолюцией стоило еще поработать, чтобы убрать из нее отдельные положения, которые сейчас трактуются

так, будто они позволили НАТО вести разнузданные военные действия, обеспечивая ликвидацию режима Каддафи.

Не хочу уходить от вопросов – их было несколько – о снятии нашего посла. Будучи министром иностранных дел, я с близкого расстояния наблюдал за соотношением функций посла и Центра. Конечно, политическая линия отрабатывается в Москве, а посол России должен ее осуществлять. Это не снимает с посла обязанности конфиденциально докладывать Центру об истинном положении дел в стране пребывания и давать на этот счет рекомендации. Если эти рекомендации не отвечают намеченной Центром линии, то посла можно вызвать в Москву, обладающую более широкими информационными возможностями, которые кладутся в основу политики. Прямо скажу, та форма увольнения, в которой произошел отзыв нашего посла в Ливии, мне не импонирует.

События в Ливии, уверен, будут учитываться теми, кто вырабатывает внешнюю политику России. Естественно, ни в коем случае эти события не должны подтолкнуть к возвращению холодной войны. Но Россия уже дала понять, что займет позицию против повторения ливийской операции НАТО в Сирии или другой стране. Именно поэтому, несмотря на давление США и их союзников, Совет Безопасности ООН не может провести антисирийскую резолюцию, прямо или даже косвенно дающую право на вооруженное вмешательство с целью свержения режима Асада.

Я категорически не согласен с западными политологами, которые зачисляют в категорию «арабской весны» все арабские страны, охваченные антирежимными демонстрациями. Демонстрации демонстрациям – рознь. В Сирии, так же как и в Ливии, они сразу перешли в вооруженное сопротивление властям. Этого не было ни в Египте, ни в Тунисе. Считаю, что по поводу событий

в Ливии и Сирии происходила и происходит массированная дезинформация в СМИ. Она поступает с двух сторон, вовлеченных в конфликт, но основная ее часть отвечает интересам сил, выступивших против режима Каддафи, их покровителей и пособников. На вопросы о том, встречался ли я с Каддафи, сказал – встречался и не однажды. Не считаю его ни социалистом, ни фашистом. Это типичный бедуинский вождь, стремившийся построить государство по образцу своего племени и верящий в свою «звезду». Во время встреч со мной он был вполне адекватен. Сказал, что на ряд вопросов ответ дать не могу, так как они адресованы скорее тем, кто в России руководит и принимает решения, а я уже давно не состою на государственной службе. На вопрос, как отнесутся к событиям в Ливии через сто лет, тоже не отвечу – я не последователь покойной Ванги, о пророческих достоинствах которой ныне так много говорят в наших телепередачах.

V. Последствия «арабской весны»

События, развернувшиеся после смены авторитарных режимов, подтвердили, что на Арабском Востоке западная модель демократии абсолютно неосуществима. Очевидно, нереалистично предполагать, что модель западной демократии станет приемлемой и для тех, кто приходит к власти в Египте и Тунисе. На смену свергнутым авторитарным правителям могут прийти такие же авторитарные власти, может быть, несколько смягченные в своем авторитаризме революционными событиями. Но «арабская весна» все-таки не уйдет в небытие. Меры хотя бы по частичной демократизации арабских стран становятся необходимыми не только для новых руководителей, но и «старых», которые сохранились у власти. Дифференциа-

ция, по-видимому, усилится и в лагере исламистов в пользу конституционной деятельности. Огромное воздействие на соотношение политических сил в странах «арабской весны», особенно в Египте и Сирии, будет оказывать резкое ухудшение экономической ситуации. Экономическая дестабилизация в этих странах очевидна.

В целом на Арабском Востоке усилились исламистские организации. На выборах, состоявшихся в Тунисе в октябре 2011 года, победу одержала исламская партия «Ан-Нахда»¹²¹. Избирательная система в Египте разделена на три этапа, которые закончатся в марте 2012 года. В момент написания книги закончились выборы в нижнюю палату парламента. Более 40 процентов голосов завоевала организованная «Братьями-мусульманами» в течение «арабской весны» «Партия свободы и справедливости». И тунисская «Ан-Нахда», и египетские «Братья-мусульмане» были запрещены прежними режимами. Ныне они рассматриваются как умеренные исламские организации. Лидеры «Ан-Нахды» публично обещали строить светское государство. Характерно также заявление генерального секретаря египетской «Свободы и справедливости» Мухаммеда Саада Кататни: «Наша партия не религиозная, она гражданская, добивающаяся создания современного и демократического государства, но со ссылкой на ислам... Мы не против различных других направлений до тех пор, пока они не приходят в конфликт с конституцией (Египта. – *Е.П.*). Важный аспект – не иметь партий, базирующихся на религии и с собственными военными образованиями для достижения любых целей»*.

Однако на всем этом рано ставить точку. В ходе египетских выборов почти четверть мест в нижней палате парламента получила салафитская партия «Ан-Нур»¹²². Это стало неожиданностью для многих наблюдателей. Во

* Интервью телевизионному каналу «Аль-Джазира» от 27 ноября 2011 года.

время предвыборной кампании она отстаивала идею ввести законы шариата в юридическую практику Египта. Салафиты стояли за нападениями на египетских христиан-коптов и поджогами их церквей. Экстремисты доказывали, что в Египте должна быть только одна религия – ислам. Время покажет, как произойдет изменение соотношения сил в исламском движении в Египте, приобретут ли события окраску столкновений между умеренными и экстремистскими исламскими организациями после создания парламента и выборов президента Египта. «Братья-мусульмане» в настоящее время не выступают с критикой в адрес салафитов, и многие эксперты даже считают, что «Партия свободы и справедливости» предпочтет создать коалиции со светскими партиями и движениями.

Вместе с тем в Египте продолжают столкновения с военными властями. Россия исходила всегда из того, что внутренние перемены – дело каждого суверенного государства. Я считаю, что Россия и Китай, которые не наложили вето на резолюцию по Ливии, были обмануты: им говорили, что резолюция по закрытию неба над Ливией принимается, чтобы авиация Каддафи не бомбила мирных жителей, но все вылилось в военную операцию, которая прямо поставила своей целью свержение режима Каддафи. Я не хочу выглядеть защитником этого диктаторского режима, но вмешательство в гражданскую войну, которая, по сути, шла в Ливии, – недопустимо. Что касается Сирии, то здесь, мне кажется, Россия заняла позицию с учетом оценки произошедшего в Ливии. И это правильно.

Глава XXII

БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ: УТРАЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Арабо-израильский конфликт длится более 60 лет. На протяжении этого времени отдельные всплески ожидания урегулирования сменялись длинными полосами неверия в такую возможность. Между тем этот региональный конфликт в большей степени, чем какой-нибудь другой, оказывает негативное влияние на систему международных отношений, имеет постоянную тенденцию к воспламенению. Это создает серьезную угрозу, тем более что XXI век может придать кризису на Ближнем Востоке ядерное измерение.

Казалось бы, в интересах всего мирового сообщества найти выход из такой ситуации. Причем контуры арабо-израильского урегулирования уже обозначены в виде компромиссного решения, которое включает в себя прекращение оккупации арабских территорий, осуществляемой Израилем после войны 1967 года, создание палестинского государства, заключение палестино-израильского и сирийско-израильского мира, договоренности о гарантированной безопасности Израиля. Естественно, в эти контуры следует вписать определенное содержание, учитывающее интересы и Израиля, и палестинцев, и сирийцев. Что мешает этому?

I. Монополизация Соединенными Штатами посредничества в урегулировании

Вспомним, какие надежды возлагались на созданный в конце 2001 года посреднический «квартет» из четырех участников – США, России, Европейского союза, Организации Объединенных Наций. «Квартет» выработал «дорожную карту», и все стороны на словах выразили согласие с предложенными сроками прохождения поэтапного урегулирования палестино-израильского конфликта. Поэтапность была обоснованной не только потому, что сразу невозможно решить все сложнейшие проблемы взаимоотношений сторон этого конфликта, но и потому, что была определена цель поэтапного движения – создание палестинского государства, установление справедливого мира между Израилем и арабскими странами. Надежды были связаны и с тем, что впервые для достижения этой цели был задействован коллективный постоянно действующий механизм. Создание «квартета» должно было ознаменовать собой отход от монополизации посреднической миссии Соединенными Штатами – от модели, которая при всей важности роли США уже неоднократно демонстрировала свою несостоятельность.

Накануне ухода Дж. Буша-младшего из Белого дома США активизировались на Ближнем Востоке. Значительную часть своего времени в регионе проводила госсекретарь Кондолиза Райс. Распространялось мнение, что президент Буш не хочет войти в историю лишь как руководитель США, при котором была организована закончившаяся провалом военная операция в Ираке, и поэтому он крайне заинтересован заполучить лавры миротворца в ближневосточном урегулировании. В таких условиях многого ждали от предложенной Вашингтоном

встречи в Аннаполисе. Тем более что накануне встречи президент США сделал такое заявление: «Эта конференция станет сигналом международной поддержки намерений израильтян и палестинцев начать переговоры о создании палестинского государства и реализации мира между двумя народами».

Встреча в Аннаполисе приобретала особое значение, так как, со слов госсекретаря США К. Райс, за Аннаполисом должна была последовать конференция по ближневосточному урегулированию в Москве. Создавалось впечатление, что Вашингтон наконец-то пришел к выводу о необходимости непрерывных и многосторонних усилий, чтобы стимулировать участников конфликта к переговорам. 5 ноября 2007 года состоялась беседа В.В. Путина с главой китайского правительства Вэнь Цзябао. Была затронута и ближневосточная тематика, которая в тот момент привлекала к себе особое внимание. Путин сказал своему собеседнику, что Россия поддерживает встречу в Аннаполисе «в качестве первого шага к полномасштабной международной конференции по Ближнему Востоку. Мы находимся в постоянном контакте, даже в прямом контакте со всеми возможными участниками встречи в Аннаполисе. Сейчас в регионе по моему поручению находится Примаков, который объезжает страны, общается с политическими лидерами».

Увязка президентом России встречи в Аннаполисе с конференцией по ближневосточному урегулированию в Москве легла в основу моей миссии. В контактах с лидерами арабских стран и палестинскими руководителями мне предстояло активно использовать аргумент о намечаемой непрерывности процесса урегулирования в пользу направления их делегаций в Аннаполис. Очень важно было добиться положительного решения Сирии – это укрепляло расчет на то, что вслед за встречами, предложенной президентом Бушем для рассмотрения палестино-израильских проблем, начнется серьезное движение

по сирийско-израильскому «треку» на конференции в Москве.

Забегая вперед, скажу, что все деятели, с которыми встречался, были единодушны в признании необходимости активной роли России в ближневосточном урегулировании. Такое мнение высказали и М. Аббас, и Э. Ольмерт, и Э. Барак, занимавший в ту пору пост министра обороны Израиля, и Б. Асад, и Х. Мубарак, и генеральный секретарь Лиги арабских государств А. Муса. Порученную мне президентом России миссию я начал с посещения в Рамалле (Западный берег) главы палестинской администрации Махмуда Аббаса*. Он сказал, что, по его мнению, давно уже не было ситуации, столь располагающей к договоренностям. Аббас подчеркнул, что хочет связать решение об участии во встрече в Аннаполисе с предварительным подписанием палестино-израильского документа, в котором, по его словам, следует еще раз назвать меры, предназначенные для осуществления уже на первой стадии «дорожной карты». Посоветовал Аббасу поехать в Аннаполис, даже если не удастся до этого согласовать документ с израильтянами. В противном случае палестинцев обвинят в срыве встречи, которая имеет уже зафиксированное продолжение в Москве. Аббас ответил, что принимает эту рекомендацию, но просил пока не говорить об этом израильтянам (он знал, что на следующий день намечались мои встречи с премьер-министром Ольмертом и министром обороны Баракком), так как все-таки хочет добиться предварительной выработки согласованного документа.

На следующий день, как и предполагалось, состоялась встреча с израильским премьер-министром. В самом начале Ольмерт сказал: «Будучи другом Буша, я все равно понимаю, что Соединенным Штатам без России не обой-

* Далее привожу выдержки из отчетов о встречах, направленных В.В. Путину.

тись... При неиспользовании нынешних благоприятных обстоятельств в Израиле придут к власти правые, а в палестинской администрации – ХАМАС». Но после этих констатаций разговор принял нелегкий характер. Сославшись на встречу с госсекретарем США К. Райс, Ольмерт сказал, что у него создалось впечатление, что США могли бы пойти на то, чтобы Сирия присутствовала в Аннаполисе не в самостоятельном качестве, а в составе делегации Лиги арабских государств.

Ответил Ольмерту, что сомневаюсь, устроит ли Б. Асада такая форма участия. А присутствие сирийской делегации может создать начало успеха всего процесса урегулирования. Чувствовалось, что израильский премьер опасался выйти за те рамки, которые определила Райс. Но, в конце концов, он пробросил: «Не буду против, если вы скажете Асаду, что у вас создалось впечатление о благоприятном отношении Ольмерта к идее участия сирийской делегации во встрече в Аннаполисе».

В тот же день состоялась беседа с министром обороны Израиля Бараком. Он был куда более настроен в пользу приглашения Сирии. Характерно, что, перед тем как высказаться по этому поводу, он предложил всем, кроме меня, уйти из комнаты переговоров, и дальше беседа шла с глазу на глаз. Барак сказал, что считает Б. Асада «оптимальной фигурой во главе Сирии и не принадлежит к тем, кто вдохновляется американскими планами замены нынешнего режима в Сирии». (Как актуально это звучит и сегодня! – *Е.П.*) Барак просил передать Асаду, что он сторонник прямых переговоров с ним без предварительных условий, имея в виду и судьбу Голанских высот. По словам Барака, при встрече с Кондолизой Райс он сказал ей, что Сирия должна быть обязательно приглашена в Аннаполис «в качестве страны, заинтересованной на данном этапе в палестино-израильском урегулировании».

6 ноября в Дамаске я встретился с президентом Б. Асадом, который прямо связал свое согласие на поездку сирийской делегации в Аннаполис с необходимостью ее продолжения в Москве. Сирия, сказал Асад, готова вступить в переговоры об урегулировании с Израилем, но на первых порах лишь при участии третьей стороны, а в Москве, добавил Б. Асад, мы сядем с израильтянами за один стол. Думаю, что рекомендация В.В. Путина Сирии отправить делегацию на встречу в Аннаполисе сыграла далеко не последнюю роль в том, что это событие состоялось.

В Дамаске произошли и другие встречи, в том числе и с руководителем бюро движения ХАМАС Машаалем. Самое главное из этой беседы: Машааль сказал, что рассматривает с его коллегами высказанное мной от имени президента России предложение прекратить ракетные обстрелы израильской территории из Газы. Все будет зависеть, сказал Машааль, от обязательства Израиля отказаться от военных действий на территории Газы. Машааль утверждал, что при соответствующей реакции Израиля ХАМАС может содействовать прекращению ракетных обстрелов, осуществляемых из Газы и другими палестинскими организациями.

7–8 ноября в Египте провел встречи с генсекретарем Лиги арабских государств А. Мусой и президентом Египта Х. Мубараком. По мнению генсекретаря ЛАГ, для успеха Аннаполиса в первую очередь необходим мораторий на строительство новых израильских поселений на оккупированных территориях. Он ратовал также за четкое определение графика палестино-израильского переговорного процесса. «Речь идет о том, чтобы сразу после Аннаполиса, скажем в течение трех месяцев, состоялась конференция в Москве, – сказал А. Муса. – А в период между Аннаполисом и Москвой необходимо расконсервировать сирийско-израильский “трек”». Что касается президента Х. Мубарака, то он прямо заявил, что без

участия Сирии встреча в Аннаполисе обречена на неудачу. Мубарак, по его словам, сказал об этом и К. Райс, а она «откровенно ответила, что США заинтересованы в успехе этой встречи, так как нужен где-то прорыв на фоне сложной ситуации с Ираком, Ираном, а теперь и с Пакистаном». Весьма позитивно воспринял Мубарак мой рассказ о выполнении поручения президента России во встречах, проведенных в Рамалле, Тель-Авиве и Дамаске.

Казалось бы, все свидетельствовало в пользу того, что обозначается непрерывность процесса урегулирования. Договоренность с Соединенными Штатами о конференции в Москве – можно прямо об этом сказать – способствовала тому, что встреча в Аннаполисе не закончилась плачевно. Однако московского продолжения этой встречи не произошло. Вашингтон кивал на Израиль, Израиль на Вашингтон, проходили месяцы, потом годы. Верх опять взяла линия США на монополизацию посреднической миссии. В таких условиях «квартет» отодвигался на задний план.

Оптимизма стало больше с приходом в Белый дом президента Обамы. На начальном этапе нахождения у власти он заявил о ряде принципиальных подходов к ближневосточному урегулированию. Среди них – требование о прекращении нового строительства, расширяющего израильские поселения на Западном берегу, необходимость создания палестинского государства, границы которого с Израилем должны быть прочерчены по линии 1967 года со взаимным добровольным обменом участками территорий. Сказал он и о том, что Иерусалим должен стать столицей двух государств – Израиля и Палестины. Однако вскоре под давлением израильского лобби в США и, очевидно, опасаясь ослабления своих позиций на выборах 2012 года, где будет рассматриваться кандидатура Обамы на второй президентский срок, он не стал настаивать на своих первоначальных заверениях.

II. Палестинский фактор

Приход к власти ХАМАСа в январе 2006 года в результате выборов в парламент палестинской администрации, безусловно, оказал серьезное воздействие и на обстановку в регионе, и на израильско-палестинский мирный процесс.

Что собой представлял и представляет ХАМАС и почему он одержал верх на выборах? От реалистичных, объективных ответов на эти два вопроса зависит понимание обстановки и достоверность прогнозов ее изменений в будущем. За годы израильской оккупации Западного берега реки Иордан и сектора Газа вплоть до создания Палестинской национальной администрации (ПНА) в 1994 году социально-экономической жизнью палестинского населения занимались неправительственные организации, которые образовали соответствующие структуры: медицинскую, сельскохозяйственную, использования «закята» (мусульманского налога) для распределения товаров и денег среди беднейшей части населения. Был создан Высший совет образования, который заботился, чтобы местные университеты соответствовали общепринятым стандартам, а их выпускники получали работу.

За такими общественными структурами стояли четыре политические организации – Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), Движение освобождения Палестины (ФАТХ), ХАМАС и компартия. Так как все они находились в подполье (ФАТХ вышел на сцену только в 1993 году, после мирных соглашений в Осло), то их члены публично называли себя: НФОП – популистами, ФАТХ – националистами, ХАМАС – исламистами, компартия – народниками. Израильские оккупационные

власти, опасаясь усиления особенно ФАТХа и НФОП, выделяли исламистов, стремясь противопоставить их более в то время радикальным популистам и националистам.

Существует даже версия, что такие планы израильская разведка Моссад не только вынашивала, но и приложила к ним руку. Но после начала первой интифады в 1987 году и особенно после начала в 2000 году второй интифады ХАМАС стал превращаться во все более радикальную силу. В 2006 году ХАМАС пришел к власти в палестинской администрации в результате никем не оспариваемых демократических выборов. Израиль, поддерживаемый Соединенными Штатами, заявил, что не будет контактировать с ХАМАСом, так как это террористическая организация. Между тем еще раз вспомним: Менахем Бегин и Ицхак Шамир – два премьер-министра Израиля – в прошлом были настоящими террористами, за их головы английские мандатные власти назначили огромное вознаграждение. Когда же они через выборы пришли к власти, никто не сомневался в легитимности контактов с ними.

Отношение к ХАМАСу чрезвычайно важно еще и потому, что условия победы над международным терроризмом – отделение от него «мусульманской улицы», либо сочувствующей, либо нейтральной в отношении исламских экстремистов. Что касается движения ХАМАС, поддерживаемого значительной частью палестинского населения, то в его идеологии сплелись два элемента: один исламский, второй националистический. Если раньше ХАМАС добивался создания исламского государства в регионе, то теперь главной целью становилась борьба за прекращение израильской оккупации. Есть основания считать, что после прихода ХАМАСа к власти в Газе усиливается националистический, а не религиозный элемент в его идеологической платформе. Это меняющееся соотношение между исламизмом и нацио-

нализмом ХАМАСа дополнялось тем, что после его вступления в фазу активной борьбы против израильской оккупации было создано военное крыло, тесно связанное с политическим руководством ХАМАСа, но зачастую и во все большей степени действовавшее автономно. С таким делением, по существу, считались и США, и Израиль.

Так, в январе 1998 года во время пребывания в Вашингтоне премьер-министра Нетаньяху и Арафата госсекретарь США Мадлен Олбрайт, пытаясь примирить их, предложила план обеспечения безопасности, который включал запрет военного крыла организации ХАМАС (не всей этой организации! – *Е.П.*). Для израильской армии существовало негласное правило – уничтожать только боевиков из этого военного крыла. В качестве метода борьбы военное крыло ХАМАСа, действительно, широко использовало террористические атаки против мирного населения. Антитеррористические методы Израиля осуществлялись тоже в террористической форме.

Нашумела история с нападением на улице в Аммане на одного из руководителей ХАМАСа, Машаала. Израильский агент прижал к его уху серебристый предмет и впрыснул парализующий яд. Двое нападавших израильтян были схвачены. Король Хусейн был на грани разрыва отношений с Израилем и предупредил, что в случае смерти Машаала напавшие на него израильтяне будут преданы суду и повешены. Нетаньяху лично направился в Иорданию, но Хусейн его не принял. Тогда из Израиля было прислано противоядие, и из тюрем, для того чтобы замять скандал, были освобождены 70 палестинцев, среди которых находился шейх Ахмед Ясин, основатель движения ХАМАС. После 2001 года возникла израильская практика точечных ударов и по политическим руководителям ХАМАСа. Ракетой в 2004 году был убит шейх Ахмед Ясин. Еще до его смерти в позиции ХАМАСа начались изменения. За день до своей гибели на встрече

с журналистами в Газе Ясин заявил, что его организация будет участвовать в палестинских выборах, а после ухода израильтян из Газы – в органах власти.

Характерно и другое: победив на выборах, ХАМАС даже не упомянул о своем стремлении создать структуру власти в палестинской администрации на основе шариата. Победа ХАМАСа на выборах тоже сама по себе весьма показательна. К внутренним причинам можно отнести разгул коррупции, неспособность Организации освобождения Палестины (ООП), получавшей серьезные финансовые инъекции, улучшить социально-экономическое положение на Западном берегу и в Газе, которое быстрыми темпами приближалось к катастрофическому уровню. К внешним причинам, безусловно, относится израильская политика затяжки переговоров, невыполнение обязательств по уже состоявшимся договоренностям.

Все это усиливало на палестинской стороне мнение о бесперспективности переговорного процесса, не подкрепленного вооруженной борьбой. Нет, конечно, никаких оправданий тому, что жертвой такой борьбы становятся мирные жители – и с палестинской, и с израильской стороны. Дальнейшие события изменили ситуацию в палестинской администрации. Быстро сломив вооруженное сопротивление ФАТХа, единоличный контроль над сектором Газы установил ХАМАС. Газы и Западный берег оказались оторванными друг от друга. Разрыв произошел среди палестинцев и в политическом плане, что негативно сказалось на процессе урегулирования ближневосточного конфликта.

В целом арабский мир сохранил свою ориентацию на ФАТХ и Махмуда Аббаса, но не без нюансов в позициях различных стран. Жестко поддерживали ФАТХ Египет и Иордания. Придерживаясь нейтральной линии, проявляет больше симпатий к ХАМАСу Сирия. Это относится и к Ирану, хотя не арабской стране, но играющей возрас-

тающую роль в ближневосточных делах. Конечно, ситуация нелегкая. И эту нелегкость, судя по всему, усугубляет израильская позиция. Вопреки широкому международному мнению, Израиль пошел даже на такой антигуманный шаг, как экономическая блокада Газы. Будучи возмущенным политикой экономического удушения палестинцев, представитель «квартета» Джеймс Вулфенсон, ведущий от его имени переговоры на Ближнем Востоке, в знак протеста ушел со своего поста. Этот прямой и честный человек, с которым меня жизнь свела в то время, когда был Председателем Правительства России, а он – президентом Всемирного банка (Вулфенсон тогда был среди очень немногих зарубежных поклонников нашего правительства, о чем сам заявлял), объяснил свою отставку такими словами: «Меня удивляет, что кое-кто хочет выиграть, выкинув детей из школ и заставив голодать палестинцев».

Противоречивая информация поступает о контактах ФАТХа с ХАМАСом. Периодически сообщается, что они нашли приемлемую основу для примирения. После встреч между руководством двух палестинских организаций в Каире в ноябре 2011 года иностранные агентства даже сообщили о том, что ХАМАС признал первостепенную важность политических усилий в борьбе за палестинское государство. Правда, последовало опровержение со стороны хамасовского представителя. Так или иначе, но наблюдается некоторое сближение позиций, что может перерасти в договоренности по вопросам урегулирования конфликта с Израилем. Но как скоро это произойдет, какой глубины достигнут такие договоренности и насколько они будут способствовать мирному процессу – все это очень во многом зависит от израильской политики и от позиции США, которые однозначно относят ХАМАС к террористическим организациям.

III. Израиль: ставка на статус-кво

Несмотря на то, что накапливались негативные тенденции, можно говорить и о ряде позитивных сдвигов, особенно в позиции арабской стороны. Их намеренно не замечает Израиль, проходя мимо тех возможностей, которые могли бы быть развиты и использованы во благо урегулирования. Приведу пример, связанный с решением саммита Лиги арабских государств, состоявшегося в марте 2007 года в Эр-Рияде. Ряд средств массовой информации, главным образом израильских, сделали вид, что ничего радикального не произошло – арабы, мол, предлагали мир с Израилем в обмен на освобождение оккупированных в войне 1967 года территорий еще в 2002 году на встрече в верхах в Бейруте.

Действительно, формула «территории в обмен на мир» была выдвинута еще в 2002 году нынешним королем Саудовской Аравии Абдаллой и поддержана на саммите в Бейруте. Теперь же Лига арабских государств развила платформу для переговоров с целью решения, устраивающего обе стороны. На арабском саммите 2007 года вместо прежней формулы, провозглашавшей право палестинских беженцев на возвращение, была одобрена новая рамочная формула, открывающая простор для компромисса: «справедливое решение судьбы палестинских беженцев». Этот крупный шаг навстречу Израилю остался без ответа.

Я слышал от многих палестинских руководителей, что немалое число беженцев захочет получить компенсацию и остаться в тех арабских странах, где они ныне проживают. Что касается тех, кто находится в палестинских лагерях и не смог до сих пор найти для себя места за их пределами, то и для многих из них серьезная компенсация, которая позволит иметь собственный очаг, будет

предпочтительнее возвращению в неизвестность. Наконец, существует и такой вариант, как размещение большинства тех беженцев, кто все-таки хочет вернуться на территории палестинского государства. Все это можно было бы рассмотреть на переговорах.

Думаю, что неслучайно решение саммита ЛАГ приветствовали и Россия, и руководители многих европейских стран, и Европейский союз, да и Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. Между тем отход израильского руководства от линии, направленной на сохранение статус-кво, приводит к противоречию с объективными обстоятельствами. Одно из них – полное отсутствие варианта аннексии Израилем оккупированных в 1967 году арабских земель. В случае их присоединения Израиль потеряет характер еврейского государства, ради чего, собственно, он и создавался. Сегодня уже не звучат столь громкие в прошлом призывы израильских руководителей присоединить к Израилю оккупированные в 1967 году земли. Дело в том, что присоединение этих земель сулит в обозримом будущем превращение евреев в национальное меньшинство в Израиле. Настойчивое стремление, проявляемое израильским руководством к сохранению статус-кво в процессе урегулирования конфликта с арабами, порождает растущую изоляцию Израиля в мировом сообществе.

Это воочию демонстрирует преобладающее большинство стран, выступающих за признание палестинского государства. Лишь вето США приводит к тому, что ООН не принимает соответствующего решения. В деле создания условий для продолжения израильско-палестинских переговоров большую роль могла бы сыграть Россия – как в рамках «квартета», так и вне этих рамок. Россия отличается от других членов «квартета» тем, что у нее хорошие отношения не только с Израилем и ФАТХом, но и со всеми теми, кто оказывает серьезное влияние на развитие обстановки вокруг переговоров – с Ираном,

Сирией, Ливаном, ХАМАСом, «Хизбаллой», Египтом, Саудовской Аравией, другими арабскими странами.

Продолжение палестино-израильских контактов – это очень важная, но не единственная сторона процесса. Необходимо активизировать «четверку». В конце концов, я в этом уверен, на уровне «четверки» следует отработать решения по всем главным вопросам палестино-израильского урегулирования и передать сторонам как коллективное решение США, России, Европейского союза и ООН. Вспомним, как создавался Израиль. Разве тогда мировое сообщество не продиктовало решения о разделе Палестины и создании Израиля и арабского государства на ее территории?

IV. Против раздела мира по религиозному признаку

Сложные, часто непредсказуемые, взрывоопасные события на Ближнем Востоке и вокруг него образовали почву для теории о том, что основные противоречия сегодняшнего мира – цивилизационно-религиозные. Придерживающиеся этой теории политологи пошли еще дальше, утверждая, что на смену идеологическому разделу всего мира наступил цивилизационно-религиозный. Такого рода раздел сегодня связывается с появлением на мировой арене международного терроризма, который якобы связан с исламом как с религией. Не буду останавливаться подробно на доказательствах неправомочности такой увязки – только невежды или злостные хулители ислама могут утверждать, будто одна из древнейших мировых религий, которую исповедует значительная часть населения земли, порождает терроризм.

Сегодняшняя действительность такова, что многие террористические организации, и в первую очередь «Аль-Каида», действительно рвутся в исламские одежды, выдвигая в качестве своей задачи создание единого халифата на территории всех государств с мусульманским населением. Но что происходит в результате? Непосредственными объектами террористических атак «Аль-Каиды» становятся сами же мусульманские государства с умеренными или светскими режимами. Ведь это факт: теракты, осуществленные «Аль-Каидой» и ее ответвлениями в Саудовской Аравии, Египте, Турции, в количественном отношении значительно превосходят террористические акции в западноевропейских странах.

В таких условиях очень важно разъяснить для широких слоев населения не только немусульманских, но и мусульманских стран разницу между исламским фундаментализмом и исламским экстремизмом. Исламский фундаментализм – это строительство мечетей, отправление исламских обрядов, взаимопомощь верующих. Но когда исламский фундаментализм принимает агрессивную, экстремистскую форму, это выливается в навязывание силой исламской модели управления государством и обществом. История знала этапы, когда христианский фундаментализм перерастал в христианско-католический экстремизм: вспомним хотя бы иезуитов или Крестовые походы. Сегодня же мы сталкиваемся с проявлениями исламского экстремизма.

Некоторые усматривают причину этого в растущей пропасти между богатеющим «золотым миллиардом» (США, Канада, страны Европы, Австралия, Новая Зеландия) и остальным миром, в значительной части состоящим из стран с мусульманским населением. Но это неполный ответ. Дело в том, что лидеры террористических организаций и групп, как правило, выходцы из зажиточных семей. На мой взгляд, взлет исламского экстремизма связан с несколькими обстоятельствами. И главное из

них – не конфронтация между различными цивилизациями, а нынешний кризис диалога между ними. Действующие в современном мире процессы глобализации охватили все мировое сообщество, включая страны с мусульманским населением. И эти страны отнюдь не находятся за пределом технико-технологической составляющей мировой цивилизации, оказывающей пусть неравномерное, но огромное влияние на все стороны развития всего человечества.

Проблема в том, что мировая цивилизация – это не только технико-технологические инновации. Она складывается из различных культурно-религиозно-политических потоков, из различных, сохраняющих свою самобытность, но неуклонно сближающихся социально-культурных общностей. Складывается через их диалог. Именно этот диалог и переживает сегодня кризисное состояние. Показателем этого является в первую очередь бездумная одержимость НАТО во главе с США «экспортом» западной модели демократии в другие страны, притом с мусульманским населением. К тому же речь идет об «экспорте» с применением силы. Еще недавно мир был разделен по идеологическому принципу. Человечество смогло с этим справиться. Раздел мира по религиозно-цивилизационному принципу – новая, я бы сказал, не менее серьезная угроза. Человечество должно найти в себе силы, чтобы одолеть и ее.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Арабская весна» – имеются в виду массовые волнения, демонстрации, путчи, гражданские войны и революции, происшедшие в 2010–2011 годах в ряде стран арабского Востока – в Тунисе, Египте, Ливии, Бахрейне, Сирии, Йемене, Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и Омане, а также менее значительные протесты в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане и Западной Сахаре.

² «Свободные офицеры» – движение и тайная организация в Египте, созданная подполковником Гамалем Абдель Насером летом 1949 года после поражения Египта в Арабо-израильской войне 1949 года. В состав ее входили младшие офицеры. В 1952 году осуществила антимонархическую Июльскую революцию в Египте.

³ Хашимиты – династия правителей в некоторых странах Арабского Востока, названная по имени легендарного Хашима, сына родоначальника племени курейш, к которому принадлежал пророк Мухаммед. Основатель династии – Хусейн ибн Али аль-Хашими, шериф Мекки, провозглашенный в 1916 королем Хиджаза.

⁴ Вооруженный переворот в Багдаде в 1958 году закончился расстрелом королевской семьи и провозглашением республики в Ираке. Первое «суверенное республиканское правительство» возглавил один из вождей восставших, официальный лидер иракской организации «Свободные офицеры», бригадный генерал Абдель Керим Касем.

⁵ Вафд – в 1918–1953 годах крупнейшая политическая партия Египта, представляла интересы национальной буржуазии, включала представителей интеллигенции, помещиков. Руководила национально-освободительным движе-

нием Египта, но, на протяжении ряда лет находясь у власти, не провела серьезных социальных реформ. Была распущена после Революции 1952 года. Часть бывших членов Вафд находились в оппозиции Насеру.

⁶ Англо-египетский договор 1936 года – предполагал выведение всех войск Великобритании из Египта кроме тех, что были необходимы для охраны Суэцкого канала. Действовал до 1956 года. Согласно договору, Великобритания брала на себя функцию обучать армию Египта и оказывать ему поддержку в случае войны.

⁷ Имеется в виду так называемая Синайская кампания, или англо-франко-израильская война против Египта 1956 года, международный конфликт (октябрь 1956 – март 1957), возникший из-за определения статуса Администрации Суэцкого канала. Закончился без территориальных изменений.

⁸ «Шестидневная война» (5–10 июня 1967 года) – ближневосточная война между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром – с другой, в результате которой Израиль в течение 6 дней одержал победу над арабскими армиями и захватил Синайский полуостров, сектор Газа, Западный берег р. Иордан, Восточный Иерусалим и Голанские высоты, получив контроль над территорией, превосходившей его довоенную площадь в 3,5 раза. Между Израилем и новыми территориями была проведена административная граница – так называемая «Зеленая черта».

⁹ 6 октября 1981 года террористические группы исламских фундаменталистов «Аль-Гамаа аль-исламийя» и «Египетский исламский джихад», объединившись, организовали успешное покушение на президента Египта Анвара Садата, отомстив ему за сближение с Израилем и отказ от дальнейшей «исламизации» общества.

¹⁰ Движение «Братья-мусульмане» – основано в марте 1928 года в Египте, в Исмаилии. С 1933 года штаб-квартира переведена в Каир. Является международной религиозно-политической ассоциацией. Имела отделения в Сирии, Палестине, Ираке. В 2003 году Верховный суд РФ признал

организацию террористической и запретил ее деятельность на территории России. В 2013 году организация была признана террористической правительством Египта, а в 2014 году организация была признана террористической в Саудовской Аравии.

¹¹ Баасизм – идеология, ставящая своей целью создание и развитие объединенного арабского государства под руководством партии-авангарда и прогрессивного революционного правительства. Партия Баас – партия Арабского социалистического возрождения – основана в 1943–44 годах сирийцами – православным христианином Мишелем Афляком, мусульманином-суннитом Салахом аль-Дин Битаром и алавитом Заки аль-Арсузи. Стремление соединить доктрину арабского социализма с арабской национальной идеей определило принципы баасизма, основанного также на идеях социального прогресса. В области религии идеология баасизма придерживается светского подхода.

¹² «Аль-Джихад» – «Египетский исламский джихад», создана в конце 1990-х годов. Террористическая группировка, ставит целью свержение в Египте светского режима и создание на его территории исламского государства, а также борьбу против интересов Соединенных Штатов и Израиля в Египте и других арабских странах.

¹³ «Аль-Гамаа аль-исламия» – создана в 1975 году. Египетская радикальная исламистская организация, появившаяся в результате объединения автономных университетских религиозных ассоциаций (джамаатов), возникших как оппозиция сильному влиянию марксистских и насеристских группировок в студенческой среде. В 1990-х годах перешла к террористической активности.

¹⁴ «Ат-Такфир валь-Хиджра» – движение основано в 1971 году агрономом из Верхнего Египта Шукри Мустафой (1942–1978). Идеология состоит в признании исламистами своего государства «государством кяферов» (неверных), что предполагает переезд в другие страны или регионы, где, по их мнению, существует шариатское правление, а также получение там военного опыта для развертывания в дальнейшем на родине джихада. В 2010 году Верховным судом

России «Ат-Такфир валь-Хиджра» признана экстремистским объединением, а ее деятельность на территории России запрещена.

¹⁵ «Аль-Каида» – создана в 1988 году, является одной из крупнейших ультрарадикальных международных террористических организаций ваххабитского направления ислама. Основана на идеологии исламского фундаментализма и панисламизма. Цель организации – свержение светских режимов в мусульманских странах и создание «Великого исламского халифата». Лидером «Аль-Каиды» считался Усама бен Ладен (убит 2 мая 2011), его ближайшим помощником – Айман аз-Завахири. Во главе организации стоит совет – шура. В структуре организации 8 комитетов – религии, военный, связи с общественностью, финансовый и др.

¹⁶ «Лехи» «Борцы за свободу Израиля» – действовала с 1940 года; еврейская подпольная организация, направленная против Британского мандата в Палестине. Просуществовала до основания государства Израиль в 1948 году. После убийства в 1932 году основателя организации, Авраама Штерна, во главе руководства стали Ицхак Шамир и др. «Лехи» осуществила в 1940-х годах ряд громких террористических актов.

¹⁷ «Эцель» (сокр.), Иргун Цвай Леуми – создана в 1931 году, просуществовала до создания государства Израиль в 1948 году, еврейская подпольная организация на территории Палестины. Изначально занималась защитой еврейских поселений от нападений арабов, впоследствии боролась против британского мандата в Палестине. С началом Второй мировой войны сотрудничала с Великобританией; с 1944 года под руководством Менахема Бегина возобновила вооруженную борьбу с англичанами.

¹⁸ «Дело Лавона» – политический скандал в Израиле в 1954–1960 годах, связан с провальной операцией военной разведки Израиля в Египте – замыслом устроить в Каире и Александрии серию террористических актов с целью сорвать вывод английских войск из зоны Суэцкого канала. Массовые аресты фактически покончили с израильской разведывательной сетью в Египте, а в Израиле разразился

скандал, получивший название «Дело Лавона». Выяснилось, что премьер-министр Моше Шарет не был поставлен в известность об операции; было начато многолетнее расследование, в ходе которого начальник военной разведки Биньямин Джибли и министр обороны Пинхас Лавон обвиняли друг друга в ответственности за провал операции.

¹⁹ «Хизбалла» («Хезболла»), «партия Аллаха» – создана в 1982 году как филиал иранской организации с таким же названием; политическая партия и военизированная шиитская ливанская организация, ставящая целью создание в Ливане исламского государства по иранскому образцу для борьбы с израильским военным присутствием в Южном Ливане. Формальная структура основана на принципах главенства исламских лидеров. В 1992 году «Хезболла» впервые приняла участие в парламентских выборах, получив 12 из 128 мест в парламенте. С 2011 года принимает участие в боевых действиях гражданской войны в Сирии на стороне правительства Башара Асада. Считается террористической организацией в США, Великобритании, Нидерландах, Канаде, Израиле, Австралии и Египте. В России не считается террористической организацией. Организует программы социального развития и содействия, содержит госпитали, службы новостей и образовательные центры.

²⁰ Интифада – имеет разные значения: 1) боевое арабское движение за освобождение оккупированных территорий Палестины; 2) движение (в наиболее радикальном варианте) с целью уничтожения государства Израиль и основания на его территории арабского государства Палестина; 3) Движение за отделение Палестинской автономии от Израиля.

²¹ Народный фронт освобождения Палестины (НФОП) – возник в 1967 году из трех палестинских террористических групп. Политический лидер НФОП – Жорж Хабаш, ближайший помощник, занимавшийся (до смерти в 1978 году) планированием и проведением террористических операций Вади Хаддад, христианин, палестинец, активный деятель НФОП до 1973. (В НФОП сделал карьеру Карлос Шакал.) В настоящее время лидер движения – Ахмад Саадат. Фронт представляется второй по военной и политической мощи палестинской организацией после ФАТХа (см. примеч. 99),

придерживается принципов марксистской идеологии, взял курс на уничтожение еврейского государства, выступает за общерабскую социалистическую революцию. Боевиками НФОП совершены многочисленные международные террористические операции в 1968–77 годах.

²² Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП) – в 1969 году сформировался на основе отделившейся левой фракции НФОП. Лидер и генеральный секретарь – Наиф Хаватме, бывший до этого лидером маоистского течения в НФОП. ДФОП представляет собой палестинскую марксистско-ленинскую политическую и военную, а в прошлом террористическую организацию, является членом Организации освобождения Палестины.

²³ ХАМАС («усердие», аббревиатура для «Движения исламского сопротивления») – создано в секторе Газа в декабре 1987 года (согласно отдельным источникам – в начале 1988 года), вскоре после начала палестинского восстания (первой интифады). Основатели – радикально настроенные представители ветви «Братьев-мусульман», духовный лидер – шейх Ахмед Исмаил Ясин. Палестинское исламистское движение и политическая партия; в 2006 году победило на выборах в Палестине и получило право сформировать правительство. В 2007 году взяло под контроль сектор Газа, противопоставив себя признанным властям Палестины. В 2011 году заключило с ними соглашение о создании правительства национального единства. Движение выступало за освобождение не только сектора Газа и Западного берега реки Иордан, перешедших под контроль Израиля в 1967 году, но и других территорий, считающихся палестинскими. Однако в отличие от Организации освобождения Палестины (ООП) (см. примеч. 100), идеология ХАМАСа предполагала также дальнейшее объединение Палестины с соседними странами и построение единого мусульманского государства. В качестве первого шага к достижению этих целей назывался джихад («священная война») на израильской территории. В декабре 2011 года представители руководства ХАМАСа объявили, что движение более не рассматривает насильственные действия в качестве основной тактики борь-

бы с Израилем. В ноябре 2012 года конфликт ХАМАСа и Израиля вновь перешел в острую фазу. ХАМАС официально признана террористической организацией властями США, странами Европейского союза, Египтом, Канадой, Японией и Израилем. В Австралии и Великобритании террористическим признают только военное крыло ХАМАС. В декабре 2014 года Европейский суд общей юрисдикции предписал исключить ХАМАС из списка террористических организаций, оставив в силе список ЕС от 22 июля 2014, включающий ХАМАС. 27 марта 2015 года ЕС продлил признание ХАМАС террористической организацией на период рассмотрения поданной им апелляции на решение суда.

²⁴ Багдадский пакт – международный договор, заключен в Багдаде 24 февраля 1955 года между Ираком и Турцией, к которому затем присоединились Англия, Иран и Пакистан; положил начало созданию военной группировки СЕНТО (Организации центрального договора), военно-политической группировки на Ближнем и Среднем Востоке, существовавшей в 1955–1979 годах.

²⁵ Арабо-израильская война 1947–1949 годов («Война за независимость», «Катастрофа») – между еврейским населением Палестины (впоследствии – государством Израиль) и армиями арабских государств и нерегулярных арабских военных формирований. В ходе ее произошел массовый исход палестинцев с попавших под контроль Израиля территорий, и евреев – из арабских стран в Израиль (после решения ООН о разделе Палестины). Израилем занято около половины территорий, выделенной под арабское государство, а также Западный Иерусалим. Восточный Иерусалим и остальные арабские территории были оккупированы Египтом и Трансиорданией, до 1967 года оставаясь под их управлением.

²⁶ Создание Государства Израиль – 1) исторически – итог многовекового процесса стремления еврейских диаспор к созданию собственного национально-государственного образования на исторической родине; 2) актуально – итог движения политического сионизма (оформился в 1897 году), вылившегося в провозглашение 14 мая 1948 года Деклара-

ции независимости, победу в «Войне за независимость» и оформление принятия Израиля в ООН (середина 1949 года).

²⁷ Федианы (фидаи, фиданы (букв. – жертвующие собой ради идеи) – 1) члены революционных боевых партий, террористических организаций, участники национально-освободительных движений; 2) в данном случае – оказавшиеся в Египте, Иордании и Ливии после арабо-израильской войны 1947–1949 годов палестинские беженцы, пополнившие ряды Организации освобождения Палестины и близких к ней групп. В 1970-х годах сыграли значительную роль в развязывании войны в Ливане.

²⁸ «Подразделение 101» – первое спецподразделение израильской армии, создано в 1953 году для нанесения ударов по базам арабских террористов; возглавлял подразделение Ариэль Шарон; просуществовало до 1954 года, влившись в отдельный 890-й десантный батальон.

²⁹ Высший арабский комитет (Верховный арабский комитет) – создан в апреле 1936 года по инициативе Амина аль-Хусейни, муфтия Иерусалима. В мае 1936 года призвал арабское население Палестины не платить налоги властям Великобритании, участвовать в генеральной забастовке и требовать прекратить иммиграцию евреев в Палестину. Запрещен англичанами в 1937 году. В 1945 году воссоздан Лигой арабских государств; в 1948 году запрещен в Трансиордании.

³⁰ Имеется в виду рейд израильских войск в Газу по приказу Бен-Гуриона, отданному в феврале 1955 года (в обход мнения ООН); в ходе его был атакован египетский военный штаб в Газе, взорваны дома и убиты египетские военные. Операция выявила военную уязвимость Египта.

³¹ Операция «Сусанна» – диверсионная операция, спланированная израильской военной разведкой АМАН (см. примеч. 33) в июле 1954 года и направленная против Египта. (См.: прим. 18).

³² «Подразделение 131» – создано в марте 1951 года как специальное подразделение военной разведки Израиля для проведения спецопераций за рубежом.

³³ АМАН (Управление разведки) – создано в 1951 году в ходе реорганизации службы военной разведки Израиля как структурное подразделение Генштаба Армии обороны Израиля, осуществляющее функции центрального органа управления военной разведкой и управляющее разведками сухопутных войск Израиля, его ВВС и флота.

³⁴ «Война Судного дня» («Октябрьская война», Четвертая арабо-израильская война) – в октябре 1973 года между государством Израиль и арабскими странами, главным образом Сирией и Египтом. Началась внезапным нападением Египта и Сирии в Судный день (Йом-Кипур), 6 октября 1973 года, и продолжалась до прекращения огня 24 октября 1973 года. Уничтожив арабские армии, Израиль ценою больших потерь перенес войну на территорию Сирии и Египта; на момент завершения конфликта войска Израиля находилась в 100 км от Каира и в 40 км от Дамаска.

³⁵ См. примеч. 24

³⁶ Национальная партия Сирии – существовала в 1946–1958 годах, представляла интересы буржуазии и крупных землевладельцев. В 1947–1949 годах находилась у власти наряду с другими партиями. Выступала за ограничение демократических свобод и отказ от политики протекционизма. В 1949 году приняла британский план объединения Сирии с Ираком; в 1951 году выступила с требованием неучастия в блоках и за укрепление национальной независимости. В 1958 году после объединения Сирии с Египтом прекратила свою деятельность.

³⁷ Султанат Маската – в 1792–1970 годах государство на юго-востоке Аравии. В 1891–1958 годах – британский протекторат. В августе 1970 султан Маската объявил о создании султаната Оман (включает Маскат и имамат Оман).

³⁸ Бандунгская конференция – 18–24 апреля 1955 года; проводилась в Бандунге (Индонезия) с участием 29 стран Азии и Африки. Участники конференции призвали к экономическому и культурному сотрудничеству между странами, к разоружению и запрещению производства, испытаний и применения атомного и термоядерного оружия, к урегулированию всех споров мирными средствами.

³⁹ Асуанская плотина – строительство при содействии СССР велось с 1960 по 1979 год; крупнейший гидроузел в Египте на реке Нил, близ города Асуана на первом пороге Нила. Главный инженер проекта – советский ученый Н.А. Малышев; цель проета – предотвращение наводнений, обеспечение Египта электричеством и создание сети оросительных каналов для сельского хозяйства.

⁴⁰ Международный банк реконструкции и развития (МБРР) – учрежден в 1945 году как кредитная организация, созданная ООН для содействия в развитии экономики, международной торговли стран-участниц, помощи частным инвестициям, стабилизации мировой финансовой системы. Входит в структуру Всемирного банка; с середины 1950-х годов специализируется на содействии развивающимся странам.

⁴¹ Президентские выборы в США 6 ноября 1956 года привели к переизбранию на второй срок кандидата от Республиканской партии президента Дуайта Эйзенхауэра

⁴² Имеется в виду Венгерское восстание (октябрь – ноябрь 1956 года), вооруженное выступление против просоветского режима, подавленное советскими войсками. Став одним из важнейших событий периода «холодной войны», Венгерское восстание совпало по времени с Суэцким кризисом, когда в октябре 1956 года Израиль, а затем Великобритания и Франция напали на поддерживаемый СССР Египет с целью захвата Суэцкого канала, рядом с которым они высадили свои десанты.

⁴³ Иракский революционный антимонархический переворот – 14 июля 1958 года под руководством подпольной патриотической организации «Свободные офицеры»; закончился расстрелом королевской семьи и установлением республики в Ираке; положил начало революционным преобразованиям политической и социально-экономической жизни Ирака. Принятая в результате революции конституция предусматривала (впервые в истории страны) равные права арабов и курдов.

⁴⁴ См. примеч. 11.

⁴⁵ См. примеч. 11.

⁴⁶ Объединенная Арабская Республика (ОАР) – существовавшее в 1958–1971 годах государство, до 1961 года являлось союзом Сирии и Египта. В сентябре 1961 года Сирия вышла из состава ОАР. ОАР как политический проект была нацелена на создание в будущем государственного объединения арабских стран; формально (в составе одного Египта) продолжала существовать до 1971 года, когда было объявлено об образовании Федерации Арабских Республик – конфедерации Египта, Ливии и Сирии.

⁴⁷ Сирийская коммунистическая партия – в 1944 году образована в качестве отдельной от Коммунистической партии Сирии и Ливана, существовавшей с 1924 года в Бейруте. В период правления партии Баас (1958–1970) подвергалась преследованию. С приходом к власти Хафеза Асада приобрела легальность, войдя в 1972 году в Национальный прогрессивный фронт, возглавляемый правящей партией Баас. В 1986 году пережила раскол на Коммунистическую партию Сирии и Сирийскую коммунистическую партию.

⁴⁸ Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) – с 1 декабря 1971 года независимое федеративное государство, состоящее из семи эмиратов – Абу-Даби, Аджман, Дубай, Умм-эль-Кайвайн, Фуджейра, Рас-эль-Хайма и Шарджа, являющихся абсолютными монархиями. Глава государства – президент Объединенных Арабских Эмиратов, эмир эмирата Абу-Даби. Столица ОАЭ – город Абу-Даби.

⁴⁹ Неприсоединившиеся страны – участницы движения, положившего в свою основу принципы неучастия в военных блоках и отказа от предоставления своей территории под иностранные военные базы. На конференциях неприсоединившихся стран 1961 года в Белграде и 1964 года в Каире были обсуждены основные принципы движения.

⁵⁰ Совет революционного командования – высший орган государственной власти в Ираке с июля 1968 по апрель 2003 года.

⁵¹ Лига арабских государств – создана 22 марта 1945 года – международная организация из 22 членов, объединившая арабские государства и ряд дружественных неарабских

стран, где арабский язык является одним из официальных. Совет Лиги представляет собой высший орган, в котором каждый член Лиги имеет один голос. Штаб-квартира Совета находится в Каире.

⁵² «Черный сентябрь» – события сентября 1970 года, связанные с подавлением королем Иордании Хусейном палестинских боевых организаций и восстановлением контроля правительства над ситуацией в стране, дестабилизированной провалившимся покушением боевиков ДФОП на короля. Вылилось в гибель от 3 до 10 тысяч боевиков и гражданских палестинцев, а также в изгнание около 150 тысяч палестинцев из Иордании.

⁵³ Кувейтский кризис, Война в Персидском заливе – 17 января – 28 февраля 1991 года; международный конфликт за освобождение и восстановление независимости Кувейта между многонациональными силами во главе с США по мандату ООН и Ираком. В этой войне СССР и страны соцлагеря выступили на стороне международной коалиции.

⁵⁴ Ирано-иракская война 1980–1988 годов – наиболее продолжительный и кровопролитный после Второй мировой войны военный конфликт, начавшийся с пограничного инцидента, вылившийся в войну на истощение. Война не привела к убедительной победе ни одной из сторон. Перемирие 20 августа 1988 года восстановило довоенную ситуацию. В ходе боевых действий активно применялось химическое оружие.

⁵⁵ Коммунистический (Третий) Интернационал, Коминтерн – 1919–1943 годы – международная организация – объединение коммунистических партий различных стран мира, ставившая целью развитие идей революционаризма, интернационализма и социализма, а также для борьбы с реформизмом Второго Интернационала.

⁵⁶ Коммунистическая партия Египта создана в 1923 году в результате выделения Александрийской секции Социалистической партии. Явилась первой коммунистической партией Ближнего Востока, использовавшей в своих документах арабский язык. Во главе партии стоял Исполнительный

комитет, сформированный высшим органом партии – ее съездом. В 1965 году из-за репрессий властей заявила о самороспуске, частично влившись в состав Арабского социалистического союза; воссоздана в мае 1975 года. В сентябре 2012 года при активном участии ЕКП образована Революционная демократическая стратегическая коалиция, объединившая 10 основных партий и движений левых сил Египта.

⁵⁷ См. примеч. 5.

⁵⁸ «Антипартийная группа Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» – официально закрепившееся в советской печати и партийной историографии обозначение группы высших партийных деятелей – В.В. Молотова, Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича и подержавшего их Д.Т. Шепилова, сделавших попытку в июне 1957 года сместить Н.С. Хрущева с должности 1-го секретаря ЦК КПСС.

⁵⁹ Национально-юнионистская партия Судана – правая партия арабского национализма.

⁶⁰ «Хизб-аль-Умма» – создана в 1944 году, исламская центристская партия Судана.

⁶¹ Суданская коммунистическая партия – основана в 1946 году, занималась пропагандой идеи научного социализма, долгое время находилась на нелегальном положении; участвовала в создании Национального фронта и Фронта борьбы Судана.

⁶² Народная Демократическая Республика Йемен (Южный Йемен) – существовала с 30 ноября 1967 по 22 мая 1990 года, до этого называлась Народной Республикой Южного Йемена. 22 мая 1990 года объединилась с Йеменской Арабской республикой (ЙАР) в Республику Йемен.

⁶³ Национальный фронт (НФ) – с 1967 года – преобразован из «Национального фронта освобождения оккупированного Аравийского Юга» (с 1963 года) для осуществления и вооруженной борьбы против колониального режима, ликвидации военной базы Великобритании и объединения Йемена.

⁶⁴ Йеменская Арабская Республика (Северный Йемен) – существовала с 26 сентября 1962 по 22 мая 1990 года – исчезла с политической сцены после объединения ЙАР и НДРЙ в Республику Йемен.

⁶⁵ Йеменская социалистическая партия – основана в октябре 1978 года; левая оппозиционная политическая партия, находилась у власти в Народной Демократической Республике Йемен. После объединения Северного и Южного Йемена многие члены партии подверглись репрессиям, а партийное имущество было конфисковано новыми властями. С 1994 года ЙСП запрещена.

⁶⁶ Всеобщий народный конгресс – 1982–1990 года представительный консультативный орган Йеменской Арабской республики; с 1990 года – политическая партия.

⁶⁷ Саудиты (Аль-Сауды) – с сентября 1932 года (момента образования Саудовской Аравии) правящая королевская династия; потомки Мани эль-Мрайди из Эль-Катифа, в XV веке основавшего город Эд-Дирья, ставшие амирами этого города и близлежащих областей. На сегодня в лице короля обладают абсолютной властью в стране.

⁶⁸ «Доктрина Эйзенхауэра» – в январе 1957 года озвучена американским президентом и в марте 1957 год принята как программа экономической и военной помощи США странам, обратившимся к Соединенным штатам в случае военной агрессии со стороны других государств, в особенности, «любой нации, контролируемой международным коммунизмом».

⁶⁹ АРАМКО – Арабско-американская нефтяная компания – основана в 1933 году крупнейшими нефтяными компаниями США для освоения нефтяных месторождений Саудовской Аравии. С 1980 года правительство Саудовской Аравии, выкупив акции, стало единоличным владельцем компании.

⁷⁰ Зейдиты – ветвь «умеренных» шиитов, избравших Зейда ибн Али ибн Абу Талиба (ум. 122/740), брата шиитского имама Мухаммада аль-Бакира (ум. 126/743), пятым имамом за его решительные действия против Омейядов. Приверженцы Зейда ибн Али сформировали свою группировку.

ровку, стремившуюся к созданию государства во главе с имамом из рода Али. Отрицая божественную природу имамата, считают, что имамом может быть избран любой потомок Али, зятя пророка Мухаммеда. Создали свою правовую школу (мазхаб), основывающуюся на своде правил, регулирующих общественную жизнь в исламской среде.

⁷¹ Протекторат Аден – 1886–1963 годы – британский протекторат в Южной Аравии; управление протекторатом делилось на Западный протекторат Аден и Восточный протекторат Аден. Официально прекратил свое существование в январе 1963 года. На территории бывшего протектората существовала Народная Демократическая Республика Йемен; на сегодня территория бывшего протектората представляет собой часть Республики Йемен.

⁷² Республика Йемен – государство на юге Аравийского полуострова, образовалось в 1990 году в результате слияния двух враждовавших государств – Йеменской Арабской Республики (Северный Йемен) и Народной Демократической Республики Йемен; является унитарным государством, президентской республикой. Столица – г. Сана.

⁷³ Арабский социалистический союз – в 1962–1978 годах – единственная легальная политическая организация и правящая партия в Египте.

⁷⁴ «Гаарец» («га-Арец») – основанная в 1918 году в Палестине старейшая политическая ежедневная израильская газета, выходит на иврите и английском; в 1919 стала выразителем взглядов сионистов – социалистов; в настоящее время орган позиционирует себя как либеральное издание в освещении как внутренних, так и международных дел.

⁷⁵ Дартмутские встречи – с 1960 года ежегодные конференции представителей советской и американской обществности, созываемые попеременно в СССР и США. Инициатива проведения первой встречи осенью 1960 в Дартмутском колледже г. Хановер (шт. Нью-Гэмпшир) принадлежала президенту США Дуайту Эйзенхауэру. Цель встреч – открытый, неофициальный обмен мнениями по актуальным проблемам взаимоотношений между обеими странами и международных отношений и поиск путей их

улучшения. С конца 1990-х продолжала свою работу лишь группа по региональным конфликтам, после распада СССР сконцентрировавшая свою деятельность на конфликтах в странах СНГ и их влиянии на российско-американские отношения.

⁷⁶ См. примеч. 34.

⁷⁷ Арабский социалистический союз (АСС) – правящие массовые политические организации в Египте (1963–1976) и Ливане (1972–1977), а также политические партии в Ираке (1964–1968), Ливане (1980–1987) и Сирии.

⁷⁸ «Авангард социалистов» – в 1966–1971 годах секретная военизированная политическая организация в составе Арабского социалистического союза (см. примеч. 76). Формировалась и действовала по принципу личной преданности президенту Египта Насеру.

⁷⁹ Линия Бар-Лева – возведена в 1968–1969 годах, просуществовала до конца 1973 года; цепь укреплений, возведенная Израилем вдоль восточного побережья Суэцкого канала, после оккупации входящего в состав Египта Синайского полуострова во время Шестидневной войны в ответ на египетские бомбардировки. Названа в честь начальника израильского генштаба Хаима Бар-Лева. Для поддержки линии была построена система дорог.

⁸⁰ Исламская революция – 8 января 1978 – 1 апреля 1979 года; процесс революционных событий и радикальных преобразований в Иране, в результате которого пал шахский режим, была упразднена монархия и установилась (после референдума) Исламская республика под руководством духовного лидера аятоллы Хомейни.

⁸¹ Брукингский институт – основан в 1916 году, исследовательская структура в г. Вашингтоне, США, сфера занятий – аналитика общественно-политических проблем, внешней политики и мировой экономики. С 2004 года президент института – Струоб Тэлбот, бывший заместитель государственного секретаря США.

⁸² «Дорожная карта» – план по продвижению к постоянному урегулированию палестино-израильского конфликта в соответствии с принципом сосуществования двух госу-

дарств на основе оценки выполнения сторонами своих обязательств.

⁸³ Блок Ликуд («Консолидация») – возник в 1973 году; правоцентристская партия в Израиле, идеологически уходящая корнями к сионизм-ревизионизму, появившаяся на основе блока ГАХАЛ по инициативе Ариэля Шарона как альянс право-консервативных и либеральных партий.

⁸⁴ Комиссия Аграната – учреждена в ноябре 1973 года; государственная следственная комиссия для проверки работы ЦАХАЛа (Армии обороны Израиля) в начале войны Судного Дня, в ходе которой Израиль понес тяжкие людские и материальные потери. Председателем комиссии был президент Верховного Суда Израиля д-р Шимон Агранат. В результате расследования Комиссия возложила ответственность за неготовность к войне на руководство армии и военной разведки.

⁸⁵ Палестинское движение сопротивления (ПДС) – основано в 1965 году, представляет борьбу арабского народа Палестины за независимость и создание собственного суверенного государства с использованием как политических, так и военных средств и методов. Объединяет более 10 военно-политических организаций; ядро – созданная в 1964 году Организация освобождения Палестины (ООП).

⁸⁶ аль-Сайка (Авангард народно-освободительной войны) – одна из главных групп Организации освобождения Палестины.

⁸⁷ См. примеч. 21, 22.

⁸⁸ Ливанская коммунистическая партия – образовалась в 1924 году, одна из старейших политических организаций в Ливане, создана как единая компартия Ливана и Сирии (первоначальное название – Ливанская народная партия); после слияния с армянской политической группой «Спартак» обрела название коммунистической партии.

⁸⁹ «Катаиб», Ливанская социал-демократическая партия – основана в 1936 году Пьером Жмайелем; является правой политической партией, представляющей в основном интересы христиан-маронитов, играла важную роль в граждан-

ской войне 1975–1990 годов. Партия также известна как «Ливанские фаланги» и «Партия фалангистов»

⁹⁰ Национально-либеральная партия Ливана (НЛП) – образована в 1958 бывшим президентом Ливана Камилем Шамуном; среди целей партии – сохранение конфессиональной системы, поощрение бизнес-активности, неприкосновенность частной собственности, развитие экономики свободного рынка, поддержание тесных связей с западными государствами при сохранении «особого характера и отличительных черт» Ливана.

⁹¹ Прогрессивно-социалистическая партия Ливана – основана в январе 1949 года, одна из ведущих партий Ливана, идеологически светская, практически отражающая интересы друзов; под руководством Камиля Джумбалата стала одной из ведущих политических сил Ливанского национального движения, выступающего за доминирование ливанских арабов; на базе партии была образована одна из сильнейших армий, участвовавших в гражданской войне в Ливане 1975–1990 годов.

⁹² «Амаль» – шиитское движение, образованное в 1975 имамом Мусой ас-Садром как «Отряды ливанского сопротивления» – военное крыло созданного в 1974 «Движения обездоленных». Под руководством имама Садра организация проводила умеренный курс: отказалась принять участие в гражданской войне 1975 года и поддержала сирийское вмешательство в 1976 году. Популярность «Амаль» резко возросла под влиянием Иранской революции 1979 года, в начале 1980-х она стала крупнейшим политическим движением шиитской общины.

⁹³ «аль-Мурабитун», независимое движение насеритов в Ливане – создано в 1957 году на антизападнических позициях, совмещающих идеи социализма с панарабским национализмом; к 1970-м годам возродилось как важная часть оппозиционных властям суннитского движения.

⁹⁴ Национально-патриотические силы Ливана представлены Ливанской коммунистической партией, Прогрессивно-социалистической партией, Организацией коммунисти-

ческого действия, Движением независимых насеристов и некоторыми другими левыми организациями.

⁹⁵ См. примеч. 88.

⁹⁶ Межарабские силы сдерживания (МСС) – в октябре 1976 года созданы решением межарабской конференции по Ливану, получившим одобрение общееарабского совещания в верхах в Каире в 1976. Основную часть МСС составили сирийские войска, введенные в Ливан в июне 1976 года с целью прекращения вооруженных столкновений между отрядами Палестинского движения сопротивления и ливанских Национально-патриотических сил, с одной стороны, и формированиями право-христианских партий – с другой. В состав МСС вошли также воинские контингенты из Саудовской Аравии, Судана, ОАЭ, Ливии и НДРЙ. Задачей МСС являлся контроль за прекращением огня, поддержанием в стране внутренней безопасности и наблюдение за выполнением Каирского соглашения по Ливану (1969), определившего взаимоотношения между Организацией освобождения Палестины (ООП) и ливанскими властями.

⁹⁷ Армия Южного Ливана (АЮЛ) – южноливанские военизированные формирования, созданные на основе подразделения кадровой ливанской армии при поддержке Израиля в ходе гражданской войны на территории южного Ливана; комплектовалась из ливанских христиан-маронитов, друзов и шиитов, принимала участие в гражданской войне, вела боевые действия против вооруженных формирований антиправительственного оппозиционного блока «Национально-патриотических сил Ливана» и палестинских боевиков.

⁹⁸ Сабра и Шатила – лагеря палестинский беженцев, расположенные в Западном Бейруте. Здесь 16–17 сентября 1982 года в ходе гражданской войны в Ливане и Ливано-израильской войны 1982 года ливанские христиане-фалангисты провели операцию по поиску палестинских боевиков, превратившуюся в резню мирных граждан, во время которой погибли (по разным данным) от 700 до 3500 мирных жителей.

⁹⁹ «План Аллона» (мирный план Элона, «израильская инициатива», «Правая дорога к миру») – первоначально предложен в 2002 году раввином Биньямином Элоном; представляет собой план решения палестино-израильского конфликта на основе принципов реабилитации палестинских беженцев, израильского суверенитета и стратегического сотрудничества с Иорданией.

¹⁰⁰ Движение за национальное освобождение Палестины (ФАТХ) – палестинская военизированная организация и политическая партия; одна из ведущих партий Палестинской автономии (ПНА), член Организации освобождения Палестины (ООП) и наиболее влиятельная партия в этой структуре. До 1988 года, когда ФАТХ официально отказалась от терактов против мирных граждан, признавалась в Израиле и США террористической организацией. Продолжает контролировать ряд военизированных организаций, совершавших теракты против израильских граждан после формального отказа ФАТХ от политики терактов в 1988 году и после Соглашений в Осло в 1993 году.

¹⁰¹ Организация освобождения Палестины (ООП) – основана в 1964 году решением Лиги арабских государств; является политической организацией, нацеленной на представление интересов арабов, живших на территории подмандатной Палестины до Арабо-израильской войны 1948 года, и их потомков. Программным документом ООП является так называемая Палестинская хартия, принятая Палестинским национальным советом в Каире в 1968 году и предусматривавшая ликвидацию Израиля, а также устранение сионистского присутствия в Палестине. Военно-политические организации палестинских арабов в составе ООП были признаны рядом стран террористическими. Сама ООП также считалась террористической до 1988 года. В 1993 году, после того, как ООП официально заявила об отказе от стремления к уничтожению Израиля и методов террора, Израиль признал ООП партнером по переговорам. На данный момент действует легально, имея статус наблюдателя в ООН.

¹⁰² См. примеч. 29.

¹⁰³ План Роджерса (по имени госсекретаря США Уильяма Роджерса) – 1969, 1970 год; по сути – два плана: первый был выдвинут в целях урегулирования последствий Шестидневной войны и предлагал Израилю мирный договор на условии отхода к границам 1967 года. Израиль отверг этот план, Египет уклонился от однозначного ответа, Иордания выразила согласие. Согласно второму плану, стороны согласились на прекращение огня и переговоры под эгидой ООН на основании резолюции 242.

¹⁰⁴ Коммунистическая партия Палестины (КПП) – образовалась в 1923 году в результате слияния КПП и Палестинской коммунистической партии.

¹⁰⁵ Пагуошское движение ученых – зародилось в 1955 году, когда 11 всемирно известных ученых, в том числе, – А. Эйнштейн, Ф. Жолио-Кюри, Б. Рассел, М. Борн, П. Бриджмен, Л. Инфельд, Л. Полинг, Дж. Ротблат, выдвинули манифест с призывом созвать конференцию против использования ядерной энергии в военных целях.

¹⁰⁶ Женевская мирная конференция по Ближнему Востоку – вела работу в 1973–1974 годах, была созвана 21 декабря 1973 года в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 338 от 22 октября 1973 года; согласовывала условия прекращения боевых действий в связи с Арабо-израильской войной 1973 года и положила основания для начала политического урегулирования в регионе.

¹⁰⁷ Бейтар (Битар, Бетар), «Союз имени Иосифа Трумпельдорфа» – создан в 1923 году, в Риге, является молодежной сионистской организацией, поставившей целью создание и защиту еврейского государства по обоим берегам реки Иордан. Основатель и первый руководитель – Аарон Проппес, с 1939 года – будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин. С 1948 года связан с политическим движением Херуд, позднее с Ликуд. На сегодняшний день Бейтар – правая молодежная организация, не связанная с политическими движениями или партиями.

¹⁰⁸ Херут («Свобода») – основанное членами Эцеля в 1948 году израильское политическое движение для превращения

Эцеля (см. примеч. 17) в парламентскую партию из подпольной боевой группы.

¹⁰⁹ Демократическая Партия Курдистана (ДПК) – создана в августе 1946 года; одна из старейших курдских политических партий, образовалась в результате слияния нескольких демократических организаций, поставила целью добиться автономии Иракского Курдистана и проведения в нем социальных реформ. Первым председателем был заочно избран Мустафа Барзани. По сравнению с другими курдскими партиями в области идеологии стоит на более правых позициях, хотя в экономической политике придерживается либерального курса.

¹¹⁰ Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) – создан в 1949, действовал до 1991 года, являлся межправительственной экономической организацией, созданной по решению экономического совещания социалистических стран – Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии со штаб-квартирой в Москве.

¹¹¹ Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (ЮНМОВИК – от англ. United Nations Monitoring, Verification and Inspection Commission – UNMOVIC) – созданный 17 декабря 1999 года вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи ООН, в результате принятия резолюции 1284 Совета Безопасности ООН; был призван заменить бывшую Специальную комиссию Организации Объединенных Наций (ЮНСКОМ) и продолжить осуществление ее мандата, предусматривавшего ликвидацию иракского оружия массового поражения и ракет дальностью свыше 150 км, а также обеспечение функционирования системы постоянного наблюдения и контроля в целях проверки выполнения Ираком его обязательств не приобретать вновь оружие, запрещенное Советом Безопасности.

¹¹² Унилатерализм – любая доктрина или программа, поддерживающая или обосновывающая односторонние действия.

¹¹³ Комиссия, учрежденная конгрессом США по вопросам ситуации в Ираке во главе с видным политиком Джеймсом

Бейкером (в 1989–1992 годах – госсекретарь США) и бывшим конгрессменом от Индианы Ли Гамильтоном.

¹¹⁴ Армия «аль-Махди» – создавалась с июля 2003 года в ходе антиоккупационных выступлений в Ираке; является шиитской полувоенной организацией во главе с радикальным лидером иракских шиитов Муктабой ас-Садром.

¹¹⁵ Мехабадская республика (Курдская народная республика) – просуществовала на территории иранского Курдистана с 22 января по 16 декабря 1946 года (столица – г. Мехабад, фактический правитель – духовный и светский судья на этой территории, Кази Мухаммед) возникла в период советской оккупации и прекратила свое существование после вывода советских войск.

¹¹⁶ Туркмены (туркоманы) – термин, исторически применяющийся на Западе для обозначения тюркских огузских народов. Иракские туркмены – тюркский огузский народ, проживающий на Севере Ирака, третий по численности после арабов и курдов в этой стране.

¹¹⁷ Туркменский народный фронт Ирака (ТНФИ) (Иракский туркманский фронт, туркменский фронт Ирака) – является основной политической силой, представляющей интересы местных туркменов (туркманов, туркоманов), поддерживается Турецкой республикой, сотрудничает с властями Курдской автономии.

¹¹⁸ Комиссия по атомной энергии США (КАЭ) – учрежденная в 1947 году Конгрессом США правительственная организация для контроля за развитием ядерной отрасли, в том числе научно-исследовательскими работами, в мирное время; была расформирована в соответствии с «Законом о реорганизации энергетики» 1974 года; ее функции были переданы двум новым – Управлению энергетических исследований и разработок и Комиссии по ядерному регулированию.

¹¹⁹ «Поправка Саймингтона» – принята конгрессом США в 1976 году, «поправка Гленна» – принята конгрессом США в 1977 году; в соответствии с ними был установлен запрет на поставки вооружения из США в страны, осуществляющие программы создания атомного оружия.

¹²⁰ Сейф аль-Ислам, старший сын Муаммара Каддафи, считался наиболее вероятным преемником отца, определенное время имел репутацию реформатора, в период между 2000 и 2011 годами играл одну из ключевых ролей в деле сближения Ливии с Западом. Позднее, по мнению Международного уголовного суда, в равной степени с Каддафи-старшим признан несущим ответственность за бомбардировки мирного населения в начале гражданской войны в Ливии.

¹²¹ Партия «Ан-Нахда» (Партия возрождения), создана в конце 1970-х годов, умеренная исламистская партия в Тунисе. Помимо исламистского характера идеологии декларировала свободу слова, печати и вероисповедания, а также широкие по мусульманским понятиям права женщин. Была разгромлена в 1980–1990-х годах и воссоздана после «арабской весны», по данным на 2011 год имела около половины мест в Учредительном собрании Туниса.

¹²² Партия Аль-Нур – создана в 2011 году в ходе революционных выступлений в Египте как политическое представительство салафитских (то есть выступающих за возврат к Корану и Сунне в исконной интерпретации шариатских положений) группировок страны; является одной из крупнейших политических партий страны, выступает за переустройство светской государственности на основе шариата.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Абакумов, Виктор Семенович (1908–1954) – советский государственный деятель, комиссар ГБ II-го ранга, министр государственной безопасности СССР в 1946–1951 гг.; арестован за соучастие в сфабрикованном «ленинградском деле», осужден и расстрелян.

Аббас, Махмуд (Абу Мазен) (род. 1935) – палестинский политик, президент частично признанного Государства Палестина (с 5 января 2013 г.), председатель движения ФАТХ.

Аббуд, Эль-Ферик Ибрахим (1900–1983) – государственный и военный деятель Судана.

Абдалла, ибн Абдул-Азиз аль Сауд (1924–2015) – сын первого короля Саудовской Аравии Абдул-Азиза, в 1982–2005 гг. – наследный принц, первый заместитель премьер-министра; с 1996 г. – фактический правитель государства при больном короле Фахде, с 2005 г. – король Саудовской Аравии.

Абдаррахман, Мухаммед Махмуд (Сами) – авторитетный курдский политик, в прошлом – член Политбюро ДПК.

Абдрабо (Абд Раббо) Ясир – министр информации и культуры Палестины в 2000-х гг.

Авлаки, Мухаммед Салех – йеменский политический деятель, генеральный секретарь Конгресса профсоюзов Адена

Аденауэр, Конрад (1876–1967) – федеральный канцлер ФРГ в 1949–1963 годах.

Адхам, Камель (1929–1999) – директор Службы общей разведки Саудовской Аравии в 1965–1979 годах, советник короля Фейсала в 1964–1975 годах.

Азиз, Тарик (1936–2015) – иракский политический деятель. С 1957 года – член партии «Баас». В 1971–1979 гг. –

главный редактор газеты «Аль-Тавра». В 1974–1979 гг. – министр информации, в 1983–1991 гг. – министр иностранных дел; в 1979–2003 гг. – заместитель премьер-министра Ирака. С 1977 года – член Совета революционного командования Ирака. Являлся одним из ближайших соратников президента Ирака Саддама Хусейна.

Азм, Хакки Бей (1864–1955) – османский, сирийский государственный деятель, полковник, в разные годы – премьер-министр, министр внутренних дел Сирии, а также занимал ряд должностей во французской администрации мандатного режима.

Азхари, Исмаил (1900–1969) – суданский государственный и политический деятель, с 1952 по 1967 г. – председатель Национально-юнионистской партии, с 1967 по 1969 г. – председатель Юнионистско-демократической партии; с января 1954 по январь 1956 г. премьер-министр переходного суданского правительства; в январе–июле 1956 года премьер-министр первого национального правительства; с июня 1965 до революции 25 мая 1969 г. – председатель Верховного государственного совета Республики Судан.

Айяд, Абу (1933–1991) – лидер террористической организации «Черный сентябрь».

Али, Салем Рубейа (Сальмин) – лидер оппозиционной группировки внутри Йеменской социалистической партии (ЙСП)

Али, Исмаил Ахмед – военный министр Египта в 1972–1974 гг.

Алон (Аллон), Игаль (1918–1980) – израильский военный и политический деятель. Командовал рядом боевых операций во время Войны за независимость 1948 года. Министр труда в 1961–1968 гг., заместитель премьер-министра в 1968–1977 гг., министр образования и культуры в 1969–1974 гг., министр иностранных дел в 1974–1977 гг.

Аль-Бадр, Мухаммед (1926–1996) – имам-король Йеменского королевства (с сентября 1962 года), свергнут в результате военного переворота под предводительством А. ас-Саляля.

Аль-Банна, Хасан (1906–1949) – египетский политический деятель, основатель международной исламистской ассоциации «Братья-мусульмане».

Амер, Абдель Хаким (1919–1967) – египетский государственный и военный деятель, фельдмаршал, первый вице-президент и военный министр Египта и Объединенной Арабской Республики (ОАР).

Амит, Меир (1921–2009) – израильский военный и государственный деятель, начальник военной разведки «АМАН» и внешней разведки Моссад.

Аммаш, Салих Махди (1924–1983) – иракский военный и государственный деятель, министр обороны в 1963 г., министр иностранных дел в 1963 г., министр внутренних дел в 1968–1970 гг., вице-премьер в 1970–1971 гг. (совместно с Харданом ат-Тикрити), посол в Советском Союзе в 1980 г.

Андерсон, Роберт Бернард (1910–1989) – американский политик, бизнесмен, занимал посты военного министра и министра финансов в кабинете президента США Дуайта Эйзенхауэра.

Андропов, Юрий Владимирович (1914–1984) – советский государственный деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1982–1984 гг., Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1983–1984 гг., Председатель Комитета государственной безопасности СССР в 1967–1982 гг.

Аннан, Кофи (р. 1938) – генеральный секретарь Организации объединенных наций в 1997–2006 годах.

Араби (аль-Араби), Набилъ (род. 1935) – государственный и политический деятель Египта, юрист, в период подготовки Кэмп-Дэвидского мирного договора был главным юридическим советником министра иностранных дел; с марта по июль 2011 г. – министр иностранных дел Египта, с июля 2011 г. – Генеральный секретарь Лиги арабских государств.

Арафат, Ясир (псевд. Абу Амар) (1929–2004) – председатель Организации освобождения Палестины в 1969–2004 гг., председатель Палестинской национальной администрации в 1994–2004 гг.

Ареф, Абдель (Абдул) Салам (1921–1966) – иракский военный, политический и государственный деятель; президент Ирака с 1963 по 1966 год. Сыграл ведущую роль в свержении монархии.

Арьяни, Абдель Рахман аль-Яхья (1908–1998) – йеменский военный, политический и государственный деятель, президент Йеменской Арабской республики в 1967–1974 гг.

Асад, Хафез (1930–2000) – сирийский военный и политический деятель. Член партии Баас с 1946 года. В 1966–1972 гг. – министр обороны, в 1971–2000 гг. – президент Сирии.

Атаси (аль-Атаси), Хашим Бей Халид (1875–1960) – сирийский политический деятель, президент Сирии в 1936–1939, 1949–1951, 1954–1955 гг.

Афляк Мишель (1910–1989) – сирийский и иракский политический деятель, философ, социолог. Стронник арабского социализма, теоретик и один из основателей идеологии баасизма и партии Баас. Выступал за объединение всех арабов в единую нацию и единое арабское государство, основанное на принципах социальной справедливости.

Ахмадинежад, Махмуд (род. 1956) – иранский политический и государственный деятель, президент Исламской Республики Иран в 2005–2013 гг.

Ахмед (Ахмад), бен Яхья Хамидаддин (1891–1962) – имам, король Северного Йемена из династии Хамидаддинов.

Баазиб, Абдалла – йеменский общественный деятель, ученый, публицист, журналист.

Багдади (аль-Багдади), Латиф Махмуд (1917–1999) – египетский политический и военный деятель, один из лидеров революции 1952 года, вице-президент ОАР и Египта в 1954–1968 гг.

Баджамаль, Абдель Кадер (род. 1946) – йеменский государственный деятель.

Бадран, Шамс эд-Дин (род. 1929) – египетский военный и политический деятель, военный министр Египта в 1966–1967 гг.

Байроуд, Генри (1913–1993) – американский дипломат, посол США в Египте в 1955–1956 гг.

Бакр (аль-Бакр), Ахмед (Ахмад) Хасан (1914–1982) – военный, политический, государственный деятель, президент Ирака с 1968–1970-гг.

Барак, Эхуд (род. 1942) – израильский военный и политический деятель, генерал-лейтенант. Начальник генштаба в 1991–1995 гг., премьер-министр Израиля в 1999–2001 гг., с 2011 г. – лидер партии Ацмаут.

Барзани, Абейдулла – старший сын Мустафы Барзани. Был заподозрен отцом в предательстве, уехал в Багдад.

Барзани, Идрис (1944?–1987) – военный и дипломатический деятель национально-освободительного движения в Иракском Курдистане, сын Мустафы Барзани; талантливый военачальник, исполнявший ряд серьезных дипломатических миссий в Багдаде и Вашингтоне, руководил военной деятельностью Демократической партии Курдистана (ДПК), умер от инфаркта. Его сын Нечирван является премьером Регионального Правительства Курдистана.

Барзани, Масуд (род. 1946) – курдский и иракский политический деятель, сын Мустафы Барзани, президент Иракского Курдистана, лидер Демократической партии Курдистана (ДПК).

Барзани, Мулла Мустафа (1903–1979) – курдский военный и политический деятель, лидер национально-освободительного движения в Иракском Курдистане. Председатель Курдской демократической партии в 1946–1979 гг.

Барковский, Анатолий Александрович (род. 1921) – советский дипломат, 1961 г. – генеральный консул СССР в Дамаске (ОАР), 1961–1968 – Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Сирии, 1968–1970 – сотрудник центрального аппарата МИД СССР; в 1973–1982 гг. – Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Ираке.

Батлер, Ричард – председатель Специальной комиссии ООН (УИНСКОМ), осуществлявшей надзор за ликвидацией оружия массового поражения в Ираке. Именно его заявление о том, что Ирак пытается приостановить проверку ряда объектов, стало «юридической» предпосылкой к обострению американо-иракских отношений.

Башир, Омар Хасан Ахмед (род. 1944) – суданский государственный и военный деятель, единоличный руководитель Судана (Президент) с 1989 г.; лидер правящей партии Национальный конгресс с 1996 г., в апреле 2015 года был переизбран на очередной президентский срок

Башир, Тахсин (1925–2002) – египетский дипломат, в 1977 г. назначен представителем Египта в Лиге арабских стран.

Бегин, Менахем (1913–1992) – премьер-министр Израиля в 1977–1983 гг.

Бейкер, Джеймс (р. 1930) – американский политик. Глава администрации президента США в 1981–1985 и 1992–1993 гг.; государственный секретарь США в 1989–1992 гг.

Беляев, Игорь Петрович (1923–1993) – журналист-востоковед, доктор экономических наук, с 1954 г. – представитель Совинформбюро в Сирии и Ливане, в 1957–1970 гг. – корреспондент и редактор газеты «Правда», в 1970–1976 гг. – зам. директора Института Африки АН СССР, с 1976 г. – политический обозреватель «Литературной газеты».

Бен-Гурион, Давид (1886–1973) – израильский политический деятель, председатель Еврейского агентства в 1935–1948 годах, премьер-министр Израиля в 1948–1953 и 1955–1963 гг.

Бен-Элиссар, Элияху (1932–2000) – израильский политик, дипломат, служил в Армии обороны Израиля, спикер партии «Херуд», в 1977 году генеральный директор бюро премьер-министра. В этой должности работал до 1980 года, когда был назначен первым послом Израиля в Египте. В 1996 году стал послом Израиля в США, а в 1998 году – во Франции.

Берлускони, Сильвио (род. 1936) – итальянский государственный и политический деятель, предприниматель, занимал должность председателя Совета министров Италии в 1994–1995, 2001–2005, 2005–2006, 2008–2011 гг.

Бжезинский, Збигнев (р. 1928) – американский политолог и государственный деятель. Советник президента США по национальной безопасности в 1977–1981 годах.

Бизри, Аффиф (1914–?) – ближневосточный военный и политический деятель, отличился в Палестинской войне 1950–1953 гг.; с 1957 г. – начальник Генерального штаба Сирии, не скрывал прокоммунистических настроений, сотрудничал с баасистами, после объединения Сирии и Египта эмигрировал.

Битар, Салах ад-Дин (1912–1980) – сирийский государственный деятель, премьер-министр Сирии в 1963, 1964 и 1966 годах, министр иностранных дел Сирии в 1956–1958, 1963 и 1966 годах.

Блэр, Тони (р. 1953) – бывший лидер Лейбористской партии, премьер-министр Великобритании в 1997–2007 гг.

Борчгрейв (Боршграв), Арно де – в 1960–1970-х гг. редактор журнала «Ньюсуик».

Брежнев, Леонид Ильич (1906–1982) – советский государственный деятель, Первый секретарь ЦК КПСС в 1964–1966 годах, Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1966–1982 годах.

Булганин, Николай Александрович (1895–1975) – советский государственный деятель, занимавший в разные годы ведущие партийно-правительственные посты (член Президиума Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР, глава Госбанка СССР, министр обороны и т. д.)

Бумедьен Хуари (1932–1978) – алжирский государственный деятель, один из лидеров антиколониального движения в Алжире, после военного переворота 1965 года – председатель Революционного совета, затем – председатель Совета министров.

Бутефлика, Абдель Азиз (р. 1937) – алжирский государственный деятель, в 1963–1978 гг. министр иностранных дел Алжира, избирался на пост президента страны в 1999, 2004, 2009 и 2014 гг.

Бутрос-Гали, Бутрос (род. 1922) – египетский, международный государственный и политический деятель, в 1977–1991 гг. государственный министр иностранных дел Египта, в 1992–1996 гг. – Генеральный секретарь ООН.

Вазир (аль-Вазир), Ибрагим Халиль Махмуд (Абу Джихад) (1935–1988) – палестинский националистический деятель, глава военного крыла ФАТХ, заместитель Ясира Арафата.

Вейцман, Эзер (1924–2005) – израильский военный и государственный деятель, с 1993 по 2000 гг. – президент Израиля.

Велаяти, Али Акбар (род. 1945) – иранский врач и политик, министр иностранных дел Ирана в период президентства Хаменеи и Рафсанджани, советник по международным делам Высшего руководителя Ирана.

Вэнс, Сайрус (1917–2002) – американский государственный и политический деятель, дипломат.

Вильсон, Гарольд Джеймс, барон Риво (1916–1995) – политик-лейборист, премьер-министр Великобритании в 1964–1970 и 1974–1976 гг.

Виноградов, Владимир Михайлович (1921–1997) – советский дипломат и государственный деятель, в 1970–1974 гг. посол СССР в ОАР–Египте, в 1974–1977 гг. – посол по особым поручениям МИД СССР, 1977–1982 – посол СССР в Иране, 1982–1990 гг. – министр иностранных дел РСФСР.

Воскобой, Алексей Саввич (1926–2008) – российский разведчик, генерал-майор, ветеран Службы внешней разведки РФ.

Вулфенсон, Джеймс Дэвид (род. 1933) – президент Всемирного банка в 1995–2005 гг. Номинирован на эту должность президентом США Биллом Клинтонем.

Вулфовиц, Пол (род. 1943) – американский политик, заместитель министра обороны США в 1989–1993 и в 2001–2005 гг.; 10-й президент Всемирного банка в 2005–2007 гг.; сформулировал неоконсервативную «доктрину Вулфовица», призывающую США к установлению статуса «Едиственной Супердержавы»; член Центра политики безопасности США.

Гагарин, Юрий Алексеевич (1934–1968) – первый в мире советский летчик-космонавт, Герой Советского Союза.

Газит (Вайнштейн), Мордехай (род. 1922) – израильский государственный деятель, дипломат; в 1949 г. по-

ступил на службу МИД Израиля, в 1970–1973 гг. заместитель министра иностранных дел Израиля, в 1976–1979 гг. посол Израиля во Франции

Галеб, Мухаммед Мурад (1922–2007) – египетский политический деятель, министр иностранных дел Египта в 1972 г. В 1961–1971 гг. посол в СССР; Государственный министр по иностранным делам в сентябре 1971 – январе 1972 гг.; министр иностранных дел Египта с 18 января по 10 сентября 1972 г.; в марте – сентябре 1973 г. – министр информации АРЕ.

Галеб, Абдель Хамид – египетский военный деятель, полковник

Галеви, Эфраим (р. 1934) – израильский эксперт разведки, адвокат, с 1998 г. 9-й директор Моссад, в 2002–2003 гг. 4-й глава израильского Совета национальной безопасности.

Галлман, Уильман (1899–1980) – американский дипломат, посол Соединенных Штатов Америки в Ираке в 1954–1958 гг.

Галяб, Филипп – современный египетский журналист, публицист.

Гендженсон, Сэмюэль – член Конгресса США, глава подкомитета Палаты представителей; в отчете возглавляемого им подкомитета сообщил сведения о сотрудничестве американских фирм с Ираком в военной области. Эти сведения нашли свое подтверждение на слушаниях в Сенате в 1992 и 1994 гг.

Герцог, Хаим (1918–1997) – крупный израильский государственный деятель, в 1975–1978 гг. посол Израиля при ООН, в 1983–1993 гг. шестой президент Израиля.

Гидеон, Рафаэль (1913–1999) – израильский дипломат, один из организаторов Министерства иностранных дел Израиля.

Глабб (Глаб), Джон Баготт (1897–1986) – английский военный и политический деятель, генерал, легендарная фигура британской колониальной политики середины XX века, был известен среди арабов как «Глабб-паша». Покинув британскую армию, в первой арабо-израильской войне

1947–1949 гг. Глабб и его войска «Арабского легиона» первыми выступили против израильтян и начали военные действия в Палестине.

Глэспи, Эйприл (р. 1942) – американский дипломат, аналитик-арабист, посол США в Ираке в период вторжения Ирака на территорию Кувейта в 1990 г. и войны в Персидском заливе в 1991 г.

Гомаа, Шаарави – в 1970-х гг. секретарь Арабского социалистического союза, министр внутренних дел Египта, сторонник Г. Насера.

Голдберг, Артур Джозеф (1908–1990) – американский политический деятель, министр занятости США в 1961–1962 гг., постоянный представитель США при ООН в 1965–1968 гг.

Голь (де Голь), Шарль Андре Жозеф Мари (1890–1970) – французский военный и государственный деятель, генерал. Основатель и первый президент Пятой Республики в 1959–1969 гг.

Гречко, Андрей Антонович (1903–1976) – советский военачальник, Маршал Советского Союза, министр обороны СССР в 1967–1976 гг.

Гриневский, Олег Алексеевич (род. 1930) – российский, советский дипломат, профессор РГГУ и МГИМО, доктор исторических наук.

Громыко, Андрей Андреевич (1909–1989) – министр иностранных дел СССР в 1957–1985 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985–1988 гг.

Грубяков, Василий Федорович (1911–1992) – советский дипломат, Чрезвычайный и полномочный Посол, в 1957–1962 гг. – старший помощник министра иностранных дел СССР.

Грядунов, Юрий Степанович – посол СССР, Российской Федерации в Иордании в 1990–1992 гг.

Даллес, Аллен Уэлш (1893–1969) – американский дипломат и разведчик, директор ЦРУ в 1953–1961 гг.

Даллес, Джон Фостер (1888–1959) – государственный секретарь США в 1953–1959 гг.

Дар, Абрахам (псевд. **Джон Дарлинг**) (род. 1925) – офицер израильской разведки, создавший и курировавший агентурную сеть в Египте; после провала сети приговорен в Египте к смертной казни. В 1960 г. оставил государственную службу и занялся бизнесом.

Дарази (ад-Дарази), Абу Абдуллах Мухаммад ибн Исмаил (Наштакин ад-Дарази) (умер предположительно в 1018 г.) – один из основателей религии друзов.

Дареджан, Эдуард (род. 1939) – американский дипломат, в 1979–1981 гг. руководитель политической секции посольства США в Москве, в 1981–1984 гг. заместитель руководителя миссии США в Иордании, с 1985 г. главный помощник президента США, в 1989–1991 гг. посол США в Сирии, в 1991–1993 гг. заместитель госсекретаря по ближневосточным делам, в 1993–1994 г. посол США в Израиле, с 1994 г. директор Института им. Дж. Бейкера в Университете Райса (штат Техас).

Даян, Моше (1915–1981) – израильский военный и государственный деятель; министр обороны Израиля в 1967–1974 годах, министр иностранных дел Израиля в 1977–1979 годах.

Джадид Салах (1926–1993) – сирийский военный, государственный деятель, фактический руководитель страны в 1966–1970 годах.

Джонсон, Линдон (1908–1973) – американский политик и государственный деятель, сенатор от штата Техас в 1949–1961 гг., вице-президент США в 1961–1963 гг., президент США в 1963–1969 гг.

Джумбалат, Валид (род. 1949) – ливанский политик, руководитель Прогрессивно-социалистической партии, неоднократно занимал посты в правительстве, один из светских лидеров общины друзов.

Джумблат, Камаль (1917–1977) – ливанский политик, основатель Прогрессивно-социалистической партии Ливана. Убит 16 марта 1977 года.

Джунди, Абдель Керим, один из лидеров сирийской Баас после переворота 23 февраля 1966 г. С приходом к власти левобаасистского крыла партии возглавил спецслужбы в Сирии.

Джунди, Халед – один из лидеров сирийской Баас, председатель Всеобщей федерации рабочих профсоюзов Сирии. Брат Абдель Керима Джунди.

Демичев, Петр Нилович (1918–2010) – советский государственный партийный деятель, член ЦК КПСС в 1961–1989 гг., секретарь ЦК КПСС в 1961–1974 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1964–1988 гг., министр культуры СССР в 1974–1986 гг.

Диниц, Симха (1929–2003) – израильский государственный деятель, в 1973–1979 гг. посол Израиля в США.

Добрынин, Анатолий Федорович (1919–2010) – советский дипломат, посол СССР в США в 1962–1986 гг., секретарь ЦК КПСС в 1986–1988 гг., заведующий Международным отделом ЦК КПСС в 1986–1988 гг.

Ельцин, Борис Николаевич (1931–2007) – советский и российский политический и государственный деятель, первый президент Российской Федерации в 1991–1999 гг. Радикальный реформатор общественно-политического и экономического устройства России.

Жаботинский, Владимир Евгеньевич (1880–1940) – русский и еврейский писатель, основатель и идеолог движения сионистов-ревизионистов, создатель Еврейского легиона, а также организаций «Иргун» и «Бейтар».

Жемчужина, Полина Семеновна (Карповская Перл Семеновна) (1897–1970) – советский партийный и государственный деятель, жена В.М. Молотова

Жмайель, Амин Пьер (р. 1942) – ливанский политический деятель, лидер «Катаиб» («партии фалангистов»), президент Ливана в 1982–1988 годах.

Жмайель, Башир Пьер (1947–1982) – ливанский политический и государственный деятель, 1982 г. избран президентом Ливана, убит до вступления в президентские полномочия.

Журкин, Виталий Владимирович (род. 1928) – академик, советский, российский историк, политолог-международник.

Заглул, Саад (1859–1927) – египетский политик, лидер партии Вафд, премьер-министр Египта в 1924 г.

Заим, Хусни (Хусни аз-Займ) (1987–1949) – премьер-министр Сирии с апреля по июнь 1949 г.

Зайцев, Владимир Павлович (?) – российский разведчик, генерал-лейтенант, ветеран Службы внешней разведки РФ.

Зайят (эль-Зайят) Мухаммед Хасан – министр иностранных дел Египта с 17 января по 8 сентября 1972 г.

Закхейм, Дов – в 1973–2004 гг. главный финансовый инспектор Пентагона

Замятин, Леонид Митрофанович (род. 1922) – советский государственный деятель, дипломат, в 1962–1970 гг. член коллегии МИД СССР, заведующий отделом печати, в 1970–1978 гг. генеральный директор ТАСС, в 1978–1986 гг. заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС, в 1986–1991 гг. посол СССР в Великобритании.

Звягельская, Ирина Доновна (р. 1947) – доктор исторических наук, профессор, сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1970–1979 гг., главный научный сотрудник Института востоковедения АН СССР/РАН с 1979 г. по настоящее время.

Зотов, Александр Иванович (род. 1941) – посол СССР, Российской Федерации в Сирии в 1989–1994 гг.

Зуэйи Юсуф (род. 1931.) – премьер-министр Сирийской Арабской республики в сентябре – декабре 1965 г. и в феврале – октябре 1966 г.

Иванов, Борис Семенович (1916–2001) – советский военный деятель, генерал-лейтенант, с 17 марта 1979 г. руководитель Оперативной группы КГБ в ДРА, в 1982–1987 гг. главный консультант по разведке Группы консультантов при Председателе КГБ. В 1980-х годах представитель КГБ СССР в «Малой пятёрке» Политбюро, экспертном внешнеполитическом органе, определяющем внешнеполитический курс СССР. С октября 1987 г. (по другим данным с сентября 1988 г.) в отставке.

Иден, Энтони (1897–1977) – британский политик, министр иностранных дел Великобритании в 1951–1955 гг., премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг.

Идрис, ибн Мухаммад аль-Махди ас-Сануси (1890–1983) – шейх тариката санусия в 1918–1969 гг., эмир Киренаики в 1914–1922 гг., король Ливии в 1951–1969 гг.

Исмаил, Абдель Фаттах (1939–1986) – политический и государственный деятель Южного Йемена, председатель Президиума Верховного Народного Совета, глава НДРЙ, основатель Йеменской Социалистической партии.

Исмаил, Мохаммед Хафез (1919–1997) – египетский дипломат, советник по вопросам национальной безопасности президента Анвара Садата в 1971–1974 гг.

Кадафи, Муаммар Мохаммед Абдель Салям Абу Меньяр (1940 или 1942–2011) – государственный и военный деятель Ливии, политик, публицист, де-факто глава Ливийского государства, занимавший ключевые посты в 1969–2011 гг.

Камель, Мухаммед Ибрагим – министр иностранных дел Египта в 1977–1978 гг.

Кансо, Ансем – руководитель «Баас» Ливана, член общерабского (сирийского) руководства ПАСВ.

Караме, Рашид (1921–1987) – ливанский политический деятель. С 1955 по 1987 г. восемь раз занимал должность премьер-министра Ливана.

Картер, Джимми (р. 1924) – американский политик, государственный деятель, губернатор штата Джорджия в 1971–1975 гг., президент США в 1977–1981 гг.

Касем, Абдель Керим (1914–1963) – иракский государственный и военный деятель, премьер-министр и министр обороны Ирака в 1958–1963 гг.

Кац, Катриэль (1908–1988) – израильский дипломат, государственный деятель, в 1953–1956 гг. Полномочный представитель государства Израиль в Венгрии, в 1956–1958 гг. Полномочный представитель государства Израиль в Польше, в 1962–1965 гг. консул Израиля в Нью-Йорке, в 1965–1967 гг. посол государства Израиль в СССР, в 1971–1973 гг. посол Израиля в Финляндии.

Квандт, Уильям – ведущий специалист по Ближнему Востоку Института Брукригса.

Кендалл, Дональд Макинтош (Дон) (род. 1921) – бизнесмен, политический советник, президент компании «Пепси-кола».

Кеннан, Джордж Фрост (1904–2005) – американский дипломат, политолог, историк, автор трудов по истории отношений России и Запада. Основатель Института Кеннана.

Кеннеди, Джон Фицджеральд (1917–1963) – американский политик, государственный деятель, сенатор от штата Массачусетс в 1953–1960 гг., президент США в 1961–1963 гг. Убит 22 ноября 1963 года во время визита в Даллас.

Кимхи, Давид (1928–2010) – израильский журналист и сотрудник спецслужб, генеральный директор министерства иностранных дел Израиля в 1980–1987 гг.

Кириленко, Андрей Павлович (1906–1990) – советский партийный деятель, член ЦК КПСС в 1956–1986 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС в 1962–1982 гг., секретарь ЦК КПСС в 1966–1982 гг.

Кирпиченко, Вадим Алексеевич (1922–2005) – советский разведчик, генерал-лейтенант, в 1970–1974 гг. резидент в Тунисе, в 1974–1979 гг. руководил нелегальной разведкой (ПГУ КГБ СССР), в 1979–1991 гг. первый заместитель начальника ПГУ КГБ СССР, в 1997 г. ушел в отставку, руководил группой консультантов Службы внешней разведки России.

Киссинджер, Генри (р. 1923) – политический и государственный деятель США, государственный секретарь США в 1973–1977 гг.

Клинтон, Уильям (Билл) Джефферсон (р. 1946) – 42-й президент США от Демократической партии в 1993–2001 гг.

Клинтон, Хиллари Дайан Родэм (р. 1947) – американский политик, член Демократической партии, сенатор от штата Нью-Йорк в 2001–2009 гг., первая леди США в 1993–2001 гг., госсекретарь США в 2009–2013 гг.

Колесниченко, Томас Анатольевич (1930–2003) – советский журналист-международник. Член редколлегии газеты «Правда», корреспондент в странах Африки, США, Великобритании.

Колотуша, Василий Иванович (р. 1941) – советский, российский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Ливане в 1986–1990 гг.

Корявин, Леонид – в 1960-х гг. корреспондент газеты «Известия» в странах Ближнего Востока.

Косыгин, Алексей Николаевич (1904–1980) – советский государственный деятель, Председатель Совета министров СССР в 1964–1980 гг., член Президиума, Политбюро ЦК КПСС в 1960–1980 гг.

Котов, Юрий Васильевич (р. 1933) – советский, российский разведчик, полковник, ветеран Службы внешней разведки РФ.

Коуплэнд, Майлз (Коплэнд Майлс) (младший) (1916–1991) – американский предприниматель и офицер ЦРУ, принимал активное участие в основных внешнеполитических операциях США в 1950–1980-х гг.; после Второй мировой войны служил в британском Управлении специальных подразделений, служил на Ближнем Востоке; в 1953 г. вместе с Арчибалдом Рузвельтом (сыном Теодора Рузвельта) и его племянником Кимом Рузвельтом-младшим сыграл важную роль в организации операции «Аякс», в результате которой был свергнут премьер-министр Ирана Мохаммед Моссадык.

Коэн, Ариэль (р. 1959) – американский политолог, ведущий эксперт фонда Heritage Foundation.

Коэн, Уильям (р. 1940) – государственный деятель США, министр обороны США в 1997–2001 гг.

Кронкайт (младший), Уолтер Лиланд (1916–2009) – американский тележурналист и телеведущий, получивший известность в качестве ведущего вечернего выпуска новостей CBS с 1962 по 1981 гг.

Куатли, Шукри (1891–1967) – государственный, военный и политический деятель Сирии, один из основателей в 1927 г. и генеральный секретарь партии «Кутла ватания» (Национальный блок), выступавшей за независимость Сирии, президент Сирии в 1943–1949, 1955–1958 гг.

Кузнецов, Василий Васильевич (1901–1990) – советский государственный деятель, в 1952–1989 гг. – замести-

тель, в 1955–1977 гг. – первый заместитель министра иностранных дел СССР; в 1977–1986 гг. – кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР; в начале 1980-х гг. исполнял обязанности номинального главы советского государства – Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Кургелашвили, Шота (1918–?) – советский грузинский историк-востоковед, профессор, доктор исторических наук.

Кутб Сайид (Кутуб Сайед) (1906–1966) – египетский писатель, философ, идеолог ассоциации «Братья-мусульмане».

Лавон, Пинхас (1904–1976) – израильский государственный деятель, генеральный секретарь профсоюза «Гистадрут» в 1949–1951 гг., министр обороны Израиля в 1954–1955 гг.

Лавров, Сергей Викторович (род. 1950) – советский, российский государственный деятель, министр иностранных дел Российской Федерации с 2004 г.; постоянный член Совета безопасности России.

Ладен, Усама бен Мухаммад бен Авад (1957–2011) – создатель и бывший лидер международной исламистской террористической организации «Аль-Каида», ответственная за ряд крупномасштабных терактов в разных странах мира. По официальной версии властей США убит 2 мая 2011 года в результате спецоперации США в Пакистане.

Лахад (Лахуд), Антуан (1927–2015) – командующий «Армией южного Ливана» в 1984 –2000 гг.

Либерман, Евсей Григорьевич (1897–1981) – профессор, советский экономист, создатель и разработчик концепции советской экономической реформы 1965 г.

Лидин (Ледин), Майкл – американский историк, философ, аналитик внешней политики, писатель, бывший консультант Совета национальной безопасности США, Госдепартамента и министерства обороны США.

Ллойд, Джон Селвин Брук (1904–1978) – британский государственный деятель; в 1951–1954 гг. государственный министр иностранных дел Великобритании.

Луи, Виктор (Луи Виталий Евгеньевич) (1928–1992) – английский и советский журналист, тесно сотрудничавший с КГБ.

Лэмпсон, Майлс, лорд (1880–1964) – британский дипломат, член Тайного совета Великобритании с 1941 г., с 1934 г. верховный комиссар, в 1936–1946 гг. посол Великобритании в Египте; в 1946–1948 гг. особый комиссар Великобритании в Южной Азии.

Маджали (аль-Маджали), Хусейн – командующий вооруженными отрядами сил общественной безопасности Иордании, с марта 2013 г. министр внутренних дел Иордании

Маккейн, Джон Сидней III (род. 1936) – американский политик-республиканец, сенатор США от штата Аризона с 1987 г., кандидат от республиканской партии на выборах Президента США 2008 г., где проиграл демократу Баракку Обаме.

Макнамара, Роберт Стрэйндж (1916–2009) – американский предприниматель, политик-республиканец, министр обороны США в 1961–1968 гг.

Макфарлейн, Роберт Карл (род. 1937) – советник президента США по национальной безопасности в 1983–1985 гг., основатель совета энергетической безопасности США.

Малек, Анвар – член группы наблюдателей Лиги арабских государств (ЛАГ) в Сирии.

Малики, Аднан (1918–1955) – помощник начальника генерального штаба сирийской армии, играл видную политическую роль в событиях середины XX в. на Ближнем Востоке.

Марун, Антун (?–1925) – один из основателей Египетской коммунистической партии, арестован в 1924 г., в 1925 г. умер в тюрьме.

Махджуб, Абд аль-Халик (Абдельхалик) (1927–1971) политический деятель Судана, один из основателей в 1946 г. и генеральный секретарь ЦК коммунистической партии Судана в 1949, 1971 гг.

Махди, Сиддик, сын Сайда Абд ар-Рахман аль-Махди, лидера партии Хизб-аль-Умма, наиболее влиятельной в се-

верной части Судана, один из руководителей партии по внешнеполитическим вопросам.

Машааль, Халед (р. 1956) – председатель политбюро палестинской партии Исламского движения сопротивления (ХАМАС), признанного в ряде стран террористической. Один из лидеров движения ХАМАС.

Мухаммед Сидки Махмуд – командующий египетской авиацией.

Махус, Ибрагим (1925–2013) – сирийский государственный деятель, министр иностранных дел Сирии в 1965 и 1966–1968 гг.

Меир, Голда (1898–1978) – израильский государственный деятель. Министр иностранных дел Израиля в 1956–1966 гг., премьер-министр Израиля в 1969–1974 гг.

Менгисту, Хайле Мариам (род. 1941) – военный и государственный деятель Эфиопии, один из лидеров эфиопской революции, с 1974 г., после свержения монархии заместитель председателя Временного военно-административного совета (ВВАС), с 1977 г. председатель ВВАС, глава Временного революционного правительства, генеральный секретарь ЦК Рабочей партии Эфиопии в 1984–1991 гг., президент и председатель Государственного совета Эфиопии в 1987–1991 гг. С мая 1991 г. в эмиграции.

Микоян, Анастас Иванович (1895–1978) – один из наиболее влиятельных государственных и партийных деятелей СССР, высший из занимавшихся им постов – Председатель Президиума Верховного Совета СССР с июля 1964 по декабрь 1965 гг.

Минтофф, Доминик (1916–2012) – основатель и лидер Лейбористской партии Мальты в 1949 – 1985 гг., премьер-министр Мальты как колонии в 1955–1958 гг., премьер-министр получившей независимость Мальты в 1971 – 1984 гг.

Михоэлс, Соломон Михайлович (1890–1948) – советский театральный актер и режиссер еврейского происхождения, общественный деятель, народный артист СССР; 12 января 1948 г. убит сотрудниками МГБ.

Моссадык, Мохаммед (1882–1967) – премьер-министр Ирана в 1951–1953 годах. Свергнут в результате переворота, организованного спецслужбами Великобритании и США.

Мохиэддин (Мохи эд-Дин), Закария (1918–2012) – государственный деятель Египта, вице-президент страны в 1961–1968 гг., сторонник отказа от социалистической ориентации.

Мохиэддин Халид (Халед Мохи эд-Дин) (р. 1922) – египетский политический, военный и общественный деятель, один из лидеров организации «Свободные офицеры» и Июльской революции 1952 г., член Совета революционного командования Египта в 1952–1954 гг. Основатель и председатель Национально-прогрессивной (левой) партии Египта.

Мубарак, Хосни (р. 1928) – египетский военный и политический деятель. Вице-президент Египта в 1975–1981 гг., президент Египта в 1981–2011 гг.

Мурси, Фуад – доктор экономики, министр снабжения в правительстве Г. Насера, в 1960-х гг. – один из лидеров левой Национально-прогрессивной партии.

Муса, Амр (р. 1936) – египетский дипломат, министр иностранных дел Египта в 1991–2001 гг., председатель Лиги арабских государств в 2001–2011 гг.

Мухаммед, Азиз – в 1964–1993 гг. руководитель Иракской коммунистической партии.

Мухаммед, Али Насер (род. 1939) – политический и государственный деятель Южного Йемена, премьер-министр в 1971–1985 гг., одновременно дважды возглавлял государственную власть страны – как Председатель Президентского Совета Южного Йемена в 1978 г. и Председатель Президиума Верховного Народного Совета в 1980–1986 гг.

Мухитдинов, Нуритдин Акрамович (1917–2008) – советский партийный и государственный деятель, член Президиума ЦК КПСС в 1957–1961 гг., Чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Сирии в 1968–1977 гг.

Мухсин (Мохсен), Зухейр (1936–1979) – палестинский лидер просирийской организации «Сайка», входившей в Организацию освобождения Палестины в 1971–1979 гг.

Набулси, Сулейман (род. 1910) – государственный деятель Иордании, в 1956–1957 гг. Премьер-министр и ми-

нистр иностранных дел, с 1970 г. председатель Иорданского комитета афро-азиатской солидарности и Иорданского комитета защиты мира.

Навон, Ицхак (1921–2015) – израильский государственный деятель, пятый президент Израиля в 1978–1983 гг.

Насер, Гамаль Абдель (1918–1970) – государственный, политический и военный деятель, президент Египта в 1954–1970 гг., генеральный секретарь Движения неприсоединения в 1964–1970 гг. Основатель и руководитель тайной политической организации «Свободные офицеры», возглавившей 23 июля 1952 г. революцию, в результате которой пал монархический режим, и Египет был провозглашен республикой. В 1954 г. стал председателем Революционного совета и премьер-министром, в 1956 г. – президентом республики и главнокомандующим вооруженными силами Египта. При нем в 1956 г. национализирован Суэцкий канал; по его инициативе разработан план построения в Египте «арабского социализма». С 1963 г. являлся бессменным председателем Арабского социалистического союза.

Наттинг, сэр Антони (1920–1999) – британский дипломат, член Консервативной партии Великобритании.

Неру, Джавахарлал (1889–1964) – лидер индийского национально-освободительного движения, премьер-министр Индии в 1947–1964 гг. Отец Индиры Ганди.

Нетаньяху, Биньямин (Биби) (род. 1949) – государственный и политический деятель Израиля, премьер-министр Израиля в 1996–1999 гг., действующий премьер-министр Израиля с 2009 г., лидер партии Ликуд в 1993–1999 и с 2005 г.

Нидаль, Абу (Сабри Халиль аль-Банна) (1937–2002) – палестинский националист, террорист.

Никсон, Ричард (1913–1994) – сенатор от штата Калифорния в 1950–1953 гг., вице-президент США в 1953–1961 гг., президент США в 1969–1974 гг.

Нимейри, Джафар Мухаммел (1930–2009) – государственный руководитель Судана в 1969–1985 гг., Председатель Революционного совета Судана в мае 1969 – июле 1971 гг. и в июле-октябре 1971 г. Президент Судана в 1971–1985 гг.

Нир, Амирам (1950–1988) – военный деятель Израиля, подполковник, во время войны Судного дня командовал танковым батальоном; работал военным корреспондентом газеты «Едиот ахронот» и на телевидении; советник премьер-министров Менахема Бегина и Шимона Переса по вопросам борьбы с терроризмом. Погиб в Мексике при крушении частного вертолета.

Норт, Оливер Лоренс (1943) – офицер морской пехоты США, директор аппарата СНБ США, известный своим участием в скандале Иран-контрас.

Нури Саид (Нури аль-Саид) (1887–1958) – иракский политический и государственный деятель, премьер-министр Ирака. Заложил основы Багдадского пакта. Убит восставшими жителями Багдада во время Иракской революции 1958 года.

Ода, Мухаммед – современный египетский журналист, писатель, историк.

Олбрайт, Мадлен (Мария Яна Корбелова) (род. 1937) – государственный секретарь США в 1997–2001 гг., первая женщина в этой должности.

Ольмерт, Эхуд (род. 1930) – израильский политический и государственный деятель, шестнадцатый премьер-министр Израиля, лидер партии Кадима в 2006–2008 гг.

Осман, Махмуд («доктор Махмуд») – авторитетный курдский политик, в прошлом – член Политбюро ДПК.

Пан Ги Мун (род. 1944) – профессиональный дипломат, в 2004–2006 гг. министр иностранных дел и внешней торговли Республики Корея, с 2007 г. Генеральный секретарь ООН, провел ряд реформ в деятельности организации. В 2011 г. утвержден Генеральным секретарем ООН на второй пятилетний срок.

Панетта, Леон Эдвард (род. 1938) – американский политик, юрист, профессор; в 1994–1997 гг. глава администрации Белого Дома, в 2009–2011 гг. директор ЦРУ, в 2011–2013 гг. министр обороны США.

Паниккар, Кавалам Мадхава (1894–1963) – индийский писатель, журналист, издатель, ученый-историк, дипломат, посол Индии в Каире; после обретения Индией не-

зависимости представлял страну в 1947 г. на сессии ООН, в 1950-х гг. посол Индии в Египте; являлся депутатом индийского парламента.

Пакрадуни, Карим (р. 1944) – ливанский политический деятель, член, а затем, с 2001 г. президент партии «Катаиб».

Перес, Шимон (р. 1923) – израильский политик. Министр иностранных дел Израиля в 1986–1988, 1992–1995 и 2001–2002 гг., министр транспорта в 1970–1974 гг., министр финансов в 1988–1990 гг., министр обороны в 1974–1977 и 1995–1996 гг., премьер-министр Израиля в 1984–1986 и 1995–1996 гг., президент Израиля в 2007–2014 гг.

Пересыпкин, Олег Герасимович (р. 1935) – советский, российский дипломат, в 1980–1984 гг. посол СССР в ЙАР, в 1984–1986 гг. посол СССР в Ливии, в 1996–1999 гг. посол России в Ливане; в 1989–2001 гг. председатель Императорского православного палестинского общества, почетный член данного Общества.

Перл, Ричард Норман (р. 1941) – американский политик-республиканец и политолог, специалист по оборонной тематике.

Перфильев, Юрий Николаевич (р. 1937) – деятель советских спецслужб.

Пехлеви, Мухаммед Реза (1919–1980) – в 1941–1979 гг. 35-й и последний шах Ирана из династии Пехлеви.

Подгорный, Николай Викторович (1903–1983) – советский государственный деятель, Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1965–1977 гг., член Президиума – Политбюро ЦК КПСС в 1960–1977 гг.

Пожидаев, Дмитрий Петрович (1913–1989) – советский дипломат, Чрезвычайный и полномочный посол в Египте в 1965–1967 гг.

Пойндекстер, Джон (род. 1936) – военно-морской офицер министерства обороны США, советник по национальной безопасности при президенте Рональде Рейгане, вышел в отставку в 1987 г. в звании контр-адмирала.

Поллард, Джонатан (род. 1954) – бывший аналитик в военно-морской разведке США, американский еврей, осуж-

денный в США за шпионаж в пользу Израиля в 1987 г. и приговоренный к пожизненному заключению; освобожден в ноябре 2015 г.

Полк, Уильям – в прошлом американский дипломат, ныне – сотрудник Института Рона Пола (США).

Пономарев, Борис Николаевич (1905–1995) – советский партийный деятель, академик АН СССР.

Посувалюк, Виктор Викторович (1940–1999) – советский и российский дипломат, советник, заведующий сектором Отдела стран Ближнего Востока МИД СССР в 1976–1980 гг., советник-посланник посольства СССР в Сирии в 1980–1985 гг., заместитель заведующего Отделом стран Ближнего Востока, заместитель заведующего отделом Управления стран Ближнего Востока и Северной Африки МИД СССР в 1986–1988 гг., посол СССР в Омане в 1988–1990 гг., посол СССР, затем Российской Федерации в Ираке в 1990–1992 гг.; в 1991 во время операции «Буря в пустыне» остался единственным иностранным послом, не покинувшим Багдада, и через него проходили все контакты российской и западной дипломатии с администрацией Ирака; директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД Российской Федерации в 1992–1994 гг., заместитель министра иностранных дел РФ в 1994–1999 гг., специальный представитель Президента России по ближневосточному урегулированию в 1994–1999 гг.

Путин, Владимир Владимирович (род. 1953) – российский государственный и политический деятель, Президент Российской Федерации в 2000–2008 и с мая 2012 гг., Председатель Правительства Российской Федерации в 1999–2000, 2008–2012 гг., директор Федеральной службы безопасности в 1998–1999 гг.

Раббани, Бурхунаттин (1940–2001) – президент Афганистана в 1992–2001 гг.

Раббо, Ясир Абд (р. 1944) – палестинский политик, член исполнительного комитета Организации освобождения Палестины.

Рабин, Ицхак (1922–1995) – премьер-министр Израиля в 1974–1977 и 1992–1995 гг. Убит ультраправым экстремистом Игалем Амиром 4 ноября 1995 года.

Райс, Кондолиза (род. 1954) – 66-й Государственный секретарь США в 2005–2009 гг. Советник президента США по национальной безопасности во время первого срока президентства Джорджа Буша (младшего).

Райт, Майкл – британский дипломат, посол Великобритании в Ираке в 1954–1958 гг.

Рамадан, Таха Ясин (1938–2007) – иракский политический и государственный деятель, вице-президент Ирака в 1991–2003 гг.

Рамсфельд, Дональд (род. 1932) – американский политик-республиканец, министр обороны США в 1975–1977 гг. в администрации Дж. Форда, и в 2001–2006 гг. в администрации Дж. Буша-младшего.

Раск, Дэвид Дин (1909–1994) – американский государственный деятель, занимал пост госсекретаря США при президентах Дж. Ф. Кенеди и Л. Джонсоне.

Рафсанджани, Хашеми Акбар (р. 1934) – министр внутренних дел Ирана в 1979–1980 гг., председатель Меджлиса Ирана в 1980–1989 гг., президент Ирана в 1989–1997 гг.

Риттер, Скотт – американский историк, писатель, военнослужащий ВМС США во время первой войны в Персидском заливе; до 1998 года руководил работой группы инспекторов спецкомиссии ООН в Ираке; отказался от должности из-за убеждения в том, что «ООН шла на поводу у режима Саддама Хусейна». На сегодняшний день, по его мнению, «в Ираке больше нет оружия массового уничтожения».

Рифаи (аль-Рифаи), Зейд (Заид) (род. 1936) – иорданский государственный деятель, премьер-министр Иордании в 1985–1989 гг.

Рияд (Риад), Махмуд (1917–1992) – египетский дипломат, представитель Египта в ООН с 1962 по 1964 гг., министр иностранных дел Египта в 1964–1972 гг., Генеральный секретарь Лиги арабских государств в 1972–1979 гг.

Роджерс, Уильям Пирс (1913–2001) – американский политик и государственный деятель, в 1969–1973 гг. занимал пост госсекретаря в администрации президента Ричарда Никсона.

Рузвельт, Кермет «Ким» (1916–2000) – внук президента США Теодора Рузвельта, сотрудник ЦРУ, в годы Второй мировой войны и в послевоенный период работал на Ближнем Востоке, сыграл ключевую роль в операции по возвращению к власти в Иране шаха Реза Пехлеви.

Рюмин, Михаил Дмитриевич (1913–1954) – деятель НКГБ-МГБ, полковник, заместитель министра государственной безопасности СССР в 1951–1952 гг.

Рябков, Сергей Алексеевич (род. 1960) – российский дипломат, заместитель министра иностранных дел России в группе БРИКС.

Саади, Али Салех (?–1963) – министр внутренних дел Ирака, генеральный секретарь Баас.

Сабах (ас-Сабах) Джабер III аль-Ахмад аль-Джабер (1926–2006) – шейх, 3-й эмир Кувейта (с декабря 1977 г.) из династии Аль Сабах. В 1965 г. назначен премьер-министром Кувейта, в 1966 г. пожалован титулом крон-принца; в 1977 г. наследовал своему двоюродному дяде – 12-му эмиру Кувейта Саббаху III, в 1986 г. распустил Национальное собрание Кувейта, в 1991 г., после возвращения в страну, восстановил его. В ходе вторжения иракских войск на территорию Кувейта в 1990 г. улетел в Саудовскую Аравию, возглавив правительство в изгнании; в марте 1991 г. вернулся в страну после ее освобождения международными коалиционными силами. Внес вклад в создание Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, «Фонда будущих поколений» и в объединение Северного и Южного Йемена.

Сабри, Али (1920–1991) – египетский политический и военный деятель, председатель Исполнительного совета Объединенной Арабской Республики в 1962–1964 гг., премьер-министр ОАР в 1964–1965 гг., вице-президент ОАР в 1965–1968 гг.

Садат, Анвар (1918–1981) – государственный, политический и военный деятель Египта, маршал, президент Египта в 1970–1981 годах. Отказался от панарабистских притязаний своего предшественника, Г. Насера, при нем в 1971 г. государство было переименовано из Объединенной

Арабской республики (ОАР) в Арабскую республику Египте (АРЕ). Лауреат Нобелевской премии мира.

Садек, Мухаммед Ахмед (1917–1991) – египетский военный и политический деятель, военный министр Египта в 1971–1972 гг., генерал-полковник.

Садр (ас-Садр) Муктада (род. 1973) – иракский религиозный деятель, радикальный лидер иракских шиитов, руководитель полувоенной шиитской организации «Армия Махди».

Саид, Нури (1888–1958) – иракский политический деятель. В 1930–1958 гг. восемь раз занимал должность премьер-министра Ирака. Убит в ходе революции 14 июля.

Салем, Гамаль (1918–1968) – египетский военный, политик, сторонник Насера, заместитель премьер-министра в 1954–1959 гг.

Салех, Али Абдалла (род. 1942) – йеменский государственный, военный и политический деятель, президент Северного Йемена в 1978–1990 гг., после объединения Йемена председатель Президентского Совета единого Йемена в 1990–1994 гг., президент Йемена в 1994–2011 гг., Почетный президент Йемена в 2011–2012 гг.

Саляль (ас-Саляль), Абдалла (1917–1994) – государственный деятель Йемена, в 1962–1967 гг. первый президент Северного Йемена.

Саляме, Али Хасан (Абу Хасан) (по прозвищу «Красный Принц») (1939–1979) – «мозговой центр» террористической организации «Черный сентябрь», племянник Ясира Арафата, занимал важные посты в ФАТХ и ООП.

Самотейкин, Евгений Матвеевич (1928–2014) – советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол, в 1964–1982 гг. – референт Первого, затем Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева.

Сарадж, Абдель Хамид (1925–2013) – государственный и военный деятель Сирии, председатель Исполнительного Совета Северной Территории Объединенной Арабской Республики, премьер-министр Сирии в 1960–1961 гг.

Саркис, Ильяс (1924–1985) – ливанский государственный деятель, президент Ливана в 1976–1982 годах.

Саркози, Николя (род. 1955) – французский государственный и политический деятель, 23-й президент Французской республики в 2007–2012 гг.

Сауд (1902–1969) – король Саудовской Аравии в 1953–1964 годах.

Сафари, Мехди – иранский дипломат, инженер, в 1991–1992 г. временный поверенный в делах Ирана в Германии, в 1992–1995 гг. посол Ирана в Австрии, в 1995–2001 гг. посол Ирана в Российской Федерации.

Семенов, Владимир Семенович (1911–1992) – советский дипломат и государственный деятель, заместитель министра иностранных дел в 1955–1978 гг.

Сидки, Азиз Мухаммед (1920–2008) – египетский экономист и государственный деятель, премьер-министр Египта в 1972–1973 гг., получил признание как «отец египетской индустрии».

Сирри Амер, Хусейн – египетский военный деятель в эпоху правления короля Фарука.

Сиско, Джозеф (1919–2004) – американский дипломат, сотрудник Госдепартамента США в 1951–1976 гг.

Систани (аль-Систани) Али (род. 1930) – Великий аятолла, один из духовных лидеров шиитов, духовный вождь шиитов Ирака, играет важную политическую роль.

Скоукрофт, Brent (род. 1925) – генерал-лейтенант ВВС США, советник президента США по национальной безопасности в 1975–1977 и 1989–1993 гг.

Скуби, Маргарет (род. 1949) – американский дипломат, аналитик по внешнеполитической проблематике, работала в ряде дипломатических представительств США в странах Среднего и Ближнего Востока, с 2008 г. посол США в Египте.

Смайли, Дэвид – в 1970-х гг. военный корреспондент британской газеты «Дейли телеграф».

Солдатов, Александр Алексеевич (1915–1999) – советский государственный деятель, дипломат, в 1974–1986 гг. – Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Ливане.

Сондерс, Гарольд (р. 1930) – американский дипломат, помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока в 1978–1981 гг.

Стегний, Петр Владимирович (род. 1945) – советский российский дипломат, историк, в 1999–2003 гг. член коллегии МИД России, с 1999–2003 гг. член коллегии Федеральной архивной службы России; в 2003–2007 гг. Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Турции, в 2007–2011 гг. – Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Израиле.

Сулейман, Омар (генерал Сулейман) – египетский военный и политический деятель, глава египетской разведки, после отставки президента Х. Мубарака в ходе египетской революции 2012 г. объявивший о временной передаче власти в стране армии.

Сульцбергер, Артур Окс (1926–2012) – издатель и председатель совета директоров авторитетной американской газеты «Нью-Йорк Таймс».

Суслов, Михаил Андреевич (1902–1982) – советский партийный и государственный деятель, член Политбюро, Президиума ЦК КПСС в 1952–1953 гг., секретарь ЦК КПСС в 1947–1982 гг.; являлся идеологом партии, инициатором гонений на диссидентов и сторонником жесткой внешнеполитической линии.

Талабани, Джаляль Хусаматдин (род. 1933) – курдский иракский политический деятель, президент Ирака в 2005–2014 гг.

Тарасенко, Сергей – советский дипломат, профессиональный переводчик, помощник министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе в 1985–1991 гг.

Тикрити (ат-Тикрити) Хардан Абдул (1925–1971) – иракский военный и политический деятель, участник переворотов партии Баас в 1963 и 1968 гг., занимал видные посты в руководстве Ирака, убит неизвестным в Кувейте.

Тимошкин, Александр – в 1960-х гг. корреспондент «Московского радио» в странах Ближнего Востока.

Траутбек, Джон (1894–1971) – британский политик, дипломат, в 1951–1954 гг. посол Великобритании в Ираке.

Тураби (ат-Тураби), Хасан Абдуллах (род. 1932) – духовный лидер Судана, в 1991 г. инициировал создание неправительственной Организации исламо-арабской народной конференции (ОИАНК), объединившей радикальные исламистские движения 55 стран. Один из главных советников президента Судана аль-Башира, ныне находится в оппозиции.

Тухами, Хасан (1924–2009) – египетский государственный деятель, заместитель премьер-министра в период правления Анвара Садата, участник подготовки Кемп-Дэвидского мирного договора между Израилем и Египтом.

Тэлбот, Строуб (род. 1946) – американский дипломат, политолог, заместитель госсекретаря США в 1994–2001 гг. С 2002 г. – президент Брукингского института в Вашингтоне.

У Тан (1909–1974) – бирманский дипломат, третий Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в 1962–1971 гг.

Уайнбергер, Каспар (1917–2006) – американский государственный деятель, министр обороны США в 1981–1987 гг.

Ульяновский, Ростислав Александрович (1904–1995) – советский историк, востоковед, доктор экономических наук.

Фавзи, Мохаммед (1915–2000) – египетский политический и военный деятель, военный министр Египта в 1968–1971 гг.

Файк, Мухаммед – египетский государственный деятель, министр информации в правительстве Гамалея Абдель Насера.

Фараон, Рашад – руководитель спецслужб Саудовской Аравии в 1960-х гг.

Фарук I (1920–1965) – король Египта и Судана из династии Мухаммеда Али. Свергнут с престола в результате военного переворота 1952 г., известного как Июльская революция. Жил в Монако и Италии. Похоронен в Каирской мечети Рифай.

Фахд, ибн Абдул-Азиз (1921–2005) – король Саудовской Аравии в 1982–2005 годах.

Фахум (аль-Фахум), Халед – председатель Палестинского национального Совета в 1974–1983 гг.

Федотов, Феликс Николаевич (1929–1997) – советский дипломат, в 1968–1969 гг. советник посольства в Ираке, в 1969–1972 гг. советник-посланник посольства СССР в Ираке, в 1972 г. сотрудник центрального аппарата МИД СССР, в 1972–1978 гг. Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Судане, в 1978–1982 гг. Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в НДРЙ, в 1982–1984 гг. сотрудник центрального аппарата МИД СССР, в 1984–1986 гг. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в Сирии, в 1986–1990 гг. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в ОАЭ.

Фейсал, ибн Абдул-Азиз (1906–1975) – министр иностранных дел в 1930–1960 и 1962–1975 гг., король Саудовской Аравии в 1962–1975 гг.

Фейсал I (1883–1933) – глава арабского правительства в Дамаске после антитурецкого восстания в 1918–1920 гг., король Сирии в 1920 г., король Ирака в 1921–1933 гг.

Фейсал II бен Гази (1935–1958) – король Ирака, последний из династии Хашимитов. Занимал посты фельд-маршала иракской армии, адмирала флота и маршала ВВС. Убит в ходе Иракской революции.

Федоров, Владилен Николаевич (1924–2003) – сотрудник органов Госбезопасности с 1954 г., генерал-майор.

Форд, Джеральд (1913–2006) – американский политик и государственный деятель, президент США в 1974–1977 гг.

Фортиер, Дональд (1947–1986) – американский политик, сотрудник руководства Совета по национальной безопасности.

Франжье, Сулейман Кабалан (1910–1992) – ливанский государственный деятель, в 1970–1976 гг. президент Ливана.

Франжье, Тонни (1939–1978) – член парламента, известный полевой командир во время гражданской войны в Ливане, командовавший христианской милицией «Армия освобождения Згарты».

Фрейер, Шалзет (1920–1994) – израильский военный и государственный деятель, в 1940-х гг. воевал в рядах

британской армии в Африке и Италии, изучал физику, защитил докторскую диссертацию в институте им. Вейцмана. В 1971–1976 гг. был председателем Комиссии по атомной энергетике Израиля.

Фуад Ахмед II (род. 1952) – последний (3-й) король Египта и Судана в 1952–1953 гг. Сын и преемник Фарука I, последний из династии Мухаммада Али.

Фуад М. Сираг эд-Дин, Мухаммед – генеральный секретарь партии «Вафд», министр внутренних дел Египта в 1950–1952 гг.

Хабаш, Жорж (1926–2008) – генеральный секретарь Народного фронта освобождения Палестины в 1967–2000 гг.

Хаватме (Хаватма), Наиф (р. 1935) – генеральный секретарь Демократического фронта освобождения Палестины с 1969 г. по настоящее время. В 1973 г. предложил «Переходную национальную программу», предусматривавшую согласно резолюции ООН создание в Палестине двух государств – арабского и еврейского, а также соглашение с Израилем.

Хаддад, Саад (1936–1984) – ливанский военный и политический деятель, основатель и первый руководитель «Армии южного Ливана».

Хаддам, Абдель Халим (род. 1932) – сирийский государственный и политический деятель, член просирийской партии Баас, вице-президент Сирии в 1984–2005 гг.; исполнял обязанности президента Сирии после смерти Хафеза Асада и до избрания на эту должность Башара Асада.

Хадж (аль-Хадж), Азиз – в прошлом член Иракской коммунистической партии, создатель в Ираке осенью 1967 г. организации «Коммунистическая партия (Центральное командование)», приступившей к набегам на полицейские станции и банки под лозунгом «народной войны»; к апрелю 1968 г. движение было подавлено, а сам аль-Хадж публично покаялся.

Халиль, Хусейн – политический советник лидера «Хезболлы» Хасана Насраллы.

Хаменеи, Сейид Али Хосейни (род. 1939) – аятолла, иранский религиозный и государственный деятель, Выс-

ший руководитель Ирана с 1989 г. по настоящее время, президент Ирана в 1981–1989 гг.

Хамруш, Ахмед (1921–2011) – египетский политический и культурный деятель, писатель, историк, журналист, один из участников революции 1952 г.

Харири, Рафик (1944–2005) – ливанский миллиардер и политический деятель; с октября 1992 г. премьер-министр Ливана, исполнял с перерывом свои обязанности 12 лет в 1998–2000 гг. Погиб в результате покушения.

Хашими (аль-Хашими) Али ибн Хусейн (1879–1935) – шериф Мекки, старший сын короля Хусейна, второй король Хиджаза.

Хашими (аль-Хашими), Хусейн ибн Али (1854–1931) – шериф Мекки, в 1916–1924 гг. первый король Хиджаза из династии Хашимитов.

Хелмс, Ричард Макгарра (1913–2002) – американский государственный деятель, Директор Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США в 1966–1973 гг.

Хейг, Александр (1924–2010) – американский военачальник, государственный деятель, дипломат.

Хейкал, Мохаммед Хасанейн (р. 1923) – египетский журналист, главный редактор газеты «Аль-Ахрам» в 1957–1974 гг. Спичрайтер президента Египта Г.А. Насера.

Хинауи, Сами – военный и политический деятель Сирии, в июне 1949 г. после убийства премьер-министра аз-Заима пришел к власти, восстановив гражданское правление; смещен в декабре 1949 г.

Хиршман, Ира (1901–1989) – американский бизнесмен и публицист, специальный представитель Управления по делам военных беженцев в 1944–1945 гг.

Холи (аль-Холи) Лютфи – египетский писатель, драматург и журналист; видный общественный деятель, в течение долгого времени находился на посту главного редактора прогрессивного египетского журнала «Авангард» («Ат-Талиа»).

Хрущев, Никита Сергеевич (1894–1971) – советский государственный деятель, Первый секретарь ЦК КПСС в 1953–1964 гг., Председатель Совета Министров в 1958–1964 гг.

Хусейн, ибн Али аль-Хашими (1854–1931) – шериф и эмир Мекки в 1908–1924 гг., отец Фейсала I.

Хусейн, ибн Талал (1935–1999) – король Иордании в 1952–1999 гг.

Хусейн, Саддам (1937–2006) – президент Ирака в 1979–2003 гг., заместитель председателя Совета революционного командования Ирака в 1968–1979 гг. и его председатель в 1979–2003 гг. Свергнут со своего поста в результате вторжения в Ирак в апреле 2003 г. международной коалиции во главе с США.

Цанав, Лаврентий Фомич (1900–1955) – деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ, в 1938–1941 гг. нарком внутренних дел БССР, в 1943–1951 гг. министр госбезопасности БССР, один из организаторов сталинских репрессий, входил в группу убийц С.М. Михоэлса, после смерти И.В. Сталина арестован, умер в тюрьме во время следствия.

Чейни, Ричард (Дик) Брюс (род. 1941) – американский политик республиканец, в 1989–1993 гг. в администрации Дж. Буша-старшего министр обороны США; в 2001–2009 гг. вице-президент США в администрации Дж. Буша-младшего.

Черненко, Константин Устинович (1911–1985) – советский партийный и государственный деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС с февраля 1984 по март 1985 гг., Председатель Президиума Верховного Совета СССР, член Политбюро ЦК КПСС с 1978 г.

Чувахин, Дмитрий Степанович (1903–1997), – советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Израиле в 1964–1967 гг.

Шааб (аш-Шааби), Кахтан Мухаммед (1923–1981) – йеменский политический деятель, лидер борьбы за независимость, первый президент Народной Республики Южного Йемена в 1967–1969 гг., остаток дней провел в изоляции.

Шаат, Набилъ (род. 1938) – член ЦК ФАТХ, сопредседатель Российско-Палестинского комитета по Ближнему Востоку.

Шавваф, Абдель Вахаб – полковник иракской армии, губернатор Мосула, поднявший местный гарнизон против

центрального правительства в марте 1959 г. (Мятеж провалился.)

Шазли (аль-Шазли), Саад – генерал-лейтенант, начальник Генерального штаба вооруженных сил Египта в начале 1970-х гг.

Шамир, Ицхак (1915–2012) – израильский политик и государственный деятель; председатель Кнессета в 1977–1980 гг., премьер-министр Израиля в 1983–1984 и 1986–1992 гг.

Шамун, Камиль Нимр (1900–1987) – президент Ливана в 1952–1958 гг., один из главных христианских лидеров во время гражданской войны в Ливане в 1975–1990 гг.

Шамун, Дани (1934–1990) – председатель Национально-либеральной партии Ливана в 1985–1990 гг., сын Камилля Шамуна. Убит.

Шараа, Фарук (р. 1938) – министр иностранных дел Сирии в 1984–2006 гг., вице-президент Сирии с 2006 г. по настоящее время.

Шарет, Моше – министр иностранных дел Израиля в 1948–1956 гг., премьер-министр Израиля в 1954–1955 гг.

Шаретт, Эрве де (р. 1938) – министр иностранных дел Франции в 1995–1997 гг.

Шарон, Ариэль (1928–2014) – израильский военный и политический деятель, генерал-майор армии, премьер-министр Израиля в 2001–2006 гг.

Шафеи (аль-Шафеи), Хусейн Махмуд Хасан (1918–2005) – египетский военный и политический деятель, в 1962–1975 гг. вице-президент Египта, в 1964–1965 гг. генеральный секретарь Арабского социалистического союза.

Шелепин, Александр Николаевич (1918–1994) – советский партийный и государственный деятель. Член ЦК КПСС в 1952–1976; член Президиума (Политбюро) ЦК КПСС в 1964–1975 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1954–1979 гг.; с 1958 по 1961 г. председатель КГБ при Совмине СССР. В 1975–1984 гг. работал заместителем председателя Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию.

Шепилов, Дмитрий Трофимович (1905–1995) – советский политический деятель, ученый-экономист, член ЦК КПСС в 1952–1957 гг., секретарь ЦК КПСС в 1955–1956, 1957 гг. Депутат Верховного Совета СССР 3-го и 4-го созывов.

Шериф, Азиз (1904–?) – иракский общественный и политический деятель, юрист, в 1946 г. основал «Партию народа» («Хизб аш-шааб»), выступавшую «за подлинную независимость» и демократизацию политической жизни Ирака. Подвергался преследованиям властей, эмигрировал; после Иракской революции 1958 г. вернулся на родину, избран генеральным секретарем Национального совета сторонников мира. В 1969 г. назначен министром юстиции, затем – государственным министром (до конца 1975 г.). В 1960 г. награжден международной Ленинской премией мира, в 1974 г. орденом Дружбы народов.

Шехаб, Фуад (1902–1973) – ливанский политик, президент Ливана в 1958–1964 гг.

Шиманский, Дмитрий Вячеславович (р. 1980) – российский экономист, старший эксперт Департамента внешних связей ТПП РФ в 2002–2006 гг. Помощник Е.М. Примакова в 2007–2015 гг.

Шишакли (Шишекли), Адиб (1909–1964) – сирийский военный и государственный деятель, президент Сирии в 1953–1954 гг.

Шукейри, Ахмед (1908–1980) – председатель Организации освобождения Палестины в 1964–1967 гг.

Шульман, Маршалл (1916–2007) – основатель американской кремленологии и Русского института в США.

Шульц, Джордж Прэтт (род. 1920) – американский государственный деятель, госсекретарь в период президентства Рональда Рейгана.

Эбан, Абба (1915–2002) – израильский политик, министр иностранных дел Израиля в 1966–1974 гг.

Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид (1890–1969) – американский государственный и военный деятель, президент США в 1953–1961 гг.

Элессар, Бен – генеральный директор канцелярии премьер-министра Израиля в 1970-х гг.

Эль-Баз, Усама (1931–2013) – египетский дипломат, политический советник президента Египта Хосни Мубарака в 1981–2011 гг.

Энглтон, Джеймс Хесус (1917–1987) – руководитель контрразведывательных операций ЦРУ США в 1954–1975 гг.

Этингер, Яков Гиляриевич (1887–1951) – профессор медицины, один из основных разработчиков метода электрокардиографии сердечных заболеваний, ученый мирового уровня, консультировал высшее руководство СССР и Коминтерна, арестован по «делу врачей», в результате пыток скончался в тюрьме.

Этингер, Яков Яковлевич (1929–2014) – советский и российский историк-африканист, политолог, публицист, общественный деятель, сын Я.Г. Этингера.

Эшколь, Леви (1895–1969) – премьер-министр Израиля в 1963–1969 гг.

Юхин, Владимир Иванович (1918–1992) советский дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Сирии в 1979–1984 гг.

Язов, Дмитрий Тимофеевич (род. 1924) – советский государственный деятель, военачальник, Маршал Советского Союза (1990), министр обороны СССР в 1987–1991 гг., член ГКЧП в августе 1991 г.

Ясин, Ахмед Исмаил, шейх (1937? – 2004) – религиозный деятель, духовный лидер, в 1955 г. стал членом организации «Братья-мусульмане», в 1973 г. создал в Газе «Исламский центр по координации социальных программ», в 1987 г. совместно с другими «Братьями-мусульманами» организовал движение ХАМАС (Исламское движение сопротивления), стал одним из его идеологов. Убит 22 мая 2004 г. в секторе Газа, причиной гибели стала ракета, выпущенная с израильского вертолета.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абакумов В.С. – 346, 551

Аббас М. (Абу Мазен) – 239, 279, 302, 317, 318, 332, 338, 485, 510, 517, 551

Аббуд Эль-Ферик И. – 117, 551

Абдалла ибн Абдул-Азиз аль Сауд – 90, 125, 126, 139, 144, 519, 551

Абдаррахман М. М. (Сами) – 451, 551

Абдрабо (Абд Раббо) Я. – 249, 250, 319, 321, 551

Абдул-Азиз – 551

Авлаки М.С. – 551

Аденауэр К. – 551

Адхам К. – 185, 187, 551

Азиз Т. – 93–95, 268, 402–404, 409, 413–415, 422, 424, 425, 451, 452, 454, 551

Азм Х.Б. – 82, 552

Азхари И. – 118, 552

Айяд А. – 306, 319, 321, 334, 440, 552

Али И.А. – 207, 552

Али С.Р. (Сальмин) – 128, 552

Алон (Аллон) И. – 39, 52, 289, 312, 376, 378, 383, 384, 476, 546, 552

Аль-Бадр М. – 139, 145, 552

Аль-Банна Х. – 28, 29, 45, 553

Амер А.Х. – 38, 107, 152, 159, 162, 173–175, 192, 553

Амит М. – 134, 159, 553

Аммаш С.М. – 399, 402, 409, 553

Андерсон Р.Б. – 67, 190, 191, 553

Андропов Ю.В. – 281, 325–328, 352, 355–357, 369–371, 373, 374, 386, 387, 553

Аннан К. – 423, 432, 553

Араби (аль-Араби) Н. – 238, 553

Арафат Я. – 52, 60, 61, 88, 239, 246, 253–255, 257, 259, 262, 272, 296–308, 310–317, 319, 321–338, 376, 394, 397, 516, 553, 558, 577

Ареф А.С. – 76, 83, 110–112, 400–402, 442, 444, 445, 448, 554

Арьяни А. Р. аль-Яхья – 147, 554

Асад Б. – 582

Асад Х. – 27, 28, 31, 61, 87, 88, 91, 93, 94, 116, 201, 204, 207–209, 222, 248, 249, 254, 257, 259, 260, 262, 273, 274, 276, 277, 315, 323, 324, 327–329, 394, 395, 489, 493, 494, 503, 510–512, 531, 537, 554, 582

Атаси (аль-Атаси) Хашим Бей Халид – 163, 167, 169, 554

Афляк М. – 35, 85, 113, 402, 529, 554

Ахмадинежад М. – 470, 554

Б

- Баазиб А. – 125, 126, 554
Багдади (аль-Багдади) Л.М. – 152, 554
Баджамаль А.К. – 129, 130, 554
Бадран Шамс эд-Дин – 156, 161, 174, 554
Байроуд Г. – 47, 66, 555
Бакр (аль-Бакр) Ахмед (Ахмад) Хасан – 87, 399–401, 403, 408, 409, 452, 453, 555
Барак Э. – 336, 397, 510, 511, 555, 568
Барзани А. – 555
Барзани И. – 446, 448, 452–454, 461, 555
Барзани Масрур – 461
Барзани Масуд – 446, 452, 453, 457–459, 461, 555
Барзани Мулла Мустафа – 442–451, 453–455, 457, 461, 548, 555
Барзани Н. – 459, 461
Барковский А.А. – 115, 409, 555
Батлер Р. – 420, 555
Башир О.Х.А. – 120, 556, 580
Башир Т. – 190, 556
Бегин М. – 40, 228–230, 232–234, 236–238, 289, 358, 387–392, 478–480, 515, 530, 547, 556, 572
Бейкер Д. – 293, 438, 549, 556, 561
Беляев И.П. – 175, 176, 202–205, 556
Бен-Гурион Д. – 53–56, 59, 72, 234, 358, 473–476
Бен-Элиссар Э. – 235, 236, 388
Берлускони С. – 284, 556
Бжезинский З. – 137, 225, 237, 556
Бизри А. – 81, 82, 557
Битар С. ад-Дин – 85, 113, 114, 529, 547, 557
Блэр Т. – 284, 428, 557

- Борчгрейв (Боршграв) А. де – 194, 557
Брежнев Л.И. – 154, 168, 193, 212–217, 222, 281, 350, 352, 370, 373, 391, 557, 577
Булганин Н.А. – 73, 104, 557
Бумедьен Х. – 28, 404, 557
Бутефлика А.А. – 167, 557
Бутрос-Гали Б. – 557
Буш Д. младший – 136, 227, 292, 420, 427, 429, 437, 438, 463, 469, 508–510, 575, 584
Буш Д. старший – 293–295, 419, 438, 463, 484, 486, 584

В

- Вазир (аль-Вазир) И.Х.М. (Абу Джихад) – 320, 558
Вейцман Э. – 237, 238, 320, 321, 558, 582
Веляти А.А. – 469, 470, 558
Вильсон Г.Д. – 163, 558
Виноградов В.М. – 189, 191, 558
Воскобой А. – 387, 558
Вулфенсон Д.Д. – 518, 558
Вулфовиц П. – 429, 438, 558
Вэнс С. – 225, 226, 228, 230, 236–238, 558

Г

- Гагарин Ю.А. – 141, 558
Газит (Вайнштейн) М. – 365, 367–372, 374, 378, 379, 386, 558
Галев А.Х. – 55, 559
Галев М.М. – 161, 559
Галеви Э. – 388, 559
Галлман У. – 24, 559
Галляб Ф. – 151, 190, 559
Гендженсон С. – 559
Герцог Х. – 55, 559
Гидеон Р. – 55, 559
Глабб (Глаб) Д.Б. – 40, 559, 560
Глэспи Э. – 418, 419, 560
Голдберг А.Д. – 170, 560

- Голль (де Голль) Ш. – 163, 475, 560
 Гомаа Ш. – 187, 188, 560
 Гречко А.А. – 107, 155, 161, 201, 215, 560
 Гриневский О.А. – 248, 560
 Громыко А.А. – 95, 158, 165, 168, 169, 171, 172, 189, 193, 215, 222, 318, 355–357, 369, 370, 373–375, 377, 386, 560
 Грубьяков В.Ф. – 215, 560
 Грядуннов Ю.С. – 43, 560

Д

- Даллес А.У. – 77, 560
 Даллес Д.Ф. – 49, 50, 68, 560
 Дар А. – 58, 561
 Дарази (ад-Дарази) Абу Абдуллах Мухаммад ибн Исмаил (Наштакин ад-Дарази) – 242, 561
 Дареджан Э. – 561
 Даян М. – 56, 57, 59, 60, 209, 226, 228–237, 305, 309, 312, 320, 358, 359, 361–363, 387, 390, 391, 474, 478, 561
 Демичев П.Н. – 189, 562
 Джадид С. – 27, 561
 Джонсон Л. – 138, 159, 163, 165, 166, 168, 169, 171, 288, 476, 477, 561, 575
 Джумбалат В. – 544, 561
 Джумблат В. – 266
 Джумблат К. – 245, 247, 249, 250, 254–258, 561
 Джунди А.К. – 113–115, 561, 562
 Джунди Х. – 113, 562
 Диниц С. – 238, 379, 562
 Добрынин А.Ф. – 165, 166, 170–172, 211, 213, 215, 217, 379, 380, 562
- ## Е
- Ельцин Б.Н. – 395, 421, 468, 562

Ж

- Жаботинский В.Е. – 562
 Жемчужина П.С. – 345, 562
 Жмайель А.П. – 245, 250–255, 258, 262, 263, 266, 274, 275, 543, 562
 Журкин В.В. – 199, 200, 562

З

- Заглул С. – 102, 562
 Заим Х. (Хусни аз-Займ) – 81, 563, 583
 Зайцев В.П. – 246, 247, 563
 Зайят (эль-Зайят) М.Х. – 190, 563
 Закхейм Д. – 292, 563
 Замятин Л.М. – 154, 189, 193, 194, 563
 Звягельская И.Д. – 349, 563
 Зотов А.И. – 445, 563
 Зуэйн Ю. – 27, 114–116, 158, 163, 563

И

- Иванов Б.С. – 387, 563
 Иден Э. – 46, 47, 64, 71, 72, 563
 Идрис ибн Мухаммад аль-Махди ас-Сануси – 84, 496, 564
 Исмаил А.Ф. – 126–129, 242, 564
 Исмаил М.Х. – 196, 210, 212, 564

К

- Каддафи М. – 44, 84, 89, 183, 283–286, 489, 496–500, 502–504, 506, 550, 564
 Камель М.И. – 185, 238, 564
 Кансо А. – 259, 260, 564
 Караме Р. – 263–265, 305, 564
 Картер Д. – 137, 225, 226, 236–238, 282, 319, 564

Касем А.К. – 27, 76, 77, 83, 107–111, 400, 416, 444, 527, 564
Кац К. – 166, 564
Квандт У. – 181, 183, 225, 228, 271, 564
Кендалл Д.М. – 196, 197, 565
Кеннан Д.Ф. – 135, 182, 565
Кеннеди Д.Ф. – 138, 565
Кимхи Д. – 565
Кириленко А.П. – 565
Кирпиченко В.А. – 188, 191, 565
Киссинджер Г. – 172, 183, 186, 194–198, 200, 203, 206, 210–212, 214, 217, 218, 220, 221, 225, 319, 374, 377, 565
Клинтон Б. – 295, 335, 336, 382, 383, 397, 422, 423, 467–469, 565
Клинтон Х. – 491, 495, 565
Колесниченко Т.А. – 565
Колотуша В.И. – 315, 566
Корвяин Л. – 144, 566
Косыгин А.Н. – 161, 163, 165, 168, 169, 171, 215, 248, 249, 370, 371, 407, 408, 566
Котов Ю.В. – 355, 371, 373, 378, 383, 386, 387, 566
Коуплэнд М. – 48, 66, 110, 566
Коэн А. – 566
Коэн М. – 52
Коэн У. – 566
Кронкайт У.Л. – 186, 566
Куатли Ш. – 74, 81, 82, 566
Кузнецов В.В. – 113, 114, 166, 193, 566
Кургелашвили Ш. – 567
Кутб С. – 31, 567

Л

Лавон П. – 42, 56–60, 530, 531, 567
Лавров С.В. – 469, 471, 567
Ладен У. бен – 45, 124, 137, 431, 530, 567

Лахад А. – 275, 567
Либерман Е.Г. – 37, 567
Лидин М. – 484, 567
Ллойд Д.С.Б. – 72, 567
Луи В. – 378, 568
Лэмпсон М. – 46, 568

М

Маджали (аль-Маджали) Х. – 309, 568
Маккейн Д.С. – 286, 501, 568
Макнамара Р.С. – 159, 165, 568
Макфарлейн Р.К. – 568
Малек А. – 103, 568
Марун А. – 102, 242, 568
Махди С. – 118, 401, 439, 440, 549, 568, 577
Махус И. – 115, 569
Машааль Х. – 512, 516, 569
Меир Г. – 195, 230, 342, 349, 352, 357–364, 369, 371, 375, 376, 477, 478, 569
Менгисту Х.М. – 392, 569
Микоян А.И. – 108, 109, 569
Минтофф Д. – 56, 569
Михоэлс С.М. – 345, 346, 569, 584
Моссадк М. – 569
Мохиэддин (Мохи эд-Дин) З. – 153, 159, 174, 570
Мохиэддин Халид (Халед Мохи эд-Дин) – 53, 190, 570
Мубарак Х. – 39, 152, 394, 487, 488, 490–492, 497, 510, 512, 513, 570, 579, 587
Мурси Ф. – 190, 570
Муса А. – 90, 323, 411, 510, 512, 544, 570
Мухаммед А. – 570
Мухаммед А.А. – 403
Мухаммед А.Н. – 29, 128–130, 242, 570
Мухаммед С.М. – 152, 569
Мухитдинов Н.А. – 248, 570
Мухсин (Мохсен) З. – 570

Н

- Набулси С. – 136, 570
 Навон И. – 320, 571
 Насер Г.А. – 18, 21–23, 26–33, 35–39, 46–49, 51–56, 60, 64–75, 78–86, 89, 90, 100, 102, 105–109, 111–115, 120, 128, 129, 134, 136, 138–140, 142, 143, 147, 148, 152–164, 167, 172–174, 176, 177, 184, 186–193, 200, 202, 203, 296, 299, 300, 303, 304, 306, 307, 316, 349, 360, 404, 405, 491, 527, 528, 542, 571, 576, 577, 580, 583
 Наттинг А. – 54, 571
 Неру Д. – 56, 571
 Нетаньяху Б. – 394–398, 481, 516, 571
 Нидааль Абу (Сабри Халиль аль-Банна) – 44, 45, 262, 571
 Никсон Р. – 171, 179, 182, 183, 186, 187, 191, 194–197, 211–217, 349, 354, 377, 571, 575
 Нимейри Д.М. – 84, 118–120, 122, 123, 571
 Нир А. – 485, 486, 572
 Норт О.Л. – 484, 486, 572
 Нури С. (Нури аль-Саид) – 572

О

- Обама Б. – 294, 440, 481, 490, 499, 513
 Ода М. – 151, 190, 314, 572
 Олбрайт М. – 422, 423, 490, 516, 572
 Ольмерт Э. – 280, 510, 511, 572
 Осман М. – 451, 572

П

- Пакрадуни К. – 252, 254, 256, 266, 573
 Пан Ги Мун – 520, 572
 Панетта Л.Э. – 440, 572

- Паниккар К.М. – 572
 Перес Ш. – 228, 320, 378, 384, 385, 387, 393, 394, 474, 478, 483, 484, 573
 Пересыпкин О.Г. – 451, 573
 Перл Р.Н. – 429, 438, 573
 Перфильев Ю.Н. – 262, 573
 Пехлеви М.Р. – 404, 573
 Подгорный Н.В. – 100, 160, 167, 189, 193, 194, 350, 370, 371, 573
 Пожидаев Д.П. – 153, 154, 156, 161, 573
 Пойндекстер Д. – 484–486, 573
 Полк У. – 181, 574
 Поллард Д. – 292, 293, 573
 Пономарев Б.Н. – 123, 189, 307, 354, 409, 574
 Посувалюк В.В. – 404, 451, 574
 Путин В.В. – 44, 285, 286, 424, 425, 465, 469, 470, 501, 509, 510, 512, 574

Р

- Раббани Б. – 574
 Раббо Я.А. – 574
 Рабин И. – 155, 160, 295, 376, 377, 382–384, 387, 394, 476, 478, 485, 574
 Райс К. – 286, 435, 469, 508, 509, 511, 513, 575
 Райт М. – 575
 Райт М.Р. – 23
 Рамадан Т.Я. – 145, 265, 575
 Рамсфельд Д. – 414, 415, 438, 575
 Раск Д.Д. – 165, 171, 575
 Рафсанджани Х.А. – 575
 Рейган Р. – 268, 269, 281–283, 286–293, 323, 328, 414, 415, 483–486, 573, 586
 Ритгер С. – 420, 575
 Рифаи (аль-Рифаи) Зейд (Заид) – 205, 206, 239, 575

Рияд (Риад) М. – 186, 195, 575
Роджерс У.П. – 172, 186, 187,
191, 194, 316, 349, 547, 575
Рузвельт А. – 566
Рузвельт К. – 48, 67, 69, 566,
576
Рузвельт Т. – 48, 56, 566, 576
Рюмин М.Д. – 344, 576
Рябов С.А. – 471, 576

С

Саади А.С. – 85, 402, 576
Сабах (ас-Сабах) Джабер III
аль-Ахмад аль-Джабер – 417,
576
Сабри А. – 45, 47, 48, 50, 63,
188, 576
Садат А. – 27, 39, 61, 100, 123,
160, 174, 184–188, 190–196,
198, 201–204, 206–215, 222,
228–240, 259–261, 270, 313,
317, 322, 350, 354, 365, 367–
369, 372, 377, 382, 389, 390,
404, 405, 408, 480, 491, 528,
564, 576, 580
Садек М.А. – 204, 207, 577
Садр (ас-Садр) М. – 144, 436,
544, 549, 577
Саид Н. – 22–24, 63, 87, 301,
443, 446, 577
Салем Г. – 39, 128, 577
Салех А.А. – 85, 129, 314, 323,
325, 494, 577
Саляль (ас-Саляль) А. – 139, 140,
147, 442, 577
Саляме А.Х. – 577
Самотейкин Е.М. – 193, 350, 577
Сарадж А.Х. – 81, 83, 577
Саркис И. – 258–261, 265–267,
577
Саркози Н. – 284, 499, 578
Сауд – 136, 143, 578
Сафари М. – 470, 578
Семенов В.С. – 160, 578

Сидки А.М. – 152, 190, 578
Сирри Амер Х. – 38, 578
Сиско Д. – 172, 282, 578
Систани (аль-Систани) А. – 440,
578
Скоукрофт Б. – 197, 198, 463,
578
Скуби М. – 490, 578
Смайли Д. – 144, 578
Солдатов А.А. – 257, 578
Сондерс Г. – 180, 181, 228, 238,
320, 579
Стегний П.В. – 579
Сулейман О. – 490, 579
Сульцбергер А.О. – 57, 579
Суслов М.А. – 120, 370, 371, 579

Т

Талабани Д.Х. – 449, 457–459,
579
Тарасенко С. – 37, 579
Тикрити (ат-Тикрити) Х.А. –
409, 579
Тимошкин А. – 144, 579
Траутбек Д. – 23, 579
Тураби (ат-Тураби) Х.А. – 123,
124, 580
Тухами Х. – 231–233, 236, 580
Тэлбот С. – 542, 580

У

У Тан – 157, 158, 164, 580
Уайнбергер К. – 291–293, 414,
484, 485, 580
Ульяновский Р.А. – 98, 176, 177,
580

Ф

Фавзи М. – 156, 580
Фаик М. – 153, 580
Фараон Р. – 144, 580
Фарук I – 22, 23, 25, 26, 29, 39,
46, 48, 70, 79, 102, 103, 306,
491, 578, 580, 582

Фахд ибн Абдул-Азиз – 90, 233, 412, 417, 580
 Фахум (аль-Фахум) Х. – 315, 581
 Федоров В.Н. – 356, 581
 Федотов Ф.Н. – 400, 402, 450, 581
 Фейсал I – 581, 584
 Фейсал II бен Гази – 22, 23, 63, 581
 Фейсал ибн Абдул-Азиз – 142, 143, 147, 185, 244, 301, 312, 313, 581
 Форд Д. – 197, 213, 377, 581
 Фортиер Д. – 483, 581
 Франжье С.К. – 245, 250, 254, 256, 259, 263–266, 581
 Франжье Т. – 259, 262–264, 581
 Фрейер Ш. – 356, 357, 364, 370, 371, 581
 Фуад Ахмед II – 48, 582
 Фуад Сираг эд-Дин М. – 25, 582

Х

Хабаш Ж. – 43, 304, 309, 313, 316, 531, 582
 Хаватме (Хаватма) Н. – 249, 250, 257, 315, 532, 582
 Хаддад С. – 263, 265, 266, 531, 582
 Хаддам А.Х. – 88, 94, 95, 263, 325, 328, 582
 Хадж (аль-Хадж) А. – 403, 582
 Халиль Х. – 320, 427, 582
 Хаменеи С.А.Х. – 470, 488, 582
 Хамруш А. – 120, 583
 Харири Р. – 247, 275–277, 583
 Хашими (аль-Хашими) Али ибн Хусейн – 527, 583
 Хашими (аль-Хашими) Хусейн ибн Али – 583
 Хейг А. – 231, 270, 271, 583
 Хейкал М.Х. – 49, 100, 108, 160, 161, 193, 197, 583

Хелмс Р.М. – 134, 159, 477, 583
 Хинауи С. – 81, 583
 Хиршман И. – 56, 583
 Холи (аль-Холи) Л. – 202, 583
 Хрущев Н.С. – 73, 83, 84, 104, 107, 111, 112, 216, 343, 539, 583
 Хусейн А. – 190
 Хусейн ибн Али аль-Хашими – 244, 584
 Хусейн ибн Талал – 61, 74, 75, 88, 89, 136, 205, 206, 230, 231, 236, 249, 269, 289, 306, 308, 312–315, 317, 322, 328, 330, 382, 384, 516, 538, 584
 Хусейн С. – 79, 87, 93, 94, 110, 295, 306, 309, 333, 334, 399, 401–404, 406–417, 419–427, 429, 433, 435, 436, 440, 450, 451, 453, 454, 458, 460, 463, 552, 575, 584

Ц

Цанава Л.Ф. – 346, 584

Ч

Чейни Р. – 292, 584
 Черненко К.У. – 281, 352, 370, 584
 Чувахин Д.С. – 162, 163, 584

Ш

Шааб (аш-Шааби), К.М. – 125–128, 584
 Шаат Н. – 299, 319, 584
 Шавваф А.В. – 108, 584
 Шазли (аль-Шазли) С. – 207, 585
 Шамир И. – 40, 293–295, 515, 530, 585
 Шамун Д. – 262, 263, 266, 321, 585
 Шамун К.Н. – 136, 246, 258, 260–262, 321, 544, 585

Шараа Ф. – 585
Шарет М. – 54–57, 60, 531, 585
Шаретт Э. де – 585
Шарон А. – 42, 53, 203, 236,
270, 271, 289, 295, 336, 397,
534, 543, 585
Шафеи (аль-Шафеи) Х.М. – 192,
585
Шелепин А.Н. – 216, 217, 352,
354, 585
Шепилов Д.Т. – 67, 69, 73, 103–
106, 539, 586
Шериф А. – 451, 452, 586
Шехаб Ф. – 82, 586
Шиманский Д. – 20, 586
Шиманский Д.В. – 20
Шишакли (Шишекли) А. – 63,
81, 586
Шукейри А. – 60, 303–305, 586
Шульман М. – 200, 586
Шульц Д.П. – 273, 291, 484, 586

Э

Эбан А. – 162, 211, 312, 357, 358,
363, 375–377, 586
Эйзенхауэр Д.Д. – 67, 68, 71, 73,
77, 133–136, 148, 536, 540, 541,
553, 586
Элессар Б. – 586
Эль-Баз У. – 587
Энглтон Д.Х. – 475, 587
Этингер Я.Г. – 344, 587
Этингер Я.Я. – 587
Эшколь Л. – 587

Ю

Юхин В.И. – 324–326, 587

Я

Язов Д.Т. – 294, 587
Ясин А.И. – 41, 297, 516, 517,
532, 587

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абу-Даби – 418, 537
Абуриш С.К. – 90
Австралия – 353, 522, 531, 533
Аден – 126, 129, 135, 141, 142,
148, 149, 541, 551
Аджман – 537
Азербайджан – 443
Акаба, залив – 55, 60, 67, 158
Александрия – 37, 58, 70, 102,
530
Алжир – 18, 22, 28, 31, 32, 65,
88, 167, 169, 183, 316, 327, 331,
404, 502, 527, 528, 557
Аль-Аудж – 72
Амман – 308–310, 314, 315, 334,
516
Анкара – 460
Аннаполис – 509–513
Аравийский полуостров – 88,
142, 223, 541
Аризона – 568
Асуан – 536
Афганистан – 45, 95, 136, 137,
140, 246, 430, 431, 481, 499,
574
Ахмед (Ахмад) бен Яхья Хами-
даддин – 139–142, 554
Ашрафия – 252, 262

Б

Багдад – 23, 24, 83, 84, 86, 87,
93, 108, 110, 114, 297, 333, 334,

364, 399, 400, 402–404, 409–
416, 418, 419, 424–426, 430,
435, 437, 439, 440, 442, 444,
445, 447–459, 463, 527, 533,
555, 572, 574
Бадаун – 265
Балатон, озеро – 356
Бандунг – 66, 535
Басра – 419
Бахрейн – 18, 487, 489, 493, 527
Бейрут – 43, 111, 114, 190, 191,
193, 244, 246, 250, 252, 262,
263, 267, 271–274, 276, 279,
287, 297, 314–316, 319, 320,
322, 323, 328, 519, 537, 545
Бекаа, долина – 260, 271, 276,
323, 326
Белоруссия – 341
Бенгази – 283, 496, 497, 502
Бен-Гурион Д. – 556
Бен-Элиссар Э. – 556
Берлин – 251
Бкаа Сафрин – 263, 264
Ближний Восток – 15–20, 38,
44, 47, 49, 51, 57, 62, 69, 71, 73,
86, 89, 93, 99, 101, 109, 117,
132, 133, 135, 138, 168, 178–
184, 189, 195, 201, 205, 212,
213, 215, 217–219, 222–226,
228, 237, 238, 242, 245, 248,
269, 281, 282, 289–291, 296,
307, 313, 323, 324, 333, 337,
340, 347, 348, 350–356, 363,

374, 379, 381, 390, 392, 394,
397, 399, 410, 414, 431, 438,
456, 463, 472, 473, 475, 479,
483, 487, 490, 491, 493, 495,
507–509, 518, 521, 533, 547,
564, 566, 568, 574, 576, 578,
579, 584

Болгария – 107, 406, 548

Боливия – 316

Брест-Литовск – 388

Брюссель – 231, 232

Будапешт – 495

Бурайми – 64

Бушер – 465, 468

В

Вашингтон – 55, 58, 62–66, 68,
70, 76, 82, 92, 107, 108, 110,
133, 134, 142, 165, 166, 171, 178,
183, 187, 191, 194, 196, 211, 214,
215, 217, 224, 227, 236, 240,
249, 268, 269, 271, 273, 282,
284, 287, 291, 293, 294, 332,
349, 350, 352, 359, 379, 380,
389, 413, 416, 417, 423, 457,
458, 466, 478, 481, 485, 489–
493, 495, 498, 508, 509, 513,
516, 542, 555, 580

Великобритания, Англия – 24,
25, 40, 46–49, 51, 58, 62–65,
68–73, 75, 76, 79, 83, 107, 110,
133, 141, 142, 144, 148, 152, 163,
205, 255, 283, 284, 301, 340,
346, 388, 423, 428, 473, 474,
497, 528, 530, 531, 533, 534,
536, 539, 557, 558, 563, 565,
568, 569, 571, 579

Вена – 365, 366, 368–371, 374,
386, 387

Венгрия – 356, 406, 548, 564

Восточная Европа – 130

Вьетнам – 138, 168, 183, 231,
310, 334

Г

Гавана – 88

Газа, сектор Газа – 60, 61, 150,
158, 229, 235, 237–239, 270,
288–290, 293, 294, 297–300,
311, 313, 315, 320, 329, 330,
332, 333, 335, 368, 381, 394,
492, 512, 514, 515, 517, 518, 528,
532, 534, 587

Гали Али Бек, ущелье – 446

Германия – 23, 144, 388, 435,
476, 578

Германская Демократическая
Республика, ГДР – 122, 144,
406

Гиди – 222

Гласборо – 168

Голанские высоты – 208, 209,
239, 314, 347, 353, 360, 362,
364, 377, 395, 396, 511, 528

Д

Дамаск – 81, 84, 87, 88, 94, 112–
115, 161, 166, 201, 202, 208,
239, 244, 246–249, 254–260,
263, 264, 272–278, 297, 301,
302, 309, 310, 313, 315, 322,
324–329, 334, 364, 394–396,
402, 493, 512, 513, 535, 555, 581

Дейр-Ясин – 41

Дели – 230

Диана – 446

Димона – 475, 476

Доминиканская Республика –
138

Дубай – 537

Е

Европа – 16, 26, 44, 88, 219, 233,
341, 374, 396, 522

Египет – 18, 21–32, 35–37, 39–
42, 46–50, 52, 54–59, 61–76,
78, 80–82, 84, 91, 92, 97, 98,

100–106, 108–111, 114, 115, 126, 132–135, 138–140, 143, 148, 150, 152–161, 163, 165, 167, 172, 173, 175, 177–179, 183–185, 187, 189–191, 193–196, 199–202, 204, 206, 207, 210–216, 222, 229–231, 233–239, 244, 250, 257–259, 272, 294, 298–303, 305, 306, 311, 313, 314, 323, 324, 347–350, 361–363, 367, 368, 370–372, 377, 388, 390, 394, 404, 405, 408, 474, 487–493, 495, 496, 498, 502–506, 512, 517, 521, 522, 527–531, 533–539, 541, 542, 547, 550, 552–564, 568, 570, 571, 573, 575–578, 580, 582, 583, 585, 587

Ж

Женева – 138, 222, 330, 353, 423

З

Закавказье – 216

Западная Европа – 180, 435, 476

Западная Сахара – 527

Западный берег реки Иордан – 61, 136, 150, 225, 229, 230, 232, 236–239, 252, 263, 270, 272, 274, 288–290, 293, 294, 306, 309, 311, 313, 315, 317, 320, 328–330, 333, 335, 353, 359, 364, 377, 381–384, 510, 513, 514, 517, 528, 532, 533, 541, 545

Згарта – 263, 264, 581

Зде-Бокер – 57

И

Иерихон – 297, 332

Иерусалим – 41, 52, 55, 150, 162, 220, 233–235, 259, 261, 288, 293, 298, 303, 335, 354, 359,

362, 371, 378, 388, 389, 394, 513, 528, 533, 534

Израиль – 15, 18–21, 40–42, 51–61, 63–65, 67, 69, 72, 73, 75, 79, 89–91, 96, 134–136, 143, 150, 151, 155–166, 168–172, 178–180, 183, 185, 187, 195, 196, 198, 199, 201, 206, 208–218, 220–224, 226–238, 240, 243, 244, 248, 250, 258–267, 269–276, 278–280, 287–296, 298, 299, 301–313, 315, 317–324, 330–333, 335–343, 347–357, 359–373, 375–398, 414, 429, 455, 464, 466, 472–479, 481–486, 488, 492, 493, 507, 508, 510–513, 515, 516, 518–521, 528–536, 542, 543, 545–547, 555, 556, 558, 559, 561, 562, 564, 565, 567, 569, 571–574, 579, 580, 582, 584–587

Индия – 56, 230, 422, 571–573

Иордан – 289, 299, 303, 305, 306, 311, 328, 353, 354, 383, 514, 528, 532, 547

Иордания – 43, 52, 53, 74–76, 87, 91, 107, 135, 136, 138, 150, 178, 205, 229, 231, 232, 235, 236, 239, 240, 242, 269, 270, 288, 289, 302, 305, 306, 308–311, 314–317, 320, 322, 349, 363, 372, 382, 384, 429, 480, 493, 516, 517, 527, 528, 534, 538, 546, 547, 560, 561, 568, 570, 575, 584

Ирак – 18, 22–24, 26, 27, 32, 35, 45, 47, 63, 64, 69, 75–77, 79, 80, 83–88, 91–95, 97, 98, 100, 106–111, 132, 136, 169, 184, 218, 219, 244, 250, 256, 257, 268, 294, 312, 323, 327, 334, 383, 399–415, 417–425, 427–431, 433–442, 444, 445, 448–450, 452, 453, 455–463, 465, 479–

481, 499, 500, 508, 513, 527,
528, 533, 535–538, 542, 548,
549, 552, 554, 555, 559, 560,
564, 572, 574–579, 581, 582,
584, 586
Иран – 15, 30, 63, 76, 77, 91, 107,
218, 236, 278, 281, 282, 287,
301, 319, 404, 406, 407, 409–
413, 415–420, 427, 434, 438,
440, 443–445, 447, 453, 455,
457, 463–470, 473, 481–486,
488, 493, 494, 500, 513, 517,
520, 533, 542, 554, 558, 566,
569, 572, 573, 575, 576, 578,
583
Исмаилия – 528
Италия – 22, 23, 39, 69, 273,
284, 406, 556, 580, 582

Й

Йемен – 18, 22, 35, 80, 97, 124,
126, 129, 130, 139–143, 146–
149, 161, 301, 487, 489, 494,
527, 539–541, 576, 577

К

Каир – 37, 46, 48–50, 52, 54, 56,
58, 60, 63–70, 81, 82, 84–86,
89, 100, 103–106, 108, 111, 112,
114, 115, 118, 120, 123, 125, 140,
143, 146, 147, 151, 152, 154–158,
160–164, 167, 169, 171, 174, 175,
185, 186, 188–191, 194–196,
201, 202, 206, 215, 228, 230,
235, 261, 297, 298, 300, 303,
306, 313, 314, 316, 322, 348,
354, 355, 365, 367, 394, 444,
490, 492, 518, 528, 530, 535,
537, 538, 545, 546, 572
Калахари, пустыня – 478
Канада – 69, 346, 522, 531, 533
Караме – 305, 306
Кафр-Касим – 41

Киев – 358
Кипр – 71, 310
Киренаика – 564
Киркук – 451–453, 456, 459, 460
Китай, КНР – 23, 50, 69, 130,
278, 291, 423, 465, 489, 501,
502, 506
Коми – 388, 390
Коннектикут – 197
Корея, Республика Корея – 572
Кувейт – 300–302, 327, 333,
334, 409, 411, 416–419, 425,
426, 431, 463, 527, 538, 560,
576, 579
Куйбышев (ныне – Самара) –
190
Курдистан – 403, 404, 407, 411,
442, 444–446, 449–451, 456–
462, 548, 549, 555
Кэмп-Дэвид – 237, 238, 270,
273, 553

Л

Латинская Америка – 88
Ливан – 42, 76, 82, 83, 91, 93,
107, 135, 136, 241–251, 253–
261, 263–280, 287, 291, 302,
313, 319, 321–323, 327, 329,
396, 463, 482, 485, 521, 527,
531, 534, 537, 542–545, 556,
561, 562, 564, 566, 567, 573,
577, 578, 581–583, 585, 586
Ливия – 18, 22, 32, 37, 44, 45,
80, 183, 184, 218, 219, 233,
282–286, 487, 489, 496–504,
506, 527, 534, 537, 545, 550,
564, 573
Литани, река – 258, 260, 267
Литва – 388
Лондон – 24, 25, 44, 48, 49, 51,
62, 63, 72, 76, 89, 107, 110, 118,
132, 142, 230, 312, 371, 484,
486
Ля-Сейн-Стор-Мер – 480

М

- Мавритания – 527
 Мальта – 56, 569
 Марокко – 231, 236, 390, 502, 527
 Маскат – 64, 535
 Мексика – 346, 572
 Мертвом море – 312
 Мехабад – 549
 Митла – 72, 222
 Москва – 23, 24, 27, 37, 67, 84, 92–96, 98, 99, 101, 104–109, 112, 115, 117, 129, 139, 153, 154, 156, 160–163, 165, 170, 172, 173, 177, 188, 190, 191, 193, 195, 201, 212–215, 217, 218, 220, 221, 224, 248, 249, 268, 297, 306, 312, 317, 318, 322, 323, 325, 342, 348, 349, 356, 359, 360, 365, 369, 374, 377, 379, 380, 386, 391, 392, 395, 400, 403–405, 407, 409, 410, 422, 442, 443, 449, 467, 501, 503, 509, 510, 512, 513, 548, 561
 Мосул – 108, 406, 456, 584

Н

- Нахал-Сорек – 475
 Негев, пустыня – 57, 60, 303, 475
 Нидерланды – 374, 531
 Нил – 172, 536
 Нью-Гэмпшир – 541
 Нью-Джерси – 168
 Нью-Йорк – 190, 199, 226, 232, 312, 330, 382, 397, 423, 460, 564, 565, 579

О

- Объединенная Арабская Республика, ОАР – 81–86, 108, 142, 156, 158, 161, 162, 167, 169, 174, 176, 190–193, 537, 553–555, 558, 576, 577

- Объединенные Арабские Эмираты, ОАЭ – 86, 165, 218, 319, 493, 537, 545, 548, 581
 Оксфорд – 370
 Оман – 527, 535, 574
 Осло – 302, 318, 332, 514, 546

П

- Пакистан – 50, 63, 76, 107, 301, 431, 513, 533, 567
 Палестина – 40, 42–44, 60, 90, 158, 235, 243, 298, 302–305, 307, 309, 310, 312, 314, 315, 317, 323, 330, 331, 334, 335, 340, 341, 358, 363, 376, 388, 389, 429, 513, 514, 517, 521, 528, 530–534, 541, 543, 545–547, 551, 553, 560, 570, 574, 582, 586
 Париж – 54, 62, 72, 231, 232, 480
 Персидский залив – 269, 294, 383, 417, 419, 420, 425, 456, 463, 467, 468, 538, 560, 575, 576
 Польша – 388, 406, 548, 564
 Порт-Саид – 73
 Порт-Фуад – 73
 Прага – 297
 Прибалтика – 197

Р

- Рабат – 232
 Равандуз – 446, 453
 Рамалла – 513
 Рас-эль-Хайма – 537
 Рим – 104, 242, 252, 353, 356, 357, 364, 480
 Российская Федерация, Россия, РФ – 16, 17, 19, 20, 43, 52, 73, 227, 278, 285, 333, 335, 350, 394–397, 421–423, 425, 456, 462, 465–471, 489, 495, 498, 500–504, 506, 508–510, 512,

- 513, 518, 520, 521, 528–531, 560, 562, 563, 565, 567, 573, 574, 576, 578, 579
- Румыния – 548
- С**
- Сабра – 545
- Садра – 184, 283, 440, 544
- Сайда – 315, 316
- Сана – 129, 139, 141, 143, 145, 147, 541
- Саудовская Аравия – 64, 75, 89–91, 126, 132, 135, 136, 138, 139, 142–148, 185, 218, 233, 236, 244, 250, 256–258, 266, 292, 294, 300–302, 312, 319, 411, 412, 414, 417, 418, 431, 480, 488, 493, 494, 499, 502, 519, 521, 522, 527, 529, 540, 545, 551, 576, 578, 580, 581
- Северная Африка – 18, 19, 26, 62, 64, 282, 487, 574
- Северная Галилея – 42, 243, 485
- Северная Каролина – 440
- Северная Корея, КНДР – 160, 468
- Северная Румейла – 406
- Северный Йемен – 135, 540, 541, 554, 577
- Сидон – 245
- Синайский полуостров, Синай – 72, 73, 155–158, 171, 185, 200, 203, 206, 208, 221, 222, 233, 236, 238, 271, 307, 363, 368, 372, 474, 492, 528, 542
- Сирия – 18, 22, 24, 26–28, 32, 45, 47, 61, 63, 74, 75, 79–82, 84, 85, 87, 88, 91–95, 97, 98, 100, 109–116, 135, 140, 150, 156, 158, 160, 161, 163, 167, 169, 178, 184, 199–201, 204, 208, 209, 221, 222, 241, 243–250, 254–260, 263, 266–269, 273–276, 278, 294, 301–303, 306, 308, 310, 313, 314, 316, 322–329, 347, 358, 362, 363, 394–396, 406, 415, 438, 445, 487, 489, 493, 494, 503–506, 509, 511–513, 517, 521, 527, 528, 531, 535, 537, 542, 543, 552, 554–557, 561–563, 566, 568–570, 574, 577, 581–583, 585–587
- Советский Союз, СССР – 19, 21, 23, 24, 35–37, 43, 44, 47, 50, 66–69, 72–75, 77, 81, 92, 93, 96–101, 103–113, 115, 116, 118–120, 122–125, 127, 130–134, 136, 137, 139, 140, 147, 153, 154, 156, 158, 160–162, 164–167, 170–173, 179–183, 185–190, 193, 194, 196, 200, 201, 203, 211–214, 216, 217, 219–227, 235, 239, 241, 244–250, 252, 255, 257, 262, 263, 267–269, 272, 281, 287, 299, 307, 313, 317, 322–326, 328, 329, 339–356, 359, 361–363, 365–372, 374, 375, 379–381, 383–385, 388, 390–393, 399, 400, 403–406, 408–410, 413, 415, 419, 442–444, 447, 451, 453, 456, 462, 501, 536, 538, 541, 542, 548, 551, 553, 555–560, 562–567, 569, 570, 573, 574, 576, 578, 581, 584–587
- Соединенные Штаты, США – 19, 21, 23, 45, 47–50, 54, 55, 57, 58, 62, 63, 66–72, 75–77, 79, 82, 83, 86, 92, 95, 96, 99, 103, 107–110, 124, 132–138, 142, 152, 155, 157, 159, 163–166, 168, 170–172, 178–188, 191, 194–196, 198–201, 209, 211–215, 217–230, 235–238, 244, 245, 247, 249, 253, 257, 259–262, 266, 268–274, 278, 281–295, 310, 312, 313, 315, 317, 319, 322,

- 324, 330, 333, 339, 340, 345–349, 351, 352, 354, 358–360, 367, 368, 372, 375, 377, 379–383, 388, 389, 393, 394, 397, 399, 413–419, 421–425, 427–431, 433–435, 437–441, 455, 457, 458, 462, 463, 465, 467–470, 472–486, 488–495, 497–501, 503, 508–511, 513, 515, 516, 518, 520–523, 531, 533, 536, 538, 540–542, 546–549, 553, 555, 556, 558–562, 564–569, 571–576, 578–581, 583, 584, 586, 587
- Средиземное море – 165, 320, 385, 406, 476, 479
- Средиземноморье – 75
- Средний Восток – 73, 179, 533
- Средняя Азия – 443
- Судан – 22, 48, 49, 84, 97, 117–124, 147, 527, 539, 545, 551, 552, 556, 568, 569, 571, 580–582
- Сулеймания – 456, 459
- Суэц – 70, 71, 73
- Суэцкий канал – 35, 46, 47, 49, 53, 55, 69, 71–73, 79, 102, 126, 135, 148, 173, 174, 185–187, 195, 196, 199, 200, 203, 204, 206, 207, 209, 212, 214, 215, 307, 314, 318, 349, 353, 360, 362, 367, 369, 370, 372, 375, 378, 379, 397, 405, 483, 486, 491, 505, 528, 530, 536, 542, 571
- Т**
- Таба – 336
- Таиз – 142
- Тегеран – 230, 233, 282, 319, 410, 412, 464, 469–471, 482–484, 486
- Тель-Авив – 56, 58, 60, 160–163, 196, 228, 271, 274, 342, 353, 356, 357, 364, 368, 378, 386–388, 394, 397, 455, 484, 513
- Техас – 298, 561
- Тианский пролив – 60
- Тиранский пролив – 157, 158, 164
- Трансиордания – 388, 389, 533, 534
- Триполи – 44, 244, 245, 265, 283, 285, 286, 297, 323, 327, 497, 499
- Триполитания – 496
- Тулон – 479
- Тунис – 18, 22, 31, 32, 320, 323, 335, 487–489, 491, 496, 498, 502–505, 527, 550, 565
- Турция – 50, 63, 69, 76, 77, 107, 301, 431, 457, 460, 461, 522, 533, 579
- У**
- Украина – 341
- Умм-эль-Кайвайн – 537
- Ф**
- Фелуджа – 52, 436
- Фес – 287, 289
- Финляндия – 352, 357, 364, 409, 564
- Франция – 49, 54, 62, 64, 65, 69, 71–73, 75, 76, 133, 163, 244, 251, 255, 256, 262, 272, 273, 284, 285, 341, 388, 406, 411, 423, 473–475, 497–499, 536, 556, 559, 585
- Фуджейра – 537
- Х**
- Хадж Умран – 446
- Хайфа – 280
- Халеб – 31
- Хама – 31, 242
- ХанOVER – 541

Харад – 143–145
 Хартум – 119, 120, 122, 146, 147,
 170, 174
 Хельсинки – 352
 Храмовая гора – 42, 336, 397

Ч

Чехословакия – 67, 69, 406, 548

Ш

Шарджа – 537
 Шарм аш-Шейх – 157, 361, 368
 Шатила – 545
 Шуна – 306

Э

Эд-Дирья – 540
 Эйлат – 60, 157, 485

Эрбиль – 456, 459–462
 Эр-Рияд – 142, 258, 261, 519
 Эфиопия – 392, 393, 569
 Эхден – 263, 264

Ю

Юго-Восточная Азия – 88
 Югославия – 341
 Южный Йемен – 32, 35, 124–
 126, 130, 148, 539, 540, 564,
 570, 576, 584
 Южный Ливан – 531, 545
 Южный Судан – 120
 Юрмала – 197

Я

Япония – 23, 219, 221, 533
 Яффа – 41

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВАКС – Авиационный комплекс радиообнаружения и на-
ведения
- АИНК – Англо-иранская нефтяная компания
- АМАН – израильская военная разведка
- АРАМКО – Арабско-американская нефтяная компания
- АРЕ – Арабская республика Египте
- АСС – Арабский социалистический союз
- АЭС – атомная электростанция
- АЮЛ – Армия Южного Ливана
- БРИКС – аббревиатура ассоциации пяти основных разви-
вающихся национальных экономик: Бразилии, России,
Индии, Китая и ЮАР
- Би-Би-Си – Британская вещательная корпорация, (англ.
British Broadcasting Corporation, сокр. BBC)
- ВВС – военно-воздушные силы
- ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональ-
ных союзов
- ГБ – государственная безопасность
- ГДР – Германская Демократическая Республика
- ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному по-
ложению
- Госдепартамент – Государственный департамент США
- ДАН – Движение арабских националистов
- ДПК – Демократическая Партия Курдистана
- ДФОП – Демократический фронт освобождения Палестины
- ЕКП – Коммунистическая партия Египта
- ИМЭМО – Института мировой экономики и международ-
ных отношений Академии наук СССР
- ИПК – Ирак петролеум компани

- ЙАР – Йеменская Арабская Республика
ЙСП – Йеменская социалистическая партия
КАЭ – Комиссия по атомной энергии США
КГБ – Комитет государственной безопасности СССР
КПИ – Коммунистическая партия Ирака
КПП – Коммунистическая партия Палестины
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КР – Курдистанский район Ирака
МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии
МБРР – Международный банк реконструкции и развития
МГБ – Министерство государственной безопасности СССР
МГИМО – Московский государственный институт между-
народных отношений
МГУ – Московский государственный университет
МИД – Министерство иностранных дел
МСС – Межарабские силы сдерживания
НАТО – Организация Североатлантического договора (англ.
North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НДРЙ – Народная Демократическая Республика Йемен
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопас-
ности СССР
НЛП – Национально-либеральная партия Ливана
НПС – блок Национально-патриотических сил Ливана
НПФ – Народный патриотический фронт Ирака
НФ – Национальный фронт Йемена
НФОП – Народный фронт освобождения Палестины
НЮП – Национально-юнионистская партия Судана
ОАР – Объединенная Арабская Республика
ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты
ООН – Организация Объединенных Наций
ООП – Организации освобождения Палестины
ОПЕК – Организация стран – экспортеров нефти (англ. The
Organization of the Petroleum Exporting Countries, ОПЕК)
ПАСВ – Партии арабского социалистического возрождения
ПГУ – Первое главное управление КГБ
ПДС – Палестинское движение сопротивления
ПНА – Палестинская национальная администрация

- ПНК – Партии Национальный конгресс
- САВАК – Министерство государственной безопасности Ирана времен правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви (1957–1979)
- СЕНТО – Организация центрального договора (англ. The Central Treaty Organization). Военно-политическая группировка на Ближнем и Среднем Востоке, существовавшая в 1955–1979 годах
- СКП – Суданская коммунистическая партия
- СНБ – Совет национальной безопасности США
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- США – Соединенные Штаты Америки
- СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
- ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
- ТНФИ – Туркменский народный фронт Ирака
- ТОУ – противотанковый ракетный комплекс TOW (англ. TOW, сокр. от англ. Tube-launched Optically-tracked Wire-guided)
- ФАТХ – Движение за национальное освобождение Палестины
- ХАДЕТУ – Движение за национальное освобождение
- ХАМАС – «усердие», аббревиатура для «Движения исламского сопротивления»
- ЦАХАЛ – Армии обороны Израиля
- ЦК – Центральный комитет
- ЦРУ – Центральное разведывательное управление США
- ЮАР – Южно-Африканская Республика
- ЮНМОВИК – Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (англ. United Nations Monitoring, Verification and Inspection Commission – UNMOVIC)
- ЮНСКОМ – Специальная комиссия ООН Специальная комиссия Совета Безопасности ООН по разоружению Ирака

**АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ
произведений,
вошедших в собрание
сочинений
Евгения Максимовича
ПРИМАКОВА**

Анатомия ближневосточного конфликта	Том 1
Биобиблиография Е.М. Примакова	Том 10
Война, которой могло не быть	Том 2
Восемь месяцев плюс...	Том 4
Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России	Том 8
Восток после краха колониальной системы	Том 1
Годы в большой политике	Том 3
Избранные доклады, статьи, интервью, эссе	Том 9
История одного сговора	Том 2
Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами	Том 5
Минное поле политики	Том 6
Мир без России?	Том 6
Мир после 11 сентября	Том 4
Мысли вслух	Том 7
Россия. Надежды и тревоги	Том 7

Научное издание

Евгений Максимович ПРИМАКОВ

Собрание сочинений.

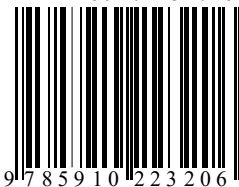
В 10-ти томах.

Том 5:

**Конфиденциально: Ближний Восток
на сцене и за кулисами
(вторая половина XX – начало XXI века)**

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 5 91 022 320 - 8

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 05.04.2016
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 38.0
Тираж 1000 экз. Зак.